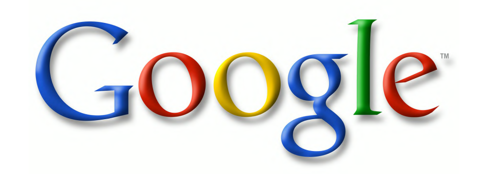

Google

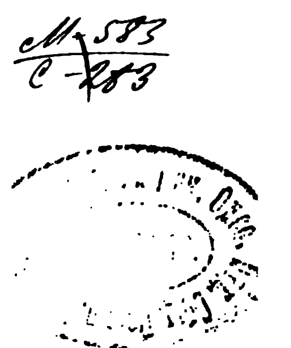
[redacted]

[redacted]

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРОПИЛЕИ

[redacted]

[redacted]

Д. Л. Мордовцевъ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

РБУРГЪ
іва, Невскій просп., 8

[redacted]

Оглавленіе II-го тома.

Послѣдній историческій „шпынь".

I.

Есть историческія личности, которыя всего менѣе могутъ подходить подъ широкое опредѣленіе «историческихъ дѣятелей», но которыя, выражая собою болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя стороны и стремленія данной эпохи, всею своею жизнью представляютъ живой примѣръ примиренія этихъ крайностей эпохи, такъ сказать нравственный балансъ историческаго актива и пассива своего времени. Характеры, по самой природѣ своей отрицательные, они являются живою сатирою своего вѣка въ извѣстной средѣ, но не тою жесткою и безпощадною сатирою, доходившею иногда до фанатизма и изувѣрства, рельефные примѣры которой представляютъ намъ юродивые въ нашей древней исторической жизни, и не тою, факторы которой впослѣдствіи являются намъ въ лицѣ сатириковъ-писателей, а сатирою самой жизни, сатирою, стирающею шероховатости извѣстныхъ историческихъ явленій и примиряющею насъ до нѣкоторой степени съ ихъ грубымъ реализмомъ.

Къ такимъ личностямъ въ русской исторіи XVIII-го вѣка принадлежитъ знаменитый оберъ-шталмейстеръ двора императрицы Екатерины II, Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

Около сорока-пяти лѣтъ онъ находился при этой государынѣ, находился буквально безотлучно. Екатерина II славилась умѣньемъ узнавать людей и давать имъ вѣрную, всегда практически-приложимую оцѣнку. Вся слава ея продолжительнаго царствованія отчасти покоится на плечахъ сотрудниковъ ея государственной дѣя-

тельности и ея поклонниковъ въ Россіи и внѣ Россіи, которыхъ она умѣла находить съ такою рѣдкою безошибочностью. И эта-то замѣчательная женщина, всю свою жизнь изучавшая людей во всѣхъ сферахъ ихъ разнообразной дѣятельности, понимавшая Вольтера и Дидро, отводившая соотвѣтственное мѣсто Бибикову и Суворову, Потемкину и Дашковой, уже на старости лѣтъ такъ характеризуетъ своего приближеннаго, своего неразлучнаго спутника, собесѣдника и товарища во всѣхъ ея путешествіяхъ, Льва Александровича Нарышкина, которому тогда тоже уже было за 50 лѣтъ. «Это былъ человѣкъ самый странный, какого когда-либо я знала»— говоритъ императрица, вспоминая молодость и всю жизнь Нарышкина. «Никто не заставлялъ меня такъ смѣяться, какъ онъ. Это былъ шутъ до мозга костей, и если бы онъ не родился богатымъ, то могъ бы жить и наживать деньги своимъ необыкновеннымъ комическимъ талантомъ. Онъ былъ вовсе не глупъ, многому наслышался,—но все слышанное чрезвычайно оригинально располагалось въ головѣ его. Онъ могъ распространяться въ разсужденіяхъ обо всякой наукѣ и обо всякомъ искусствѣ какъ ему вздумается, употреблялъ техническіе термины, говорилъ непрерывно четверть часа и болѣе, но ни онъ самъ, ни его слушатели не понимали ни слова изъ его рѣчи, хотя она текла какъ по маслу, и обыкновенно это оканчивалось тѣмъ, что все общество разражалось смѣхомъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ про исторію, что не любитъ исторіи, въ которой есть исторіи, и что для того, чтобы исторія была хороша, надо, чтобы въ ней не было исторій, но что впрочемъ исторія произошла изъ [illegible]. Онъ также бывалъ неподражаемъ, когда принимался говорить о политикѣ; самые серьезные люди не могли удержаться отъ смѣха. Онъ говорилъ еще, что хорошо написанная [illegible]».

Это говорилось послѣ 1785 года, когда способности Нарышкина, какъ шута, и наклонности, какъ человѣка, въ теченіе пятидесятилѣтней жизни [illegible] высказаться всесторонне. Слѣдовательно въ словахъ Екатерины читается полная характеристика человѣка, выдѣлявшагося въ многочисленной свитѣ Екатерининскихъ вельможъ, и соединявшаго въ себѣ [illegible] качества птицы иной породы.

Левъ Нарышкинъ принадлежалъ къ тому знатному русскому роду, который считался не только историческимъ, но и кровнымъ родствомъ съ царями и котораго члены всегда имѣли возможность проявить свои государственныя дарованія, идя рука-объ-руку съ властителями Русской земли. Родился онъ въ 1733 году, 26 февраля, когда Петровскія традиціи переживали ломку въ умахъ и рукахъ людей новой школы и когда руководящая нить государственной жизни, выскользнувшая изъ мертвыхъ, мозолистыхъ рукъ Петра, повидимому, перервалась. Отецъ Льва Нарышкина былъ Александръ Львовичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Придворная карьера молодого Льва Нарышкина начинается съ сентября 1751 года, когда онъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ къ Екатеринѣ, тогда еще великой княгинѣ. Нарышкину въ это время было всего только восемнадцать лѣтъ. Какъ мальчикъ, онъ такимъ и проявляется въ новой придворной обстановкѣ: это мальчикъ живой, остроумный и при томъ большой оригиналъ. Такимъ рисуетъ его и Екатерина въ первые дни знакомства съ нимъ, такимъ онъ дожилъ и до гробовой доски, по пословицѣ: «какой въ колыбелькѣ, такой въ могилкѣ». Самая прекрасная черта, замѣчаемая въ Нарышкинѣ, черта, которая является какимъ-то анахронизмомъ въ придворной атмосферѣ того вѣка, которая, если можно такъ выразиться, составляетъ отрадный диссонансъ въ общемъ гамѣ жизни—это отсутствіе въ немъ интриги. Онъ ни у кого не становится на дорогѣ, никому не копаетъ яму, ни у кого не вырываетъ изъ рукъ ни лакомаго куска, ни лакомой власти, хотя могъ бы захватить самый большой кусокъ, утопить многихъ, по головамъ другихъ взобраться очень высоко. Онъ доволенъ своей ролью и никому не завидуетъ—его шутка скользитъ надъ всѣми шероховатостями и никому не дѣлаетъ зла. Съ этой стороны Нарышкинъ является положительно симпатичною личностью среди повальнаго, до циничности доходящаго эгоизма.

Императрица сама является біографомъ молодой жизни Нарышкина; она же не забываетъ его и въ пожилыхъ лѣтахъ, и въ старости. Воспользуемся же указаніями такого компетентнаго біографа и такого опытнаго историка, какъ Екатерина, для опредѣленія нравственной и общественной физіономіи Нарышкина. Мѣтко очер-

тивъ своего юнаго камеръ-юнкера тѣми немногими штрихами, которые мы привели выше. Екатерина въ другомъ мѣстѣ объясняетъ то положеніе, которое занималъ молоденькій Нарышкинъ у нея при дворѣ и какъ онъ держалъ себя въ придворной обстановкѣ. Описывая жизнь такъ-называемаго «малаго двора» и знакомя съ личностями, составлявшими этотъ «малый дворъ», Екатерина особенно часто останавливается на Чоглоковыхъ, состоявшихъ въ качествѣ попечителей и регуляторовъ жизни «малаго двора», на камергерѣ Сергѣѣ Салтыковѣ и на другѣ его, молодомъ Нарышкинѣ. «Салтыкова—говоритъ Екатерина—всегда можно было встрѣтить съ Львомъ Нарышкинымъ, всѣхъ забавлявшимъ своими странностями, о которыхъ я выше говорила подробно»... Нарышкинъ слылъ просто чудакомъ и ему не придавали никакого значенія. Такъ-какъ жизнь «малаго двора» отличалась однообразіемъ, то придворная молодежь, въ родѣ Салтыкова и Нарышкина, изыскивала всѣ средства, чтобы повеселиться, и, не смотря на бдительность Чоглокова, успѣшно, разными хитростями, достигала своихъ невинныхъ цѣлей. Салтыковъ и Нарышкинъ умѣли усыпить бдительность суроваго аргуса слѣдующимъ образомъ: чтобы отвлечь Чоглокова, Салтыковъ успѣлъ возбудить въ немъ страсть къ стихотворству, и хотя стихи его, по свидѣтельству самой императрицы, «лишены были всякаго человѣческаго смысла», однако молодежь показывала видъ, что восхищается ими, а Нарышкинъ клалъ эту поэзію на музыку и распѣвалъ созидаемыя Чоглоковымъ пѣсни вмѣстѣ съ самимъ ихъ авторомъ. Молодежи такимъ образомъ было весело, и каждый занимался тѣмъ что̀ ему нравилось. Конечно, повѣсамъ иногда доставалось за это отъ кого слѣдуетъ, но молодость брала свое—и шалости повторялись. Такъ однажды отъ «большого двора» былъ сдѣланъ небольшой выговоръ, въ лицѣ г-жи Чоглоковой, отнесенный къ «малому двору», за то, что молодежь ведетъ себя не совсѣмъ прилично; при этомъ самъ Чоглоковъ названъ былъ «ночнымъ колпакомъ», который позволяетъ собою распоряжаться «сопляками»—этотъ нелестный эпитетъ относился главнымъ образомъ къ Нарышкину и къ Салтыкову. «Не прошло сутокъ (замѣчаетъ по этому случаю Екатерина), какъ все это было пересказано довѣреннымъ лицамъ; по поводу выраженія «сопляки», сопляки утерлись и дер-

жали между собою тайный совѣтъ, на которомъ было положено, чтобы точнѣйшимъ образомъ была исполнена воля ея величества (императрицы Елизаветы Петровны), чтобы Сергѣй Салтыковъ и Левъ Нарышкинъ притворились, будто получили строгій нагоняй отъ Чоглокова (тотъ, по всему вѣроятію, добавляетъ Екатерина— даже и не зналъ объ этомъ), и чтобы они оба, для прекращенія ходившихъ слуховъ, недѣли на три или на мѣсяцъ удалились къ своимъ родственникамъ, съ цѣлью будто бы навѣстить ихъ во время болѣзни. Такъ и было сдѣлано; и на другой день Салтыковъ съ Нарышкинымъ отправились въ изгнаніе къ своимъ семьямъ на цѣлый мѣсяцъ».

Слѣдя за замѣтками Екатерины относительно Льва Нарышкина, мы еще болѣе убѣждаемся, что нарисованная ею характеристика этого человѣка чрезвычайно мѣтка. Шутка, шалость, легкая иронія, дурачество—вотъ та сфера, которою окружена была вся жизнь Нарышкина, особенно въ молодости. Нерѣдко ему доставалось за эти дурачества, но онъ снова возвращался къ нимъ, мѣняя только ихъ форму. Екатерина разсказываетъ, какъ она однажды собственноручно наказала за шалость своего молодого камеръ-юнкера. «Однажды—говоритъ она—я застала его въ своемъ кабинетѣ: онъ разлегся на диванѣ и распѣвалъ какую-то пѣсню, въ которой не было человѣческаго смысла; видя такую невѣжливость, я тотчасъ вышла изъ кабинета, заперла за собою дверь и отправилась къ его невѣсткѣ (Аннѣ Никитишнѣ, урожд. Румянцевой, надо полагать), которой сказала, что непремѣнно слѣдуетъ достать порядочный пучокъ крапивы, высѣчь этого человѣка за его сумасбродное поведеніе и выучить его уважать насъ. Нарышкина охотно согласилась; мы велѣли принести розогъ, обвязанныхъ крапивою, взяли съ собою одну изъ моихъ женщинъ, вдову Татьяну Юрьевну и всѣ три пошли въ мой кабинетъ. Нарышкинъ лежалъ на прежнемъ мѣстѣ и во все горло распѣвалъ свою пѣсню. Увидѣвъ насъ, онъ хотѣлъ убѣжать, но мы успѣли настрекать ему руки и лицо, такъ что онъ дня два или три долженъ былъ оставаться въ своей комнатѣ, не смѣя даже никому сказывать что̀ съ нимъ случилось, потому что мы его увѣрили, что при малѣйшей его невѣжливости, при малѣйшей непріятности, которую онъ намъ сдѣлаетъ, мы

возобновимъ наше наказаніе, такъ какъ иначе съ нимъ не было никакихъ средствъ. Мы все это дѣлали какъ будто шутя и вовсе безъ злобы; но тѣмъ не менѣе проучили Нарышкина. по крайней мѣрѣ онъ сдѣлался тише прежняго».

Едва ли, впрочемъ, подобные уроки могли быть внушительны для такой личности, какъ Нарышкинъ. Это значило бы перевоспитывать человѣка въ основныхъ чертахъ его характера, а подобное перевоспитаніе менѣе чѣмъ полудостижимо: Нарышкина не могли перевоспитывать никакія обстоятельства; въ продолженіе трехъ царствованій, въ трехъ разныхъ придворныхъ сферахъ, онъ оставался все тѣмъ же, какимъ первый разъ попалъ ко двору. Это былъ своего рода цѣльный характеръ, и надѣемся. что весь послѣдующій очеркъ его жизни подтвердитъ это положеніе, а равно заключеніе самой Екатерины относительно характера этой личности. Упоминая о немъ по поводу концертовъ, бывавшихъ при дворѣ великаго князя Петра Ѳедоровича, и о лицахъ, постоянно присутствовавшихъ на этихъ концертахъ, Екатерина замѣчаетъ: «Левъ Нарышкинъ съ каждымъ днемъ больше дурачился. Всѣ считали его пустымъ человѣкомъ, чѣмъ онъ и дѣйствительно былъ». По обыкновенію онъ безпрестанно перебѣгалъ изъ комнатъ великаго князя на половину его супруги, и нигдѣ не оставался подолгу. Но и тутъ онъ прибѣгалъ къ разнымъ выходкамъ. Подходя къ дверямъ кабинета великой княгини, онъ обыкновенно начиналъ мяукать покошачьи, и если ему отвѣчали, то это значило, что онъ могъ входить въ кабинетъ. Но эти дурачества не всегда были безцѣльны. Съ помощью ихъ онъ иногда оказывалъ услуги тамъ, гдѣ въ этихъ услугахъ нуждались, и эти услуги не всегда были шаловливаго свойства, а доказывали его тактъ и искреннюю преданность своей будущей императрицѣ. Такъ, Екатерина разсказываетъ, что въ концѣ 1755 года Нарышкинъ помогъ ей составить интимный кружокъ изъ близкихъ ей лицъ и въ этомъ кружкѣ время проводилось очень весело и назидательно. Вечеромъ 17 декабря, разсказываетъ Екатерина, она услыхала у своихъ дверей мяуканье и, догадавшись, что это Нарышкинъ, впустила его къ себѣ. Оказалось, что онъ пришелъ съ поклономъ отъ своей невѣстки Анны Никитишны, которая была не совсѣмъ здорова.

— Но вамъ слѣдуетъ провѣдать ее, сказалъ онъ великой княгинѣ.

— Мнѣ самой хотѣлось бы этого, отвѣчала Екатерина,— но вы знаете, что я не могу выйдти изъ дому безъ позволенія, и мнѣ ни за что не позволятъ навѣстить ее.

— Я васъ проведу,— сказалъ Нарышкинъ.

— Съ ума вы сошли! возразила Екатерина.— Какъ мнѣ идти съ вами! Васъ посадятъ за это въ крѣпость, а мнѣ будутъ Богъ знаетъ какія непріятности.

Но Нарышкинъ настаивалъ на своемъ.

— И! сказалъ онъ:—никто не узнаетъ.

— Какъ такъ? спросила великая княжна.

— Я приду за вами черезъ часъ или черезъ два; великій князь пойдетъ ужинать и просидитъ за столомъ до полуночи, а потомъ уйдетъ спать. Для большей предосторожности одѣньтесь по-мужски, и мы пойдемъ вмѣстѣ къ Аннѣ Никитишнѣ.

«Его предложеніе начало соблазнять меня (говоритъ по этому случаю Екатерина).— Я цѣлые дни просиживала у себя въ комнатѣ за книгами, безъ всякаго общества. Наконецъ чѣмъ дальше спорила я съ нимъ объ этомъ похожденіи, въ сущности нелѣпомъ, и на которое сначала я не хотѣла согласиться, тѣмъ болѣе оно казалось мнѣ возможнымъ. Отчего, рѣшила я, не доставить себѣ нѣсколько часовъ развлеченія и удовольствія. Нарышкинъ ушелъ. Я кликнула моего калмыка-парикмахера и приказала принести мужское платье и все, что нужно для мужского наряда, сказавши, что кому-то хочу подарить его. Калмыкъ этотъ не отличался разговорчивостью; съ нимъ гораздо труднѣе было завести рѣчь, чѣмъ другихъ заставить молчать. Онъ въ ту же минуту исполнилъ мое приказаніе и принесъ все, что было мнѣ нужно. Я притворилась, что у меня болитъ голова, и сказала, что поэтому раньше лягу спать; только что Владиславова уложила меня и ушла, какъ я встала, одѣлась съ ногъ до головы по-мужски и подобрала какъ можно лучше волосы (къ чему мнѣ было не привыкать, и что я ловко умѣла дѣлать). Въ назначенный часъ Левъ Нарышкинъ прошелъ комнатами великаго князя къ дверямъ моимъ и замяукалъ. Я отворила ему; мы прошли черезъ небольшую прихожую комнату

въ сѣни и сѣли въ его карету никѣмъ не замѣченные и помирая со смѣху. Левъ Нарышкинъ жилъ въ одномъ домѣ съ женатымъ братомъ своимъ. Мы застали дома Анну Никитишну, которая никакъ не ожидала насъ. Тамъ же былъ и графъ Понятовскій. Левъ Нарышкинъ рекомендовалъ его, какъ одного изъ друзей своихъ, просилъ принять въ расположеніе, и мы провели полтора часа самымъ веселымъ и забавнымъ образомъ. Я преблагополучно возвратилась домой, попрежнему никѣмъ незамѣченная. На другой день было императрицыно рожденіе; по утру при дворѣ и вечеромъ на балу мы, участвовавшіе въ секретѣ, не могли смотрѣть другъ на друга, чтобы не разразиться смѣхомъ при воспоминаніи о вчерашнемъ похожденіи. Черезъ нѣсколько дней Левъ Нарышкинъ предложилъ отдачу визита, т. е. чтобы гости собрались ко мнѣ; онъ точно также привелъ ихъ въ мою комнату и потомъ благополучно вывелъ. Такъ начался 1756 годъ. Намъ чрезвычайно полюбились эти секретныя свиданія: мы стали еженедѣльно собираться по одному, по два и даже по три раза то у того, то у другого; если же кто изъ нашего общества занемогалъ,—то непремѣнно у больного. Случалось, что, сидя въ комедіи по разнымъ ложамъ, и иные въ партерѣ, мы, не говоря ни слова, подавали другъ другу извѣстные условные знаки, куда собираться, и никогда не путались. Два раза только мнѣ пришлось возвращаться домой пѣшкомъ; но это было вмѣсто прогулки».

Вообще Нарышкинъ входилъ повидимому оживляющимъ началомъ въ общество «малаго двора», и потому занимаетъ не послѣднее мѣсто въ молодыхъ воспоминаніяхъ будущей «Фелицы». Эта «богоподобная Фелица» не забыла бывшаго юнаго шалуна и тогда, какъ находилась уже на верху земного величія. Но объ этомъ—въ свое время. Нарышкинъ дѣйствительно былъ на своемъ мѣстѣ. Его любили всѣ, составлявшіе замкнутый кружокъ будущей императрицы. Онъ вносилъ въ этотъ кружокъ веселость, въ которой всѣ нуждались, до нѣкоторой степени стѣсняемые приличіями придворнаго этикета, и если веселость эта вносилась туда въ видѣ дурачествъ, то это обусловливалось общими основаніями жизни: эта форма веселости, какъ намъ извѣстно, сложилась историческимъ путемъ, переходя отъ юродивыхъ Грознаго къ шутамъ, ду-

ракамъ и «дуркамъ» Петра и его преемниковъ и изъ Нарышкиныхъ перерождаясь въ Третьяковскихъ, Кантемировъ, а потомъ кристаллизуясь въ болѣе опредѣленной формѣ—въ формѣ Фонвизина.

Въ 1758 году въ жизни молодого придворнаго совершилась важная перемѣна: Нарышкинъ женился. Екатерина подробно и обстоятельно излагаетъ ходъ самаго сватовства, въ которомъ она сама принимала косвенное участіе и которое повело къ довольно важнымъ послѣдствіямъ.

На исходѣ масляницы этого года при дворѣ великаго князя былъ балъ. Въ числѣ танцующихъ былъ конечно и Левъ Нарышкинъ. Великая княгиня находилась съ гостями, въ кругу придворныхъ дамъ, и сидѣла между невѣсткой Льва Нарышкина, часто упоминаемою Анною Никитишною, и сестрою его, бывшею замужемъ за Сенявинымъ. Нарышкинъ танцовалъ минуетъ съ фрейлиною императрицы и племянницею графовъ Разумовскихъ—Мариною Осиповною Завревскою. Марина была «ловка и легка». Великая княгиня и придворныя дамы находили, что она «довольно мила и танцуетъ хорошо». При этомъ невѣстка и сестра Нарышкина сообщили Екатеринѣ, что старуха Нарышкина, мать Льва, собирается женить его на дѣвицѣ Хитровой, племянницѣ Шуваловыхъ, сестра которыхъ была за Хитровымъ. Такъ какъ Хитровъ часто бывалъ въ домѣ Нарышкиныхъ, то мать Льва и задумала женить его на Хитровой. Но ни Сенявина, ни невѣстка Льва не любили Шуваловыхъ, равно какъ не жаловала ихъ и великая княгиня, а потому эти три женщины и рѣшились помѣшать браку Льва Нарышкина на Хитровой, тѣмъ болѣе, что самъ женихъ и не подозрѣвалъ что̀ затѣваетъ его мать. Мало того, онъ былъ влюбленъ въ другую фрейлину императрицы, въ графиню Марью Романовну Воронцову. Узнавъ всѣ эти подробности, Екатерина тотчасъ же сказала Сенявиной и Нарышкиной, что надо во что бы то ни стало разстроить бракъ ихъ веселаго собесѣдника на Хитровой, тѣмъ болѣе, что, по отзыву Екатерины, Хитрову «никто терпѣть не могъ», потому что она была «интриганка и вздорная сплетница», что надо дѣйствовать въ этомъ случаѣ рѣшительно и дать веселому Льву такую жену, которая принадлежала бы къ партіи «малаго двора» (по

[redacted]

словамъ Екатерины—«была бы заодно съ нами»), и для этого непремѣнно женить его на хорошенькой племянницѣ Разумовскихъ, на Марьѣ Закревской, которую любили и Сенявина, и Нарышкина, и которая постоянно бывала у нихъ въ домѣ. И Сенявина, и Нарышкина конечно согласились съ великою княгинею. На другой день, во время придворнаго маскарада, великая княгиня подошла къ фельдмаршалу Разумовскому, въ то время малороссійскому гетману, и сказала ему напрямикъ, «какъ ему не стыдно не хлопотать для своей племянницы» о такой прекрасной партіи, какъ Левъ Нарышкинъ. Великая княгиня добавила, что мать хочетъ женить его на Хитровой, но что сестра его, невѣстка и сама она, великая княгиня, находятъ, что ему гораздо лучше жениться на Закревской, и что онъ, гетманъ, долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Разумовскій одобрилъ этотъ проектъ, сообщилъ его своему фактотуму Теплову, который тотчасъ же передалъ объ этомъ старшему графу Разумовскому и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ петербургскому архіепископу «купить за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ» (едва ли это разрѣшеніе нужно было «покупать», потому что брачущіеся не находились кажется въ родствѣ, а если и считались родственниками по Разумовскимъ, то родственниками очень отдаленными), и какъ скоро разрѣшеніе было получено, фельдмаршалъ съ женою явились къ старухѣ Нарышкиной, матери Льва, и такъ ловко умѣли взяться за дѣло, что старуха противъ воли согласилась. А не успѣй они уговорить ее въ этотъ день—дѣло было бы проиграно: въ этотъ день Нарышкина должна была дать слово отцу Хитровой. Послѣ матери Разумовскій, Сенявина и Анна Нарышкина принялись за сына—за веселаго повѣсу Льва, и убѣдили его жениться на дѣвушкѣ, «о которой онъ даже не помышлялъ». Волей-неволей, онъ далъ согласіе, хотя любилъ другую: объ немъ можно было буквально сказать, что онъ «прошутилъ» свою любовь. Впрочемъ, молодая графиня Воронцова, которую онъ любилъ, была уже почти сговорена за графа Бутурлина, и онъ все равно могъ ее потерять. О Хитровой же, конечно, онъ не жалѣлъ. Когда согласіе Льва было получено, хотя помимо его воли, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ племянницу, объявилъ ей о своемъ рѣшеніи, и дѣвушка нашла бракъ съ

Нарышкинымъ слишкомъ выгоднымъ, чтобъ отказаться отъ него. Затѣмъ на слѣдующій день оба Разумовскіе явились къ императрицѣ и исходатайствовали у нея соизволеніе на бракъ племянницы съ Нарышкинымъ. «Шуваловы (замѣчаетъ по этому случаю Екатерина) узнали обо всемъ этомъ, когда императрица уже дала соизволеніе, и не мало удивлялись, какъ мы провели ихъ и Хитровыхъ. Дѣло сдѣлано—назадъ идти было нельзя, и Левъ, который влюбленъ былъ въ одну дѣвушку, котораго мать прочила для другой, женился на третьей, о которой никто, ни онъ самъ, три дня тому назадъ, вовсе не думалъ. Этотъ бракъ Льва Нарышкина еще болѣе сдружилъ меня съ графами Разумовскими, которые очень привязались ко мнѣ за то, что я устроила для ихъ племянницы такую прекрасную и значительную партію, сверхъ того были довольны, одержавъ верхъ надъ Шуваловыми. Сіи послѣдніе даже не могли жаловаться и должны были скрывать свою досаду. Это я имъ еще разъ насолила».

Постоянныя дурачества и напускное шутовство не отнимали однако у Нарышкина такта, съ которымъ онъ умѣлъ относиться къ дѣламъ болѣе серьезнымъ. Смѣясь надъ другими и прежде всего надъ собой, онъ въ то же время входилъ въ разнообразное и разъединенное интригами общество примиряющимъ и объединяющимъ началомъ. Великій князь, тогдашній наслѣдникъ престола, какъ извѣстно, жилъ совершенно своеобразною жизнью и, не имѣя точекъ соприкосновенія ни съ однимъ изъ тогдашнихъ вліятельныхъ кружковъ, оставался какъ бы въ сторонѣ отъ общественной жизни. Нарышкинъ и здѣсь пустилъ въ ходъ свое искусство, чтобы вывести великаго князя изъ его заколдованнаго круга. Онъ убѣдилъ фельдмаршала графа Разумовскаго приглашать къ себѣ великаго князя на вечера, разъ или два раза въ недѣлю. Собранія эти дѣлались секретно и составляли почти замкнутый кружокъ, въ который входили только самъ фельдмаршалъ, великій князь, Марія Павловна Нарышкина, жена знаменитаго Теплова и неизмѣнный примиритель и объединитель Левъ Нарышкинъ. Собранія эти происходили великимъ постомъ 1758 года, и общество великой княгини при посредствѣ того же Нарышкина воспользовалось этимъ обстоятельствомъ, чтобы тамъ же, у Разумовскихъ, устроить и свои интимныя

собранія. Разумовскій, фельдмаршалъ, жилъ тогда въ деревянномъ домѣ; наверху, въ отдѣленіи фельдмаршальши собирались обыкновенно гости перваго кружка, и такъ какъ хозяинъ и хозяйка дома любили играть, то на этой половинѣ и происходила постоянная игра. Фельдмаршалъ приходилъ къ играющимъ и уходилъ; на его половинѣ, когда на вечерѣ не присутствовалъ великій князь, также собиралась своя бесѣда. Но тутъ устроилось и третье отдѣленіе бесѣды: графъ Разумовскій бывалъ иногда у великой княгини на интимныхъ вечеринкахъ, выдуманныхъ и устроенныхъ Львомъ Нарышкинымъ, слѣдовательно онъ какъ бы обязанъ былъ просить и великую княгиню въ свою очередь пріѣзжать къ нему на вечеринки. Этой третьей фракціи собраній графъ Разумовскій отвелъ двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ своего дома и называлъ это своимъ «эрмитажемъ». «Гости—замѣчаетъ по этому случаю Екатерина—должны были прятаться другъ отъ друга, потому что мы не смѣли выѣзжать безъ позволенія». Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же домѣ, сравнительно небольшомъ, занимаемомъ однимъ хозяиномъ, собиралось по три и по четыре разныхъ обществъ, и Разумовскій, какъ любезный хозяинъ, переходилъ изъ одного собранія въ другое. «Мы—поясняетъ Екатерина—все знали что̀ происходило въ домѣ (конечно благодаря Льву Нарышкину, который тоже, какъ Разумовскій, сновалъ изъ одного кружка въ другой), тогда какъ объ насъ никто не подозрѣвалъ».

Свадьба Нарышкина послѣдовала 22 февраля 1759 года. Наканунѣ свадьбы сама государыня была у невѣсты на дѣвичникѣ. Свадьба была веселая и торжественная. А между тѣмъ и въ день дѣвичника, и въ день вѣнчанья Нарышкина и Закревской по городу ходили зловѣщіе слухи, и не одно сердце у веселыхъ придворныхъ трепетало отъ ужаса: арестованъ былъ великій канцлеръ, знаменитый графъ Бестужевъ-Рюминъ. Какъ? за что? — никто не зналъ.

II.

Характеристика личности, которой посвященъ настоящій очеркъ, была бы не полна, если бы мы не обратили вниманія еще на одну черту въ характерѣ Нарышкина, которой доселѣ не касались.

Мы знаемъ уже ту оцѣнку, какую прилагала къ нему такая проницательная особа, какъ императрица Екатерина II. Она могла изучить Нарышкина до тонкостей, сначала какъ своего шаловливаго камеръ-юнкера, умѣвшаго выпутываться изъ самыхъ тонкихъ ловушекъ окружавшей его жизни, потомъ какъ веселаго оберъ-шталмейстера и неразлучнаго своего спутника. Но проницательная императрица не вполнѣ очертила своего камеръ-юнкера и оберъ-шталмейстера. Мы видѣли, что, будучи юнымъ шалуномъ, онъ былъ въ милости у великой княгини и повидимому всецѣло принадлежалъ къ ея маленькому интимному кружку, а не къ кружку великаго князя, который создалъ около себя совсѣмъ иную придворную атмосферу. Великій князь не долженъ бы былъ благоволить къ Нарышкину по многимъ причинамъ, тѣмъ болѣе что иногда онъ исполнялъ такія порученія великой княгини, которыя не могли быть пріятны великому князю. А между тѣмъ, когда нужно было, Нарышкинъ быстро съумѣлъ войдти въ милость къ великому князю, особенно когда онъ сдѣлался императоромъ. Такъ, посолъ римскаго императора и королевы венгерской и богемской, находившійся при русскомъ дворѣ, графъ Мерси-Аржанто, на пятый или на шестой день по восшествіи на престолъ императора Петра III, сообщая графу Кауницу о производствахъ, сдѣланныхъ русскимъ императоромъ въ первые дни своего царствованія, между прочимъ говоритъ: «Левъ Нарышкинъ, котораго нынѣшній русскій императоръ *особенно жаловалъ*, будучи великимъ княземъ, получилъ мѣсто шталмейстера» (Сборн. истор. общ., т. 18, стр. 18). Ясно, что веселый камеръ-юнкеръ, игравшій часто роль шута въ кружкѣ Екатерины и снискавшій ея милость какъ человѣкъ вѣрный и безобидный, умѣлъ снискать ту же милость и у стороны совершенно противной: это уже говоритъ въ пользу нравственной эластичности

и покладчивости молодого придворнаго. Мало того, онъ идетъ еще далѣе, если только можно вполнѣ довѣрить свидѣтельству графа Аржанто, а не довѣрять ему нельзя, потому что всѣ его депеши, нынѣ обнародованныя, обнаруживаютъ полную историческую достовѣрность. Всѣмъ извѣстна горячая привязанность Петра III къ прусскому королю Фридриху II, привязанность, доходившая до обожанія. Изъ депешъ графа Аржанто обнаруживается, что Левъ Нарышкинъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого только и знавшій что дурачиться да мяукать кошкой, теперь уже нечуждъ извѣстнаго рода политическихъ тенденцій и поддерживаетъ въ Петрѣ то восторженное удивленіе, которое онъ питалъ къ прусскому королю. «Я давно уже началъ замѣчать (сообщалъ графъ Мерси графу Кауницу отъ 14 апрѣля), что нѣкоторые приближенные императора, для того ли, чтобы польстить крайнему пристрастію государя къ королю прусскому и такимъ образомъ пріобрѣсть большую милость своего государя, или можетъ быть они подкуплены поименованнымъ королемъ, только я замѣтилъ, что они часто внушаютъ государю дѣлать дальнѣйшія, наиболѣе выгодныя для нашего врага уступки. Между прочимъ два наибольшихъ фаворита, а именно: гофъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и генералъ Мельгуновъ нѣсколько дней тому назадъ передъ ужиномъ имѣли съ его величествомъ особенно интимный разговоръ, и, казалось, настоятельно говорили въ пользу чего-то. То лицо, отъ котораго я узналъ все это, правда, не могло разслышать ихъ рѣчей, но слышало ясно отвѣтъ императора, который имѣетъ обыкновеніе всегда говорить громко, и при этомъ случаѣ высказался такъ: «Онъ сдѣлалъ уже очень много на пользу короля прусскаго; теперь ему, государю русскому, нужно подумать о себѣ и позаботиться о томъ, какъ ему подвинуть собственныя свои дѣла и намѣренія; теперь онъ не можетъ выпустить изъ рукъ королевства Пруссіи, развѣ только если король прусскій поможетъ ему деньгами». Изъ этого графъ Мерси дѣлаетъ такое заключеніе: «Это ясное заявленіе достаточно показало поименованному слушателю, что Нарышкинъ и Мельгуновъ говорили въ пользу короля прусскаго, и вопросъ вѣроятно касался ранней или поздней уступки королевства Пруссіи» (Тамъ же, стр. 267—268).

Всѣ эти обстоятельства достаточно кажется обнаруживаютъ, что въ веселомъ потѣшникѣ бывшаго «малаго двора» произошла крутая перемѣна, когда «малый дворъ» самъ превратился въ «большой дворъ». Однако перемѣна эта не могла значительно измѣнить мнѣнія объ немъ лицъ, знавшихъ его прежде. Такъ, въ первый мѣсяцъ правленія Петра III, когда только обозначались будущія роли придворныхъ новаго императора, графъ Аржанто между прочимъ замѣчаетъ, что кромѣ графа Романа Воронцова и генералъ-прокурора Глѣбова, къ которымъ новый государь особенно благоволитъ, «не мало царской милости падетъ вѣроятно генералу Мельгунову, большому интригану, и Льву Нарышкину... хотя (прибавляетъ онъ) эти оба лица вѣроятно будутъ больше заниматься придворными интригами, чѣмъ внѣшними великими вопросами» (29). Въ другомъ мѣстѣ графъ Аржанто прямо называетъ Нарышкина «любимцемъ» государя (75). А что касается того, какою неограниченною довѣренностью молодого императора сталъ пользоваться Нарышкинъ, то это видно изъ слѣдующаго факта, приводимаго австрійскимъ посломъ въ депешѣ отъ 14 апрѣля. Графъ Мерси сообщаетъ своему двору, что 1-го апрѣля императоръ въ сопровожденіи Нарышкина, Мельгунова, Волкова (секретаря личныхъ дѣлъ) и только двухъ придворныхъ служителей съ разсвѣтомъ уѣзжалъ куда-то изъ Петербурга и вернулся только около полуночи». «Чѣмъ неожиданнѣе (говорилъ австрійскій посолъ) было это секретное путешествіе и чѣмъ труднѣе было угадать, куда оно предпринималось, тѣмъ усерднѣе, хотя и безуспѣшно, старались, преимущественно иностранные министры, доискаться сущности дѣла. Мнѣ однако къ счастію удалось допытаться истины и узнать съ достовѣрностью, что императоръ предпринималъ сухимъ путемъ поѣздку въ Шлиссельбургъ, куда за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ перевезенъ принцъ Иванъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что государь передъ тѣмъ нѣсколько разъ говорилъ объ немъ и высказалъ, что имѣетъ намѣреніе относительно этого принца, нисколько не заботясь о его мнимыхъ правахъ на русскій престолъ, потому что онъ, императоръ, съумѣетъ заставить его выбросить всѣ подобныя вещи изъ головы; если же найдетъ въ поименованномъ принцѣ природныя способности, то упо-

бить его съ пользою на военную службу. И такъ, вслѣдстві эго-то намѣренія и подобнаго образа мыслей случилось, чт сударь отправился въ Шлиссельбургъ, и, чтобы не быть узнан имъ, не отдѣлялся отъ трехъ поименованныхъ лицъ своей ма енькой свиты; когда имъ подвели несчастнаго принца, то он шашли его весьма статнымъ, крѣпкаго тѣлосложенія и, не смотр на его 22-лѣтній возрастъ, съ большою бородою: его заставляют носить бороду, которая придаетъ ему дикій и грубый видъ. В этотъ разъ Нарышкинъ спросилъ его, какое понятіе онъ имѣет о своемъ званіи и слышалъ ли онъ когда-либо про принца Ивана На это онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Григоріемъ, что принц Ивана нѣтъ болѣе въ живыхъ; ему же извѣстно объ этомъ принцѣ что если бы этотъ принцъ снова явился на свѣтъ, то онъ прежд всего велѣлъ бы отрубить голову императрицѣ—себя же считает ея первымъ подданнымъ—и великаго князя съ его семействомъ выгналъ бы изъ государства» (271—273).

Нарышкинъ быстро поднимался по лѣстницѣ почестей. Мы видѣли, что въ сентябрѣ 1751 г. восемнадцатилѣтнимъ юноше онъ поступилъ камеръ-юнкеромъ къ великой княгинѣ Екатери Алексѣевнѣ. Почти черезъ пять лѣтъ, проведенныхъ имъ въ рачествахъ, по свидѣтельству самой великой княгини, онъ наз чается при ея же дворѣ камергеромъ (2 іюня 1756 г.). Чер годъ—двадцати-четырехлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ получ чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Анны 1-й степени (2 кабря 1757 г.). Въ 1761 году, 10 февраля, получаетъ орден Александра Невскаго. 1-го января 1762 года назначается мейстеромъ съ рангомъ и жалованьемъ дѣйствительнаго ген поручика. 10-го февраля этого же года получаетъ въ по каменный домъ. 9-го іюня этого же года, по случаю зак мирнаго трактата съ Пруссіею, жалуется орденомъ св. Первозваннаго—не достигши 30 лѣтъ отъ роду! Бантышъ скій разсказываетъ, будто онъ получилъ этотъ орденъ, с изъ всѣхъ орденовъ, съ помощью одной продѣлки, на онъ былъ такой мастеръ. 9-го іюня, находясь у госуда онъ надѣвалъ мундиръ къ выходу, Нарышкинъ восп веселымъ расположеніемъ духа императора и попросилъ

примѣрить къ себѣ лежавшую на столѣ Андреевскую ленту и посмотрѣться въ зеркало—идетъ-ли-де къ нему. Петръ III позволилъ. Нарышкинъ, надѣвъ ленту, вышелъ изъ уборной въ другую комнату, говоря: «тамъ удобнѣе можно видѣть—къ лицу голубая или нѣтъ». Изъ второй комнаты онъ вышелъ въ третью, а черезъ нѣсколько минутъ возвращается къ императору въ большомъ будто бы смущеніи и начинаетъ умолять его:

— Не погубите, государь, не выдайте на посмѣяніе!

— Что съ тобою сдѣлалось? спрашиваетъ императоръ.

— Ахъ, государь! погибъ я да и только, если не спасете...

— Но говори же, чего ты отъ меня хочешь? почему ты такъ встревоженъ?

— Вообразите, государь, мое изумленіе, стыдъ мой: выхожу я съ поспѣшностію въ третью комнату отъ уборной, въ ту самую, гдѣ находятся большія зеркала; вдругъ—откуда взялись проклятые—окружаютъ меня и военные, и придворные, и статскіе, и Богъ знаетъ кто! Одинъ жметъ мнѣ руку, другой душитъ въ своихъ объятіяхъ, третій заикается отъ досады, обращаясь съ поздравленіями; четвертый, кланяясь въ поясъ, стряхиваетъ на меня всю пудру съ своего парика... Съ большимъ трудомъ вырвался я изъ шумной толпы, гдѣ множество голосовъ какъ будто нарочно слились въ одинъ, привѣтствуя меня съ монаршею милостію. Что мнѣ дѣлать теперь? Какъ показаться? Пропалъ да и только!

Насмѣявшись досыта (прибавляетъ Бантышъ-Каменскій), государь возложилъ тогда же на встревоженнаго царедворца Андреевскую ленту (Слов. дост. люд. 481—482).

До самой кончины Петра III Нарышкинъ былъ при немъ неотлучно. Это отдалило его отъ кружка Екатерины, но, съ восшествіемъ ея на престолъ, веселый царедворецъ снова занялъ прежнее мѣсто.

Какъ бы то ни было, но, при вступленіи Екатерины II на престолъ, Левъ Нарышкинъ вмѣстѣ съ нѣсколькими приверженцами Петра III былъ арестованъ въ Ораніенбаумѣ, гдѣ онъ находился при своемъ императорѣ. Такъ, графъ Аржанто, 12 іюля н. с. 1762 г., сообщаетъ между прочимъ графу Кауницу, что

кромѣ голштинцевъ въ Ораніенбаумѣ были арестованы: генералъ-поручикъ, шталмейстеръ Нарышкинъ, графъ Воронцовъ, генералъ Мельгуновъ и тайный совѣтникъ Волковъ (Сборн. Истор. Общ., т. 18, стр. 422).

III.

Но арестъ Нарышкина былъ непродолжителенъ. Напротивъ, новая императрица не замедлила осыпать милостями своего прежняго баловня. Такъ, 22 сентября 1762 г., въ день своей коронаціи, Екатерина пожаловала его въ оберъ-шталмейстеры.

Жизнь Нарышкина потекла попрежнему. Бантышъ-Каменскій говоритъ относительно положенія, которое занималъ Нарышкинъ при дворѣ, въ такихъ лирическихъ выраженіяхъ: «Находясь безпрестанно при государынѣ, сопутствуя ей во всѣхъ путешествіяхъ, въ которыхъ, равно какъ и въ торжественные выѣзды, сидѣлъ въ каретѣ императрицы, Нарышкинъ веселостью своей, забавными шутками, непринужденною любезностью изгонялъ тягостный этикетъ придворный или, лучше сказать, оживлялъ собою дворъ. Появлялась ли печаль на величественномъ челѣ обладательницы нѣсколькихъ царствъ, онъ тотчасъ умѣлъ прояснять сумрачное облако, возстановлялъ улыбку, ни съ чѣмъ несравненную. На одномъ придворномъ балѣ императрица сдѣлала ему строгій выговоръ—и Нарышкинъ тотчасъ удалился. Черезъ нѣсколько минутъ Екатерина велѣла его отыскать; дежурный камергеръ донесъ государынѣ, что оберъ-шталмейстеръ на хорахъ съ музыкантами и рѣшительно отказывается явиться въ залу. Камергеръ былъ отправленъ съ вторичнымъ приказаніемъ, чтобъ Нарышкинъ немедленно исполнилъ волю государыни.—«Скажите ея величеству—отвѣчалъ Нарышкинъ—какъ мнѣ показаться въ такомъ многолюдствѣ съ *вымытою головою?*» (Слов. дост. люд. 482—483).

Во всѣхъ памятникахъ царствованія Екатерины имя Нарышкина иначе не упоминается какъ вмѣстѣ съ шуткою, съ каламбуромъ, съ анекдотомъ. Подъ 1764-мъ годомъ (7 ноября) Порошинъ

въ своихъ «Запискахъ», говоря о времяпровожденіи своего юнаго воспитанника, великаго князя Павла Петровича, и о томъ, чѣмъ вообще они занимались, поясняетъ: «Потомъ сказывалъ я его высочеству о вчерашнихъ шуткахъ Л. А. Нарышкина: въ то время какъ великій князь вчера былъ у государыни, были всѣ мы въ билліардной, и Левъ Александровичъ передразнивалъ тутъ турецкаго посланника, также графа Ржевускаго, какъ онъ государынѣ рѣчь на аудіенціи говорилъ по-польски, и еще комедіанта Рено, который въ оперѣ, называемой «Молошница», наряжался медвѣдемъ» (Зап. Порошина, Спб. 1844. 125).

Ни годы, ни обстоятельства не измѣняли Нарышкина. Графъ Сегюръ зналъ его уже немолодымъ, когда у него были уже дочери невѣсты—и онъ продолжалъ оставаться тѣмъ же нестарѣющимъ повѣсой. Домъ Нарышкина—это былъ единственный домъ въ Петербургѣ, подобнаго которому не было, какъ не было другого и владѣльца дома, похожаго на Нарышкина. «Это былъ, говоритъ Сегюръ, человѣкъ богатый, съ именемъ, прославленнымъ родствомъ съ царскимъ домомъ. Онъ былъ довольно уменъ, очень веселаго характера, необыкновенно радушенъ и чрезвычайно страненъ. *Онъ и не пользовался довѣріемъ императрицы*, но былъ у ней въ большой милости. Ей казались забавными его странности, шутки и его разсѣянная жизнь. Онъ никому не мѣшалъ, оттого ему все прощалось, и онъ могъ дѣлать и говорить многое, что инымъ не прошло бы даромъ. Съ утра до вечера въ его домѣ слышались веселый говоръ, хохотъ, звуки музыки, шумъ пира; тамъ ѣли, смѣялись, пѣли и танцовали цѣлый день; туда приходили безъ приглашеній и уходили безъ поклоновъ; тамъ царствовала свобода. Это былъ пріютъ веселья и, можно сказать, мѣсто свиданія всѣхъ влюбленныхъ. Здѣсь, среди веселой и шумной толпы, скорѣе можно было тайкомъ пошептаться, чѣмъ на балахъ и въ обществахъ, связанныхъ этикетомъ. Въ другихъ домахъ нельзя было избавиться отъ вниманія присутствующихъ; у Нарышкина же за шумомъ нельзя было ни наблюдать, ни осуждать, и толпа служила покровомъ тайнѣ». Сегюръ говоритъ, что вмѣстѣ съ другими дипломатами онъ часто ходилъ къ Нарышкину—«смотрѣть на эту забавную картину». Даже Потемкинъ, который почти ни-

куда не выѣзжалъ, часто бывалъ въ веселомъ домѣ Нарышкина. Только тамъ онъ чувствовалъ себя свободнымъ, ничѣмъ нестѣсняемымъ, и самъ никого не стѣснялъ своимъ подавляющимъ присутствіемъ; мало того — онъ ухаживалъ за одной изъ дочерей Нарышкина, за Марьей: онъ былъ влюбленъ въ нее» (Запис. гр. Сегюра, Спб. 1865, 56, 57). Эта дочка Нарышкина, которую любилъ «великолѣпный князь Тавриды» и съ которою онъ «всегда сидѣлъ вдвоемъ и въ отдаленіи отъ другихъ», пѣла и играла на арфѣ. Державинъ посвятилъ ей оду въ Евтерпѣ. Впослѣдствіи эта дочка веселаго Нарышкина была замужемъ за княземъ Любомірскимъ.

До какой степени Нарышкинъ велъ себя непринужденно даже въ присутствіи императрицы, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа, передаваемаго принцемъ де-Линь въ одномъ изъ его писемъ. Однажды, говоритъ онъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, «самый любезный и вмѣстѣ рѣзвый человѣкъ», пустилъ волчокъ въ присутствіи императрицы и иностранныхъ пословъ. У волчка голова была больше чѣмъ у самого Нарышкина. «Послѣ жужжанія и высокихъ скачковъ, которые довольно насъ позабавили (продолжаетъ де-Линь), онъ, т. е. волчокъ, разлетѣлся съ ужаснымъ свистомъ на три или четыре куска, прошелъ между ея императорскимъ величествомъ и мною, поразилъ двухъ нашихъ сосѣдей и ударилъ въ голову принца Нассау, который два раза велѣлъ пустить себѣ кровь» (Письма и проч. принца де-Линя. М., 1809, ч. I, 49). Вотъ какіе волчки пускалъ знаменитый оберъ-шталмейстеръ. Безъ сомнѣнія, этотъ «волчокъ» разумѣетъ Державинъ, воспѣвая Нарышкина въ одѣ «На рожденіе царицы Гремиславы»:

Что нужды мнѣ, что по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ?
. . . .
Что нужды мнѣ, кто все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился какъ дитя!
. . . .
Хвалю тебя: ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ!

Тотъ же де-Линь упоминаетъ о Нарышкинѣ уже не по поводу «волчка», а по поводу его остроумія. Екатерина разъ сказала окружавшимъ ее посламъ и другимъ знатнымъ особамъ:

— Для меня кажется странно, отчего *вы*, означающее множественное число, вошло въ употребленіе,—и для чего изгнали *ты?*

— Оно еще не совсѣмъ изгнано, ваше величество—отвѣчалъ де-Линь—и можетъ быть употребляемо между великими особами, потому что Ж. Б. Руссо говоритъ къ Богу: *Господи, въ божественной славѣ твоей,* и Богу во всѣхъ молитвахъ также говорятъ, напримѣръ: nunc demittis servum tuum, Domine.

— Скажите, для чего-жъ вы обходитесь со мною съ большею церемоніею?

— Посмотримъ, я вамъ тѣмъ же буду отвѣчать.

— Будешь ли *ты* со мною такъ говорить? сказала императрица, обращаясь къ Нарышкину.

— Для чего же не такъ—отвѣчалъ онъ—если только *ты сама* будешь со мною учтивѣй?

«Тутъ (говоритъ де-Линь) полились цѣлыя тысячи *ты*, одни смѣшнѣе другихъ. Я свои мѣшалъ съ именемъ величества и *твоего величества* было уже для меня довольно. Другіе не знали, что сказать, и величество, осыпанное грубыми *ты*, возвращая оное обратно, не смотря на сіе, имѣла видъ владычицы всероссійской и почти всѣхъ частей свѣта» (I, 49—50).

Хорошій каламбуристъ и острякъ, Нарышкинъ извѣстенъ былъ конечно болѣе при дворѣ, чѣмъ въ публикѣ и литературѣ, какъ сочинитель стиховъ на случай, водевилей и пѣсенокъ. Такъ, ему приписываютъ извѣстную пѣсню: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», хотя нѣкоторые писатели (г. Мельниковъ) утверждаютъ, что пѣсню эту сочинила императрица Елизавета Петровна, когда была еще великою княжною. Глинка, въ «Русскомъ Чтеніи», приводитъ слѣдующій разговоръ свой съ княгинею Дашковою, которая была того мнѣнія, что помянутая пѣсня сочинена Львомъ Нарышкинымъ:

— Я прочитала — сказала княгиня Дашкова Глинкѣ — вашу поэму или повѣсть о царицѣ Натальѣ Кириловнѣ, и она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное воспоминаніе. Левъ Александровичъ Нарышкинъ назначилъ у себя маскарадъ. Узнавъ объ этомъ, госу-

дарыня прислала за мной и сказала мнѣ: «Намъ надобно неожиданно порадовать Левушку (такъ она называла иногда Нарышкина): я наряжусь царицею Натальею Кириловной, а ты—подмосковною крестьянкой, съ тѣмъ что пройдешь въ хороводѣ и пропоешь пѣсню его сочиненія:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа.

— Нарядясь, какъ было сказано, мы, незванные гости, поспѣшили къ Нарышкину. Нечаянно, неожиданно, увидя Екатерину, черезъ многочисленный рядъ посѣтителей, Левъ Александровичъ съ быстротою молніи бросился къ императрицѣ, упалъ на колѣни, схватилъ ея руку, поцѣловалъ и въ радостныхъ слезахъ воскликнулъ: «Матушка! матушка! умру отъ радости!»—«Не хорошо же— возразила Екатерина—заплатилъ ты мнѣ за родственный мой къ тебѣ пріѣздъ»... Не нужно говорить, что и я сдѣлала свое дѣло. А хозяинъ! Онъ былъ внѣ себя отъ восхищенія и повторялъ нѣсколько разъ Екатеринѣ: «Матушка! ты сто лѣтъ прибавила мнѣ жизни»! («Рус. Чтеніе», Глинки. Спб. 1845, ч. 2, 306).

Утверждаютъ также, что Нарышкинъ былъ отчасти косвенною причиною тогдашней моды на «меценатство». Такъ, въ извѣстномъ «Дневникѣ чиновника» разсказывается, что Екатерина, которая почти до конца своего царствованія покровительствовала словесности, наукамъ и художествамъ, замѣтивъ въ одномъ вельможѣ закоренѣлое презрѣніе къ произведеніямъ ума и художествъ, обратилась къ Нарышкину съ такимъ вопросомъ:

— Отчего N. N. не любитъ живописи и ненавидитъ стихотворство до такой степени, что, по словамъ княгини Дашковой, онъ всѣхъ ни къ чему негодныхъ людей своихъ называетъ «живописцами» и «стихотворцами».

— Оттого, матушка, отвѣчалъ Нарышкинъ, — что онъ голова глубокомысленная и мелочами не занимается.

— Правда твоя, Левъ Александровичъ, сказала императрица,—

только и то правда, что головы, слывущія за глубокомысленныя, часто бываютъ пустыя головы.

«Замѣчаніе императрицы (поясняетъ авторъ «Дневника») огласилось, и съ тѣхъ поръ придворные другъ передъ другомъ стали покровительствовать стихотворцамъ и живописцамъ, заводить домашніе театры и составлять картинныя галереи. Съ той поры и «меценатство попало въ моду» (Дневн. чинов., Отеч. Записки., 1855 г., № 7, стр. 156).

Выше было замѣчено, что Нарышкинъ постоянно сопутствовалъ Екатеринѣ во время ея путешествій по Россіи. Чѣмъ-же онъ проявлялъ себя во время этихъ путешествій? Отчасти мы уже видѣли это. Своего «волчка», поранившаго принца Нассау, онъ пускалъ во время поѣздки въ Крымъ. Онъ развлекалъ императрицу, шутилъ, острилъ—и постоянно находился въ ея каретѣ во время пути, вмѣстѣ съ любимою статсъ-дамою Екатерины, г-жею Протасовою, какъ упоминаетъ объ этомъ и графъ Сегюръ (стр. 138). Тотъ же Сегюръ замѣчаетъ, почему Нарышкинъ всегда былъ нуженъ: находясь съ вельможами, послами, иностранными путешественниками и проч., императрица любила говорить обо всемъ, «исключая политики»; она охотно слушала разсказы и сама охотно разсказывала. Если бесѣда случайно умолкала, то оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ своими шутками непремѣнно вызывалъ на смѣхъ и остроты (Сегюръ, 79). Глинка разсказываетъ, что въ 1781 году, на пути изъ Бѣлоруссіи, императрица пожелала заѣхать на родину князя Потемкина, въ село Чижово. Оттуда, проѣзжая на Порховъ, заѣхала въ имѣніе капитана-исправника Глинки, отца извѣстнаго писателя С. Н. Глинки. Императрицу сопровождали Нарышкинъ и графъ Румянцевъ, который прежде зналъ отца Глинки по службѣ его въ дунайской арміи. Румянцевъ разговорился съ Глинкой. Императрица замѣтила это и спросила, гдѣ они познакомились. Графъ объяснилъ. Тогда капитанъ-исправникъ воскликнулъ:

— Матушка-государыня! Я за все обязанъ его сіятельству, даже и за дѣтей, которыхъ готовлю на службу вашего императорскаго величества!

[redacted]

Въ это время Нарышкинъ, подскочивъ къ императрицѣ, съ свойственнымъ дурачествомъ прибавилъ:

— Слышите, матушка! Капитанъ-исправникъ говоритъ, что онъ и за дѣтей своихъ обязанъ Петру Александровичу...

Капитанъ-исправникъ спохватился, но за словомъ въ карманъ не полѣзъ.

— Я правду говорю, ваше величество, отпарировалъ онъ Нарышкина:—однажды съ видомъ унылымъ явился я въ Молдавію къ графу на ординарцы. Его сіятельство съ отеческою заботливостію спросилъ, отчего я такъ грустенъ. Я отвѣчалъ, что помолвленъ, и получилъ вѣсть, что къ невѣстѣ моей присватывается другой женихъ. Графъ немедленно далъ мнѣ домовый отпускъ. И такъ, по милости его сіятельства, представляю вашему величеству мое семейство» (Рус. Вѣстн. 1841 г., кн. 8, «Екатерина II на родинѣ моихъ отцовъ», С. Глинки, 431).

Во время путешествія Екатерины въ Крымъ въ 1787 году, когда она останавливалась въ Кіевѣ, то предводителемъ дворянства, Андреемъ Полетикою, составленъ былъ дневникъ объ обстоятельствахъ этого пребыванія государыни въ Кіевѣ. Въ дневникѣ неоднократно упоминается и имя Нарышкина. Такъ, 31 января говорится, что Нарышкинъ открылъ балъ польскимъ танцемъ 20 февраля Екатерина посѣтила Нарышкина, который въ тотъ день былъ имянинникъ. Это событіе такъ передается въ дневникѣ: «Въ день тезоименитства господина оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина, поутру всѣ здѣшніе и многіе придворные ѣздили его поздравлять, а въ часу осьмомъ пополудни императрица осчастливила его прибытіемъ въ квартиру его, бывшую въ домѣ господина совѣтника Вишневскаго. На счетъ Л. А. Нарышкина освѣщена была вся улица въ два ряда по обѣимъ сторонамъ плошками, а передъ домомъ играла духовая музыка. По прибытіи императрицы открыли балъ, и придворные танцовали и т. д.» Подъ 4-мъ апрѣля значится, что Нарышкинъ выѣхалъ въ городъ Каневъ къ польскому королю, а 9 апрѣля говорится, что онъ возвратился и получилъ отъ короля «богатую табакерку» (Сынъ Отечества, 1843 г., № 3, стр, 4, 9, 20). Да—этотъ король польскій, бывшій графъ Понятовскій, секретарь Нарышкина, писавшій

подъ его диктовку веселыя письма молодой великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и просившій у нея «варенья» и другихъ «бездѣлицъ», и потомъ получившій отъ нея польскую корону—этотъ графъ-король даритъ теперь Нарышкина табакеркой, какъ-бы задобривая его, чтобы у него не отнимали польской короны... А давно-ли, кажется, они всѣ дурачились? И оказывается, что не переставалъ дурачиться одинъ только «Левушка»—все же остальное такъ страшно измѣнилось!

Но остроумныя дурачества «Левушки» не всегда были невиннаго свойства. Впрочемъ—объ этомъ послѣ, когда мы будемъ говорить о возвращеніи Екатерины изъ Крыма.

Въ апрѣлѣ Екатерина выѣхала изъ Кіева на галерѣ «Днѣпръ» въ сопровожденіи великолѣпнѣйшей флотиліи, которую когда либо видѣлъ Днѣпръ-«славутичъ». Флотилія состояла изъ 80 судовъ съ 3,000 человѣкъ матросовъ и солдатъ. Впереди шли семь нарядныхъ галеръ огромной величины, искусно расписанныхъ, со множествомъ ловкихъ матросовъ въ одинаковой одеждѣ. Комнаты, устроенныя на палубахъ, блистали золотомъ и шелками. Одна изъ тѣхъ галеръ, которыя слѣдовали за царскою, была назначена Кобенцелю и Фитцъ-Герберту; другая де-Линю и Сегюру; прочія—Потемкину и его племянницамъ, Мамонову, Нарышкину, министрамъ и т. д. Кабинеты, диваны, штофныя занавѣски, письменные столы изъ краснаго дерева, музыка на каждой галерѣ—и все это тамъ, гдѣ плавали только казацкіе «човны», да развѣвались чубы запорожскіе... На галерахъ разыгрываются пьесы, сыплятся остроты, дурачится «Левушка»...

Но вотъ «Левушка» начинаетъ зло дурачиться...

Екатерина возвращается изъ Крыма. Проѣздомъ она останавливается въ Тулѣ. Тульскій намѣстникъ генералъ Кречетниковъ, который, бывши астраханскимъ губернаторомъ, совершенно растерялся, когда Пугачовъ полонилъ всю его губернію вмѣстѣ съ Саратовомъ, принадлежавшимъ къ Астраханской губерніи, и который раньше такъ храбро дѣйствовалъ противъ гайдамаковъ, когда они были разбиты,—этотъ Кречетниковъ донесъ государынѣ, что въ Тульскомъ краѣ «все обстоитъ благополучно», и народъ благоденствуетъ. «Но къ сожалѣнію—говоритъ г. Андреевъ въ «Изуст-

ной Хроникѣ»—Михаилъ Никитичъ (Кречетниковъ) находился не совсѣмъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ,—оберъ-шталмейстеромъ государыни, вельможею тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ подъ видомъ шутки, всегда острой и часто язвительной, умѣлъ легко и кстати высказывать самую горькую правду. Его эпиграмма кололась «больнѣе иглы». Дѣло въ томъ, что Кречетниковъ въ проѣздъ государыни черезъ его намѣстничество желалъ показать «товаръ лицомъ»—дабы видѣла императрица, какъ подъ его мудрымъ управленіемъ благоденствуетъ край. Для этого онъ приказалъ поселянамъ деревень, мимо которыхъ должна была проѣзжать государыня, побѣлить, вычистить и изукрасить свои избы, нагнать по дорогѣ скота всякаго и табуны лошадей, а самимъ крестьянамъ нарядиться въ праздничное платье и встрѣчать государыню съ веселымъ видомъ. Сказано—сдѣлано. Екатерина видитъ повсюду многочисленныя стада, окрашенныя избы, чистоту, довольство, веселыя лица, хлѣбъ-соль—и ея сердцу пріятно. Еще пріятнѣе видѣть, какое впечатлѣніе производитъ это довольствіе края на иностранныхъ пословъ. Императрица изъявляетъ свое удовольствіе Кречетникову. Кречетниковъ рапортуетъ, что все обстоитъ благополучно, народъ не нуждается ни въ чемъ, жизненные припасы баснословно дешевы, урожай хорошъ. Что же больше желать государынѣ!

Но тутъ подвертывается шутникъ «Левушка». Рано утромъ изъ окна своего кабинета государыня видитъ, что идетъ Нарышкинъ—на плечѣ у него огромная коврига ржаного хлѣба, въ ковригу воткнута трость, а въ рукахъ двѣ кряковыя утки. Екатерина, изумленная этой картиной, приказываетъ позвать къ себѣ шутника. Шутникъ входитъ съ своею оригинальною ношей...

— Что все это значитъ, Левъ Александровичъ? спрашиваетъ императрица.

Нарышкинъ, преспокойно положивъ на столъ свою покупку (онъ возвращался съ рынка), отвѣчаетъ:

— Я принесъ вашему величеству тульскій ржаной хлѣбъ, да двухъ утокъ, которыхъ вы жалуете...

«Утки»—едва ли не намекъ на Кречетникова (намѣстника) и Заборовскаго (губернатора).

Подозрѣвая во всемъ этомъ одну изъ обыкновенныхъ выходокъ «Левушки», императрица вторично спрашиваетъ:

— А по какой цѣнѣ за фунтъ купили вы этотъ хлѣбъ?

Нарышкинъ докладываетъ, что за каждый фунтъ печенаго чернаго хлѣба онъ заплатилъ по четыре копѣйки. Екатерина не вѣритъ—въ рапортѣ Кречетникова совсѣмъ не тѣ цѣны.

— Быть не можетъ! Это цѣна неслыханная, говоритъ она.— Напротивъ, мнѣ донесли, что въ Тулѣ такой хлѣбъ не дороже одной копѣйки мѣдью...

— Нѣтъ, государыня,—это неправда: вамъ донесли ложно. Я самъ покупалъ на торгу хлѣбъ и знаю ему цѣну, отвѣчаетъ «Левушка», низко кланяясь.

— Удивляюсь!—какъ же меня увѣрили, что въ здѣшней губерніи былъ обильный урожай въ прошломъ году!!

— Нынѣшняя жатва можетъ будетъ удовлетворительна, ваше величество; а теперь пока голодно, продолжаетъ «Левушка», насмѣшливо улыбаясь.

Государыня беретъ рапортъ Кречетникова и подаетъ Нарышкину. «Левушка» пробѣгаетъ рапортъ и почтительно докладываетъ.

— Можетъ быть это ошибка... Впрочемъ, иногда рапорты бываютъ не достовѣрнѣе газетъ...

Екатерина поняла въ чемъ дѣло.

— Михайло Никитичъ меня обманулъ.

Но она простила старому Михайлѣ Никитичу. Только когда онъ явился къ ней, она слегка замѣтила ему о цѣнахъ на хлѣбъ. Кречетниковъ смутился. Но государыня ласково сказала, успокоивая старика:

— Надобно поскорѣе помочь этому горю, чтобы не случилось большой бѣды.

Но вотъ Тула даетъ балъ императрицѣ. Все что было лучшаго, богатаго, красиваго—все пущено въ ходъ, лишь-бы балъ вышелъ на славу. Говорятъ, что туляки превзошли себя — эффектъ былъ поразительный. «И мы — разсказываетъ старикъ-очевидецъ, тульскій дворянинъ — съ нетерпѣніемъ ждали прибытія августѣйшей путешественницы, которая уже изъявила свое согласіе на приглашеніе тульскихъ дворянъ. Въ восемь часовъ вечера придворная

карета скоро ѣхала по направленію къ дому собранія. Кречетниковъ и Заборовскій поспѣшили сойдти къ подъѣзду, чтобы встрѣтить государыню... Но вмѣсто матушки-царицы изъ кареты вышла штатсъ-дама графиня Скавронская и увѣдомила намѣстника, что императрица, по случаю нездоровья, лишается удовольствія быть на балѣ и прислала ее благодарить отъ своего лица всѣхъ дворянъ тульской губерніи. Послѣ мы узнали, что матушка-царица отвѣчала камеръ-фрейлинѣ Протасовой и фрейлинѣ графинѣ Чернышевой, напомнившимъ ей о балѣ: «Могу ли я принять въ немъ участіе, когда можетъ быть многіе здѣшніе жители терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ?» Вѣсть, привезенная графинею Скавронскою, разлила уныніе по залѣ съ быстротою молніи. Мы не смѣли роптать, не смѣли и сѣтовать—но признаться ли вамъ? — Это насъ глубоко опечалило... Безумные! если бы каждый изъ насъ могъ знать то, что извѣстно сдѣлалось послѣ, мы должны бы были всѣ упасть на колѣни предъ мраморнымъ бюстомъ, благоговѣйно произнести ея великое имя и безмолвно удалиться изъ залы. Государыня поняла-бы насъ вполнѣ, а потомство сказало-бы объ насъ доброе слово... Но мы предались печали, тоскѣ, скукѣ». (Изустная Хроника. Пребываніе императрицы Екатерины II въ Тулѣ. П. Андреева. Москвитянинъ, 1842, кн. 2, 483—488).

И все это надѣлалъ «Левушка» съ своимъ чернымъ хлѣбомъ и утками.

IV.

И такъ, намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго личность Нарышкина обрисовывается довольно ясно. Онъ не принималъ участія въ государственныхъ дѣлахъ: съ одной стороны, это была не его сфера, съ другой—едва ли Екатерина и довѣрила бы «Левушкѣ» что-либо серьезное. Къ государственнымъ, какъ и общественнымъ дѣламъ онъ могъ прикасаться только жезломъ арлекина— и его шутка подчасъ дѣлала свое дѣло.

Но въ чемъ онъ, по свойству своего ума и характера, могъ принимать дѣятельное участіе, такъ это въ литературныхъ — не

говоримъ занятіяхъ,—а въ литературныхъ забавахъ Екатерины. Тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ. Эти литературныя забавы происходили большею частью въ эрмитажѣ. Онѣ такъ и назывались литературными играми «Послѣ пріятной, разнообразной бесѣды (говоритъ Свиньинъ) въ кругу ученыхъ, пріятныхъ, остроумныхъ людей и вельможъ, каковы: Дидротъ. Гриммъ, Шуваловы, Панины. Потемкинъ, Нарышкинъ (Нарышкинъ ужъ непремѣнно!), Сегюръ. Кобенцель. Сентъ-Эленсъ, принцъ де-Линь, Строгановъ, Безбородко и прочіе, Екатерина подходила къ письменному столику, которыхъ было по нѣскольку въ каждой комнатѣ, и, взявъ лоскутокъ бумаги, чертила нѣсколько строкъ, или подавала его которому-нибудь изъ собесѣдниковъ для предложенія вопроса или текста. Послѣ сего всякій изъ присутствовавшихъ обязанъ былъ, не приготовляясь и прочитавъ только послѣднія слова предъидущей фразы, продолжать ее или опровергать. Можно посудить, какая остроумная галиматья раждалась отъ того; сколько высокихъ, геніальныхъ мыслей перемѣшивалось съ обыкновенными, сколько нравоученія съ колкостями и личностями!» Какъ бы то ни было, но Нарышкинъ принималъ тутъ дѣятельное участіе, ибо былъ, по отзыву современниковъ, «душою блестящаго двора», и онъ же сохранилъ для потомства слѣды этихъ литературныхъ придворныхъ забавъ. Послѣ вечеровъ онъ собиралъ исписанные листки, и изъ нихъ впослѣдствіи составился порядочный портфель. Портфель этотъ по наслѣдству перешелъ въ руки Кирилла Александровича Нарышкина, отъ котораго Свиньинъ и позаимствовалъ отрывки изъ того, что содержали помянутые листки.

Вотъ для примѣра содержаніе листка 6-го:

«*Что заставляетъ меня смѣяться?*

«Спесь.

«Острое словцо.

«Г. оберъ-шталмейстеръ (это отвѣтъ самой Екатерины, указывающій на весельчака «Левушку»).

«Ея высочество, когда говоритъ по-нѣмецки, и великій князь—когда поетъ.

«Чему я смѣюсь?—Часто самому себѣ», и т. д.

Но какіе изъ этихъ отвѣтовъ принадлежатъ самому Нарыш-

кину—изъ листковъ этого не видно (Сынъ Отечества. 1836, кн. I. Литературныя забавы Екатерины Великой въ эрмитажѣ, П. Свиньина. 83, 85, 89) *).

Нельзя при этомъ обойдти молчаніемъ одного важнаго эпизода въ исторіи нашей литературы—собственно литературной полемики Екатерины съ княгинею Дашковою и съ знаменитымъ авторомъ «Недоросля», безсмертнымъ Фонвизиномъ, полемики, возникшей изъ-за Нарышкина и его остротъ. Эпизодъ этотъ обстоятельно изслѣдованъ покойнымъ академикомъ Пекарскимъ въ его сочиненіи—«Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II» (Прилож. къ III т. Запис. Император. Академіи Наукъ, № 6. 1863).

Въ 1783 г. княгиня Дашкова, назначенная директоромъ Академіи Наукъ, начала издавать журналъ «Собесѣдникъ». Въ немъ принимали участіе Екатерина, Державинъ, Фонвизинъ, Капнистъ, и другія литературныя знаменитости того времени. Въ этомъ журналѣ Екатерина напечатала свои «Были и небылицы». Но война загорѣлась собственно изъ-за того, что въ третьей книжкѣ «Собесѣдника» Фонвизинъ напечаталъ сатирическіе вопросы, на которые Екатерина и отвѣчала, но невпопадъ—не угадавъ автора вопросовъ. Одинъ изъ вопросовъ ей не понравился. Вотъ онъ: *отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?* Вопросъ намекалъ на Нарышкина. На этотъ вопросъ Екатерина отвѣчала, что онъ родился отъ «свободоязычія». Мало того, въ продолженіи къ «Былямъ и небылицамъ», въ четвертой книжкѣ «Собесѣдника», она говоритъ о нѣкоемъ «дѣдушкѣ», который разворчался по поводу вопроса о «шпыняхъ» и «шутахъ». Вотъ что она говоритъ объ этомъ «дѣдушкѣ»: «Отецъ его при домѣ князя цезаря съ ребячества находился, и въ ономъ вмѣстѣ съ сыномъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, сказываютъ, будто воспитанъ былъ, гдѣ случаи имѣлъ много о старинѣ слышать. Онъ помнилъ маскерадъ, гдѣ Бахусъ, сидящій на бочкѣ, въ провожаніи семидесяти кардиналовъ, переѣхалъ чрезъ Неву; зналъ также наизусть похожденія неусы-

---

Маякъ, 1842, кн. 4, 101—102.

пасмой обители. Дѣдушка часто и много самъ разсказываетъ о свадьбѣ въ ледовомъ домѣ и о присутствовавшихъ при оной, и какъ весна свистала. Все сіе безъ хемъ-хема никогда не говорится, понеже у дѣдушки много мокроты на груди, которую не всегда свободно откашливаетъ. Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, то разворчался необычайно и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ—въ шпынствѣ есть острота» и т. д.

Фонвизинъ понялъ, что его вопросомъ обидѣлись, и написалъ повинную. Возвращая къ Дашковой повинную, Екатерина пишетъ: «Такъ какъ я возвращаю жалкое произведеніе, которое очевидно вышло изъ-подъ пера автора «Вопросовъ», то вмѣстѣ съ тѣмъ имѣю честь приложить готовый къ напечатанію листъ. Я присоединила только примѣчаніе, которое, можетъ быть, не имѣетъ никакого достоинства»... А въ этомъ примѣчаніи сказано: «ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло—мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!» На самую повинную Фонвизина отвѣчали, что каяться — дѣло христіанское; но что разрѣшеніе зависитъ отъ «многоголовной публики». — Но обида, какъ видно, засѣла въ Екатеринѣ, и она уже не хочетъ печатать своихъ «Былей и небылицъ». Понятно, что такое намѣреніе императрицы встревожило редакцію «Собесѣдника». Еще-бы! Дашкова печатаетъ, что читатели уже плачутъ, узнавъ о прекращеніи «Былей и небылицъ». Екатерина зло отвѣчаетъ ей, прося не расточать похвалъ. Смущенная Дашкова посылаетъ ей другую похвальную статью, но уже не отъ себя, а какъ-бы отъ посторонняго лица, и пишетъ: «Сію минуту я получила статью, которая написана къ автору «Былей и небылицъ». По прочтеніи вашимъ величествомъ, умоляю васъ возвратить мнѣ, чтобы я могла распорядиться о помѣщеніи ея въ той части, которая нынѣ печатается. Вы видите, государыня, что мое мнѣніе о «Быляхъ и небылицахъ» не принадлежитъ мнѣ одной и что нашъ журналъ падетъ безъ нихъ. Скажу даже болѣе: насъ покинутъ совсѣмъ; и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ быть нашими сотрудниками, будутъ считать себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которые осмѣлятся имѣть умъ и наклонность къ литературѣ. При полной довѣрчивости, подъ скипетромъ добродѣтель-

наго государя и философа, пользуясь притомъ счастіемъ быть въ такихъ отношеніяхъ, какъ я — надобно имѣть очень пресмыкающуюся душу, чтобы бояться кого бы то ни было, но я боюсь сдѣлаться невиннымъ орудіемъ неудовольствій, навлекаемыхъ на честныхъ людей отъ ихъ начальниковъ. Если бы авторъ «Былей и небылицъ» захотѣлъ быть столь благосклоннымъ и сказалъ бы нѣсколько словъ въ ободреніе писателей, то оказалъ бы тѣмъ услугу покорному издателю и въ то же время публикѣ».

Въ статьѣ, о которой здѣсь идетъ рѣчь, авторъ восторгается «Былями и небылицами» и увѣряетъ, что всѣ другія статьи журнала — статьи Фонвизина, Державина, Капниста — возбуждаютъ только скуку и дремоту. Но и это не смягчило Екатерину. Она пустила въ ходъ самого обиженнаго «Левушку» съ его «шпыньствомъ», и въ журналѣ Дашковой явилась насмѣшливая замѣтка за подписью: «Каноникъ, извѣстный покровитель «Былей и небылицъ», членъ общества незнающихъ, котораго принятая подпись есть ignorante bambinelli... обыкновенная же надпись текущимъ дѣламъ слово *мимо*». Въ ядовитой замѣткѣ «Левушки» между прочимъ говорится: «Мнѣ кажется, для читателей и писателей равно опасна прививка стужи, происходящая отъ жидкости частицъ, либо отъ естественнаго хлада. Сей столь прилипчивъ, что посредствомъ бумаги и пера сообщается отъ писателя къ читателю гораздо скорѣе, нежели разобрать можно чтеніемъ намѣреніе писателя; къ сему роду холодной лихорадки соединяются обыкновенно всѣ примѣты: нѣкоторое нетерпѣніе, чесаніе глазъ, неспокойное пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ, ломаніе палецъ, топтаніе ногой, сжиманіе плечъ и тому подобное»...

Чѣмъ далѣе, тѣмъ вражда разгорается болѣе. «Левушка», поддерживаемый Екатериною, которая всегда недолюбливала Дашкову, становится неумолимъ, точно въ Тулѣ съ ржанымъ хлѣбомъ противъ Кречетникова. Онъ написалъ еще одно сочиненіе для журнала, и Дашкова, желая смягчить «Левушку», пишетъ Екатеринѣ: «Я еще не получала послѣдняго сочиненія Льва Александровича—оно хорошо; и жаль будетъ его опустить». Императрица отвѣчаетъ: «Произведеніе оберъ-шталмейстера великолѣпно и всеобъемлюще». Но «Левушка» жестокъ. Онъ уже начинаетъ бить не только Даш-

кову и ея журналъ, но и Академію Наукъ, Россійскую Академію, которую Дашкова только-что начинала открывать. «Левушка» въ союзѣ съ Екатериною написалъ статью — «Общества *незнающихъ*, невѣждъ, ignoranti bambinelli, ежедневная записка». Это — злая пародія на засѣданія Академіи. Всѣ вопросы тамъ будто-бы идутъ «мимо». Съ каждымъ засѣданіемъ число членовъ умаляется—всѣ бѣгутъ. Собраніе общества раздѣлилось на двѣ палаты: *палата съ чутьемъ* и *палата безъ чутья*. «Палата съ чутьемъ» постановила: «по воздуху не летать съ крыльями или безъ крыльевъ— развѣ крылья сами выростутъ, или кто предпріялъ или предприметъ летать, самъ собою оперится».... и т. д. Неумолимый «Левушка» не останавливается и на этомъ—вѣрно ужъ больно доѣхалъ его вопросъ Фонвизина о чиновныхъ «шутахъ, шпыняхъ и балагурахъ». Онъ, въ «палатѣ съ чутьемъ», т. е. при императрицѣ, подражая голосу и ухваткамъ Дашковой, сказалъ рѣчь, которую княгиня произнесла при открытіи Россійской Академіи. Княгиня обидѣлась — да и было чѣмъ. Тогда, за эту обидчивость, Екатерина лишила ее права участвовать въ шутливомъ обществѣ, а чтобы утѣшить—подарила 25,000 рублей для постройки дачи. Съ этихъ поръ вражда между Дашковой и «Левушкой» превратилась въ открытую войну. «Дашкова съ Львомъ Александровичемъ— говорила императрица Храповицкому—въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла—ссора за пять сажень земли *).

Ясно, что «Левушка» былъ очень самолюбивъ, а въ настоящей литературной полемикѣ, превращенной имъ въ придворную интригу, «Левушка» былъ положительно неправъ — видно, что онъ болѣе обладалъ придворнымъ тактомъ, чѣмъ литературнымъ. Такъ, онъ написалъ еще кое-что для журнала, и въ томъ числѣ продолженіе «Записки общества незнающихъ». Повидимому Дашкова дала

*) Академикъ Пекарскій ошибочно полагалъ, что знаменитая вражда между Дашковою и Нарышкинымъ изъ-за побитыхъ княгинею свиней относится къ той же враждѣ Дашкововой съ «Левушкой»; нѣтъ, Дашкова побила свиней не Льва Александровича Нарышкина, а Александра Александровича, оберъ-шенка, съ которымъ и тягалась по судамъ. См. Записки Храповицкаго, изд. Барсуковымъ.

ему литературный совѣтъ, какъ человѣку, незнакомому съ требованіями печати. И «Левушка» вновь обиженъ. Императрица снова въ неудовольствіи на Дашкову. Она пишетъ княгинѣ: «Я прошу васъ, милостивая государыня, прислать мнѣ переписку такъ называемаго портнаго (это продолженіе «Былей и небылицъ»—у Пекарскаго) и все, что я къ вамъ посылала и что еще не напечатано».

Дашкова въ отчаяніи—но должна повиноваться. «Имѣю честь возвратить вашему величеству — пишетъ она — требуемыя вами бумаги. Какъ мнѣ кажется, что ваше величество намѣреваетесь не помѣщать ихъ болѣе въ нашемъ журналѣ, то умоляю васъ, государыня, не дѣлать этого и прислать мнѣ сочиненія Каноника— я напечатаю ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Я въ отчаяніи, если дурно, какъ видно, выразилась, потому что, увѣряю васъ, только послѣ двухкратнаго разговора самого г. Каноника я не могла удержаться отъ совѣта ему, что̀ долженъ знать авторъ, вступающій на литературное поприще. Умоляю васъ вѣрить мнѣ, что я не могу быть спокойна, пока буду считать себя малѣйшею помѣхою вашихъ развлеченій. Ваше величество окажете мнѣ милость, приславъ ко мнѣ протоколъ г. Каноника (это все «Левушка»). Заклинаю въ томъ ваше величество. Я бы сама явилась умолять васъ о томъ, если бы не удерживала меня въ постелѣ боль въ горлѣ и сильная лихорадка. Удостойте, государыня, соизволить на мое прошеніе и доказать тѣмъ, что я, невинная въ этой распрѣ, вовсе не имѣла возможности сдѣлать вамъ неугодное».

Но дѣло уже потеряно — его исправить нельзя. Вопросъ Фонвизина непоправимъ—онъ сталъ историческимъ вопросомъ, и «Левушка» чувствуетъ, что вопросъ этотъ уже написанъ на страницахъ русской исторіи. Императрица тоже неумолима. «Между присланными вами, милостивая государыня, бумагами,—отвѣчаетъ Екатерина Дашковой,—я старалась отыскать одну, которой не нашла; она кончается словами: le ris tenta le rat etc., поэтому прошу васъ отыскать ее и прислать мнѣ въ возможной скорости. Что касается опыта моего друга Каноника, то я ничего не могу сдѣлать, не посовѣтовавшись съ нимъ. Такъ какъ ему никогда не приходило въ голову мысли обидѣть какое-либо человѣческое существо, что довольно ясно видно изъ его шутливаго тона, то онъ конечно не

нарушить правила, которое вы ему преподали. Искренно сожалѣю, узнавъ, что вы не совсѣмъ здоровы».

Отъ такого холоднаго тона Дашковой конечно не стало легче. Все это происходило 16 ноября. Въ тотъ же день она вновь пишетъ императрицѣ, косвенно извиняясь передъ обидчивымъ «Левушкой»: «Еще разъ умоляю васъ, государыня, успокоить меня, оправдать меня. Повѣрьте, что только послѣ двухкратнаго разговора я не могла, не будучи лживою,—что не въ моемъ характерѣ,—удержаться и не высказать того, что я высказала. Заклинаю ваше величество возвратить мнѣ бумаги, которыя взяли вы сегодня утромъ, и *приказать* о продолженіи протокола Каноника. Я никогда не считала этого серьезнымъ: ваше величество можете припомнить, что въ продолженіе трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи о мнѣніи въ публикѣ, *что надсмѣхаются надъ возникающею академіею*, я, далекая отъ того, чтобы обращать на это вниманіе, сама шутила и часто диктовала Канонику.... Такъ какъ я никогда не была равнодушна ко всему, что бы ни касалось васъ, то ваше величество въ состояніи легко понять, какъ должна я огорчаться тѣмъ, что навлекла на себя неудовольствіе ваше въ дѣлѣ, котораго я не могла ни предвидѣть, ни предотвратить, и въ которомъ, напротивъ, думала показать простосердечіе. Дѣло это, впрочемъ, при разсмотрѣніи его окажется ничтожнѣе производимыхъ имъ послѣдствій. Ради Бога забавляйтесь и не думайте, чтобы у меня было когда-либо въ мысляхъ препятствовать тому, что можетъ васъ развлекать. Напротивъ, заклинаю ваше величество велѣть продолжать засѣданія и протоколъ (общества незнающихъ). Это докажетъ, что шутка не могла и не должна была имѣть серьезныя послѣдствія. Что могу я сдѣлать, государыня, чтобы доказать вашему величеству одинъ разъ навсегда, что вы всегда есть и были для меня первымъ предметомъ? Тогда, государыня, не могло бы возникать недоразумѣній между вашимъ величествомъ и мною, и никакое внушеніе или обманчивая наружность не подали бы повода огорчать совершенно вамъ преданное сердце».

Все напрасно. Екатерина не возвратила своихъ бумагъ—и онѣ доселѣ хранятся въ Государственномъ Архивѣ.

Такъ кончилось сотрудничество Екатерины въ «Собесѣдникѣ»—

и все изъ за Нарышкина. Послѣдній такимъ образомъ оказалъ не похвальную услугу русской литературѣ, потому только, что не могъ снести одной насмѣшки, тогда какъ самъ любилъ разсыпать ихъ направо и налѣво.

V.

Разсматривая въ общемъ своеобразную историческую фигуру—фигуру «Левушки», нельзя не видѣть, что она вполнѣ цѣльно и рельефно вырисовывается на историческомъ фонѣ своей эпохи. И дѣйствительно, рѣдко кто изъ тогдашнихъ историческихъ дѣятелей и не дѣятелей, а, такъ сказать, аксессуаровъ исторической жизни выступаетъ такъ колоритно, какъ этотъ аксессуаръ своей исторической эпохи—Нарышкинъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ очень характерный аксессуаръ. Екатерина написала въ честь его цѣлую шуточную эпопею, и даже двѣ, гдѣ героемъ является «Левушка» или sir Leon, какъ она его называетъ. Эта комическая Одиссея носитъ названіе «Левушка»—*Leoniana* или Dits et faits de sir Leon Grand Ecuyer, recueillis par ses amis». «Леоніана» цѣликомъ напечатана въ сочиненіяхъ Пекарскаго, при запискахъ Императорской Академіи Наукъ. Въ ней изображена вся жизнь «Левушки»—его рожденіе на берегу Фонтанки, его дѣтство, поступленіе ко двору и т. д. Другое сочиненіе Екатерины о «Левушкѣ» носитъ заглавіе: «Relation veridique d'un voyage d'outre mer que sir Leon Grand Ecuyer pourrait entreprendre par l'avis de ses amis». Это его фантастическое (отчасти не фантастическое) путешествіе въ Крымъ, затѣмъ къ султану въ Константинополь, посѣщеніе сераля, потомъ плаваніе по Средиземному морю, по океану и т. д. до самаго Кронштадта. Все это пересыпано остротами, шутками, намеками, которые въ свое время имѣли цѣну для извѣстнаго кружка. «Левушка» испытываетъ тысячи приключеній—и вездѣ остается цѣлъ даже въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ въ концѣ своего плаванія не попадаетъ въ шлюбку, а прямо въ море, откуда его вытаскиваютъ собаки за икры. Въ похожденіяхъ «Левушки» столько же истиннаго и фантастическаго, сколько и въ похожденіяхъ капитана

Копѣйкина; но за то въ нихъ есть историческая основа—есть не мало историческихъ чертъ, много историческихъ фактовъ, только замаскированныхъ довольно прозрачно, и такіе мастерскіе штрихи, которые живописуютъ весь строй жизни извѣстнаго общества, для насъ превратившагося въ историческое воспоминаніе.

Что Нарышкинъ стоялъ вдали отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ, что въ общемъ ходѣ политической жизни Россіи онъ является какъ нѣчто придаточное, какъ историческій аксессуаръ, видно также и изъ того, что Храповицкій, довольно чутко прислушивавшійся къ біенію государственнаго пульса и замѣчавшій патологическія проявленія въ государственномъ организмѣ, почти совсѣмъ не занимается неинтересною для него личностью оберъ-шталмейстера, а Гарновскій, человѣкъ обладавшій очень хорошимъ зрѣніемъ для того, чтобы отличать всѣ малѣйшіе оттѣнки придворной жизни, даже ни разу кажется не упоминаетъ о Нарышкинѣ. Храповицкій отмѣчаетъ, напр., въ своемъ дневникѣ, когда его собака укусила собаку императрицы, когда онъ потѣлъ или купался, чтобы не потѣть,—и вдругъ, видя Нарышкина каждый день, слыша его постоянныя остроты, упоминаетъ объ немъ всего разъ пять, и то совершенно вскользь. Такъ, 24 іюля 1785 года, онъ заноситъ въ свой дневникъ: «На слова Л. А. Н. (это инициалы Левушки»), что у попугаевъ и пераклитовъ «языкъ подобнаго сложенія человѣческому», Екатерина замѣчаетъ: «Je ne savais pas cela; je donnerais à la perruche la survivance de votre charge». 26 іюня 1786 года у Храповицкаго отмѣчено: «За туалетомъ Завадовскій сказывалъ, что видѣлъ рѣдкость: Л. А. Н. верхомъ». На это Екатерина замѣчаетъ: «Il falloit le faire monter sur un âne».

Извѣстно, что Екатерина, кромѣ комической эпопеи въ честь Нарышкина—«Леоніаны»,—сочинила еще комедію, подъ названіемъ «L'insouciant», гдѣ цѣликомъ изображается «Левушка». По этому поводу у Храповицкаго подъ 29 сентября 1788 года записано: «Отдано мнѣ для переписки L'insouciant, comédie en trois actes. Она изображаетъ всего Л. А. Нар.». А подъ 15 октября значится между прочимъ: «Въ вечеру играли при маломъ собраніи въ эрмитажѣ L'insouciant и какъ самъ Л. А. Нар., такъ и всѣ зрители много смѣялись». Затѣмъ 26 января 1789 г. у Храповицкаго

записано: «При туалетѣ былъ похвальный разговоръ объ оперѣ со Л. А. Нар-мъ». Подъ 14 февраля: «Ея в-о изв. быть въ маскерадѣ у Л. А. Нарышкина до 11½ часовъ». Потомъ 29 октября отмѣчено: Лев. Нар. сказалъ при туалетѣ о нововышедшихъ книгахъ: «Vie privée d'Antoinette de France et L'histoire de la Bastille». Ce sont des libelles et je ne les souffre jamais» (это, конечно, отзывъ императрицы). Наконецъ уже 11 апрѣля 1793 г. снова мимоходомъ замѣчается о Нарышкинѣ, да и не о Нарышкинѣ собственно, а о «золотой шпагѣ со всаженнымъ солитеромъ въ 10,000 рублей», подаренной графу д'Артуа, который съ этой шпагою былъ на вечеринкѣ у Нарышкина. Вотъ и все. Ясно, что и тутъ Храповицкій не Нарышкинымъ интересовался, а или императрицей и ея словами, или золотою шпагою.

Поэтому мы не съ особенною вѣрою принимаемъ свидѣтельство Глинки, который увѣряетъ, будто Екатерина поручала Нарышкину наблюдать за народнымъ мнѣніемъ о тѣхъ указахъ, которые она предполагала издавать (Русск. Чтеніе. Спб., 1845, ч. 2,312). Другое дѣло, когда Глинка примѣшиваетъ Нарышкина къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Тутъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Мы уже знаемъ, какъ Нарышкинъ острилъ на счетъ отца Глинки. капитанъ исправника, который будто бы обязанъ былъ Румянцеву даже своими дѣтьми. Въ своихъ «Запискахъ» Глинка увѣряетъ, что Нарышкинъ вообще покровительствовалъ семейству Глинокъ, и по этому случаю разсказываетъ слѣдующія обстоятельства своей жизни, гдѣ имѣетъ мѣсто и Нарышкинъ. С. Н. Глинка, только что выпущенный изъ корпуса поручикомъ, сочинилъ «Пѣснь Великой Екатеринѣ» и представилъ ее Нарышкину. Нарышкинъ отправилъ автора къ тогдашнему фавориту, князю П. А. Зубову, съ майоромъ Петровымъ, служившимъ въ дворцовой конюшнѣ. Въ пріемной Зубова толпилось уже множество лицъ и въ мундирахъ и во фракахъ. Нисколько не робѣя, говоритъ Глинка, но только укрываясь отъ любопытныхъ взглядовъ, онъ прижался въ углу пріемной и прикрылъ шляпой свое сочиненіе; а его услужливый путеводитель, какъ опытный знатокъ барскихъ переднихъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому съ поклонами, привѣтствіями и распросами. «Я много уже читалъ—замѣчаетъ Глинка — о пе-

реднихъ временщиковъ, и думалъ: чего отъ нихъ добиваются (а самъ-то Глинка чего же добивался въ передней?). Сегодня они все, а завтра, вмѣстѣ съ ихъ случайностью, все исчезнетъ, и тѣ самые раболѣпные поклонники, которые съ такою жадностью ловили каждый ихъ взглядъ, первые забудутъ ихъ». Послѣ философскаго размышленія, Глинка нечаянно оглянулся и увидѣлъ знаменитаго (особенно впослѣдствіи) Кутузова, который тоже «смиренно прижался въ углу», не далеко отъ дверей. Въ это время изъ кабинета Зубова вышелъ лакей съ подносомъ и пустою чашкою. Кутузовъ поспѣшно подошелъ къ нему и спросилъ по-французски: «Скоро ли выйдетъ князь?»—«Часа черезъ два», съ важностью отвѣчалъ лакей. Кутузовъ — замѣчаетъ при этомъ Глинка — не отступавшій отъ стѣнъ Очакова, ни отъ стѣнъ Измаила, смиренно сталъ на прежнее мѣсто. Мнѣ стало невыносимо досадно; я подошелъ къ Петрову и сказалъ: «Я не стану болѣе ждать». Оторопѣвъ отъ этихъ словъ, Петровъ спросилъ: «Что же я доложу Льву Александровичу?»—«Что вамъ угодно, отвѣчалъ раздосадованный Глинка,—Кутузовъ, герой мачинскій и измаильскій, ждетъ здѣсь и не дождется; а я что такое?» И юный храбрецъ ушелъ. Вечеромъ онъ явился къ Нарышкину. У него сидѣлъ старикъ Державинъ. Увидѣвъ Глинку, Нарышкинъ захохоталъ и сказалъ:

— Гавріилъ Романовичъ! Посмотрите — вотъ Вольтеровъ Гуронъ, убѣжалъ изъ пріемной князя; онъ затѣялъ вычитывать тамъ послужной списокъ Кутузова. Понатрется въ свѣтѣ, перестанетъ балагурить. Однако въ пѣснѣ его къ Екатеринѣ есть хорошіе стихи».

И Нарышкинъ, будто бы, прочиталъ наизусть:

Ты отрокомъ меня пріяла,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердце чувствія влила
Благотворительной рукою.
Ты правила моей душою!
Ты жизнь мнѣ новую дала.

Державинъ якобы похвалилъ эти стихи. Глинка былъ очень

радъ похвалѣ, и съ восторгомъ началъ наизусть декламировать «Фелицу». Нарышкинъ при этомъ приговаривалъ: «Продолжай, братецъ»!

Лицо Державина оживилось, онъ поцѣловалъ Глинку и сказалъ:

— Питайте всегда чувства благодарности къ государынѣ, это дѣлаетъ честь вамъ и вашему сердцу; но—прибавилъ онъ—передалъ ли вамъ В. А. Озеровъ мнѣніе мое о вашей элегіи?

— А что?—не дождавшись отвѣта, спросилъ Нарышкинъ:—онъ видно и тамъ что-нибудь напроказилъ? Ужъ не ударился ли онъ въ политику?

Державинъ отвѣчалъ, что въ элегіи нѣтъ ничего предосудительнаго, но что авторъ слишкомъ часто и слишкомъ неосторожно увлекается порывами воображенія.

— То-то, братъ, сказалъ Нарышкинъ:—воображеніе бредъ; а до политики не касайся; наша политика въ кабинетѣ Екатерины. Она за насъ думаетъ и заботится. А наше дѣло пировать да веселиться!

«Подлинно ли былъ въ этомъ убѣжденъ Левъ Александровичъ—не знаю» (замѣчаетъ Глинка) *)...

Можемъ увѣрить почтеннаго ветерана, что сколько мы могли изучить «Левушку»—онъ подлинно былъ убѣжденъ, что вся политика сосредоточена въ кабинетѣ Екатерины, поэтому онъ туда и не заглядывалъ, а предпочиталъ острить въ уборной, а пировать и веселиться—у себя дома. Что же касается любимаго занятія—«шпыньства», какъ выражается Фонвизинъ, то «шпыньствомъ» почтенный «Левушка» любилъ заниматься вездѣ, на всякомъ мѣстѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Бантышъ-Каменскій разсказываетъ, что однажды онъ немилосердно «шпынялъ одного заслуженнаго генерала, Пассека, въ присутствіи императрицы. Пассекъ долго молчалъ, хотя внутренно выходилъ изъ себя. Но наконецъ досада пересилила сдержанность, и онъ потребовалъ у «шпыня» удовлетворенія.

— Согласенъ, отвѣчалъ Нарышкинъ:—съ тѣмъ только, чтобы одинъ изъ насъ остался на мѣстѣ.

---

*) Записки С. Н. Глинки. „Рус. Вѣстн.“, 1866, № 2, 684 и др.

Пассекъ одобрилъ это предложеніе, сѣлъ въ карету Нарышкина, который захватилъ съ собою пару пистолетовъ—и противники поѣхали за городъ. Экипажъ остановился у рощи. Лакей отворилъ дверцу со стороны обиженнаго—и вспылчивый генералъ тотчасъ выпрыгнулъ. Дверца захлопнулась. «Левушка» высунулъ изъ окна кареты голову и закричалъ:

— Я сдержалъ свое слово: *оставилъ тебя на мѣстѣ*.

Кучеръ ударилъ по лошадямъ, пыль поднялась столбомъ—и экипажъ исчезъ. Взбѣшенный Пассекъ долженъ былъ пѣшкомъ воротиться въ городъ, и поклялся отмстить жесточайшимъ образомъ такую дерзкую, непростительную шутку «Левушки». Но тотъ зналъ, къ кому прибѣгнуть—и императрица помирила непримиримыхъ враговъ (Бант.-Кам., 483—484).

Нарышкинъ нѣсколькими годами пережилъ свою высокую покровительницу.

При императорѣ Павлѣ I Нарышкинъ также продолжалъ оставаться въ милости: какъ человѣкъ, не мѣшавшійя въ политику, онъ дѣйствительно былъ безвреденъ и продолжалъ оживлялъ собою дворъ. Мало того, «Левушка» иногда ходатайствовалъ передъ императоромъ за невинно пострадавшихъ. Болотовъ, со словъ А. С. Брянчанинова, бывшаго при Павлѣ пажомъ, разсказываетъ, что однажды, къ концу царскаго обѣда, является престарѣлый оффиціантъ, лишь только-что прибывшій изъ Сибири, откуда онъ былъ возвращенъ по ходатайству Нарышкина. При входѣ старика Павелъ сказалъ, обращаясь къ Нарышкину:

— Вамъ обязанъ я этимъ прекраснымъ дессертомъ... (Руск. Арх. М., 1864, стр. 472).

Подъ конецъ жизни на долю Нарышкина выпала было необходимость приняться за дѣло. Но и тутъ онъ отшутился.

Императоромъ Павломъ издано было повелѣніе, чтобы президенты всѣхъ присутственныхъ мѣстъ непремѣнно засѣдали тамъ, гдѣ состоятъ на службѣ. Пришлось и «Левушкѣ» первый разъ въ жизни явиться въ то мѣсто, гдѣ онъ былъ президентомъ около сорока лѣтъ—въ придворную конюшенную контору по должности оберъ-шталмейстера.

— Гдѣ мое мѣсто? спрашиваетъ онъ членовъ.

— Здѣсь, ваше высокопревосходительство, отвѣчаютъ они съ низкимъ поклономъ, указывая на огромное готическое кресло.

— Но къ этимъ кресламъ нельзя подойти—замѣчаетъ Нарышкинъ:—они покрыты пылью.

— Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, отвѣчаютъ члены,—никто въ нихъ не сидѣлъ кромѣ кота, который всегда тутъ покоится.

— Такъ мнѣ нечего здѣсь дѣлать—мѣсто мое занято.

И съ этими словами «Левушка» вышелъ изъ присутствія.

Едва-ли послѣ всего сказаннаго стоитъ приводить мелкія подробности и черты изъ жизни Нарышкина, разсѣянныя въ разныхъ изданіяхъ—въ «Сѣверномъ Архивѣ» (1827 г. ч. 27, № 11, стр. 261—описаніе даннаго Нарышкинымъ маскарада), въ «Отечественныхъ Запискахъ Свиньина» (1828 г., ч. 33, стр. 14—описаніе колонны на дачѣ Нарышкина), въ «Дневникѣ Студента» Жихарева (ч. I, стр. 250), въ «Русскомъ Архивѣ» (1863 г., стр. 99, 1866 г.—58, 1871 г.—1487, 2039 и др.), въ «Примѣчаніяхъ» Грота къ сочиненіямъ Державина, и проч. Нарышкинъ выразилъ собою и своею жизнью слишкомъ слабую и одностороннюю историческую функцію, и потому сказаннаго объ немъ въ настоящемъ очеркѣ мы считаемъ болѣе чѣмъ достаточно.

Нарышкинъ умеръ 9 ноября 1799 г., на 67-мъ году жизни— менѣе двухъ мѣсяцевъ не дожилъ до XIX вѣка: да едва-ли въ XIX-мъ вѣкѣ онъ и былъ-бы на мѣстѣ; едва-ли былъ-бы и нуженъ при иномъ строѣ жизни и иныхъ требованіяхъ.

Подобно тому римскому императору, который, умирая, спрашивалъ придворныхъ: «хорошо-ли я сыгралъ свою роль?» — Левъ Александровичъ Нарышкинъ тоже могъ спросить своихъ близкихъ, умирая на рубежѣ новаго вѣка: «Хорошо-ли я прошутилъ болѣе полувѣка?»

Фонвизинъ былъ правъ: Нарышкинъ былъ историческій *шпынь*— и кажется послѣдній.

1878.

Одинъ изъ „случаевъ“.

I.

Существуетъ мнѣніе, повидимому, общепринятое въ исторіи, что замѣчательные историческіе дѣятели, оставившіе по себѣ громкую славу въ безсмертныхъ памятникахъ своей дѣятельности, почти въ одинаковой мѣрѣ обязаны этою славою, какъ своимъ личнымъ талантамъ, такъ и талантливости лицъ, которыми они умѣли окружать себя; что, однимъ словомъ, люди, которымъ въ исторіи придается эпитетъ «великихъ», люди геніальные, или же просто выдающіеся, обладаютъ даромъ угадыванья и выбора себѣ такихъ помощниковъ и исполнителей своихъ намѣреній, которыхъ природа до нѣкоторой степени одарила такими-же, въ извѣстной мѣрѣ, равносильными качествами, коими сами обладали эти крупные историческіе дѣятели. За ближайшее подтвержденіе этого мнѣнія берутъ такія историческія личности, какъ Петръ I, Наполеонъ I, Екатерина II и другія. Такъ, зоркій глазъ Петра, сквозь густыя толпы родовитаго русскаго боярства, и даровитаго и бездарнаго, съумѣлъ выискать себѣ такихъ помощниковъ-«питомцевъ», какъ «счастья баловень безродный, полудержавный властелинъ», который и въ роли продавца пирожковъ не могъ ускользнуть отъ вниманія царя-плотника; о другихъ «питомцахъ» мы не упоминаемъ. Личныя качества Наполеона I помогли ему окружить себя такими сподручниками, безъ которыхъ собственныя силы Бонапарта едва-ли въ состояніи были-бы поставить чуть не весь міръ въ зависимость отъ упрямой воли корсиканскаго дворянина. Имя

[redacted]

Екатерины II окружается ореоломъ историческаго безсмертія только въ совокупности съ такими личностями, какъ Потемкинъ-Таврическій, Суворовъ-Италійскій, Румянцевъ-Задунайскій, Безбородко, Дашкова, Панины, Бецкій, Бибиковъ и другіе. Эта цѣлая «стая орловъ» Екатерины—подобрана лично ею, и подобрана съ такимъ умѣньемъ, которому нельзя не удивляться.

Здѣсь необходимо оговориться. Мы разумѣемъ здѣсь подборъ Екатериною государственныхъ дѣятелей, помощниковъ ея правительственныхъ дѣлъ: въ этомъ случаѣ, у нея было замѣчательное чутье на полезныхъ и дѣльныхъ, съ ея государственной точки зрѣнія, людей. Что это было дѣломъ сознательнаго выбора, а не женскаго инстинкта, доказательствомъ можетъ служить то, что многихъ изъ этихъ дѣятелей она лично не любила, не симпатизировала имъ, часто отталкивала незаслуженно; но когда она нуждалась въ ихъ талантѣ, зная что только они съумѣютъ помочь ей—она тотчасъ-же прибѣгала къ ихъ помощи. Такъ, она постоянно не любила Александра Ильича Бибикова, была съ нимъ холодна, отдаляла его отъ себя; но въ трудныя минуты, которыя переживало государство, когда Пугачовъ отхватилъ изъ-подъ скипетра Екатерины чуть не полъ-Россіи,—она немедленно призвала Бибикова спасать свою державу, чѣмъ и вызвала у него горькую иронію о «сарафанѣ, валявшемся подъ лавкой». Такъ, она постоянно чувствовала нерасположеніе къ Суворову, не симпатизировала ему, холодно и неохотно принимала его; но опять-таки въ минуты опасности она знала, что ей лучше и безопаснѣе всего укрыться за этою каменною, несокрушимою стѣною, и она призывала его тогда, когда нужно было, по смерти Бибикова, вырвать востокъ и югъ Россіи изъ рукъ Пугачова, и тогда, когда Турція готова была уничтожить всѣ плоды творчества Потемкина въ новопріобрѣтенномъ южномъ краѣ, и тогда, наконецъ, когда Польша въ послѣдній разъ подняла свою безталанную голову и выставила такого борца за воскресеніе разодранной и погребенной въ трехъ гробахъ старой отчизны, какъ Косцюшко. Все это, безспорно, доказываетъ присутствіе въ ней политическаго такта и чутья на хорошихъ людей. Но не всегда чутье это служило ей съ пользой при выборѣ личныхъ ея любимцевъ. Да оно и понятно. Съ одной стороны

здѣсь, при оцѣнкѣ человѣка, ее подкупало и ослѣпляло субъективное чувство, руководили побужденія чисто женскія, и ея государственно-политическое чутье, такъ сказать, притуплялось, будучи заглушаемо страстью; съ другой—выборъ этотъ, въ сущности, не требовалъ такой тщательности, такой осмотрительности, какъ первый выборъ, потому что роли личныхъ ея любимцевъ въ государственной жизни могли быть второстепенныя и третьестепенныя. Тамъ, при первомъ выборѣ, она нуждалась въ государственныхъ дѣятеляхъ, которыхъ дарованія совмѣщали бы въ себѣ всѣ искомыя ею качества — и умѣла находить ихъ; здѣсь — она искала другихъ качествъ, и государственная дюжинность, даже положительная бездарность могла быть тутъ на своемъ мѣстѣ. Въ первомъ случаѣ, въ выборѣ государственныхъ дѣятелей, она многаго требовала отъ лица, на котораго падалъ ее выборъ: болѣе всѣхъ этому многому удовлетворяла такая рѣдкая личность, какъ Потемкинъ, за которымъ не только Россія, но и вся современная Европа признала «геніальность»; митрополитъ Платонъ, въ частномъ письмѣ къ Амвросію, справедливо выразился о кончинѣ Потемкина, что «древо великое пало — былъ человѣкъ необыкновенный». Таковою же крупною, хотя, быть можетъ, нѣсколько одностороннею даровитостью является Суворовъ, котораго Клинтонъ называлъ «непрочтеннымъ іероглифомъ», а другіе иностранцы—«таинственнымъ сфинксомъ». Въ другомъ случаѣ, въ выборѣ фаворитовъ собственно, Екатерина искала немногаго, и въ этомъ случаѣ Потемкинъ опять-таки былъ счастливымъ сочетаніемъ этого немногаго со многимъ, и оттого Екатерина любила его больше всѣхъ и постояннѣе всѣхъ. «Немногое» это сама Екатерина опредѣляла такъ: избранникъ ея чувства долженъ быть только — «вѣренъ, скроменъ, привязанъ и благодаренъ до крайности» («Русс. Арх.», 1864, стр. 570). Но, въ послѣднемъ случаѣ, даже этому «немногому» не всегда отвѣчали нѣкоторые изъ ея избранниковъ, и въ числѣ таковыхъ едва-ли не самымъ рѣзкимъ подтвержденіемъ недостатка чутья въ Екатеринѣ при выборѣ личныхъ любимцевъ служилъ предпослѣдній изъ всѣхъ ея фаворитовъ—Дмитріевъ-Мамоновъ.

Знаменитый князь Щербатовъ, историкъ, котораго, по справедливости, можно назвать Тацитомъ вѣка Екатерины, хотя его

и упрекаютъ въ томъ, будто онъ писалъ свою исторію не «sine ira et studio», какъ римскій Тацитъ, а «cum ira et studio», и упрекаютъ едва-ли не потому, что его не любила Екатерина за его строгій приговоръ надъ современниками, — Щербатовъ слѣдующими немногими штрихами характеризуетъ любимцевъ этой государыни и въ томъ числѣ Дмитріева-Мамонова: «Каждый любимецъ, хотя и коротко ихъ время было, какимъ нибудь поро комъ, за взятые милліоны, одолжилъ Россію (окромѣ Васильчикова. который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру; Потемкинъ — властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и, можно сказать, всѣ другіе знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ или преисполняетъ окружающихъ его, и тако далѣ въ имперіи. Завадовскій ввелъ въ чины подлыхъ мало россіянъ; Корсаковъ приумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ не успѣлъ сдѣлать ничего; а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздаяніе чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ» («О поврежденіи нравовъ въ Россіи», Русская Старина, 1871, III, 678). Отзывъ, дѣйствительно, жосткій. но нельзя сказать, чтобы несправедливый. Надо замѣтить при томъ, что это написано Щербатовымъ какъ-разъ въ то время, когда Дмитріевъ-Мамоновъ былъ въ полной силѣ, и потому неумолимый историкъ говоритъ о немъ въ настоящемъ времени: «Мамоновъ вводитъ деспотичество»... Насколько правъ былъ князь Щербатовъ и насколько его *ira* и *studium* въ такой-же мѣрѣ служатъ исторической правдѣ, какъ и Тацитовское «sine ira et studio»—читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго.

Дмитріевъ-Мамоновъ происходилъ отъ древняго рода русскихъ бояръ, хотя ни одинъ изъ этого рода не выдавался особенно, какъ крупный политическій дѣятель. Болѣе замѣтною становится роль Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ въ царствованіе Петра I. Одинъ изъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, генералъ-аншефъ Иванъ Ильичъ, состоялъ въ тайномъ бракѣ съ царевной Прасковьей Ивановной, пятой дочерью царя Ивана Алексѣевича, которая была ограниченнаго ума,

очень не красива, худа и съ самаго дѣтства хворала (Шубинскій: «Письма леди Рондо», 170). Сама Екатерина, которая гордилась своими познаніями въ русской исторіи и даже «удивлялась малому соображенію князя Щербатова» (Храповицкій, изд. Барсукова), производила родъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ отъ Владиміра Мономаха. Такъ, Храповицкій говоритъ, что когда, въ 1790 году, Александръ Николаевичъ Зубовъ принесъ императрицѣ сенатскій указъ о томъ, чтобы Трегубову, дядѣ Зубова, дать титулъ князя, по происхожденію его отъ кабардинскихъ князей, государыня сказала: «Это дѣло примѣрное. Много такихъ, кои княжество потеряли, а другіе и не имѣли, но происходятъ только отъ князей. *Мамоновы происходятъ отъ Мономаха дѣйствительно*» (тамъ же, 326—327). Не придавая, конечно, этому обстоятельству никакого значенія, потому что родъ Мамоновыхъ могъ и не могъ происходить отъ Мономаха и это не помѣшало бы ему затереться въ числѣ захудалыхъ родовъ, вслѣдствіе ли дюжинности своихъ представителей, или вслѣдствіе другихъ причинъ,—мы не можемъ не придать значенія другому обстоятельству, именно, что родъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, такъ или иначе, что называется, вертѣлся около двора. Одинъ изъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ, какъ мы видѣли, женатъ былъ на царевнѣ. Другой Дмитріевъ-Мамоновъ, отецъ любимца Екатерины, по словамъ г. Бартенева, «съ Елизаветинскихъ временъ служилъ въ придворномъ вѣдомствѣ и могъ содѣйствовать успѣхамъ, какъ Потемкина (который былъ ему сродни), такъ и другого родственника своего, славнаго Фонъ-Визина» («Русск. Арх.», 1867, стр. 596). Само собою разумѣется, что сыну своему онъ тѣмъ болѣе старался проложить ту же дорогу—и старанія его не были напрасны: счастье не обошло его сына—на него упалъ лучъ историческаго безсмертія; правда, то было рефлективное отраженіе луча безсмертія, подобно тому, какъ этотъ лучъ упалъ рефлективно на фонарь Діогена, на знаменитую дубинку Петра I, на историческую шляпу Наполеона I, однако и фонарь, и дубинка, и шляпа стали понятіями историческими...

Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ Матвѣевичъ—предметъ нашего историческаго очерка—родился 19 сентября 1758 года. Слѣдовательно, когда Екатерина вступала на престолъ, будущему

[redacted]

ея любимцу не было еще и четырехъ лѣтъ. Мать Дмитріева-Мамонова была Анна Ивановна изъ рода Боборыкиныхъ. Когда Потемкинъ былъ уже въ зенитѣ своего величія, юный Дмитріевъ-Мамоновъ служилъ у него въ флигель-адъютантахъ. Когда затѣмъ Потемкинъ пожалованъ былъ званіемъ фельдмаршала, то юнаго Дмитріева-Мамонова онъ взялъ къ себѣ въ генеральсъ-адъютанты (Зап. Энгельгар., 39). Впрочемъ, во время безпрестанныхъ поѣздокъ Потемкина на югъ, гдѣ онъ занимался устройствомъ Новороссійскаго края, Дмитріевъ-Мамоновъ оставался въ Петербургѣ и не могъ не быть извѣстенъ Екатеринѣ. Такъ, уже въ 1783 году императрица, въ одномъ изъ писемъ къ Потемкину, между прочимъ, прибавляетъ: «Александръ Дмитріевъ(-Мамоновъ) тебѣ кланяется и ежедневно почти ходитъ освѣдомляться». Ясно, что у молодого генеральсъ-адъютанта хорошо было развито придворное чутье— тактъ и *случай* довершили остальное.

Графъ Сегюръ въ своихъ запискахъ обстоятельно разсказываетъ о мгновенномъ возвышеніи Дмитріева-Мамонова. Это было въ 1786 году. До этого времени «въ случаѣ» находился молодой Ермоловъ, который, по замѣчанію князя Щербатова, «не успѣлъ сдѣлать ничего», хотя и желалъ сдѣлать много, а именно—свергнуть Потемкина съ высоты его власти Къ удивленію всего двора—говоритъ Сегюръ—Ермоловъ началъ интриговать противъ Потемкина и вредить ему. Крымскій ханъ Сагимъ-Гирей, оставляя свою власть, получилъ отъ императрицы обѣщаніе, что его вознаградятъ и дадутъ ежегодное жалованье. Неизвѣстно почему, но уплата этой пенсіи была отложена. Ханъ, подозрѣвая Потемкина въ утайкѣ этихъ денегъ, написалъ жалобу, и, чтобы она вѣрнѣе дошла къ государынѣ, обратился къ любимцу ея Ермолову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить государыню противъ Потемкина Онъ думалъ, что успѣетъ свергнуть его. Всѣ недовольные высокомѣрнымъ княземъ присоединились къ Ермолову. Скоро императрицу обступили съ жалобами на дурное управленіе Потемкина и даже обвиняли его въ кражѣ Императрицу это чрезвычайно встревожило. Гордый и смѣлый Потемкинъ, вмѣсто того, чтобы истолковать свое поведеніе, оправдаться, рѣзко отвергалъ обвиненія, отвѣчалъ холодно и даже отмалчивался. Наконецъ, онъ не

только сдѣлался невнимательнымъ къ своей повелительницѣ, но даже выѣхалъ изъ Царскаго въ Петербургъ, гдѣ проводилъ дни у Нарышкина, самаго веселаго русскаго боярина XVIII вѣка, и, казалось, только и думалъ, какъ-бы веселиться и развлекаться. Негодованіе государыни было очень замѣтно. Казалось, Ермоловъ все болѣе успѣвалъ снискивать ея довѣріе. Дворъ, удивленный этой перемѣной, какъ всегда, преклонялся передъ восходящимъ свѣтиломъ. Родные и друзья князя уже отчаявались и говорили, что онъ губитъ себя своею неумѣстною гордостью. Паденіе его, казалось, было неизбѣжно; всѣ стали отъ него удаляться, даже иностранные министры. Фицъ-Гербертъ, англійскій посланникъ, велъ себя всѣхъ благороднѣе, хотя собственно и онъ радъ былъ паденію сановника, который въ то время болѣе держалъ сторону французовъ, чѣмъ англичанъ. «Что касается до меня—замѣчаетъ Сегюръ—то я нарочно сталъ чаще навѣщать его и оказывалъ ему свое вниманіе. Мы видались почти ежедневно, и я откровенно сказалъ ему, что онъ поступаетъ неосторожно и во вредъ себѣ, раздражая императрицу и оскорбляя ея гордость.

— Какъ! и вы тоже хотите, говорилъ Потемкинъ,—чтобы я склонился на постыдную уступку и стерпѣлъ обидную несправедливость, послѣ всѣхъ моихъ заслугъ? Говорятъ, что я себѣ врежу; я это знаю; но это ложно. Будьте покойны—не мальчишкѣ свергнуть меня: не знаю, кто бы посмѣлъ это сдѣлать.

— Берегитесь, сказалъ я:—прежде васъ и въ другихъ странахъ многіе знаменитые любимцы царей говорили тоже—кто смѣетъ? однако, послѣ раскаявались.

— Мнѣ пріятна ваша пріязнь, отвѣчалъ мнѣ князь,—но я слишкомъ презираю враговъ своихъ, чтобъ ихъ бояться. Лучше поговоримъ о дѣлѣ. Ну, что вашъ торговый трактатъ?

— Подвигается очень тихо, возразилъ я,—полномочные государыни настойчиво отказываютъ мнѣ сбавить пошлины съ вина.

— Такъ, стало быть, сказалъ Потемкинъ,—это главная точка преткновенія? Ну, такъ потерпите только—это затрудненіе уладится.

«Мы разстались, продолжаетъ Сегюръ,—и меня, признаюсь, удивило его спокойствіе и увѣренность. Мнѣ казалось, что онъ себя обманываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, гроза, повидимому, увеличи-

валась. Ермоловъ принялъ участіе въ управленіи и занялъ мѣсто въ банкѣ, вмѣстѣ съ графами Шуваловымъ, Безбородко, Воронцовымъ и Завадовскимъ. Наконецъ, повѣстили объ отъѣздѣ Потемкина въ Нарву. Родственники его потеряли всякую надежду; враги запѣли побѣдную пѣснь; опытные политики занялись своими разсчетами; придворные перемѣняли свои роли... Я терялъ главнѣйшую свою опору и, зная, что Ермоловъ скорѣе мнѣ повредитъ, чѣмъ поможетъ, потому что считалъ меня другомъ князя, я уже опасался за успѣхъ моихъ дѣлъ, которыя и безъ того подвигались туго. Однако, министры пригласили меня на совѣщаніе, послѣ короткихъ переговоровъ и нѣсколькихъ неважныхъ возраженій, согласились на уменьшеніе пошлинъ съ нашихъ винъ высшаго разбора и даже подали мнѣ надежду на болѣе значительныя уступки. Обѣщанія князя исполнились, и я не зналъ, какъ сообразить это съ его паденіемъ, въ которомъ всѣ были увѣрены. Черезъ нѣсколько дней все объяснилось: отъ курьера изъ Царскаго Села узналъ я, что князь возвратился побѣдителемъ, что онъ приглашаетъ меня на обѣдъ, что онъ въ большей милости, чѣмъ когда либо, и что Ермоловъ получилъ 130,000 рублей, 4,000 душъ, пятилѣтній отпускъ и позволеніе ѣхать за границу. На подвижной придворной сценѣ зрѣлища перемѣняются, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла. Екатерина II назначила новаго флигель-адъютанта Мамонова, человѣка отличнаго по уму и по наружности... Когда я явился къ Потемкину, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Ну, что, не правду ли я говорилъ, батюшка? что, уронилъ меня мальчишка? Сгубила меня моя смѣлость? а ваши полномочные все такъ-же упрямы, какъ вы ожидали? По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, господинъ дипломатъ, согласитесь, что въ политикѣ мои предположенія вѣрнѣе вашихъ». Новый адъютантъ государыни—заключаетъ Сегюръ—покровительствуемый Потемкинымъ, дѣйствовалъ съ нимъ заодно. Онъ скоро показалъ мнѣ свое желаніе сблизиться со мною. Императрица дозволила ему принять приглашеніе, которое я ему сдѣлалъ. Чтобы показать намъ свое особенное вниманіе, она, въ то время, какъ мы выходили изъ-за стола, тихонько проѣхала въ своей каретѣ мимо моихъ оконъ и милостиво намъ поклонилась (Записки Сегюра, 120—123).

Анонимный авторъ современнаго жизнеописанія Екатерины (Vie de Catherine II, impératrice de Russie. Paris, 1797, II, 201—202), разсказывая объ этомъ событіи согласно съ Сегюромъ, добавляетъ, однако, къ своему разсказу характеристическую подробность о паденіи Ермолова и о вступленіи въ фаворъ Дмитріева-Мамонова. Въ самый критическій моментъ Потемкинъ будто бы сказалъ Екатеринѣ: «Государыня! надо кѣмъ нибудь пожертвовать — прогнать или Ермолова или меня, потому что, пока вы будете держать у себя этого бѣлаго арапа (ce nègre blanc)—нога моя не будетъ у васъ...»

«Бѣлый арапъ»—это Ермоловъ, потому что онъ былъ сильный блондинъ.

Такъ начался «случай» Дмитріева-Мамонова.

Это было въ половинѣ іюля 1786 года: Мамонову въ это время было 27 лѣтъ отъ роду, Екатеринѣ—58.

II.

Храповицкій, этотъ безупречный монометръ русской исторіи восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія, этотъ рефракторъ внѣшней, дворцовой, кабинетной, государственной жизни Екатерины, Храповицкій, записывавшій каждое слово и движеніе царицы и всего разнообразнаго дворцоваго калейдоскопа, тщательно отмѣчавшій даже, когда онъ «потѣлъ» и когда «потѣла» государыня (стр. 34, 91 и др.), — Храповицкій не преминулъ, со свойственной ему тщательностью и осторожностью, занести въ свой дневникъ внѣшнія проявленія совершившагося дворцоваго переворота. Такъ, подъ 15-мъ іюля 1786 года у него записано: «Изъясненіе съ А. П. Е. чрезъ З.» Это значитъ — «изъясненіе съ Александромъ Петровичемъ Ермоловымъ чрезъ Завадовскаго». Изъясненіе императрицы съ своимъ любимцемъ чрезъ постороннее лицо—это уже значитъ, что звѣзда фаворита померкла, что «бѣлымъ арапомъ» пожертвовали. Тотчасъ же подъ этими многознаменательными словами Храповицкій приписываетъ съ красной

строки: «Вв. былъ въ вечеру А. М. М. на пок.». Значитъ: «Введенъ былъ въ вечеру А. М. Мамоновъ на поклонъ». На другой день, 16 іюля, находимъ въ дневникѣ Храповицкаго какіе-то іероглифы съ таинственными недомолвками: «Отъѣздъ А. П. Е. (конечно, Ермолова). Письмо къ М. (къ Мамонову?). Концертъ въ новомъ залѣ. М. по же. прох. чр. к. китайскую». Эти іероглифы должны означать: «Мамоновъ по женской половинѣ проходитъ чрезъ комнату китайскую».

17 іюля—новая отмѣтка: «Почивали до 9 ти часовъ». Отмѣтка эта имѣетъ важное значеніе въ глазахъ добросовѣстнаго Храповицкаго: дѣятельная, неутомимая государыня всегда вставала очень рано, раньше даже своей прислуги—и вдругъ она спитъ до девяти часовъ! Придворный метеорологъ не могъ обойти молчаніемъ этого факта: вмѣсто шести часовъ солнце встало въ девять. Дальше, подъ этимъ же числомъ, записано: «Чрезъ китайскую введенъ былъ Мамоновъ въ вечеру. Меня видѣли съ нимъ у Завадовскаго».— Далѣе, 18 іюля: «Притворили дверь». Это тоже фактъ, имѣющій значеніе въ придворной жизни: сама императрица притворяетъ дверь — значитъ, почему либо нужно было такъ. А послѣ этого факта значится: «Мамоновъ былъ послѣ обѣда и по обыкновенію—пудра».

Но вотъ и результаты таинственныхъ посѣщеній, отмѣченныхъ іероглифами Храповицкаго: 19 іюля Храповицкій получаетъ записку отъ императрицы. «Заготовьте — значится въ запискѣ—къ моему подписанію указъ, что преображенскаго полку капитанъ-поручика Александра Мамонова жалую въ полковники, и включить его въ число флигель-адъютантовъ при мнѣ» (записка эта напечатана въ «Русск. Арх.» 1872 г., 2065 — 2066, въ числѣ другихъ писемъ Екатерины). Въ дневникѣ же Храповицкаго подъ этимъ числомъ значится: «Поутру заготовленъ указъ въ флигель-адъютанты (не говоритъ даже кого — для него и такъ понятно; понятно и для насъ). Подписывали... Послѣ обѣда поднесенъ другой и объявленъ. Я поцѣловалъ ручку pour le confiance. Сіе было пересказано и принято съ удовольствіемъ».

Между тѣмъ, Потемкинъ, спихнувъ съ своей дороги «бѣлаго арапа» и поставивъ на его мѣсто своего птенца, успѣлъ въ это

время уже отлучиться по дѣламъ, которыхъ у него по горло. Но вотъ 20 іюля онъ снова возвращается ко двору. Юный птенецъ не можетъ не оказывать особенныхъ знаковъ вниманія самому крупному и самому сильному орлу изъ «стаи Екатерининскихъ орловъ». У придворнаго метеоролога на этотъ счетъ имѣется отмѣтка въ дневникѣ подъ 20-мъ іюля: «Возвратился князь Григорій Александровичь, коему Александръ Матвѣевичь (Мамоновъ) подарилъ золотой чайникъ съ надписью: «plus unis par le coeur que par le sang».

Черезъ нѣсколько дней о придворномъ переворотѣ узнаетъ вся Россія. Державинъ, знаменитый поэтъ, посредственный губернаторъ и плохой придворный, 26 іюля уже сообщаетъ Львову, извѣстному остряку своего времени, свѣжую новость: «ты можетъ быть уже знаешь, что гвардіи офицеръ Мамоновъ, а какъ зовутъ—не знаю, сдѣланъ флигель-адъютантомъ. А если не знаешь—такъ знай!»

До конца 1786 года имя Мамонова рѣдко появляется въ дневникѣ Храповицкаго, потому что человѣкъ этотъ—придворный до мозга костей, и потому, какъ видно, остороженъ даже во снѣ. Онъ упоминаетъ о Мамоновѣ только вскользь, при случаѣ. Такъ, 11 августа онъ отмѣчаетъ: «Выбрана и послана табакерка къ матушкѣ Александра Матвѣевича». Черезъ недѣлю, 18 августа, отмѣчаетъ, какъ погрызлись придворныя собаки: «Послѣ обѣда Муфти искусалъ Тезея». Собака Храповицкаго Муфти искусала собаку государыни—Тезея. Результатомъ этого придворнаго недоразумѣнія собакъ явилась отмѣтка въ дневникѣ Храповицкаго: «Милостивое извиненіе.—«Твоя собака сильнѣе моей». Писано къ Александру Матвѣевичу. Собаки себѣ, хозяева себѣ. Le cas est très désagréable». Наконецъ, 21 августа дневникъ отмѣчаетъ: «Поднесъ и написалъ указъ о бытіи графу Александру Андреевичу Безбородкѣ гофмейстеромъ; число поставлено 20-е, для того, можетъ быть, что въ тотъ день отецъ Александра Матвѣевича пожалованъ въ сенаторы». Но этотъ пробѣлъ въ дневникѣ Храповицкаго до нѣкоторой степени можетъ быть восполненъ какъ письмами самого Мамонова къ императрицѣ, такъ и извѣстными записками Гарновскаго, напечатанными въ «Русской Старинѣ». Письма, о которыхъ мы говоримъ, принадлежали редакціи сборника «Древней и Новой Россіи» и обя-

зательно сообщены намъ С. Н. Шубинскимъ. Всѣхъ писемъ—41: изъ нихъ 30 писаны еще въ то время, когда Мамоновъ находился при дворѣ; остальныя — по его удаленіи въ Москву. Первыя 30 писемъ еще нигдѣ не были напечатаны и представляютъ живой интересъ современности; по нимъ можно судить, какъ постепенно подготовлялась драма, кончившаяся паденіемъ Мамонова, хотя къ сожалѣнію, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, они не могутъ быть нынѣ вполнѣ напечатаны, тѣмъ не менѣе, главное ихъ содержаніе, за исключеніемъ неудобныхъ подробностей, мы приведемъ въ своемъ мѣстѣ; теперь же обратимся къ разсказамъ Гарновскаго.

У Гарновскаго, подъ 14-мъ декабря, значится слѣдующее. Графъ Безбородко призываетъ къ себѣ Гарновскаго, который завѣдывалъ въ Петербургѣ дѣлами Потемкина, и отъ имени императрицы таинственно говоритъ ему, что для государыни понадобились покои князя Потемкина, и поэтому Безбородко приказываетъ немедленно отопить ихъ, говоря, что обо всемъ остальномъ онъ получитъ приказаніе отъ Мамонова, что покои нужны для временнаго помѣщенія принцессъ. Гарновскаго это приказаніе смутило. «Размышляя о семъ прерывномъ и страннымъ для меня показавшемся разговорѣ, я не въ состояніи отгадать, что бы оный значилъ. Если бы покои, дѣйствительно, назначены были для принцессъ, то какая нужда держать намѣреніе сіе въ секретѣ? Развѣ только для того, чтобъ помѣщеніемъ симъ не подать публикѣ поводъ думать, что будто бы у свѣтлѣйшаго князя покои отъимаютъ? Но тѣмъ благопріятство графа Александра Андреевича (Безбородко) такъ далеко не простирается. Не утверждаю, а догадываюсь, что, подъ претекстомъ помѣщенія принцессъ, покои сіи на что нибудь другое назначаются. Нѣтъ почти ни малѣйшихъ слѣдовъ думать, чтобъ это было предзнаменованіе смѣны Александра Матвѣевича Мамонова, который, кажется, состоитъ въ милости и въ милости чрезвычайно высокой; однакожъ, при дворѣ нерѣдко и наканунѣ паденія ласкаютъ»...

Догадки Гарновскаго были неосновательны. Мамоновъ твердо стоялъ еще на своей недосягаемой высотѣ.

На слѣдующій день 15 декабря, Гарновскій, между прочимъ сообщаетъ разговоръ съ нимъ нѣкоего Новицкаго: «Александръ

Матвѣевичъ говорилъ, между прочимъ, ея величеству, что «ему при дворѣ жить очень скучно» и что между придворными людьми почитаетъ онъ себя такъ, какъ между волками въ лѣсу. Не наскучилъ бы онъ таковыми отзывами прежде времени». Далѣе: «Графъ Александръ Андреевичъ (Безбородко) открылъ ему было нѣчто мнѣ неизвѣстное, которое было принято Александромъ Матвѣевичемъ въ знакъ отличнаго къ нему графскаго доброхотства; но вскорѣ потомъ открылось, что сообщенная ему тайна была неосновательна. Александръ Матвѣевичъ говорилъ послѣ сего о графѣ Александрѣ Андреевичѣ, что онъ весьма хитръ и что такъ силенъ у царицы, какъ болѣе быть нельзя».

Любопытенъ случай, разсказываемый тутъ же Гарновскимъ и обнаруживающій отношенія Екатерины къ своему семейству—къ великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ. «Случилось недавно—говоритъ Гарновскій—что Александръ Матвѣевичъ настроенъ былъ поднести государынѣ купленныя ея императорскимъ величествомъ тысятъ въ 30 рублей серьги, въ то время, когда государыня купно съ великимъ княземъ и великою княгинею разговаривать изволила. Государыня, взявши серьги отъ Александра Матвѣевича, соизволила, показавъ оныя великой княгинѣ, спросить ея высочество: «Madame, comment les trouvez vous?» И какъ онѣ великой княгинѣ весьма понравились, то и были подарены ея высочеству. Великая княгиня была чрезвычайно рада, благодарила государыню и тотчасъ, скинувъ старыя серьги, соизволила вложить новыя. Это было передъ обѣдомъ въ воскресенье. Послѣ обѣда великая княгиня приказала звать Александра Матвѣевича на другой день къ себѣ. Александръ Матвѣевичъ просилъ на сіе соизволенія у ея императорскаго величества, но государыня была симъ крайне недовольна и изволила сказать:

— Ты! къ великой княгинѣ? зачѣмъ? ни подъ какимъ видомъ. Какъ она смѣла тебя звать!

«Послѣ сего ея императорское величество, призвавъ графа Валентина Платоновича (Мусина-Пушкина), приказала ему: «Поди тотчасъ къ великой княгинѣ, скажи, какъ она смѣла звать Александра Матвѣевича къ себѣ? Зачѣмъ? Чтобъ этого впредь не было!»

«Великая княгиня такъ сильно была симъ огорчена, что, пла-

кавши горько, наконецъ, занемогла. Послѣ сего прислана была отъ великаго князя Александру Матвѣевичу въ подарокъ прекрасная, бриллiантами осыпанная, табакерка, которую его превосходительство показывалъ ея императорскому величеству. Государыня, посмотрѣвъ оную, изволила сказать: «Ну, теперь ты можешь идти благодарить великаго князя, но съ графомъ Валентиномъ Платоновичемъ, а не одинъ». Однако же, великій князь отъ принятія сей визиты отказался» (стр. 15—17).

Такъ кончился первый годъ величія Мамонова. Но величіе это было призрачное, театральное: за сценою видны были двѣ могучія руки, которыя поддерживали эту живую картину, и стоило имъ только отстраниться—картина падала.

III.

Настаетъ 1787 годъ. «Начало года (говоритъ историкъ-панегиристъ Екатерины, Сумароковъ) представитъ намъ событіе великолѣпнѣйшее, достопамятное въ эпохахъ міра; Екатерина предпринимаетъ обозрѣть новое свое царство—Тавриду, и цари поспѣшатъ во срѣтеніе ей. Января 2 она, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, при пушечной пальбѣ, оставила столицу подъ управленіемъ графа Брюса и переѣхала въ Царское Село, гдѣ пробывъ пять дней, отправилась 7 числа въ славное путешествіе».

За императрицей — громадная, блестящая, невиданная свита. «Повозокъ—говоритъ Сумароковъ — было: 14 большихъ каретъ, 126 саней. Они занимали собой въ дорогѣ болѣе версты; поселяне смотрѣли на то съ изумленіемъ. Порядокъ и довольство, соблюдаемые при дворѣ, сохранялись съ точностію и въ пути; передовые гофъ-фурьеры приготовляли въ назначенныхъ мѣстахъ трапезы, ночлеги; императрица, по обыкновенію, пробуждалась въ 6 часовъ и занималась дѣлами; останавливалась для обѣдовъ въ 2, по вечерамъ послѣ разговоровъ и игры бостонъ расходились въ 9 часовъ; лишь перемѣнные чертоги напоминали о разлукѣ съ Петербургомъ. Какое пріятное общество изъ просвѣщенныхъ людей! Какая сво-

бода, простота! Сколько разныхъ анекдотовъ!... Иностранные министры сидѣли съ императрицею поочередно. Тогда продолжались жестокіе морозы, доходившіе до 17 градусовъ; и мы — говоритъ Сегюръ—кутались въ соболяхъ, попирали ногами богатые ковры. Повсюду встрѣчи отъ намѣстниковъ, губернаторовъ, дворянства, купечества, повсюду колокольные звоны; ночью горѣли на улицахъ костры дровъ, простолюдины сбѣгались къ окнамъ своей повелительницы, она запретила отгонять ихъ и, показываясь, удовлетворяла любопытству»... (Об. цар. и свойст. Екат. В., ч. 2, 195—197).

Съ своей стороны, Сегюръ говоритъ: «Наши кареты на высокихъ полозьяхъ какъ будто летѣли... Въ это время — во время самыхъ короткихъ дней въ году—солнце вставало поздно, и черезъ шесть или семь часовъ наступала уже темная ночь. Но для разсѣянія этого мрака восточная роскошь доставила намъ освѣщеніе: на небольшихъ разстояніяхъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, горѣли огромные костры изъ сваленныхъ въ кучи сосенъ, елей, березъ, такъ что мы ѣхали между огней, которые свѣтили ярче дневныхъ лучей. Такъ величавая властительница сѣвера среди ночного мрака изрекала свое: *да будетъ свѣтъ!...* Можно себѣ представить—какое необычайное явленіе представляла на этомъ снѣжномъ морѣ дорога, освѣщенная множествомъ огней, и величественный поѣздъ царицы сѣвера со всѣмъ блескомъ самаго великолѣпнаго двора»... (Сегюръ, 138—139).

И въ этомъ морѣ царственнаго блеска, въ этой поражающей глазъ толпѣ принцевъ, графовъ, князей и—по выраженію Сумарокова—«царей, спѣшащихъ во срѣтеніе царицѣ», въ этомъ волшебномъ царствѣ—фокусъ всего блеска — Мамоновъ! На Мамонова обращены взоры всѣхъ, потому что на него обращены взоры той, по волшебному мановенію которой состоялась эта увеселительная прогулка царей, принцевъ, князей, графовъ. Въ первой каретѣ этого небывалаго поѣзда, подъ который на каждой станціи запасалось по 560 лошадей, помѣщалась сама императрица, Мамоновъ, камеръ-фрейлина Протасова, австрійскій посланникъ графъ Кобенцель, Нарышкинъ и оберъ-камергеръ Шуваловъ; во второй каретѣ—англійскій министръ Фицъ-Гербертъ, французскій—графъ Сегюръ,

графъ Ангальтъ и графъ Чернышевъ. Черезъ день Фицъ-Гербертъ и Сегюръ мѣнялись мѣстами въ каретѣ императрицы съ Нарышкинымъ и Шуваловымъ. Одинъ Мамоновъ былъ постоянно въ первой каретѣ.

Какъ велъ себя этотъ новый временщикъ въ первое время своей власти, можно судить хотя бы по слѣдующему обстоятельству, сообщаемому Энгельгардтомъ о себѣ самомъ. Царственный поѣздъ остановился въ Кричевѣ, гдѣ войска отдавали честь императрицѣ. Былъ тутъ и Энгельгардтъ, авторъ извѣстныхъ «Записокъ», въ то время состоявшій въ штабъ-офицерской должности. Энгельгардту захотѣлось быть представленнымъ императрицѣ—и на бѣду ему удалось это! «Вотъ гдѣ мое самолюбіе претерпѣло униженіе (говоритъ онъ): въ день пріѣзда государыни увидѣлъ меня камердинеръ ея, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, который былъ уже въ полковничьемъ чинѣ, а когда я былъ адьютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, тогда онъ былъ камердинеромъ при немъ. Онъ спросилъ. былъ ли я у Мамонова. бывшаго моего товарища? Но какъ я сказалъ, что не былъ, то совѣтовалъ мнѣ къ нему явиться. Я послѣдовалъ его доброжелательству; ежели пользы никакой не получу, то, по крайней мѣрѣ, при многолюдствѣ покажу, что я знакомъ фавориту. Я выступилъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ впередъ и поклонился ему; но, вмѣсто того, чтобъ обратить на меня благосклонное вниманіе, онъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ и отвратился. Это было низкое мщеніе за мою съ нимъ бывшую ссору; но признаться, очень мнѣ было больно предо всѣми быть такъ униженү» (Зап. Энгельгардта, 64).

Въ концѣ января Екатерина пріѣхала въ Кіевъ. Городъ этотъ своимъ неустройствомъ и неряшествомъ произвелъ на императрицу неблагопріятное впечатлѣніе. Сынъ Мамонова, надѣлавшій много шуму въ время ополченія 1812 года, а потомъ не менѣе возбудившій толковъ своимъ сумасшествіемъ, разсказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: Екатерина, будучи недовольна Румянцевымъ, управлявшимъ въ то время этимъ краемъ въ качествѣ генералъ-губернатора и фельдмаршала, поручила своему фавориту Мамонову дать знаменитому полководцу почувствовать ея неудовольствіе. «Отецъ мой—говоритъ Мамоновъ-сынъ—исполнилъ щекотливое по-

рученіе съ возможной осторожностью и намекнулъ фельдмаршалу, что государыня ожидала найти такой городъ, какъ Кіевъ, въ лучшемъ состояніи. Герой Кагула почтительно и терпѣливо выслушалъ замѣчанія отъ моего отца и отвѣчалъ: «Скажите ея величеству, что я фельдмаршалъ ея войскъ, что мое дѣло брать города, а не строить ихъ, а еще менѣе ихъ украшать!»—Этотъ прекрасный, но грубый отвѣтъ былъ отголоскомъ непріязненнаго чувства, которое онъ питалъ къ князю Потемкину, вредившему ему во мнѣніи государыни. Въ тотъ же вечеръ слова Румянцева были въ точности переданы императрицѣ. Эта великая монархиня, сначала пораженная смѣлостью отвѣта, пріостановилась, на мгновеніе задумалась и сказала своему любимцу: «Онъ правъ!—Но пусть Румянцевъ продолжаетъ брать города, а мое дѣло будетъ ихъ строить!»

Со времени этого достопамятнаго путешествія—говоритъ г. Киселевъ, сообщившій въ «Русскомъ Архивѣ» отрывки изъ записокъ Мамонова-сына—Мамоновъ-фаворитъ сталъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, чему не мало способствовали ежедневные разговоры съ посланниками, участіе въ бесѣдахъ императрицы съ Потемкинымъ и, наконецъ, присутствіе его при свиданіяхъ Екатерины съ императоромъ Іосифомъ и королемъ Станиславомъ. Г. Киселевъ удостовѣряетъ также, что существуютъ гравированные портреты Екатерины и Мамонова въ дорожномъ платьѣ, оригиналы которыхъ были писаны, по повелѣнію императрицы, въ память этого путешествія. Оригиналъ портрета Екатерины находился у графа Мамонова («Рус. Арх.», 1868, 90—91).

Храповицкій, продолжая свои наброски день-за-день и отмѣчая все, что ему казалось замѣчательнымъ во время путешествія, рѣдко упоминаетъ имя Мамонова. Видно, что этотъ любимецъ, не смотря на свое высокое положеніе, въ политическихъ дѣлахъ оставался пока ничтожествомъ. Такъ, Храповицкій упоминаетъ о томъ, что Екатерина говѣла въ Кіевѣ и пріобщалась, а подъ 14-мъ февраля отмѣчаетъ: «Во время куртага подломился стулъ Александра Матвѣевича»... Событіе... Подъ 26-мъ марта значится: «Въ вечеру, по разборѣ московской почты, вынесъ Александръ Матвѣевичъ епитафію на мужское лицо весьма колкую и философическую. Я не отгадалъ: она отъ автора на автора (т. е. отъ писателя на

писателя), т. е. отъ ея величества». На другой день: «Сдѣланные мною стихи на вчерашнюю епитафію отдалъ Александру Матвѣевичу». Значитъ, пока пробавлялись стишками, и при томъ плохими. Самъ Храповицкій, какъ выражался Карамзинъ, «былъ добрый человѣкъ, хотя и худой стихотворецъ». А талантовъ Мамонова мы вовсе не видали. Что сама Екатерина была не высокаго мнѣнія о политическомъ геніѣ своего любимца, видно изъ слѣдующаго мѣста у Храповицкаго (21 мая): «Говорено съ жаромъ о Тавридѣ. Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнѣнія противнаго, которые жалѣютъ еще о бородахъ, Петромъ I выбритыхъ. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ молодъ и не знаетъ тѣхъ выгодъ, кои черезъ нѣсколько лѣтъ явны будутъ».

Гарновскій, остававшійся въ это время въ Петербургѣ, ловитъ всякій вздоръ и сообщаетъ о немъ, кому слѣдуетъ. Ясно, что вздоръ этотъ имѣетъ для современниковъ громадное значеніе. Такъ, Гарновскій записываетъ слѣдующія сплетни: «Александръ Матвѣевичъ почитается оставленнымъ за болѣзнью въ Нѣжинѣ и отъ двора навсегда удаленнымъ. Нѣкоторые признавали къ престолу приближеннымъ Милорадовича, а другіе—Миклашевскаго. Оглашенныя въ газетахъ царскія милости, въ бытность въ домѣ Миклашевскихъ явленныя, почитались достовѣрнымъ знакомъ монаршаго къ сей фамиліи благоволенія». Слухи эти, повидимому, распускаютъ и сами Миклашевскіе, и когда слухи оказываются вздоромъ, то нѣкто Судіенковъ обзываетъ Миклашевскаго «брехуномъ», говоря: «Брехунъ! впредь я ему не повѣрю»... Вздорные слухи, однако, ловятся лихорадочно Мамонова эти слухи высылаютъ за границу, а Потемкина сталкиваютъ съ высоты величія: «Многіе не въ пользу его свѣтлости толкуютъ и то, что его свѣтлость въ монастырѣ, а не во дворцѣ жить въ Кіевѣ изволилъ; во дворцѣ живутъ ея императорскаго величества камеръ-фрейлина, Александръ Матвѣевичъ, графъ Петръ Александровичъ (Румянцевъ) и графъ Ангальтъ» (Гарнов., 20, 21, 23).

Между тѣмъ, любимецъ все шелъ въ гору. Мы видѣли уже, какъ онъ проявилъ свое фатство передъ товарищемъ—Энгельгардтомъ, который, впрочемъ, самъ виноватъ былъ, что совался куда

не слѣдовало. Фатство это, по словамъ автора «Vie de Catherine II», подмѣтилъ и Іосифъ II, императоръ австрійскій, котораго удивляло хвастовство Мамонова; удивляло и то, что императрица все это сносила, хотя все это казалось очень страннымъ Іосифу. Такъ во время игры въ вистъ, Мамоновъ, при сдачѣ картъ, постоянно рисовалъ мѣлкомъ каррикатуры и чертилъ на столѣ всякій вздоръ, а императрица, съ картами въ рукахъ, терпѣливо ожидала, когда онъ кончитъ свои занятія (Vie de Cather., II, 212—213).

На возвратномъ пути изъ Крыма, въ Москвѣ, Екатерина произвела своего любимца «въ преображенскіе премьеръ-майоры» (Храпов., 39). По возвращеніи же въ Царское Село, Александру Матвѣевичу—по свидѣтельству Гарновскаго — отведены комнаты во флигелѣ ея величества, въ среднемъ этажѣ, о бокъ собственныхъ комнатъ ея императорскаго величества. Сверхъ сего занимаетъ онъ въ томъ же флигелѣ комнаты, какъ верхняго, такъ и нижняго этажа, такъ что у него всѣхъ до двадцати комнатъ будетъ. Никто не имѣлъ, да и теперь не имѣетъ толикаго числа комнатъ» («Рус. Стар.», 1876, V, 4). Въ это же время, повидимому, начинается и ближайшее участіе въ дѣлахъ неопытнаго еще временщика: «Мнѣ не удалось — говоритъ Гарновскій — поздравить въ первой день пріѣзда ни графа Александра Андреевича (Безбородко), ни Александра Матвѣевича, однако же, исполнилъ я сіе на другой день, по утру. Поздравивъ напередъ графа Александра Андреевича и по учиненіи нѣкоторыхъ взаимныхъ учтивостей въ рѣчахъ, доложилъ я его сіятельству, не угодно ли ему, по случаю отправленія курьера сего, писать къ его свѣтлости? Графъ отвѣтствовалъ мнѣ тако:

— До полученія отъ его свѣтлости отвѣта на посланную къ нему изъ Твери съ нарочнымъ курьеромъ весьма нужную и скораго отвѣта требующую депешу, писать теперь мнѣ нечего.

«Я на сіе представилъ его сіятельству, чтобы написалъ хотя двѣ строки, могущія преподать его свѣтлости свѣдѣніе о благополучномъ ея императорскаго величества сюда пріѣздѣ, на что графъ и согласился. Въ 12-мъ часу пополуночи не только вручилъ онъ мнѣ письма къ его свѣтлости и къ вамъ (къ Попову, съ которымъ Гарновскій и велъ постоянную переписку), но и двѣнадцать

золотыхъ выбитыхъ на путешествіе ея императорскаго величества медалей, для доставленія оныхъ къ его свѣтлости. Одна изъ сихъ медалей запечатана въ канцеляріи его сіятельства, прочія же одиннадцать принялъ я счетомъ, и у себя ихъ укладывалъ. Александръ Матвѣевичъ сказалъ мнѣ касательно отвѣта на вышеописанную депешу тоже, что и графъ Александръ Андреевичъ, изъ чего я заключаю, что Александръ Матвѣевичъ имѣетъ объ оной свѣдѣніе такое же, какъ и графъ Александръ Андреевичъ. И его превосходительство заманилъ я писать такимъ же образомъ, какъ и графа. Сегодня получилъ я письмо и отъ него, со вложеніемъ въ кувертѣ отъ него къ его свѣтлости и письма отъ ея императорскаго величества» (4—5).

Изъ всего видно, что и Безбородко, этотъ даровитый, хитрый хохолъ, работящій, какъ волъ, и Мамоновъ, уже понюхавшій запаха власти, оба чувствуютъ, что высшая государственная сила сидитъ въ Потемкинѣ, и видимо стараются льстить ему оба, справляются объ немъ у Гарновскаго, шлютъ черезъ него поклоны всесильному князю—Мамоновъ, однако, все шире и шире развертывается. 28 іюля, въ Царскомъ Селѣ, онъ задаетъ ужинъ, «на которомъ изволила быть ея императорское величество и нѣсколько лучшихъ изъ здѣшнихъ и чужестранныхъ особъ».

Интересно вообще прослѣдить, по запискамъ Гарновскаго, отношенія Мамонова къ Потемкину: эти отношенія объясняютъ многое. 9 августа отъ Потемкина были получены разныя письма. «Послѣ подачи писемъ — говоритъ Гарновскій — былъ я у Александра Матвѣевича, который принялъ меня не обыкновенно, но отмѣнно ласково и учтиво, такъ что я не знаю, чему приписать таковой отличной пріемъ. Онъ, удостоивъ меня прочесть письма, присланныя къ нему касательно бывшаго въ Кременчугѣ торжества, какъ отъ его свѣтлости, такъ и отъ васъ (Попова), пересказалъ также и то, что его свѣтлость къ ея императорскому величеству писать изволилъ; наконецъ, сказалъ мнѣ: — «Ея императорское величество крайне удивляется, да и я не понимаю, что бы тому за причина была, что на продажу Дубровицъ купчая не прислана?»—Надо замѣтить, что Потемкинъ продавалъ въ это время свои деревни Мамонову—и вотъ откуда такая изысканная любез-

ность послѣдняго. Хотя счастье со всѣхъ сторонъ валитъ фавориту, однако, ему и этого мало: въ немъ развивается алчность къ богатству. Передъ нимъ все пресмыкается, все ищетъ его расположенія. Въ этотъ же день, о которомъ говоритъ Гарновскій, знаменитый Архаровъ представляетъ «въ служители къ Александру Матвѣевичу привезеннаго имъ съ собою 24-хъ-лѣтняго ткача, ростомъ въ три аршина».

Но вотъ получаются ожидаемыя Мамоновымъ отъ Потемкина бумаги на продажу Дубровицъ. Въ бумагахъ какая-то неисправность. Императрица—законодательница и блюстительница своихъ законовъ—проситъ Храповицкаго «сказать истиное мнѣніе о скобленіи въ вѣрющемъ письмѣ на продажу деревень отъ князя Потемкина-Таврическаго для Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова» и т. д. (Храп., 45).

Впрочемъ, Мамоновъ, и помимо этого, кажется, искренно любилъ Потемкина, который былъ творцомъ его настоящаго величія. 15 октября Бауеръ, адъютантъ Потемкина, привозитъ отъ него реляціи о побѣдѣ у Кинбурна. «Я и г. Бауеръ—говоритъ Гарновскій — ужинали того числа у Александра Матвѣевича, который передъ ужиномъ объявилъ въ шутку намъ и прочимъ, къ ужину приглашеннымъ, о коихъ подноситель сего донести вамъ не преминетъ:

— Кажется, собрались мы здѣсь все такіе люди, которые не желаютъ добра шефу Екатеринославской арміи.

«За ужиномъ только и разговаривали о славной побѣдѣ подъ Кинбурномъ, надъ турками пріобрѣтенной. Послѣ ужина же сказалъ Александръ Матвѣевичъ:

— Я вамъ покажу планъ, изъ котораго вы усмотрите, что въ пору бы было и покойному королю Фридриху сдѣлать такое распоряженіе, каковое турками сдѣлано было при десантѣ и атакѣ Кинбурна. Нѣкто изъ генераловъ, разсуждая о семъ вверху, началъ было кое-какія примѣчанія дѣлать, однако же, я оному напрямикъ сказалъ: «иное судить о дѣлахъ, сидя въ горницѣ, а иное производить оныя на полѣ».

— Какъ государыня—довольна?

— Чрезвычайно. Да, полно, и есть чему порадоваться; по край-

ней мѣрѣ, люди, любящіе отечество свое и князя Григорія Александровича, должны радоваться сему» («Рус. Стар». 1876, III, 471—472).

Награждая орденами отличившихся подъ Кинбурномъ, императрица «съ великимъ трудомъ» набрала въ городѣ достаточное число орденскихъ лентъ для кавалеровъ и собственными руками уложила ихъ въ коробочку для отправки къ арміи. «Вотъ какъ награждаются воины, подъ предводительствомъ его свѣтлости находящіеся! (восклицаетъ Гарновскій). Нельзя при семъ случаѣ не сказать спасибо и Александру Матвѣевичу».

Слѣдующій случай еще ярче выказываетъ преданность Мамонова Потемкину. Гарновскій сообщаетъ, что за однимъ придворнымъ обѣдомъ Мамоновъ очень много говорилъ о Потемкинѣ и «утверждалъ, что никто на свѣтѣ не можетъ быть преданнѣе ея величеству, какъ его свѣтлость»; потомъ предложилъ тостъ за здоровье Потемкина. Государыня, принявъ оное съ отличнымъ благоволеніемъ и взявъ съ виномъ рюмку въ руки, соизволила проговорить:

— Да здравствуютъ предводители обѣихъ армій!»

Тостъ, конечно, поддержали остальные придворные. Одинъ Мамоновъ произнесъ: «да здравствуетъ предводитель екатеринославской арміи!»

Гарновскій приводитъ также слѣдующій интересный разговоръ, бывшій у него съ Мамоновымъ наединѣ, послѣ ужина 15 октября.

— «Послѣ разбитія бурею черноморскаго флота — говорилъ Мамоновъ—писалъ князь къ графу Петру Александровичу (Румянцеву) отчаянное письмо, съ котораго графъ прислалъ Завадовскому копію. Сей прочелъ оную мнѣ, а я, желая предупредить прочихъ докладчиковъ, пересказалъ содержаніе онаго государынѣ. Напрасно князь пишетъ, чувствительность свою изображающія, письма къ такимъ людямъ, которые не только цѣны великости духа его не знаютъ, но и злодѣйствуютъ его свѣтлости. Любя его свѣтлость, какъ родного отца и благодѣтеля моего, желалъ бы я, съ одной стороны, предостеречь его удержаться отъ такой вредной для него переписки, служащей забавою злодѣямъ его; съ другой же стороны, не хотѣлось бы мнѣ, при теперешнемъ дѣлъ положеніи,

ссорить его свѣтлость съ графомъ, а тѣмъ менѣе огорчать и тревожить князя. Зная вашу преданность къ его свѣтлости, вамъ сіе открываю. Напишите къ Василію Степановичу (Попову) и донесеніе вѣстей сихъ его свѣтлости отдайте на волю Василію Степановичу. Или нѣтъ, не пишите ничего; не надобно князя тревожить.

— Кажется, надобно написать, отвѣчалъ Гарновскій, — чтобъ предостеречь его свѣтлость. Я думаю, что Завадовскій не преминулъ снабдить копіями своихъ союзниковъ. Да и вамъ не безъ намѣренія онъ показывалъ.

— Это правда, что Завадовскій преданъ графу (Румянцеву) и ведетъ съ нимъ переписку; я это знаю. Однако-же, Завадовскій справедливый человѣкъ и честнѣе всѣхъ союзниковъ своихъ; одного я боюсь, чтобъ его свѣтлость преждевременно сюда не пріѣхалъ. Вотъ будутъ тогда злодѣи имѣть поводъ къ разнымъ толкамъ. Государыня, любя его и почитая честь его нераздѣльно съ своею сопряженною, крайне сего боится; знаете-ли, государыня увѣряла меня, что князь по полученіи позволенія быть сюда, тотчасъ сюда будетъ, и хотѣла со мною объ закладъ биться, а я увѣрялъ, что князь, не устроивъ тамошнихъ дѣлъ, не будетъ. Слава Богу, что сталося по-моему. Какъ государыня этому рада! да и зачѣмъ князь былъ-бы, не сдѣлавъ какого нибудь славнаго дѣла?

— Разстроенное его свѣтлости здоровье требуетъ перемѣны климата, возразилъ Гарновскій, — а можетъ быть, и состояніе теперешнихъ политическихъ дѣлъ въ Европѣ требуетъ здѣсь присутствія его. Впрочемъ, наступаетъ время вступленія войскъ въ зимнія квартиры, что̀ тамъ зимою дѣлать?

— Правда, отвѣчалъ Мамоновъ,—зимою можно пріѣхать, но не теперь. Если пріѣдетъ теперь, то много себѣ повредитъ; князю некого здѣсь опасаться. Доколѣ я буду то, что теперь есть, никто противу князя ничего не посмѣетъ, — я вамъ честію клянуся въ семъ! Сначала господа новые совѣтники затѣяли-было кое-что, но скоро имъ ротъ зажали; пусть князь ни о чемъ не тревожится. Что-же касается до политическихъ дѣлъ въ Европѣ, то я оныя читаю: съ этой стороны также нечего опасаться. Дай Богъ князю только здоровья, станетъ его не на одни турецкія дѣла, только-бъ не поспѣшилъ сюда пріѣздомъ».

Черезъ день послѣ этого разговора Мамоновъ снова говорилъ Гарновскому о Потемкинѣ:

— Сегодня Завадовскій сказалъ мнѣ: изъ Вѣны получено извѣстіе, что не явившійся въ Севастопольскую гавань черноморскаго флота корабль приведенъ со всѣмъ экипажемъ въ Царсградъ. Какъ завтра хотѣли докладывать о семъ ея императорскому величеству, то я уже сегодня предупредилъ государыню, которая не встревожилась симъ извѣстіемъ и опасается только, чтобъ князь, узнавъ объ ономъ, не запечалился. Бога ради, напишите къ Василію Степановичу, чтобъ князю возвѣстилъ вѣсть сію какъ можно осторожнѣе, и особливо увѣрили бы его свѣтлость, что государыня не безпокоится этимъ («Рус. Стар.», III, 474, 476—478).

Эта нѣжная, чисто женская заботливость государыни о своемъ подданномъ, заботливость о томъ; чтобъ не огорчить его тѣмъ, что должно еще болѣе огорчить самоё государыню, наконецъ, эта дѣтская заботливость о немъ-же Мамонова—все это такія черты, которымъ нельзя не сочувствовать, какъ въ Екатеринѣ, такъ и въ ея любимцѣ. Видно, что умѣли они цѣнить лучшую рабочую силу въ государствѣ и геніальность этой силы. Только у Мамонова оцѣнка эта была узка и не безкорыстна. У него не могло быть другого такого сильнаго союзника, какъ Потемкинъ. А другіе сановники, конечно, не любили выскочку, хотя нѣкоторые и льстили ему; но были и такіе, которые положительно не выносили его. Такъ, Гарновскій разсказываетъ, что Безбородко сталъ рѣдко бывать у государыни съ докладами, а если и бывалъ, то старался попасть тогда, когда тамъ не было Мамонова; если-же онъ встрѣчалъ у императрицы ея любимца, то тотчасъ-же торопился уходить. Однажды Безбородко пришелъ къ Екатеринѣ въ такое время послѣ обѣда, когда Мамоновъ обыкновенно бывалъ дома, и велѣлъ доложить о себѣ. Взойдя затѣмъ въ кабинетъ и заставъ тамъ Мамонова, «пришелъ онъ въ такую робость, что на чтеніе дѣлъ, о которыхъ онъ хотѣлъ докладывать ея императорскому величеству, и голосу не стало. Извиняясь болью въ горлѣ, просилъ онъ государыню, чтобъ ея императорское величество изволила прочесть сама принесенныя имъ бумаги, которыя онъ, оставя у ея импера-

торскаго величества, возвратился восвояси». Хотя, какъ мы видѣли выше, Мамоновъ написалъ на чайникѣ, подаренномъ Потемкину: «plus unis par le coeur que par le sang», однако, Гарновскій подозрѣваетъ тутъ значительную долю корыстности. Такъ, въ началѣ ноября этого-же года, онъ пишетъ: «Крайняя ненависть Александра Матвѣевича къ графу и усильныя старанія г-на Храповицкаго понравиться первому, заставляли опасаться, чтобъ изъ сего не родилось чего-нибудь. Будучи очевиднымъ свидѣтелемъ таковымъ обстоятельствамъ, за двѣ тысячи верстъ отъ васъ отдаленнымъ, неужели не имѣлъ я право пожелать вамъ добра преимущественнѣе предъ прочими? (Это онъ говоритъ Попову). Одна минута строитъ и разстраиваетъ. Вотъ причина, побудившая меня поступить на тотъ шагъ, за который вы гнѣваться изволите. Я увѣренъ, что Александръ Матвѣевичъ васъ любитъ; но сорочка ближе кафтана; всякой заботится о себѣ самомъ, не помышляя о другихъ, а особливо о находящихся въ отсутствіи. Впрочемъ, кромѣ Ивана Степановича (Рибопьера), по истинѣ усерднаго вамъ человѣка, я ни съ кѣмъ касательно васъ не говорилъ. Александру Матвѣевичу пріятно чтеніе реляцій (отъ Потемкина), но еще пріятнѣе гораздо дѣла Дубровицкія, и такъ нужны и его пр—ву напоминовенія». Жажда корысти заставляетъ Мамонова увиваться и около Гарновскаго: ему хочется «всеусильно присовокупить» къ своему Дубровицкому имѣнію еще и лѣсъ—и вотъ онъ упрашиваетъ его устроить это дѣльце черезъ Попова. Но въ то же время ему почему-то хочется перетянуть въ Петербургъ и Рибопьера—впослѣдствіи мы, впрочемъ, увидимъ, что черезъ Рибопьера, собственно черезъ «маханье» съ княжною Щербатовою въ домѣ Рибопьера, Мамоновъ и упалъ съ своей высоты. Въ началѣ ноября Львовъ, о которомъ мы говорили выше, былъ дурно принятъ государынею и со слезами жаловался на это Мамонову, говоря, что онъ хотѣлъ бы поступить въ армію Потемкина. Мамоновъ пользуется этимъ случаемъ, чтобъ вмѣсто Львова перетянуть въ казанскій кирасирскій полкъ своего друга, Рибопьера.

— Если сей переводъ исполнится, говоритъ онъ Гарновскому — то не худо будетъ, если его свѣтлость увѣдомитъ о семъ самъ государыню, а дабы не возымѣли подозрѣнія, что тутъ кроется

какая нибудь интрига, то можетъ государынѣ донести, что Иванъ Степановичу (Рибопьеру), по иностранству его къ нашей службѣ не привыкшему, приличнѣе быть въ полку, находящемся внутри Россіи, нежели въ такомъ, который находится теперь въ походѣ. Весьма мнѣ пріятно будетъ быть въ казанскомъ кирасирскомъ полку шефомъ, но надобно, чтобъ и о семъ его свѣтлость самъ писалъ къ государынѣ, ибо касательно себя никогда я ее ни о чемъ не прошу. Признаться вамъ, что почти жить не могу безъ Ивана Степановича; да и для князя, можетъ быть, лучше бы было, еслибъ Иванъ Степановичъ былъ здѣсь. Я ни съ кѣмъ не могу такъ откровенно говорить, какъ съ нимъ.

IV.

Изъ сопоставленія между собою событій того времени, дѣйствующихъ лицъ, интригъ, крупныхъ и мелкихъ, изъ всей суммы данныхъ, которыя представляютъ намъ оффиціальныя и частныя свидѣтельства описываемой нами эпохи, нельзя не вывести заключенія, что дѣлами государства ворочали привычныя руки, но что имъ не всегда довѣрялось, и при всемъ томъ такіе временщики, какъ Мамоновъ, въ общемъ государственномъ механизмѣ являлись ничтожнымъ винтомъ, которымъ привинчивались наименѣе нужныя части механизма. Государственная машина работаетъ неустанно, паровики при помощи невидимыхъ кочегаровъ и машинистовъ сообщаютъ машинѣ усиленный ходъ — чудовище-паровозъ идетъ шибко, повсюду слышенъ гулъ этого хода, и начальникъ движенія ловко направляетъ ходъ чудовища. Казалось бы, лицамъ близко стоящимъ около этого начальника, не мало должно быть дѣла; да и его не мало перепадаетъ на долю кочегаровъ и машинистовъ, въ видѣ Потемкиныхъ, Румянцевыхъ, Завадовскихъ, Безбородко и т. д. А между тѣмъ, на долю винта остается одно пассивное давленіе. Мамоновъ и Храповицкій заняты большею частью просмотромъ и перепиской комедій. 25 октября Храповицкій записы-

ваетъ: «Вопросъ мнѣнія о пьесѣ («Разстроенная семья»—сочиненіе Екатерины). Мною переписанная послана къ Мамонову, а обѣ черныя приказано запечатать». Черезъ мѣсяцъ почти снова въ дневникѣ Храповицкаго появляется имя Мамонова, и опять рядомъ не съ вопросами государственной важности, а съ вопросами кабинетнаго развлеченія. 18 ноября значится: «Послѣ поправокъ А. М. Дмитріева-Мамонова приказано было переписать «Разстроенную семью», но, по пріѣздѣ изъ дворца, прискакалъ ѣздовой и взялъ пьесу обратно, затѣмъ что не все еще по замѣткамъ выправлено». У Гарновскаго же болѣе выясняется придворно-общественная дѣятельность Мамонова. Князь Дашковъ, сынъ знаменитой Дашковой, президента Академіи Наукъ, поссорился на балѣ съ гвардейскимъ офицеромъ Іевлевымъ. Послѣдній вызвалъ Дашкова на дуэль. Дашковъ заподозрилъ почему-то въ этомъ дѣлѣ Мамонова, которому, равно какъ и Потемкину, хотѣлось будто бы погубить молодого Дашкова. Узнала объ этомъ и княгиня. «Зная нравъ сей штатсъ-дамы (сообщаетъ Гарновскій Попову), легко вы себѣ вообразить можете положеніе ея, къ кое она приведена была, услышавъ происшествіе сіе. Находясь въ отчаяніи, написала она къ Александру Матвѣевичу письмо, наполненное воплемъ, рыданіемъ и мщеніемъ, изъяснивъ въ ономъ, между прочимъ, и то, что для спасенія жизни сыновнія не пощадитъ она собственныя своея, и готова сама биться съ Іевлевымъ на шпагахъ, на поединкѣ». Мамоновъ помирилъ противниковъ, заставивъ Іевлева просить прощеніе у Дашкова, тѣмъ болѣе, что императрица строго приказала не допускать дуэли.

Около этого-же времени мы читаемъ у Гарновскаго такую замѣтку о Мамоновѣ: «Дворъ (т. е. Екатерина) весьма скучаетъ въ ожиданіи отъ его свѣтлости писемъ. Скучаетъ также и Александръ Матвѣевичъ въ ожиданіи извѣстій объ извѣстномъ лѣсѣ» («Рус. Стар.», 1876, III, 431, 494 и др.). Въ другомъ мѣстѣ проницательный и остроумный Гарновскій бросаетъ яркій свѣтъ на свойство тогдашнихъ придворныхъ интригъ и на то, какъ Екатерина хорошо понимала всѣхъ и умѣла лавировать между партіями, заставляя работать и ту и другую для общаго дѣла. «Александръ Матвѣевичъ—говоритъ онъ уже въ мартѣ 1788 года—не теряетъ

силы, да и партія (противная ему и Потемкину) не ослабѣваетъ. Ярость перваго противу послѣднихъ укрощается чинимыми отъ двора подарками, до *коихъ первой великой охотникъ;* дворъ-же (т. е. Екатерина) не щадитъ оныхъ потому, что симъ средствомъ содержитъ между обѣими равновѣсіе» (IV, 715). Гарновскій не обходитъ молчаніемъ самыхъ, повидимому, ничтожныхъ мелочей, въ которыхъ выражались дрязги разныхъ партій, силившихся переманить на свою сторону любимца Екатерины. Но эти мелочи стоили многаго Россіи, и оттого ихъ обходить нельзя. Завадовскій, ближе другихъ интригановъ-сановниковъ стоявшій къ Мамонову, старается свести его съ Безбородкомъ, постоянно приглашаетъ къ себѣ на ужины; но Мамоновъ, пугаемый Рибопьеромъ, не поддается на эту удочку. Разъ Рибопьеръ отлучился въ Кронштадтъ; воспользовавшись этимъ, Завадовскій «вынудилъ» Мамонова дать ему обѣщаніе на этотъ коварный ужинъ. Возвращается Рибопьеръ и пугаетъ Мамонова—отъ этого-де ужина добра не будетъ. «И въ самомъ дѣлѣ — восклицаетъ напуганный Мамоновъ — стараются меня помирить съ графомъ Александромъ Андреевичемъ: — что̀ князь будетъ обо мнѣ думать!» Между тѣмъ, дѣла идутъ своимъ чередомъ. Хитрый Гарновскій все подмѣчаетъ и обо всемъ доноситъ Потемкину чрезъ Попова. Въ началѣ 1788 онъ пишетъ, что дѣла идутъ старымъ порядкомъ: «Графъ Воронцовъ диктуетъ. Графъ Безбородко пишетъ и къ подписанію подноситъ. Александръ Матвѣевичъ, будучи, впрочемъ, сильнѣе всѣхъ ихъ, не входитъ ни въ какія почти дѣла...» Пошептомъ говорятъ въ городѣ, что г. Судіенковъ отправился къ его свѣтлости для того, чтобъ склонить его свѣтлость на удаленіе отъ двора Александра Матвѣевича; къ сему присовокупляютъ, что и государыня на сіе согласна». И тутъ-же прибавляетъ: «Отправившійся въ Малороссію гр. Завадовской украшенъ рогами, Львомъ Кирилловичемъ (Разумовскимъ) его превосходительству поставленными».... Все это сообщалось, взвѣшивалось, соображалось — для государства! Что въ общей жизни государства вся эта мелочь имѣла не малое значеніе—это несомнѣнно: невидимыя мелкія пружинки приводили въ движеніе крупныя, а эти послѣднія тѣмъ или инымъ давленіемъ отражались на организмѣ всего государства. Все это сквозитъ въ каждой нотаткѣ

Храповицкаго, въ каждомъ словѣ постоянно нашептывающаго кому слѣдуетъ Гарновскаго. 6 января у Храповицкаго стоитъ нотатка: «въ 10 часу вечера прислана прибавка къ комедіи «Разстроенная семья»; тутъ описанъ, кажется, И. А. Глѣбовъ, подъ именемъ Услужникова, и приказано, чтобы актеры скорѣе вытвердили, а Ал. М. Дмитріевъ-Мамоновъ требовалъ копіи съ той прибавки». Значитъ, Глѣбову, генералъ-прокурору—не сдобровать. Подъ 11-е января у Храповицкаго другая нотатка: «А Мамоновъ подарилъ мнѣ цугъ лошадей. Играли въ городѣ первый разъ «Разстроенную семью» съ совершеннымъ успѣхомъ. Ужинали у Александра Матвѣевича». А у Гарновскаго по этому поводу такое нашептыванье: «Третьяго дня исходатайствовалъ Александръ Матвѣевичъ г. Храповицкому въ награжденіе 10,000 руб. Не подумайте, чтобъ это награжденіе значило что-нибудь важное. Ни мало нѣтъ. Это сдѣлано въ досаду графу Александру Андреевичу, чтобы дать публикѣ знать, будто-бы Храповицкій дѣлами ворочаетъ. Въ самомъ-же дѣлѣ у Храповицкаго нѣтъ никакихъ дѣлъ. Самъ г. Храповицкій не могъ довольно надивиться пріобрѣтенному награжденію, не зная, за что оное воспослѣдовало» («За переписку комедій»—добавлено въ примѣчаніи). Восходя выше по этой придворной лѣстницѣ, мы видимъ, какъ за придворной сценой, за занавѣсью всѣмъ ворочаетъ одна сильная рука. Въ бумагахъ Храповицкаго находятся собственноручныя письма Екатерины, напечатанныя нынѣ въ «Русскомъ Архивѣ», изъ которыхъ письмо отъ 15-го января содержитъ такое распоряженіе: «Въ Эрмитажѣ находятся фонари, кои выписаны для ложи Рафаелевой, но не поставлены, а отданы спрятать, о чемъ можете навѣдаться у тамошнихъ камердинеровъ, изъ нихъ возьмите шесть такихъ, кои не выбраны изъ уклажи, и отдайте ихъ совсѣмъ увязанные, такъ чтобы ихъ везти можно было, генералу-майору Дмитріеву-Мамонову, а Гваренгію прикажите на мѣсто тѣхъ выписать другіе такіе-же («Рус. Арх.», 1872, 2073). И у Храповицкаго въ дневникѣ стоитъ на этотъ счетъ нотатка.

Какъ ни прочно было положеніе Мамонова, но противныя партіи продолжали зондировать почву, основываясь на историческомъ опытѣ, что тамъ, гдѣ въ государственный принципъ введенъ «слу-

чай» — все возможно. Оттого ловкій Гарновскій самъ сознается, что онъ постоянно лавируетъ между Сциллой и Харибдой. Онъ говоритъ, что одинаково «ласкаетъ» и Мамонова, и врага его— Безбородко. «По пріѣздѣ сюда вашихъ курьеровъ (пишетъ онъ Попову) являюсь я, избравъ удобное время, *прежде всѣхъ* къ графу Александру Андреевичу и напоминаю его сіятельству, что мнѣ тако поступать отъ васъ предписано, *и такимъ-же образомъ* поступаю и у Александра Матвѣевича. Въ противномъ случаѣ былъ-бы или тотъ, или другой въ претензіи. Реляціи ея имп. величеству подносятся руками Александра Матвѣевича, но съ согласія графа Александра Андреевича».... Онъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ Мамонова — и все это передаетъ, куда слѣдуетъ. «Александръ Матвѣевичъ (говоритъ онъ въ концѣ января) не перестаетъ продолжать своей къ его свѣтлости преданности. Боже избавь начать что нибудь говорить въ присутствіи его противъ его свѣтлости. Равномѣрно и дворъ доброжелательствуетъ его свѣтлости попрежнему, въ доказательство сему можетъ служить препровождаемый при семъ отъ ея имп. величества тулупъ въ ящикѣ, обшитомъ черною клеенкою, собственною ея имп. ве—ва рукою на имя его свѣтлости надписанномъ: «Князь, можетъ быть, тамъ пообносился». Гарновскій не забываетъ сообщать и о размолвкахъ, какія бывали иногда между Екатериной и Мамоновымъ. Такъ, 16 февраля, онъ замѣчаетъ, что «государыня, поразмолвясь съ Ал. Матвѣевичемъ, пролежала день въ постелѣ. Теперь опять все ладно». А Храповицкій около этого времени отмѣчаетъ: «Укладывалъ купленный у Фицгерберга серебрянный сервизъ, пожалованный А. М. Д. М — ву». У Гарновскаго есть свѣдѣнія, указывающія отчасти на самый характеръ Мамонова. Нарочный Гарновскаго, подосланный къ Валуеву, спрашиваетъ между прочимъ: «Что слышно о графѣ-докладчикѣ (Безбородко)?»—«Мамоновъ съ ногъ его валитъ. Такъ и валитъ съ ногъ (отвѣчаетъ Валуевъ). Однако-же, Мамоновъ не Ланской покойникъ. *Даетъ онъ себя знать и другимъ.* Жалко, графъ предобрый человѣкъ».... Желая, чтобъ лакомая жертва никоимъ образомъ не выскользнула изъ рукъ одной партіи, Гарновскій опутываетъ Мамонова, словно паукъ муху: онъ ему и винограду астраханскаго препод-

носитъ отъ Потемкина, такъ что часть винограду попадаетъ и къ императрицѣ, и льститъ ему надеждой «сбыть съ рукъ» графа Безбородко. Такъ, онъ съ этой цѣлью подсылаетъ къ Мамонову Рибопьера, почему-то особенно любимаго фаворитомъ.

— Слава Богу (льстиво говоритъ Рибопьеръ), дѣла наши хорошо идутъ, князь тебя любитъ; Василій Степановичъ (Поповъ) тебѣ преданъ, ты ихъ также любишь —одного намъ недостаетъ....

— А чего?—допытывается недогадливый временщикъ.

— Чтобы сбыть съ рукъ нашего недоброхота (Безбородко), а на его мѣсто возвести....

— Трудно—признается временщикъ:—однако-же....

Но Рибопьеръ долженъ отправляться къ войску: противъ него подведены мины съ противной партіи, потому что онъ — другъ Мамонова и, повидимому, умнѣе, дальновиднѣе его.

— Разставаясь съ нимъ (жалуется Мамоновъ Гарновскому), плакалъ я, какъ ребенокъ. Желалъ бы быть съ нимъ навсегда вмѣстѣ, но по теперешнимъ обстоятельствамъ нельзя сему никакъ помочь. Скажу вамъ то, что я скрылъ и отъ самаго Ивана Степановича (Рибопьера). Три недѣли тому назадъ, какъ государыня изволила мнѣ сказать: «Рибопьеру пора ѣхать. Онъ имѣетъ полкъ, а теперь военное время». Посудите, что послѣ сего дѣлать?

«Изъ сего видно (замѣчаетъ съ своей стороны догадливый Гарновскій), что дворъ, почитая Ивана Степановича за предводителя его пр-ва, отъѣздомъ его доволенъ. Вреденъ отъѣздъ Ивана Степановича для насъ потому, что для уловленія его пр-ва разставлены сѣти. И сіе утверждать буду, кромѣ другихъ примѣчаній, собственными же его пр-ва словами.

— Какой прекрасной цугъ ямскихъ лошадей у Петра Васильевича (Завадовскаго)! Знаете, онъ мнѣ хотѣлъ его подарить, однако же, я не взялъ, хотя, впрочемъ, подобнаго цугу въ городѣ нѣтъ».

«И такъ (заключаетъ Гарновскій), нужно Ивана Степановича прислать сюда обратно».

Обращаясь къ Храповицкому, ближе Гарновскаго стоявшему къ главнымъ дѣйствующимъ лицамъ данной эпохи, мы находимъ въ его бумагахъ слѣдующую записку, присланную къ нему Екатериною 8 февраля этого года (1788):

«Александръ Васильевичъ. Скажите батюшкѣ духовнику, что Александръ Матвѣевичъ у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, который онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощьми, и чтобъ онъ отобралъ нѣсколько частицъ для того» («Рус. Арх.», 1866, стр. 70). Другое ея же письмо къ Храповицкому касается Мамонова только [illegible]. Вотъ оно: «[illegible] (шведскій путешественникъ, посѣтившій Петербургъ) [illegible] къ Александру Матвѣевичу, что къ нему [illegible], когда онъ не былъ дома, приходилъ съ [illegible] сего вечера былъ въ Эрмитажѣ, прося знать дать, когда ему [illegible]. Я [illegible], что [illegible] подобную составляетъ [illegible] и для того васъ о семъ извѣщаю, чтобъ [illegible] въ такой часъ, когда я дома, но во время [illegible] у [illegible] его посмотрѣть днемъ [illegible], какъ я вамъ сего утра приказывала при [illegible]». И [illegible] у Храповицкаго отмѣчено: «[illegible] прикрѣпляется, довольно [illegible]». Мамоновъ въ это время у Храповицкаго [illegible] «Арх[illegible]». [illegible] по дѣлу [illegible] Устинова, и на его письмо къ А. М. [illegible] (Мамоновъ?) [illegible] не имѣла права [illegible]. Ясно, что Мамонова [illegible] у А. М. [illegible]: сія пьеса [illegible] «Le Corbeau et le [illegible]» «Приказано [illegible] А. М. Д.-Мамоновъ [illegible] въ генералъ-адъютанты [illegible] генералъ-поручика. [illegible] другъ. [illegible] Екатерина. Мой отвѣтъ, что [illegible] заслугами. *Je le* [illegible].

[illegible] Мамонова [illegible], что Гарновскому [illegible] въ это самое время [illegible] и [illegible]. «Какъ въ [illegible] Щербатова влюб-

лена въ Александра Матвѣевича и сей взаимно будто бы ее любитъ, то о семъ говорили Александру Матвѣевичу многіе, въ томъ числѣ и графъ Яковъ Александровичъ (Брюсъ), совѣтовавшій его превосходительсту поступать осторожнее.—Александръ Матвѣевичъ почиталъ таковыя слухи за пустыя и негодныя выдумки. Между тѣмъ, княжна поѣхала на резиденцію въ Царское Село. Вамъ извѣстно, что въ Царское Село берутъ только тѣхъ фрейлинъ, о которыхъ бываютъ просьбы, а по сему надобно думать, что кто-нибудь о княжнѣ просилъ. Чуть ли не просила о семъ Анна Степановна Протасова для съигранія какой-нибудь интриги. Сія особа крайне ненавидитъ Александра Матвѣевича, такъ какъ и сей ее. Его превосходительство, кромѣ другихъ, сказывалъ и мнѣ, что государыня почитаетъ Анну Степановну за шутиху. Какъ бы то ни было, Анна Степановна играетъ свои роли порядочно, и дѣлаютъ ей многіе молодые люди куръ, изъ коихъ лучше другихъ принимается Кочубей. Куръ дѣлать не молодой невѣстѣ значитъ, какъ я думаю, ничто иное, какъ имѣть ея въ потребномъ случаѣ протекцію».

И прозорливый Гарновскій, кажется, не ошибался. Отношенія княжны Щербатовой къ Мамонову оказались впослѣдствіи, что называется, роковыми для временщика и погубили его, конечно, съ точки зрѣнія Мамонова и его современниковъ.

V.

Княжна Щербатова, Дарья, дочь князя Ѳедора Щербатова, въ качествѣ сироты, по протекціи Потемкина, взята была ко двору и жила на половинѣ фрейлинъ. Въ «Русскомъ Архивѣ» напечатано очень интересное письмо ея тетки, княжны Дарьи Черкасской-Бековичъ, которымъ она проситъ Потемкина принять ея племянницу сиротку подъ свое покровительство. Вотъ это письмо, съ соблюденіемъ великосвѣтской орѳографіи княжны Чаркасской: «Свѣтлейшей князь! Милостивой государь! Известное ваше человѣко-

любия ко всемъ нещастнымъ подала смелость и мне прибѣгнуть смоею прозбою о племяннице моей кнежне Щербатовой; подаите руку помощи въ ея нещастномъ полаженние. Мать ея, а моя сестра выдана была за князя Щербатова, которая, по прошествия нѣкотораго времени, претерпѣвъ многия мученьи отъ оннаго мужа своего, наконецъ была согната здвора и принуждена возвратитца въ домъ отцовской, гдѣ и умерла, оставя по себѣ малолѣтною сию дочъ. По кончине сестры моей, корыстолюбивые виды побудили князя Щербатова требовать, чтобъ племянница моя, а его дочь отдана была ему на воспитания, что и принудила отца моего утруждать всемилостивѣйшую государоню зданесеніемъ о всехъ подробностей, вслѣдствіи чего тогда и соизволила указать отдать отцу моему на воспитанья. Но приключившая ему кончина и перемена моего положения побуждаетъ проситъ вашего покровительства, чтобъ ей жить во дворце подсмотреніемъ госпожи Малтицовой, чемъ вы составите ея щастия, и мое благоденствия»... и т. д. «всепокорная услужница кнежна Дарья Черкаская» («Рус. Арх.», 1865, ст. 707).

Какъ видно, «госпожа Мальтицова» (баронесса Мальтицъ) не усмотрѣла... Это та самая Мальтицъ, гофмейстерина, которая просила Екатерину отпускать ей по 100 р. на день для фрейлинскаго стола и о которой императрица выразилась по этому поводу: «она хочетъ то красть сама, что крали повара» (Храпов., 210—211). Понятно, что ей некогда было смотрѣть за княжной Щербатовой. И вотъ уже 28 февраля 1787 года у Храповицкаго записано: «Открыта интрига Щербатовой съ Фицъ-Гербертомъ», англійскимъ министромъ при русскомъ дворѣ. Вѣроятно, это и была та же интрижка, о которой упоминаетъ и Сегюръ, говоря, что Фицъ-Герберть влюбленъ, и т. д. Какъ бы то ни было, но черезъ годъ послѣ этого у прекрасной княжны началось, какъ тогда говорили, «маханіе» съ Мамоновымъ, который дѣлалъ ей «куръ» тайно отъ императрицы. Но объ этомъ послѣ. А теперь прослѣдимъ дальнѣйшую дѣятельность Мамонова, отношенія къ нему императрицы и другихъ придворныхъ и государственныхъ дѣятелей, а равно остальныя перипетіи придворныхъ интригъ, такъ сказать, «Мамоновскаго цикла».

Подъ 26-мъ мая у Храповицкаго записано: «Вчера въ вечеру А. М. Д.-Мамоновъ получилъ увѣдомленіе отъ графа Кобенцеля, что пожалованъ графомъ Римской имперіи. Изъяснясь съ гр. Безбородко, заготовилъ я указъ о дозволеніи принять сіе достоинство, и, пославъ съ Захаромъ, получилъ подписанный». Гарновскій тоже сообщаетъ объ этомъ Потемкину и прибавляетъ отъ себя: «Такимъ образомъ, май доставилъ почестей добрый пай Александру Матвѣевичу». Говоритъ также объ ужинѣ, бывшемъ по этому случаю у Мамонова, и о томъ, что на ужинѣ присутствовала императрица и что «предъ ужиномъ представлена была въ комнатахъ его же сіятельства (Мамонова) комедія французская».

Замѣтно, что Екатерина сама старалась пріучить Мамонова къ государственной дѣятельности. Такъ, 2 іюня, Храповицкій отмѣчаетъ, что по поводу начавшейся шведской войны и назначенія командиромъ войскъ въ Финляндіи Михельсона, «отдалъ и о семъ записку Н. И. Салтыкову, *а надобно было отдать графу А. М. Д.-Мамонову*. Съ нетерпѣніемъ сказано (императрицею): «O, mon Dieu! vous m'avez dérangé toute l'affaire!» А 21 іюня Екатерина высказалась еще опредѣленнѣе: «Примѣтна досада (на шведскія дѣла). «*Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобъ побить шведа*». Замѣчанія, по симъ обстоятельствамъ сдѣланныя, носилъ къ А. М. Д.-Мамонову. «*Онъ разуменъ и будетъ присутствовать въ совѣтѣ, чтобъ имѣть тамъ свой глазъ*».

Повидимому, замѣчаетъ это усиленіе Мамонова и противная Потемкину партія и силится опутать своими сѣтями любимца государыни. Гарновскій говоритъ, что австрійскій императоръ, будучи чѣмъ-то недоволенъ на Потемкина, хочетъ ближе сойтись съ Румянцевымъ и Безбородкомъ. «Графъ Александръ Матвѣевичъ не хочетъ сему вѣрить, но надобно, чтобъ онъ вѣрилъ. Онъ не хотѣлъ и тому вѣрить, что прошедшей зимы графъ Брюсъ и Завадовскій его для того часто на ужинъ звали, чтобъ послѣ попойки воспользоваться слабостію его; но теперь этому вѣритъ, выслушавъ неоспоримыя мои доказательства. Кто повѣритъ, что Завадовскій, ничего хмельнаго не пьющій, напивался допьяна? Неужели изъ преданности къ графу Александру Матвѣевичу?»

Нельзя не обратить при этомъ вниманія на одно обстоятель-

ство. которое очень важно въ дѣлѣ оцѣнки Мамонова, какъ лица историческаго. Вся жизнь Екатерины доказываетъ, что, нося въ себѣ самой крупныя дарованія, она преклонялась, иногда не охотно, передъ этой силой въ другихъ, какъ напр. въ Суворовѣ, въ Бибиковѣ, Румянцевѣ и другихъ. которые ей лично были непріятны. Крупную силу она вполнѣ цѣнила въ Потемкинѣ. Она сама признавалась, что не любитъ «мелкостей»—дюжинности, а во всемъ предпочитаетъ «большія предпріятія». Кажется, сколько мы можемъ догадываться, она чувствовала «мелкость», дюжинность Мамонова, и это было ей горько, хотя она сама себѣ не сознавалась въ этомъ. Но это проскальзывало помимо ея воли—въ вспышкѣ, въ невольно брошенномъ словѣ. Такъ, напр., она велѣла изготовить энергическіе приказы командирамъ флота съ непремѣннымъ требованіемъ «побить шведовъ». На другой день зашла объ этомъ рѣчь. «Тутъ (говоритъ Храповицкій) Александръ Матвѣевичъ замѣтилъ, чтобъ не говорить рѣшительно, ибо, можетъ быть, и второе сраженіе Грейга не успѣшнѣе будетъ Сіе не съ удовольствіемъ принято. «*Я не люблю мелкостей, но большія предпріятія*»; по такимъ предписаніямъ сражаться не будутъ». Сегодня, однакожъ, носилъ опять переправленный указъ, который, при повтореніи вчерашней мысли, подписанъ.—Сказывалъ я тутъ же еще о замѣчаніи графа Александра Матвѣевича по письму къ Криднеру, заготовленному, pour ne pas approuver le chaleur qu'il a montré dans les explications avec Bernsdorf, потому что и графъ Разумовской жаромъ тѣмъ съ датчанами успѣха не получилъ. *Вдругъ огорчились совершенно*, сказавъ: «какъ привязываться къ словамъ!» Почти сквозь слезы говорили и, поставя le zèle, подписали; потомъ, оборотясь на вчерашнюю поправку, увѣряли, что фонъ-Дезинъ ничего не сдѣлаетъ, имѣя нерѣшительное повелѣніе. «Наши люди не таковы».—При всемъ томъ, Екатерина, кажется, не теряла надежды, что изъ Мамонова можетъ выйти и государственный дѣятель, и полководецъ. Такъ, когда начали въ Петербургѣ опасаться, что шведы могутъ взять столицу, Екатерина сказала со слезами:

— Если разобьютъ стоящія въ Финляндіи войска, то составя изъ резервнаго корпуса каре, сама пойду!

И дѣйствительно, она приказала составить резервный корпусъ и командиромъ его назначила—Мамонова... («Рус. Стар.», 1876, V, 22).

Неимовѣрно быстрое возвышеніе Мамонова, расточаемая ему повсюду лесть, сбиванье съ толку то одною, то другою партіею и нескончаемыя интриги дѣлаютъ то, что владычествуетъ не Мамоновъ, а другіе: «графъ же нашъ (говоритъ о фаворитѣ Гарновскій), самолюбіемъ ослѣпленный, не видитъ сего». Мало того—онъ начинаетъ скучать своимъ положеніемъ; оно не по немъ; оно слишкомъ высоко и слишкомъ широко для неособенно глубокой натуры. «*Скучно*, говоритъ онъ: *нынѣ долго здѣсь быть нельзя*»... (Тамъ же, 26). Да, это правда—не такіе тутъ люди нужны. Сердце Мамонова, какъ видно, болѣе лежало къ французскимъ комедіямъ и къ такимъ людямъ, съ которыми можно было бы весело поболтать. Такъ, по свидѣтельству Гарновскаго, Мамоновъ болѣе «жалуетъ забавнаго нрава людей, умѣющихъ складно пороть чуху, къ статѣ и не къ статѣ», и такимъ онъ называетъ извѣстнаго Архарова, очень полюбившагося временщику («Рус. Стар.» 1876, II, 244). Кромѣ того, по свидѣтельству же Гарновскаго, Мамоновъ «крайне любитъ собственныя свои дѣла: прочтя бумаги о несчастіи, съ флотомъ случившемся, тотчасъ спросилъ меня (говоритъ Гарновскій): «Не пишетъ ли къ вамъ Василій Степановичъ о бумагахъ Дубровецкихъ?—(Тамъ же, 265). А между тѣмъ, человѣкъ этотъ имѣлъ страшную власть и буквально могъ заправлять государственными дѣлами съ полной неограниченностью. Онъ былъ сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ и какъ умѣлъ: но онъ и не хотѣлъ, и не умѣлъ. Никто изъ прежнихъ любимцевъ, даже Потемкинъ, не могъ поколебать довѣрія къ Безбородкѣ; а онъ поколебалъ. Чтобы судить, до какой степени Екатерина снисходила къ своему баловню,—достаточно прочесть его разговоръ съ нею по поводу дѣла о наградѣ капрала Ломана и Исаева. Чтобы покончить съ этимъ дѣломъ, Екатерина сказала:

— Я отдамъ дѣло сіе графу Александру Андреевичу (Безбородко), чтобъ онъ выправился, какъ подобные имъ награждались.

— Какъ! кому?—спросилъ Мамоновъ.—Только и людей на

свѣтѣ? Я вамъ сказывалъ уже сто разъ и теперь подтверждаю, что я съ Безбородкою не только никакого дѣла имѣть, но и говорить не хочу. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ отдавать человѣку дѣла, разсмотрѣнію его не принадлежащія. Не угодно ли вамъ надѣвъ на него шишакъ и нарядивъ въ кавалергардское платье, пожаловать его шефомъ сего корпуса? Очень къ статѣ. Однако же, и въ то время я ему кланяться не намѣренъ. Я знаю, кто я таковъ, а онъ—такой сякой (ругательства, которыхъ даже Гарновскій, очень свободный на языкъ, повторять не рѣшается). Я лучше пойду въ отставку.

— Ну, ну! . На что же сердиться (успокоивала императрица баловня). Я Храповицкому отдамъ, или ты самъ отдай, кому хочешь.

Дня черезъ два послѣ этого Мамоновъ вспомнилъ объ этихъ спорныхъ бумагахъ, но на столѣ ихъ не нашелъ.

— Куда бумаги мои дѣвались?—спросилъ онъ императрицу.

— Я думаю, что гр. Безбородко пріобрѣлъ ихъ съ прочими бумагами—отвѣчала государыня. Скажи, пожалуй, что тебѣ графъ сдѣлалъ, и для чего не отдавать справедливости достоинству его и заслугамъ?

— Хотѣлъ я наплевать на его достоинства, на его самаго и на всю его злодѣйскую шайку!

«Я стыжусь описать всѣ ругательства, на счетъ графской и его партіи произнесенныя (замѣчаетъ Гарновскій). Словомъ сказать, прежестокая была ссора. Дворъ (т. е. Екатерина) принужденъ былъ, наконецъ, присвоить графу имя без...... и цѣлую ночь проплакать. Примиреніе, о коемъ дворъ весьма сильно старался, насилу воспослѣдовало, послѣ ссоры три дня спустя. Видно, хотя любовь и имѣетъ свое могущество, но довѣренность къ тріумвирату (къ Безбородко и его партіи) не совсѣмъ еще погибла» и т. д. («Рус. Стар.», 1876, II, 201—202).

Намъ кажется, что едва ли тутъ Гарновскій не увлекся своей фантазіей и не сочинилъ этого разговора. Да и кто могъ слышать подобный разговоръ или передать? Камердинеръ Захаръ? Марья Савишна Перекусихина? Но и при нихъ, вѣроятно, подобнаго разговора не могло быть. Правда, и Храповицкій не рѣдко упоминаетъ

вскользь, что была-де размолвка, ссора, гнѣвъ, и что государыня или «изволили плакать» или «пролежали въ постели»; но такія сцены, какія описываетъ Гарновскій, едва ли были возможны. Какъ бы то ни было, сила въ рукахъ Мамонова была страшная, и онъ—скучалъ этой силою; она гнула, давила его, какъ ничтожество.

Между тѣмъ, исторія съ княжной Щербатовой все болѣе и болѣе становилась гласною и начала возбуждать разныя подозрѣнія. Дѣлались и подходящія комбинаціи о скорой отставкѣ любимца. Такъ, 26 іюля, «при спускѣ въ адмиралтейской верфи корабля, многіе запримѣтили, что съ нѣкоимъ отставнымъ секундъ-маіоромъ Казариновымъ, который служилъ предъ симъ въ преображенскомъ полку и находился тогда на ординарцахъ у его свѣтлости, разговаривали долго сначала гр. Безбородко, потомъ Завадовскій. Казаринова *превозплашали*, но кажется (говоритъ Гарновскій), что означенные господа дѣлаютъ ему куръ попустому». Но вотъ что было не попустому: Гарновскій прибавляетъ, что «во время вечернихъ собраній, Александра Матвѣевича посылали часто гулять по набережной - стали примѣчать, что у Александра Матвѣевича происходитъ небольшое съ княжною Щербатовою махание». И вотъ Гарновскій доноситъ Потемкину: «Все сіе и стеченіе многихъ побочныхъ обстоятельствъ заслуживало вниманія и сему вѣрить хотя нельзя было всему, но и не вѣрить еще того хуже. Представя картину сего Александру Матвѣевичу, пунктъ о Казариновѣ весьма его обезпокоилъ. Онъ находился въ такомъ смущеніи, что мнѣ надлежало употребить многіе способы къ отвращенію его отъ произведенія по сей части слѣдствія путемъ верховнымъ. Поласкавъ самолюбію, сдѣлался онъ повеселѣе.

— Судя объ этихъ дѣлахъ попрежнему, вѣдь, и лѣта уже не тѣ, *да и никто не былъ на такой ногѣ, какъ я*,—сказалъ онъ Гарновскому.—Что обо мнѣ говорятъ въ городѣ?

Гарновскій отвѣчалъ: «Многіе васъ похваляютъ за то, что вы изъ благодарности къ его свѣтлости преданы; касательно же васъ и соціетета, то та часть изъ двухъ имѣетъ перевѣсъ, которая сильнѣе; напримѣръ, стали говорить, что государыня часто бесѣдуетъ съ гр. Воронцовымъ, тогда въ публикѣ соціететъ сильнѣе васъ казался: когда же вы доносъ Чесменскаго (о томъ, что армія дурно

содержится) опрокинули въ глазахъ всего социетета, тогда публика почла васъ сильнѣе социетета» (социететъ—это партія, противная Потемкину).

— А ты что обо мнѣ думаешь, скажи правду безъ лести? — спросилъ Мамоновъ Гарновскаго.

Этотъ хитрецъ отвѣчалъ уклончиво: «Доколѣ вы къ его свѣтлости пребудете преданнымъ, сами захотите и не подадите повода увѣрить, что вы въ кого нибудь влюбились—чтобъ онъ пересталъ съ княжною Щербатовою махаться—вы будете таковы всегда».— «Это его сіятельству такъ полюбилось (прибавляетъ Гарновскій), что онъ пожаловалъ мнѣ тарелку съ фруктами, присланную къ ему отъ государыни, и которая, если не ошибаюсь, назначена была княжнѣ».

Къ этому, безъ сомнѣнія, времени относятся сообщенныя намъ С. Н. Шубинскимъ письма Мамонова, о которыхъ мы упомянули выше. Это видно отчасти и изъ того, что подъ ними Мамоновъ подписывается *графомъ*: «Вашего императорскаго величества вѣрноподданный графъ Дмитріевъ-Мамоновъ». Изъ писемъ видно также, что они принадлежатъ тому времени, когда уже началась шведская война: государыня то отъ тревогъ, то отъ размолвокъ съ своимъ любимцемъ часто занемогала—и все это сквозитъ въ письмахъ Мамонова. Такъ, второе изъ нихъ слѣдующаго содержанія: «Vous faites fort bien de rester en repos sur votre canapé, j'avais envie de vous le conceiller, car aprés avoir souffert d'une maniere aussi terible pendant tout un jour il faut absolument prendre ses aises. Je vous aime au dela de toute expression». Второе письмо—или третье по порядку, еще опредѣленнѣе говоритъ въ пользу того, что оно писалось лѣтомъ 1788 года. Въ немъ Мамоновъ говоритъ: «Что ужасная была пальба вчерась съ 3-го часу, въ томъ никакого сумнѣнія нѣтъ. Что надлежитъ до одержанной побѣды, то и о первой здѣсь купцы скорѣе знали, нежели мы. *Гласъ Божій—гласъ народа*. Ce qui est bien vrai et trés clair c'est que je vous aime beaucoup». Въ четвертой запискѣ значится: «Я вчерась въ 1-мъ часу былъ у васъ, мой другъ сердешной, взялъ вашу печать и какъ было очень темно, то насила ее отыскалъ. Велите мнѣ сказать, каковы вы и хорошо ли почивали ночь. Je vous aime de

tout mon coeur». Затѣмъ время и поводъ написанія слѣдующаго письма можно опредѣлить съ точностью. Вотъ это письмо: «Мнѣ...... самому не вѣрится, что я почти уже здоровъ и тотчасъ послѣ обѣда буду имѣть удовольствіе видѣть... ... Вас. С. Поповъ далъ коммисію какъ я слышу сдѣлать себѣ походную аптечку. Сдѣлайте мнѣ милость, прикажите оную собрать у себя подобную той, которую вы мнѣ пожаловали, въ ней такіе медикаменты, кои ему впредь полезны быть могутъ». Дѣйствительно, Поповъ просилъ Гарновскаго изготовить ему походную аптечку, и когда Мамоновъ узналъ объ этомъ, то «умолялъ» Гарновскаго не посылать своей, а обѣщалъ достать все необходимое отъ государыни: Екатерина была такъ внимательна къ Попову, что тотчасъ же прислала походную аптечку къ Гарновскому.

Но вотъ письма Мамонова начинаютъ обнаруживать, что между нимъ и императрицей «что-то» произошло: безъ сомнѣнія—это «маханіе» съ княжной Щербатовой. Отсюда страданія, ревность, нездоровье. «Je ne suis de tout point content de ma journée,—пишетъ Мамоновъ,—vous souffrez et vous me faites soufrir aussi. Voyons qu'ai-je fait? De quel crime pourrez-vous m'accuser? Mon plus grand desir est de vous plaire, de faire tout au monde pour vous voir tranquille, gaye et heureuse. Je vous dis et vous les repette je ne suis du tout point amoureux de la personne en question, jamais n'ai cherché a en être aimé. Je vous aime bien sinceremens et voila ce qu'il y a de drès sur». Онъ оправдывается, что ни въ кого не влюбленъ, а между тѣмъ въ городѣ говорятъ не то: Гарновскій ему тоже говоритъ.

Слѣдующія письма носятъ болѣе или менѣе дѣловой характеръ. Вотъ въ какихъ формахъ выражались эти дѣловыя отношенія Мамонова къ императрицѣ. Онъ пишетъ: «Je vous envoye . . . . ce que je viens de recevoir de mon pere, si vous n'etes pas affairée vous pourrér le lire. Я желалъ бы знать, что оказалось, по справкѣ, въ письмѣ г. Пушкина и чѣмъ вы рѣшились въ разсужденіи рекомендованныхъ офицеровъ». Ясно — отношенія дружественныя, семейныя. Другое письмо такое же: «Меня матушка князь Н. Алексѣевичъ Голицынъ просилъ о исходатайствованіи у васъ того мѣста, которое имѣлъ покойникъ Шахов.:

6*

естьли вы въ виду другого не имѣете; я ему обѣщалъ вамъ доложить и сказать отвѣтъ».

Не смотря на размолвки, на подозрѣнія, императрица, повидимому, все болѣе и болѣе привязывалась къ своему любимцу: она положительно не знала, чѣмъ его утѣшить, какъ показать ему свое расположеніе. Приближается день его имянинъ—надо подумать о сюрпризахъ для дорогого имянинника. Императрица трудится надъ сочиненіемъ проверба для своего баловня въ то время, когда гулъ шведскихъ орудій заставляетъ дрожать дома въ столицѣ. Провербъ готовъ три дня до имянинъ счастливца Александра Матвѣевича. Императрица пишетъ Храповицкому 27 августа, препровождая къ нему свой провербъ — «Les voyages de m-r Bontemps»: «Пожалуй, прикажи переписать, и когда переписано будетъ, то отдайте актерамъ, чтобъ выучили, буде можно, къ Александрову дню, чтобъ surpris-ою играть у графа Мамонова въ комнатахъ. Буде же не могутъ выучить къ тому времени, то лучше отдать самому Александру Матвѣевичу» («Русск. Арх.», 1872, стр. 2073). У Храповицкаго тоже не мало заботъ и бѣготни по случаю предстоящихъ имянинъ любимца, такъ что ему и спать некогда. «Въ кабинетѣ и у Беера нѣтъ вещей (пишетъ онъ у себя въ дневникѣ: это, конечно, «вещей» для подарка дорогому имяниннику). Велѣно мнѣ послать къ золотарямъ. Самъ былъ послѣ обѣда во дворцѣ и представилъ забранныя у золотарей вещи, изъ коихъ взяты часы въ 8,300 руб для вел. кн. Александра Павловича и трость въ 3,700 руб. для графа А. М. Д. Мамонова... Въ 7-мъ часу прислали переписать proverbe: «Les voyages de m-r Bontemps»; кончится: a beau mentir qui vient de loin... Приказано отдать актерамъ, чтобъ въ Александровъ день сдѣлать сюрпризъ и сыграть у гр. Мамонова въ комнатѣ. Уладя дѣло съ барономъ Ванжуромъ (фортепіанистъ), кончилъ переписку во 2-мъ часу за полночь».

И вдругъ всѣ хлопоты для дорогого имянинника оказались напрасными! Онъ раскапризничался. Онъ ожидалъ ордена Александра Невскаго а ему дали трость—какая горькая обида! Храповицкій замѣчаетъ у себя 29 августа: «*Ѣздили* (это императрица) ко всеночной въ Невскій монастырь. *Сама изволила* носить трость

къ гр. Д.-Мамонову. Онъ притворился больнымъ, не бывъ ничѣмъ доволенъ, но желая ордена Александровскаго. Сказалъ З. К. Зотовъ (камердинеръ государыни) за секретъ»... Значитъ, все пропало даромъ. Мало того—и провербъ не играли, и дорогая табакерка осталась неподаренною... «*Выбрали* табакерку съ бриллiантами въ 1800 руб. и положили къ себѣ на столъ... Не давали proverbe за болѣзнію гр. Д.-Мамонова» (отмѣчаетъ Храповицкій). Зоркій глазъ Гарновскаго тоже все это подмѣтилъ, и 2 сентября онъ сообщаетъ, куда слѣдуетъ: «Графъ Александръ Матвѣевичъ купилъ у Михаила Сергѣевича (Потемкина) 2,432 души въ Ярославской губерніи за 230,000 р. (почти по 100 р. за душу!) Въ Александровъ день, кромѣ пожалованныхъ имянинику 10,000 р. и съ бриллiантами трости, никому ничего не пожаловано. Наканунѣ Александрова дня, въ самый тотъ день и въ послѣдующій, гр. Александръ Матвѣевичъ былъ болѣнъ лихорадочнымъ припадкомъ. Теперь здоровъ по прежнему» («Русск. Стар.», VI, 215).

Но дорогой имянинникъ добился-таки своего. Гарновскій съ замѣчательнымъ юморомъ передаетъ всю эту исторію и послѣдующія продѣлки обезумѣвшаго отъ самодурства фаворита. Въ сентябрѣ Гарновскій доноситъ Потемкину: Болѣзнь, графу Александру Матвѣевичу приключившаяся, принудила съ отправленіемъ сего позамѣшкаться. Наканунѣ Александрова дня онъ съ государынею немножко поразмолвился и отъ сего три дня пролежалъ, подъ видомъ лихорадки, въ постелѣ, *съ которой на четвертый день подняли его явленныя ему милости словесныя и существенныя*. Тутъ увидѣлъ я у него александровской орденъ, который хотѣли возложить на него въ день кавалерскаго праздника, еслибъ лихорадка не отсрочила исполненіе сего до дня Рождества Пресвятыя Богородицы... Утѣшаясь знакомъ ордена сего, хотя онъ и сдѣлался повеселѣ, однако же не переставалъ быть въ задумчивости, которую, не зная настоящей причины, приписывалъ 60,000 р., кои онъ занялъ у Сутерланда въ число суммы, уплаченной Михайлу Сергѣевичу за купленныя у сего деревни. Можно бы было обойтись и безъ займа, ибо мы изъ нашего имущества сбыли съ рукъ однѣ ассигнаціи, а съ золотомъ ни подъ какимъ видомъ разстаться не хотѣлось. Не хотѣлось ему, впрочемъ, ни должникомъ быть, ни-

же о заплатѣ долгу кого слѣдуетъ просить. Сія-то. по догадкамъ моимъ, причина погружала его въ задумчивость. Знающему странный его нравъ сіе не покажется удивительнымъ, ибо его и бездѣлица въ состояніи мучить и тревожить. Къ сему. подоспѣла новая непріятная для него встрѣча. Наканунѣ 8 сентября вотъ что произошло вверху:

«*Брюсъ.*—Я свою деревню продамъ, коли вы покупать не хотите».

«*Мамоновъ.*—Продавайте! а кто покупаетъ?

«*Брюсъ.*—Казариновъ!

«*Мамоновъ* (поблѣднѣвши, весь въ лицѣ перемѣнившись и почти умирающимъ голосомъ).—Казариновъ человѣкъ бѣдной, откуда онъ возьметъ столько денегъ?

«*Государыня.*—Вишь не одинъ Казариновъ въ свѣтѣ. Покупаетъ можетъ быть не тотъ, о которомъ ты думаешь.

«*Брюсъ.*—Сынъ покойнаго оберъ-секретаря сенатскаго».

NB. Не одинъ Казариновъ! (замѣчаетъ Гарновскій) — стало быть. Казариновъ извѣстенъ, но впрочемъ покупающій деревню не тотъ, о которомъ говорятъ въ городѣ.

«Нельзя себѣ представить (продолжаетъ Гарновскій), въ какомъ безпорядкѣ графъ тогда находился. Неизвѣстность, горечь, досада и отчаяніе такъ сильно имъ овладѣли, что онъ принужденъ былъ, сказавшись больнымъ, сойти внизъ. Это было въ исходѣ 10-го часа пополудни, при концѣ комнатныхъ собраній, ежедневно при дворѣ бываемыхъ. Пришедъ домой, началъ онъ жаловаться на спазмы въ груди, которыя дѣйствительно начали его тогда же мучить и, наконецъ, до того усилились, что въ 1-мъ часу пополуночи надлежало ему пустить кровь, потому что жизнь его была въ крайней опасности. 8-го числа государыня, услышавъ о семъ происшествіи, залилась слезами. Между тѣмъ, графу сдѣлалось легче, такъ что онъ ходилъ вверхъ и возвратился оттуда съ александровскимъ орденомъ. Послѣ обѣда опять мучили его спазмы, хотя не такъ сильно какъ наканунѣ. Рожерсонъ и Мекингъ были почти денно и нощно у него не безъ дѣла, но, не смотря на усердныя ихъ старанія и дѣйствія цѣлительныхъ составовъ, изобильно больнымъ принятыхъ, спазмы то переставали, то возобновлялись почти

двѣ недѣли къ ряду и при томъ не одни спазмы составляли терпимую имъ болѣзнь, но присовокупилась къ онымъ жестокая гипохондрія, которая не отставала отъ него ни на одну минуту; во время болѣзни онъ почти никого не принималъ и даже посѣщенія государыни были ему въ совершенную тягость. Предо мною старался онъ всегда описывать непостоянство жизни человѣческой, опасность своея болѣзни и напоминать объ отличныхъ къ нему милостяхъ монаршихъ, дабы не подать повода къ подозрѣніямъ, что у него, кромѣ болѣзни, есть на сердцѣ печаль, которую онъ однако же, сколько языкомъ ни таилъ, но на лицѣ скрыть не умѣлъ. Увѣривъ меня крѣпко, что *никого такъ не любили, какъ его,* онъ стыдился открыть мнѣ, что мечтающійся въ умѣ его соперникъ мѣшаетъ ему наслаждаться покоемъ. Я взиралъ съ сожалѣніемъ на сіи преждевременные вздохи и Казариновъ ни мало меня не тревожилъ. Меня безпокоила одна только графская гипохондрія и холодный его, не смотря на продолженіе къ нему милостей, пріемъ извѣстной особы (императрицы), чѣмъ онъ легко могъ наскучить. Что же касается до Казаринова, то я увѣренъ былъ, что съ нимъ никакой перемѣны не послѣдовало, ибо съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ начали говорить объ немъ, то я весьма надежному человѣку поручилъ присматривать за нимъ; впрочемъ, какъ выше упомянуто, Казариновъ знакомъ; знакомъ, однако же, только потому, что онъ вездѣ, гдѣ случай позволяетъ, выставляетъ себя. Пріѣздъ сюда Ивана Степановича (Рибопьера) возстановилъ всѣ дѣла по прежнему. Гипохондрикъ цѣловалъ съ радости пріѣзжему руку, а дворъ, любящій больного по прежнему, радъ до безконечности, что больной сдѣлался здоровъ и веселъ. 18-го пожаловали ему брилліантовую новаго ордена звѣзду въ 17,000 р. Во все сіе время придворные, одни, проходя ту комнату, гдѣ виситъ графской портретъ въ Эрмитажѣ, говорили, что пора на мѣсто сего другой портретъ повѣсить; другіе кричали, что русскій табакъ не въ модѣ, а Анна Степановна (Протасова) старалась всѣхъ увѣрить, что государыня смѣется его болѣзни. Все это оказалось ложно и графа любятъ сильно и прежнему». («Рус. Стар.», 1876, VI 216—219).

VI

Третій годъ, однако, уже Мамоновъ стоитъ, такъ сказать, у государственнаго руля; взять этотъ руль въ руки онъ могъ безъ всякаго усилія—стоило только протянуть руку; ему въ этомъ помогали, его подталкивали къ этому; императрица сама пріучала его держать этотъ руль, сама, повидимому, мечтала видѣть въ немъ хорошаго кормчаго;—и однакоже, изъ него ничего не выходило: за всѣмъ нужно было обращаться къ Потемкину, за двѣ тысячи верстъ, а Мамоновъ или скучалъ, или острилъ надъ государственными дѣлами. И это видимо огорчало государыню; но ея старческій взоръ уже былъ не тотъ, что прежде — она не отличала бездарности отъ генія. Она негодуетъ на финновъ, подданныхъ шведскаго короля, которому они измѣнили и предались Россіи; у нея осталось еще это политическое чутье: «Какіе измѣнники! (восклицаетъ она въ негодованіи). Буде бы не таковъ былъ король, то заслуживалъ-бы сожалѣніе; но что дѣлать? надобно пользоваться обстоятельствами; съ непріятеля хоть шапку долой!» А Храповицкій на это отвѣчаетъ пошлостью: «каковъ попъ, таковъ и приходъ». Мамоновъ отвѣчаетъ еще пошлѣе: «попъ дуракъ, а дьячки плуты». Или: Храповицкій, по приказанію государыни, представляетъ ему списокъ назначенныхъ въ владимірскіе кавалеры -- и онъ опять острить: «Je n'ai pas l'honneur de connaitre toute cette société». Императрица, конечно, смѣется. Это происходило въ день рожденія фаворита, и потому у Храповицкаго записано (19 сентября): «приказано, чтобъ въ комнатахъ его сыграть обѣ провербы и позвать меня за трудъ мой въ перепискѣ оныхъ. Когда онъ на верхъ пришелъ, то позвали меня въ спальную, и тутъ, при ея величествѣ, онъ пригласилъ меня на ужинъ. Въ 7 часовъ вечера открылся театръ. Провербы играны удачно. Спросили у меня: «много-ли смѣялись?» (Храпов. 152, 153, 156). И между тѣмъ, честолюбіе заѣдаетъ эту бездарность. Спрашиваютъ Потемкина, кого избрать въ вице-полковники лейбъ-гренадерскаго полка? Потемкинъ говоритъ, что полкъ распущенъ, что еры умѣютъ только хорошо пѣть, что полкъ надо подтя-

путь — и на это болѣе другихъ годится генералъ Бергманъ. Мамоновъ огорченъ этимъ—«не весело прочелъ сіе письмо» (Храп., 159). Въ совѣтѣ разсуждаютъ о нотѣ, изготовленной Завадовскимъ, для предъявленія Пруссіи. Нота энергическая. Не доволенъ ею только графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, котораго Екатерина всегда называла «безумнымъ», «сумасшедшимъ», который до замужества свидѣтельствовалъ свою дочь, а потомъ поѣхалъ «пить желѣзныя опилки» отъ какихъ-то болѣзней. Мамоновъ соглашается съ Шуваловымъ. «Ma foi il a raison, — говоритъ онъ и совѣтуетъ «не дѣлать упрековъ» Пруссіи. „*Осердились*“ (замѣчаетъ Храповицкій о государынѣ) и почти сквозь слезы сказали: «неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей прусскаго и англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали?» (Храп., 164).

Высокомѣріе Мамонова сквозитъ въ каждомъ словѣ. Онъ уже и въ государственныхъ вопросахъ не отдѣляетъ своего *я* отъ императрицы: онъ, какъ владыка, говоритъ: *мы*, *наши корабли*, *нужный намъ человѣкъ*, и т. д. Такъ, въ одномъ изъ переданныхъ намъ г. Шубинскимъ писемъ, Мамоновъ по поводу болѣзни адмирала Грейга говоритъ: «Извѣстіе о жалкомъ положеніи адмирала Грейга огорчило меня несказаннымъ образомъ. Онъ *намъ* всегда нужный и пренужный человѣкъ, а теперь еще болѣе, нежели когда нибудь. Потому что корабли *наши* расположены такъ, что муха пролетѣть не можетъ, и если-бы непріятель отважился-бы на бой, то вѣрно-бы былъ побитъ. Вы весьма хорошо сдѣлали, что отправили Рожерсона; дай Богъ только, что онъ ему могъ (помогъ?), чего и ожидаю, потому что больной крѣпкаго сложенія и кровь его не испорчена; я сіе говорю, знавъ, каковъ онъ образъ жизни велъ всегда. Je vous aime de tout mon couer et bien fidelement» (письмо № 9). Графское достоинство, пожалованоое ему австрійскимъ императоромъ, особенно льстило самолюбію фаворита. Не доставало только ему графскаго титула россійской имперіи, и, какъ видно, онъ къ этому издалека подходитъ въ слѣдующемъ письмѣ (№ 10): «Какъ я знаю . . . . что вамъ все то пріятно, что дѣлаетъ удовольствіе мнѣ и моимъ ближнимъ; то посылаю къ вамъ отвѣтъ батюшки на письмо мое, которымъ увѣ-

домилъ я о томъ, что пожалованъ графомъ. Увѣдомьте, каково почивали, скажите мнѣ, что меня очень любите и вѣрьте, что я съ моей стороны вѣрно, искренно и нѣжно васъ люблю». Видно, что это послѣднее обстоятельство уже возбуждало сомнѣнія, и потому онъ такъ на немъ настаиваетъ. Что сомнѣнія были—это еще болѣе подтверждаетъ слѣдующее письмо (№ 11): «Я еще и теперь получилъ отъ батюшки письмо, въ которомъ онъ меня, можетъ быть, уже пятой разъ проситъ исходатайствовать годовой отпускъ князю Александру Голицыну, сыну к. Михаил. Мих., котораго вы сдѣлали камеръ-юнкеромъ. Теперь ѣдетъ въ Москву архитекторъ Казаковъ, съ нимъ если ваша милость будетъ отпустить его я бы могъ и отписать. Посылаю полученной мною отъ г. Пуш. пакетъ...» И опять увѣряетъ въ преданности своей, прибавляя: *хотя и противное тому думаете* и цѣлую ручьки». Тоже желаніе отогнать всякое сомнѣніе въ его чувствѣ сквозить и въ письмѣ № 17: «Ce matin encore j'ai ecris la lettre an comte Pouchkin et n'ai pas manqué d'y joindre tout ce que vous avés jugé à propos de lui dire. Me croyéz vous assez negligeant . . . . pour oublier une chose de cette importance. Dorméz dien, aimez mois beaucoup, parce que je ne me contenterai jamais d'un peu d'amour et croyez que malgré tout ce que vous avéz l'injustice de me dire quelquefois mes sentimens pour vous sont tendres, vrais et solides». Иногда онъ прибѣгаетъ къ лести и высказываетъ ее какъ-то топорно, слишкомъ въ упоръ, какъ, напр., въ письмѣ № 12, по поводу посылки къ императрицѣ птицъ: «Je ne vous conseille pas . . . . d'acheter les oiseaux que je vous ai envoyé il y a une heure. Le personnage qui les a apporté demande 25 rbl. pour chaqu'un je ne les ai pas envoyé à l'hermitage parce que j'attend vos ordres la dessus. Bon soir *idole de ceux qui vous connaissent vrai téte de Meduse qour ceux qui vous combattent et deseperant toujours ceux qui vous envient.*

Какъ бы то ни было, но въ сердцѣ императрицы таилась искра подозрѣнія: Момоновъ былъ не тотъ; но почему не тотъ—она не знала: не знала, на комъ остановить подозрѣніе. Оттого, разсказываетъ Гарновскій, «въ Екатерининъ день государыня была не весела: при выходѣ въ публику пятиклассныхъ особъ, въ уборной

комнатѣ ее ожидавшихъ, застала она графа Мамонова въ разговорахъ съ великою княгинею. Ревность и досада имѣла сильныя свои дѣйствія, но прошло, слава Богу, все благополучно» («Рус. Стар.» 1876, VI, 233).

Впрочемъ, привязанность императрицы къ своему любимцу была такъ глубока, что она, повидимому, все прощала ему, еслибъ его личный эгоизмъ не довелъ его до разрыва столь прочныхъ связей. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ изложенію этого послѣдняго акта въ жизни временщика, мы воспользуемся остальными письмами его къ императрицѣ, писанными въ разное время и поповоду разныхъ обстоятельствъ. Мы позволяемъ себѣ познакомить читателя съ этими письмами, потому собственно, что при помощи ихъ и личность Екатерины, и личность ея любимца освѣщаются еще болѣе; притомъ же письма эти еще нигдѣ не были напечатаны и не должны пропадать для исторіи. Жаль только, что рѣдкое изъ писемъ имѣетъ дату, и о времени написанія нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно нельзя догадаться. Въ письмѣ подъ № 15, относящемся ко времени шведской войны и обнаруживающемъ, что адмиралъ Грейгъ еще командовалъ флотомъ, Мамоновъ пишетъ: «Вчерась молодой Бенкендорфъ пріѣхавъ сказывалъ, что вчерашній же день съ 3-хъ часовъ утра до 7-го вечера слышна была великая пальба, а народный слухъ, то есть на биржѣ, есть, что Грейгъ побѣдилъ и брата королевскаго взялъ въ полонъ». Дальнѣйшія подробности письма обнаруживаютъ нѣжность. Въ письмѣ № 16 высказывается еще большая нѣжность: «Сейчасъ получилъ я письмо отъ Льва Александровича, которымъ увѣдомляетъ меня, что хотя глазу его теперь и лучше, но Соллогубову сыну, котораго вы такъ жалуете, сдѣлалась корь, о чемъ проситъ меня вамъ доложить, а послѣ отвѣчать ему письмомъ. Я слишкомъ часъ цѣлой ходилъ гулить и нахожу, что слишкомъ ноньче жарко...» Въ письмѣ № 19 онъ справляется о здоровьѣ императрицы, которая было занемогла: «Hier au soir vous m'avés fait un vrai plaisir en m'envoyant dire que vous vous sentiez mieux; car reellemant j'étais dans une inquietude affreuse. Faites moi dire . . . . comment vous portéz vous et si vous dinéz toute seule ou à la grande table». Письмо № 21 отличается вычурностью изложенія: «Comme l'instrument

destructeur de mon nez sont probablement mes doigts vos souhaits ne m'accomodent pas beaucoup parce qu'ils peuvent m'etre à l'avenir de quelque utilité Vous me dites que ma tête est montée sur un ton a dire et ces choses singulieres fort agreablement je vous dirai a cela qu'après un peu de colique je vois fort clair et me sens beaucoup d'esprit.—Kenic et Lébregt (лѣпщикъ и оберъ-медальеръ) sont chez moi et attendent vos ordres moi sans tant de ceremonie je m'en dispence..» Видно, что письмо это писано еще во время полнаго согласія, господствовавшаго между императрицей и ея любимцемъ, и оттого послѣдній выражается такъ игриво. Въ письмѣ № 22 Мамоновъ проситъ у императрицы аудіенціи для жены принца Нассау: «Le prince de Nassau m'a prié de vous demander quand sa chere moitié pourra avoir le bon jour de vous étre presentée et m'a conjuré de le lui faire savoir au plutôt pour qu'elle puisse a temps se procurer un habit de gala». Записочка № 22 носитъ совершенно дѣловой характеръ: «Я только двѣ литтеры прибавилъ, которыя вы забыли скоро писавши, впрочемъ, кажется написанно все то, что настоящій случай требуетъ. Не худо бы, однако-жъ, въ одобреніе его и подчиненныхъ сказать, что приказано будетъ Пущину запасныя мачты и прочее немедленно къ нему доставить. Теперь началъ я писать къ к. Г. Александр., и когда кончу для прочтенія къ вамъ пришлю. Не безпокойтеся только ради Бога, все, повѣрьте мнѣ, возметъ хорошій оборотъ». Въ письмѣ № 25 Мамоновъ негодуетъ на кого-то и совѣтуетъ посадить его въ «дурацкой домъ»: «Есть-ли этотъ сумасшедшій умретъ на волѣ и не будетъ посаженъ въ дурацкой домъ, то прямо скажу, что справедливости нѣтъ на свѣтѣ. C'est un personnage parfait il faut l'avouer rempli de fausseté si j'ose dire de seleratique et il n'y a pas même ce malheureux esprit qu'il faut pour être un fort subline. Вотъ, вотъ мое пророчество; онъ прежде 90-го году не будетъ вѣрно что есть теперь». Можно догадываться, что здѣсь рѣчь идетъ о шведскомъ королѣ, котораго всѣ считали сумасброднымъ, а Екатерина писала на него злыя пародіи. Наконецъ, приведемъ еще два письма, относящіяся ко времени, когда разрывъ еще не послѣдовалъ. Письмо № 27: «Нижайше благодарю за отпускъ моего племянника. Чтобъ я былъ здоровъ и веселъ сіе много или лучше сказать со всѣмъ отъ васъ

зависитъ». Вѣроятно, это писано послѣ какой-нибудь маленькой размолвки, когда Мамоновъ по обыкновенію притворялся больнымъ. Затѣмъ письмо № 29: «Мы теперь какъ въ походѣ. Г. Ангальтъ, Сегюръ, Рибопьеръ, коихъ вѣтеръ не допустилъ ѣхать домой, теперь у меня играли въ вистъ, пили кофе и, наконецъ, взявши каждой волюмъ des mille et une nuit собираются читать, а я лечь на часъ въ постелю и тоже думаю дѣлать. Voila . . . comme il faut tirer parti de tout. Je ne puis vous écrire un mot sans vous dire que je vous aime de tout mon coeur».

Вообще, надо сознаться, всѣ эти записочки отличаются пустотой и безсодержательностью и важны для исторіи только въ томъ отношеніи, что прибавляютъ новыя черты къ характеристикѣ Екатерины и лицъ, которыми она себя иногда окружала. Это не то, что письма Потемкина: въ нихъ отражалась большая личность; здѣсь—ничтожество.

Перейдемъ къ послѣднему акту этого историческаго буффа— иначе нельзя назвать данный эпизодъ изъ государственной исторіи Россіи прошлаго вѣка.

VII.

Уже въ началѣ 1789 года замѣтны были симптомы чего-то новаго въ отношеніяхъ императрицы и Мамонова. Замѣчалъ это и Храповицкій, но, по своей скромности и робости, допускалъ въ своемъ дневникѣ только намеки на это «что-то». Въ февралѣ, во время пребыванія въ Петербургѣ Потемкина, Храповицкій отмѣчаетъ (11 февраля): «Послѣ обѣда ссора съ графомъ Александромъ Матвѣевичемъ. Слезы. Вечеръ проводили въ постелѣ... Просился онъ». Можно догадаться, что Мамоновъ «просился», чтобъ его уволили. 12 февраля Храповицкій пишетъ: «Весь день тоже. По причинѣ слезъ меня не спрашивали, вице-канцлера не приняли; ходилъ одинъ только гр. А. А. Безбородко. Послѣ обѣда кн. Г. А. Потемкинъ-Таврической *миротворствовалъ*» — мирилъ поссорив-

шихся. 16 числа у Храповицкаго записано: «Сказывалъ Захаръ К. Зотовъ (камердинеръ Екатерины), что *паренекъ* (это *пареннькомъ* онъ называетъ Мамонова!) считаетъ житье свое тюрьмою, очень скучаетъ, и будто послѣ всякаго публичнаго собранія, гдѣ есть дамы, къ нему привязываются и ревнуютъ». Вотъ гдѣ начало развязки... Неудивительно, что около этого времени дневникъ Храповицкаго пестритъ лаконизмами: «нѣсколько разъ призывая, *гнѣвались*»... «*осердились*»... «*гнѣвъ* за театры»... «*не хотятъ* ассигновать годовой суммы»... «стоя на колѣняхъ, просилъ увольненія» (это Храповицкій-то, съ испугу).... «*не выходили*, меня не спрашивали».... «*легли* на канапе»... «выходили, но *смутность продолжается*»... И это втеченіи нѣсколькихъ дней!

Одинъ Захаръ знаетъ, въ чемъ дѣло. И онъ дѣлится своимъ знаніемъ съ Храповицкимъ. 23 февраля въ дневникѣ этого послѣдняго записано: «Захаръ К. Зотовъ сказывалъ, что *изволила ему жаловаться на графа Александра Матвѣевича*, примѣчая холодность и задумчивость близъ 4-хъ мѣсяцевъ, то есть, съ того времени, *какъ начались прогулки*. Сіе изъясненіе было 21 февраля». Отношенія становятся все болѣе и болѣе тяжелыми. Екатерина, повидимому, еще больше любитъ своего баловня, задариваетъ его послѣ вспышекъ; но нѣтъ-нѣтъ,—«и вспышка готова», какъ говоритъ поэтъ о влюбленныхъ. Это и есть тѣ «припадки», которые замѣчалъ и Храповицкій. Къ періодамъ вспышекъ, надо полагать, относятся два письма Мамонова изъ числа полученныхъ нами отъ С. Н. Шубинскаго. Письмо № 18 говоритъ: «Сердечно сожалѣю, что, къ общему нашему бѣдныхъ людей несчастію, особливо къ моему, такіе припадки, то одно, то другое, лишаютъ меня жизни. Есть-ли здоровье дозволитъ, Бога ради окончайте извѣстное дѣло чтобы мнѣ впредь могли вѣрить; истинно чувствую, сколько тягости наношу; желаю, чтобъ въ послѣдней было отъ меня безпокойство, впредь ничего такого не буду на себя брать». Въ другомъ письмѣ слышится еще большее огорченіе (№ 28): «Естьли-бъ я зналъ, что приведу въ такой гнѣвъ, то бъ ничего не говорилъ; но думалъ, что было, то донесть, что великой князь говорилъ, то было безъ претензій, только однимъ со мною разговоромъ; Боже мой, какой я безсчастной въ свѣтѣ человѣкъ, что отъ меня ничего

добра, кромѣ худа не бываетъ. Больше то мое несчастіе, что моей государынѣ, которой мою жизнь посвятить желаю, никакой услуги, ни пользы, ни удовольствія не могу принесть».

Но милости все еще сыплятся на него—его любятъ. Ему покупаютъ цугъ англійской упряжи. Съ нимъ совѣтуются о дѣлахъ. А онъ скучаетъ.

Но вотъ и развязка.

У Храповицкаго 18 іюня записано: «Изготовлена была русская cosa rara; *отказали. Съ утра не веселы*... *Слезы.* Зотовъ сказалъ мнѣ, что *паренька отпускаютъ* и онъ женится на кн. Дарьѣ Ѳед. Щербатовой. Послѣ обѣда и во весь вечеръ была одна только Анна Никитишна Нарышкина».

На слѣдующій день Храповицкій отмѣчаетъ, какъ будто бы въ эти дни ничего не произошло и Екатерина по прежнему спокойно занята государственными дѣлами: «Собственноручное письмо къ кн. Потемкину-Таврическому: «Мой другъ! До утвержденія границы не разорять крѣпостнаго укрѣпленія Очакова, нужно для закрытія Лимана и для оснастки нашихъ кораблей»... И тутъ же прибавка у Храповицкаго: «*Захаръ подозрѣваетъ караульнаго секундъ-ротмистра Пл. Ал. Зубова и что дѣло идетъ черезъ Анну Никитишну*, которая и сегодня была съ 3-хъ часовъ послѣ обѣда. Въ вечеру гуляли въ саду».

Но вотъ 20 іюня сама императрица открываетъ свою тайну Храповицкому. «Сама со мною начать изволила:—«Слышалъ ли здѣшнюю исторію?»—Слышалъ.—«*Не бывъ въ короткой связи*, и примѣчая, что мѣсяцевъ 8 отъ всѣхъ отдалялся, стали подозрѣвать, какъ завелъ свою карету. Да, придворная непокойна! C'était toujours une oppession de poitrine... Самъ на сихъ дняхъ проговорился, что совѣсть мучаетъ. C'est son amour, c'est sa duplicité, qui l'étoufoit. Но когда не могъ себя преодолѣть, зачѣмъ не сказать откровенно? Годъ какъ влюбленъ. Буде бы сказалъ зимой, то полгода бы прежде сдѣлалось то, что третьяго дня. Нельзя вообразить, сколько я терпѣла».—«Всѣмъ на диво ваше величество изволили сіе кончить» (это ей Храповицкій).—«Богъ съ ними! Пусть будутъ счастливы. Я простила ихъ и дозволила жениться! Ils devient être en extase, mais au contraire ils pleurent. Тутъ еще за-

мѣшивается и ревность. Онъ больше недѣли безпрестанно за мною примѣчаетъ, на кого гляжу, съ кѣмъ говорю? Cela est etrange. Сперва, ты помнишь, имѣлъ до всего охоту et une grande facilité, а теперь мѣшается въ рѣчахъ, все ему скучно и все болитъ грудь. Мнѣ князь зимой еще говорилъ: *Матушка, плюнь на него*, и намекалъ на княжну Щербатову, но я виновата, я сама его предъ княземъ оправдать старалась».

Какъ это просто, семейственно! Тутъ же императрица приказываетъ Храповицкому заготовить указъ о пожалованіи Мамонову деревень съ 2250 душъ крестьянъ. Затѣмъ приписано въ дневникѣ: «Предъ вечернимъ выходомъ сама ея величество изволила обручить графа и княжну; они, стоя на колѣняхъ, просили прощенія, и прощены».

На слѣдующій день (21 іюня) въ дневникѣ Храповицкаго значится: «Сама мнѣ сказывать изволила о обрученіи. Продолжали рѣчь о его duplicité. «Всѣ его бранятъ. Представь самъ, что бы ты сдѣлалъ? On ne saurait répondre du premier moment. Нѣтъ я давно уже себя къ тому приготовила». Дальше дневникъ гласитъ: «Зубовъ сидѣлъ, черезъ верхъ проведенный, послѣ обѣда, съ Анной Никитишной; а къ вечеру одинъ до 11-ти часовъ».

22 іюня: «Указы о деревняхъ и о 100,000 положилъ на столъ». Это—подарокъ отпускаемому фавориту. Дальше: «Зубовъ за малымъ столомъ и началъ по вечерамъ ходить черезъ верхъ».

23 іюня, новыя, въ высшей степени любопытныя подробности. Храповицкій становится разговорчивъ въ своемъ дневникѣ, потому что - событіе крупное, да и сама императрица разговорчива съ нимъ. «Подписали (пишетъ онъ) указы о деревняхъ и 100 т. изъ кабинета. Я носилъ. Онъ признателенъ, не находитъ словъ къ изъясненію благодарности, говорилъ сквозь слезы. Сама мнѣ сказывать изволила: «Онъ пришелъ въ понедѣльникъ (18 іюня), сталъ жаловаться на холодность мою, и началъ браниться. Я отвѣчала, что самъ онъ не знаетъ, каково мнѣ съ сентября мѣсяца и сколько я терпѣла. Просилъ совѣта, что дѣлать? Совѣтовъ моихъ давно не слушаешь, а какъ отойти—подумаю. Потомъ послала къ нему записку pour une retraite brillante: il m'est venue l'idée du mariage avec la fille du comte de Brusse. Анна Никитишна здѣсь; Брюсъ

будетъ дежурный, я дозволила ему привесть дочь; ей 13 лѣтъ, mais elle est déjà formée, je sais cela. Вдругъ отвѣчаетъ дрожащей рукой, что онъ съ годъ какъ влюбленъ въ Щербатову и полгода какъ далъ слово жениться. Jujez de moment. Послала за Анной Никитишной. Онъ пришелъ. Дозволила, досадуя, зачѣмъ ранѣе не рѣшился. Il m'aurait épargné bien des désagrements; но Анна Никитишна его разругала. Онъ заведенъ. Права ли я?»

И тутъ же прибавка у Храповицкаго: «Потребовали перстни и изъ кабинета 10 т. рублей». Послѣ увидимъ—на какое употребленіе

24 іюня записано: «Сказывали, что вчера послѣ обѣда приходилъ со слезами благодарить. «Свадьбу хотѣла сдѣлать въ понедѣльникъ, чтобъ не много людей было. Нѣтъ, въ воскресенье—il est pressé, ainsi d'aujourd'hui en huit». Затѣмъ Храповицкій поясняетъ, что̀ онъ сдѣлалъ съ тѣми деньгами, что вынесъ изъ кабинета: «Десять тысячъ я положилъ за подушку на диванѣ. Отданы Зубову и перстень съ портретомъ, а другой въ 1000 р. онъ подарилъ Захару».

Затѣмъ 29 іюня Храповицкій отмѣчаетъ: «Чрезъ меня отправлено князю письмо о комнатныхъ обстоятельствахъ. Боборыкинъ пріѣхалъ, и сказывалъ, *что мать и отецъ затрепетали*»... Боборыкинъ—родственникъ Мамоновыхъ; отецъ и мать отставленнаго фаворита «затрепетали», узнавъ новость о сынѣ.

Наконецъ, 1 іюля: «Въ 3-мъ часу вечера невѣсту нарядили и благословили образомъ, послѣ чего пошли въ церковь одни званые». 2 іюля: «Сказывать изволила, что Мамоновъ вчера былъ въ вечеру безъ Анны Никитишны и не зналъ, что говорить... Когда они поѣдутъ? Зайцевъ сказывалъ, что сегодня въ ночь. По возвратѣ съ вечерняго гулянья въ 10-мъ часу оставалась Анна Никитишна. Мамоновъ приходилъ прощаться и въ полночь въ путь отправился».

Этотъ краткій конспектъ, этотъ остовъ драмы, хотя набросанной небрежно, кое-какъ, второпяхъ, однако мастерски рисующій трагичность положенія дѣйствующихъ лицъ и освѣщающій симпатичнымъ свѣтомъ главное дѣйствующее лицо—Екатерину, въ царственномъ величіи которой проглядываетъ такая теплая, искренняя, все искупающая женственность,—остовъ этотъ, повторяемъ, ста-

нетъ полною драмою, когда пополнится личными и живыми, такъ сказать, монологами другого дѣйствующаго лица самого Мамонова. Монологами этими являются его письма къ императрицѣ, тоже полученныя нами отъ С. Н. Шубинскаго и нигдѣ доселѣ не напечатанныя.

Когда Екатерина предложила ему жениться на 13-ти-лѣтней дѣвочкѣ, «богатѣйшей въ имперіи наслѣдницѣ», и когда онъ увидѣлъ, что дилемма жизни задана и изъ нея нѣтъ выхода, онъ, воротившись домой, написалъ слѣдующее отчаянное письмо, письмо, безсвязность котораго доказываетъ всю потерянность воли и смѣлости въ человѣкѣ, еще недавно столь дерзкомъ и самоувѣренномъ. «У меня руки дрожатъ и я какъ вамъ и уже писалъ одинъ, не имѣя кромѣ васъ здѣсь никого. Вижу теперь все и признаюсь вамъ съ моей стороны долженъ во всемъ, меня бы Богъ наказалъ есть ли бы не поступилъ искренно. Состояніе мое и моей семьи вамъ извѣстно, мы бѣдны, но не польщусь на богатство и одолженнымъ кромѣ васъ не только Брюсу, никому не намѣренъ быть. Есть-ли вы желаете основать мою жизнь, позвольте мнѣ жениться на фрейлинѣ княжнѣ Щербатовой, которую мнѣ Риб. и многіе хвалили, она меня попрекать богатствомъ не будетъ, а я не буду распутную жизнь вести и стану жить вмѣстѣ съ моими родителями. Богъ судья тѣмъ, которые насъ до сего довели. Увѣрять васъ нечего, что все останется скрытно, вы меня довольно знаете. Цѣлую ваши ручьки и ножки и самъ не вижу, что пишу» (№ 20).

Это именно то письмо, о которомъ сама императрица говорила Храповицкому, что написано «дрожащей рукой». Послѣ этого, какъ намъ уже извѣстно, у нихъ было личное объясненіе и Нарышкина его «разругала».

На другой день онъ вновь пишетъ императрицѣ и проситъ не губить его: «Я вѣрно не забуду завтрашній (т. е. вчерашній) день, есть ли бъ сто лѣтъ жилъ, что я претерпѣлъ, того изъяснить не въ состояніи. Увѣдомьте матушка ради Бога, здоровы ли вы и какъ проводили ночь, я часа конечно не уснулъ, то жаръ, то лихорадку чувствовалъ и такіе спазмы были, что почти дышать не могъ. Сказанное мнѣ два раза, что вы уже не чувствуете того ко мнѣ что прежде, также и приглашеніе жениться рѣшило мнѣ открыть

вамъ вчерашнее. Богъ одинъ вѣдаетъ, въ какомъ я теперь положеніи и сколь пріемлемое участіе вами въ несчастныхъ обстоятельствахъ моихъ преисполнили сердце мое вѣчною къ вамъ благодарностью, теперь посреди всѣхъ мученіевъ, которыя терплю, утѣшеніемъ величайшимъ мнѣ служитъ то, что не имѣю отъ васъ теперь ни единой мысли тайной, а какъ меня сіе прежде терзало, васъ самихъ поставляю свидѣтелемъ. Съ теперешняго времени о судьбѣ своей уже не забочусь, все готовъ сдѣлать, что вамъ угодно, и пробыть на теперешней ногѣ сколько вы заблагоразсудите, шагу конечно безъ свѣдома вашего и дозволенія не сдѣлаю. Сохраните мнѣ ту милость и довѣренность, которую я по всѣмъ моимъ къ вамъ чувствамъ осмѣлюсь сказать заслуживаю» (№ 24).

Поздно.

Судя по слѣдующему письму (№ 26). Екатерина ему отвѣчала милостиво, но не такъ, однако, какъ бы онъ желалъ. «Письмо ваше (пишетъ онъ въ этомъ третьемъ своемъ посланіи) хотя и не совсѣмъ соотвѣтствуетъ той искренности, которой я отъ васъ какъ милости просилъ, но преисполненъ благодарностью за обнадеживаніе продолжать мнѣ тѣ, которыя я три года отъ васъ видѣлъ. Vous me souhaités d'ètre heureux; je ne puis l'ètrè parfaitement a l'avenir je m'en rapporte a vous je l'ai dis plusieurs fois que je dois m'attendre a une foule de desagrémens et d'humiliations. Il me reste seulement a remettre mon sort entre les mains de celle qui s'y est interressée jusqu'à present ainsi qu'à celui de mes parents pour qui vous connaissés assés mon tendre attachement. Ne vous attendés jamais a une scene *desagréable de ma part* devrais-je mourir je resterai maintenant tranquille. Терпѣливо сносить буду все даже презрѣніе тѣхъ людей, которыя онаго отъ всѣхъ заслужили а васъ не прогнѣвлю и никакой конечно непріятности не сдѣлаю. Какъ и чѣмъ бы не угодно вамъ судьбу мою рѣшить, накажи меня Богъ, если не останусь на вѣкъ не по наружности а душевно вамъ преданной человѣкъ. Je baise la plus puissante et la plus joli main du monde que je ne crains pas parce que le coeur a qui elle obeit jusqu'à l'heure qu'il est n'a jamais rendu malheureux personne».

Поздняя лесть!

Видя, что ничто не помогаетъ, онъ проситъ уже объ одномъ

только—скорѣе рѣшить его участь. «Для своего спокойствія матушка и для моего (пишетъ онъ въ письмѣ № 30) сдѣлайте мнѣ ту милость, чтобъ скорѣе рѣшить судьбу мою и скажите по честности точное свое намѣреніе; вы уже мнѣ дали чувствовать, что настоящей любви ко мнѣ теперь не имѣете, я собою вамъ уже никакой тягости не сдѣлаю и одна минута рѣшитъ судьбу мою, семьи нашей и всѣхъ моихъ ближнихъ. Накажи меня сейчасъ Богъ, есть ли не только я, но всѣ они не умрутъ вамъ душою преданными. Онъ же и въ томъ свидѣтель, что я какъ на лицо и никого у себя здѣсь кромѣ можетъ быть сильныхъ злодѣевъ не имѣю. Вы всегда твердили мнѣ, знай одное меня, вы говорили по справедливости и ни на что не смотря я сему и слѣдовалъ. Справедливость сію узнаете вы можетъ быть уже тогда, какъ меня здѣсь не будетъ. Есть ли прямо мнѣ скажете, какія мѣры въ разсужденіи меня намѣрены взять, я вамъ буду обязанъ на вѣкъ. Vous pensès trop noblement pour ignorer qu'il servit inutile et petit a un souverain d'user d'artifice envers son sujet, il est croyéz moi peut-être le plus attaché que vous ayéz. Excusés je vous prie le desordre qui regne dans ma lettre mon état ne peut se peindre. Je suis Dieu m'est temoin seulement vis-a-vis de moi et mon sort qui *comme* vous me l'avés assuré ne pouvait que vous interesser a jamais je le remets en vos mains. Vous avés en la generosité de pardonner a vos ennemis que ne dois je pas aprés cela attendre de vous».

Наконецъ Гарновскій, съ свойственнымъ ему мастерствомъ, возсоздаетъ полную картину событія, для насъ, повидимому, ничтожнаго, но въ свое время имѣвшаго не малое государственное значеніе.

Вотъ что онъ пишетъ, отъ 21 іюня, Попову для доклада Потемкину: «Accidit in puncto quod non speratur in anno. Мое пророчество сбылось. На сихъ дняхъ послѣдовала съ гр. Александромъ Матвѣевичемъ странная и ни подъ какимъ видомъ не ожиданная перемѣна, о которой донесу вамъ собственными его словами.

— «Вамъ извѣстно, что, по причинѣ разстроеннаго моего здоровья, я еще зимою просился въ Москву. Меня уговорили здѣсь остаться и послѣ всего того, что мнѣ тогда изъ разныхъ устъ сказано было, я почиталъ себя отъ прежней моей должности уволеннымъ. Отвращеніе мое къ придворной жизни, которое происхо-

дило отъ болѣзненныхъ припадковъ и грустію стѣсненнаго духа, усиливаясь во мнѣ со дня на день, видно, наконецъ, наскучило. Я получилъ вотъ какое письмо.

«Оное французское письмо далъ онъ мнѣ прочесть и, сколько я помню, было слѣдующаго содержанія: «Желая всегда тебѣ и фамиліи твоей благодѣтельствовать и видя сколько ты теперь состояніемъ своимъ скучаешь, я намѣрена иначе счастіе тебѣ устроить. Дочь графа Брюса составляетъ въ Россіи первѣйшую, богатѣйшую и знатнѣйшую партію. Женись на ней. На будущей недѣлѣ гр. Брюсъ будетъ дежурнымъ. Я велю, чтобы и дочь его съ нимъ была. Анна Никитишна употребитъ всѣ силы свои привести дѣло сіе къ желаемому концу. Я буду помогать, а при томъ ты въ службѣ остаться можешь».

«Какъ я прочиталъ сіе письмо (продолжаетъ Гарновскій), то графъ возобновилъ рѣчь свою тако»:

— «Я съ графомъ Брюсомъ и его фамиліею не хотѣлъ имѣть дѣла. Открывшись во всемъ государынѣ, я просилъ ея императорское величество, чтобъ мнѣ позволено было жениться на княжнѣ Щербатовой, въ которую полтора года я влюбленъ смертельно. Спросили ее, и она меня любитъ, чего я до тѣхъ поръ не зналъ. Для государыни всѣ сіи происшествія непріятны, но что дѣлать. Совѣтовала мнѣ жениться... да и князю я болѣе не надобенъ, сколько я могъ примѣтить изъ ея рѣчей; что же мнѣ оставалось? Въ противномъ случаѣ, можетъ быть, я бы и никогда не открылъ своей страсти или по крайней мѣрѣ долго бы оною мучился. Дай Богъ, чтобы это не потревожило князя. Просите его свѣтлость (тутъ онъ заплакалъ), чтобъ онъ былъ навсегда моимъ отцомъ. Мнѣ нужны его милость и покровительство, ибо со временемъ, мнѣ, конечно, будутъ мстить. Напишите о семъ и къ Василію Степановичу (Попову), я не въ состояніи писать, и попросите его, чтобъ и онъ князя обо мнѣ просилъ».

Искренно ли говорилъ Мамоновъ или нѣтъ — трудно рѣшить; какъ бы то ни было, слова его нѣсколько противорѣчатъ тому, что сама Екатерина говорила Храповицкому и что само собой ясно изъ всего хода интриги. Мамоновъ старается дать понять (конечно, для Потемкина, котораго онъ боялся, будучи его креатурой), что

онъ тутъ не виноватъ, что имъ наскучили и удаляютъ его подъ благовиднымъ предлогомъ; тогда какъ изъ всего видно, что Екатерина очень страдала, хотя, конечно, не долго, разставаясь съ своимъ любимцемъ, и у нея, какъ говоритъ Гарновскій, «слезы лились потоками».

«Симъ кончилась — продолжаетъ Гарновскій — графская рѣчь, которую всю едва онъ успѣлъ пересказать въ сутки, потому безостановочному продолженію ея мѣшали приходы частые Захара съ записками, хожденія графа къ государынѣ, откуда онъ приходилъ либо притворно веселъ, либо задумчивъ, и посѣщенія государыни.

«Теперь донесу я, что касательно сей исторіи самъ знаю. По отъѣздѣ его свѣтлости, все то здѣсь употреблено было, что только могло служить къ увеселенію графа, и силы его были несравненно превосходнѣе первыхъ. По симъ обстоятельствамъ не только я, но и никто не могъ примѣтить, что я солгалъ передъ его свѣтлостію, когда пророчествовалъ, что графу долго тутъ быть нельзя. Государыня, по претерпѣніи многихъ по сей части безпокойствъ, нутренно ее терзавшихъ, рѣшилась написать вышеписанное письмо, поутру 16-го числа сего мѣсяца. Послѣ обѣда двери у графа заперты были для всѣхъ. Государыня была у него болѣе четырехъ часовъ. *Слезы текли тутъ и потомъ въ своихъ комнатахъ потоками.* Послѣ сего была у графа Анна Никитишна. Но ничто не могло его склонить ни здѣсь остаться, ни на женитьбу съ графинею Брюсовой.

«17-е число препровождено въ безпокойствіяхъ, и хотя отправленіе къ его свѣтлости и было готово, но мнѣ оное отдано 18-го числа, въ 10-мъ часу въ вечеру. Можетъ быть, графъ ожидалъ обстоятельнѣйшаго письма, нежели то, которое, не заключая въ себѣ ничего до сей исторіи касающагося. препровождается теперь въ письмѣ его къ его свѣтлости. и графъ отнюдь того не знаетъ, что секретно отдано Николаю Ивановичу (сей дежурнымъ, а графъ Безбородко въ городѣ), другое — для доставленія къ его свѣтлости, которое и препровождается въ письмѣ его высокопревосходительствомъ къ его свѣтлости. Николай Ивановичъ (Салтыковъ) мнѣ ничего объ ономъ не сказывалъ, а я узналъ о томъ отъ Захара. Не могу понять, отчего вдругъ съ свадьбою заторо-

пились, ибо сего же числа, въ 8-мъ часу по вечеру, былъ сговоръ въ комнатахъ графскихъ. При этомъ были государыня, Анна Никитишна и Николай Ивановичъ. Для всѣхъ прочихъ двери были заперты. Государыня при семъ случаѣ желала добра новой парѣ таковыми изреченіями, коихъ нельзя было слышать безъ слезъ. Надобно, впрочемъ, знать, что молодые, не смотря на милостивое къ нимъ снисхожденіе, были въ превеличайшей трусости, ибо обоимъ приключился обморокъ. Говорятъ, что свадьба будетъ въ Петровъ день или послѣ онаго вскорѣ.

«Со вчерашняго дня государыня сдѣлалась повеселѣе. Съ Зубовымъ, конногвардейскимъ офицеромъ, при гвардейскихъ караулахъ здѣсь находящимся, обошлись весьма ласково. И хотя сей совсѣмъ не видной человѣкъ, но думаютъ, что онъ ко двору взятъ будетъ, что говоритъ и Захаръ, по однимъ только догадкамъ, но прямо никто ничего не знаетъ, будетъ ли что изъ господина Зубова.

«Государыня досадуетъ, для чего графъ не говорилъ ей прежде ничего о своей любви къ княжнѣ Щербатовой и зачѣмъ ее цѣлый годъ мучилъ.

«По имянному указу Ивану Степановичу (Рибопьеру) велѣно быть сюда, и съ симъ нарочной къ нему посланъ. Кажется, какъ будто бы всѣхъ подозрѣвать будутъ, кто только былъ вхожъ къ Александру Матвѣевичу. Богъ знаетъ, что будетъ»... («Рус. Стар.» 1876, VII, 399—402). Послѣ сама Екатерина, когда Рибопьеру велѣно было явиться ко двору и онъ представился, говорила Храповицкому: «Рибопьеръ про то зналъ, и, бывъ позванъ ко мнѣ, сдѣлался блѣденъ, какъ платокъ».

Въ началѣ іюля, когда Мамоновъ съ женою уже выѣхалъ изъ Петербурга, Гарновскій, говоря о положеніи дѣлъ при дворѣ, заключаетъ свои разсужденія: «Богъ знаетъ, что будетъ впереди. Зубовъ... не замѣнитъ того, что былъ графъ Александръ Матвѣевичъ—это доказываютъ слезы, пролитыя въ день свадьбы». Затѣмъ онъ говоритъ, что Мамоновъ «свелъ знакомство съ нынѣшнею женою письменно и питалъ оное до женитьбы письменно же, причемъ употреблялись камеръ-лакеи; были, какъ открылись, у молодыхъ и свиданія»... Свиданія эти происходили отчасти въ саду, какъ на это намекаетъ Екатерина въ письмѣ къ Потемкину, от-

части же и во дворцѣ. «Руководствовала—говоритъ Гарновскій—по симъ дѣламъ Марья Васильевна Шкурина, которую, однако же, государыня, изъ уваженія къ заслугамъ отца ея, простила» (404).

Такъ, выражаясь языкомъ прежнихъ историковъ и романистовъ, закатилась блестящая звѣзда временщика Дмитріева-Мамонова, звѣзда, надо сказать, не настоящая, а падучая, то, что называется аэролитомъ; но—продолжая метафору—слѣдъ ея еще оставался на небѣ.

VIII.

Общее явленіе — что когда власть, сила и богатство ускользаютъ изъ рукъ того, передъ кѣмъ всѣ ползали, то тѣ именно, которые наиболѣе и напгаже ползали передъ павшимъ, бросаютъ его и даже топчутъ ногами — это явленіе повторилось и въ данномъ случаѣ. Отъ Мамонова разомъ всѣ отшатнулись, какъ отъ зачумленнаго. Сегюръ съ негодованіемъ указываетъ на это обстоятельство. Едва состоялась свадьба Мамонова и княжны Щербатовой, и «прежде чѣмъ молодые выѣхали изъ Царскаго Села, императрица возобновила свой веселый образъ жизни (говоритъ Сегюръ). Во дворцѣ замѣтна была одна только перемѣна: придворные, русскіе и иностранные, которые прежде каждый вечеръ толпились у Мамонова, совершенно его покинули, когда онъ впалъ въ немилость. Такъ какъ и мнѣ онъ не разъ доказывалъ свое расположеніе, то я при этомъ случаѣ счелъ долгомъ показать ему, что я это помню. Я пошелъ къ нему, и въ первый разъ, во все наше знакомство, мнѣ случилось быть съ нимъ наединѣ. Императрица узнала объ этомъ и, при всемъ дворѣ одобряя мой поступокъ, высказалась презрительно о подлости людей, удаляющихся отъ человѣка, котораго еще недавно восхваляли и величали. Не должно ли—замѣчаетъ по этому случаю Сегюръ—снисходительно смотрѣть на нѣкоторые недостатки этой женщины, которую де-

Линь назвалъ *Екатериною Великимъ*, когда она выказывала столько гордости, доброты и великодушія?» (Зап. 366, 367).

Любопытно, какъ сама Екатерина сообщала объ этомъ событіи своему неизмѣнному другу, Потемкину. Сообщивъ сначала обо всѣхъ государственныхъ дѣлахъ своему «другу сердешному», она какъ-бы мимоходомъ, точно въ скобкахъ, прибавляетъ: «Графъ Александръ Матвѣевичъ, женясь въ воскресенье на княжнѣ Щербатовой, отъѣхалъ въ понедѣльникъ съ своею супругою къ своимъ родителямъ, и есть-либъ тебѣ разсказать все, что было и происходило чрезъ двѣ недѣли, то ты скажешь, что онъ совершенно съ ума сошелъ даже, да и другъ его конфидентъ Рибопьеръ и тотъ говоритъ, что онъ аки съумасшедшій . . . . и несообразимое поведеніе, такъ что самые его ближніе его не оправдываютъ» («Рус. Стар.», 1876, 29—30).

Это было писано 6 іюля—черезъ три дня послѣ выѣзда Мамоновыхъ. 12 августа Екатерина вновь, и опять вскользь, заговариваетъ въ своемъ письмѣ къ Потемкину о прежнемъ. «О интригѣ—говоритъ она, между прочимъ—коя продолжалась цѣлый годъ и кончилась свадьбою, уже упоминать нечего; я нарочно сберегла послѣднія его письма о сей матеріи, гдѣ суды Божіи кладетъ на людей, доведшихъ его до того, и гдѣ онъ пишетъ, какъ въ умѣ смѣшавшійся; да Богъ съ нимъ; жалѣю о томъ только, что не открылся ранѣе» (тамъ же, стр. 34).

Но это Потемкинъ отвѣчаетъ: «Матушка родная! Vous me nommês vôrte ami intime, c'est vrai dans toute l'etendu de terme: будь увѣрена, что тебѣ преданъ нелицемѣрно. Страннымъ всѣмъ происшествіямъ я не дивлюсь, знавъ ево лучше другихъ, хотя и мало съ нимъ бывалъ; mais par ma coutume d'aprecier les choses je ne me suis jamais trompé en lui: c'est une melange d'indolence et d'egoisme. Par ce dernier il etoit Narcisse à l'outrance. Ne pensant qu'a lui il exigait tout sans paier d'aucun retour; etant paresseux il oubliait même les bienesances; n'importe que la chose n'a aucun prix, mais si-tot qu'elle lui plut, selon lui, elle doit avoir tout le prix du monde. Voila les droites de le princesse Sczerbatof. Можно ли такъ глупо и столь странно себя оказать всему свѣту? Какъ вещи открываются, тогда лучше слѣды видны; амуришка этотъ

давной, я слышалъ прошлаго году, что онъ изъ-за стола посылалъ ей фрукты, тотчасъ смѣтилъ, но не имѣвъ точныхъ уликъ, не могъ утверждать предъ тобою. матушка. Однакожь, намекнулъ; мнѣ жаль было тебя, кормилица, видѣть, а паче несносны были ево грубость и притворныя болѣзни. Будьте увѣрены, что онъ наскучитъ съ своею дульцинеею, и такъ уже тяжело ему было платить за нeio долгъ тридцать тысячъ, а онъ деньги очень жалуетъ. Ихъ шайка была наполнена фалши и сколько плели они разныхъ притворствъ скрывать интригу. Ты, матушка, не мстительна, то я и совѣтую безъ гнѣва отправить друга и ментора (Рибопьера?) хотя министромъ въ Швейцарію; pourquoi le retenir ici avec sa femme qui est une execrable intrigante. Vous avés très bien fait de l'expedier à Moscou. mais ne croyés pas, матушка, aux conjectures que vous faites: il n'y a rien de tout, pourquoi vous lui faites tant d'honneur?

«Я ему писалъ письмо коротенькое, но довольно сильное.

«Дай тебѣ Богъ здоровья и спокойствія, которое столь нужно, а паче, чтобы имѣть свѣжую голову для развязки столь многихъ хлопотъ» и т. д. («Рус. Арх.», 1865, 768—770).

Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ Екатеринѣ поскорѣе выбросить изъ головы всю эту исторію и успокоиться: «Матушка, всемилостивѣйшая государыня! (пишетъ онъ) всего нужнѣе вашъ покой; а какъ онъ мнѣ всего дороже, то я вамъ всегда говорилъ.. намекалъ я вамъ и о склонности къ Щербатовой, но вы о ней другое сказали: откроется со временемъ, какъ эта интрига шла.— Я у васъ въ милости, такъ что ни по какимъ обстоятельствамъ вреда себѣ не ожидаю, но пакосники мои неусыпны въ злодѣйствѣ, конечно будутъ покушаться. Матушка родная, избавьте меня отъ досадъ: опричь спокойствія, нужно мнѣ имѣть свободную голову... (тамъ же, 770).

На это письмо императрица отвѣчаетъ Потемкину (14 іюля): «На второе письмо твое, полученное черезъ Н. И. Салтыкова, я тебѣ скажу, что я всѣ твои слова и что ты мнѣ говорилъ зимою и весною, приводила на память, но признаюсь, что тутъ есть много несообразное. Рибопьеръ о всемъ зналъ; онъ и братъ его жены (Бибиковъ) сосватали. Говорилъ онъ или нѣтъ о семъ чистосер-

дечно, не вѣдаю; но помню, что ты мнѣ однажды говорилъ, что Рибопьеръ тебѣ сказалъ, что другъ его достоинъ быть выгнанъ отъ меня, чему я дивилась. Если-жъ зимою тебѣ открылись, для чего ты мнѣ не сказывалъ тогда: много-бъ огорченій излишнихъ тѣмъ прекратилось...» Далѣе: «Я ни чей тиранъ никогда не была, и принужденія ненавидую...» Потомъ, лично успокоивая его, чтобъ не боялся за себя, говоритъ: «Утѣшь ты меня, приласкай насъ. У насъ сердце доброе нравъ весьма пріятной, безъ злобы и коварства. Четыре правила имѣемъ, кои сохранить стараніе будетъ, а именно: быть вѣренъ, скроменъ, привязанъ и благодаренъ до крайности» (этимъ она намекаетъ и на Зубова, находя въ немъ искомыя качества) («Русск. Арх.», 1864, 568—570).

Не такъ отнеслись къ этому событію и къ виновнику его враги Мамонова—партія Безбородко, Завадовскаго и Воронцова. По ихъ мнѣнію, онъ былъ золъ и глупъ. Безбородко въ письмѣ къ своему другу, С. Р. Воронцову, такъ характеризуетъ бывшаго фаворита, что называется, по горячимъ слѣдамъ (9 іюля, черезъ нѣсколько дней послѣ исчезновенія придворной падучей звѣзды): «Происшедшую у насъ перемѣну не описываю пространно, считая, что графъ Александръ Романовичъ объ ней васъ извѣщаетъ. Она, конечно, была нечаянная, ибо Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая князя Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ на зло, а не на добро людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ имѣлъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, а многимъ старался помогать; а сей ни самимъ пріятелямъ, никому ни въ чемъ не хотѣлъ. Я не забочусь о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично; но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобъ только мнѣ причинить досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренній, продавалъ и его и насъ пруссакамъ и что Келлеръ (прусскій посолъ въ Петербургѣ) чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши прусскія служили намъ самымъ лучшимъ аттестатомъ, что насъ купить нельзя: онѣ тѣмъ наполнены были, что и мы однѣхъ мыслей съ государынею, а ей

тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перенесено было великодушно, а мы только были жертвою усердія своего и страдали за то, что насъ не любилъ Мамоновъ. Свадьба его совершалась въ воскресенье, 1 іюля, въ присутствіи не многихъ. Невѣста убрана была по обычаю у государыни, но сама ея величество на бракѣ не присутствовала. Третьяго дня ночью они уѣхали въ подмосковную. Объ немъ записанъ указъ объ отпускѣ на годъ. Всѣмъ онъ твердилъ, что еще служить и дѣлами править возвратится; но не такъ, кажется, разстался. Здѣсь умѣлъ онъ увѣрить всю публику, что онъ все самъ распоряжаетъ; а я божуся, что онъ, кромѣ пакостей, ничего не дѣлалъ; а я тотъ же трудъ, съ тою только разностію, что безъ всякой благодарности и уваженія, исправлялъ, перенося то для блага отечества въ дурномъ его положеніи и имѣвъ твердое намѣреніе, конча хлопоты настоящія, на себя употребить остатокъ времени своего. Вице-канцлеръ доказалъ при семъ, что онъ презлой скотъ: искалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуясь на меня, а иногда успѣвалъ; но то бѣда, что когда за руль брался, худо правилъ, и надобно было всегда ко мнѣ обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ «une tête de paille» (голова изъ соломы). Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ, можно сказать, изо всего города, который вообще не хвалами превозноситъ уѣхавшаго. О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ» («Рус. Арх.», 1876, т. I).

Впрочемъ и самъ Мамоновъ былъ не лучшаго мнѣнія о своихъ врагахъ и платилъ имъ едва ли не болѣе цѣнною монетою. Такъ, во время несогласій по поводу сношеній съ Пруссіею, когда Екатерина склонялась на сторону партіи Безбородка и Воронцова, а Мамоновъ, поддерживая мнѣніе Шувалова, не совѣтовалъ употреблять рѣзкихъ выраженій въ сношеніяхъ съ прусскимъ дворомъ, онъ при этомъ случаѣ такъ охарактеризовалъ своихъ противниковъ въ разговорѣ съ Гарновскимъ: «Воронцовъ главная всему пружина,

человѣкъ тотъ, которой во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ и предпріятіяхъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ причиненія вреда его свѣтлости (Потемкину), хотя бы сіе и съ самою государства пагубою сопряжено было; человѣкъ, который далъ императору (австрійскому) обѣтъ содержать здѣшній дворъ въ такомъ расположеніи, чтобъ мы всегда готовы были споспѣшествовать ему во всѣхъ его намѣреніяхъ, хотя бы оныя пользѣ нашихъ дѣлъ не всегда соотвѣтствовали; интересантъ, совѣтникъ многихъ для Россіи безполезныхъ коммерческихъ трактатовъ, отъ которыхъ только онъ и товарищи его получили свои корысти и словомъ сказать, коварствомъ преисполненной государственной злодѣй; Завадовскій—первый ему другъ и товарищъ, потачикъ, Махіавелъ и исполнитель на бумагѣ умоначертаній Воронцовыхъ. Безбородко—верховая лошадь Воронцова. человѣкъ, впрочемъ, добрый и полнаго понятія, но по связѣ своей опасной. Нѣтъ тайны въ дѣлахъ нашихъ которыя бы не знали посолъ и вся канцелярія его; мудрено ли послѣ сего, что дѣла наши въ отношеніи къ прочимъ державамъ европейскимъ пришли до такого замѣшательства?» («Рус. Стар.», 1876, VI, 226).

Таковъ отзывъ Мамонова о людяхъ, которые правили государствомъ, люди, которыхъ партія Потемкина называла «тріумвиратомъ» и которые, отдавая должное Потемкину, клеймили презрѣніемъ собственно Мамонова, какъ ничтожество, называя его и злымъ и глупымъ человѣкомъ.

Но, повторяемъ, слѣдъ исчезнувшей за горизонтомъ Петербурга падучей звѣзды все еще оставался на придворномъ небѣ—Мамонова долго не могли забыть и имя его не разъ повторялось тамъ, куда нога его не могла уже ступить. Такъ, въ концѣ августа, когда Бибиковъ пріѣхалъ ко двору съ разными реляціями, Екатерина первымъ долгомъ спрашиваетъ Храповицкаго: «Не говорилъ ли ты съ Бибиковымъ о свадьбѣ Мамонова?» — «Нѣтъ, не бывъ коротко знакомъ». Въ началѣ сентября, въ письмѣ къ Потемкину, императрица снова вспоминаетъ о Мамоновѣ: «О графѣ Мамоновѣ слухъ носится, будто съ отцомъ розно жить станетъ, и старики невѣсткою недовольны. На сихъ дняхъ Марья Васильевна Шкурина отпросилась отъ двора и я ее отпустила; они, сказываютъ, ее пригласили жить съ ними» («Рус. Стар.», 1876, IX, 37). У

Храповицкаго же подъ 12 сентября записано: «О Мамоновѣ (т. е. говорили). Шкурина поѣхала. Ces deux commères его уморятъ. Князь писалъ, что глупѣе и страннѣе сего дѣла онъ не знаетъ». Это слова императрицы. Гарновскій же говоритъ, что, когда Шкурина, передъ отъѣздомъ къ Мамоновымъ, испрашивала на то разрѣшенія императрицы, то послѣдняя велѣла ей сказать черезъ Соймонова:

— Услуги ея давно мнѣ ненадобны, и чѣмъ скорѣе оставитъ она дворецъ, тѣмъ пріятнѣе для меня будетъ. Je vous prie, Петръ Александровичъ, отъ слова до слова перескажи, какъ я приказывала *) («Рус. Стар.», 1876, VI, 421).

Время идетъ, а Екатерина все не забываетъ о Мамоновѣ. Въ октябрѣ она пишетъ Потемкину: «Здѣсь по городу слухъ идетъ, будто графъ Мамоновъ съ ума сошелъ на Москвѣ; но я думаю, что солгано: дядя его о семъ ничего не знаетъ, у него спрашивали. Естьли это правда, то Бога благодарить надобно, что сіе не сдѣлалось прошлаго года; конфузіи въ рѣчахъ я въ самый день свадьбы примѣтила, но сіе я приписывала странной его тогдашней позиціи. Извини меня, мой другъ, что я тебя утруждаю чтеніемъ сихъ строкъ, при твоихъ прочихъ заботахъ, но разсуди самъ, естьлибъ ты былъ здѣсь, то бы мы о семъ поговорили же». («Рус. Ст.» 1876, X, 207).

Въ ноябрѣ Гарновскій замѣчаетъ: «Графъ Мамоновъ не выходитъ изъ памяти; недавно поручено было Соймонову отправить къ графу продолженіе еремитажныхъ сочиненій и нѣсколько вновь вышедшихъ эстамповъ». Мамоновъ благодарилъ за память особымъ письмомъ. Екатерина, показывая письмо новому любимцу, Зубову, замѣтила: «Слогъ письма оправдаетъ сочинителя онаго, что онъ еще не сошелъ съ ума» (тамъ же. VII, 420).

*) Г. Карабановъ, въ интересномъ очеркѣ своемъ—«Русскій дворъ въ XVIII столѣтіи» («Рус. Стар». 1871, IV, 386), перечисляя всѣхъ фрейлинъ и касаясь также Шкуриной, говоритъ, что она потому собственно вмѣшалась въ интригу Мамонова съ кн. Щербатовой, что фаворитъ для свиданій съ княжной ходилъ черезъ ея комнаты. «За это при свадьбѣ Мамоновыхъ, въ Царскомъ Селѣ, Шкурина была выслана изъ дворца и принуждена была ѣхать съ ними въ Москву».—Мы видѣли, что это было немножко не такъ.

Интересно, какими мотивами сама Екатерина объясняла приближеніе къ себѣ молодыхъ любимцевъ. Мотивы эти она высказала Салтыкову по поводу приближенія къ себѣ Зубова:

— *Я дѣлаю и государству не малую пользу, воспитывая молодыхъ людей.*

«Изъ сего видно (поясняетъ Гарновскій), что Зубова хотятъ втравить въ государственныя дѣла, подобно Мамонову, коего почитаютъ за немалаго въ оныхъ знатока, собственными трудами десницы ему благодѣющей къ сему пріуготовленнаго» (тамъ же, 406).

Настаетъ и 1790 годъ, а Мамонова все не забываютъ и при новомъ фаворитѣ. Такъ, 12 января, Гарновскій доноситъ Потемкину: «Фаворитъ лежитъ уже цѣлую недѣлю въ постелѣ. Сначала обстоятельства болѣзни его казались быть очень опасны»... но— прибавляетъ зоркій наблюдатель—«болѣзнь сего не составляла и сотой доли тѣхъ заботъ, которыя занимали насъ во время болѣзни Мамонова, въ припадкахъ менѣе теперешняго опасности подверженныхъ» (423). Не удивительно, что, оглядываясь назадъ своими старческими, но еще зоркими глазами, императрица видитъ вдали тѣни прошлаго, и между этими тѣнями мелькаетъ тѣнь Мамонова. Такъ, заговоривъ однажды съ Храповицкимъ о послѣднихъ событіяхъ во Франціи, она замѣчаетъ: «que diroit Boileau et son grand roi, étant ressuscités à Paris dans ce moment?» А потомъ, перейдя къ своему любимому Эрмитажу, съ которымъ у нея такъ много было связано воспоминаній — театральныя представленія, Мамоновъ, Сегюръ и т. д.—Екатерина, не то съ грустью, не то съ ироніей, прибавляетъ: «Segur parti, Mamonof marié, le perroquet bleu mort et le prince Chachowsky; les grands officiers de la cour veulent avoir la cravelles etc. mais il y a des nouveau venus, de nouveau nés»... и т. д. Въ другой разъ, по поводу одного дѣла, производившагося въ московскомъ совѣстномъ судѣ, гдѣ засѣдалъ отецъ Мамонова, Матвѣй Васильевичъ, Екатерина замѣтила: «Матвѣй Васильевичъ, совѣстный человѣкъ, нетаковъ, какъ сынъ»; но при этомъ все-таки «похвалила умъ его и знанія» (Храп., 329). 11 іюня, почти черезъ годъ уже послѣ удаленія Мамонова, разбирая московскую почту, Екатерина снова вспоминаетъ о Мамоновѣ. Храповицкій замѣчаетъ, что Шкурина воротилась. «Онъ не

можетъ быть счастливъ (говоритъ Екатерина): разница ходить съ кѣмъ въ саду и видѣться на четверть часа, или жить вмѣстѣ». Черезъ день получается отъ Мамонова письмо съ благодарностью за продолженіе отпуска. «Il n'est pas heureux (снова замѣчаетъ императрица). Сказываютъ, что ее бранитъ (т. е. жену?) и доказательно отсылкою Шкуриной».

Проходитъ и 1790 годъ. Тѣнь Мамонова все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ памяти. Екатерина уже сочиняетъ сатирическую пѣсню на своего бывшаго любимца: «Параша и Саша» (Храповицкій. 353).

Наконецъ, Мамоновъ совсѣмъ исчезаетъ изъ памяти Екатерины и изъ дневника Храповицкаго.

Но не исчезаетъ Екатерина изъ памяти Мамонова. Напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе заговариваетъ въ немъ тоска о потерянномъ счастьѣ (съ его точки зрѣнія). Но, повидимому, онъ крѣпится — не выдаетъ себя. Черезъ годъ послѣ своего изгнанія онъ пишетъ императрицѣ письмо (22 іюня 1790 г.), въ которомъ выражаетъ свою къ ней признательность и благодарность за продолженіе отпуска. [illegible] августа того же года онъ придирается къ случаю и поздравляетъ Екатерину съ шведскимъ миромъ. 28 августа сообщаетъ ей [illegible] искренней привязанности къ ней всей его семьи. [illegible] поздравляетъ съ побѣдами надъ турками и съ новымъ годомъ. [illegible] 1791 г. поздравляетъ со взятіемъ Измаила. 15 [illegible] благодаритъ за память о немъ и его ближнихъ. 15 января [illegible] поздравляетъ съ заключеніемъ мира съ Турціею.

[illegible] проходятъ, а его все не призываютъ ко двору. Зубовъ [illegible] въ сердцѣ Екатерины. Мамоновъ окончательно [illegible] [illegible] умереть заживо — политически. И вотъ [illegible] на послѣднее средство. 27 декабря 1792 года онъ [illegible] «Всемилостивѣйшая государыня! Съ насту[illegible] новымъ годомъ, имѣю счастіе принести вашему вели[illegible] и усердное мое поздравленіе. Дай Богъ, [illegible] ваше здоровье и съ нимъ и славное царство[illegible] продолжить еще на долгое время. Пользуяся симъ [illegible] же обезпокоить васъ особымъ впредь письмомъ, [illegible] донести вамъ теперь о слѣдующемъ: какъ

срокъ, по которой я вашимъ императорскимъ величествомъ уволенъ, истекаетъ, то прежде нежели приступить со всеподданнѣйшею моею просьбою, дабы вы соблаговолили послѣ рѣшить судьбу мою—осмѣлюся войтить теперь въ нѣкоторыя подробности

«Случай, коимъ по молодости моей и тогдашнему моему легкомыслію удаленъ я сталъ по несчастію отъ вашего величества, тѣмъ паче горестнѣе для меня, что сія минута совершенно перемѣнить могла вашъ образъ мыслей въ разсужденіи меня. А одно сіе воображеніе признаюсь вамъ безпрестанно терзаетъ мою душу. Теперешнее мое положеніе, будучи столь облагодѣтельствованъ вами, хотя было бы наисчастливѣйшее; но лишеніе истиннаго для меня благополучія васъ видѣть и та мысль, что ваше величество можетъ быть совсѣмъ иначе изволите думать обо мнѣ, нежели прежде никогда изъ главы моей не выходитъ. Страшусь, чтобъ пространнымъ описаніимъ о всемъ касающемся до меня васъ всемилостивѣйшая государыня не обезпокоить но позвольте уже мнѣ открыть теперь вамъ прямо сердце мое и мое настоящее по сей день положеніе. Вашему величеству извѣстнѣе всѣхъ бывшая моя преданность къ покойному князю Григорію Александровичу; извольте знать и то, сколько у него было недоброжелателей. Многіе знавши мою съ нимъ связь и по сіе время меня отъ того ненавидятъ: то не имѣю той лестной надежды, что ваше величество, по особому своему милосердію, мнѣ покровительствовать будете, чего остается съ моей стороны ожидать? И со всѣмъ моимъ рвеніемъ, безъ того возможно ли, чтобъ я нашелъ случай доказать вамъ, какъ бы я желалъ отъ всей искренности души моей ту привязанность къ особѣ вашей, которая, вѣрьте мнѣ, съ моею только жизнію кончится.

«Отъѣзжая сюда я принялъ смѣлость вопросить васъ всемилостивѣйшая государыня, когда и какимъ образомъ угодно вамъ будетъ, чтобъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. На сіе благоволили вы мнѣ сказать, что какъ я занимаю нѣсколько знатныхъ мѣстъ, а особливо, будучи вашимъ генералъ-адъютантомъ, сіи точныя были слова вашего величества, мнѣ можно со временемъ къ должностямъ моимъ явиться и въ оныя вступить.

«Первые годы моего здѣсь пребыванія я былъ боленъ; теперь же хотя здоровье мое и поправилось, но есть ли возможность, безъ

особаго соизволенія вашего, принять мнѣ дерзновеніе предъ вами предстать.

«Въ заключеніи сего пріиму смѣлость доложить вашему величеству и то, что какъ я, не безъизвѣстно вамъ самимъ, не имѣю теперь въ Петербургѣ не токмо друга, ниже какой съ кѣмъ связи, а могу развѣ встрѣтить людей мнѣ недоброжелающихъ. Но сія причина меня остановить не можетъ, есть ли я имѣть только буду ту ободрительную для себя надежду, что вы изволите меня принять подъ свой щитъ: каковую милость я всеконечно стараться буду всѣми мѣрами заслужить; ибо первѣйшимъ благополучіемъ себѣ поставлю есть ли только представится мнѣ случай въ глазахъ вашихъ показать вамъ мою приверженность и мое безпредѣльное къ особѣ вашей усердіе.

«Съ особливымъ благоговѣніемъ во всю жизнь мою за счастіе почту себѣ назвать вашего им. вел.» и т. д. (№ 31 изъ числа переданныхъ намъ г. Шубинскимъ писемъ; это послѣднее, впрочемъ, было напечатано уже въ «Русск. Арх.» 1865 г., въ числѣ другихъ десяти писемъ Мамонова къ императрицѣ).

Но Мамоновъ не получилъ желаемаго—звѣзда его, дѣйствительно, закатилась навсегда.

Правда, Екатерина тотчасъ отвѣчала ему на это письмо; но въ Петербургъ не позвала. Видно, что она припомнила ему прежнее. Объ этомъ можно догадаться по слѣдующему письму, написанному Мамоновымъ тотчасъ по полученіи отвѣта Екатерины. «Всемилостивѣйшая государыня! (пишетъ онъ 12 января 1793 г.). Дрожайшее писаніе вашего величества отъ 3-го сего мѣсяца вчерашній день я имѣлъ счастіе получить. Невозможно изобразить всѣ мои чувства при чтеніи онаго. Вамъ только отъ Бога данъ тотъ даръ, чтобъ наказывая, кто сего заслуживаетъ, въ самое то же время и влить въ сердце его нѣкоторую отраду. Есть ли бъ я не имѣлъ тысячи прежде сего опытовъ особой вашей ко мнѣ милости, то однѣ только начертанныя вами строки могли уже бы меня обязать вѣчною къ вамъ благодарностію. Ибо хотя съ одной стороны безмѣрно мнѣ и горестно видѣть, что я еще цѣлой годъ лишенъ буду благополучія васъ видѣть, съ другой же, возможно ли не порадовану быть тою высочайшею монаршею милостію, съ каковою вы изволите входить въ благосостояніе мое и всей нашей семьи.

«Касательно до оной осмѣлюсь, однакожъ, вамъ всемилостивѣйшая государыня доложить, что сколь я къ ней не привязанъ, а оставить ея огорченіемъ не почту, когда только со временемъ угодна будетъ вашему величеству моя служба, а симъ подастся мнѣ случай при оказаніи моего усердія и ревности (коими я пылаю) и загладить прежній мой проступокъ.

«Утѣшенъ особливо еще я и тѣмъ, что вы объявить изволили мнѣ свое удостовѣреніе о томъ, чтобъ я въ защитѣ и милости вашей былъ бы надеженъ. По принесеніи за все сіе всеподданнѣйшаго моего благодаренія и препоруча себя оной, съ истиннымъ благоговѣніемъ во всю жизнь мою пребуду»... и т. д. (№ 32).

Но и это письмо не помогло. Не помогло даже то странное завѣреніе, что онъ «не почтетъ для себя огорченіемъ оставить свою семью», т. е. любимую жену, лишь бы его вновь вызвали на прежній постъ. Екатерина не вызвала его. Мамоновъ долженъ былъ понять, наконецъ, что все для него конечно—и онъ понялъ это. Ровно два года мы не находимъ его писемъ къ Екатеринѣ, и только въ 1795 году онъ снова рѣшается напомнить о себѣ, но уже и намека не дѣлаетъ на то, чтобы возвратиться на потерянный постъ.

«Всемилостивѣйшая государыня! (пишетъ онъ 19 января). По сіе еще время продолжающаяся болѣзнь моя, стеченіе разныхъ обстоятельствъ, а къ сему и приближающійся уже срокъ, по которой уволенъ я былъ вашимъ императорскимъ величествомъ впредь на годъ: ибо высочайшее о томъ соизволеніе ваше удостоился я получить отъ 22 февраля, влагаютъ въ меня смѣлость, вѣдая при томъ совершенно неограниченное ко всѣмъ милосердіе вашего величества, всеподданнѣйше васъ просить, о продолженіи отпуска еще на годъ.

«Полетъ Россійскаго орла, вами премудро направляемой, давно всѣхъ удивляетъ: но никогда кажется еще столь быстръ не былъ, какъ при усмиреніи мятежниковъ польскихъ. Все что приноситъ безсмертную славу вамъ и отечеству моему, смѣю увѣрить васъ всемилостивѣйшая государыня никогда не перестанетъ меня восхищать. Но не имѣя прежде случаю писать къ вашему величеству и опасаясь излишно васъ тѣмъ обезпокоить, принужденъ я былъ по сей часъ скрывать предъ вами въ сердцѣ моемъ восторгъ и ра-

дость, коими оно было преисполнено; чувствованіи сіи позвольте уже мнѣ теперь обнаружить, а при томъ и принести вамъ, всемилостивѣйшая государыня, хотя другихъ и позднѣе, но всеконечно не меньше искреннѣе, поздравленіе съ сими весьма важными происшествіями» (№ 33).

Екатерина снова разрѣшаетъ ему отпускъ и онъ снова и въ послѣдній разъ пишетъ ей: «Вчерась удостоился я получить дражайшее писаніе вашего императорскаго величества, отправленное въ 29-й день минувшаго мѣсяца. Какъ за оное, такъ и за высочайшее позволеніе остаться мнѣ въ отпуску еще на годъ, приношу вашему величеству всеподданнѣйшую и чувствительную благодарность; дерзая при семъ случаѣ нижайше просить васъ, премилосердая монархиня, о продолженіи покровительства и милость ко мнѣ и ко всей нашей семьѣ, до конца моей жизни пребуду»... и т. д. (5 февраля 1795 г., № 34).

Мамонову такъ и не удалось возвратить потерянное. Черезъ годъ и девять мѣсяцевъ Екатерины не стало. Что заставляло ее такъ упрямо отказывать своему бывшему любимцу въ дозволеніи возвратиться ко двору—остается неизвѣстнымъ.

По смерти Екатерины, императоръ Павелъ, 5 апрѣля 1797 г., въ день своей коронаціи, возвелъ Мамонова въ графы Россійской имперіи. Наконецъ, приказомъ отъ 8 августа объявлено, что Мамоновъ, «по желанію», слагаетъ съ себя званіе шефа софійскаго мушкетерскаго полка («Русск. Стар.», 1873, VIII, 971).

Умеръ онъ въ 1803 году—45 лѣтъ отъ роду.

Все вышеизложенное, надѣемся, достаточно выясняетъ нравственный образъ Мамонова, который, если можно такъ выразиться, историческимъ недоразумѣніемъ вдвинутъ былъ въ пантеонъ историческихъ личностей и оттуда уже выброшенъ быть не можетъ, какъ ни недостоинъ онъ этого мѣста. Въ свое время, опять-таки по недоразумѣнію, онъ считался россійскою знаменитостью. Такъ, напр., въ 1797 году, въ тогдашнихъ газетахъ печатались публикаціи: «У Клостермана, въ Новоисаакіевской, продаются портреты: его императорскаго величества, ихъ высочествъ Александра Павловича и Константина Павловича, императрицы Екатерины II, князей Безбородко, Зубова, Потемкина, графовъ Салтыкова, Суво-

[redacted]

рова. Строгонова, *Мамонова*, адмирала Грейга, Ланскаго и проч. по 5 р., польскаго фельдмаршала Костюшки—по 1 р.» («Рус. Стар.», 1874, IX, 786). Впрочемъ, что-жь тутъ удивительнаго, когда и теперь продаются портреты матушки Митрофаніи?

Къ характеристкѣ Мамонова отчасти можетъ прибавить нѣсколько штриховъ разсказъ г. Кичеева, записанный со словъ одного стараго учителя. «Графъ Александръ Матвѣевичъ—говоритъ этотъ учитель—имѣлъ характеръ оченъ гордый. Такъ, напр., изъ множества учителей при его дѣтяхъ онъ приглашалъ садиться въ присутствіи своемъ только моего отца да m-me Ришелье (гувернантка)..... Къ гордости графа относили и то, что во время сельскихъ праздниковъ, въ селѣ Дубровицахъ, графъ надѣвалъ парадный мундиръ съ брилліантовыми эполетами и всѣ имѣвшіяся у него регаліи» («Рус. Арх.», 1868, 98).

Лучшіе изъ современниковъ Мамонова, каковы Потемкинъ, Безбородко и Щербатовъ, достаточно оцѣнили его, и къ этой оцѣнкѣ исторія не можетъ уже прибавить ничего, кромѣ полнаго съ ними согласія. Переоцѣнка же могла бы быть только не въ пользу Мамонова.

1877.

Развитіе славянской идеи въ русскомъ обществѣ XVII—XIX вв.

I.

Ни одна изъ великихъ историческихъ идей не переживала, кажется, такихъ поразительныхъ политическихъ превратностей, какъ идея славянскаго объединенія. Сколько запомнитъ исторія, это было нѣчто въ родѣ «вѣчнаго жида» Агасфера, который, по преданію, отказался помочь Христу нести крестъ на Голгофу и за то гнѣвомъ Божіимъ обреченъ былъ вѣчно ходить по землѣ, ни у кого не находить пристанища и навлекать гнѣвъ Божій и преслѣдованіе даже на того, кто осмѣливался давать у себя пріютъ этому вѣчному скитальцу, — хотя славяне, кажется, неповинны были въ грѣхѣ Агасфера.

Славянскія племена, съ незапамятныхъ временъ занимавшія всю восточную и юговосточную часть Европы, уже въ первое тысячелѣтіе христіанской эры начали одно за другимъ терять свою политическую независимость. Раньше всѣхъ пали, задавленные нѣмецкою петлею, западные славяне, владѣвшіе когда-то землями, составляющими нынѣ сердцевину Пруссіи съ столицею германскаго міра, Берлиномъ,—славяне поморскіе или балтійскіе. Поразительна картина порабощенія и исчезновенія этихъ славянъ, нарисованная г. Первольфомъ въ его, вышедщемъ не такъ давно, превосходномъ изслѣдованіи «Германизація балтійскихъ славянъ»; но мы надъ нею не будемъ останавливаться. За поморскими славянами

политическая свобода и національная индивидуальность были отняты у другихъ западныхъ славянъ. Одни чехи до сихъ поръ не задушены нѣмецкою петлею, можетъ быть, благодаря своему національному упрямству, своей «жестоковыйности» (по-чешски—«твердошійность»), выносившей даже желѣзное нѣмецкое ярмо безъ излома шеи и національности,—«жестоковыйности», обнаруживающей до извѣстной степени, что въ большинствѣ чеховъ сидитъ частица души Гуса или Жижки. При всемъ томъ чехи подпали подъ нѣмецкое главенство Затѣмъ, южные славяне, такъ сказать, разщеплены двумя клещами, съ одной стороны—нѣмецкими, съ другой—турецкими.

Еще раньше южныхъ славянъ, сѣверные, т. е. русскіе, самые могущественные изъ всѣхъ славянъ, какъ извѣстно, въ XIII вѣкѣ тоже почувствовали на своей широкой шеѣ татарское ярмо, которое и проносили болѣе двухъ столѣтій. Сбросивъ же съ себя это ярмо, русскіе стали единственнымъ свободнымъ политически народомъ славянскимъ; прочіе славяне оставались все въ той же разрозненности и зависимости.

Понятно, что и у южныхъ, и у западныхъ славянъ должно было отъ времени до времени прорываться наружу чувство, вѣками ихъ угнетавшее и въ то же время поддерживающее въ нихъ живучесть: это—неудержимое стремленіе къ свободѣ и сознаніе своего безсилія. Послѣднее сознаніе должно было являться источникомъ другаго сознанія, изъ него вытекающаго, что возвращеніе утраченной свободы для славянъ возможно только подъ условіемъ объединенія своихъ разрозненныхъ силъ.

Мысль о необходимости и возможности этого объединенія болѣе или менѣе ясно высказывалась то въ тѣхъ, то въ другихъ случаяхъ; идея объединенія видимо бродила давно въ крови и въ мозгу славянскаго міра; это была искра постоянно тлѣвшая подъ пепломъ, и едва лишь она начинала свѣтиться изъ пепла, какъ ее тотчасъ же снова засыпали еще болѣе глубокимъ слоемъ политической золы и историческаго угля.

Въ бо̀льшей части случаевъ и почти можно сказать — всегда, идея славянскаго объединенія, помимо другихъ осложненій, соединялась или, скорѣе, осложнялась идеею изгнанія турокъ изъ

Европы. Такъ, уже въ первой четверти XVII столѣтія, нѣкоторые свѣтлые умы въ Малороссіи задавались смѣлымъ планомъ — возвращенія земель, отнятыхъ турками у славянъ, ихъ историческимъ владѣльцамъ—славянамъ-же. Эта, если можно такъ выразиться, славянофильская идея бродила уже въ умной головѣ кіевскаго митрополита, *Іова Борецкаго*, и онъ думалъ осуществить ее при помощи таинственной личности, носившей имя царевича Александра Ахіи, о которомъ г. Кулишъ въ 1876 г. сообщилъ въ высшей степени замѣчательныя свѣдѣнія, на основаніи документовъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ говоритъ: что князь Мосальскій, этотъ «казакъ» московской земли или вѣрнѣе «удалъ добрый молодецъ», ушедшій изъ своей земли на службу къ нѣмецкому императору Фердинанду, въ 1624 году привезъ въ Кіевъ «личность истинно необыкновенную, героя истинно одиссеевскихъ странствованій по широкому свѣту, отъ Цареграда до Мадрита, отъ Рима до Архангельска,— именно царевича Александра Ахію». Мосальскій за границей познакомился съ необыкновеннымъ царевичемъ, былъ съ нимъ въ Краковѣ, потомъ въ Люблинѣ, а оттуда привезъ въ Кіевъ. «Здѣсь онъ объявилъ таинственно митрополиту, къ которому былъ вхожъ, яко единовѣрецъ, что въ Кіевѣ находится крещеный въ православную вѣру сынъ турецкаго султана Магомета, по родовому старшинству прямой его наслѣдникъ, но задавшійся мыслью—возстановить въ Турціи православную славяно-греческую имперію. При этомъ онъ сообщилъ Іову, что царевичъ Александръ провозглашенъ уже царемъ у задунайскихъ славянъ, сражался уже на челѣ славянскихъ юнаковъ противъ турецкаго войска, заинтересовалъ въ свою пользу многихъ европейскихъ государей, проживалъ цѣлые годы при ихъ дворахъ, заручился ихъ помощью, и теперь прибылъ въ Украину, чтобы соединить съ лисовскими казаками казаковъ запорожскихъ для похода въ турецкія владѣнія вмѣстѣ съ сербскими, болгарскими, нѣмецкими, италіянскими и испанскими ополченіями... Странная по своей чрезвычайности исторія,—продолжаетъ г. Кулишъ, — не показалась Іову Борецкому чѣмъ-то не похожимъ на правду. Изгнаніе турокъ изъ Европы во всю его жизнь было одною изъ живыхъ темъ общественныхъ

бесѣдъ и политическихъ соображеній. Объ этомъ были толки во Львовѣ, еще при Стефанѣ Баторіѣ, а Борецкій былъ родомъ изъ Галичины и провелъ первую молодость въ этомъ центральномъ пунктѣ польско-русской политики. Въ началѣ царствованія Сигизмунда III, тутъ же, подъ Кіевомъ, въ Новомъ Верещинѣ, какъ переименованъ былъ тогда Хвастовъ, кіевскій латинскій бискупъ Верещинскій печаталъ, въ собственной типографіи, проектъ объ учрежденіи на берегахъ Днѣпра рыцарскаго ордена для изгнанія изъ Европы турокъ. Мысль эта, засѣвшая въ Червонной, Кіевской и Волынской Руси, перекинулась вмѣстѣ съ «названнымъ Димитріемъ» въ Москву и выражена тамъ громкими манифестаціями. Удачные казацкіе походы моремъ къ самому Цареграду, опустошеніе Синопа и Трапезонта, разореніе въ Крыму турецкаго невольничьяго рынка Кафы и готовность черноморскаго купечества платить казакамъ откупную дань—все это было слишкомъ хорошо извѣстно Борецкому, совершилось, можно сказать, у него передъ глазами, и дѣлало правдоподобнымъ подавленіе магометанской силы совокупными средствами христіанъ. Возстаніе подвластныхъ Турціи славянъ и грековъ, не перестававшихъ гайдучествовать или казаковать во имя древней свободы въ такихъ гористыхъ мѣстностяхъ, какъ Черногорія, старая Сербія, Балканы, также не было для него новостью» и т. д. (Царевичъ Александръ Ахія. П. Кулиша. «Газета А. Гатцука», 1876. № 48).

Но ни Мосальскому—«удалъ-добру молодцу», ни Іову Борецкому, ни таинственному царевичу Александру не суждено было привести въ исполненіе великаго намѣренія. Славянская идея, этотъ «вѣчный жидъ», не находила пристанища: московское правительство выслало царевича Александра, а съ нимъ и идею славянскаго объединенія, черезъ Архангельскъ, скитаться по бѣлу свѣту.

II.

Черезъ тридцать-пять лѣтъ, въ Малороссіи появляется другая замѣчательная личность, хорватъ *Юрій Крижаничъ*. И этотъ энтузіастъ проповѣдуетъ тоже, что весь славянскій міръ долженъ сдѣлаться единымъ обществомъ, единымъ народомъ, и что соединить славянскій міръ воедино—это историческая миссія русскаго народа. Изъ Малороссіи, побуждаемый этою идеею, Крижаничъ направляется въ Москву. Онъ провозглашаетъ, что «всѣмъ единоплеменнымъ (славянскимъ) народамъ глава — народъ русскій и русское имя, потому что Русь есть корень всего славянства, что всѣ славяне вышли изъ русской земли, двинулись въ державу Римской имперіи, основали три государства и прозвались: болгары, сербы и хорваты; другіе изъ той-же русской земли двинулись на западъ и основали государста ляшское и моравское или чешское. Тѣ, которые воевали съ греками или римлянами, назывались словинцы, и поэтому это имя у грековъ стало извѣстнѣе чѣмъ имя русское, а отъ грековъ и наши лѣтописцы вообразили, будто нашему народу начало идетъ отъ словинцевъ, будто и русскіе, и ляхи, и чехи произошли отъ нихъ. Это неправда: — русскій народъ испоконъ вѣка живетъ въ своей родинѣ, а остальные, вышедшіе изъ Руси, появились какъ гости въ странахъ, гдѣ до сихъ поръ пребываютъ. Поэтому, когда мы хотимъ называть себя общимъ именемъ, то не должны называть себя новымъ славянскимъ, а стародавнимъ и кореннымъ — русскимъ именемъ». Конечно, славянскій энтузіастъ говоритъ много такихъ парадоксовъ, которые давно отвергнуты современною славистикою, но замѣчательно то, что они говорятся болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до нашего времени. Еще замѣчательнѣе политическая сторона славянской проповѣди даровитаго мечтателя, когда онъ взываетъ къ московскому «тишайшему» царю, Алексѣю Михайловичу: «Ты—единый царь, ты намъ данъ отъ Бога, чтобы пособить и задунайцамъ, и ляхамъ, и чехамъ, дабы они познали свое угнетеніе и униженіе, помыслили о своемъ просвѣтленіи и сбросили съ шеи нѣмецкое (и турецкое—

въ другомъ мѣстѣ) ярмо». Онъ боится, конечно напрасно, что нѣмцы и Россіи готовятъ это ярмо: «Ненасытима алчность нѣмецкая; всего имъ мало; хотѣлось бы имъ весь народъ и всю державу нашу пожрать однимъ глоткомъ. Не удалось имъ учинить въ Россіи того, что у нихъ было въ мысли, т. е. захватить господство надъ народомъ, такъ какъ они уже захватили царственное величіе въ threeграхъ, чехахъ, ляхахъ, въ Литвѣ и другихъ странахъ, гнѣваются, скрежещутъ, рвутся отъ злости, какъ-бы русское государство подчинить своей власти. Нѣсколько разъ они уже подходили близко къ исполненію своего намѣренія, да только Богъ уничтожалъ ихъ высокомѣрныя думы и освободилъ отъ прелютаго ярма нѣмецкаго. А всетаки нѣмцы не отступаются отъ своей думы... Болгары, сербы, хорваты давно уже потеряли не только свое государство, но всю свою силу, языкъ, разумъ. Не разумѣютъ они, что такое честь и достоинство, не могутъ сами себѣ помочь, нужна имъ внѣшняя сила, чтобъ стать на ноги и занять мѣсто въ числѣ народовъ. «Ты, царь, если не можешь въ настоящее тяжелое время пособить имъ поправиться совершенно и привести къ прежнему бытію ихъ государства, то, по крайней мѣрѣ, можешь исправить ихъ славянскій языкъ и открыть имъ умственныя очи природныя своими книгами, чтобы они познали свое достоинство и стали-бы думать о своемъ возстановленіи».

Конечно, XIX вѣкъ не можетъ принять къ исполненію программу, продиктованную ему XVII-мъ вѣкомъ устами Крижанича, однако идея, положенная въ основу программы, остается жизненною доселѣ. И Н. И. Костомаровъ былъ правъ, когда, болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, такими словами характеризовалъ историческое значеніе Крижанича: Что касается до всеславянской идеи, то ни у кого она не была выражена съ такою любовію и полнотою (какъ у Крижанича). Крижаничъ первый искалъ будущаго центра славянской взаимности въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не впадаетъ въ политическія утопіи, не мечтаетъ о всеславянскомъ царствѣ подъ московскимъ скипетромъ, не подвигаетъ царя къ нелѣпой мысли о завоеваніи славянъ; напротивъ, хочетъ достигнуть этого желаннаго единства путемъ сближенія духовнаго, поставивши племенное начало руководящею нитью, требуя предпочтенія сла-

вянъ другимъ иноземцамъ, хочетъ, чтобы всѣ славяне признаваемы были за единый народъ помимо всякихъ различій. условливаемыхъ церковными и государственными связями. Само собою разумѣется, нужна была работа вѣковъ, чтобы ввести во всеобщее сознаніе и приблизить къ осуществленію эту великую идею. Она была еще въ зародышѣ; ее заглушили надолго печальныя судьбы славянскихъ народовъ, подвергнувшихся, послѣ Крижанича, еще бо̀льшему порабощенію отъ иноплеменниковъ. Идея эта стала входить въ историческую жизнь только въ XIX вѣкѣ, и скоро уклонилась въ различные пути, какъ неизбѣжно бываетъ со всѣми историческими задачами. Но какъ-бы ни расходились между собою идущіе по этимъ различнымъ путямъ—обратясь назадъ, они увидятъ въ Крижаничѣ своего общаго патріарха, и найдутъ въ его думахъ источникъ для своего примиренія. То, что̀ заявилъ Крижаничъ, остается въ главной своей мысли неизмѣнною истиною: только Россія—одна Россія можетъ быть центромъ славянской взаимности и орудіемъ самобытности и цѣлости всѣхъ славянъ отъ иноплеменниковъ, но Россія просвѣщенная, свободная отъ національныхъ предразсудковъ. Россія сознающая законность племенного разнообразія въ единствѣ, твердо увѣренная въ своемъ высокомъ призваніи и безъ опасенія съ равною любовію предоставляющая право свободнаго развитія всѣмъ особенностямъ славянскаго міра, Россія, предпочитающая жизненный духъ единенія народовъ мертвящей буквѣ ихъ насильственнаго, временнаго сцѣпленія». (Рус. исторія въ жизнеописаніяхъ, вып. 5, стр. 432—433, 446—447, 457).

Такова сущность славянской теоріи Крижанича. Но и этому славянскому апостолу не суждено было видѣть, что брошенное имъ въ землю зерно не заглохло; напротивъ, ему могло казаться, что зерно это выклевано хищными птицами:—какъ извѣстно, Крижаничъ за что-то былъ сосланъ въ Сибирь... «Вѣчному жиду» опять приходилось скитаться по свѣту...

III.

Но идея была жива. На югѣ Россіи она была болѣе живуча, чѣмъ на сѣверѣ — да оно и понятно. Весь XVII и XVIII вѣкъ идея эта, что называется, стучалась то въ тѣ, то въ другія двери; но только ее боялись принимать, какъ проклятаго Агасфера. Повидимому, Россію пугало величіе исторической миссіи, возлагавшейся на нее славянскою идеею. Петръ I мечталъ объ осуществленіи смѣлой мысли, которою задавался Крижаничъ, хотя, можетъ быть, и не зналъ о существованіи этого мечтателя-философа; но у Петра слишкомъ было много другого дѣла. Послѣ Петра «вѣчный жидъ» продолжалъ стучаться то въ ту, то въ другую дверь—и опять напрасно. Въ половинѣ XVIII вѣка (въ концѣ 60-хъ годовъ) въ Черногоріи явилась необыкновенная личность, которая уже практически готовила объединеніе всѣхъ южныхъ славянъ; но и эту таинственную личность погубили. Мы говоримъ объ извѣстномъ Степанѣ Маломъ, который выдавалъ себя за русскаго императора Петра III-го, и, сдѣлавшись царемъ Черногоріи, заявлялъ о своихъ правахъ не только на Россію, но и на всѣ славянскія земли. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова претендентъ на всеславянскій престолъ. Съ горстью черногорцевъ онъ громилъ войска Венеціи, тогда еще могущественной республики, и огромныя полчища турокъ. Онъ разсылалъ воззванія ко всѣмъ славянамъ Балканскаго полуострова, побуждая ихъ соединиться съ черногорцами и общими славянскими силами выбросить турокъ въ Азію. Екатерина, озабоченная такимъ опаснымъ движеніемъ славянъ, тѣмъ болѣе, что движеніе это вызвано было личностью, претендовавшею на русскій тронъ, — отправила въ Черногорію посольство и поручила князю Долгорукову потребовать отъ черногорцевъ выдачи опаснаго самозванца; но черногорцы не выдали Степана Малаго. Какъ-бы то ни было, мечты этой непостижимой личности объ объединеніи славянъ не осуществились: Степанъ Малый былъ убитъ рукою ренегата, подосланнаго турками.

IV.

Въ XIX вѣкѣ славянскій Агасферъ все громче и громче стучится то въ ту, то въ другую дверь. Славянскіе народы все больше и больше начинають сознавать свое кровное родство и духовную нераздѣльность. И народъ, и литература—все въ одинъ голосъ заговорило о томъ, что славянская идея не должна оставаться мертворожденною. Но и изъ этого ничего не выходило: голосъ всѣхъ славянъ былъ безсиленъ — нужно было не голосъ только подавать, но руку другъ другу; а гдѣ та сильная и смѣлая рука, которая бы первая протянулась для этого? Руки этой не было—по крайней мѣрѣ, она не протягивалась.

Южнымъ славянамъ показалось-было, что рука эта протягивается къ нимъ, когда, въ 1806 году, возгорѣлась война между Россіею и Турціею. Славяне зашевелились, начиная отъ дальняго края Болгаріи и кончая крайнимъ угломъ Босніи и Черногоріи; но война кончилась, Россія заключила миръ съ Турціею, и русское правительство, уважая мирные трактаты, само же принуждено было сослать въ Сибирь такихъ болгарскихъ героевъ, какъ три брата *Бойто*, которые будили свой народъ къ продолженію борьбы съ турками (K. J. Jireczek. Dejiny nàroda bulharského. U Praze. 1876). Сибирь—вотъ гдѣ должны были, по тяжкой политической необходимости, охлаждаться горячія головы, мечтавшія о славянской взаимности.

То же повторилось и во время войны Россіи съ Турціею въ 1828—1829 гг. Славянамъ показалось, что къ нимъ протянулась рука сѣвернаго колосса—и они потянулись къ этой могучей рукѣ. Славяне въ эту войну принесли Россіи незабвенныя услуги. Но когда миръ снова былъ заключенъ, то русскіе, опять-таки по тяжкой и весьма грустной политической необходимости, должны были схватить болгарскаго героя, воеводу *Мамарчова*, продолжавшаго борьбу съ турками, и передать его туркамъ, которые и заключили его на островѣ Самосѣ.

V.

Но идея всетаки не умирала. Не умирала она ни у южныхъ и западныхъ славянъ, ни у русскихъ. Еще раньше войны съ Турціею 1828—1829 годовъ, въ южной Россіи, тамъ, гдѣ впервые зародилась идея славянскаго объединенія въ головѣ митрополита Іова Борецкаго, а потомъ Крижанича, — тамъ она вызвала глубокое, хотя тайное движеніе въ умахъ интеллигенціи, и выразилась организованіемъ — *Общества соединенныхъ славянъ*, общество, которое раздѣлило одну участь съ русскими декабристами, хотя сначала никто изъ декабристовъ, кромѣ подпоручика Полтавскаго пѣхотнаго полка Михаила Павловича *Бестужева-Рюмина*, совершенно не знали о его существованіи *).

О возбужденіи славянскаго вопроса декабристами, собственно одною ихъ фракціею или, вѣрнѣе, отдѣльнымъ и самостоятельно организованнымъ «обществомъ соединенныхъ славянъ», только въ послѣдствіи присоединившимся къ общему союзу декабристовъ, сколько намъ помнится, до настоящаго времени весьма мало извѣстно въ нашей печати; по крайней мѣрѣ русская печать не касалась этого интереснаго фазиса въ процессѣ историческаго развитія славянской идеи. Между тѣмъ, явленіе это, разсматриваемое въ связи съ общимъ ростомъ славянской идеи и съ ея осложненіями, уклоненіями въ разные пути, съ тѣми и другими ея разновидностями и общественно-политическими окрасками, которыя ей придавали и обстоятельства, и время, и люди ей служившіе,—явленіе это, повторяемъ, имѣетъ глубокій историческій смыслъ. Въ томъ именно глубина идеи и обнаруживается, что къ осуществленію ея прилагаются усилія повидимому совершенно не сходныхъ между собою людей, каковы, напримѣръ, декабристы и славянофилы, и, при всемъ томъ, идея остается ясна и чиста какъ сама истина. Если бы кто сказалъ, что славянофилы до нѣкоторой степени выросли на почвѣ, подготовленной и взборонованной дека-

*) М. П. Бестужевъ-Рюминъ (род. 1803 г. † 13-го іюля 1826 г.), родной дядя извѣстнаго историка-проф. К. Н. Бестужева-Рюмина.

бристами, то это для многихъ показалось бы, можетъ быть, недостаточно доказательнымъ, однако неоспоримо, что между тѣмъ и другимъ фазисомъ развитія славянскаго вопроса связующая историческая нитка—была, но какой окраски былъ одинъ ея конецъ, какой окраской окрасился другой—это уже и вопросъ другой.

Одинъ изъ декабристовъ, баронъ А. Е. Розенъ, въ своихъ Запискахъ говоритъ, что «общество соединенныхъ славянъ», основанное въ 1823 году *) артиллеристами братьями Борисовыми и состоявшее сначала изъ 36-ти членовъ, *открыто было* Бестужевымъ-Рюминымъ только въ 1825 г., т. е. въ этомъ году одинъ изъ декабристовъ, именно Бестужевъ-Рюминъ, узналъ о его существованіи. «Цѣль общества, — говоритъ Розенъ, — заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ посредствомъ федеративнаго союза, съ удержаніемъ взаимной независимости». Ясно, что здѣсь звучитъ та же историческая нота, которая прошла, не замирая, чрезъ всю исторію славянъ, съ того самаго момента, какъ славянскія народности познакомились, такъ сказать, съ азбукой политическаго и племенного самосознанія. Не удивительно, что, по свидѣтельству того же Розена, на восьмиугольной печати «общества соединенныхъ славянъ» означены были восемь колѣнъ славянскаго племени, согласно принятому тогда въ наукѣ дѣленію: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки — «всѣхъ до 30-ти милліоновъ», какъ тогда полагала славянская этнографія и статистика. Общество это, до 1825 года существовавшее самостоятельно, въ этомъ послѣднемъ году стараніями двухъ декабристовъ,—Бестужева-Рюмина, который первый провѣдалъ о его существованіи, и Сергѣя Муравьева-Апостола, — было присоединено къ южному обществу, къ такъ-называемой «Васильковской управѣ». Для сношеній славянскаго общества съ управой избраны были два члена изъ славянской же фракціи: поручикъ Горбачевскій —для артиллерійскаго округа, и маіоръ Спиридовъ — для пѣхотнаго округа. Бестужевъ-Рюминъ сообщилъ славянамъ такъ-называемый «государственный завѣтъ», содержавшій въ себѣ

*) По словамъ И. И. Горбачевскаго—гораздо раньше. Рукопись этихъ записокъ принадлежитъ ред. «Русской Старины».

сокращеніе «Русской Правды» Пестеля. Онъ же принялъ отъ нихъ присягу, снявъ съ своей груди образъ Спасителя. На образѣ этомъ былъ изображенъ Спаситель, несущій крестъ. Образъ этотъ былъ овальной формы, вышитъ двоюродною сестрою Бестужева и оправленъ въ бронзовый обручъ. Впослѣдствіи Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ передъ смертью благословилъ этимъ образомъ своего сторожа Трофимова.

Относительно характера «общества соединенныхъ славянъ» составилось тогда мнѣніе, что это все были «люди звѣрскіе и кровожадные»; такими чудовищами выставляетъ ихъ и слѣдственная коммисія 1826 года; но Розенъ опровергаетъ это, ложно будто-бы сложившееся о славянахъ мнѣніе: онъ говоритъ, что слѣдственная коммисія, «упоминая объ одномъ изъ самыхъ рѣшительныхъ членовъ, о Горбачевскомъ, сообщаетъ, что онъ, при сдѣланномъ ему предложеніи одного изъ злодѣйствъ, сказалъ: «это противно Богу и религіи». Далѣе, чрезъ двѣ страницы, коммисія доноситъ: «что Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ худо вѣрили Артамону Муравьеву въ намѣреніи ѣхать для злодѣйства въ Таганрогъ, считая его самохваломъ, яростнымъ болѣе на словахъ, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ». То же относится къ Якубовичу и другимъ рѣзателямъ и тиграмъ на словахъ, подобно младенцу Дивову». Изъ числа 36-ти членовъ «соединенныхъ славянъ» (продолжаетъ Розенъ), были осуждены верховнымъ судомъ 23 человѣка; еще сверхъ того особеннымъ военнымъ судомъ въ Москвѣ приговорены были изъ «славянъ»: баронъ Соловьевъ, Мозгалевскій, Быстрицкій, Сухиновъ и Щипилла; Кузьминъ застрѣлился, что составляетъ 29 изъ 36-ти человѣкъ, и показываетъ, что, сравнительно съ числомъ членовъ «сѣвернаго» и «южнаго общества», правительство выказало особенную строгость къ «соединеннымъ славянамъ», вѣроятно, по случаю совершенно ложно распространившагося предубѣжденія объ ихъ кровожадности. Они имѣли довольно случаевъ и времени, чтобы доказать совершенно противное этому мнѣніе. Еще были особенно осуждены и допрашиваемы гораздо позднѣе насъ, въ іюлѣ 1827 года, до окончанія слѣдствія польскаго комитета, піонернаго баталіона капитанъ Игельстромъ и пор. Вегелинъ, поступившіе къ намъ въ Читинскій острогъ и

въ Петровскую тюрьму. О «соединенныхъ славянахъ» остается еще присовокупить, что на послѣднемъ совѣщаніи, въ которомъ они присутствовали съ членами «южнаго общества», постановлено было приготовиться и начать дѣйствовать въ августѣ 1826 года. Полк. Тизенгаузенъ при этомъ замѣтилъ, что «начать слѣдуетъ не чрезъ годъ, а развѣ чрезъ десять лѣтъ». (Записки А. Е. Розена, стр. 68—70).

Впрочемъ, Розенъ напрасно силится выгородить своихъ сотоварищей, славянъ-декабристовъ, въ глазахъ потомства и доказать ихъ мягкость. Изъ принадлежащихъ редакціи «Русской Старины» подлинныхъ писемъ декабристовъ видно, что они сами не отрицали въ себѣ тѣхъ жесткихъ качествъ, которыя имъ придавало правительство, и Муравьевъ-Апостолъ не разъ говорилъ главному члену славянскаго отдѣла, Ив. Ив. Горбачевскому:.

— «Вы этихъ собакъ, славянъ, держите въ рукахъ: это цѣпныя бѣшеныя собаки, которыхъ только тогда надобно спустить съ цѣпей, когда придетъ время дѣйствовать».

Самъ Горбачевскій превосходно характеризуетъ все «общество соединенныхъ славянъ». Характеристика его находится въ письмахъ Горбачевскаго къ М. А. Бестужеву. Письма эти заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя данныя для исторіи эпохи, къ которой принадлежатъ эти люди,—но извлеченіе изъ этихъ документовъ мы откладываемъ до другого времени. Здѣсь же скажемъ, что — по свидѣтельству Горбачевскаго—онъ и его товарищи по «обществу» стремились къ тому, чтобы «рано или поздно, хорошо или худо,—соединить всѣ славянскіе народы въ одну общую федерацію»...

Выше мы сказали, что верховнымъ судомъ осуждены 23 члена «общества соединенныхъ славянъ». Вотъ имена ихъ:

1) *Борисовъ 2-й*, Петръ Ивановичъ, подпоручикъ 8-й артил. бригады.
2) *Борисовъ 1-й*, Андрей Ивановичъ, отставной артил. подпоручикъ.
3) *Спиридовъ*, Иванъ Матвѣевичъ, маіоръ Пензенскаго пѣх. полка.
4) *Горбачевскій*, Иванъ Ивановичъ, подпоручикъ 8-й артил. бриг.
5) *Бечасновъ*, Владиміръ Александровичъ, прапорщ. 8-й артил. бриг.
6) *Пестовъ*, Александръ Семеновичъ, подпоручикъ 9-й артил. бриг.
7) *Андреевичъ 2-й*, Яковъ Максимовичъ, подпоруч. 8-й артил. бриг.

8) *Люблинскій*, Ульянъ Казиміровичъ, дворянинъ Волынской губ.
9) *Тютчевъ*, Алексѣй Ивановичъ, капитанъ Пензенскаго пѣх. полка.
10) *Громницкій*, Петръ Ѳедоровичъ, поручикъ Пензенскаго пѣх. пол.
11) *Кирѣевъ*, Иванъ Васильевичъ, прапорщикъ 8-й артил. бригады.
12) *Фурманъ*, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13) *Ведиляпинъ 1-й*, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
14) *Ведиляпинъ 2-й*, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.
15) *Шимковъ*, Иванъ Ѳедоровичъ, прапорщ. Саратовскаго пѣх. полка.
16) *Мозганъ*, Павелъ Дмитріевичъ, подпоруч. Пензенскаго пѣх. полка.
17) *Ивановъ*, Илья Ивановичъ, провіантскій чиновникъ 10-го класса.
18) *Фроловъ*, Александръ Филипповичъ, подпоруч. Пензенскаго пѣх. пол.
19) *Мозгалевскій*, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20) *Лисовскій*, Николай Ѳедоровичъ, поручикъ Пензенскаго пѣх. полка.
21) *Выгодовскій*, Павелъ Ѳомичъ, канцеляристъ.
22) *Берстель*, подполков., быв. команд. легкой роты № 2-го 9-й артиллерійской бригады.
23) *Шахиревъ*, поручикъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.

VI.

Двадцать лѣтъ спустя послѣ декабристовъ и «соединенныхъ славянъ», тамъ же, въ Малороссіи, снова неумирающая славянская идея вызвала существованіе новаго, къ сожалѣнію и по горькой политической необходимости, неразрѣшеннаго въ установленномъ порядкѣ общества, во главѣ котораго стояли Гулакъ, Костомаровъ, Шевченко и къ которымъ впослѣдствіи присоединились Кулишъ, Навроцкій, Пильщиковъ, Маркевичъ и другіе. Мысль объ организованіи общества зародилась въ 1846 году, въ Кіевѣ. Въ основу общества полагалось—*распространеніе идеи славянской взаимности и созданіе въ будущемъ федераціи славянскихъ народовъ*. Такъ какъ члены общества имѣли у себя эмблематическія кольца, съ надписью — «Кириллъ и Меѳодій, январь 1846» — то впослѣдствіи общество это и названо было по именамъ этихъ двухъ славянскихъ

просвѣтителей. Планъ общества, получившій въ послѣдствіи дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующій:

«Приглашать въ общество возможно большее число членовъ изъ всѣхъ славянъ и всѣхъ званій, но преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, какъ такихъ лицъ, которыя болѣе всего могутъ вліять на молодежь и подготовлять ее къ будущей дѣятельности.

«Избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ въ распространеніи идеи общества, руководясь правиломъ, что чистое дѣло должно быть совершаемо при помощи чистыхъ средствъ, и что насилію должна быть противопоставляема сила мысли и убѣжденія

«Въ религіи – полная свобода мнѣній. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ, но только предполагалось склонять славянъ, исповѣдующихъ католичество, принять славянскій языкъ въ богослуженіи.

«Относительно языка, который бы долженъ былъ сдѣлаться общимъ для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно; при этомъ полагалось правиломъ, чтобы отнюдь не было стремленія насильственно подчинить одинъ языкъ другому, но чтобы всѣ пользовались равноправностью.

«Обязательное обученіе народа.

«Уничтоженіе крѣпостного права, дворянскихъ и всякихъ привилегій, смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, исключая карательныхъ законовъ во время войны.

«Предполагалось въ будущемъ стремиться къ тому, чтобы всѣ славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею всеславянскую федерацію».

Но и это дѣло постигла та-же участь, какую испытали прежнія попытки славянскаго объединенія. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ осложненій, неизбѣжныхъ въ каждомъ дѣлѣ, общество, по той же политической необходимости и по винѣ тѣхъ же неизбѣжныхъ осложненій, признано было незаконнымъ, и главные члены его, по выдержаніи извѣстнаго термина въ заключеніи, были удалены—кто въ Саратовъ (Н. И. Костомаровъ), кто за Каспійское море (Т. Г. Шевченко) и т. д.

Всѣмъ извѣстно также, какая участь постигла, почти въ одно

и то-же время, собравшійся въ Прагѣ всеславянскій конгрессъ, старостою на которомъ былъ историкъ Палацкій и на которомъ, кромѣ Ригера, Гавличка, Либельта, Пинкаса, Штура, Туранскаго и Бакунина, присутствовали депутаты отъ другихъ славянскихъ народностей. Виндишгрецъ бомбардировалъ Прагу—и главные ораторы конгресса были разсажены по австрійскимъ крѣпостямъ.

При всемъ томъ, идея славянской взаимности не умирала, какъ ее ни прятали въ силу политической, тяжкой для славянъ, необходимости. Мало того, славяне все громче говорили объ этой идеѣ съ каждымъ годомъ: народное чувство не справляется съ политическими трактатами. Чувство это, въ 1863 году, вотъ какія слова подсказывало сербскому народному поэту, Іеремiѣ Обрадъ *Караджичу*, которыя онъ влагаетъ въ уста яко-бы турокъ, взывающихъ къ султану:

Изид' предъ дворъ отъ свiета главо!
И потврди турска наша права,
Яничарство наше одъ старине,
И слободу и саблю цареву,
Ако мислишъ да по земльи владашъ,
Одъ Османа цара што намъ оста,
И да вѣру турску не погазишъ,
У Стамболу да на престолъ седишъ.
Круно наша султане Азисе!
Мы смо царство на сабльи добили;
И крвь нашу за то смо пролили.
Зарь да Московъ наше царство узме,
Да постави царемъ Констандина,
Своiа брата, Николиноiъ сына,
На твой престолъ у Стамболу бѣломъ?

«Сирть или правда. Бомбардированѣ Београда. У 12 песама спевао Ермія Обрадъ Караджичъ, природный поэта». Посвящено: «Нѣговой свѣтлости Виктору Иларіоновичу книзу Васильчикову, храбромъ юнаку, славномъ ратоборцу Севастополя и благодѣтелю славена».

Это значитъ: «Изыди предъ дворъ, глава свѣта! и утверди наши турецкія права, наше старинное янычарство, и свободу, и саблю цареву, если намѣренъ владѣть землею, что̀ намъ досталась

отъ Османа царя, и не хочешь посрамить турецкую вѣру, — и сядешь на престолъ въ Стамбулѣ. Вѣнецъ нашъ, султанъ Азисъ, мы саблями добыли царство и кровь нашу за него пролили:— *неужели же Московъ возьметъ наше царство и поставитъ царемъ Константина, своего брата, Николаева сына, на твой престолъ въ бѣломъ Стамбулѣ?*»

Видя однако, что Россія, свято соблюдая неприкосновенность трактатовъ,—не внемлетъ ихъ моленіямъ, славяне перестаютъ думать о Россіи, о ея помощи. Они задумываютъ свою славянскую федерацію помимо Россіи. Въ 1867 году «тайный центральный болгарскій комитетъ» издаетъ адресъ... къ султану! Въ этомъ адресѣ южные славяне выражаютъ желаніе, чтобы падишахъ принялъ титулъ «царя болгаръ», возстановилъ бы старую историческую автономію «царства болгарскаго и далъ бы ему конституцію съ такими правами, съ какими тогда Венгрія соединилась въ одно государство съ Австріею! (Jireczek, Dejiny nar. bulh.).

Неудивительно, что когда одинъ изъ молодыхъ западно-славянскихъ ученыхъ, чехъ Первольфъ, въ 1875 году, защищалъ въ Петербургскомъ университетѣ свою магистерскую диссертацію— «*Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII столѣтія*»,—оффиціальные представители славянской науки въ Россіи, И. И. Срезневскій и В. И. Ламанскій, ученые, имя которыхъ хорошо извѣстно всему славянскому міру и которыхъ авторитетность въ вопросахъ славистики давно всѣми признана,—неудивительно, что эти слависты громко заявили диспутанту, что, при всемъ уваженіи къ его ученому труду, который они же и увѣнчали ученою степенью, они не признаютъ славянской взаимности, не видятъ ее, не понимаютъ. Иначе они и не могли говорить офиціальнымъ языкомъ до 1877 года, до того момента, когда славянская взаимность, отрицаемая ими, признана была Россіей предъ лицомъ всего міра, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ русскіе профессора должны были, конечно, по тяжкой политической необходимости, публично и оффиціально отъ нея отречься, какъ Петръ отъ Христа. «Не вѣмы человѣка того», говорили они, хотя всѣмъ хорошо было извѣстно, что они-то его и знаютъ, они-то первые и увѣровали въ него, а первый изъ нихъ научилъ еще на студен-

[redacted]

ческой скамьѣ и второго и всѣхъ насъ, своихъ учениковъ, вѣровать въ него и чаять его воскресенія. Только когда русскій народъ, ведомый своимъ Державнымъ Вождемъ-Освободителемъ, своею кровью доказалъ существованіе славянской взаимности — только тогда она была оффиціально признана!

Вотъ какія стадіи должна была пройти *славянская идея* въ своемъ историческомъ ростѣ.

1878.

Суворовъ въ народной поэзіи.

«У насъ исторія своя особая, та, которую знаетъ и поетъ народъ безъ Погодина, Бѣляева и Соловьева, а наипаче безъ Костомарова и Мордовцева».
П. Безсоновъ (Восемнадцатый вѣкъ въ рус. истор. пѣс. послѣ Петра I).

Дѣйствительно, у народа своя исторія, не та, которая, годъ-за-годъ, отъ столѣтія къ столѣтію, отъ Нестора да Татищева и Карамзина, копила свой матеріалъ сначала въ уединеніи монастырскихъ келій, а потомъ въ стѣнахъ разныхъ правительственныхъ учреждeній и, прикрѣпляя матеріалъ этотъ то къ скромнымъ столбцамъ народно-государственныхъ лѣтописей, то къ правительственнымъ актамъ, съ теченіемъ времени дѣлавшимся достояніемъ архивовъ, то наконецъ къ частнымъ письменнымъ сказаніямъ и запискамъ,— сдѣлала его безсмертнымъ памятникомъ прошедшей жизни русскаго народа, памятникомъ, котораго теперь не въ состояніи истребить даже всепоглощающее время. Матеріалъ этотъ сталъ исторіей.

Но этой исторіи народъ не знаетъ. О своемъ историческомъ прошломъ онъ имѣетъ свои представленія, свою лѣтопись и свой историческій судъ, и замѣчательно, что чѣмъ отдаленнѣе это прошлое, чѣмъ оно неразгаданнѣе съ точки зрѣнія прагматической исторіи, тѣмъ богаче и своеобразнѣе о немъ воспоминанія народа, какъ-бы разъ навсегда вылившіяся въ его поэтическомъ творчествѣ и застывшія потомъ на формахъ историческаго эпоса, съ теченіемъ вѣковъ почти не измѣнявшихся.

У народа свои историческія эпохи и свои дѣятели этихъ эпохъ, свои герои. Много крупныхъ личностей, много громадныхъ дѣяній изъ нашего историческаго прошлаго обойдено въ его устной исторіи; иное забыто отъ времени, иное искажено; но и изъ того, что почтено народнымъ вниманіемъ и народною памятью, многое безслѣдно исчезаетъ, переживъ всѣ фазисы искаженія. До сихъ поръ народъ носитъ въ памяти эпосъ богатырскій, полумиѳическій; съ богатырскимъ эпосомъ онъ удержалъ въ своей памяти и нѣкоторыя историческія событія послѣдующихъ вѣковъ, преимущественно XVI-го, времена Грознаго и Ермака, покорителя Сибири, а затѣмъ нѣкоторыя личности изъ XVII-го вѣка; но менѣе другихъ вѣковъ сохранился въ его памяти самый послѣдній, самый близкій къ намъ вѣкъ—XVIII.

Изъ дѣятелей этого вѣка у народа сохранились смутныя воспоминанія и часто извращенныя представленія о весьма немногихъ:—такъ онъ не забываетъ пока «царя бѣлаго, Петра Перваго», «Ваню Долгорукова», генерала Лопухина, графа Захара Чернышова, донского генерала Краснощокова, Румянцева, Панина, Потемкина и нѣкоторыхъ другихъ; но все это такъ перепутано въ его памяти, историческія лица являются такими неясными, часто похожими одно на другое и одно за другое принимаемыми; иногда одно лицо смѣшивается съ двумя-тремя другими, эпическія качества, признаки, образы, слова, поступки и даже вся сумма дѣяній народныхъ героевъ XVIII вѣка заимствуются часто у героевъ и ихъ дѣяній XVI вѣка и даже временъ миѳическихъ, и т. д.

Та же участь въ памяти народа постигла и Суворова—эту едва ли не популярнѣйшую личность прошлаго столѣтія. На долю Суворова въ народномъ историческомъ эпосѣ выпало немного — не болѣе, если не менѣе, чѣмъ на долю какого-нибудь Васьки Буслаева изъ новгородскаго богатырскаго цикла, или донского генерала Краснощокова—изъ цикла казацкаго эпоса. Суворову народъ отводитъ въ своей исторіи очень скромную страницу, и этой-то страницѣ мы и намѣрены посвятить настоящій очеркъ.

Личность Суворова достаточно выяснена нашею прагматическою исторіею. Какъ личность государственнаго дѣятеля, преимущественно какъ полководца, какъ «солдатскаго бога» съ его солдат-

скими причудами, обнаруживавшими однако, что, при своей безспорной геніальности, человѣкъ этотъ не могъ не чувствовать фальшивости своего положенія, въ которое его, какъ крупнаго историческаго дѣятеля, ставила вся жизненная и политическая обстановка того времени,—эта личность едва ли нуждается въ бо́льшемъ историческомъ освѣщеніи, чѣмъ то, которое она имѣетъ. Но какъ лицо изъ народной исторіи, какъ личность эпическая—съ этой стороны личность Суворова нисколько не освѣщена исторіею.

Въ своемъ историческомъ эпосѣ народъ помѣщаетъ Суворова прежде всего въ тѣхъ своихъ разбросанныхъ рапсодіяхъ, гдѣ эпосъ касается политическихъ несогласій, возникавшихъ между Россіею и Швеціею уже во второй половинѣ прошлаго вѣка.

Дѣло въ томъ, что начинается будто-бы переписка между «швецкимъ» или «свейскимъ королемъ» и «самой государыней», и начинается прямо съ угрозъ со стороны перваго корреспондента:

Пишетъ-пишетъ король швецкій государынѣ самой:
«Охъ ты гой еси, россійская государыня сама!
«Ты раздѣлайся, государыня, по честности со мной;
«Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,
«Ужь я съ силушкой сберуся—скрозь земелюшку пройду,
«Во Питерѣ пообѣдаю, въ Москву ужинать приду.
«Подъ Москвой-то я ночую, поутру рано въ нее вступлю,
«Поутру рано вступлю, всѣмъ фатеры распишу:
«Ужъ я конницу-драгунъ по мѣщанскіимъ домамъ,
«Генералушекъ которыхъ по господскіимъ домамъ,
«Ужъ самъ-атъ я, король швецкій, середь каменной Москвы,
«Середь каменной Москвы, въ государевомъ дворцѣ:
«Я во божьихъ-то во церквахъ коней выкормлю,
«Я во мѣстныхъ-то въ иконахъ мосты вымощу,
«Я во мѣдныхъ-то крестахъ сдѣлаю себѣ поставъ».

По другимъ варіантамъ этой части народнаго эпоса, шведскій король пишетъ государынѣ нѣсколько мягче, вѣжливѣе, хотя тоже не безъ замаскированной угрозы. Онъ говоритъ:

«Я прошу тебя, государыня, не прогнѣваться,
«Ужь я буду, государыня, въ гости къ тебѣ!

«Ты построй мнѣ полатушки бѣлокаменныя,
«Ты поставь-ко мнѣ столики бѣлодубовые,
«Разстели-ка ты мнѣ скатерти шито-браныя,
«Составь-ко мнѣ кушанья—явствы сахарныя,
«Напитки пьяные».

Какія претензіи предъявляетъ шведскій король къ русской государынѣ—изъ этой переписки не видно; но нѣкоторые варіанты пѣсенъ выясняютъ и самыя притязанія короля Швеціи. Въ этихъ пѣсняхъ безпокойный король такъ мотивируетъ свой походъ на Россію:

«Россійская государыня, замирися ты со мной!
«Не замиришься—не прогнѣвайся на меня:
«Ты отдай, отдай, государыня, свои славны города:
«Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
«Отдай Тулу, отдай Леверъ, отдай славный Короштанъ».

Вотъ въ чемъ его претензія—возвратъ шведскихъ земель, завоеванныхъ у Швеціи еще Петромъ I; но сюда же, вмѣстѣ съ «Леверомъ» (Ревель) и «Короштаномъ» (Кронштадтъ) попадаетъ и Тула: народная фантазія включеніемъ въ число требованій шведскаго короля—отдать и Тулу—хочетъ только усилить всю неосновательность притязаній короля, который не перестаетъ угрожать все въ томъ же духѣ:

«Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
«Я самъ пойду, король швецкій, въ каменну славну Москву;
«Распишу ли я фатерушки по всей каменной Москвѣ,
«Генералушкамъ фатерушки по господскимъ домамъ.
«Конницѣ съ пѣхотою по мѣщанскимъ слободамъ;
«Славнымъ своимъ барабанщичкамъ во городѣ во Кремлѣ,
«А я самъ стану, король швецкій, у государыни во дворцѣ!»

Еще оригинальнѣе выражаются требованія шведскаго короля въ слѣдующемъ варіантѣ:

«Милосердна государыня,
«Замиреньица прошу!

«Замиреньица пожалуй—
«Отдай судержавны города:
«Отдай Ригу, отдай Ревель,
«Отдай рукодѣль мою,
«Еще отдай Курляй, Вихляй
«Со Выборгомъ назадъ!»

Затѣмъ, неугомонный король прибавляетъ, что если ему отдадутъ «Курляй» и «Вихляй»—вѣроятно Курляндію и Лифл дію,—то онъ опять-таки «всю Россеюшку наскрость пройдетъ» въ Москву войдетъ, и «фатерушки» распишетъ, и по этимъ «фа рушкамъ» поставитъ свою «армеюшку»:

«Я виндéровъ-гренадеровъ
«По купецкимъ по домамъ;
«Сваво вѣрнаво виндéра
«Катеринѣ на подъѣздъ;
«Ужъ я самъ-то король швецкой,
«Къ Катеринѣ въ домъ вступлю!»

Понятное дѣло, что, по мнѣнію народа, отъ такихъ угр государыня «испужалася» и «расплакалася»—«опущала она бѣ рученьки въ земчужные пояса»; или же картина испуга госу рыни рисуется такъ:

Рѣзвы ноженьки королевскія
Подгибались на ходу,
Бѣлы рученьки королевскія
Опускались на маху.

Вотъ тутъ-то и является Суворовъ какъ спаситель отечест Это очень важное мѣсто въ народномъ эпосѣ: оно обнаруживае какъ народъ смотритъ на царскихъ слугъ. Пѣсня говоритъ:

Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:
«Охъ вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные мои!
«Вы подите—приведите Суворова графа ко мнѣ.»
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой:

«Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися ничего!
«У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчивать его:
«У насъ есть ли пироги, они въ Тулѣ печены,
«Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ макомъ чинены,
«У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены,
«Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены;
«Еще есть ли у насъ похлебочка—у солдата на бедрѣ,
«У солдата на бедрѣ, да что на лѣвой сторонѣ...»

Народъ здѣсь характеризуетъ Суворова такъ, какъ онъ является и въ исторіи—у него вездѣ загадка, парадоксъ, софизмъ; серьезная мысль, прикрытая метафорой, иногда кажется у него шуткой, ироніей. Въ письмахъ къ дочери онъ иначе и не выражается: «пули» у него—«горохъ» или «свинцовый горохъ», пушечныя ядра—«кегли», штыки—«булавки» и т. д.

Въ другой разъ имя Суворова упоминается при совершенно другихъ обстоятельствахъ, именно въ пѣсняхъ о войнѣ съ Пруссіею при Елизаветѣ Петровнѣ. Такъ какъ народному творчеству ничего не стоитъ смѣшать нѣсколько столѣтій въ одно, а иногда сопоставить въ одной картинѣ событія и дѣйствующія лица, выхваченныя даже изъ разныхъ тысячелѣтій историческаго существованія человѣчества, то народной фантазіи ничего не стоило отвести видное мѣсто Суворову и въ знаменитой *битвѣ* при Гроссъ-Егерсдорфѣ 19 августа 1757 г., когда убитъ генералъ В. А. Лопухинъ. Конечно, народъ не запомнилъ труднаго нѣмецкаго имени того мѣстечка, гдѣ была битва, а запомнилъ только имя Лопухина, героя этой битвы, и къ нему уже, для полноты эпической картины, приплелъ и Румянцева, и Потемкина, и Суворова, передѣлавъ при этомъ Апраксина въ генерала «Абросима».

Прекрасная пѣсня, описывающая битву при Гроссъ-Егерсдорфѣ, начинается такъ:

Какъ не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ,—
Прусакъ съ арміей валитъ.
Близехонько подвалили,
Въ полки они становили.

[redacted]

Они зачали палить—
Только дымъ съ сажей валитъ!
Намъ не видно ничего,
Только видно на прикрасѣ,
На зеленомъ на лугу:
Стоитъ армія въ кругу,
Лопухинъ ѣздитъ въ полку,
Куритъ трубку табаку.
Онъ не для того куритъ,
Чтобы пьяному быть,—
Для того табакъ куритъ,
Чтобы смѣло подступить.
Чтобы смѣло подступить
Подъ лютого подъ врага
Подъ лютого подъ врага—
Подъ прускаго короля.

Все вниманіе сосредоточено пока на Лопухинѣ. Лопухинъ же и битву начинаетъ. Продолжая курить трубку, онъ—

Таки рѣчи говоритъ:
«Начинайте-ко, робята,
«Вы со праваго крыла,
«Съ лѣвова тесака!»
Наши начали палить—
Только сажища валитъ!

Битва кончилась—русскіе побиты. Убитъ и герой пѣсни—Лопухинъ. Какъ же народъ объясняетъ это несчастіе? Онъ объясняетъ его беспечностью нѣкоторыхъ генераловъ, а Суворову приписываетъ славу спасенія остальной арміи.

Вотъ какъ говоритъ пѣсня:

Они бились-рубилися
Четырнадцать часовъ.
Утишилася баталья—
Стали тѣла разбирать:

[redacted]

Находили во тѣлахъ
Полковничковъ до пяти,
Полковничковъ до пяти,
Генераловъ десяти.
А еще того подалѣ
Заставали душу въ тѣлѣ,
Заставали душу въ тѣлѣ—
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Лопухинъ лежитъ убитъ,
Таки рѣчи говоритъ:
«Охъ вы гой еси, робята,
«Мои вѣрные слуги!
«Вы подайте-ко, робята,
«Листъ бумаги гербовой,
«Чернильницу со перомъ.
«Напишу я таку вѣрность
«Государынѣ самой:
«Князь Румянцевъ генералъ
«Много силы истерялъ.
«Воръ Потемкинъ генералъ
«Въ своемъ полку не бывалъ,
«Въ своемъ полку не бывалъ,
«Всеё силу растерялъ,
«Кое пропилъ-промоталъ,
«Кое въ карты проигралъ;
«Которая на горѣ—
«Стоитъ по-груди въ кровѣ;
«А котора подъ горой—
«Заметало всю землей!
«А *Суворовъ* генералъ
«Свою силу утвержалъ,
«Мелки пушки заряжалъ—
«Короля во полонъ бралъ».

Замѣчательно, что народъ нигдѣ не обвиняетъ Суворова. Здѣсь, въ описаніи битвы при Гроссъ-Егерсдорфѣ, выражая сожа-

лѣніе о смерти Лопухина, народная фантазія перебираетъ всѣ знакомыя народу имена и всѣхъ винитъ въ смерти героя битвы: и Потемкина, и Румянцева, и Апраксина — «Ты Абросимъ-генералъ всеё силу растерялъ»; только имени Суворова не осмѣливается коснуться народное подозрѣніе,—а это много значитъ.

Затѣмъ имя Суворова неразлучно съ воспоминаніями народа о первой турецкой войнѣ, кончившейся миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи. Суворовъ въ то время пользовался уже большою популярностью. Хотя въ первую турецкую войну онъ еще не былъ главнокомандующимъ, однако народъ отводитъ ему главное мѣсто въ пѣснѣ о блистательной побѣдѣ надъ турками:—побѣда выиграна только вслѣдствіе находчивости Суворова, который зналъ, чѣмъ воодушевить солдатиковъ.

Одинъ варіантъ такъ говоритъ о неудачномъ приступѣ русскихъ войскъ къ турецкой крѣпости:

Еще кто у насъ, робята, въ каменной Москвѣ бывалъ,
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слыхалъ,
Про того ли про визиря, про турецкую войну?
Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стѣну каменну пробивали;
Мы стѣнушку не пробили, только турка разсердили,
Турки изъ пушекъ запалили, нашихъ дымомъ завалили:
Каково есть красно солнце—не видать его въ дыму.

Мало того, другой варіантъ говоритъ, что озлобленные турки вышли изъ крѣпости и грозились «растоптать» всю Москву, хотя русскіе генералы и отвѣчали турецкому визирю довольно грубо:

Напередъ идетъ визирь, генераламъ всѣмъ грозилъ:
«Въ каменну Москву взойду—всю ногами растопчу!»
Генералы отвѣчали на визиревы слова:
«Не бывать тебѣ, собакѣ, въ нашей каменной Москвѣ!»

Наконецъ, третій и четвертый варіанты изображаютъ положеніе русской арміи въ самомъ плачевномъ видѣ:

Охъ, что-жъ вы, ребятушки, не веселы сидите,
Не пьете, не ѣдите, ничего не говорите?

Еще кто бы намъ сказалъ про турецкую войну,
Про турецкую войну, про визиреву пальбу?
Кто въ походѣ не бывалъ, нужды-горя не видалъ,
А кто въ походѣ-то бывалъ, много нужды принималъ,
Много нужды принималъ и сухарики ѣдалъ.
Мы подъ городомъ стояли, мы по городу стрѣляли,
Мы по городу стрѣляли, свинецъ-порохъ растеряли:
Мы стѣны-то не пробили — пошли прочь мы, отвалили,
Пошли прочь мы, отвалили, въ чисто поле выходили,
Въ чисто поле выходили, солдатъ строемъ становили,
А драгунскіе полки перемѣшаны стоятъ,
Перемѣшаны стоятъ, они плачутъ-говорятъ:
«Не погодушка шумитъ, турска силушка валитъ,
«Турска силушка валитъ, турской силы смету нѣтъ,
«Турской силы смету нѣтъ, конца-краю не видать!»

Вмѣстѣ съ драгунами ужасъ нападаетъ на остальныхъ солдатъ и на генераловъ. Ничего не боятся только казаки и *Суворовъ*:

Напередъ у насъ пѣхота,
Козаки — позади,
Турецка сила впереди.
Не дубровушка шумитъ—
Турецка силушка валитъ;
Не ясенъ соколъ летитъ—
Напередъ мирзиръ катитъ,
Вострой сабелькой грозитъ.
Генералы испужались,
Кой-куда всѣ разбѣжались.
А солдатушки стоятъ,
Они тоже говорятъ:
«А намъ некуда дѣваться,
«Пришло дѣло раздѣваться!»

Но вотъ тутъ-то и является опять спаситель—все тотъ же неизмѣнный Суворовъ. Ему вмѣстѣ съ казаками и приписывается побѣда, а Румянцевъ остается въ тѣни. Суворовъ скачетъ къ донскимъ казакамъ и говоритъ:

«Ой вы, братцы, молодцы, вы донскіе козаки!
«Вы донскіе, гребенскіе, запорожски молодцы!
«Сослужите таку службу, каку я вамъ велю,
«Каку я вамъ велю и какую прикажу:
«Вы пейте-ка безъ мѣры зеленое вино,
«Берите безъ разсчету государевой казны,—
«Не можно ли, робята, караулы турски снять?»
—«Не велика, сударь, страсть—караулы турски скрасть!»

И дѣйствительно, «скрасть караулы»—это спеціальность казака. Не даромъ они и въ древности часто носили эпитетъ «воровскихъ» казаковъ—эпитетъ, впослѣдствіи получившій спеціальное значеніе.— И вотъ казаки своею ловкостью выводятъ русскую армію изъ отчаяннаго положенія.

Тихо ночью подъѣзжали, караулы турски скрали,
Закидался, забросался самъ турецкій визирь,
Черзнень рѣчку перешелъ, во постелюшку слегъ.
«Не чаялъ своей силушки въ погибели бывать,
«А теперя моя силушка побитая лежитъ,
«Вся побитая лежитъ, вся порубленная,
«Побили-порубили все донскіе козаки,
«Донскіе, гребенскіе, запорожцы молодцы!»

Суворовъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и подъ Бендерами, такъ что при немъ личность Потемкина въ народной поэзіи совершенно стушевывается.

Объ этомъ періодѣ дѣятельности Суворова народный эпосъ говоритъ, что сначала князь Потемкинъ собираетъ легкую партію изъ донскихъ казаковъ, а потомъ уже всѣми военными силами командуетъ Суворовъ.

Пишетъ-пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедливши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому есаулу Филипу Ивановичу,
Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ козаковъ изъ семи полковъ,
Изъ семи полковъ что ни лучшіихъ.

Шолъ-прошолъ Араканцевъ подъ Бендеръ-городъ.
Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился,
Потревожилъ онъ всю армеюшку турецкую,
Потревоживши армеюшку, на отводъ пошелъ.
Тутъ-то Араканцева больно ранили:
И падаетъ Араканцевъ коню на черну гриву,
А съ чорной гривы на сыру землю.
Съ сырой земли Араканцевъ подымается,
На любимыхъ своихъ станичниковъ оглядается,
На острую-то свою саблю опирается:
«Ой вы, станичники мои любимые,
Подводите ко мнѣ коня моего черногриваго!»

И вотъ здѣсь уже выступаетъ самъ Суворовъ: Араканцевъ—это какъ бы вступленіе въ рапсодію.

Какъ у насъ было за городомъ, за Вендерой,
Не двѣ тученьки, не двѣ грозныя, онѣ выкатились,
Выкатилася сила армія во чистое поле,
Во чистомъ полѣ въ широкое раздолье.
Выходилъ тутъ самъ атъ батюшка графъ Суворовъ,
Камышевой своей тросточкой онъ комендруетъ:
«Становитеся вы, солдатушки, по правому фланку,
Вы берите, робята, и не робѣйте,
Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!»

Вотъ въ сущности все, что народъ поетъ о Суворовѣ. Это слишкомъ ничтожный циклъ воспоминаній о такой личности, которая наполняла славой своего имени болѣе полустолѣтія и которую притомъ всего легче было узнать и оцѣнить народу при посредствѣ своего же брата—солдата. Но видно, что въ народной памяти глубоко западаютъ не тѣ имена, которыя для всѣхъ славны; въ его эпосѣ отводится первенствующее мѣсто тѣмъ личностямъ, которыя стояли ближе къ нему, и какъ иногда ни безславна ихъ жизнь, память о такихъ личностяхъ не вымираетъ въ народѣ, а хотя бы и вымирала, то все же послѣ большей, сравнительно, долговѣчности. Вотъ почему великая Россія до сихъ поръ поетъ о Ермакѣ Тимоѳеевичѣ, о Стенькѣ Разинѣ, о Некрасовѣ, а Ломоносова, свое

собственное дѣтище, народъ забылъ, мало того—онъ даже и не зналъ, что былъ такой рыбачій сынъ, который сталъ славою Россіи, пока въ книжкахъ не было объяснено это. Вотъ почему прихотливый народъ помнитъ даже Ваньку Каина, забывъ Димитрія Донскаго, избавившаго этотъ самый народъ отъ татарщины. По тому же самому народъ не можетъ забыть и Пугачова, а Державина даже и забывать нечего было, потому что о Державинѣ онъ и не слыхивалъ. За то близокъ народному сердцу идеальный герой послѣдняго времени—донецъ Краснощоковъ. Малорусскій народный эпосъ также вращается около личностей, наиболѣе близкихъ къ народу и наиболѣе ему понятныхъ.

Между тѣмъ о Суворовѣ въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго ходило въ народѣ не мало пѣсенъ, популяризаторами которыхъ были солдаты; но пѣсни эти вымерли, или вымираютъ, потому что онѣ были сочинены не народомъ, а только искусственно введены были въ народный эпосъ, въ которомъ и продержались недолго.

Къ подобнымъ пѣснямъ принадлежитъ та, которая восхваляетъ взятіе Варшавы. Она видимо сочинена грамотниками, проникла въ народъ, усвоена имъ и передѣлана имъ по своему вкусу, на основаніи законовъ эпическаго творчества. При всемъ томъ она стала уже рѣдкостью, и въ послѣдній разъ слышана г. Кирѣевскимъ, въ 1834 году, въ Новгородѣ.

Вотъ эта пѣсня:

Какъ не туча находила
И не сильны дожди льютъ:
Графъ Суворовъ показался,
Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
Онъ имѣлъ то повелѣнье,
Чтобы Польшу усмирить,
И не мудро угожденье—
Взять Аршаву, покорить.
Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
Войско слѣдовало съ нимъ.
Какъ Аршавъ-городъ узнала,
Что Суворовъ къ ней идетъ,

Воздохнула тяжко Аршава,
Всѣ заплакали мѣста:
«Лучше скрозь земли пройтить
Отъ Суворова уйтить».
Не туманъ съ войска поднялся
И военный грянулъ громъ:
Городъ ядрами покрылся,
Полчаса не видѣнъ былъ.
Намъ Суворовъ волю далъ
Ровно три часа гулять:
Погуляемте, робята!
Намъ Суворовъ приказалъ.
За его выпьемъ здоровье,
Мы поздравимте его:
Здравствуй, здравствуй, графъ *Суворовъ*,
Что ты правдою живешь,
Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
Ты военностей не тужишь,
Радъ хочь въ воду и огонь,
Ты царицѣ вѣрно служишь!

Видно, что народъ самовластно передѣлалъ эту пѣсню, хотя его кованный эпическій стиль не успѣлъ еще осилить нѣкоторыхъ искусственныхъ формъ и онѣ непріятно рѣжутъ слухъ.

Продолжаетъ-ли теперь народъ пѣть эту пѣсню—неизвѣстно.

Въ прошломъ столѣтіи между солдатами распѣвались и другія пѣсни, сочиненныя тогдашними грамотѣями и литераторами; но сочиненія эти недолго продержались въ народѣ, а остались только въ старыхъ «народныхъ» пѣсенникахъ. Такова пѣсня о Суворовѣ на Кинбурнской косѣ. Языкъ этой пѣсни напоминаетъ Тредьяковскаго:

Нынѣ времячко военно,
Отъ покоя удаленно,
Наша Кинбурнска коса
Открыла перва чудеса.
Флотъ турецкой подступаетъ,
Турокъ на косу сажаетъ:

Какъ въ день первый октября,
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копаютъ,
Изъ судовъ припасъ таскаютъ,
Чтобы Кинбурномъ владѣть
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ
Тогда не спалъ—не дремалъ,
Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстіе набились:
Тутъ Соворовъ выступаетъ,
Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіе самъ сталъ.
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
«Ступай наши на штыкахъ!»
Приказъ только получили,
Турковъ били и топили
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужъ не видя предъ собой,
Что вновь скоро будетъ бой,
Они пѣсенки запѣли,
На покой въ Кинбурнъ пошли.
Съ предводителемъ такимъ
Воевать всегда хотимъ;
За его храбры дѣла
Закричимъ ему—ура!

Другая подобная же пѣсня прославляетъ побѣду Суворова надъ Гассаномъ-пашею подъ Браиловомъ. Вычурность языка и искусст-

[redacted]

венность въ этой кантѣ доходятъ до крайнихъ предѣловъ, и можно себѣ представить, какъ солдатики коверкали ее, когда принуждены были пѣть эту «телемахиду» по приказанію начальства. Этимъ отчасти можно объяснить и то, почему народъ такъ чуждается нашей искусственной письменности и не хочетъ знать изъ нашей исторіи даже того, что ему предлагаютъ.

Вотъ какую, напримѣръ, ужасную канту должны были наши солдатики распѣвать «мужественно», какъ помѣчено въ «народномъ» пѣсенникѣ:

Дней назначенныхъ дождавшись,
Съ сильной арміей поднявшись
Ко Браилову Гассанъ,
Тутъ хотѣлъ держать свой станъ.
Но проведши одну ночь,
Въ кучѣ всю имѣя мочь,
Не лѣниво поднялъ ногу
На фокшанскую дорогу,
Планъ имѣючи таковъ
И совѣты свои дивны,
Чтобъ достигнуть рѣки Римны,
Потоптать тутъ русаковъ,
Или кучами азійцевъ
Подавить хотя австрійцевъ;
Но вдругъ слышитъ въ войскѣ рѣчи,
Что идутъ къ нему для встрѣчи
Не поклонъ свой отдавать,
А знать лагерь разбивать
Полки арміи россійской
Совокупные съ австрійской.
Полынь вскрылась вмѣсто меду:
Поднимаетъ руки къ небу,
Онъ молится Магомеду,
Не о томъ, чтобъ далъ побѣду,—
Въ томъ надежда будетъ ложна
И побѣда невозможна,—

Но хоть столько бъ имѣлъ внять,
Чтобъ помогъ весь лагерь снять.
Коль русакъ идетъ—хохочетъ,
Знать къ рукамъ прибрать все хочетъ,
Не считая за навозъ—
И палатки, и обозъ,
И котлы мѣдны, и блюды,
И бараны, и верблюды,
И буйволовъ, лошадей—
Заберетъ сей чудодѣй.
Но пророкъ мольбы не внемлетъ:
Въ раю съ гурьями знать дремлетъ,
А русакъ ужъ на отвагу
Поприбавилъ къ стану шагу.
Турки хоть и хоробрились,
Но безъ всякаго успѣха
И надѣлавъ только смѣха,
Всѣ на полѣ повалились,
Иль, сказать, такъ турки дули,
Что сномъ вѣчнымъ всѣ поснули.
Глава высшій главъ поганскихъ,
Войскъ начальникъ оттоманскихъ,
Окончивъ къ небу мольбу,
По своимъ дѣлалъ пальбу:
Знать сердясь на Магомета,
Что гналъ силы ихъ со свѣта,
И устлавъ поле тѣлами,
Самъ раздѣлался тѣмъ съ нами.
Обуяла какъ тоска—
Не противно намъ, но мило,
То онъ все, что его было,
До послѣдня волоска,
Въ побѣгъ ударившись самъ,
Вездѣ все оставилъ намъ.
Ура, ура! ты Гассанъ!
Попадай намъ въ руки самъ.

[redacted]

И не дѣлай тамо споровъ,
Гдѣ Рымникской графъ Суворовъ!

Наконецъ есть еще одна пѣсня о Суворовѣ, которую хотѣли привить къ народному эпосу, и потому сильно старались поддѣлаться подъ народность. При всемъ томъ, не смотря на эпическую окраску пѣсни, не смотря на то, что въ ней фигурируютъ такія эпическія замашки, какъ «воронъ», «зазнобушка», «красна дѣвица», «сударь-батюшка» и проч.—въ каждомъ оборотѣ пѣсни сквозитъ грубая поддѣлка. Пѣсня говоритъ:

Гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ полетывалъ?
Ты скажи, воронъ, что видалъ-слыхалъ?
Что случилося во Туречинѣ,
Въ грозной арміи Суворова?
Не убитъ ли мой сердечный другъ,
Сердцу вѣрному зазнобушка?
«Я леталъ-леталъ, полетывалъ,
«По бѣлу свѣту погуливалъ,
«Вслѣдъ за арміей православною;
«Я клевалъ-клевалъ, поклевывалъ
«Тѣло вражье-бусурманское,
«Я видалъ диво, диво дивное,
«Диво дивное, чудо чудное:
«Какъ нашъ батюшка, Суворовъ князь,
«Съ малой силой соколовъ своихъ
«Разбивалъ полки тьму-численны,
«Полонилъ пашей и визирей,
«Бралъ Измаилъ, крѣпость сильную,
«Крѣпость сильную, завѣтную.
«Много пало тамъ солдатушекъ
«За святую Русь-отечество
«И за вѣру христіанскую.
«Я принесъ тебѣ и вѣсточку,
«Что твой милой другъ на приступѣ
«Палъ со славой русска воина.

«Онъ велѣлъ отдать кольцо тебѣ
«Обручально, съ челобитьицемъ,
«Чтобы красная ты дѣвица
«Не кручинилась, не печалилась.
«Князь Суворовъ, нашъ отецъ родной.
«Смерть отмстилъ онъ своихъ дѣтушекъ—
«Надъ главами бусурманъ-враговъ:
«Онъ отпѣвъ тѣла геройскія,
«Проронилъ слезу отеческу,
«И по долгу христіанскому
«Надъ могилой ихъ поставилъ крестъ».
Я пойду млада на улицу,
Разскажу я эту вѣсточку
Всѣмъ подружкамъ, всѣмъ голубушкамъ,
Пусть поплачутъ со мной горькою и т. д.

Все вышесказанное едва ли не должно привести къ заключенію, что Суворовъ не былъ народнымъ героемъ, какъ ни гремѣла на Руси его военная, солдатская слава. Что-то другое требуется отъ историческаго дѣятеля, чтобы завоевать себѣ народное чувство и оставить глубокій слѣдъ въ народной памяти. Что же именно требуется для этого? Славы, личнаго геройства, неподкупной честности, великихъ подвиговъ, громкой извѣстности, огромнаго ума, даже геніальности—всего этого, повидимому, недостаточно, чтобы купить себѣ безсмертіе и войти въ циклъ народнаго эпоса, какъ въ древне-греческій эпосъ вошли личности подобныя Одиссею, Ахиллу, Гектору и т. п., какъ вошли, наконецъ, богатыри въ родѣ Чурилы Пленковича и Алеши Поповича съ Микулой Селяниновичемъ въ нашъ народный полумиѳическій эпосъ. Для этого недостаточно даже благодѣяній, разсыпаемыхъ на народъ историческимъ дѣятелемъ:—народъ и ихъ забудетъ.

Если чего не забываетъ народъ—такъ это той доли несчастія, которую несла на себѣ та или другая историческая или даже стихійно-миѳическая личность. Только «несчастненькихъ» народъ помнитъ, только страданія людскія онъ освящаетъ своею эпическою памятью: помнитъ онъ богатырей «старшихъ», стихійныхъ, и бога-

тырей Владимірова цикла потому собственно, что всѣ они кончили несчастливо. Стихійные, «старшіе» богатыри, какъ Святогоръ, помнятся народу лежащими въ гробу, куда ихъ, еще живыхъ и полныхъ страшной силы, заковала другая, невѣдомая сила. Богатыри «младшіе» цикла Владиміра-красна солнышка, всѣ эти веселые бражники, также кончили несчастливо—не сладили съ силою, для нихъ непонятною, которую они сами вызвали на бой, и превратились въ камни, вросшіе потомъ въ землю.

Такъ было и со всѣми эпическими героями—всѣ они хлебнули изъ чаши несчастія («ківшъ лиха», какъ говорятъ украинцы).

Цѣлый эпосъ пѣсенъ составился о Краснощоковѣ, потому что онъ, этотъ непобѣдимый богатырь новаго времени, эта гроза «прусскихъ» и «шведскихъ» королей, этотъ бичъ турокъ—этотъ Краснощоковъ кончилъ несчастливо: съ него съ живого кожу содрали. «Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ» тоже живетъ въ памяти народа—ему отведено почетное мѣсто въ разбросанныхъ расподіяхъ народнаго эпоса, какъ это можно видѣть хотя бы изъ изданій г. Безсонова, гдѣ мы нашли и пѣсни о Суворовѣ. И опять-таки потому это произошло, что Чернышовъ былъ такимъ же «несчастненькимъ»: онъ тридцать лѣтъ и три года сидѣлъ «заключенничкомъ» въ «темной темницѣ», такъ что его русыя кудерюшки отросли до могучихъ плечъ, а рыжая бородушка — до шелковаго пояса. Правда, попали въ народный эпосъ и нѣкоторые не изъ «несчастненькихъ»; но на то были свои причины: счастье ихъ было несчастьемъ для другихъ.

Суворовъ былъ не изъ числа несчастненькихъ—и вотъ, по нашему мнѣнію, гдѣ объясненіе его эпической недолговѣчности.

Къ сожалѣнію, вопросъ о «народной исторіи» остается до сихъ поръ открытымъ вопросомъ. Даже г. Безсоновъ не разрѣшаетъ его, говоря, что у «народа своя исторія», которую онъ «знаетъ и поетъ безъ Погодина, Бѣляева и Соловьева, а паипаче безъ Костомарова и Мордовцева».

1876.

Наша печать по отношенію къ русско-славянскому дѣлу.

Славянская идея, которая, неожиданно вспыхнувъ какимъ-то страшнымъ для однихъ и спасительнымъ для другихъ заревомъ, заставила усиленно биться пульсъ всей Европы, переживаетъ теперь опасный, повидимому, роковой кризисъ. Совершилось что-то такое, чего никто не ожидалъ: братья, которые давно знали, что они — дѣти одной матери, но никогда другъ друга не видали, сошлись для общаго, святого, вѣками желаннаго дѣла, и, по разнымъ, весьма сложнымъ, весьма глубокимъ историческимъ причинамъ, [illegible], не сдѣлавъ этого труднаго дѣла, [illegible] какъ-то странно, какъ-то горько, и разошлись, [illegible], глубоко разочарованные и въ дѣлѣ, котораго не сдѣлали, и [illegible] другъ въ другѣ: и тотъ и другой почувствовали, что имъ стало стыдно другъ за друга — сербамъ стыдно за русскихъ, русскимъ стыдно за сербовъ, *стыдно* каждому [illegible] стыдно передъ Европою; къ чувству стыда [illegible] и другое, болѣе жгучее чувство — чувство взаимной [illegible] съ той и другой стороны: русскіе, повидимому, глубоко [illegible] сербовъ, сербы — русскихъ; первые почувствовали [illegible] оскорбленіе, нанесенное имъ послѣдними; сербы негодуютъ за [illegible] же оскорбленіе, нанесенное имъ русскими... Братство [illegible] «[illegible] подальше отъ такого братца!» говоритъ и тотъ и другой, и считаетъ себя правымъ, глубоко правымъ. Идея славянскаго объединенія подрѣзана, повидимому, подъ корень:

неужели злополучные братья сами вычеркнули ее неопытною, но грубою рукою изъ програмны славянской исторіи?

Такъ, по крайней мѣрѣ, отразился этотъ необыкновенно странный эпизодъ исторіи славянъ въ томъ громадномъ, міровомъ рефракторѣ, который называется европейской печатью.

Но дѣйствительно ли все это такъ? Не подъ вліяніемъ ли страсти, столь естественной въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, бросалось подъ терпѣливый типографскій станокъ все, что долетало съ театра разыгрывавшейся славянской драмы, въ видѣ криковъ боли, негодованія, оскорбленія, жалости, въ видѣ обличеній и разоблаченій, въ видѣ частныхъ отчаяній и разочарованій, въ видѣ, наконецъ, инсинуацій и недостойной клеветы съ той и другой стороны, и бросалось подъ станокъ торопливо, подчасъ нечистоплотно, неопрятно, безъ критики и спокойнаго анализа, лишь бы скорѣе и громче другихъ выкрикнуть, высказаться, оправдаться, обвинить кого-нибудь, что-нибудь—за эту боль, за эти вопли, за всю неудачу общаго дѣла, которое, въ случаѣ, еслибъ получило счастливый исходъ, освѣтилось бы ореоломъ торжества, очистилось бы, сгладилось отъ шероховатостей неизбѣжныхъ во всякомъ дѣлѣ, потому что, въ такомъ случаѣ, каждому, такъ или иначе болѣвшему за общее дѣло, оставалось бы въ утѣшеніе сказать: «а вѣдь не даромъ мы болѣли душой за все—за себя, за нихъ, за погибшихъ, не даромъ умирали, не даромъ голодали и зябли, не даромъ пропала наша трудовая денежка, не на одни саваны пошли наши холсты самодѣльные».

А этого не случилось. Случилось именно то, чего не ожидали.

Какъ же разобраться въ этомъ мракѣ? Неужели все потеряно—сознаніе и чувство братства, симпатіи, довѣріе?

Исторія должна помочь разобраться въ этой тьмѣ кромѣшной. Исторія должна хладнокровно взвѣсить настоящее и прошедшее—историческая діагноза должна опредѣлить, гдѣ источникъ такой внезапной, острой болѣзни и насколько она опасна. «Больнымъ» является въ данный моментъ славянскій вопросъ. Патологическое состояніе его кн. Мещерскій называетъ «неутѣшительнымъ».

„Да, оно неутѣшительно—(говоритъ онъ, какъ очевидецъ),—и до такой степени неутѣшительно, что, по возвращеніи моемъ въ Бѣлградъ изъ Дели-

града, я почувствовалъ непреодолимое стремленіе поскорѣе изъ Сербіи выѣхать: душа страдала отъ слишкомъ сильнаго напора тяжелыхъ впечатлѣній.

„Вездѣ, на каждомъ шагу, приходилось, и болѣе чѣмъ когда либо, испытывать оскорбленіе русскаго чувства; вездѣ, куда ни посмотришь, о чемъ ни заговоришь, являлись сейчасъ фигуры невозмутимаго Ристича, невозмутимаго Николича, а рядомъ съ ними—окровавленныя лица нашихъ добровольцевъ, выражающихъ всѣ ужасы душевныхъ и физическихъ мукъ. Этого сопоставленія я не сочиняю...

„Нѣтъ, оно существуетъ, оно ежеминутно рождается въ вашей душѣ, оно носится съ вами и за вами въ воздухѣ.

„Побывавъ на сербской землѣ, вы потому начинаете страдать нравственно, что вы какъ будто почувствовали, какъ столкнулись на этой землѣ два міра: сербскій и русскій, и столкнулись не дружески, а враждебно". (Правда о Сербіи. Письма кн. Мещерскаго. Спб. 1877, стр. 359—360).

Это—новое явленіе въ исторіи славянскаго міра. Тутъ вышло какое-то глубокое, непростительное недоразумѣніе, которое исторія должна выяснить и указать, какъ предохранить славянскій міръ отъ того, чтобы случайная, острая болѣзнь не превратилась въ хроническую.

„Русскіе,—говоритъ князь Мещерскій,—испытали въ Сербіи тяжелое чувство разочарованія вездѣ и во всемъ".

„Они отправились съ мыслію найти братьевъ"...

„Они нашли народъ, въ которомъ образованная его часть считаетъ себя выше русскихъ и стыдится передъ Европою братства съ русскими, а низшая часть—народъ, въ главныхъ проявленіяхъ своего духовнаго міра, равнодушенъ къ русскимъ потому, что не доросъ до пониманія ихъ. Между этими двумя сербами: однимъ, будто бы, переросшимъ русскаго, другимъ, не доросшимъ до него—русскому тяжело.

„Онъ пришелъ сражаться вмѣстѣ съ сербами.

„Сербы даютъ ему зрѣлище людей, не знающихъ, за что ихъ ведутъ на убой, и не понимающихъ ни военной чести, ни патріотизма.

„Не разъ я слышалъ отъ сербовъ такую мысль о войнѣ: для чего мы воюемъ—не знаемъ; до войны мы платили Портѣ ровно столько сколько князь получаетъ жалованья, до 30,000 *дукатовъ*, и были счастливы,—теперь мы издержали уже на войну вдесятеро больше, чѣмъ платили въ десять лѣтъ дани, и что толку!..

— „Да кто же хотѣлъ войны? спросите вы.

— „Министры, и никто больше.

„Далѣе.

„Русскіе кричали русскимъ „живіо", провожая ихъ на сербскую землю.

„Сербская земля, когда они пришли, безмолвствовала, встрѣчая русскихъ.

„Русскіе готовы были принести въ жертву все, что имъ было дорого. Сербы не давали имъ даже нужнаго для того, чтобы сражаться.

„Русскіе заговорили про сербовъ съ восторгомъ братской любви.

„Сербы говорятъ съ русскимъ про русскихъ тономъ благосклонной снисходительности.

„Все это вмѣстѣ не могло не произвести на русскихъ впечатлѣнія сильнаго разочарованія, а, вслѣдствіе этого разочарованія, не могло не произойти враждебнаго охлажденія русскихъ къ сербамъ.

„Кромѣ того, русскіе прошли чрезъ весьма сильное разочарованіе военное.

„Они шли на побѣды и пришли на неудачи"...

Вотъ каковы признаки болѣзни славянскаго вопроса. Но есть и еще признаки болѣе худокачественные.

„Во все время (продолжаетъ кн. Мещерскій), пока я былъ въ Сербіи, я испытывалъ тяжелое впечатлѣніе и, признаюсь откровенно, ни разу меня не покидала мысль, что впечатлѣнія эти потому такъ тяжелы, что въ нихъ сказывается громко и глубоко *упрекъ каждому русскому*, *упрекъ каждому часу прожитого Россіею прошедшаго*.

„Я чувствовалъ себя званымъ на брачный пиръ и сидящимъ на пиру въ грязной, не праздничной одеждѣ—вотъ чувство, которое я испытывалъ, и думаю, что такое же чувство испытывали многіе изъ русскихъ въ Сербіи

„Прямо, какъ насъ засталъ пробившій въ славянскихъ земляхъ часъ тревоги,—столько лѣтъ портившимися въ ложной школѣ образованія и ухаживанья за прогрессомъ, въ халатѣ безпечнаго реалиста (не лучше и идеалисты),—бросались мы спасать братьевъ славянъ, о *которыхъ до этого перестали и думать*; бросились—и что же застали?

„Застали то, чего не могли не застать"...

Всѣмъ извѣстно, *что* мы тамъ застали. Но едва ли сербы ожидали отъ насъ то, *что* мы имъ дали. Кн. Мещерскій вкратцѣ изображаетъ это нѣчто, неожиданное сербами и негаданное:

„Россія явилась въ Сербіи въ двухъ видахъ, или, вѣрнѣе, въ трехъ (говоритъ онъ): въ видѣ добровольцевъ, съ генералами, въ видѣ медицинской помощи и, въ третьихъ, въ видѣ корреспондентовъ.

„Затѣмъ, въ четвертомъ видѣ, они уже были въ Сербіи прежде—въ видѣ консула.

„Что же случилось?

„Два русскихъ генерала явились, и второй сталъ орудіемъ вражды противъ перваго: Новоселовъ поднялъ войну противъ Черняева, пока еще война славянъ съ турками была не кончена.

„Дальше: между добровольцами образовался кружокъ сплетнико триганов и обвинителей противъ русскаго генерала, его штаба и і другихъ добровольцевъ.

„Затѣмъ: консулъ нашъ сталъ врагомъ Черняева и вообще р движенія.

„Далѣе, представитель главнаго общества Краснаго Креста в градѣ—г. Токаревъ—поссорился со всѣми почти русскими врачами ставителями отдѣльныхъ русскихъ санитарныхъ отрядовъ.

„Наконецъ, нѣкоторые корреспонденты русскихъ газетъ посс между собою.

„И, въ заключеніе, русскіе поссорились съ сербами...

„Что же, наконецъ, вышло *послѣ* всего этого?

„*Послѣ*—русскіе охладѣли къ сербамъ ..

„А послѣ?"... (Правда о Серб., 364—367, 373—375).

Послѣ — весь славянскій вопросъ превратился въ огр вопросительный знакъ.

Гдѣ же отвѣтъ?—Поищемъ его кругомъ, вездѣ—въ п шемъ, въ настоящемъ, въ будущемъ.

Въ прошедшемъ, въ очень далекомъ прошедшемъ, как близкомъ, Россія постоянно представлялась славянамъ тою ванною землею, изъ которой должно выйдти для нихъ сп Сербы болѣе другихъ ждали этого спасенія отъ Россіи. это звучитъ въ лучшихъ стихахъ старыхъ, давно умерших товъ сербскихъ. Не даромъ Янъ Кукулевичъ Сакцинскій въ извѣстномъ стихотвореніи—«Славjанска домовина» (отечеств витъ на первомъ мѣстѣ Россію, восклицая:

Гдjе је славска домовина?
Је ли руска царевина,
Ка орјашко своје тјело
У три свјета упри смјело?

Это «оряшко тѣло»—тѣло великана—и представлялось знаменіе будущаго спасенія славянъ. Оно и понятно, пото поглощеніе славянскихъ народностей не славянскими шло уклонною послѣдовательностью втеченіи вѣковъ. Понятно, другой славянскій поэтъ, тоже давно умершій, Янъ Колла началѣ тридцатыхъ годовъ, сидя въ Буда-Пештѣ, взывалъ въ знаменитой поэмѣ «Slávy dcera»:

Aj zde leži zem ta, pred okem mým slzy ronícím nekdy kolébka nyní národu mého rakev.

Т. е. «Вотъ здѣсь, передъ моимъ окомъ, слезы источающимъ, лежитъ земля, нѣкогда колыбель моего народа, а нынѣ —его гробъ». Этотъ великій гробъ (rakev), эту священную «раку» славянскую онъ видитъ вездѣ подъ ногою и боится ступить, боясь попрать дорогія кости. Онъ видитъ эти кости раскиданными отъ «Эльбы предательской до равнинъ Вислы невѣрной, и отъ Дуная до мутныхъ волнъ Балтики.» (Slâvy dcera. v Pesti, 1832). Остается одна Россія, гдѣ на историческомъ кладбищѣ живутъ могучіе славяне и безпечно бѣгаютъ будущіе освободители другихъ славянъ, бѣловолосые крестьянскіе ребятишки.

Но, можетъ быть, таково было воззрѣніе на историческую миссію Россіи среди образованныхъ людей славянскаго міра, среди, такъ сказать, славянскихъ славянофиловъ. Напротивъ, воззрѣніе это коренилось въ самихъ народностяхъ славянскихъ, въ массѣ, которая какъ-бы чутьемъ угадываетъ своихъ друзей и недруговъ. Разительнымъ этому доказательствомъ служатъ патріотическія сербскія пѣсни, которыя, задолго до послѣдней войны, распѣвалъ на улицахъ, на площадяхъ и по сербскимъ кафанамъ слѣпой гуслярь, сербскій народный пѣвецъ Еремія Обрадъ Караджичъ. Слѣпецъ Караджичъ не долженъ быть смѣшиваемъ съ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, знаменитымъ собирателемъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ, котораго знала вся образованная Европа, начиная отъ Гёте и братьевъ Гриммовъ и кончая послѣднимъ любителемъ народной поэзіи. Слѣпецъ Караджичъ—это простой, необразованный сербъ, обыкновенный уличный гуслярь, нѣчто въ родѣ украинскаго кобзаря и великорусскаго калики перехожаго. Подобные народные пѣвцы представляютъ изъ себя какъ-бы фокусъ народнаго воззрѣнія своей страны: ихъ воззрѣнія—воззрѣнія массы, ходячія, базарныя, уличныя воззрѣнія; ихъ устами говоритъ весь народъ, часто не справляясь съ тѣмъ, что думаетъ интеллигенція страны. Вообще, гласъ такого слѣпца—гласъ народа, потому что его незрячіе глаза не видятъ, не читаютъ, а весь внѣшній міръ входитъ въ сознаніе такого слѣпца посредствомъ одного слуха, говора народнаго. Такимъ выраженіемъ сербскаго народнаго міро-

воззрѣнія является гусляръ, донынѣ здравствующій, слѣпецъ Еремія Обрадъ Караджичъ Въ 1863 году, послѣ извѣстнаго бомбардированія Бѣлграда, онъ, между прочимъ, пѣлъ на площадяхъ въ Сербіи одну думу, въ которой, согласно эпическимъ пріемамъ сербской народной поэзіи, онъ заставляетъ говорить между собою двухъ «вилъ» (извѣстныя миѳическія существа у сербовъ)—«вилу Балканскую», т. е. съ Балканъ, и «вилу Динаркиню», т. е. отъ Динара. Вила Динаркиня спрашиваетъ свою сестру Балканскую:

«Чуешъ мене, сестро са Балкана,
«Оче л' Московъ у помочи быти?»

Т. е. *помогутъ-ли русскіе сербамъ*, когда они встанутъ на защиту своей свободы?

Балканская вила отвѣчаетъ, между прочимъ, что пусть тамъ только засіяетъ солнце возстанія въ Сербіи, пусть тамъ раздастся громъ,—тогда встанутъ всѣ славяне, освободятся и отъ султана турецкаго и отъ цесаря нѣмецкаго, и турки будутъ изгнаны изъ Европы. При этомъ вила восклицаетъ такими знаменательными словами:

Кадъ насъ чувашъ съ неба, якій Боже,
И велика снажна Московіо,
Миліон'ма нека на насъ иду.
Сила храбра наша че отбити,
И славенскій народъ савъ (весь) че познатъ,
Какво сердце юначко имамо...
Одъ Европе целе се не бою,
Залудъ турци што садъ крила ширу
И одъ немца пріятельство тражу
И одъ силне британске краљице,—
Са сви страна народъ че скочити
И славенскій барякъ се развити
Одъ Црнога до Ядранскогъ мора *).

*) «Смерть или правда. Бомбардиранѣ Бѣлграда, у 12 песамъ. Спевао Еремія Обрадъ Караджичъ, природный поэтъ. Нѣговой свѣтлости Виктору Иларіоновичу князю Васильчикову, храбромъ юнаку, славномъ ратоборцу Севастополя и благодѣтелю славена, съ найвечимъ страхопочтаніемъ посвечуемъ ово мое просто сербско-народно юначко дѣло». (Бѣлградъ 1863).

[redacted]

Т. е. «Когда насъ *услышитъ Богъ съ небеси и великая снѣжная Московія*, то пусть идутъ на насъ милліоны народовъ, наша храбрая сила отразитъ ихъ и весь славянскій народъ познаетъ. какое у насъ богатырское сердце... Цѣлой Европы я не боюсь — пусть турки охватываютъ насъ своими крылами и ведутъ дружбу не только съ нѣмцами, но и съ сильною британскою королевою—со всѣхъ странъ возстанетъ нашъ народъ и славянское знамя разовьется отъ Чернаго моря до Адріатическаго».

Таковъ взглядъ южныхъ славянъ на «великую снѣжную Московію»—ясно, что этотъ взглядъ далеко не похожъ на тотъ, какой, по словамъ кн. Мещерскаго, усвоила себѣ сербская интеллигенція, получившая образованіе во Франціи или Германіи.

Мало того. Слѣпой сербскій гусляръ описываетъ, напр., одного сербскаго офицера, Влайковича, служившаго въ русской арміи подъ Севастополемъ и получившаго тамъ русскій орденъ, — и Влайковичъ, благодаря русскому ордену, представляется гусляромъ въ видѣ чего-то необыкновеннаго, сказочнаго. Всякій разъ, какъ Караджичъ упоминаетъ о Влайковичѣ, онъ припѣваетъ:

Кои носи орденъ одъ Русіе,
На прсима крсте и медалѣ—
Царъ га рускій сяйно окитіо,
Па се блиста као ярко сунце.

Т. е. что Влайковичъ «носитъ орденъ на груди: кресты и медали—это русскій царь такъ блистательно его украсилъ—и онъ блещетъ словно яркое солнце».

Въ другомъ мѣстѣ Караджичъ, говоря, какъ отличился Влайковичъ во время бомбардированія Бѣлграда турками, разсказываетъ, какъ и чѣмъ наградилъ его князь Михаилъ Обреновичъ.

Па дозива Влайковича Дјоку,
Цара руског бывшего официра,
Кой се србинъ рату научіо
И съ русима заедно боріо,—
Венцемъ дичнымъ князъ га окитіо
И чиномъ га за храбрость подари,

Капетаномъ войнимъ поставіо,
И каза му, да ордене носи,
Што му даде царе одъ Русіе,
На прсима крсте и медалѣ...

Т. е. «И призываетъ (кн. Михаилъ) Влайковича Діокку, бывшаго офицера русскаго царя, *который* (Влайковичъ) *научилъ сербовъ ратному дѣлу* и сражался заодно съ русскими, — вѣнцомъ дивнымъ князь его украшаетъ, и чиномъ за храбрость жалуетъ— капитаномъ войсковымъ назначаетъ, и велитъ ему, чтобы носилъ ордена, кои далъ ему русскій царь—на персяхъ кресты и медали»...

Таково, при всей своей дѣтской наивности, воззрѣніе сербскаго народа на Россію—и это воззрѣніе господствовало въ славянскихъ умахъ вплоть до послѣдней войны. Слѣдовательно, нужны были сильныя причины, чтобы оно измѣнилось къ невыгодѣ Россіи. Поищемъ же этихъ причинъ.

Изъ русскихъ корреспондентовъ, бывшихъ въ Сербіи во время послѣдней войны съ турками, Е. О. Лихачева едва ли не первая указала на источникъ внутренней розни, внезапно зародившейся между русскими и сербами и притомъ въ такой моментъ, когда они, смѣшавъ свою кровь подъ турецкими ударами, должны были бы, кажется, слиться въ одну душу, въ одно сердце, въ единъ нервъ.

„Сербія (пишетъ она) держится теперь русскими. Русскіе держатся храбро; они учатъ сербовъ умирать; русскихъ шлютъ въ огонь первыхъ, и порядочныхъ людей между русскими много. Но много изъ пріѣзжающихъ сюда русскихъ и такихъ, которымъ въ Россіи нѣтъ дѣла, которые или смотрятъ на поѣздку въ Сербію, какъ на средство поправить свои дѣла, или съ мыслью выглядѣть и завести здѣсь, въ непочатой странѣ, торговлю, попытаться, нельзя ли получить концессію на постройку желѣзной дороги и пр. Наконецъ, есть и такіе, которые ѣдутъ потому, что имъ дали денегъ и возможность совершить пріятную поѣздку, да еще за это награждаютъ оваціями и любезностями. Что творятъ эти господа—а ихъ много—видно изъ того, что сербы говорятъ: *мы избавились отъ однихъ варваровъ, а къ намъ пришли другіе.* Впрочемъ, до сихъ поръ сербы, т. е. сербскій *собственно народъ*, все-таки хорошо относится къ русскимъ. Но офицеры сербскіе, говорятъ, жалуются и недовольны русскими; по слухамъ, начальникъ штаба Черняева, К., сплошь и рядомъ дѣлаетъ относительно ихъ несправедливости. Кромѣ того, они, какъ и сербское правительство, не хотятъ болѣе войны

и прямо говорятъ, что, не пріѣзжай русскіе, у насъ давно былъ бы миръ. *Народъ никогда не хотѣлъ войны.* Съ самаго начала, когда только начали привозитъ *раненыхъ* въ госпитали, это было ясно— они прямо говорили это; во все время пребыванія моего въ Бѣлградѣ, почти втеченіи двухъ мѣсяцевъ, я видѣла только *одного* солдата, который, подъ хлороформомъ, во время трудной операціи, кричалъ: „не сдавайтесь, умремъ за братьевъ". Остальные лежа въ госпиталѣ, мечтаютъ о своихъ дѣлахъ, поляхъ; имъ жилось хорошо, *къ туркамъ у нихъ нѣтъ особенной ненависти*" и т. д. (Отеч. Записки". 1876, № 10, стр. 182—183).

Сербскій народъ не хотѣлъ войны—увѣряютъ сербы г-жу Лихачеву, кн. Мещерскаго и другихъ корреспондентовъ:—война желательна была только министрамъ. Но едва ли это увѣреніе искренно со стороны сербовъ: тутъ что-то кроется другое, неразъясненное, умалчиваемое. «Народъ не хотѣлъ войны»... А какъ же согласить съ этимъ увѣреніемъ слова выразителя сербскаго народа, слова *самого* народа, оглашаемыя его пѣвцомъ. Слѣпецъ Караджичъ, который неустанно пѣлъ на площадяхъ и базарахъ о войнѣ съ турками въ 1863 году, продолжалъ пѣть и послѣ этого года, а къ началу послѣдней войны запѣлъ еще громче. Это, повторяемъ, пѣлъ *самъ народъ.* Еще когда сербскіе министры не объявляли войны туркамъ, еще когда турецкій штандартъ не былъ позорно подрубленъ на стѣнахъ Бѣлградской цитадели,—вотъ что сербскій народъ кричалъ къ своимъ «либераламъ» (либералцима):

Народњаке вила бјела зове,
Либералце, српскете синове,
Што начела своја свуда шире,
Радикалци и ти либералци:
С мачевима љутим изидјите,
С джеверданом и са јатаганом
У јуначко поље оно крваво,
Ди се дјели срећа и несрећа...

И такъ, народъ говоритъ, что бѣлая вила зоветъ демократовъ, либераловъ и радикаловъ сербскихъ, чтобы они съ лютымъ мечомъ, ножемъ и ятаганомъ выходили на богатырское поле кровавое, гдѣ обитаетъ счастье и несчастье. Вила говоритъ, что нечего толковать о свободѣ въ своемъ кутку, потому что полиція и жандармы оберегаютъ и свободу и имущество этихъ кутковъ. А надо

идти въ поле — къ тиграмъ и медвѣдямъ, надо идти на турокъ. Нечего сидѣть вамъ, сербскіе соколы, въ своихъ бѣлыхъ дворахъ (взываетъ вила), да пить шампанское и токайское, да курить французскія сигары, да цѣловать вашихъ вѣрныхъ подругъ, сидя на диванахъ, на золотыхъ коврахъ, какъ султанъ цѣлуетъ молодыхъ грузинокъ. Свобода живетъ въ братствѣ съ мечемъ, на кровавомъ полѣ—тамъ вы обнимайте, вмѣсто женщинъ, сербскую зорю (возрожденіе) и вашу свободу... Не боится народъ сербскій ни царя турецкаго, ни короля—распалилось молодое сердце сербское, распалилось все сербское «юнаштво», распалились «народняки» (демократы) и вся «омладина». Ко всѣмъ обращается вила:

Ви сте украс српскога народа,
Преодница звезда јарког сунца,
Што тражите правду и правицу
Од тирјана, од ти круна црни,
Што кињиду тај славенски народ,
Маджар, шваба и тај турчин клети.

Слава вамъ, братья, если вы освободите сербскій народъ и мадьярскія цѣпи раскуете, кровь свою проливая.

Гусляръ говоритъ, что гудутъ его гусли и будятъ юнаковъ... Но лучше приведемъ подлинныя слова пѣвца—они понятны для всякаго русскаго, а если не совсѣмъ понятны, то надо же когда-нибудь русскимъ научиться понимать своихъ родичей. Вотъ что поетъ слѣпецъ:

Гусле гуде, те јунаке буде,
Соколове српске оне зову,
Витезове српске либералце,
Народњаке и све радикалце:
Устај! устај! више не оклевај,
За народност србин сваки гине...

Мало того, гусляръ увѣряетъ, что «чеси и пољаци љути, хорватъ, краинецъ, поморављанинъ, словакъ, шлезакъ, вендъ и мораванинъ»—всѣ поднимутся съ револьверомъ и съ лютымъ мечомъ въ рукахъ. Глядя на нихъ, встанетъ и Болгарія... Трепещи, швабъ и мадьярскій король, трепещи и ты, султанъ въ своемъ Стамбулѣ:

отнимутся у васъ тѣ черныя короны, которыя вы сербскою кровью украсили да славянскимъ чешскимъ нарядомъ вмѣстѣ съ брилльянтами и дорогими каменьями...

Вонъ ужъ куда мѣтитъ слѣпой гусляръ! И это не даромъ, потому что онъ говоритъ, что «когда лѣсъ листомъ одѣнется, *то великій царь славянскій* (понятно, кто здѣсь разумѣется) увѣнчаетъ дѣло Сербіи»... Это говорилось въ началѣ 1876 года, зимой, когда деревья еще не одѣвались въ зелень.

Сочувствіе къ войнѣ въ сербскомъ народѣ было, вопреки теперешнимъ увѣреніямъ сербовъ, видно изо всего. Такъ, задолго до прихода къ нимъ русскихъ, сербскій гусляръ пѣлъ слѣдующую думу въ прославленіе «Ерцеговачко-босинским јунацима»: гусляръ взываетъ ко всѣмъ окрестнымъ горамъ и равнинамъ, къ Дурмитору и «гордымъ» Балканамъ — подымите, говоритъ онъ, ваши головы, посмотрите съ высоты, какъ бьются наши сербскіе соколы, славные потомки Душана, посмотрите, какъ льютъ они кровь свою за прекрасную свою родину:

За лијепу своју домовину
И за српску нашу царевину.

Подождите—говоритъ онъ—придутъ къ вамъ на помощь князь Никола и князь Миланъ, придутъ весной—

У пролетје, кад нам цвета цветје
И гора се листом преодене,
И запјева славуј у горици
И јаганци у полја изидју...

Но не ждутъ весны лютые герцеговцы, ни босняки, ни храбрые краинцы, не ждутъ ни Николы-князя, ни Милана, не ждутъ, пока придетъ мартъ мѣсяцъ... Герцеговецъ буздованомъ (оружіе вродѣ булавы) лупитъ врага, сербъ рычитъ какъ левъ—блестятъ мечи, ятаганы и дамасскія сабли—и дрожитъ отъ страха гордый Стамбулъ...

Чего же еще воинственнѣе, если не эта дума? А она звучала по площадямъ и базарамъ и звучала именно потому, что народъ ей сочувствовалъ, народъ самъ ее сочинилъ... О!—взываетъ гусляръ—о! турчинъ кровопійца! султанъ Азисъ изъ Стамбула! Не

долго тебѣ цѣловать твою красавицу, султаншу твою Зелиду, которую украсилъ ты золотомъ, *стерлингами англійскихъ лордовъ*, бриллььянтами и дорогими каменьями.. И дума слѣпого гусляра оказалась пророчествомъ. Абдулъ-Азису дѣйствительно не пришлось долго цѣловать свою прекрасную султаншу.

Въ этой же думѣ гусляръ восхваляетъ поименно вождей герцеговинскаго движенія — Пеко Павловича, Богдана, Зимонича и Лазаря Сочицу:

Залети се јунак у тамницу,
Од војвода Пеко Павловичу,
Са турцима да подјелу мегдан,
А за њиме Богдан Зимоничу
И витешки Лазаре Сочица
И остали још други јунаци,
Ерцеговци и срби бошњаци,
И лафови љути црногорци...

И вотъ, когда поднялись эти молодцы и «лютые львы черногорцы» — тотчасъ загремѣли ружья, зазвучали ножи, зарычали пушки—и задрожали деревья и камни...

Конечно, все это очень наивно, но за то очень воинственно— народный задоръ и хвастливость слышатся въ каждомъ словѣ. Всего, что пѣлось передъ объявленіемъ сербами войны туркамъ,— даже пересказать невозможно: такъ оно задорно и притомъ не въ мѣру самоувѣренно. Винить тутъ русскихъ въ томъ, что они возбудили сербскую войну, если только можно въ подобномъ дѣлѣ винить кого-либо, или русскимъ же приписывать эту заслугу, если только послѣдняя сербская война составляетъ историческую заслугу въ дѣлѣ движенія впередъ «проклятаго» восточнаго вопроса—по малой мѣрѣ преждевременно. Мы не хотимъ никого упрекать, но должны, къ сожалѣнію, напомнить кому слѣдуетъ, что наша летучая печать въ послѣднемъ вопросѣ выказала недостаточную эрудицію, даже меньше—недостаточную школьную подготовленность. Почти всѣ факторы летучей печати высказались въ данномъ разѣ такъ, что какъ будто никто изъ нихъ не читалъ того, что писалось у насъ прежде и въ Европѣ по славянскому вопросу, или

забылъ то, что читалъ. Единственное объясненіе, которое можетъ быть тутъ допущено, это едва ли не то, что растерянность нашей летучей печати лежала въ юности и недостаточной начитанности ея активныхъ, ежедневныхъ факторовъ. А между тѣмъ, самый вопросъ, т. е. необходимость практическаго рѣшенія его свалилась, какъ снѣгъ на голову—до чтенія ли тутъ было, до повторенія ли задовъ человѣку, когда его заставляютъ, не отходя отъ доски, найти чуть ли не квадратуру круга, а онъ забылъ даже таблицу умноженія?

Сербы теперь говорятъ нашимъ корреспондентамъ, что къ туркамъ у нихъ не было особенной ненависти, что имъ не на что было жаловаться и т. д. Жаль, что корреспонденты не отвѣчали имъ на это ихъ же словами и ихъ же печатными книжками, «штампованными у Београду».—Зачѣмъ же вы, слѣдовало спросить сербовъ, зачѣмъ вы кричали и распѣвали передъ войною на своихъ «мегданахъ» о томъ, какъ «србин тешке сузе лио» (сербъ лилъ тяжкія слезы, по милости турка), какъ герцеговинцы и сербы-босняки «пиштали су у ланцима турским» (буквально: пищали въ турецкихъ цѣпяхъ)? Зачѣмъ вы увѣряли и себя и другихъ, что сербъ хочетъ, непреодолимо хочетъ бороться съ туркомъ, что онъ «пресече оне тешке лапце», избавить и себя и своихъ братьевъ отъ «варварскога турскога тирјанства», что сербская кровь—«ни је вода», что сербы—«робови (рабы) онога крволока турчина»? Зачѣмъ же вы плакались передъ нами, русскими, и передъ всею Европою, что турки вашихъ «љубе и сестре срамоту», что они «секу пеку србина встају» и — мало того — «на колју живе све натичу» (всѣхъ живыхъ сажаютъ на колъ)? Зачѣмъ вы заставляли насъ, русскихъ, болѣть душою, выслушивая такія стенанія:

Срамоти нам турчини сестре наше,
И скверни нам богомоље наше,
Манастире и свете нам цркве,
Секу, боду, робље турци воду,
У Азију они земљу шиљу,
Куча српски никад да не виде,
Веч турцими робови да буду?

Развѣ эти стенанія были не искренни? Такъ зачѣмъ же было обманывать насъ, русскихъ, и всю Европу?

Вотъ вопросы, съ которыми неизбѣжно сталкиваешься, когда становишься на историко-критическую почву при анализѣ современнаго положенія дѣлъ.

Выше мы сказали, и въ формѣ метафоры, и въ формѣ непосредственнаго указанія на факты, что племенные и историческіе «братья», никогда не видавшіе другъ друга, сойдясь нынѣ вмѣстѣ для общаго дѣла, положимъ — продолжая ту-же метафору — для поданія помощи другимъ своимъ братьямъ и сестрамъ, находящимся, какъ говорится, въ «турецкой неволѣ», и, не успѣвъ этого сдѣлать, сами перессорились и вообще вынесли другъ о другѣ самыя непріятныя воспоминанія, такія непріятныя, что ужь лучше бы было имъ, говорятъ, совсѣмъ не сходиться. Такъ оно, повидимому, и было. Одинъ изъ очевидцевъ этого неудачнаго знакомства «братцевъ» другъ съ другомъ, г. В. С. Лихачовъ, вотъ что писалъ по возвращеніи изъ Сербіи:

„Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, Россія изо дня въ день отправляла своихъ сыновъ на защиту дорогого ей дѣла. Теперь она принимаетъ ихъ обратно. Возвращаются они, украшенные чинами, крестами и медалями, возвращаются они, ничѣмъ не украшенные; возвращаются они, сытые и одѣтые, возвращаются голодные и оборванные; возвращаются они здоровые, возвращаются больные и искалѣченные,—словомъ, возвращаются въ разнообразнѣйшихъ видахъ. Но спросите вы двухъ изъ нихъ—одного украшеннаго, сытаго, одѣтаго и здороваго, а другого неукрашеннаго, голоднаго, оборваннаго и больного или искалѣченнаго—о вынесенныхъ ими впечатлѣніяхъ, и отъ обоихъ вы услышите одно и то же. Нѣ-э-этъ, батюшка!—скажутъ они вамъ,—довольно! шалишь! больше не надуешь и т. д. И это общій голосъ всѣхъ возвращающихся русскихъ добровольцевъ—до того общій, что если изъ десяти человѣкъ ихъ одинъ окажется—не то что въ мирномъ, а даже хоть просто въ молчаливомъ настроеніи—такъ и слава Богу. Какое, повидимому, торжество для той—къ счастью весьма малочисленной—части нашего общества, чувства и мнѣнія которой нашли соотвѣтствующее выраженіе въ извѣстныхъ органахъ печати, и какая, повидимому, обида для всякаго, кому дорого славянское дѣло и руское національное достоинство, кому дорога правда! На самомъ же дѣлѣ, однимъ торжествовать, а другимъ обижаться въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ только отчасти, т. е. ровно настолько можетъ быть пріятно или непріятно видѣть, какъ нѣкоторые изъ твоихъ соотечественниковъ —нѣкоторые потому, что возвращающихся гораздо меньше,

чѣмъ оставшихся въ видѣ убитыхъ, раненыхъ и продолжающихъ службу— какъ нѣкоторые, говорю, изъ твоихъ соотечественниковъ, *по неумѣнію или по нежеланію анализировать свое и чужое поведеніе*, въ какомъ-то жалкомъ безсиліи роняютъ въ грязь то самое дѣло, за которое они взялись съ такимъ самоотверженіемъ, съ такою горячностью! („Нов. Вр.“ 1876, № 273).

«Неумѣніе» или «нежеланіе анализировать свое или чужое поведеніе...» Да. Но развѣ способенъ къ спокойному анализу человѣкъ, у котораго еще горячечный бредъ не прошелъ? Развѣ возможно отдаться анализу хотя бы въ такомъ состояніи, въ какомъ находился хоть бы г. Глѣбъ Успенскій, возвращавшійся, 19—22 октября, изъ Парачина въ Бѣлградъ? А вѣдь г. Успенскій— *только* наблюдатель и *спеціально*, больше чѣмъ *только* наблюдатель. Онъ не стоялъ подъ убійственнымъ огнемъ, около него не падали убитые или раздробленные товарищи, онъ не раненъ, не голодалъ на позиціи, его не жогъ огонь злобы, стыда, отчаянья, даже можетъ быть—позора. И то онъ говоритъ вотъ что, когда въ Парачинѣ просто попалъ *на улицу*—только на улицу, когда ужъ гула пушекъ *и прочаго, и прочаго, и прочаго* не слышно было:

„Ужасъ объялъ меня, когда я вмѣстѣ съ другими вышелъ на улицу: темь была непроглядная, грязь непроходимая; масса народу, людей конныхъ и пѣшихъ; масса телѣгъ, скота, продолжала наполнять улицы такъ же точно, какъ и утромъ. Все это шло, ѣхало взадъ и впередъ, натыкаясь, толкая другъ друга. Слышались ругательства, въ грязи валялись пьяные добровольцы и громко проклинали свою участь. „И вотъ награда! И вотъ (крѣпкія слова) награда!„ „Ахъ вы . “ (опять крѣпкія слова). „Арестовать его каналью!“ слышался въ темнотѣ начальническій голосъ, тоже съ приправою русскихъ словъ... Нужно сказать, что, разъ выйдя изъ тупой апатіи, всякій дѣлался золъ и раздражителенъ. Такихъ озлившихся людей къ вечеру было великое множество въ обезсмысленной толпѣ; всякій, кто первый вышелъ изъ себя, принимался отдавать приказанія, арестовывалъ, ругался... Но и арестуемыхъ, напившихся мертвецки, было тоже великое множество... Въ гостинницѣ, гдѣ болѣе всего толпилось народу, близъ главной квартиры, слышался ревъ и визгъ: какого-то офицера, всего краснаго отъ злости и отъ лютой ракіи, связывали и тоже хотѣли арестовать; онъ стрѣлялъ изъ револьвера въ кого попало, и, кажется, колотилъ также кого попало. Въ другой кафанѣ, одному мальчику въ трехъ мѣстахъ прострѣлили ногу, такъ, Богъ знаетъ за что... Пьянство, холодъ, скука, злость, глупость, голодъ, дождь,—все это вмѣстѣ спутывалось въ нѣчто по истинѣ невыносимое, мучительное до послѣдней степени... Передать это мучительное состояніе такъ, чтобы оно было вполнѣ понятно читателю, я, право, не бе-

русь.. Бѣжать, вырваться на свѣтъ Божій изъ этой тьмы кромѣшной - вотъ было единственное желаніе почти всѣхъ, волею-неволею сбитыхъ въ кучу въ такой маленькой деревушкѣ, какъ Парачинъ... Ни откуда не было видно никакой надежды, чтобы кто нибудь пришелъ и *помогъ разобраться, найдти что-нибудь, уяснить, что будетъ, что надо дѣлать...* Въ штабѣ, въ квартирѣ главнокомандующаго, говорятъ, шла такая же свалка...“ („С.-Петерб. Вѣд.“, 1876, № 320).

Когда же тутъ анализировать? Чтожъ удивительнаго, что все это «мучительное» и «невыносимое», весь этотъ уличный и площадный «ревъ» и «визгъ», «холодъ», «голодъ», «скука», «злость», «глупость»—что все это бросалось подъ станокъ печатника, бросалось также «мучительно», нетерпѣливо, часто съ злостью. Это уже дѣло исторіи—*разобраться, найти, уяснить*, спокойно взвѣсить все, порыться въ прошедшемъ, свести все на очную ставку. Тогда и «ревъ», и «визгъ», и «злость» станутъ на свои историческія основы, потому что въ основы-то лягутъ факты, строго и безпристрастно провѣренные. Тогда историку и читателю понятно будетъ и то явленіе, на которое указываетъ г. Гирсу одинъ офицеръ въ письмѣ изъ Делиграда за *семь дней до катастрофы.*

„Вы не можете себѣ представить (говоритъ онъ, не подозрѣвая, что стоитъ уже почти лицомъ къ лицу съ роковою развязкою), въ какомъ видѣ сербскіе солдаты, - они рѣшительно не желаютъ продолженія войны: половина изъ нихъ больны тифомъ и диссентеріею; они въ одниxъ изодранныхъ мундирахъ; это скелеты, а не живые люди; побѣги ежедневные; послѣ каждаго боя не досчитываются въ ротахъ десятковъ людей, разбѣжавшихся по „кучамъ“; въ сраженіяхъ они сами выкидываютъ изъ сумокъ патроны, и, объявивъ „нема фишекъ“, уходятъ назадъ; они начинаютъ съ ненавистью смотрѣть на насъ, русскихъ, говорящихъ имъ, что нужно продолжать войну до крайности; офицерамъ, которые требуютъ, чтобы они шли впередъ въ бою—они подставляютъ къ груди штыки; разсказываютъ, что одинъ нашъ офицеръ, умирая, признался русскому священнику, что раненъ сербскими солдатами умышленно, за то, что гналъ ихъ револьверомъ впередъ. Что можно сдѣлать на войнѣ съ такимъ войскомъ? *Они сейчасъ готовы побрататься съ турками* и заключить миръ, хотя бы съ позоромъ для Сербіи. Никакой всеславянской идеи они не понимаютъ, и даже сербскіе офицеры не стыдятся говорить, что болгары не помогали сербамъ завоевывать свободу отъ турокъ, нечего имъ помогать—пусть сами себѣ ее завоюютъ. Кромѣ того, скажу откровенно, что, по глубокому моему убѣжденію, половина сербскихъ коморджіевъ (подводчиковъ)—турецкіе шпіоны...“ („С.-Петерб. Вѣд.“, № 341).

Это такъ думаетъ и такъ говоритъ тотъ, на которомъ непосредственно отражается и этотъ «ревъ» и «визгъ», «голодъ» «холодъ», и это ожиданіе чего то ужаснаго, неизбѣжнаго, отъ чего перестаютъ повиноваться нервы и сердце, кровь и мозгъ работаютъ непосильно страстно. А вотъ какъ думаетъ другой, уже вырвавшійся изъ этого ада, да и не изъ ада, можетъ быть, самаго, а изъ его атмосферы, — и потому думаетъ ровно, спокойно. «Сербовъ считаютъ трусами (говоритъ г. Лихачовъ, В. С.). Право, это несправедливо». Дѣйствительно несправедливо: это подтверждаетъ исторія, записавшая крупный фактъ, что эти трусы *сами* завоевали себѣ свободу, отбившись отъ *всей* Турціи безъ помощи русскихъ.

„Они не только не трусы—они храбры, гдѣ это нужно (продолжаетъ г. Лихачовъ). Но въ томъ-то и дѣло, что война вообще и настоящая въ особенности является ихъ первобытному уму вещью прежде всего ненужною, какою то праздною затѣею, выдумкою какихъ-то скучающихъ людей. Представьте же себѣ темнаго, смирнаго, изнѣженнаго, да еще вооруженнаго такимъ взглядомъ человѣка, котораго отрываютъ отъ семьи, подвергаютъ всѣмъ тяжелымъ условіямъ лагерно-боевой жизни и, наконецъ, ведутъ въ самый бой, представляющійся ему какою-то незаслуженною небесною карою, какимъ то адомъ, какою-то колоссальною, все поглощающею могилою,—представьте и скажите, положа руку на сердце, можно ли обвинить его въ трусости, если онъ даже ранитъ себя въ пальцы, разбросаетъ патроны—а то такъ и попросту спрячется или убѣжитъ? Вѣдь вы и развитого человѣка не заставите жертвовать жизнью изъ-за немилаго ему дѣла—чего же вы хотите отъ этого сына природы, для котораго дороже всего его тѣло и его куча и который, не видя для себя лично никакого вреда отъ турокъ, положительно не считаетъ ихъ своими врагами?“ („Нов. Вр.“, № 273).

Все это такъ. И то такъ, и это такъ. Правда есть и тамъ, и здѣсь. Правда была и въ томъ, что пѣлъ слѣпой гусляръ. А онъ пѣлъ страшныя вещи—съ нимъ вѣдь пѣла вся страна, весь сербскій народъ, потому что пѣлась историческая пѣсня, народная. Въ пѣснѣ звучалъ идеалъ народа, ищущаго или мечтающаго найти свой потерянный рай. Но мечтать и отворять дверь въ этотъ рай—двѣ очень не похожія вещи: дверь-то райская, какъ извѣстно, очень тѣсна, и неудивительно, что мечтатели ударились лбомъ объ стѣну, не попавъ въ дверь. Теперь они отскочили отъ этой страшной стѣны. Они даже готовы искренно думать, что рая

имъ не нужно, что они его и не теряли, что рай—въ турецкихъ объятіяхъ. Но это все до тѣхъ поръ, пока чуется ломъ въ костяхъ, боль лобной кости отъ пораненія объ райскую стѣну. А тамъ, немного погодя, гусляръ опять запоетъ о потерянномъ раѣ, о неволѣ, о «турскомъ тирјанствѣ», о султанѣ «крволокѣ»; опять «закукаје кукавица», опять «запјева славуј у горици»—и опять «српии подигне горду главу»... Съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Таковъ законъ явленій. Таковъ, безъ сомнѣнія, будетъ и приговоръ исторіи, которая все разберетъ, уяснитъ, распутаетъ. И теперь уже она можетъ указать на многія явленія, которыя нѣсколько освѣтятъ этотъ хаосъ сомнѣній и недоразумѣній, охватившій славянскій вопросъ послѣ «Дьюнишскаго погрома».

Въ настоящее время въ обществѣ слышится упрекъ печати въ томъ, что она не познакомила въ свое время русское общество съ сутью славянскаго и сербскаго въ отдѣльности дѣла, и что отъ этого, при столкновеніи съ дѣйствительностью людей, бросившихся служить славянскому дѣлу своею кровью и очутившихся въ мракѣ полнаго невѣдѣнія этого дѣла, произошли печальныя недоразумѣнія между русскими и сербами, недоразумѣнія, перешедшія чуть не въ открытую вражду. Слушая эти упреки общества, печать смиренно сознала свою вину—вину въ томъ, что она не подготовила общество къ тому, что будетъ или должно быть; газетная пресса созналась даже, что она сама, къ стыду своему, стала у славянскаго дѣла съ такимъ же невѣдѣніемъ, какъ и само общество.

Но едва ли это справедливо по отношенію къ печати вообще. Если современная, летучая печать беретъ эту вину на себя, то съ вышепомянутымъ обвинительнымъ вердиктомъ общества, пожалуй, и можно согласиться: да, летучая печать, застигнутая врасплохъ событіями за Дунаемъ, не знала за что ухватиться, на что опереться, гдѣ искать отвѣта на многіе вопросы, возникавшіе изъ самаго хода дѣлъ. Летучая печать чувствовала, что она—на экзаменѣ, гдѣ экзаменаторомъ являются совершающіяся событія, а билетъ, который вынутъ печатью на этомъ публичномъ экзаменѣ, оказался такимъ, на которомъ экзаменующіеся, по школьному выраженію, «срѣзываются»: летучая печать немножко «срѣзалась»;

оказалось, что она не знаетъ литературы вопроса; молодежь, работающая въ летучей литературѣ, въ большинствѣ случаевъ, была продуктомъ уже шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ; для нея, опять-таки въ большинствѣ случаевъ, печать пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, не говоря о болѣе раннемъ періодѣ, представлялась стариною незапамятною, въ которую и заглядывать не стоитъ. И вдругъ—пришлось заглянуть, и заглянуть въ первый разъ! Пришлось знакомиться съ трудами покойнаго Гильфердинга, Ламанскаго, Макушева — это теперь-то только! Тутъ подоспѣлъ на выручку Каницъ и другіе европейскіе слависты. Молодые писатели, игнорировавшіе до этого времени славянскій вопросъ и болѣе занятые очередными вопросами жизни—понятно, бродили ощупью въ вопросѣ, который поставила передъ ними балканская драма. Неподготовленность къ дѣлу оказалась повальная. Что говорить, какъ говорить, на основаніи чего *такъ, а не такъ* говорить—никто не зналъ. Корреспонденты, явившіеся въ Сербіи представителями русской печати, не только не знали сербскаго языка, но и общественнаго строя Сербіи, ея политическихъ и національныхъ задачъ. Ихъ поражали такія явленія жизни и направленія мнѣній въ Сербіи, о которыхъ русская печать, лѣтъ 10 — 15 назадъ, трубила чуть не каждый день. Да, повторяемъ, летучая печать была виновата, потому что представители и факторы ея показали недостаточную начитанность, незнакомство съ исторіею русской жизни и русской печати лѣтъ за 10—15—20 назадъ. Но вся русская печать въ этомъ неповинна. Мы, болѣе старое поколѣніе писателей, люди 50—60-хъ годовъ, мы можемъ напомнить молодымъ, да пожалуй и старымъ писателямъ, игнорировавшимъ славянскій вопросъ въ его славянофильской формѣ, что вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію и свою, довольно почтенную, литературу. Мы не говоримъ объ органахъ славянофиловъ 50—60-хъ годовъ— о «Русской Бесѣдѣ» Кошелева, о «Парусѣ» и «Днѣ» Аксакова и т. д., гдѣ славянскому вопросу отведено было не мало мѣста и гдѣ молодые писатели могли бы теперь многому научиться, хотя ни въ одной іотѣ и не согласиться съ направленіемъ этихъ органовъ; но мы не можемъ обойти молчаніемъ органовъ, которые въ свое время имѣли разнообразный контингентъ читателей, каковы

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 60-хъ годовъ, «Отечественныя Записки», «Голосъ», «Недѣля» и проч. Тамъ положительно предсказывалось многое изъ того, что теперь совершилось и ошеломило неподготовленную къ этому печать, а еще менѣе подготовленную печатью публику.

Русскихъ добровольцевъ русскихъ корреспондентовъ, а за ними русскую печать и все русское общество необыкновенно поразило то обстоятельство, что сербы приняли русскихъ добровольцевъ и вообще русскихъ сначала сдержанно, потомъ холодно, а наконецъ даже недружелюбно. Но еслибъ летучая печать, заглянувъ—говоря метафорически—на столбцы своей предшественницы, печати 60-хъ годовъ, узнала что̀ тамъ говорилось, она не нашла-бы въ холодномъ и подозрительномъ пріемѣ русскихъ сербами ничего необыкновеннаго и неожиданнаго. Беремъ наудачу хоть бы «Голосъ» 1866—67 годовъ,—онъ весь испещренъ передовыми статьями съ такими заголовками: *По поводу обвиненія Россіи въ возбужденіи славянъ* (№ 7—1867 г.), *Чего можно ожидать въ югославянскомъ краѣ* (№ 36), *На кого надѣяться славянамъ* (№ 124), *Турецкіе греки и турецкіе славяне* (№ 130), *Первая и главная задача славянскаго міра* (№ 179), и т. д., и т. д. — цѣлая масса статей по славянскому вопросу.

Вотъ что, напр., говорится въ первой изъ этихъ статей относительно нелюбви славянъ къ русскимъ:

„Нелюбовь къ Росіи *нѣкоторой части славянской интеллигенціи* (замѣтьте это) исходитъ изъ того, что многіе изъ славянъ, учившіеся и изучавшіе Россію и ея политическое призваніе по нѣмецкимъ и французскимъ книжкамъ, а равно по нѣмецкимъ и французскимъ газетамъ, не знаютъ ни Россіи, ни ея правительства, ни ея народа и интеллигенціи, ни ея политическаго призванія, и смотрятъ на нее глазами Духинскаго, Анри-Жирардена Этимъ людямъ, гордымъ тѣмъ, что они нахватались поверхностныхъ знаній въ сокровищницѣ европейской мудрости, подобно сербскимъ „паризліямъ“, учившимся въ Парижѣ и изъ Парижа вынесшимъ антипатію къ великой количественно, но варварской Россіи, этимъ людямъ, какъ неофитамъ западной премудрости и адептамъ западныхъ политическихъ доктринъ, сама собою страшна и непріятна Россія, которой они не понимаютъ и понять не хотятъ. Гордые своими книжками, которыя они видятъ въ своихъ библіотекахъ, они боятся даже заглянуть въ Петербургъ, въ томъ глубокомъ, но фальшивомъ убѣжденіи, что въ Петербургѣ они не могутъ найти этихъ

милыхъ имъ книжекъ, тогда какъ книжки эти они могли бы найти не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ Иркутскѣ, Вяткѣ, Саратовѣ, еслибъ только захотѣли... эти славяне—собственно отдѣльныя и немногочисленныя единицы въ славянской семьѣ—не любятъ русскихъ; но эта нелюбовь въ нихъ—не свое, а чужое, привитое, заимствованное у нѣмцевъ чувство..."

Печать 60-хъ годовъ не мало говорила объ этомъ: имѣвшіе уши слышать — могли слышать и могли подготовиться къ тому, чтобъ сербскій вопросъ не упалъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову. Печать предостерегала русское общество и относительно того, какъ дурно для нихъ можетъ разыграться эта холодность къ намъ славянъ, холодность, вполнѣ нами заслуженная. Печать указывала на справедливыя жалобы славянъ, хоть бы на такія, напр., какія оглашались въ началѣ 60-хъ годовъ газетою «Hlas»:

„Въ то время, какъ мы (говоритъ эта газета) тянули лямку своей бѣдной жизни, принужденные, въ неволѣ и нищетѣ, понемногу пробуждаться къ жизни, въ Россіи текла богатая и роскошная жизнь, но никто не вспоминалъ о своихъ родныхъ братьяхъ. Въ Россіи, можетъ быть, и до сихъ поръ ничего не знаютъ о насъ, ибо если бы знали или бы понимали, съ какимъ трудомъ и горемъ добиваемся мы своихъ правъ, съ какими жертвами сбираемъ крейцеры на бѣдную промышленную школу, на жалкій театръ, для семейства того или другого поэтика,—то богатые русскіе гранды не прошли бы мимо Праги на своемъ пути въ Парижъ, Лондонъ и Римъ, чтобы тамъ разбросать, разтранжирить, размотать сотни тысячъ, а можетъ быть и милліоны, между тѣмъ какъ намъ несчастнымъ ни одинъ изъ нихъ не оставилъ и копѣйки (не говоримъ уже о рубляхъ), за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ книгъ, которыми гренадеры закуривали трубки въ 1848 году..."

Какая горькая истина...

„Общественное образованіе въ Россіи (говоритъ газета „Hlas") до сихъ поръ было у высшаго сословія *ниже нуля*, не смотря на наружный блескъ; о сознаніи идеи славянства и говорить нечего, ибо, за исключеніемъ немногихъ профессоровъ, и до сихъ поръ никто не знаетъ объ этомъ въ Россіи. Такъ было въ прежней Россіи, равнодушной къ намъ, какъ поднебесная Китайская имперія или славная республика Венесуэла. Новая Россія, въ которой общественное образованіе должно возвыситься, иначе будетъ относиться къ намъ, когда въ русскихъ школахъ разнесется вѣсть о чешскомъ, хорватскомъ, сербскомъ и болгарскомъ народѣ. Мы не думаемъ, чтобы русскіе богачи остались равнодушны къ нашему положенію. Мы, бѣдняки, не можемъ заложить театра, фонда литературнаго, наши передовые люди мрутъ съ голоду, а въ Россіи..."

Въ шестидесятыхъ годахъ печать громко трубила о необходимости познанія славянъ славянами и о духовномъ ихъ объединеніи.

„Пробудись во всѣхъ славянахъ идея единства, идея родства—настаивала тогдашняя печать—и тогда нечего будетъ опасаться Европы ни славянамъ западнымъ и южнымъ, ни славянамъ русскимъ. Не для чего будетъ тогда держать подъ ружьемъ отъ полумилліона до милліона молодого, свѣжаго рабочаго народа; нечего было бы тогда тратить сотни милліоновъ, добытыхъ государственною экономіею. Европа знала бы тогда, что, и не имѣя постояннаго войска, славянскій міръ могъ бы выставить въ поле не милліонъ, а пять-шесть милліоновъ славянъ, готовыхъ защищать свое спокойствіе. Деньги, затрачиваемыя на содержаніе постояннаго войска, пошли бы тогда на другія народныя и государственныя нужды... на народное образованіе, недостатками котораго у славянъ европейцы постоянно колятъ намъ глаза, и проч., и проч. Солдаты, стоящіе нынѣ подъ ружьемъ въ ожиданіи пришествія непріятеля, тогда уже не ожидали бы его и возвратились бы къ своимъ семействамъ и мирнымъ занятіямъ. *Въ осуществленіи идеи славянскаго объединенія лежитъ смертный приговоръ войнѣ и всѣмъ ея ужаснымъ послѣдствіямъ. Въ славянскомъ объединеніи лежитъ и наше матеріальное богатство*". (Недѣля, 1866, № 29).

Наконецъ, печать 60-хъ годовъ не только подготовляла общественное мнѣніе къ тому, что теперь, къ сожалѣнію, совершилось, но и указывала пути, какими можно было бы предотвратить угрожавшую намъ опасность. Чѣмъ же виновата печать, если наше общественное мнѣніе болѣе тяготѣло къ веселому буффу, чѣмъ къ скучнымъ славянамъ?

„Западная Европа—говорила печать 60-хъ годовъ—давно поняла, что, рано ли, поздно ли, турецкіе славяне перестанутъ быть погонщиками у своихъ чалмоносныхъ повелителей, что послѣднихъ ждетъ расплата по стариннымъ долгамъ, и расплата не легкая; Европа давно чуетъ, что будущее Балканскаго полуострова пахнетъ свободою. Но пока эта свобода не настала, надо сдѣлать такъ, чтобъ, съ паденіемъ турецкаго вліянія на полуостровъ и его обитателей, настало вліяніе Запада и его культуры. Всякому простительно желать себѣ выгодъ. Неудивительно, что Западъ давно началъ пропаганду на Востокѣ, съ цѣлью задушить естественныя и историческія симпатіи Балканскихъ христіанъ. Пропаганда эта не чужда своекорыстныхъ цѣлей, потому что Западъ считаетъ Балканскихъ славянъ почти такими же дикарями, чающими свѣта цивилизаціи, какими онъ считаетъ обитателей Голконды и Мадагаскара, и потому, просвѣтивъ ихъ, онъ надѣется въ будущемъ извлекать изъ нихъ, въ отплату за невещественныя блага, вещественныя выгоды. Какая, напримѣръ, польза Россіи отъ Балканскаго полуост-

рова? Обладаніе Константинополемъ? Но это обладаніе прибавитъ только къ трудамъ центральнаго статистическаго комитета нѣсколько новыхъ томовъ „Списковъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“; для нашего же благосостоянія оно ничего не прибавитъ, потому что, какъ теперь мы получаемъ изъ Турціи изюмъ, орѣхи и другіе бакалейные товары, такъ и тогда будемъ ихъ получать и платить за нихъ деньги, вмѣсто турокъ и грековъ, болгарамъ, а нашу крупчатку также будемъ посылать въ Константинополь, какъ и теперь посылаемъ туда, а равно въ Петербургъ и Москву... Другое дѣло вліяніе на Балканскихъ славянъ—Запада, который такъ добивается этого вліянія, и добивается не неудачно. Никого въ Европѣ не удивили и не смутили факты и цифры, опубликованные знаменитымъ Жюль-Симономъ въ его извѣстной книгѣ „l'Ecole“, и свидѣтельствующіе о томъ, какими ловкими и неисповѣдимыми путями пробирается латинско-французская (не говоримъ, англійская) пропаганда въ самое сердце славянскаго населенія Оттоманской Порты. Еслибъ Западная Европа замѣтила хотя тѣнь подобной пропаганды со стороны Росссіи, то на насъ давно бы подняты были всѣ народы Европы, съ присоединеніемъ и другихъ народовъ земного шара. По главнымъ пунктамъ Балканскаго полуострова раскиданы училища лазаристовъ, бенедиктовъ, іезуитовъ, капуциновъ и частныхъ торговыхъ, не только французскихъ, но и польскихъ. Въ отчетѣ министра народнаго просвѣщенія во Франціи мы читаемъ о состояніи французскихъ школъ въ Солунѣ—родинѣ Кирилла и Мефодія, славянскихъ апостоловъ и учителей, давшихъ грамоту всему славянскому міру, въ Константинополѣ, Битолѣ и Бебекѣ—это училища лазаристовъ. Іезуиты имѣютъ свои училища—St. Marie, St. Esprit, St. Joseph, St. Antoine, и особую болгарско-уніатскую школу. Капуцины засѣли съ своими школами въ Варнѣ и Бургасѣ. Латинскія торговыя училища въ Перѣ и Кадыкіой. Полякъ Калицкій основалъ училище для болгарятъ въ Рущукѣ... Гдѣ же намъ угоняться за отцами іезуитами, лазаристами, бенедиктинцами, капуцинами и поляками? Что можетъ сдѣлать русская интрига (которою намъ колятъ глаза) тамъ, гдѣ на публичныхъ экзаменахъ, въ турецкихъ и болгарскихъ городахъ, болгарята и даже турчата бойко щебечутъ французскія фразы, говорятъ объ „иммакулятномъ зачатіи“, декламируютъ французскіе стихи... А заведи что либо подобное въ Турціи русскіе, ихъ бы камнями забросали... Нѣтъ, русскіе меньше обращаютъ вниманія на турецкія провинціи и турецкихъ славянъ, чѣмъ даже далекіе американцы съ своими методистами, меньше даже чѣмъ *наши* нѣмецкіе колонисты, одержимые, вмѣстѣ со всѣми нѣмцами, разсѣянными по всему лицу земному, „національнымъ зудомъ“... Въ Тульчѣ, Терновѣ и Шумлѣ скромно пріютились три методиста, мистеръ Флокенъ, мистеръ Лонгъ и мистеръ Преттиманъ, которые вмѣстѣ съ утюгами, чугунными печами, ралами и американскими лемехами для плуговъ спускаютъ въ массу болгаръ свои евангелія на болгарскомъ языкѣ и общедоступныя изданія, а

[redacted]

между тѣмъ покупаютъ у болгаръ пшеницу и кукурузу. И кого тревожитъ, напримѣръ, то, что каждый годъ методистскій епископъ, изъ Бремена, пробирается по Дунаю, чтобъ провѣрить успѣхи дѣйствій мистера Флоккена, мистера Лонга и мистера Преттимана? И кого удивляетъ, въ свою очередь, что нѣмецкіе колонисты южной Россіи шлютъ свою скромную лепту мистеру Флоккену, являясь въ этомъ случаѣ чуть-ли не славянофилами? Никого! Но насъ удивляетъ только то, какъ цѣпко всѣ народы стараго и новаго свѣта держатся другъ за друга и какъ энергически, неуклонно отстаиваютъ *свои* идеи, *свое* дѣло, *свои* національные и государственные интересы. Только у насъ однихъ идетъ разладъ, и мы до сихъ поръ не можемъ спѣться о *своемъ* дѣлѣ. А, между тѣмъ, насъ обвиняютъ въ интригахъ, въ нескрываемыхъ попыткахъ прибрать къ своимъ рукамъ весь славянскій міръ. До сихъ поръ у насъ въ обществѣ господствовала непростительная холодность даже къ своему русскому дѣлу, а славянами общество начало интересоваться пока еще слишкомъ поверхностно и неопредѣленно, какъ въ свое время интересовалось кохинхинскими курами и египетскою пшеницею"... (Голосъ. 1867, № 130).

Итакъ, было бы несправедливо обвинять нашу прессу въ томъ, что она будто бы не подготовляла общественное мнѣніе къ событіямъ, нынѣ совершившимся и всѣхъ поставившимъ въ недоумѣніе или горькое разочарованіе. Нѣтъ, пресса сказала свое слово въ свое время, и если бы лица, отправлявшіяся въ послѣднее время въ Сербію не въ качествѣ простыхъ добровольцевъ, не въ качествѣ самоотверженныхъ жертвъ для бога пушечнаго мяса, а въ качествѣ представителей русской интеллигенціи, были подготовлены, т. е. взяли бы на себя трудъ ознакомленія съ недавнимъ прошлымъ нашей печати, тогда они явились бы туда во всеоружіи своего призванія и знали бы свою историческую миссію. Они не впадали бы въ ошибки, которыхъ въ послѣднее время сдѣлано было не мало, знали бы, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и не оттолкнули бы отъ себя историческихъ друзей, равно и эти послѣдніе не взглянули бы на русскихъ, какъ на чужихъ людей, хуже—какъ на «варваровъ» (см. выше письмо г-жи Лихачовой).

Такъ, безъ сомнѣнія, скажетъ исторія свой вердиктъ о совершившемся фактѣ, и вердиктъ этотъ будетъ произнесенъ на основаніи всесторонняго, спокойнаго обсужденія явленій не въ ихъ единичности и разрозненности историческаго сиротства, а въ ихъ совокупности, въ совокупности причинъ и вытекающихъ изъ нихъ явленій, въ совокупности, такъ сказать, историческаго родства фактовъ.

Исторія скажетъ о настоящей «Новой Россіи», когда она уже будетъ «Древней»:

Что Россія въ сербско-славянскомъ дѣлѣ исполняла свою историческую миссію, исполняла ее volens-nolens, какъ исполняетъ свою историческую миссію Волга, volens-nolens катящая свои мутныя волны въ Каспій, радъ этому Каспій или нѣтъ, рада сама этому Волга или нѣтъ;

что сербско-славянское дѣло въ данномъ разѣ было такимъ же стремленіемъ ручья, volens-nolens долженствовавшаго излиться въ славянское ли море, или въ всепоглощающіе пески Сахары— подъ ногу османлиса, который самъ о себѣ говоритъ, что «гдѣ ступнетъ нога османлиса, тамъ трава не ростетъ»;

что, поэтому, сербы—все сербы, а не одни министры ихъ, тоже volens-nolens хотѣли войны и снова будутъ искать ее, и снова будетъ призывать ихъ на войну слѣпой гусляръ Еремія Обрадъ Караджичъ;

что Россія съ своими добровольцами и недобровольцами опять пойдетъ volens-nolens сражаться вмѣстѣ съ сербами, и т. д. и т. д.

Слѣдовательно, Россіи надо быть ко всему готовой, и славянамъ—тоже: пусть всѣ славяне чувствуютъ въ себѣ частицу русскаго и вся Россія пусть чувствуетъ въ себѣ славянина.

Но «надо (справедливо замѣчаетъ кн. Мещерскій), чтобы Россія чувствовалась въ славянскихъ земляхъ не въ видѣ согнутаго кулака, но въ видѣ добраго, могучаго и сильнаго человѣка, и чтобы этотъ человѣкъ имѣлъ всѣ преимущества и всѣ права старшаго брата, а это-то совсѣмъ и не чувствуется въ Сербіи, вигдѣ: чуется и слышится нужда въ русскомъ штыкѣ,—да; но нужды въ духѣ русскаго образованія, русской государственной жизни—нѣтъ и атома» (Прав. о серб., 372—373). *Тутъ печать должна придти на помощь.*

Исторія открываетъ намъ, *чѣмъ* пріобрѣтаются преимущества и права одного народа надъ другими: кулакъ и штыкъ играютъ тутъ самую неблагодарную роль.

1877.

Объ историческомъ значеніи Некрасова какъ поэта.

На дняхъ мы похоронили одного изъ крупныхъ историческихъ дѣятелей русской земли — поэта Некрасова. Величественная простота похоронъ; дружныя, многочисленныя и, при всей своей сдержанности, внушительныя проявленія общаго сознанія, что въ лицѣ умершаго всѣми понесена тяжкая, незамѣнимая утрата; надгробныя рѣчи, въ которыхъ слышался взрывъ глубоко затронутаго чувства; наконецъ всѣ подробности этого печальнаго акта, обставленныя такою величавою и въ то же время до умилительности скромною торжественностью и сосредоточенностью на одной общей мысли, что потухла и зарывается въ землю одна изъ самыхъ яркихъ свѣточей русской земли, та свѣточь, которая озарила собой и заставила полюбить съ чувствомъ горечи и раскаянія самый мрачный историческій уголъ русской земли, уголъ, котораго всѣ боялись, или отъ котораго отворачивались,—все это даетъ намъ право сказать, что къ совершившемуся событію должна быть прилагаема не одна общественно-литературная, но и строго историческая оцѣнка.

Мы назвали Некрасова крупною историческою личностью. Опредѣленіе размѣровъ историческихъ дѣятелей, намъ бы казалось, должно исходить изъ того положенія, что историческія величины, какъ и всякія другія, исключая абстрактнô-математическихъ, тре-

буютъ, такъ сказать, измѣренія не личнаго ихъ объема, не площади и мѣста, ими занимаемыхъ, а опредѣленія ихъ относительнаго или удѣльнаго вѣса и ихъ внутренней цѣнности, которая и устанавляетъ тотъ или другой курсъ ихъ обращенія на историческомъ рынкѣ жизни человѣчества. Эти внутреннія качества историческихъ величинъ, не зависящія ни отъ ихъ объема и площади, ими занимаемой, ни отъ величины радіуса, которымъ онѣ очерчиваютъ кругъ своего внѣшняго или чисто-механическаго воздѣйствія на окружающую ихъ жизнь, пріобрѣтаютъ ту или другую степень исторической цѣнности сообразно большей или меньшей степени нравственнаго вліянія, оказаннаго этими историческими величинами на современниковъ и потомство.

Вліяніе Некрасова на современниковъ безспорно было громадное. Прибавимъ: вліяніе это было въ высшей степени полезно, плодотворно и благородно. Некрасовъ появляется и проходитъ по аренѣ современной исторической жизни русскаго общества какъ сила воспитывающая, ободряющая и отрезвляющая русскую мысль, и, что всего важнѣе, какъ сила, которая, отодвигаясь даже отъ насъ въ даль прошедшаго, не будетъ подчинена, относительно своего удѣльнаго вѣса и его притяженія и тяготѣнія, извѣстному закону «квадратовъ разстояній». Мы хотимъ сказать, что значеніе Некрасова въ русской памяти и въ жизни не будетъ умаляться по мѣрѣ удаленія этого имени въ глубь прошедшаго, а напротивъ, будетъ возрастать съ годами. Извѣстно, что бываютъ вліянія сильныя, неотразимыя, обаятельныя, но—непрочныя, скоропреходящія: таковы громадныя, подчасъ чарующія, но мимолетныя вліянія геніальнаго актера, пѣвца, музыканта-исполнителя; они владычествуютъ надъ массами только одинъ моментъ—на подмосткахъ, на эстрадѣ; но вліяніе ихъ на умы и чувства массъ исчезаетъ такъ же быстро, какъ видѣніе, звукъ голоса, потрясающая нота. Такія же непрочныя вліянія бываютъ и въ другихъ сферахъ человѣческой дѣятельности, въ томъ числѣ и въ дѣятельности, въ работѣ человѣческаго слова, человѣческаго творчества, въ поэзіи. Намъ кажется, что вліяніе Некрасова на общественную русскую мысль менѣе всего можетъ быть названо непрочнымъ, и въ этомъ отношеніи его историческое значеніе едва ли не болѣе цѣнно, чѣмъ

значеніе тѣхъ двухъ крупныхъ величинъ, съ которыми его сравнивали какъ на могилѣ въ похоронныхъ словахъ, такъ и въ появившихся послѣ того печатныхъ отзывахъ. Когда одинъ изъ ораторовъ, говоря надъ могилой Некрасова прощальное слово, выразился, что онъ можетъ быть поставленъ наравнѣ съ такими крупными русскими поэтами какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, окружавшая могилу непроницаемою стѣною толпа, наэлектризованная торжественностью минуты, величавостью и внушительностью всей обстановки и чувствомъ свѣжей, горькой утраты, громко закричала: «нѣтъ—выше! выше»! Пишущій это, находясь тамъ же, въ толпѣ, не могъ не присоединить своего голоса къ страстному взрыву тысячи голосовъ, и также закричалъ: «выше! выше»!

Но это могло быть минутнымъ взрывомъ чувства, подкупленнаго умилительною торжественностью момента, чувства, потрясеннаго видомъ этого рокового опусканія въ землю останковъ человѣка, слово котораго пробуждало когда-то въ васъ лучшія, чистѣйшія человѣческія намѣренія и стремленія—человѣка, который, не задолго до смерти, уже въ минуты послѣднихъ своихъ думъ о землѣ, о людяхъ и ихъ страданіяхъ, имѣлъ силу выкрикнутъ такой потрясающій стихъ:

Дни идутъ... все также воздухъ душенъ,
Дряхлый міръ—на роковомъ пути;
Человѣкъ—до ужаса бездушенъ,
Слабому спасенья не найти!
Но... молчи, во гнѣвѣ справедливомъ!
Ни людей, ни вѣка не кляни:
Волю давъ лирическимъ порывамъ,
Изойдешь слезами въ наши дни...

Но нѣтъ—это былъ не минутный взрывъ чувства. И теперь, съ холоднымъ вниманіемъ и съ безпощадной строгостью къ своимъ субъективнымъ влеченіямъ взвѣшивая путемъ строго исторической критики значеніе Некрасова въ исторіи развитія русской мысли и ея оздоровленія, пишущій это сознательно готовъ повторить то, что сказалъ на могилѣ поэта: «выше! выше»! Да, по глубинѣ и нестираемости черты, проведенной поэзіей Некрасова по русской

мысли, по всеобъемлемости идеи — идеи «спасенія» слабаго и бѣднаго отъ нужды, горя и погибели, идеи, божественности которой, конечно, не посмѣетъ отрицать самый засушенный скептицизмъ,— по всеобъемлемости этой идеи, которая всецѣло господствовала въ творчествѣ Некрасова, онъ станетъ въ глазахъ будущихъ историковъ Россіи неизмѣримо выше Пушкина и Лермонтова. Мы этимъ нисколько не хотимъ, да и не въ нашихъ силахъ умалить значеніе послѣднихъ, за которыми это значеніе исторія закрѣпила такъ сказать нотаріальнымъ порядкомъ. Мы хотимъ только сказать, что у Некрасова нѣтъ ни одного произведенія, ни одного стиха, въ которомъ бы онъ хотя на іоту отступилъ отъ своей исторической миссіи или даже на минуту забылъ о ней. Чтобы выразить это нагляднѣе, мы позволимъ себѣ прибѣгнуть къ образности. Никто не станетъ отрицать, что разныя общественныя язвы всегда угнетали человѣчество; оно, если можно такъ выразиться, давно поранено, и XIX вѣкъ особенно чутко почувствовалъ это пораненіе, отыскавъ самую рану и ея источникъ. Всецѣло посвятить себя идеѣ уврачеванія этой раны, ни о чемъ больше не думать, ничего другого кромѣ какъ объ этой ранѣ не писать въ теченіе всей своей жизни, звучать въ уши нѣсколькихъ генерацій молодого поколѣнія все одною и тою же сильною, энергическою, хотя ноющею нотою, звучать до того настойчиво, что нота эта *воспитательно* засѣла у всѣхъ въ нервахъ, въ душѣ — да, это, воля ваша, большая историческая заслуга, которая можетъ до нѣкоторой степени быть уподоблена заслугѣ одного ветхозавѣтнаго поэта, всю жизнь плакавшаго своими поэтическими «плачами» надъ участью своего народа и къ неувядаемой славѣ этого народа прибавившаго не одинъ лучъ безсмертія. Только упорное служеніе одной идеѣ, такое упорное, какое мы видимъ въ Некрасовѣ,—упорство, доходящее до односторонности,—только такое упорное служеніе идеѣ вѣка и двигаетъ человѣчество, какъ нѣкогда такое же упорное служеніе идеѣ законности англичанъ, не хотѣвшихъ платить незаконную пошлину, было причиною того, что Новый Свѣтъ сдѣлался свидѣтелемъ возрожденія могущественнѣйшаго въ мірѣ государства, какъ упорство Лойолы создало то, что мы теперь видимъ въ Европѣ. Я стою чисто на исторической почвѣ и на ней строю попытку оцѣнки (не спорю—преждевременной) заслугѣ Нек-

расова какъ поэта. Это обстоятельство опущено всѣми нашими почтенными писателями, недавно высказавшими свои мнѣнія о покойномъ поэтѣ — г.г. Достоевскимъ, Буренинымъ, Суворинымъ, Скабичевскимъ, Бѣловымъ (Евг.), Миллеромъ (Ор.), Чуйко. А это обстоятельство, эта цѣльность задачи всей жизни человѣка, сосредоточенное битье по одному избранному направленію для того, чтобы всецѣло служить господствующей идеѣ и задачѣ вѣка— это положительно историческая заслуга.

Какъ ни велики таланты Пушкина и Лермонтова, но въ нихъ мы этого признака цѣльности не видимъ. Они хватали шире чѣмъ Некрасовъ; *они положительно талантливѣе его* (надѣемся, что послѣ этого насъ не обвинятъ въ пристрастіи); они дали Россіи безсмертные образцы своего могучаго творчества: но *не все* ими сказанное будетъ имѣть историческую цѣнность. Ихъ блестящій стихъ, часто не глубоко-содержательный—стихъ о «бокалѣ съ шампанскимъ» или о «гордой пальмѣ», впослѣдствіи, утративъ обаяніе своей внѣшней формы, какъ стихъ Державина, обаяніе шлифовки, гладкости, стилистическаго и метрическаго аромата—засохнетъ, потеряетъ всякое обаяніе для уха, потому что по преимуществу дѣйствовалъ на слухъ, какъ голосъ Патти; а идея Некрасовскаго стиха, который бывалъ иногда сухъ и колючъ, какъ иммортелька,—эта идея, подобно иммортелькѣ, не завянетъ, не выдохнется. Стихъ Пушкина и Лермонтова, можетъ быть, будетъ повторяться въ учебникахъ долго еще, какъ образецъ метрической гладкости и стилистической пѣвучести, подобно шлифованному, но безсодержательному, безъидейному, немножко лакействующему стиху Горація:

Moecenas! atavis edite regibus!

Мы говоримъ о знаменитомъ посланіи къ Меценату. Или хоть-бы этотъ блестящій, но *питейный* стихъ:

Nunc est bibendum, nunc pede libero
Pulsanda tellus.. и т. д.

А стихъ Некрасова, хоть бы этотъ (беремъ почти наудачу изъ цѣлой группы подобныхъ стиховъ):

Народъ! народъ! Мнѣ не дано геройства
Служить тебѣ, плохой я гражданинъ.
Но жгучее, святое безпокойство
За жребій твой донесъ я до сѣдинъ!
Люблю тебя, пою твои страданья.
Но гдѣ герой, кто выведетъ изъ тьмы
Тебя на свѣтъ?.. На смѣну колебанья
Твоихъ судебъ чего дождемся мы?..

Этотъ стихъ не потеряетъ своей цѣны и исторической важности даже и тогда, когда тотъ, за кого поэтъ болѣлъ душой, выйдетъ «изъ тьмы на свѣтъ»; а вѣроятно, совершится онъ очень и очень не скоро.

Прилагая къ историческимъ дѣятелямъ историческую оцѣнку, мы должны помнить, что послѣдняя предъявляетъ болѣе широкія требованія, чѣмъ оцѣнка эстетическая, оцѣнка со стороны формы, таланта изображенія или изложенія, помимо идеи. Все проходитъ, старѣетъ, умираетъ—форма, красота, самъ человѣкъ, одно лишь слово, смыслъ слова, его идея—не проходитъ. Глубоко былъ правъ Байронъ, сказавшій такую историческую истину:

'T is strange, the shortest letter which man uses,
Instead of speech, may form a lasting link
Of ages: to what straits old Time reduces
Frail man, when paper—even a rag like this
Survives himself, his tomb and all that's his...

Т. е. (мы не смѣемъ искажать переводомъ этихъ глубоко-поэтическихъ, непереводимыхъ строкъ), что нѣсколько буквъ, написанныхъ человѣкомъ, образуютъ прочное звено, которое соединяетъ вѣка, и что старое, ветхое «Время» до того уничижаетъ самого человѣка, что лоскутокъ бумаги, тряпка, вотъ такая какъ эта, переживаетъ его самого, его гробницу и все что принадлежитъ ему...

И глубоко неправъ, дѣтски легкомысленъ былъ нашъ даровитый юноша Писаревъ, сказавшій жалкія слова, которыя, къ сожалѣнію, вырѣзаны и на его могилѣ, будто «слова—иллюзіи; слова

проходятъ—факты остаются». Менѣе всего остаются факты и ихъ результаты, стираемые временемъ, какъ пыль со стекла. Время стираетъ съ лица земли такіе факты, какъ—да такіе, какъ римская имперія, какъ царство фараоновъ, стираетъ все, что нагромоздили эти царства съ помощью фактической дѣятельности милліардовъ ихъ обитателей. Какіе слѣды фактовъ остались послѣ Августа? Могильная пыль. Послѣ Цезаря?—его мысль, идея, которую обезсмертило его слово. А что осталось послѣ фараоновъ?—пирамиды?—да и это—не ихъ дѣло, не ихъ факты, даже не ихъ камни. Безсмертными остались слова, прикрѣпленныя къ бреннымъ лоскуткамъ папируса.

Мы не можемъ не выразить удивленія, что изъ всѣхъ писавшихъ о Некрасовѣ, да и послѣ смерти поэта, только одинъ понялъ и справедливо оцѣнилъ *историческое* значеніе его пѣсни: это—неизвѣстный авторъ небольшого стихотворенія—«На смерть Некрасова», помѣщеннаго въ 1 кн. «Отечеств. Запис.» 1878 г. Одна строфа этого стихотворенія говоритъ:

О, *долговѣчны* вы, пѣсни, поющія
Муки народныя, по сердцу бьющія!
Пѣснѣ твоей, о, страданій пѣвецъ:
Будетъ не скоро желанный конецъ:
Тамъ *онъ, гдѣ горе людское кончается*.
Тамъ онъ, гдѣ счастья заря занимается..

Это—глубокая мысль. Оттого и «пѣсня о рубашкѣ» - Гуда—безсмертна.

Историческая оцѣнка, прилагаемая къ дѣятельности людей, кладетъ на вѣсы времени позднѣйшіе результаты дѣятельности этихъ людей, и говоритъ: «Да, дѣйствительно, Пушкинъ и Лермонтовъ были большіе таланты и художники; но посмотрите, каковыми останутся результаты ихъ художественнаго творчества черезъ столѣтія? И монахъ Бертольдъ Шварцъ, выдумавшій порохъ, былъ большой талантъ, большой умъ, умъ болѣе свѣтлый, чѣмъ умъ Гуттенберга, выдумавшаго средство заготовлять «впрокъ», какъ пикули, слова и идеи; но каковы послѣдствія выдумокъ того и другого»?

Къ числу историческихъ заслугъ Некрасова слѣдуетъ отнести

то, что онъ болѣе всѣхъ русскихъ поэтовъ уважалъ свое призваніе, не какъ призваніе простой пѣвчей птицы («Jch singe wie der Vogel singt), а какъ призваніе работника, котораго современники и потомство вправѣ спросить, заглядывая въ его «рабочую книжку», какъ заглядываютъ въ «рабочія книжки» поденщиковъ прикащики и хозяева на заводахъ: «А ты что сдѣлалъ хорошаго своими пѣснями»? Некрасовъ не думаетъ отдѣлываться отъ этого вопроса, какъ Пушкинъ отдѣлался отъ «черни»: подите прочь! въ развратѣ каменѣйте смѣло; имѣли вы до сей поры бичи, темницы, топоры— довольно съ васъ»! Или: «какое дѣло поэту *мирному* до васъ»? Или: «мы рождены для пѣснопѣній, для звуковъ сладкихъ и любви». Мы не хотимъ этимъ доказать, что Пушкинъ серьезно такъ думалъ, какъ сказалъ тутъ; притомъ подъ «чернью» онъ разумѣлъ не народъ, а общественную пошлость: мы знаемъ, что Пушкинъ высказывался иногда какъ самый горячій приверженецъ русскаго народа. Но Некрасовъ и шутя не говорилъ ничего подобнаго; онъ никогда даже не ошибался въ томъ направленіи, въ какомъ Пушкинъ былъ не безгрѣшенъ и за что его не уважали лучшіе изъ его современниковъ. Некрасовъ не шутитъ съ вопросомъ, который ему могла задать «чернь». Нѣтъ, онъ ждетъ этого вопроса черни какъ страшнаго суда, потому что онъ не побарски относится къ задачѣ жизни. Онъ говоритъ (въ «Уныніи»):

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ... О, юноши! грозитъ
Она и вамъ, судьба не пощадитъ:
Наступитъ часъ разсчитываться строго
За каждый шагъ, за цѣлой жизни трудъ.
И мстящаго, зовущаго на судъ
Въ душѣ своей вы ощутите бога.
Богъ старости—неумолимый богъ.
(Отъ юности готовьте вашъ итогъ!)
Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка
И говоритъ: «оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ достойныхъ человѣка»...

Увы! ихъ нѣтъ! одинъ ошибокъ рядъ!
Жестокій богъ! Онъ далъ двойное зрѣнье
Моимъ очамъ, пытливое волненье
Родилъ въ умѣ, истерзанномъ тоской,
И, прослѣдивъ со мной неутомимо
Всю жизнь мою, вопросъ неотразимой
Насмѣшливо поставилъ передо мной:
Зачѣмъ ты жилъ?..

Томясь тѣмъ, что онъ ничего не сдѣлалъ для народа, Некрасовъ уже на своей смертной постели обращался къ друзьямъ съ такимъ желаніемъ:

Вамъ же—не праздно, друзья благородные,
Жить, и въ такую могилу сойти,
Чтобы *широкіе лапти народные*
Къ ней проторили пути...

Всенародная исповѣдь Некрасова, къ которой онъ часто прибѣгалъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни; скорбь о томъ, что онъ «умираетъ настолько же чуждымъ народу», какъ былъ чуждъ ему, когда «жить начиналъ», это самобичеванье общественнаго дѣятеля—это признакъ большой силы, признакъ недюжинной исторической личности. Тутъ—не «исповѣдь сердца», ни одиссея любовныхъ похожденій и собственнаго «печоринства», въ которыя поэты обыкновенно любятъ посвящать, кстати и не кстати, «чернь непросвѣщенну», словно бы любовныя шашни стихотворцевъ непремѣнно должны быть публичнымъ достояніемъ. Нѣтъ, у Некрасова иныя побужденія. Для него жизнь человѣческая—не «пустая и глупая штука», какою она *иногда* могла казаться Лермонтову. Для него жизнь—трудъ, *вѣчная страда для другихъ*, и даже наканунѣ смерти онъ обращается къ «сѣятелямъ знанья»:

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты что-ли находишь безплодную,
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ-ли сердцемъ ты? слабъ-ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми
Добраго мало зерна!

Гдѣ-жь вы, умѣлые, съ бодрыми лицами,
Гдѣ-же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

Если въ комъ изъ русскихъ дѣятелей замѣчалось такое же честное отношеніе къ своему призванію, такъ это въ Гоголѣ и Шевченкѣ. Послѣдніе годы ихъ жизни были—безконечный рядъ терзаній о томъ, что они «ничего не сдѣлали». Но это была неправда—это была жажда сдѣлать еще больше.

Если бы русская земля имѣла больше такихъ «ничего не сдѣлавшихъ», какъ Гоголь и Некрасовъ, то Россія совершенно была бы иною..

1878.

[redacted]

Три дѣтоубійства.

Историческая параллель.

Кто не помнитъ, какое тяжелое подавляющее впечатлѣніе производитъ разсказъ Гоголя о томъ, какъ Тарасъ Бульба собственноручно застрѣлилъ любимаго сына за измѣну своей странѣ... При чтеніи того мѣста, гдѣ старый казакъ, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ своимъ измѣнникомъ-сыномъ, въ пылу схватки съ врагами и подъ жгучимъ впечатлѣніемъ только что испытываемаго пораженія по винѣ этого же любимца-сына, говоритъ: «я тебя породилъ—я тебя и убью»—и красавецъ юноша, пораженный отцовскою пулею, падаетъ какъ спѣлый, подкошенный колосъ,—при чтеніи этого мѣста разомъ вспоминается вся короткая, но потрясающая драма отношеній отца къ сыну: встрѣча дѣтей-молодцовъ, пріѣхавшихъ изъ бурсы, и изумленіе стараго казака, что «дѣти», которыхъ онъ помнилъ какъ мальчиковъ, ловко дерутся на-кулачки, не уступая отцу, и что даже самого «батьку» могутъ поколотить, коли затронута честь «казака»; гордость отца при этомъ открытіи; радость и горе старой матери о томъ, что пріѣхали «мали дити»— а «мала дитина» въ косую сажень ростомъ—и отецъ уже дерется съ ними, а завтра ужь на войну ведетъ ненаглядныхъ сынковъ; потомъ—эта страшная, неожиданная измѣна сына, и притомъ не того, который смотрѣлъ увальнемъ, простоватымъ малымъ, а болѣе живого, ловкаго, который былъ истинной гордостью отца, который могъ одинъ поддержать падающее казачество... Все это до нѣкоторой степени миритъ ваше потрясенное чувство при видѣ совер-

шившагося страшнаго дѣла—дѣтоубійства: того требовалъ нравственный человѣческій законъ—законъ правды, которая была поругана и—къ несчастію—требовала возмездія.

Картина, нарисованная мастерскою кистью великаго художника, картина дѣтоубійства Тараса Бульбы—не историческая картина; но въ нее вложена глубокая историческая правда—и картина становится строго исторической, можетъ быть только подъ вымышленными именами.

Во всякомъ случаѣ, при чтеніи сцены дѣтоубійства у Гоголя, нравственное чувство ваше хотя съ болью въ сердцѣ, но поневолѣ мирится съ совершившимся фактомъ, скорбя только о прошломъ: таково было время; таковы были обстоятельства—тяжелыя, горькія возмутительныя; таковы были и люди, не переросшіе того мрачнаго историческаго бора, который называется «эпохою», «временемъ», «историческими условіями», «историческою средою».. А могли и перерости—да не переросли...

«Я тебя породилъ—я тебя и убью»—это глубокое историческое заблужденіе лежитъ въ душѣ человѣческой почти до настоящаго времени.

Почти такую же местерскую картину какъ у Гоголя, но только въ иномъ тонѣ, иными красками и съ инымъ освѣщеніемъ, рисуетъ знаменитый Поссевинъ уже на настоящемъ, строго-историческомъ полотнѣ. Онъ описываетъ убійство Грознымъ своего старшаго сына, царевича Ивана. И здѣсь въ основѣ событія лежитъ непонятный для нашего вѣка острый драматизмъ отношеній родителя къ дѣтямъ.

«Я тебя породилъ—я тебя и убью»,—хотя и не говоритъ этого громко царь Иванъ Васильевичъ, но просто убиваетъ своего провинившагося противъ родительской власти сына.

Въ старой, Московской Руси существовалъ обычай (а обычай въ старое время—это больше чѣмъ законъ, больше чѣмъ вѣрованіе, больше чѣмъ самая великая жизненная идея нашего вѣка)—въ теремной Руси существовалъ обычай, что женщина высшаго круга могла показываться мужчинѣ, даже въ своемъ семействѣ, не иначе, какъ одѣтая извѣстнымъ образомъ, въ извѣстнаго рода покроя костюмы—въ *три степени* одѣяній разомъ. Это—нашъ фракъ и бѣлый галстухъ, нашъ мундиръ и вицъ-мундиръ, нашъ цилиндръ

и каска, наше декольте на балу, при всѣхъ, и плотный лифъ— дома... Все это, тотъ же XVI-й вѣкъ теремной Руси, тотъ же обычай татуированья, тотъ же костюмъ новозеландца и новозеландки— ожерелье на шеѣ и-платье изъ солнечныхъ лучей, о чемъ обстоятельно трактуетъ Гербертъ Спенсеръ въ «Обрядовомъ правительствѣ».

Однажды Грозный, говоритъ Поссевинъ, вошелъ въ комнату, гдѣ находилась молодая княгиня, жена сына его, царевича Ивана Молодая особа, будучи беременна, одѣта была не въ *три степени* одѣяній, а въ одну: была, по нашимъ понятіямъ, не въ мундирѣ, не во фракѣ, не декольте, когда слѣдовало быть декольте, и не съ высокимъ, глухимъ лифомъ, когда слѣдовало быть въ полупарадѣ... Растерявшаяся молодая женщина *вскочила* передъ грознымъ свекромъ; но приличіе, обычай, законъ, вѣрованіе, убѣжденіе, честь, идея *трехъ степеней* одѣянія была нарушена, попрана, оскорблена—и беременная княгиня получаетъ пощечину (alapa) отъ царя. Мало того, Иванъ Васильевичъ «поучаетъ ее жезломъ»—бьетъ желѣзнымъ посохомъ, тѣмъ же ужаснымъ посохомъ, которымъ онъ проткнулъ ногу—ступню у посланца Курбскаго и, оперпись на этотъ посохъ, стоялъ во все время чтенія дерзкаго посланія перваго московскаго эмигранта,—посохомъ, которымъ онъ многихъ согналъ на тотъ свѣтъ, какъ послѣ того потомокъ его, царь Петръ Алексѣевичъ, не одного бородача, лѣнивца и тунеядца загналъ въ гробъ своею историческою дубинкой

Послѣ поученія жезломъ, молодая княгиня, къ счастью, не умерла, но выкинула...

Грозный былъ исторически правъ: у него за плечами, какъ адвокатъ, стояла вся русская исторія, всѣ тысячелѣтія, прожитыя человѣчествомъ обрядовою жизнью... Мало того—Грозный былъ и юридически правъ, и нравственно, съ точки зрѣнія нравственности своего вѣка: въ этомъ дѣлѣ онъ былъ невиненъ какъ судья, карающій по закону, чистъ какъ голубь, какъ Тарасъ Бульба, убивающій измѣнника-сына.

Но молодежь—всегда молодежь: она всегда нарушаетъ обычаи, силится перешагнуть законъ, который она, естественно, скорѣе перерастаетъ, чѣмъ старость.

И въ XVI-мъ вѣкѣ, при Грозномъ, молодежь была такою же впечатлительною молодежью, какова она и теперь: она всегда протестуетъ; она и тогда протестовала, обнаруживая тѣмъ глубокую историческую истину, что обычай *трехъ степеней* одѣянія отжилъ свой вѣкъ.

Сынъ Грознаго, царевичъ Иванъ, естественно протестовалъ противъ поступка отца, поступка исторически законнаго, но отжившаго свой вѣкъ. Царевичъ жаловался отцу, упрекалъ его въ томъ, что онъ своимъ жезломъ свелъ уже въ могилу двухъ первыхъ его женъ (молодой царевичъ Иванъ былъ тогда женатъ на третьей и какъ видно любилъ ее), и хочетъ лишить его *послѣдней* жены.

Ясно, что Грозный не могъ вынести дерзкихъ, незаконныхъ претензій своего сына—и тѣмъ же жезломъ прошибаетъ ему високъ... Сынъ Грознаго, какъ и сынъ Тараса Бульбы, падаетъ какъ подрѣзанный колосъ... Нарушенная историческая правда возстановлена: нарушеніе правды постигло заслуженное возмездіе.

Другіе лѣтописцы говорятъ, что Грозный убилъ своего сына за незаконное проявленіе чувствъ человѣчности, что сынъ будто-бы требовалъ отъ отца войти въ бѣдственное положеніе народа тѣхъ областей, которыя отвоеваны были отъ Россіи Польшею вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій Грознаго въ войнѣ съ поляками. Но это все равно—убилъ за нарушеніе закона и безпрекословной покорности волѣ родителя: убилъ, наказалъ, слѣдовательно, вполнѣ законно.

Но тяжко было Тарасу Бульбѣ смотрѣть въ мертвое лицо своего прекраснаго сына-измѣнника. Все же онъ отецъ; онъ страстно любилъ сына, можетъ быть болѣе страстно, чѣмъ мы въ XIX вѣкѣ, въ вѣкъ величайшихъ, съ нашей узкой – какъ и въ XVI вѣкѣ—точки зрѣнія, идей, въ состояніи любить своихъ дѣтей:—ему жаль было мертвеца; жаль, что совершилось такое великое несчастье—дѣтоубійство; совершилось то, что, по понятіямъ вѣка, не могло не совершиться безъ нарушенія исторической правды и совѣсти.

И Грозному не могло не быть тяжко. И онъ долженъ былъ любить своего сына. Да онъ и любилъ его страстно—это несомнѣнно. Вотъ напр., какую клятвенную запись взялъ онъ во время

своей болѣзни, отъ соперника своего, князя Владиміра Старицкаго, подущаемаго своею матерью, княгинею Евфросиніею, противъ Грознаго и его сына Ивана съ матерью: «Если мать моя княгиня Евфросинія—клянется князь Старицкій—станетъ подучать меня *противъ сына твоего*, то мнѣ матери своей не слушать и пересказать рѣчи ея *твоему сыну царевичу Ивану*—въ правду, безъ хитрости. Если узнаю, что мать моя, не говоря мнѣ, сама станетъ умышлять какое-либо зло *надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ*, то мнѣ объявить о томъ *сыну твоему* въ правду, безъ хитрости, не утаить мнѣ никакъ, по крестному цѣлованію».

И этого сына Грозный убиваетъ самъ собственноручно, какъ Бульба своего: значитъ, были сильныя къ тому причины, поводы непонятные XIX вѣку, не смотря на сходные, можетъ быть, темпераменты и Бульбы и Грознаго.

И жаль становится Грозному этого убитаго имъ сына. Вонъ съ какою тяжкою, мрачною думою опустилъ онъ свою безумную, горячую голову на грудь, не смѣя взглянуть въ мертвое, прекрасное молодое лицо дѣтища и не находя даже въ книгѣ святой себѣ успокоенья. А сынъ такъ похожъ на него этой орлиной, хищной профилью, этимъ упрямымъ лбомъ, этими широкими, плотоядными челюстями и этимъ острымъ еще не полысѣвшимъ отъ жгучихъ страстей черепомъ... Эта обстановка, прекрасно схваченная художникомъ (г. Шустовъ), говоритъ въ пользу поступка Грознаго: эта мрачная келья дворца, вся исписанная суровыми ликами, это золото, эти гербы, эти птицы и звѣри хищные, этотъ двуглавый орелъ надъ кресломъ-трономъ—все шепчетъ ему въ уши, что онъ поступилъ исторически вѣрно, законно—наказалъ несвоевременный протестъ молодости. А ему все-же тяжко! все скверно—злобно скверно: это говоритъ его лицо, воспитанное, сформированное тысячелѣтіями.

«Я тебя породилъ—я тебя и убью»—вотъ что говоритъ это суровое лицо; но на душѣ все-таки скверно...

Тоже долженъ былъ, надо полагать, чувствовать и третій отецъ, у котораго, такъ-же какъ у Бульбы и Грознаго, безвременно погибъ сынъ, хотя и нелюбимый, отъ постылой жены, но все же родное дѣтище. Этотъ третій отецъ—царь Петръ Алексѣевичъ.

И въ этой кровавой трагедіи—съ одной стороны идея власти родительской, усложненная, какъ и въ первыхъ двухъ случаяхъ, историческою необходимостью, съ другой — протестъ молодости. Тарасъ Бульба убиваетъ любимаго сына за измѣну родной землѣ, измѣну, выразившуюся въ открытой борьбѣ противъ отца и защищаемыхъ имъ правъ; Грозный убиваетъ сына за измѣну историческому обычаю, измѣну, выразившуюся въ протестѣ противъ отцовской всесильной власти; Петръ, наконецъ, губитъ сына за измѣну *его*, отцовской, идеѣ, измѣну, выразившуюся въ протестѣ противъ суровой воли родителя.

Петръ желаетъ, чтобы сынъ его былъ тѣмъ, чѣмъ онъ самъ заявилъ себя въ исторіи Русской земли, онъ желаетъ видѣть въ немъ свое продолженіе, а сынъ — и не можетъ, и не желаетъ этого, потому что онъ, какъ выраженіе молодого поколѣнія, невольно *перероcталъ* или *выросталъ* изъ рамокъ, въ которыя вдавливалъ его отецъ — это несомнѣнно; Алексѣй Петровичъ переросталъ отца уже тѣмъ, что онъ, какъ самъ признавался въ Вѣнѣ вице-канцлеру Шенборну, ненавидѣлъ «солдатчину», что для него были-бы болѣе симпатичны иныя отношенія къ своему народу, чѣмъ отношенія его отца.

И вотъ за это непослушаніе родительской власти отецъ отдаетъ сына на судъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Духовныя власти постановляютъ мудрое, хотя уклончивое рѣшеніе. Они говорятъ, что Священное Писаніе предоставляетъ отцу дѣйствовать или въ духѣ Ветхаго завѣта, или въ духѣ Новаго, евангельскаго: онъ можетъ простить, какъ евангельскій отецъ простилъ блуднаго сына, какъ самъ Христосъ простилъ жену-прелюбодѣйцу: «сердце царево въ руцѣ Божіей — да изберетъ тую часть, амо же рука Божія того преклоняетъ»... Свѣтскія власти поступили суровѣе: 120 членовъ суда подписали смертный приговоръ.

Кто изъ отцовъ представляется исторически и человѣчески симпатичнѣе и правѣе — это предоставляется рѣшить разуму и сердцу читателя.

1876.

Бытовые очерки прошлаго вѣка.

Мнимыя видѣнія и пророчества.

Въ каждой исторической эпохѣ наблюдаются явленія, до нѣк торой степени только ей свойственныя и замѣтно отличающія отъ другихъ эпохъ. Это тѣ явленія, которыя характеризуютъ собо ростъ общественной мысли: явленія эти могутъ быть очень ме кія, почти совсѣмъ ничтожныя; но изъ совокупности ихъ и и сопоставленія съ другими явленіями часто возникаетъ представ.: ніе о цѣлой эпохѣ, обликъ которой какъ-бы самъ собою выс паетъ среди этихъ мелкихъ деталей.

Предлагаемые здѣсь бытовые очерки, выхваченные изъ русск жизни прошлаго вѣка и сохраненные архивами, мы надѣемся, статочно объяснятъ рядомъ повторяющихся, почти тождественны явленій. какъ медленно совершался у насъ ростъ общественн мысли даже послѣ того, какъ ей данъ былъ сильный толчекъ бытіями, приготовившими переходъ Россіи къ новой, такъ сказа европейской жизни.

I.

Корнилка-пророкъ.

25 го января 1701 года, изъ преображенскаго приказа въ п казъ земскихъ дѣлъ былъ присланъ стрѣлецъ Мишка Балахни который обвинялся въ томъ, что разглашалъ о какомъ-то К вилкѣ-пророкѣ.

Въ письменномъ извѣтѣ, поданномъ стрѣльцомъ Мишкою, значилось: «Суздальскаго уѣзду, вотчины Ивана Кулова, деревни Рогатины, дворовый человѣкъ Корнилка Ѳадѣевъ, будучи на пустоши Агапихѣ, говорилъ многія сбывательныя вещи къ воинственному дѣлу и смертные часы: въ кое время кому умереть узнаетъ многимъ людемъ въ предбудущіе годы, за десять лѣтъ и больше, и эти сбывательныя вѣствовательныя слова надъ многими людьми сбывались».

Что-жъ это за «сбывательныя вѣствовательныя слова?»

Давно когда-то, когда стрѣлецъ Мишка былъ въ деревнѣ Рогатинѣ и вмѣстѣ съ другими сельчанами «сѣно въ стоги ставили» на пустоши Агапихѣ, случился тутъ и Корнилка.

— Оглянись назадъ, сказалъ Корнилка Мишкѣ.

Тотъ оглянулся. На березовомъ пнѣ бѣгалъ человѣкъ «въ образѣ Корнилки». Изъ дѣла не видно — самъ ли это Корнилка очутился на березовомъ пнѣ и бѣгалъ по немъ, или это былъ только «образъ Корнилки». Но только этотъ «образъ» оказался пророкомъ.

— Азовъ будетъ взятъ въ пятницу, говорилъ этотъ пророкъ; — племянникъ твой, Мишка, — Ивашка—умретъ черезъ пять лѣтъ.

Потомъ Корнилка принесъ кисть рябины и подалъ ее Мишкѣ.

— На—ѣшь рябину.

Стрѣлецъ началъ ѣсть.

— Не ѣшь, Мишка, останавливалъ его бывшій тутъ же на работѣ крестьянинъ: — Корнилка положилъ въ кисть ящерицыно жало.

Какое у ящерицы жало—это вѣдомо, вѣроятно, одному только Мишкѣ.

— Какъ я съѣлъ кисть—говорилъ Мишка въ приказѣ,—стала мнѣ, Мишкѣ, быть тоска и нашелъ туманъ.

А Корнилка-пророкъ не унимался.

— Ступай въ Харьковъ жить, Мишка,—говорилъ онъ; — коль будешь тамъ жить, государю царю Петру Алексѣевичу и царевичу Алексѣю Петровичу будетъ жить по 90 лѣтъ, а не пойдешь въ Харьковъ—имъ, государямъ, вѣкъ малъ будетъ.

Началось «дѣло». Еще-бы! — вѣдь глупый стрѣлецъ говорилъ

[redacted]

«государево слово». Притащили припутанныхъ къ этому дѣлу— Корнилку-пророка и другихъ свидѣтелей. Начались допросы, передопросы, очныя ставки, путешествія въ застѣнокъ, «пристрастіе» съ дыбой и кнутомъ—все какъ слѣдуетъ.

Оказалось, что бѣдному Корнилкѣ было всего двѣнадцать лѣтъ, когда онъ, по показанію стрѣльца Мишки, яко-бы пророчествовалъ о взятіи Азова, о томъ, что если болтуна Мишку пошлютъ въ Харьковъ, да еще наградятъ за его вранье, то государи будутъ жить до 90 лѣтъ, а не наградятъ Мишку — и «имъ, государямъ, вѣкъ малъ будетъ». Мнимый пророкъ, конечно, показывалъ, что онъ ничего подобнаго не говорилъ. Свидѣтели тоже не подтвердили вранья глупаго стрѣльца — и злополучный Мишка вмѣсто Харькова попалъ въ Сибирь, въ Даурскіе остроги, да еще «былъ битъ батоги нещадно».

Видно, что бѣдный стрѣлецъ Мишка жилъ преданіями добраго стараго времени, когда при благодушномъ царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, а кольми паче при «тишайшемъ» родителѣ его, за такія пророчества мнимыхъ пророковъ за святыхъ почитали и всякимъ добромъ ублажали. Но Мишка жестоко ошибся. Извѣстно, что когда святѣйшій синодъ преподнесъ государю Петру Алексѣевичу «докладные пункты», изъ коихъ въ пунктѣ 10-мъ вопрошалъ синодъ: «когда кто велитъ для своего интересу или суетной ради славы огласить священникамъ какое чудо (или пророчество) притворно и хитро чрезъ кликушъ, или чрезъ другое что или подобное тому прикажетъ творить суевѣріе», то блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его императорское величество на это собственноручно написалъ: «Наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей».

Такъ-то промахнулся и стрѣлецъ Мишка съ пророкомъ Корнилкою Корнилку отпустили, а Мишку отослали въ Даурскіе остроги «на вѣчное житье».

II.

Огненный змій о семи главахъ.

Это было въ 1728 году.

Знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ новгородскій, доносилъ правительствующему синоду, что содержавшійся въ Москвѣ въ келейной конторѣ «по нѣкоторому дѣлу» села Валдая попъ Михаилъ Іосифовъ объявилъ, что когда онъ содержался по тому же дѣлу въ новгородскомъ архіепископскомъ домѣ, при разрядѣ, въ конторѣ раскольническихъ дѣлъ подъ арестомъ, то приходилъ къ нему келейникъ Іаковъ Алексѣевъ и говорилъ ему такія слова: «что-де было нощію на небѣ видѣніе, яко бы леталъ надъ новгородскою соборною церковію *змій огненный о семи главахъ*, который взялся отъ Ладоги и вился-де надъ тою церковію и надъ домомъ нашимъ (Ѳеофана Прокоповича—архіепископскимъ) и надъ Юрьевымъ и надъ Клопскими монастырями, а потомъ полетѣлъ къ Старой Русѣ. И въ томъ-де будетъ какъ дому, такъ и монастырямъ не безъ причины; которое-де видѣніе и многіе граждане видѣли, а кто имянно—того несказалъ».

Само собою разумѣется, что раньше этого донесенія синоду, когда Ѳеофану Прокоповичу доложили только объ этой болтовнѣ про «огненнаго змія», онъ тотчасъ же велѣлъ разслѣдовать—что и какъ. Въ новгородскую консисторію полетѣлъ указъ: «вышеозначеннаго келейника Іакова о вышепоказанномъ видѣніи допросить обстоятельно, и если дойдетъ до тѣлеснаго розыска («тѣлесный розыскъ»—хорошо выраженіе!), то отослать къ мірскому суду, куда надлежитъ».

Началось «дѣло» объ огненномъ зміѣ. Взяли къ допросу и попа Михаила, и келейника Іакова. Послѣдній запирался. Онъ твердилъ, что «никогда у него, Іакова, съ нимъ, попомъ, таковыхъ рѣчей ни о какомъ видѣніи нигдѣ не бывало, и ни отъ кого о томъ не слыхалъ, а все-де то показано имъ, попомъ, на него, Іакова, напрасно».

Взялись за попа.

— Слышалъ ты отъ него таковыя рѣчи?

— Подлинно слышалъ, токмо не въ раскольническихъ дѣлъ конторѣ.

— А гдѣ же?

— Въ духовной палатѣ, въ которой я тогда содержался подъ арестомъ.

— А для чего ты прежде не то показалъ?

— А то я показалъ безпамятствомъ своимъ.

Свели допрашиваемыхъ на очную ставку. Бились-бились съ ними!—каждый стоитъ на своемъ: «ты сказывалъ»—«нѣтъ, не сказывалъ».

«А и съ очной ставки какъ онъ, Яковъ, такъ и объявленный попъ говорили тѣ же рѣчи и подписались въ томъ между собою вѣдаться гражданскимъ розыскомъ»

А гражданскій розыскъ—это уже пытка, застѣнокъ.

Что же это заставило попа выдумать такую небылицу о «зміѣ»? А что онъ самъ выдумалъ ее—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Онъ, какъ видно изъ дѣла, былъ подъ судомъ «по нѣкоторому дѣлу», сидѣлъ подъ арестомъ и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ. Сначала его судили въ Новгородѣ, потомъ перевели въ Москву—и опять судятъ «по тому же нѣкоторому дѣлу». И вотъ тутъ, сидя подъ арестомъ, онъ додумывается до «огненнаго змія о семи главахъ» и плететъ уже на Новгородъ: «тамъ-де мнѣ говорили о «зміѣ», когда я тамъ сидѣлъ и судился». И кто же говорилъ?—Какой-то Яковъ. «келейникъ судіи архимандрита Андроника». Въ этомъ, кажется, и вся разгадка: судилъ его, вѣроятно, этотъ самый Андроникъ... Такъ вотъ и надо насолить ему «огненнымъ зміемъ», хоть черезъ его келейника. А что значитъ, что змій вился надъ новгородскимъ соборомъ, да надъ архіепископскимъ домомъ, да надъ монастырями Юрьевымъ и Клопскимъ, а потомъ полетѣлъ къ Старой Русѣ—это-де пускай сами судьи раскусываетъ, да на усъ себѣ мотаютъ ..»

И вотъ преосвященный Ааронъ, епископъ корельскій и ладожскій (не даромъ и «змій взялся отъ Ладоги»), въ консисторіи котораго, въ Новгородѣ, прозводилось слѣдствіе о таинственномъ «зміѣ» и шли допросы попа Іосифова и обвиняемаго имъ судей

скаго келейника Якова, доноситъ Θеофану Прокоповичу, что оба допрашиваемые уперлись на своихъ прежнихъ показаніяхъ и требуютъ «гражданскаго розыска»—а этотъ «розыскъ», конечно, зацѣпитъ и другихъ... Всѣмъ имъ думаетъ насолить попавшійся «по нѣкоторому дѣлу» злополучный попъ.

Получивъ это доношеніе епископа Аарона и новгородской консисторіи, Θеофанъ Прокоповичъ обо всемъ доноситъ синоду, руководствуясь заключеніемъ Аарона и консисторскаго доношенія: «А понеже-де, когда оной Яковъ отошлется по силѣ того нашего прежняго опредѣленія къ гражданскому суду, тогда-де для надлежащихъ притомъ доказательствъ и очныхъ ставокъ востребуется, можетъ быть, и оной попъ Михаилъ. Но безъ нашего опредѣленія отсылать его, попа, въ гражданскій судъ опасны, и требуютъ на то нашей резолюціи. Того ради, симъ предложивъ вашему святѣйшеству, требую на вышеобъявленное благорасмотрительныя отъ святѣйшаго правительствующаго синода резолюціи. Вашего святейшества нижайшій послушникъ, смиренный Θеофанъ, архіепископъ новгородскій».

Удалось ли однако попу Михаилу насолить «огненнымъ зміемъ» кому онъ хотѣлъ насолить,—изъ дѣла не видно.

III.

Тотемскій праведный Ной.

21-го іюля 1735 года, въ городѣ Тотьмѣ, на крыльцѣ тотемской воеводской канцеляріи сидѣлъ тотемскій—окологородской волости—крестьянинъ Степанъ Харинскій. У Степана было дѣло въ канцеляріи; а какъ нашъ мужикъ вообще не долюбливаетъ всякое приказное дѣло даже теперь,—а тогда онъ и подавно ненавидѣлъ и боялся воеводскихъ ярыжекъ,—то Степанъ и находился въ мрачномъ расположеніи духа.

Но это бы еще ничего. Только на него вдругъ нашелъ духъ пророчества.

— Сего лѣта въ Тотьмѣ будетъ моръ на людей, сказалъ онъ

сидѣвшимъ тутъ же на крыльцѣ мужикамъ и канцелярскимъ сторожамъ.

— Что ты! какой моръ?

— Моръ на людей, и вымрутъ всѣ люди, и останусь я одинъ.

— Какъ же такъ? Съ чего это?

— Такъ... А въ Вологдѣ весь скотъ выпадетъ, продолжалъ тотемскій Ной.

На Ноя сейчасъ же, конечно, донесли канцелярскимъ ярыжникамъ тотемскіе Булюбаши. Воеводская канцелярія тотчасъ же донесла о глупыхъ словахъ мужика тайной канцеляріи, какъ о государственномъ преступленіи. Умны же были, значитъ, и тогда охранители!

А бѣдный Ной уже сидѣлъ подъ арестомъ.

10-го апрѣля 1736 года, почти черезъ девять мѣсяцевъ послѣ произнесенія мужикомъ глупыхъ словъ, изъ тайной канцеляріи послѣдовалъ въ тотемскую воеводскую канцелярію указъ: «пытать Степана—*нѣтъ ли у него сообщниковъ*, и въ какую силу онъ это говорилъ?»

«Сообщники» въ глупости и невѣжествѣ—да такимъ «сообщникомъ» была у него почти вся Россія...

Пытаютъ дурака. «Говорилъ?»—«Нѣтъ не говорилъ». А Булюбаши настаиваютъ на своемъ: «говорилъ».

Въ этотъ день—10 апрѣля—бѣдный Ной и умеръ. Не сбылось его пророчество...

Сколько надо было имѣть государственнаго ума, чтобы «вчинать» дѣла о подобномъ вздорѣ и за этотъ вздоръ губить людей!..

IV.

Неудавшіяся мощи.

17-го февраля 1739 года, во дворецъ явился отставной барабанщикъ Григорій Сорокинъ и требовалъ, чтобъ его представили императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Старикъ ветхій-преветхій.

— Зачѣмъ? спрашиваютъ.

— Для объявленія ея императорскому величеству тайнаго дѣла.

Старика, конечно, берутъ и ведутъ къ доброму Андрею Ивановичу Ушакову.

— Ты кто? любезно спрашиваютъ старика.

— Былъ я прежде крестьяниномъ дворцовый Тамбовской Старой волости, и въ прошломъ въ 1702 году отданъ въ рекруты и поступилъ въ кронштадтскій гварнизонъ а потомъ барабанщикомъ въ первый морской полкъ. Тому нынѣ лѣтъ съ пять отставленъ.

— А какое такое тайное дѣло имѣешь ты объявить ея императорскому величеству?

— Когда я служилъ въ Кронштадтѣ и стоялъ на караулѣ, въ самую заутреню святой Пасхи у меня родился сынъ и во снѣ мнѣ явился Господь...

— Такъ ты, стоя на караулѣ, уснулъ?... Продолжай.

— Виноватъ, ваше сіятельство, ненарокомъ.

— Ну, что-жь дальше?

— Ко мнѣ явился Господь и рекъ: сынъ-де твой будетъ святъ... А потомъ черезъ два года сынъ мой умре и погребенъ въ Кронштадтѣ при церкви Богоявленія.

— Что-жъ изъ этого?

— Изъ этого я, ваше сіятельство, полагаю, что тѣло сына моего лежитъ въ землѣ нетлѣнно... Прикажите, ваше сіятельство, вырыть его изъ земли и освидѣтельствовать.

— А какое же тайное дѣло?

— Другого тайнаго дѣла, ваше сіятельство, я не имѣю.

— Для чего же ты осмѣлился безпокоить ея императорское величество?

— Да вотъ объ сынѣ, ваше сіятельство, да попросить государыню по бѣдности моей дать мнѣ что-нибудь денегъ на пропитаніе.

Этого стараго дурачка даже и не пытали: ужь слишкомъ наивна была его просьба—открыть мощи его сына! Но умыселъ другой тутъ былъ—и Андрей Ивановичъ сразу смекнулъ, въ чемъ дѣло. Онъ довелъ стараго лгунишку до того, что тотъ самъ со-

знался во лжи: никакого сна онъ не видѣлъ и объ мощахъ приплелъ только такъ, на всякій случай, чтобъ попасть во дворецъ и попросить деньженокъ на бѣдность.

Доложили государынѣ. Андрей Ивановичъ, по привычкѣ хотѣлъ-таки, для порядка, постегать кнутикомъ стараго дурака и сослать въ каторжную работу; но императрица, принимая во вниманіе его старость, всемилостивѣйше повелѣла заточить его въ отдаленный монастырь на вѣчное житье.

V.

Непризнанный апостолъ.

25-го августа 1740 года, въ синодальную канцелярію пришелъ какой-то странникъ, въ духовномъ одѣяніи, и просилъ «допустить его до перваго въ синодѣ архіерея».

Пришлецъ назвалъ себя Алексѣемъ Аѳанасьевымъ, дьячкомъ церкви Николая чудотворца, что въ селѣ Орѣховомъ-Погостѣ, владимірскаго уѣзда, стану Ловчаго-Пути и говорилъ, что онъ имѣетъ объявить «первому архіерею» о какой-то ереси и «нѣкія тайности».

Его ввели въ присутствіе синода.

Пришлецъ поклонился и началъ говорить... *незнаемымъ языкомъ*.

Какой это языкъ—никто не зналъ, да и самъ диковинный панглоттъ конечно не вѣдалъ, что̀ онъ болтаетъ на «незнакомомъ языкѣ», не существующемъ въ мірѣ.

Чудака стали увѣщевать, чтобъ онъ пересталъ молоть вздоръ и заговорилъ бы по-русски. Онъ заговорилъ по-русски—и опять какой-то вздоръ.

Полагая, конечно, что это какой-нибудь сумасшедшій, его вывели изъ присутствія и посадили подъ арестъ.

Черезъ десять дней безумецъ, вѣроятно соскучившійся сидѣть подъ арестомъ, потребовалъ, чтобъ его опять представили предъ синодъ. Его привели. Онъ началъ разсказывать разныя нелѣпыя видѣнія и такія же нелѣпыя пророчества.

Его опять вывели и приказали доктору освидѣтельствовать.

Прошло болѣе мѣсяца. Докторъ, свидѣтельствовавшій чудака, медицинской канцеляріи лекарь Христіанъ Эгидій, 30-го сентября подалъ рапортъ, въ которомъ доносилъ о порученномъ ему странномъ человѣкѣ, что при осмотрѣ-де его, помѣшательства ума у него никакого не признавается, понеже-де онъ всѣмъ корпусомъ здоровъ, къ тому же и по разговорамъ отвѣтствовалъ такъ, какъ надлежитъ быть въ состояніи ума, и ежели-де оное помѣшательство ума у него бываетъ, то подлежитъ болѣе разсмотрѣть при вседневномъ съ нимъ обхожденіи».

Но синодъ, имѣя въ виду, что въ словахъ страннаго человѣка замѣчается «дѣло не малой важности», отослалъ его въ тайную канцелярію. Куда-жь больше! Вали туда всѣхъ сумасшедшихъ: тамъ все разберутъ—тамъ такіе доктора душевныхъ болѣзней, что современный Шарко передъ ними—«мальчишка и щенокъ», какъ сказалъ бы Гоголь.

Взяли бѣднаго дьячка, поставили передъ ласковыя очи Андрея Ивановича Ушакова и генералъ-прокурора князя Никиты Юрьича Трубецкого.

— Разсказывай о своихъ видѣніяхъ, пригласилъ Андрей Ивановичъ.

— Первое видѣніе было мнѣ въ домѣ моемъ, сего году въ великой постъ, на средокрестной недѣлѣ, такимъ случаемъ: когда я молился Богу въ домѣ своемъ наединѣ, и тогда въ свѣтлицѣ, въ которой я молился, осіялъ свѣтъ и гласъ бысть мнѣ, чтобъ я объявилъ въ синодѣ, что многіе есть ереси, и блудныя дѣти осквернили церковь и переходятъ отъ мѣста на мѣсто, и будетъ-де гладъ и моръ великъ и огнь великъ и притомъ былъ я яко мертвъ... А объ ономъ о всемъ слышалъ я духомъ и сказано мнѣ то чрезъ Духа Божія и объявлено мнѣ, что станешь-де ты разными языки говорить...

— И ты говорилъ? полюбопытствовалъ Андрей Ивановичъ.

— Говорилъ... Того ради я и въ святѣйшемъ синодѣ говорилъ.

— А на какихъ языкахъ?

— Какимъ языкомъ и что я говорилъ—того я и самъ не знаю.

Бѣдный! въ какое неловкое положеніе поставили его сошедшіе съ неба «незнаемые языки».

Какъ бы то ни было, новаго апостола продолжали допрашивать.

— Второе видѣніе—объяснялъ онъ—случилось мнѣ во снѣ, мая на 6-е число сего 740 года, въ ночи, такимъ образомъ, что пресвятая Богородица, Спаситель, Николай и преподобный Сергій чудотворецъ шли пѣшіе, а передъ ними въ позлащенной колесницѣ ѣхалъ, а кто—того я не призналъ, и при томъ говорено мнѣ, чтобъ я о выше-объявленномъ первомъ видѣніи объявилъ въ синодѣ.

Но простымъ допросомъ не ограничились. Андрея Ивановича ни видѣніями, ни пророчествами, ни даже «незнаемыми языками» нельзя было удивить. Если-бъ Андрей Ивановичъ жилъ во время сошествія Святаго Духа на апостоловъ, онъ бы и этихъ послѣднихъ непремѣнно допросилъ «съ пристрастіемъ»: что и какъ? какіе «огненные языки»? откуда сошли? кто свидѣтель да не было ли въ этомъ дѣлѣ сообщниковъ?

Алексѣя Аѳанасьева отправили въ застѣнокъ. Но и тамъ когда его подняли на дыбу и допрашивали кнутомъ, онъ говорилъ, что показываетъ сущую правду. Мало того—онъ и въ застѣнкѣ пророчествовалъ.

— Въ будущее лѣто не будетъ хлѣбъ родиться, а будетъ гладъ и моръ—и о томъ мнѣ было откровеніе, твердилъ несчастный.

Сколько ни бились съ нимъ—онъ стоялъ на своемъ.

Мнимаго апостола отправили въ Тобольскъ, а оттуда въ Тару. Тамъ онъ и умеръ.

VI.

Слѣпой монахъ Михей, прорицатель взятія Константинополя русскими.

Идея взятія Константинополя едва ли не современна первымъ зачаткамъ государственнаго строя въ русской землѣ. Насколько

идея эта была живучею за тысячу лѣтъ назадъ, настолько осталась она таковою и до настоящаго времени.

О взятіи Царяграда мечталъ Олегъ, вѣшая свой щитъ на воротахъ этого города. О томъ же мечтали и запорожскіе казаки, «окуривавшіе мушкетнымъ дымомъ» стѣны Константинополя.

Мечтали объ этомъ и въ прошломъ столѣтіи гораздо ранѣе, чѣмъ стали извѣстны міру грандіозныя мечтанія на этотъ счетъ Потемкина и Екатерины II-й.

О взятіи Константинополя мечталъ и слѣпой кирилловскій монахъ Михей, въ 1745 году.

Въ мартѣ 1745 года, изъ московской губернской канцеляріи присланъ былъ въ контору тайныхъ розыскныхъ дѣлъ нѣкій слѣпой монахъ, показавшій за собою государево «слово и дѣло». Его стали допрашивать.

— Въ мірѣ имя мнѣ было Михайло—говорилъ о себѣ слѣпой чернецъ:—а отецъ мой, Герасимъ Андреевъ, былъ Кирилова монастыря Бѣлозерскаго слуга, и въ прошлыхъ давнихъ годѣхъ умре, а я послѣ отца своего остался въ малыхъ лѣтѣхъ, и какъ отъ рожденія моего лѣтъ съ восемь лежалъ я въ постелѣ, и отъ той болѣзни ослѣпъ, и за тою моею слѣпотою, за неимѣніемъ себѣ пропитанія, въ прошломъ 1727 году, по прошенію моему, онаго Кирилова монастыря архимандритомъ Иринархомъ въ тотъ монастырь постриженъ монахомъ, и былъ въ томъ монастырѣ по нынѣшній 1745 годъ. А сего году въ генварѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, будучи я въ томъ монастырѣ, пришедъ, того монастыря въ приказѣ монастырскаго правленія сказалъ за собою государево слово и дѣло, и въ томъ сказываніи отосланъ въ бѣлозерскую провинціальную канцелярію, а изъ той канцеляріи присланъ въ тайную канцелярію, и въ той канцеляріи показывалъ я помянутаго монастыря на намѣстника Димитрія, а въ чемъ имянно—о томъ явно въ той канцеляріи по дѣлу. И по тому моему показанію явился я виновенъ, и за ту мою вину, по опредѣленію тайной канцеляріи, для учиненія мнѣ наказанія, отосланъ я былъ въ святѣйшій правительствующій синодъ, и въ томъ синодѣ учинено мнѣ было наказанье плетьми, и, по учиненіи того наказанья, посланъ я былъ подъ началъ коломенской епархіи въ тульскій Предтечевъ мона-

стырь. А сего марта 11-го числа, будучи въ помянутомъ Предтечевѣ монастырѣ подъ началомъ, государево слово и дѣло за собою сказывалъ я вновь. И по присылкѣ, въ коломенской воеводской канцеляріи, о томъ, что я слово и дѣло за собою знаю, по второму пункту, я показалъ для того: какъ я напредь сего имѣлся въ вышеозначенномъ Кириловѣ монастырѣ Бѣлозерскомъ монахомъ, и по обѣщанію моему читывалъ повседневныя молитвы Господу Богу и канонъ пресвятѣй Богородицѣ, а святымъ тропари и кондаки, и сталъ во отлученіи отъ того монастыря, и содержался въ помянутомъ Предтечевѣ монастырѣ въ больнишнѣй тюрьмѣ подъ началомъ, и вышеозначенныхъ повседневныхъ молитвъ не читывалъ; и тогда напала на меня великая печаль, отъ которой печали пришелъ я въ отчаяніе, и въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ, а въ которомъ числѣ—не упомню, въ ночи, привязалъ я въ имѣющихся при той больницѣ сѣняхъ къ брусу веревочную петлю и обвѣсился, и хотѣлъ удавиться. И въ то время напалъ на меня великій страхъ, и отъ того удавленія изъ той петли я незнаемо кѣмъ освобожденъ, и о томъ обрадовался и былъ въ веселіи. И потомъ на другой день, въ ночи жъ, взявъ ножъ, и хотѣлъ себя заколоть до смерти, и отъ того незнаемо же кѣмъ освобожденъ же, и ножъ у меня изъ рукъ выпалъ, и я тогда былъ дни съ три въ безпамятствѣ. И сего жъ марта 11-го числа—продолжалъ допрашиваемый,—какъ пришелъ я въ совершенный разумъ попрежнему, и того числа часу въ седьмомъ ночи, вставъ съ постели, молился Богу, и, вспомянувъ вышеозначенное прежнее свое обѣщаніе, читалъ означенныя повседневныя молитвы, и по окончаніи тѣхъ молитвъ незнаемо отъ чего задумался, и, облокотясь на столъ, немного заснулъ легкимъ сномъ, и въ томъ снѣ увидѣлъ свѣтъ и предъ собою стоящаго человѣка въ бѣлыхъ ризахъ, на подобіе монашескаго одѣянія, и лице его сіяющее пребезмѣрно свѣтомъ, которой говорилъ мнѣ: миръ тебѣ, рабъ Божій! и знаешь ли ты меня?—И я сказалъ, что не знаю. И тотъ человѣкъ говорилъ: моя-де обитель отъ твоего обѣщанія шестьдесятъ поприщъ, о чемъ-де ты и самъ свѣдомъ, и имя мнѣ Кирилъ, игуменъ новозерскій. И говорилъ мнѣ: чего-де ради отвергъ ты по обѣщанію своему повседневныя молитвы Спасителю Богу и пресвятѣй Богородицѣ и угодникамъ ихъ?—И я тому Кирилу ска-

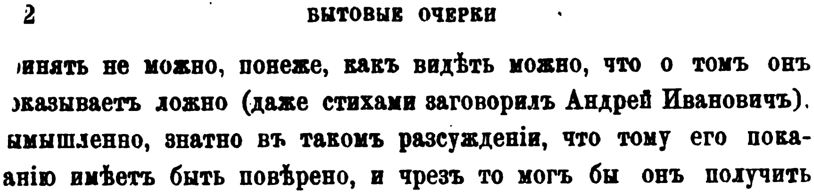
залъ, что-де мнѣ милости отъ святыхъ не стало. И Кирилъ говорилъ: аще бы-де тебѣ милости не стало, то бы-де ты издавна зле погибнулъ, а ты-де и отъ нынѣшней смерти нами-жъ сохраненъ. И отъ сего времени тебѣ заповѣдую, да ничто же не утаи у себя: однако жъ самъ дерзновенія такого не имѣешь, то повѣдай чрезъ правителей, что Богомъ вѣнчанная государыня императрица Елисавета Петровна по волѣ всемогущаго Бога, и учиненъ нашими молитвами наслѣдникъ, благовѣрный государь Петръ Ѳеодоровичъ, и по волѣ Божіей, того-жъ и нашихъ молитвъ учинена ему обрученная невѣста, благовѣрная государыня Екатерина Алексѣевна. И какъ будутъ они въ совершенномъ супружествѣ, и тогда родятъ сыны и дщеріи, и изъ нихъ единъ высокая преизыдетъ, а имя ему будетъ Петръ, и познается во всѣхъ языцѣхъ, и по волѣ всемогущаго Бога и нашими молитвами по временіи возраста его будетъ государемъ, и возьметъ градъ, а какой имянно — не выговорилъ, его же и многіе цари желать будутъ, однако-де по волѣ всемогущаго Бога и нашими молитвами ему дастся, и въ то-де время просвѣтится церковь Софіи, то есть премудрость Божія. И рекъ: сіе есть слово мое не ложно, и будетъ такъ, и ты, человѣче, не убойся — повѣдай о семъ. — И потомъ тотъ человѣкъ сталъ быть невидимъ. И отъ меня свѣтъ отъ очей отнялся попрежнему. И объ ономъ видѣніи я никому не разглашалъ, и объ ономъ о всемъ показываю сущую правду, въ совершенномъ умѣ и разумѣ, а не затѣвая отъ себя ложно. А окромѣ того государева слова и дѣла за мною нѣтъ и за другими ни за кѣмъ не знаю.

Казалось бы — чего же лучше! — Взятіе Константинополя, хотя въ видѣніи имя его и не названо, — но кто же не догадается, что это Константинополь съ святою Софіею?

Но Андрею Ивановичу Ушакову этого мало. Онъ большой скептикъ, и пророчествамъ несовсѣмъ довѣряетъ, какъ бы они ни были патріотичны.

И вотъ въ тайной канцеляріи разсуждаютъ такимъ образомъ:

«Хотя оной монахъ Михей въ оной конторѣ распросомъ яко бы о освобожденіи его незнаемо кѣмъ отъ удавленія и поколонія до смерти себя ножемъ и что будто бы было ему нѣкоторое во снѣ видѣніе и показывалъ; но тому его показанію вѣрить и за истину

инять не можно, понеже, какъ видѣть можно, что о томъ онъ оказываетъ ложно (даже стихами заговорилъ Андрей Ивановичъ). ымышленно, знатно въ такомъ разсужденіи, что тому его покаянію имѣетъ быть повѣрено, и чрезъ то могъ бы онъ получить себѣ какое награжденіе,—того ради»... Бѣдный Михей! непризнанный патріотъ!

«Того ради—заключаетъ тайная канцелярія—ко взысканію въ немъ сущей правды, снявъ съ него монашескій чинъ, привесть его въ застѣнокъ и, поднявъ на дыбу, распросить накрѣпко—съ какого подлинно умыслу и для чего о вышесказанномъ ложно онъ показываетъ, и собою-ль то вымыслилъ, или кто о томъ ложно показать его научилъ?»

И вотъ изъ тайной конторы посылается въ синодъ копіистъ Иванъ Ярой за іеромонахомъ, чтобъ снять съ бѣднаго Михея монашескій чинъ. Является іеромонахъ Иринархъ, «обнажаетъ» несчастнаго Михея монашескаго чина, остригаетъ на головѣ его и на бородѣ волосы—и вмѣсто инока Михея предъ грозныхъ судей предстаетъ разстрига Михайло Герасимовъ.

Михайлу ведутъ въ застѣнокъ. Онъ не выдерживаетъ пытокъ и винится.

— Все то я показывалъ, вымысля, затѣявъ собою ложно, желая получить изъ подъ начала свободу и быть монахомъ въ Кириловѣ по прежнему.

Бѣдный! соскучился о своемъ родномъ монастырѣ, затосковалъ—и наплелъ на свою голову.

— А видѣніе?

— И видѣнія такого никогда не видалъ, и согласія, чтобъ ложно о томъ вымышлять, ни съ кѣмъ не имѣлъ, и никто меня о томъ не научалъ, и ея императорскаго величества слова и дѣл за мною нѣтъ.

Его поднимаютъ на дыбу и вновь допрашиваютъ «съ пр страстіемъ», накрѣпко.

«И съ подъему говорилъ то-жъ, что и въ распросѣ показа и въ томъ утвердился».

Въ тайной канцеляріи опредѣлено: «за вѣѣ продерзости»... «у

нить Михайлѣ жестокое наказаніе: бить кнутомъ нещадно и сослать въ дальній монастырь въ заточеніе вѣчно.

Вотъ тебѣ и взятіе Константинополя!

VII.

Спиритка XVIII-го столѣтія.

Проживавшая въ Петербургѣ маіорша Элеонора Делувизе, 13-го іюля 1747 года, явилась въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и подала генералъ-лейтенанту графу Шувалову письмо на нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ Делувизе жаловалась на мужа, что онъ 30 лѣтъ живетъ съ нею нечестиво и тирански—жалованья и содержанія никакого не даетъ, и оттого маіорша терпитъ голодъ и холодъ. Просительница умоляла, чтобъ графъ Шуваловъ испросилъ у императрицы милости—чтобъ выдавали ей половину содержанія мужа. Наконецъ, объявила, что имѣетъ еще сообщить императрицѣ тайное, важное дѣло, если только государынѣ угодно будетъ приказать ей о томъ.

Графъ Шуваловъ доложилъ Елизаветѣ Петровнѣ, и по ея приказанію маіорша 16-го іюля представила Шувалову записку на нѣмецкомъ языкѣ о «тайномъ дѣлѣ».

Записку перевели. Въ ней маіорша разсказывала о своихъ «пророческихъ сновидѣніяхъ», въ которыхъ будто бы нѣкій таинственный гласъ отдавалъ ей приказанія въ разные дни.

Вотъ эти «приказанія» въ современномъ переводѣ:

16-го апрѣля. «Слушай, Карлевена! я буду семь разъ съ тобою говорить: примѣчай, держи тайно, дабы сіе наружу не вышло· Скажи ты сама императрицѣ Елизаветѣ, которая безопасно почиваетъ: смотри на башню сію, во опасеніи стоящую. Ежели тебѣ жизнь твоя мила, то скажи ей про все сама, что я ей говорить приказываю, или ты до 20-го числа августа не доживешь».

Въ чемъ смыслъ этихъ «приказаній» — понять невозможно. И что это за «башня во опасеніи стоящая»?

Посмотримъ другія «приказанія»:

Апрѣля въ 17 день. «И для того ты не прямо предъ сею шатающеюся башнею молишися». Я отвѣтствовала:—Ахъ Боже! что мнѣ молиться и что молитва моя поможетъ? — «Молися ты такъ, какъ обыкла съ 1730 года за нее молиться, сіе хорошо удалося».

Апрѣля 19-го дня. «Вставай—здѣсь мученіе близко, а еще ты приказомъ моимъ медлишь!» — Я осмѣлилась спросить: кто ты — духъ благій въ благословеніи Христа? Отвѣтъ: «я — который мучитъ».

Хотя чепуха, но страшно.

Мая 28-го дня. «Учися по-русски, то много душъ избавишь. Спѣши и не молчи—время спѣшить».

Іюня 7-го дня. «Я тебѣ говорю—спѣши, ничего не умолчи, понеже она безопасно почиваетъ и не прямо жертву приноситъ.

Іюня 26-го дня. «Елизаветѣ еще сильно бороться надлежитъ!»— Ахъ, Боже—съ кѣмъ? Отвѣтъ: «съ сильными, съ львами, съ зміями». Ахъ, я въ страхѣ и чувствую смертное мученіе! Отвѣтъ: «для того поспѣшай, я тебѣ говорю».

Вотъ и всѣ таинственныя приказанія «духа».

Медіумъ-маіорша такъ оканчиваетъ свою записку: «Я сіе персонально изъясню лучше, если позволено будетъ».

Но ей не позволили. Удивительно еще, какъ въ застѣнокъ не повели.

На другой день графъ Шуваловъ вынесъ спириткѣ такую резолюцію: и императрица приказала сновидѣнію маіорши не вѣрить и чтобъ она впредь никакимъ своимъ сновидѣніямъ не увѣрялась и объ ономъ сновидѣніи никому не разглашала».

Счастливая маіорша! А попалась-бы въ руки Андрею Ивановичу—не то бы было.

VIII.

Проворовавшійся пророкъ.

Дворовый человѣкъ московскаго помѣщика Сахарова, Ѳедоръ Васильевъ, покравши господскія деньги, бѣжалъ изъ Москвы. Его поймали и привели въ полиціймейстерскую канцелярію къ допросу. Ѳедька, струсивъ розогъ, объявилъ за собою «государево слово и дѣло».

Его свели въ тайную контору.

— Какое за тобой государево слово и дѣло?

— О томъ я скажу только самой великой государынѣ, а въ тайной конторѣ не объявлю.

Ему сказали, что императрицѣ онъ не будетъ представленъ, и если «слово и дѣло» не объявитъ, то будетъ пытанъ.

Нечего было дѣлать—пришлось пророчествовать.

— Въ прошломъ 1754 году, послѣ Петрова дня, спустя дней шесть, а подлинно сказать не упомню, какъ я былъ въ московскомъ господина своего домѣ, которой имѣется за Московою-рѣкою въ приходѣ церкви Козмы и Даміана, что называется въ Кадашевѣ, —и въ ночи спалъ на сушилѣ, и тогда видѣлся мнѣ во снѣ образъ Печерской Пресвятой Богородицы, которой имѣется за Успенскимъ большимъ соборомъ, въ углу, близъ Грановитой палаты,—и при немъ стоятъ два святителя въ образѣхъ человѣческихъ—Петръ и Алексѣй, митрополиты московскіе и вся Россіи, и просили у помянутаго образа Пресвятой Богоматери такими рѣчьми: «о! мать пресвятая Богородица! просимъ у тебя о наслѣдникѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ, чтобъ ему всероссійскій престолъ всемилостивѣйшая государыня изволила вручить». И того же часу отъ того образа былъ гласъ такой: «чадо Ѳеодоре! пойди, повѣждь всемилостивѣйшей государинѣ, чтобъ изволила наслѣднику своему Петру Ѳеодоровичу вручить всероссійскій престолъ». А послѣ того гласа оной образъ и преждереченные святители стали быть невидимы, а я вскорѣ послѣ того проснулся и оное сновидѣніе содержалъ въ себѣ секретно.

Надо было столѣтіями воспитывать народъ въ наглой лжи,

чтобъ онъ дошелъ до такого невозмутимаго нахальства и выдумывалъ такіе нелѣпые сны. Коли всѣ выдумываютъ, такъ отчего жъ и Өедькѣ не выдумать чудо!

. И Өедька продолжалъ плести:

— Послѣ того, въ разные мѣсяца и числа, четыре раза я видѣлъ тотъ же самый сонъ и слышалъ тотъ же гласъ. Наконецъ, 14-го декабря, снова во снѣ образъ и святители явились мнѣ и отъ образа былъ гласъ: «чадо Өеодоре! что же я тебя многократно посылала до всемилостивѣйшей государыни, — что ты не объявляешь, о чемъ я приказывала (то-то хорошъ посредникъ между Богородицей и императрицей!), чтобъ на всероссійскій престолъ учинила всемилостивѣйшая государыня наслѣдника своего Петра Өеодоровича! Аще сего ты не повѣдаешь всемилостивѣйшей государынѣ, то узриши смерть свою вскорѣ». И потомъ оной образъ и святители стали невидимы, а я проснулся и началъ думать — какимъ образомъ объ этомъ сновидѣніи донести самой ея императорскому величеству?

И онъ надумался: лучше всего украсть деньги!

— Черезъ три дня, продолжалъ плести Өедька:—помѣщикъ мой прислалъ изъ вотчины своей, Ефремовскаго уѣзда, изъ села Рождественскаго, обозъ съ хлѣбомъ и писалъ ко мнѣ, чтобъ я продалъ этотъ хлѣбъ. Я и продалъ его на 85 рублей. Изъ этихъ денегъ на 20 рублей купилъ сукна для помѣщика, а остальные отдалъ взаймы одному своему знакомому крестьянину, торговавшему квасомъ у Ивановской колокольни, съ тою цѣлью, что когда помѣщику я объ этомъ скажу, то онъ не повѣритъ и станетъ меня сѣчь, и тогда для доносу о своемъ сновидѣніи я и скажу за собою слово и дѣло.

— А для чего ты побѣгъ учинилъ изъ Москвы?

— Побѣгу я не чинилъ, а ходилъ передъ Рождествомъ Христовымъ въ деревню къ крестьянину, которому далъ деньги, и когда возвратился въ Москву, то зять моего помѣщика, поручикъ Гурьевъ, сковалъ меня и представилъ 18-го генваря сего 55 года въ полицію, гдѣ я и сказалъ для доносу о сновидѣніи слово и дѣло.

Московская тайная контора, разумѣется, стала пытать этого

[redacted]

пророка. Пытали три раза; но Ѳедька все стоялъ на своемъ: послала-де сама Богородица!

Пророка отправили въ Петербургъ—въ тайную канцелярію.

Здѣсь уже не вытерпѣлъ Ѳедька—во всемъ сознался.

— Никакихъ такихъ сновидѣній я не видалъ, а когда меня привели въ полицію, то, желая избавиться истязаній за побѣгъ и растрату денегъ, объявилъ ложно «слово и дѣло».

Ѳедьку сослали въ Соловецкій монастырь.

IX.

Галлюцинатъ.

Въ томъ же 1755 году, 24-го августа, явился въ тайную канцелярію ревизіонъ-конторы копіистъ Григорій Корольковъ и подалъ въ запечатанномъ пакетѣ прошеніе.

Прошеніе было такое странное, что даже тайная канцелярія подобныхъ не читывала.

Вотъ его содержаніе:

«Въ прошломъ 1748 году, по грѣхамъ моимъ, божіемъ попущеніемъ, по Пасцѣ, въ недѣлю св. апостола Ѳомы, со вторника на среду, ниже имѣя я какова въ себѣ пьянства, въ ночи съ вечера мало забывшись, сдѣлался не малой шумъ, страшные разговоры въ обоихъ горницахъ, живучи тогда мнѣ въ домѣ у с.-петербургскаго купца Ивана Овчинникова, въ Большой Никольской улицѣ, и испужася весьма, и отъ того часа учинился безъ ума, отъ чего прикоснулось множественное число демоновъ и дьяволовъ и притомъ съ ними древній треклятый змій Сатана персонально, на подобіе какъ въ церкви Воскресенія Христова, что въ кадетскомъ корпусѣ подъ архангеломъ Михаиломъ (ниже имѣю я за собою какого еретичества, такожъ и ни о какихъ непотребныхъ книгахъ не слыхивалъ), и мучать всяко.

«И но не маломъ времени вселися въ меня духъ ихъ, и такое веселеніе бываетъ, что иногда и дохнуть невозможно, и отъ того

какъ въ головѣ, въ грудяхъ, на сердцѣ, животѣ, въ бокахъ, въ лицѣ и на лицѣ, въ ушахъ и за спиною, такожъ и передо мною и за мною, и во всемъ, да и кромѣ гдѣ ни бываю, при людяхъ, демоны говорятъ всякую непотребность, и при всякомъ дѣлѣ день и нощь не даютъ покоя, и навыкши говорятъ персонально моимъ и разными голосами, не токмо у меня, но и у людей, и не даютъ мнѣ слова молвить, но впредь говорятъ и ниже на людей и ни на что взглянуть ни даютъ, а ниже въ церкви и нигдѣ покоя не имѣю, и напущаютъ дрожь, колотье необычное, и всякую скорбь съ насмѣшествомъ всякимъ и подъ видомъ лукавствія, и уже изнемогше, меня какъ сами и сильно разиня ротъ мой, со всѣми лаютъ на Бога, архангелъ и ангелъ и святыхъ его ругаютъ всяко неподобно, и на ея императорское величество, чего ни отъ начала свѣта не слыхано, и что налаютъ, такожъ и что надъ людьми гдѣ дѣлается, иногда же и людей пужаютъ, говорятъ на меня, яко бы я велю, чего ни мало слышать не хотѣлъ, и на носящій на мнѣ крестъ плюютъ персонально, и съ меня срываютъ, и колютъ глаза, и бьютъ всяко, и уже въ себѣ ни малой власти не имѣю, на что уже, видя меня погибающа, надъ спящимъ мною и Ангелъ Господень яко человѣкъ плакалъ неутѣшно, и гдѣ сижу бываетъ, за мною отъ боренія ихъ, уповаю что со архангеломъ Божіимъ, немалая зыбь землѣ и трясеніе персонально, и тѣ треклятыя бубны обращаются въ святые ангелы и поютъ аминь и аллилуя и стихи божественные, яко же и люди, и ниже отъ пѣтуховъ пѣтья и отъ ладону выходу изъ горницы имѣютъ, но и въ святую церковь входятъ и какъ видно приведеніе ихъ въ первое достоинство, и притомъ называютъ Антихристомъ, и хотятъ больныхъ исцѣлять и мертвыхъ воскрешать мною и на имя мое, чего чрезъ ихъ во мнѣ насильство опасаюсь тому и вправду быти, понеже уже всяко притворяютъ и дѣлаютъ, пахнетъ и ладономъ, и называютъ же святымъ, чего ни мало къ святости не слѣдуетъ; и искалъ себя всяко умертвить, такожъ и объ ономъ о всемъ донести, но токмо насиліемъ ихъ не допущенъ; сверхъ же того имѣю мать мнѣ родную, вѣнчанную первую жену и родныхъ пятерыхъ человѣкъ живыхъ дѣтей, которыя лѣтами: дочери 15, сыну 12, дочери 9, сыну 4; дочь же по второму году, изъ которыхъ дочь и сынъ божественному чтенію

и писать научены, дочь же часословъ доучиваетъ; но всегда желалъ и желаю божественному ученію, но по насильству вышеписанныхъ треклятыхъ бубновъ или сатанинскихъ денщиковъ, тѣхъ моихъ, какъ жену, такъ и дѣтей бьютъ, разъярясь изъ-за меня персонально мнѣ, иногда и до крови, а имъ не видно, къ тому же и наиболѣе происходитъ насиліе и мученіе.

«И дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое доношеніе въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ принять и для Пресвятыя Троицы и Пресвятыя Казанскія Богоматери, архангелъ и всѣхъ святыхъ, отъ вышеописанной погибели меня помиловать и отъ насильствъ и страстей душу мою свободить, а скверное мое тѣло, яко невольное, хотя либо какъ и мертво будетъ, но по страсти цѣла не пустить, но анатомить и въ пепелъ сварить... Но къ тому уже болѣе прошу отъ меня не требовать, понеже суще не самъ говорю; а отецъ мой былъ христіянинъ и человѣкъ безграмотный, который служилъ при прежнихъ государяхъ истопникомъ, Михайло Степановъ сынъ Корольковъ, которой въ Москвѣ волею божіею умре и погребенъ, а я оставленъ въ малыхъ лѣтахъ и обученъ читать и писать матерью своею, которою и опредѣленъ къ дѣламъ въ ревизіонъ-коллегію въ 1735 году.

«Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ доношеніи милостивое рѣшеніе учинить. Августа дня 1755 г. Къ поданію надлежитъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

«Доношеніе писалъ я, Григорій Корольковъ, и руку приложилъ».

Вѣдь это ужасное состояніе! Этотъ уже не лгалъ, и не выдумывалъ: само прошеніе говоритъ за себя. Вѣроятно жестоки были нравственныя и физическія страданія человѣка, когда самъ проситъ анатомировать себя живого или мертваго и тѣло превратить въ пепелъ.

На прошеніи имѣется помѣтка: «Подано августа 24-го дня 1755 года. Записать въ книгу, а подателя отдать подъ особливый караулъ и доложить».

Что было дальше съ несчастнымъ – неизвѣстно; неужели и его

пытали? — Вѣроятно: это было въ порядкѣ вещей—это былъ за конъ...

О дальнѣйшей судьбѣ страдальца въ дѣлѣ есть только одинъ слѣдъ—это рапортъ дежурнаго по караулу подпоручика князя Ивана Трубецкого — о томъ, что «*колодникъ* Григорій Корольковъ, сего сентября 29-го дня 1755 года, пополудни въ 11-мъ часу скоропостижно волею Божіею умре».

X.

Лгунъ себѣ-на-умѣ.

16-го іюня 1759 года, Алаторской провинціи, дворцоваго села Новотроицкаго, Ардатово тожъ, слѣпой крестьянинъ Василій Думновъ, явившись къ управляющему, объявилъ за собою «великое и тайное слово Божіе и государево».

Василія тотчасъ же отправили въ Москву, въ тайную контору. Съ привезеннаго стали снимать допросъ.

«Отъ роду мнѣ лѣтъ съ тридцать, а ослѣпъ я будучи четырехъ лѣтъ. Въ прошломъ 1758 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, на день праздника Иліи пророка, въ ночи, въ бытность мою въ селѣ Новотроицкомъ, пошелъ я въ церковь Николая чудотворца и стоя на паперти, молился Богу долгое время одинъ, и во время того моленья былъ мнѣ изъ той церкви яко бы человѣческій гласъ: «человѣче! подвизайся въ крѣпости твоей ко Господу, велій гнѣвъ Божій изліянъ на землю вашу за многое прегрѣшеніе человѣческое, многіе человѣцы имутъ кровію пострадати и въ тѣхъ своихъ страданіяхъ вѣнцы отъ Господа мученически примутъ; но да сохранитъ Господь грады ваши, избранные ради рабы его Божіей и за благое и избранное дѣло». И я, устрашась того гласа, отъ той церкви пошелъ въ свой домъ и, пришедъ, въ домѣ своемъ тою же ночью, и послѣ того приходя къ той церкви неоднократно молился и просилъ у Господа Бога, чтобъ явилъ мнѣ Господь такую рабу Божію и благое избранное ею дѣло, токмо

такого гласу съ того времени не было. И какъ въ томъ же 758 году, на день праздника Успенія Пресвятыя Богородицы, въ ночи, пришелъ я для моленія къ той же церкви и, стоя на паперти, молился Богу одинъ и молилъ, просилъ же у Господа Бога, чтобъ мнѣ Господь показалъ рабу Божію и благое избранное ею дѣло. И тогда былъ мнѣ изъ той же церкви яко человѣческій гласъ, говоренный тако: «человѣче, услыша Господь Богъ труды твои и молитвы. Послушай гласа Божія: раба Божія избранная Богомъ, царствуетъ надъ вами (ну, конечно — кому же больше быть!); благое избранное ею дѣло—многія души она въ державѣ своей приведе ко Господу, крестила ихъ святымъ крещеніемъ, сотворивша ихъ познати единаго истиннаго Бога, сотворившаго небо и землю, и еще она въ державѣ своей имать много таковыхъ не крестившихся и не знающихъ истиннаго Бога привесть; подобаетъ бо и тѣмъ тако пріяти св. крещеніе и познати единаго Бога, и за сіе благое и избранное дѣло покоритъ ей Господь Богъ вся враги, мыслящіи на ню злая, уподобитъ ее Господь Богъ избранному Владиміру, пріявша святое крещеніе нареченному Василію, той многія души приведе ко Господу. И ты, человѣче, пойди до рабы Божіей, избранной Богомъ надъ вами царствовать, повѣдай предъ ней реченная гласомъ Божіимъ, и не убойся! Богу тако извольшу!»

Каковъ слѣпой ораторъ! И какъ долго гласъ разговаривалъ съ нимъ и все коверканнымъ церковно-славянскимъ языкомъ...

— Только я—закончилъ свое показаніе лгунъ себѣ-на-умѣ—о томъ (т. е. о томъ, что онъ сочинилъ) никогда нигдѣ никому не разглашалъ и самъ я о томъ показывать ни для чего не вымышлялъ (конечно!) и никто меня объ ономъ показывать не научалъ и согласія въ томъ ни съ кѣмъ я не имѣлъ.

Но тайная контора не повѣрила «гласамъ». Она вывела на справку уже приведенные нами выше вопросные пункты или докладные пункты синода, на которыхъ, противъ пункта 10-го, Петръ I, вообще не вѣрившій «гласамъ», видѣніямъ и чудесамъ, собственноручно написалъ, что тому, кто будетъ распускать слухи о чудесахъ и видѣніяхъ, слѣдуетъ назначать — «наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей».

Но лгунъ себѣ-на-умѣ зналъ, что онъ дѣлаетъ: онъ все это продѣлывалъ яко бы во славу императрицы, въ томъ убѣжденіи, что за лесть, какъ бы она груба и нахальна ни была, ноздрей не вырѣзываютъ.

Тайная контора, въ виду этой лести, такъ разсудила:

«Хотя вышеописанный Думновъ яко бы о бывшемъ ему нѣкоторомъ гласѣ и показываетъ, но того за справедливость почесть не можно, а по обстоятельству дѣла видно, что онъ показываетъ вымыслъ отъ себя ложно, желая только получить себѣ какое-либо награжденіе, или ради одной суетной своей славы, и хотя же оному Думнову за то его вымышленное показаніе, по силѣ именнаго блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти его императорскаго величества Петра Великаго на докладные отъ святѣйшаго правительствующаго синода пункты указа, наказанье кнутомъ и ссылку учинить бы и надлежало, но понеже въ томъ его показаніи высочайшей ея императорскаго величества персонѣ и чести никакого оскорбленія не имѣется, къ тому же и глазами ничего онъ не видитъ и за тѣмъ никакой каторжной работы понести не можетъ, и того ради, а паче для многолѣтняго ея императорскаго величества и высочайшей ея императорскаго величества фамиліи здравія, разсуждается: отъ того наказанія и ссылки учинить его свободна, а дабы впредь такихъ ложно вымышленныхъ и притворныхъ показаній, а паче и въ народѣ разглашенія происходить отъ него не могло, разсуждается — по сношенію изъ тайной конторы святѣйшаго правительствующаго синода съ конторою, къ неисходному до кончины живота его пребыванію послать его безъ наказанія въ монастырь, въ каковой та синодская контора заблагоразсудитъ, и въ томъ монастырѣ велѣть содержать его до кончины живота его неисходна, а пищу давать ему противъ обрѣтающихся въ томъ монастырѣ работныхъ людей».

Такимъ образомъ, лгунъ себѣ-на-умѣ нашелъ и пріютъ, и обезпеченное содержаніе; между тѣмъ какъ слѣпого же монаха Михея, проповѣдывавшаго о взятіи Константинополя, и многократно пытали, и били кнутомъ нещадно, и все-таки сослали. А все потому, что Михей не въ тотъ огородъ кидалъ льстивые камушки, куда слѣдовало.

XI.

Пророкъ спьяна.

15-го мая 1792 года, во дворецъ великаго князя Павла Петровича пришелъ тверской мѣщанинъ Гаврило Калининъ и просилъ, чтобъ его допустили къ его высочеству.

Вмѣсто того, чтобъ представить Калинина великому князю, оберъ-полиціймейстеръ Рылѣевъ велѣлъ свести его на гауптвахту, а потомъ доставилъ въ тайную канцелярію, гдѣ уже вмѣсто Андрея Ивановича Ушакова исповѣдывалъ всякихъ пророковъ не менѣе любезный Степанъ Ивановичъ Шешковскій.

Шешковскій спросилъ Калинина о причинахъ, побудившихъ его искать великаго князя.

— Въ Твери приснилось мнѣ во снѣ,—показывалъ Калининъ,— что пришелъ ко мнѣ старикъ и говоритъ: ходи въ монастырь къ Арсенію Божію угоднику, и ты будешь въ жизни доволенъ. Почему я недѣль съ шесть въ церковь и ходилъ. Послѣ того взяли меня на съѣзжую, а изъ оной отослали въ смирительный домъ, гдѣ я пробылъ недѣли съ двѣ. А какъ оттуда меня освободили, и я, пришелъ домой, легъ спать, то надо мною вдругъ возсіяла свѣча, и услышалъ я гласъ такой: «ступай къ великому князю». Однако-жь послѣ думалъ—куда бы мнѣ идти? — и пошелъ, то и на дорогѣ тотъ гласъ твердилъ: «ступай къ великому князю, и что онъ тебѣ прикажетъ, то и дѣлай, а притомъ скажи и сіи слова: какъ вы, батюшка, поминаете—за упокой или за здравіе? Ежели за упокой — то за упокой пожалуйте меня, а ежели за здравіе — то за здравіе пожалуйте меня. Когда же ты сіи слова выговоришь, то съ тобою опредѣленіе будетъ». И я по сему гласу пришелъ во дворецъ и намѣренъ былъ его высочеству сказать, и буде бы его высочество мнѣ приказалъ идти въ солдаты, то-бъ я и пошелъ въ солдаты, ибо я и въ Твери просился, чтобъ меня отдать въ солдаты. И потомъ были мнѣ разныя привидѣнія, и сдѣлалась около меня тьма, и во тьмѣ былъ гласъ: «брось деньги»—коихъ у меня было полтора рубля, почему я ихъ и бро-

силъ, послѣ чего сдѣлался свѣтъ и какъ бы свѣча предо мною возсіяла».

Ясно, что человѣкъ допился до чортиковъ и ему стали слышаться всякіе «гласы» и свѣчи передъ нимъ возсіяли.

Но Шешковскій навелъ справки о любопытномъ субъектѣ, писалъ объ немъ въ Тверь, и получилъ оттуда отъ Архарова свѣдѣнія, какія и можно было ожидать.

Архаровъ писалъ, что этотъ Калининъ въ Твери все «пьянствовалъ и въ пьянствѣ дрался съ женою, а посему и взятъ былъ подъ стражу и посаженъ былъ для вытрезвленія въ городовую больницу, и послѣ сего выпущенъ».

Вотъ тутъ-то и напало на него пророчество.

«Впрочемъ, прибавилъ Архаровъ:—онъ жизни порядочной, но только клеплетъ на себя, что онъ умѣетъ садовому ремеслу, ибо хотя и нанятъ былъ однимъ дворяниномъ въ садовники, но, будучи у него, всѣ деревья испортилъ».

На основаніи всего этого въ тайной канцеляріи опредѣлено было: «Оной Калининъ за дерзкой во дворецъ приходъ и что онъ лгалъ о бывшемъ яко бы ему голосѣ — достоинъ наказанія; но какъ изъ исторіи его видно, что онъ испиваетъ довольно, а отъ сего, можетъ быть, сдѣлалось ему такое пустое воображеніе, а къ тому же онъ содержится подъ стражею здѣсь, гдѣ уже по многимъ спросамъ говоритъ, что никакого гласа и явленій нѣтъ, слѣдовательно показанные гласы были ему по причинѣ пьянства его, и сего ради, вмѣня ему въ наказаніе содержаніе подъ стражею, отъ онаго избавить, а чтобъ здѣсь онъ не шатался, то отослать его къ генералу-поручику Архарову съ тѣмъ, чтобъ впредь его изъ Тверской губерніи не отпускать, а также приказать, кому должно, и отъ пьянства его удерживать».

Этотъ отдѣлался счастливѣе всѣхъ, и конечно по тому, что это было при Екатеринѣ, которая въ принципѣ пытки не оправдывала, хотя на дѣлѣ «пристрастіе» при допросахъ практиковалось еще очень долго даже въ нашемъ столѣтіи.

Изъ всѣхъ этихъ бѣглыхъ очерковъ можно видѣть, до какой степени въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, упалъ кредитъ во всякія чудеса, курсъ которыхъ стоялъ очень высоко въ до-Петровской Руси, и какъ долго, однако, держались въ народѣ грубѣйшія суевѣрія, посѣянныя за тысячу лѣтъ назадъ и доселѣ еще не исчезнувшія.

1882.

Вѣчевой колоколъ.

Въ ряду историческихъ именъ и историческихъ реликвій, которыя оставила потомству исторія Русской земли, на долю двухъ изъ нихъ, далеко не крупныхъ, какъ имени, такъ и реликвіи безспорно, выпала довольно крупная извѣстность.

Кто не знаетъ того имени и той реликвіи, которыя я разумѣю?—Имя это — Мароа Борецкая, вдова одного изъ бывшихъ новгородскихъ посадниковъ, извѣстная болѣе подъ именемъ *Мароы-посадницы*, а реликвія—*вѣчевой колоколъ*.

Какія же были особенныя причины, вслѣдствіе которыхъ на этихъ двухъ, далеко не крупныхъ, историческихъ величинахъ отразилось, почти одинаково и нераздѣльно, историческое безсмертіе? Почему эти величины такъ ярко врѣзались въ общую нашу память?

Событія, съ которыми связаны эти историческія величины, принадлежатъ къ XV-му столѣтію, очень отдаленному отъ насъ и далеко не яркому въ исторіи Русской земли. Все это столѣтіе было довольно безцвѣтное, безъ историческихъ рельефовъ, за которые легко зацѣпляется человѣческая память и несетъ ихъ съ собою къ безсмертію; XIV-е столѣтіе дало намъ болѣе выдающіеся историческіе рельефы; XVI-е тоже, и даже очень яркіе. Въ XIV-мъ столѣтіи ярко выступаютъ такія историческія событія, какъ Куликовская битва, нашествіе Тохтамыша, Тамерлана. Въ XVI-мъ столѣтіи рельефно выдѣляются на общемъ фонѣ исторіи Русской земли: покореніе Астраханскаго царства, взятіе Казани—этихъ послѣднихъ свидѣтелей господства надъ Русскою землею татар-

скаго ига, появленіе на Русской землѣ типографскаго станка, легендарное покореніе Сибирскаго царства такими же легендарными историческими дѣятелями (Ермакъ, Кольцо).

Ничего подобнаго, повидимому, не представляетъ XV-й вѣкъ, столь громкій въ исторіи всего міра (мученичество Гуса, сожженіе Іоанны д'Аркъ, начало печатнаго дѣла, открытіе Америки, морской путь Васко-де-Гамы; а сколько яркихъ именъ!). Въ исторіи Русской земли этотъ вѣкъ—полная безцвѣтность.

Но изъ этой безцвѣтности ярко выступаетъ одно только событіе—покореніе Новгорода, и въ фокусѣ этого событія стоятъ, какъ яркія точки, тѣ двѣ историческія величины, которыя я назвалъ выше. Едва-ли кто станетъ оспаривать, что эти двѣ, сравнительно мелкія, даже ничтожныя, величины въ воображеніи нашемъ заслоняютъ собою такую, безспорно, очень крупную въ исторіи Русской земли величину, какъ московскій великій князь Иванъ Васильевичъ III, покоритель Новгорода, выдвинувшій на высоту историческаго безсмертія и эту самую *Марѳу*, и этотъ ничтожный *колоколъ*, который бы нынѣ казался жалкимъ въ любомъ русскомъ селѣ.

Но все же для насъ до сихъ поръ остается неясною причина этой яркости. Въ чемъ она? Она въ нашемъ воображеніи, въ нашихъ историческихъ рефлексахъ. Но почему воображеніе наше не останавливается надъ покореніемъ Пскова? Вѣдь судьба его была не менѣе трагична, какъ и судьба Господина Великаго Новгорода. Развѣ не глубоко-трогателенъ этотъ плачъ лѣтописца о гибели своего города?—«О славнѣйшій граде Пскове Великій! Почто убо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ когтей и взятъ отъ мене три кедра Ливанова—и красоту мою, и богачество, и чада моя восхити. Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища конемымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ пору-

гавіе даша. А иные во градѣ мнози постригахуся въ черныцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады» (Псков. лѣт. I, 287).

И, между тѣмъ, этотъ трагическій моментъ остается въ туманѣ, а такой же моментъ въ жизни Новгорода влечетъ къ себѣ и наше воображеніе, и наши симпатіи.

Почему именно надъ послѣднимъ останавливается воображеніе художника, и карандашъ его рисуетъ эту сѣдую *Марѳу*, жалкую старуху, и этотъ жалкій *колоколъ*, везомый на дровняхъ? Почему кисть художника не воспроизводитъ суроваго образа самого тріумфатора, въ побѣдномъ шествіи котораго, въ хвостѣ этого торжественнаго шествія, волокли и эту сѣдую старуху, и этотъ опальный колоколъ, превращенный въ позорное сидѣнье московскаго возницы?

Я не ошибусь, мнѣ кажется, если позволю себѣ утверждать, что въ ранней юности всѣ мы плакали и надъ участью этой бѣдной старухи и этого опозореннаго колокола, а если не плакали, то глубоко сочувствовали, всетаки, имъ.

Кто въ свое время не читалъ «Марѳы-посадницы» Карамзина?—Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, источникъ популярности и несчастной посадницы, и колокола—«вѣчнаго колокола», какъ его называетъ лѣтописецъ.

Безспорно, въ обширныхъ монументальныхъ познаніяхъ въ исторіи Русской земли и ея исторически-бытового колорита никто не посмѣетъ отказать Карамзину. Кто вынесъ изъ мрака архивовъ на свѣтъ Божій все наше историческое прошлое, кто десятки лѣтъ имѣлъ своими собесѣдниками вылинявшіе отъ времени листы лѣтописей и архивные свитки, тотъ не могъ не проникнуться духомъ той отдаленной жизни и не впитать въ себя ея живую, для насъ мертвую, рѣчь.

И, между тѣмъ, онъ заставляетъ Марѳу-посадницу говорить такое ораторское слово.

«Скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и *вѣчевый колоколъ*, древній гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой и на всегда умолкнетъ!.. Тогда, тогда мы позавидуемъ счастію народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь

будетъ являться намъ, подобно мертвецу блѣдному, и терзать сердце ваше безполезнымъ раскаяніемъ!.. Но знай, о Новгородъ! что съ утратою вольности изсохнетъ и самый источникъ твоего богатства, она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы: она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окриляетъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдіе отцовъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ Великій, опустѣютъ многолюдные *концы* твои; широкія улицы зарастутъ травою, и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ»!..

Въ другомъ мѣстѣ, во время похоронъ новгородцевъ, павшихъ въ Шелонской битвѣ, Карамзинъ влагаетъ въ уста Мароы-посадницы такую витіеватую рѣчь:

«Честь и слава храбрымъ! стыдъ и поношеніе робкимъ! Здѣсь лежатъ знаменитые витязи; совершились ихъ подвиги; они успокоились въ могилѣ и ничѣмъ уже не должны отечеству, но отечество должно имъ вѣчною благодарностью. О воины новгородскіе! кто изъ васъ не позавидуетъ сему жребію? Храбрые и малодушные умираютъ; блаженъ, о комъ жалѣютъ вѣрные сограждане и чьею смертію они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя Михаилова: согбенный лѣтами и болѣзнями, безчадный при концѣ жизни, онъ благодаритъ небо, ибо Новгородъ погребаетъ великаго сына его. Взгляните на сію вдовицу юную: брачное пѣніе соединилось для нея съ гимнами смерти; но она тверда и великодушна, ибо ея супругъ умеръ за отечество... Народъ! естьли Всевышнему угодно сохранить бытіе твое; естьли грозная туча разсѣется надъ нами и солнце озаритъ еще торжество свободы въ Новгородѣ, то сіе мѣсто да будетъ для тебя священно! Жены знаменитыя да украшаютъ его цвѣтами, какъ я теперь украшаю ими могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ моихъ... (Мароа разсыпаетъ цвѣты)... и

витязя храбраго, нѣкогда врага Борецкихъ; но тѣнь его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и юноши да славятъ здѣсь кончину героевъ и да клянутъ память измѣнника Димитрія»!..

Какъ ни сентиментально все это и какъ ни фальшиво, въ смыслѣ колорита времени, въ которое совершалось описываемое, однако, быть можетъ, вслѣдствіе этого именно, и рѣчи Марѳы-посадницы, отдающія романтизмомъ, и трагическая судьба вѣчевого колокола неизгладимо врѣзывались въ душу юныхъ читателей и оттого Марѳа-посадница и вѣчевой колоколъ сдѣлались, можно сказать, достояніемъ общественныхъ симпатій болѣе, быть можетъ, чѣмъ историческія событія и лица гораздо высшаго разряда.

Я считаю лишнимъ вызывать въ памяти читателя всѣ перипетіи трагической борьбы Новгорода за свою автономію. Я напомню только исходъ этой борьбы.

Конечная цѣль желаній великаго князя Ивана Васильевича III, «собирателя Русской земли», была—уничтоженіе послѣднихъ остатковъ мѣстныхъ автономій, которыя въ то время держались еще въ Новгородѣ и Псковѣ. И онъ ловко повелъ это дѣло. Воспользовавшись личной враждой двухъ знатныхъ новгородцевъ, Захара Овинова и подвойскаго Назара, пріѣзжавшихъ въ Москву судиться, Иванъ Васильевичъ показалъ видъ, что считаетъ ихъ послами отъ всего Новгорода. Новгородъ протестовалъ. Тогда великій князь выслалъ противъ него войско, но, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ насиліи, въ нарушеніи вѣковѣчныхъ правъ могущественной республики,—онъ ловко вынудилъ у Новгорода то, чего хотѣлъ.

Думая, что повинная отвлечетъ отъ нихъ грозу, новгородцы вину Назара и Захара перенесли на весь Новгородъ.

— Мы винимся въ томъ,—говорили новгородскіе послы съ владыкою Ѳеофиломъ во главѣ:—что посылали Назара да Захара.

— А коли вы, владыка и вся отчина моя Великій Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались,—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ:—и сами на себя теперь свидѣтельствуете, и спрашиваете: какого *государства* мы хотимъ, то мы хотимъ такого

государства въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ.

Ни о какомъ *государствѣ* новгородцы не спрашивали!

Вѣче посылаетъ новое посольство — умилостивить великаго князя усиленной данью. Но Ивану Васильевичу не того нужно: дань отъ него не уйдетъ. А ему нужно, чтобъ новгородцы назвали его *государемъ* своимъ, вмѣсто *господина*, какъ они титуловали его доселѣ.

— Я сказалъ вамъ,—повторилъ онъ новому посольству,—что хотимъ такого государства, какое въ нашей низовской землѣ—на Москвѣ.

Новгородцы все еще не хотѣли понять, чего отъ нихъ требуютъ. Тогда Иванъ Васильевичъ заговорилъ уже прямо:

— Вы мнѣ бьете челомъ, чтобъ я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ (т. е. въ Новгородѣ). Такъ знайте!—наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новѣгородѣ не быть, посаднику—не быть! и земли, что за вами, — отдать намъ, чтобы все это наше было.

Тогда въ Новгородѣ раздался послѣдній крикъ отчаянія.

— Идемъ биться! Умремъ за святую Софью!

Но было ужъ поздно. Истомленный голодомъ и осадою, Новгородъ сдался. 15-го января 1478 года, новгородцы присягали великому князю, а скоро начались аресты болѣе видныхъ представителей новгородскаго общества. Всѣ они въ оковахъ отвозились въ Москву.

Вѣчевой колоколъ былъ снятъ съ вѣчевой башни, а скоро взята была и Мареа-посадница.

Что особенно поражаетъ въ этомъ событіи, это — необыкновенно суровый тонъ, съ которымъ современники-москвичи относились къ Новгороду и къ его безсильнымъ попыткамъ удержать хотя слабую тѣнь прежней автономіи. Читая Новгородскія и Софійскія лѣтописи, замѣнявшія тогда собою общественное мнѣніе и печать, тогда еще не существовавшую,—лѣтописи, страницы которыхъ такъ и пестрятъ безпощаднымъ обвиненіемъ новгородцевъ въ «измѣнѣ», въ «латынствѣ», въ «безбожіи»,—не вѣришь, чтобъ это писали благочестивые иноки, и невольно удивляешься—

зачѣмъ эти желчныя филиппики названы «Новгородскими» и «Софійскими» лѣтописями. По всему тону видно, что перомъ лѣтописца водили и московская рука, и московское сердце. Кое-гдѣ только въ московскій текстъ лѣтописей какъ бы нечаянно попадали робкія вставки изъ лѣтописей, дѣйствительно писанныхъ въ Новгородѣ, и писанныхъ не желчью, подобно московскимъ, а слезами. Въ одномъ мѣстѣ Софійской I-й лѣтописи эти слезы какъ бы невольно вылились изъ глазъ новгородца и только по недосмотру московскаго лѣтописца оставлены не стертыми: «И поѣха (великій князь) прочь, и поималъ новгородскихъ бояръ съ собою, и Мареу Исакову (это—Мареу-посадницу) со внукомъ ея повелъ на Москву, и плѣни Новгородскую землю... *а иное бы что писалъ, и не имью что писати отъ многія жалобы*» (Софійск. I, 19).

Безсмертный Карамзинъ, изучая лѣтописи для своего безсмертнаго труда, чутьемъ художника угадалъ, на чьей сторонѣ правда,—и потому всѣ свои симпатіи отдалъ Новгороду въ своей тоже безсмертной повѣсти—«Мареа-посадница».

Въ сущности, въ чемъ же тогда обвиняли москвичи Новгородъ вообще и Мареу Борецкую въ частности? Если мы переведемъ лѣтописный языкъ на современный, то окажется, что Москва обвиняла тогда Новгородъ въ томъ, въ чемъ теперь обвиняетъ она Кіевъ—въ сепаратизмѣ. Но если это и было въ дѣйствительности, то безпристрастіе обязываетъ утверждать, что Новгородъ вынужденъ былъ къ этому именно Москвою, и притомъ съ нескрываемымъ, хотя и замаскированнымъ ею, умысломъ. Что московскія обвиненія были неискренни, это гораздо раньше Карамзина было высказано людьми, почти современниками событій, о которыхъ идетъ рѣчь,—людьми, для которыхъ не было никакого разсчета ни льстить Новгороду, давно уже переставшему существовать политически, ни клеветать на Москву и на ея народъ, съ которымъ они лично и обстоятельно ознакомились. Въ этомъ случаѣ свидѣтельство Герберштейна получаетъ значеніе исторической важности крупнаго размѣра. Онъ говоритъ: «Novagardia gentem quoque humanissimam ac honestam habebat; sed quae nunc, procul dubio peste moscovitica, quam eo commeantes mosci secum invexerunt, corruptissima est». «Московская за-

раза, которую москвичи внесли въ Новгородскую землю, превратила этотъ гуманнѣйшій и честнѣйшій народъ въ самый развращенный»,—это очень сильно сказано.

Повторяю,—какъ ни много трагизма въ исторіи послѣднихъ лѣтъ существованія вѣчевого Новгорода, однако эти трагическіе годы, безъ сомнѣнія, остались бы одною темною, безцвѣтною страницею въ исторіи собиранія Русской земли, если бы не художественный геній Карамзина.

Въ самомъ дѣлѣ, что намъ даютъ лѣтописи объ этихъ годахъ агоніи одной изъ блестящихъ республикъ славянскаго сѣвера?—Очень немного, особенно мѣстныя лѣтописи. Въ нихъ сама Мароа Борецкая является личностью совершенно безцвѣтною. Объ ней какъ будто боятся говорить, или же, если не боятся, то мало говорятъ, потому что считали излишнимъ говорить о личности, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстной. Такъ о самомъ плѣненіи знаменитой новгородской гражданки лѣтописцы говорятъ какъ бы вскользь. Одинъ: ...«и Мароу Исакову со внукомъ ея повелъ (великій князь) на Москву». Это говоритъ I-я Софійская лѣтопись. Лѣтописецъ II-й Софійской обмолвился немногимъ больше: «Того же дни (2-го февраля), въ понедѣльникъ, въ Новѣгородѣ князь великій велѣлъ поимати боярыню новугородскую Мароу Исакову» (II Соф., 220). Точно опредѣленъ былъ только день ареста Борецкой—понедѣльникъ; истинно тяжелъ былъ этотъ понедѣльникъ для Мароы.

За то московскій обличитель не пожалѣлъ красокъ, чтобъ очернить несчастную женщину, въ борьбѣ за священныя права родины потерявшую двухъ взрослыхъ сыновей-героевъ и оставшуюся съ однимъ только внучкомъ. Онъ относитъ къ ея лицу самые бранные эпитеты: по его словамъ, это была бѣсъ-баба, которая будто бы вертѣла всѣмъ Новгородомъ, ему на пагубу, а бѣсу (вѣроятно московскому) на утѣху, которая будто бы склоняла всѣхъ къ латинству, мало того—хотѣла выйдти замужъ—старуха-то!—за князя Михаила Олельковича, чтобы княжить въ Новгородѣ и въ Кіевѣ разомъ, такъ какъ послѣ смерти кіевскаго князя Симеона Олельковича кіевскій престолъ доставался брату его Михаилу.

Слѣдовательно, лѣтописи даютъ вамъ только отрицательную,

или, скорѣе, порицательную оцѣнку знаменитой русской женщины. И, не смотря на всѣ филиппики московскаго Демосѳена, личность Марѳы перешла въ память потомства самою симпатичною; даже больше—она одна скрасила собою непригядныя страницы исторіи XV-го вѣка Русской земли.

О вѣчевомъ колоколѣ лѣтописцы также говорятъ немного, но въ этомъ немногомъ такъ было много трогательнаго.

...«и велѣ (великій князь),—говоритъ одинъ лѣтописецъ,—колоколъ вѣчный спустити и вѣче раззорити»... (Соф. I, 33).

...«не быти въ Новѣгородѣ,—говоритъ другой лѣтописецъ,—ни посадникомъ, ни тысецкимъ, ни вѣчю, и вѣчной колоколъ сняли доловь и на Москву свезоша»... (Соф., I, 19).

Но особенно трогательно упоминапіе о дальнѣйшей участи этой святыни Господина Великаго Новгорода:

...«и привезенъ бысть (это—колоколъ) на Мостachву, и вознесоша его на колокольницу, на площади, съ прочими колоколы звонити»...

«Съ прочими колоколы!»—Да вѣдь такихъ «прочихъ колоколовъ» много было и въ Новгородѣ; но ихъ не взяли и не съ ними повѣсили звонить вѣчевой колоколъ, а съ московскими. Вотъ надъ чѣмъ кровью обливается новгородское сердце, и за слезами лѣтописецъ писать не можетъ—«отъ многія жалобы».

Надѣюсь, что теперь болѣе доказательною становится мысль, высказанная мною выше,—мысль, что упроченію въ нашей общественной памяти историческихъ событій и лицъ очень помогаетъ не одна исторія, но и ея «незаконное дитя»—историческій романъ.

Даровитѣйшій изъ русскихъ историковъ Карамзинъ блистательно доказалъ это своею «Марѳою-посадницею» и неразлучнымъ съ ея именемъ вѣчевымъ колоколомъ. Оно и неудивительно: «незаконное дитя исторіи» есть дитя любви прекрасной Кліо.

1886.

[redacted]

Удачная попытка.

Сербські народні думи і пісні. **Переложив М. Старицкій. Чиста виручка на користь братів—славьян. Киів. 1867 божого року.**

Знакомство съ славянскимъ міромъ, по весьма понятнымъ причинамъ, становится нравственною потребностью русскаго общества. Цѣлыя тысячелѣтія надъ великимъ славянскимъ племенемъ тяготѣло нравственное и политическое разобщеніе; только въ иные историческіе моменты славянскія народности, иногда въ лицѣ интеллигентныхъ своихъ представителей, иногда въ лицѣ самыхъ массъ этого племени, сознавали свою расовую и духовную близость, и сознаніе это проявлялось или какъ единичное, болѣе или менѣе глубокое уразумѣніе, или же какъ ощущеніе инстинктивное, болѣе или менѣе цѣльное, широкое, массивное; но никогда кровная и духовная родственность не говорила въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ славянскаго племени такъ сильно и громко, никогда славянскій пульсъ не бился такъ осязательно въ тактъ біенію пульса въ отдѣльныхъ частяхъ племени, какъ въ настоящее время. Явленіе понятное. Въ такіе историческіе моменты, въ моменты такъ сказать стихійнаго расоваго пробужденія, все касающееся отдѣльныхъ частей огромной славянской особи, разрубленной на части, но живучей подобно змѣѣ, и въ каждой отрубленной части пріобрѣтаетъ жизненный интересъ для каждой изъ этихъ отдѣльныхъ частей.

Теперь именно славянскій міръ переживаетъ такой историческій моментъ. Въ немъ сказалась понятная жажда знать себя, свои части, отношенія этихъ частей между собою и все свое цѣлое. И

неудивительно, что такъ много пишется теперь о славянскомъ мірѣ, и неудивительно, что такъ жадно все это читается. Явись въ другое время книга, заглавіе которой выписано нами выше, она по всей вѣроятности нашла бы ограниченный кругъ читателей; на нее, быть можетъ, взглянули бы какъ на литературную попытку посредствомъ перевода сербскихъ народныхъ пѣсенъ на малорусскую рѣчь познакомить малорусское общество съ сербскою народною поэзіей по ея образцамъ—и только. Теперь задача переводчика разширяется, разширяется и аудиторія слушателей, къ которымъ онъ обращается съ своей удачной попыткою огласить, съ помощью южнорусской рѣчи, богатѣйшій въ мірѣ живой народный эпосъ южныхъ славянъ и мѣтко выказать его органическое родство съ вымирающимъ, но такимъ же богатымъ эпосомъ украинскимъ.

«Между всѣми европейскими народностями, говоритъ г. Старицкій въ предисловіи къ своему изданію:—славяне, а между послѣдними сербы и малороссы,—особенно богаты своею народною поэзіею; въ ихъ думахъ и пѣсняхъ отразилось все бурное прошлое этихъ многострадальныхъ народовъ, исполненное трагической борьбы за свободу. Но въ то время какъ малороссы, подъ гнетомъ исторической судьбы и минувшей панщины, стали забывать свои думы, замѣняя ихъ, отчасти и подъ вліяніемъ культуры, лакейскими куплетами *),—сербы съумѣли отстоять въ своей памяти всю дѣвственную прелесть эпической поэзіи и языка; у нихъ даже и до сего дня бьется прежнее богатырское сердце; они и теперь живутъ былой эпической жизнью, заканчивая въ настоящій моментъ послѣдній актъ кровавой, неравной борьбы съ врагомъ-угнетателемъ». Весьма справедливо, замѣчаетъ далѣе г. Старицкій, что украинцы, по своему кровному родству, по своему прошлому, по типу, по многимъ бытовымъ чертамъ, по языку и наконецъ по симпатіямъ чрезвычайно близки къ придунайскимъ славянамъ»; что «это сходство отразилось и въ народной поэзіи», но что «между тѣмъ съ этой поэзіей придунайскихъ братьевъ наше общество знакомо очень

*) Современное народное творчество, какъ оно ни отшатнулось далеко отъ величаваго, эпическаго творчества, едва ли можно называть «лакейскими куплетами»; судя потому, что сдѣлано для ознакомленія съ этими «лакейскими куплетами» г. Шейномъ, они еще ждутъ научной оцѣнки.

мало; на малорусскій же языкъ, самый удобный для передачи эпическаго тона этихъ думъ, до сихъ поръ ничего переведено не было». «Вотъ почему, заявляетъ почтенный переводчикъ:—я возымѣлъ смѣлость взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и познакомить земляковъ своихъ съ сербской народной поэзіею».

Надо отдать честь г. Старицкому—попытка его удалась какъ нельзя болѣе. Будучи давно знакомъ съ сербскою поэзіею, изучая сербскій эпосъ и бытовую поэзію южныхъ славянъ на живой сербской рѣчи, пишущій это глубоко проникнутъ духомъ сербской поэзіи, и теперь, читая переложеніе этого прекраснаго эпоса на малорусскій языкъ, невольно чувствуешь въ одно и то же время сколько прелесть и свѣжесть сербскаго подлинника, какъ запахъ незавядшаго и невыдохшагося полевого цвѣтка, столько же и прелесть малорусской рѣчи и поэзіи въ этой счастливой передачѣ, словно бы все это было свое, родное, словно бы это пѣлъ нашъ родной кобзарь, почтенный Остапъ Root Root Вересай, про битвы казаковъ съ турками, про «братьевъ-невольниковъ», про «дивку Марусю Богуславку». Превосходно передана также знаменитая дума «Косовка-дјевојка», такъ хорошо, что чувствуется вся глубина поэзіи и сербской, и южно-русской народности, совокупно, нераздѣльно. «Косовка-дјевојка», какъ извѣстно, выйдя на побоище, ищетъ между убитыми живыхъ и находитъ одного тяжко раненаго. Обмывъ ему раны и подкрѣпивъ хлѣбомъ и виномъ, дѣвушка говоритъ, что ищетъ по побищу воеводъ Милоша, Касанчича и Топлицу и разсказываетъ, какъ они прощались съ нею, идя въ битву.

Правда, встрѣчаются иногда и не совсѣмъ удачные стихи въ переводѣ г. Старицкаго; но во всякомъ случаѣ изданіе г. Старицкаго не можетъ не вызвать къ себѣ сочувствіе въ русскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что выручка отъ продажи этого изданія предназначается въ пользу тѣхъ же страдающихъ славянъ Вкладъ, сдѣланный г. Старицкимъ въ общеславянскую духовную сокровищницу, пріобрѣтаетъ еще бо̀льшую цѣну въ виду того соображенія, что нравственная, такъ сказать, спѣвка для славянскаго міра давно необходима: ужь мы и такъ слишкомъ много вѣковъ жили розно, думали и чувствовали розно, слишкомъ долго игнорировали другъ друга и потому, въ силу законовъ историческаго возмездія, стали

пассивнымъ ингредіентомъ для болѣе цивилизованнаго и болѣе сплоченнаго тѣла и духа другихъ народностей Европы, а за ними и Азіи. Пусть же ближе знакомятся славянскія народности одна съ другою и сближаются въ нравственно-литературномъ единеніи, въ совмѣстной и дружной умственной работѣ, какъ недавно познакомились и сблизились двѣ славянскія народности, русская и сербская, подъ огнемъ турецкихъ батарей и крестились въ одну національную вѣру въ смѣшанной русско-сербской кровавой купели!

1876.

Русскіе полоняники въ Турціи.

Совершающіяся нынѣ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи событія невольно возвышаютъ въ нашихъ глазахъ интересъ всего, что касается Турціи въ ея настоящемъ и прошедшемъ, конечно по отношенію къ Россіи по преимуществу.

Въ виду этого, я хочу сказать нѣсколько словъ о русскихъ полоняникахъ въ Турціи. Я разумѣю не современныхъ плѣнныхъ, имѣвшихъ несчастіе, подобно Пущину, попасться живыми въ руки турокъ; вѣроятно такихъ несчастныхъ не мало находится теперь въ турецкихъ городахъ, подобно тому какъ немало плѣнныхъ турокъ разсѣяно нынѣ и по русскимъ городамъ, хотя о томъ, чтобы русскіе попадались въ плѣнъ къ туркамъ, въ нашихъ газетахъ почти нѣтъ никакихъ извѣстій. Я буду говорить не объ этихъ плѣнныхъ.

Свойство человѣческой мысли таково, что, въ виду какихъ-либо поражающихъ ее событій въ настоящемъ, она невольно переносится къ однороднымъ или сколько-нибудь подобнымъ событіямъ въ прошедшемъ. Такъ и современныя событія, волнующія югъ, неизбѣжно вызываютъ въ душѣ историческія воспоминанія.

У насъ подъ руками любопытный историческій документъ—«распросныя рѣчи» русскихъ полоняниковъ, возвратившихся, въ 1623—1624 гг., изъ разныхъ земель, и преимущественно изъ Турціи, куда они попали въ неволю въ разное время—иные еще въ концѣ XVI вѣка, когда Шекспиръ создавалъ свои геніальныя тра-

гедіи и драмы *). Русскіе полоняники въ Турціи два съ половиною и три вѣка назадъ—это очень любопытно...

Изъ помянутаго документа видно, что къ родоначальнику царствующаго нынѣ въ Россіи императорскаго дома, патріарху Филарету Никитичу Романову, на его государевъ дворъ, приведены были разные полоняники, нѣсколько сотъ человѣкъ, изъ нихъ не русскіе по вѣрѣ—«для обращенія въ православіе», а природные русскіе—для исправленія вѣры.

Такъ вотъ въ «распросныхъ рѣчахъ» этихъ-то полоняниковъ и находятся любопытныя историческія черты изъ далеко прошедшаго, черты, получающія особенную цѣну при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Всѣ приведенные къ патріарху плѣнники взяты были въ полонъ то ногайскими, крымскими и азовскими татарами, то «литовскими людьми». Полоняники, взятые татарами, большею частью отводились въ Крымъ, въ Кафу—главный невольничій рынокъ того времени, и тамъ продавались въ Турцію. Не смотря на то, что показанія этихъ полоняниковъ очень лаконичны, они такъ живо переносятъ воображеніе въ то далекое, забытое прошлое, что сама собой рисуется невольничья жизнь русскихъ людей въ иноземномъ плѣну, и—что особенно замѣчательно — жизнь эта не представляется такою ужасною, какою ее можно было бы предполагать по всѣмъ вѣроятіямъ и по сложившемуся о ней общему представленію.

Вотъ, напримѣръ, показаніе «можаитина» (жителя города Можайска) Гаврилы Алексѣева Великопольскаго: «Взяли-де его въ полонъ крымскіе татаровя, блаженные памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, на Ливнахъ, на бою, тому 35 лѣтъ, и свели въ Крымъ, а изъ Крыму продали въ Кафу, а изъ Кафы продали въ Царьгородъ, и въ Царѣ-де-городѣ посадили на катаргу, и былъ-де онъ на катаргѣ лѣтъ съ тридцать; будучи-де онъ на катаргѣ, по середамъ и по пятницамъ и въ великіе посты мясо ѣдалъ, а не бусурманенъ и отъ христіанскія вѣры не отступилъ; и съ катарги-де его отпустили, пошолъ

*) Документъ этотъ находится въ „Русской исторической библіотекѣ", изд. археографическою коммиссіею. Спб. II, 1875, 598—668.

изъ Царягорода о велицѣ дни, шолъ черезъ Волоскую землю; а изъ Кіева вышелъ въ Путивль...» Тридцать-пять лѣтъ въ плѣну и тридцать лѣтъ на каторгѣ, въ работахъ на галерахъ — это не малый мученическій подвигъ; но человѣкъ все-таки не погибъ въ этомъ плѣну; мало того — онъ «не бусурманенъ», т. е. его не обращали силою въ исламъ, хотя скоромное приходилось, поневолѣ, ѣсть и въ постные дни; но это еще не бѣда—было бы что ѣсть. То же почти показалъ и «курчанинъ» (изъ Курска) Иванъ Григорьевъ Жировъ, а за нимъ и «ливенецъ» (изъ Ливенъ) Ѳедоръ Карповъ Воробьевъ; только послѣдній, живя «у чеуша, держалъ поневолѣ татарскую вѣру, а не бусурманенъ». Полоняникъ Степашка Сергѣевъ, будучи тоже отпущенъ изъ полона, много бродилъ по свѣту, пока не добрался до родины. «Былъ-де я въ казакахъ на Дону (показывалъ онъ), и продали меня на катаргу, и былъ на катаргѣ 12 лѣтъ; изъ катарги-де меня отпустили, и жилъ-де я въ Анадолской землѣ (въ Анатоліи) на пашнѣ, а изъ Анадолской земли ушолъ въ Мутьянскую землю, и шолъ черезъ Волошскую землю, вышелъ въ Запороги, а изъ Запорогъ на Донъ тому годъ минулъ, Покровъ Пресвятѣй Богородицы; не бусурманенъ, и въ великіе посты и по середамъ и по пятницамъ мясо ѣдалъ, а отъ христіанскіе вѣры не отступилъ». А вотъ «алексинецъ» (изъ Алексина) Архипъ Дементьевъ, взятый въ плѣнъ ногайскими татарами, «былъ проданъ въ Царьградъ, а изъ Царягорода продали въ нѣмцы въ Галанскую землю, и былъ въ нѣмцахъ десеть лѣтъ; будучи-де онъ въ полону въ татарѣхъ, не бусурманенъ, и нѣмецкіе вѣры не держалъ, и вѣры христіанскія нигдѣ не отрекался».

Но были и такіе полоняники, которыхъ турки бусурманили «сильно». Такъ «орлянинъ» Степанъ Васильевъ Шитово показывалъ: «Взятъ-де онъ въ полонъ въ проѣзжей станицѣ при царѣ Васильѣ Ивановичѣ, а посыланъ былъ съ Орла и былъ въ полону въ Крымѣ 15 лѣтъ, бусурманенъ, и жилъ съ татаркою года съ три украдомъ, а не за жены мѣсто держалъ». Донецкій казакъ Ивашко Стрѣльниковъ, обусурманенный турками, ушелъ «изъ Царягорода въ Сербскую землю».

Нельзя при этомъ не замѣтить, что женщины-полонянки были

менѣе тверды въ вѣрѣ, чѣмъ мужчины. Онѣ бусурманились иногда просто изъ боязни, а чаще потому, что, поступая въ гаремы, были подкупаемы роскошью и довольствомъ жизни, подобно тому, какъ извѣстная украинская полонянка, Маруся Богуславка,—

....Потурчилась, побусурманилась
Для роскоши турецькои,
Для лакомства несчастнаго.

Такъ, напримѣръ, «полонянка, мецвянина (жителя г. Мценска) Семена Реутова жена, вдова Орина» показала: «Взяли-де ее въ полонъ нагайскіе татаровя тому 10 лѣтъ, и жила въ Нагаѣхъ два года, а изъ Нагай продали въ Кафу, и христіанскую вѣру проклинала и «каномъ» мазана и всякую скверность по середамъ и по пятницамъ и въ посты ѣдала». Другая полонянка, «брянченина (изъ Брянска) Өедора Забѣлина жена, вдова Овдотья», признавалась, что, проданная въ турецкую неволю, въ Царьградъ, она «жила у паши, отъ вѣры отступила и потатарски маливалась». А вотъ похожденія жены «Микиты Юшкова, Өедоры, изъ Болхова: взяли ее въ полонъ ногайскіе татаровя тому осмнадцать лѣтъ, и свели въ Козлевъ, а изъ Козлева продали въ Царьгородъ, жила у жида пол-осма года, вѣры жидовской не держала, а пила и ѣла съ ними, и продалъ ее арменину, и арменской-де попъ исповѣдывалъ и причастья ей давалъ, и вѣру армѣнскую держала, и арменинъ продалъ турчанину, и турчанинъ-де ей велѣлъ палецъ поднимать, и она-де поневолѣ палецъ поднимала; и у турчанина-де выкупилъ мужъ ее Никита и женился на ней, вѣнчалъ въ Галатѣ греческой попъ въ церквѣ у Софѣй премудрости Божіи; и съ Микитою-де она прижила двое робятъ, сынъ Өеонасей по шестому году, крещонъ, а въ крещеніи обливанъ, миромъ и масломъ помазыванъ, а сынъ Фролъ у грудей, крещенъ въ Керчѣ на дорогѣ, крестилъ руской попъ». Извѣстно, что поповна изъ мѣстечка Рогатина сдѣлалась блистательною султаншею, женою Солимана I.

Не менѣе интересны странствія по бѣлому свѣту «орлянина» Өедора Борисова: «взяли-де его нагайскіе татаровя подъ Орломъ, тому семнадцать лѣтъ, и продали въ Крымъ, а изъ Крыма въ Царьгородъ, жилъ у турчанина у янычанина (янычаръ), не бусур-

манёвъ, по середамъ и т. д.... а вѣру христіанскую втайнѣ держалъ; ушолъ въ Ишпанскую землю, шелъ черезъ Французы, да на Дудинцкую, да черезъ Цысарскую, да на Угорскую, да на Муравскую, да на Полшу».

Что жизнь невольниковъ въ Турціи не была невыносима для всѣхъ, можно судить хотя бы по показаніямъ одного плѣннаго монаха. «Зовутъ его Макарьемъ (говоритъ онъ въ распросѣ), и въ мірѣ-де его звали Микула, родомъ изъ Кіева, поповъ сынъ, отца звали Θедоромъ, служилъ у церкви Василья Кесарійскаго; въ крещенье обливанъ... И отецъ-де его послалъ невелика, двунадцати лѣтъ, для отдачь бортныхъ севрюкомъ въ уманской лѣсъ, отъ Кіева 60 миль, къ Бряславлю, и на дорогѣ его взяли крымскіе татарови, и свели въ Крымъ въ Килею, а изъ Килеи продали въ Царьгородъ, и въ Царѣ-де городѣ жилъ у турченина у Рустамъ чауша... Живучи у турченина, по середамъ и по пятницамъ и въ великіе посты мяса не ѣдалъ, потому что жили съ нимъ русскихъ полоняниковъ 12 человѣкъ, и къ церквамъ они хаживали къ русскимъ; и у турченина-де выкупилъ его съ русскимъ полоняникомъ Аѳонскіе святые горы владыка Тофилей, далъ за нихъ 300 червонныхъ золотыхъ...» и т. д. Изъ этого видно, что плѣнники цѣнились не дешево. Мало того, они сами не рѣдко дѣлались людьми не бѣдными, и не только откупались отъ каторги, но покупали себѣ и женъ за весьма солидныя по тому времени суммы, что можно видѣть изъ показаній полоняника Никиты Юшкова, мужа полонянки Θедоры, показаніе которой мы привели выше. Юшковъ говоритъ, что онъ находился въ неволѣ 25 лѣтъ и 12 лѣтъ лѣтъ состоялъ на каторгѣ; потомъ онъ «съ каторги окупился». Мало того, «въ Царѣ-де городѣ купилъ онъ у турченина полонянку руску, далъ окупу 40 рублевъ, и на ней-де женился;» дальнѣйшую судьбу ихъ мы знаемъ уже изъ разсказа его жены.

Нѣкоторые изъ полоняниковъ показываютъ, что ихъ освободили отъ турецкой каторги, на морѣ, испанцы, или какъ они выражаются—«отгромили ихъ шпанскаго короля нѣмцы». Этимъ «отгромленнымъ» испанцами особенно много приходилось потомъ бродить по бѣлу свѣту. Такъ арзамасецъ Шаблыка, полоненный крымскими татарами «въ подъѣздѣ», сведенный потомъ въ Азовъ и

проданный въ Царьградѣ на каторгу, работалъ на этой послѣдней шесть лѣтъ, пока его не «отгромили шпанскаго короля нѣмцы». Испанцы отвезли его, конечно, въ «Шпанскую землю,» гдѣ онъ «въ костелъ хаживалъ, по католицкой вѣрѣ маливался» и «всякую скверность ѣдалъ,» однако «у ксенжа не бывалъ и секрамента не биралъ». Потомъ «шпанскаго короля владѣтель дука Ференцъ, давъ ему листъ, отъ себя отпустилъ,» и Шаблыка выбрался на святую Русь. «А вышедши изъ полону (говоритъ онъ), въ церьковь хаживалъ и ко кресту и къ евангелію ходилъ, и къ образамъ прикладывался, и святою водою крапливался и пасху ѣдалъ». Точно такимъ же образомъ «отгромили на морѣ, съ каторги, шпанскіе нѣмцы» Лукаша Захарьева, Микифора Лукина и другихъ, которые потомъ были въ «папежской землѣ,» въ Римѣ. А «полоняникъ орлянинъ Олексѣй Лукьяновъ Должонковъ» ушелъ съ турецкой каторги «во Францужскую землю, а изо францужскіе земли шолъ въ Лигорну, а изъ Лигорны въ Римъ, и былъ въ Римѣ 12 дней, и по папину-де велѣнью ксенжъ исповѣдывалъ, а секраменту не ималъ». Затѣмъ изъ Рима шелъ «черезъ Венецію, да на цысарскую землю, да на Полшу, да на Литву». А «вороножецъ Софонко Ивановъ», тоже бывшій 20 лѣтъ на турецкихъ галерахъ и «отгромленный шпанскими нѣмцами», вышелъ изъ Испанія въ Римъ; а оттуда «черезъ цысарскую землю вышелъ на Полшу въ Аршавъ»...

Такъ и встаетъ передъ вами русскій солдатъ, который, гдѣ бы ни былъ, все не можетъ забыть своей далекой родины, и вотъ изъ шпанской земли, изъ цысарской, изъ папежской бредетъ на «Аршавъ». И теперь, черезъ 250—300 лѣтъ, этотъ солдатъ иначе не назоветъ Варшаву какъ «Аршавъ-городъ,» и такъ же, какъ тогда, невѣдома ему «шпанская земля» съ диковинными «шпанскими нѣмцами»— такъ тугъ историческій ростъ этого солдата... Любопытно, что-то будутъ разсказывать о турецкой землѣ теперешніе наши солдаты, которымъ выпало несчастье отвѣдать турецкаго плѣну...

Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы не касались здѣсь другихъ свѣдѣній о жизни русскихъ полоняниковъ въ Турціи; мы не упоминаемъ о томъ, какъ, по свидѣтельству казацкихъ украинскихъ думъ, «бѣдныхъ невольниковъ» турецкіе галерные «ключники» сѣкли «червонною таволгою,» какъ желѣзные кандалы пере-

тирали имъ ноги до «жовтой кости» и т. д.; мы обходимъ молчаніемъ и другія историческія свидѣтельства объ этомъ предметѣ, потому что хотѣли дать читателю не историческое изслѣдованіе, а бѣглый газетный набросокъ на основаніи документа, доселѣ не вошедшаго въ историческія изслѣдованія.

1877.

[redacted]

Печать въ провинціи *).

I.

На долю девятнадцатаго вѣка, какъ послѣдняго изъ всѣхъ вѣковъ, пережитыхъ человѣчествомъ во весь историческій циклъ своего существованія, безспорно должно было выпасть рѣшеніе, если не практическое, то хотя теоретическое, многихъ міровыхъ вопросовъ, которые не могли быть рѣшены предшествовавшими поколѣніями; отчасти потому, что для рѣшенія ихъ не было накоплено историческою жизнью народовъ достаточно рѣшающаго матеріяла, отчасти-же и потому, что многими изъ такихъ вопросовъ и не могло задаваться предшествовавшее намъ человѣчество, за неимѣніемъ ихъ въ программѣ жизни предшествовавшихъ вѣковъ; явились-же они какъ продуктъ современной жизни и ея требованій, и, какъ вопросы дня, сами ищутъ теперь практическаго, жизненнаго рѣшенія.

Въ числѣ особенно выдающихся вопросовъ, привлеченныхъ къ рѣшенію современной жизнью, конечно, долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ должна идти исторія развитія печати—подчинится-ли она закону централизаціи, одному изъ неизмѣнныхъ общественныхъ законовъ, совмѣстно и, повидимому, равномѣрно управляющихъ духовною и физическою жизнью всего

---

*) Отъ многаго, высказаннаго въ этой статьѣ теоретически, авторъ теперь положительно отказывается; но издаетъ ее вновь потому, что написаннаго перомъ — не вырубишь топоромъ: и сознаніе въ прошлыхъ заблужденіяхъ не безполезно для искомой правды. *Авт.*

живущаго и двигающагося, органическаго и неорганическаго, т. е. силѣ ценстростремительной, силѣ тяготѣнія; или, напротивъ, другому изъ этихъ двухъ законовъ — закону децентрализаціи, силѣ центробѣжной? Должна-ли печать составлять достояніе попреимуществу и почти исключительно интеллигентныхъ, міровыхъ и государственныхъ центровъ, или-же будущее ея принадлежитъ, если не въ одинаковой, то въ соотвѣтственной мѣрѣ всему, что хотя и не составляетъ главныхъ центровъ, но является средоточіемъ интеллигентной и экономической жизни мелкихъ территоріяльныхъ единицъ, какъ напр., болѣе или менѣе крупныхъ провинціальныхъ городовъ? Прошедшая исторія не могла рѣшить этого вопроса главнымъ образомъ потому, что самая печать, въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ наше время, и съ тѣми задачами, рѣшеніе которыхъ она беретъ на себя, есть исключительно продуктъ послѣднихъ вѣковъ исторіи человѣчества; а та печать, которая считаетъ свое существованіе вѣками, хотя въ существѣ и была отчасти тѣмъ-же оружіемъ въ рукахъ человѣчества, какимъ она окончательно стала въ послѣднее время, однакожь, пріемы исполненія ею своей миссіи были далеко не тѣ, что въ наше время. Если-бы для насъ не существовало опыта девятнадцатаго вѣка, то на основаніи одного опыта прежнихъ вѣковъ можно было-бы даже положительно сказать, что вплоть до восемнадцатаго и даже до девятнадцатаго вѣка печать не подчинялась первому изъ указанныхъ выше нами естественныхъ законовъ—закону централизаціи, а, напротивъ, проявляла жизнь вездѣ, гдѣ только имѣлась соотвѣтствующая почва, и главнымъ образомъ тамъ, гдѣ она находила факторовъ, необходимыхъ для поддержанія ея существованія—дѣятелей слова и типографскія средства.

Но девятнадцатый вѣкъ едва-ли не положительно, хотя, надо полагать, временно, рѣшаетъ вопросъ о печати въ смыслѣ абсолютной централизаціи; для рѣшенія этого вопроса въ противоположномъ смыслѣ современная жизнь представляетъ, можно сказать, непреодолимыя, органическія препятствія, источникъ которыхъ не въ регламентаціи, а въ самомъ складѣ жизни, и чѣмъ дальше, тѣмъ, повидимому, препятствія эти становятся неизбѣжнѣе, такъ что то, что мы разумѣемъ подъ понятіемъ «печать въ

провинціи», едва ли имѣетъ близкое будущее при данномъ складѣ общественной жизни. Сказанное нами въ равной мѣрѣ относится какъ къ европейской, такъ и къ нашей русской провинціальной печати: а что касается провинціальной печати Новаго Свѣта, то тамъ явленіе централизаціи печатнаго слова высказывается еще ярче, еще абсолютнѣе, при отсутствіи притомъ всякой регламентаціи, всякой репрессіи, хотя опять-таки явленіе это должно быть временнымъ, преходящимъ.

Еще недавно у насъ возлагались большія надежды на провинціальную печать, да и въ настоящее время едва-ли не господствующимъ мнѣніемъ остается то, что провинціальная печать имѣетъ свое будущее, и даже очень близкое; что временныя, чисто-механическія препятствія задерживаютъ ея развитіе насильственно; что, не смотря на эти препятствія, ростъ провинціальной печати хотя довольно медленъ, однако носитъ въ себѣ всѣ зачатки жизни и развитія; что въ концѣ концовъ, какъ грамотность, образованіе и развитіе должны сдѣлаться болѣе или менѣе общимъ достояніемъ съ поднятіемъ уровня экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; что какъ въ городѣ прочный сапогъ вытѣсняетъ обдерганный мочальный лапоть, такъ вытѣснитъ онъ эту допотопную, каменнаго вѣка обувь и изъ деревень, -точно такъ и печать разольется вездѣ, куда только она въ состояніи проникать и разливаться будетъ не изъ центровъ, въ видѣ готоваго, уже читательнаго матеріала, отлитаго въ литературную, ученую, публицистическую и иную форму печати, но въ видѣ самаго типографскаго станка съ его дѣятелями и факторами литораторами, учеными, публицистами и т. д. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи все, повидимому, говорило въ пользу мнѣнія о децентрализаціи печати, о томъ, что дальнѣйшее развитіе ея, казалось-бы, должно пойти путемъ центробѣжной силы, путемъ циркуляціи крови отъ сердца къ прочимъ частямъ тѣла и ко всѣмъ его живымъ оконечностямъ; мнѣніе это отчасти подтверждалось такими провинціальными изданіями, какъ «Камско-Волжская Газета» въ Казани, газета «Донъ» въ Воронежѣ, «Азовскій Вѣстникъ» въ Таганрогѣ, «Филологическія Записки» въ Воронежѣ, «Сибирь» въ Иркутскѣ, «Новороссійскій Телеграфъ»,

«Кіевскій Телеграфъ», «Кіевлянинъ», «Кавказъ», «Донская Газета» въ Новочеркаскѣ. «Саратовскій Справочный Листокъ» и т. д. Кромѣ того, не одна періодическая провинціальная печать могла утверждать въ томъ мнѣніи, что провинціи, подобно столицамъ и большимъ центрамъ, заговорятъ своимъ независимымъ языкомъ, подадутъ свой собственный голосъ въ общемъ представительствѣ человѣческаго слова, и голосъ этотъ будетъ имѣть такое-же рѣшающее значеніе въ представительствѣ мысли, какъ и голосъ центровъ-монополистовъ печатнаго слова; въ провинціи годъ отъ году, и притомъ съ каждымъ годомъ чаще, стали появляться такія прекрасныя изданія, какъ труды нижегородскаго статистическаго комитета, подъ редакціею неутомимаго борца провинціальной печати, борца-децентралиста, какъ онъ самъ себя понимаетъ, г. Гацискаго, или труды кіевскихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ изданія гг. Антоновича и Драгоманова, изданія г. Чубинскаго изъ области, такъ-сказать, серьезной писменности, скромные труды гг. Трирогова и Воскобойникова въ Саратовѣ и т. д., и цѣлая масса чисто-литературныхъ изданій на украинскомъ языкѣ, какъ, напр., сочиненія даровитаго малорусскаго писателя Нечуя, переводы г. Старицкаго и т. д., и т. д. Мало того, съ вопросомъ о провинціализмѣ печати самымъ законнымъ и естественнымъ образомъ былъ связанъ другой вопросъ, болѣе широкій въ этнографическомъ, національномъ и общечеловѣческомъ смыслѣ,— вопросъ о законности и исторической неизбѣжности существованія самостоятельной малорусской литературы и малорусскаго литературнаго языка.

Къ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя порыванія провинцій такъ, кажется, покуда и должны остаться порываніями, потому что питаемыя ими надежды и заявляемыя ими притязанія на равную съ крупными интеллигентными центрами долю участія въ общечеловѣческой работѣ печатнаго слова почти не имѣютъ подъ собою реальной почвы и положительно не оправдываются тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ, и притомъ едва-ли не помимо ихъ собственный воли, какъ помимо собственной воли ростетъ дерево, журчитъ ручей и проч., а подъ обаяніемъ какой-то невѣдомой, повидимому неиз-

мѣнной, роковой силы — собственно союза двухъ силъ: интеллигентной и экономической, которыя все болѣе и болѣе влекутъ человѣчество изъ окраинъ, изъ провинцій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) къ немногимъ, почему-то излюбленнымъ ими центрамъ. Подобно тому, какъ онѣ создали монополію капитала и тысячи монополій почти во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности человѣческой, такъ создаютъ теперь монополію центровъ, монополію крупныхъ городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и монополію проявленія интеллигентныхъ силъ человѣчества, монополію ума, монополію генія человѣческаго, наконецъ монополію печати.

Стоитъ только взглянуть на ужасающій ростъ большихъ городовъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, чтобы видѣть, что многія изъ прежнихъ иллюзій человѣчества должны разлетѣться въ прахъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи девятнадцатый вѣкъ представляетъ какое-то новое, небывалое явленіе въ жизни всего человѣчества. Что-то поражающее представляетъ ростъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ и нѣсколько городовъ Новаго Свѣта: населеніе ихъ считаютъ уже милліонами, а богатствомъ своихъ капиталовъ они въ состояніи купить себѣ весь шаръ земной, какъ какую-нибудь помѣщичью усадьбу; все, что только есть живого и дѣятельнаго въ остальномъ населеніи страны, гдѣ завелся такой гигантъ-городъ, городъ-монополистъ, городъ-банкиръ, городъ-геній, городъ-деспотъ,—все это притягивается неудержимо къ этому обаятельному центру и все исчезаетъ въ немъ, какъ въ безднѣ,—и хорошее, и злое, и геніальное, и до безчеловѣчности безумное. Въ то время, когда естественный приростъ всего остального населенія страны въ извѣстный періодъ времени не даетъ и 15%, приростъ этихъ чудовищъ-городовъ доходитъ до 100, до 200 и болѣе процентовъ. Въ Лондонѣ, на небольшомъ клочкѣ земли, скучилось уже болѣе 3 милліоновъ душъ населенія—это больше, чѣмъ на всемъ безлюдномъ сѣверѣ Россіи. И при этомъ ужасающемъ ростѣ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Нью-Йоркъ, Берлинъ и др., замѣчается странное, также небывалое явленіе: жизнь въ малыхъ городахъ дорожаетъ, средства заработка если не уменьшаются, то не возвышаются пропорціонально съ возрастаніемъ потребностей жизни, а между тѣмъ жизнь въ большихъ городахъ

становится и сравнительно дешевле, и несравненно болѣе представляетъ удобствъ и средствъ для заработка. Естественно, что все изъ провинцій тянется къ центрамъ, въ эти чудовищныя пасти большихъ городовъ, гдѣ или погибаетъ, если не носитъ въ себѣ задатковъ жизни, такъ-сказать, большого полета, или находитъ удовлетвореніе всѣмъ своимъ потребностямъ, богатѣетъ, а иногда и благоденствуетъ, добивается славы, почестей, могущества.

Возьмите, напр., города обыкновенные, города дюжинности, рядовые, такъ-сказать, города гдѣ-бы то ни было—въ Европѣ или у насъ въ Россіи—и поставьте ихъ рядомъ съ городами-титанами, съ городами геніями своего рода, съ городами, которыхъ ждетъ участь центровъ; города дюжинности, какъ сто лѣтъ назадъ имѣли 5—6 тысячъ жителей, такъ и теперь дошли развѣ до 10—12 тысячъ, и то нѣкоторые, немногіе, выросли изъ цифры 25 до 50 тысячъ; а города-богатыри разомъ, въ нѣсколько десятилѣтій, переростаютъ стотысячное населеніе. У насъ, хотя въ маломъ размѣрѣ, такими городами являются Петербургъ, Одесса, Саратовъ; европейскихъ городовъ и городовъ Новаго Свѣта мы не перечисляемъ. Гдѣ-же причины этого поражающаго роста центровъ на счетъ своихъ окраинъ и всего болѣе или менѣе отдаленнаго отъ центра? Почему человѣкъ въ этомъ случаѣ такъ всецѣло отдается обаянію одной изъ силъ, управляющихъ міромъ,—силѣ центростремительной, силѣ центральнаго тяготѣнія, а не силѣ центробѣжной, силѣ децентрализаціи? Почему онъ повинуется силѣ, повидимому, убивающей равенство, хотя въ принципѣ признаетъ не только законность существованія, но право первенства въ этомъ существованіи за силою центробѣжною, за силою децентрализирующею? Мишель Триго остроумно объясняетъ это естественными законами жизни и развитія, неотразимое воздѣйствіе которыхъ въ одинаковой мѣрѣ чувствуетъ на себѣ и крупный звѣрь, находящій для себя соотвѣтственную жизненную арену только въ крупныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ, и громадный китъ, могущій свободно жить и дышать только въ океанѣ, и, наконецъ, человѣкъ, ищущій арену для своей дѣятельности соотвѣтственно своему удѣльному вѣсу—силѣ духовной во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. «Какъ все живущее, говоритъ Триго,—человѣкъ находится въ прямой зави-

симости отъ окружающей его среды; онъ измѣняется сообразно съ преобразованіями, въ ней совершающимися. Физіологическія и психилогическія условія, въ которыя поставленъ горожанинъ большого города, различны отъ условій, вліяющихъ на бытъ жителей селъ и небольшихъ городовъ. По изслѣдованіямъ натуралистовъ оказывается, что виды, населяющіе огромный континентъ Азіи, больше ростомъ соотвѣтствующихъ видовъ, живущихъ въ Африкѣ и Европѣ. Для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большія рѣки. И въ царствѣ микроскопическихъ животныхъ дѣйствуетъ тотъ-же законъ. Извѣстный ученый Пуше, наблюдавшій инфузорій, говоритъ, что болѣе рослые экземпляры ихъ могутъ родиться и рости только въ сосудахъ большой емкости, напримѣръ въ стаканѣ, но не въ рюмкѣ. Дамы, забавлявшіяся золотыми рыбками, хорошо знаютъ, что очень маленькія рыбки, помѣщенныя въ маленькой стеклянной вазѣ, производящія крошечныхъ экземпляровъ. начинаютъ производить болѣе рослыхъ, какъ только ихъ переведутъ въ вазу большей величины. Точно также извѣстныя человѣческія личности, характеры и темпераменты чувствуютъ себя въ своей сферѣ только при извѣстной окружающей обстановкѣ. Людей честолюбивыхъ, съ выдающимися способностями, людей талантливыхъ естественно притягиваетъ къ себѣ большой городъ, такъ какъ только здѣсь они находятъ возможность примѣнить свои знанія, свою ловкость. Все, выдѣляющееся изъ ряда, все первосортное въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ—артисты, ученые, государственные люди, теологи, профессора, адвокаты, авантюристы, самые ловкіе мошенники, кокотки, всякія чрезмѣрныя физіологическія уродливости, въ родѣ овцы о двухъ головахъ и барана о шести ногахъ,—все это стремится въ столицы и очень большіе города. Высшее дарованіе и крайній порокъ могутъ проявляться только въ столицѣ. Не надо забывать, что столицы далеко еще не достигли того положенія, какое онѣ могутъ занимать. Теперь онѣ пока еще столицы національныя; что-же будетъ, если нѣкоторыя изъ нихъ обратятся въ международныя? До какой непомѣрной цифры можетъ дойти тогда ихъ населеніе?» (Дѣло, 1875, кн. 7).

Вотъ гдѣ та страшная сила, которая грозитъ провинціямъ еще большимъ измельчаніемъ ихъ интересовъ, ихъ дѣятельности, ко-

торая налагаетъ и на ихъ будущее что-то оцѣпеняющее, отнимаетъ у нихъ надежды на равную съ крупными центрами долю участія на пиру избранникомъ всего человѣчества и, наконецъ, подрываетъ вѣру въ возможность того идеальнаго равенства, о которомъ такъ много когда-то говорилось: вездѣ монополія крупной единицы, вездѣ преобладаніе выдающейся силы надъ массами и полное отрицаніе въ жизни идеальнаго принципа равенства. Эта-же страшная сила налагаетъ свою руку и на будущее провинціализма во всѣхъ его видахъ—провинціализма національнаго, сепаративно-этнографическаго, сепаративно-политическаго и литературнаго. Въ свою очередь, и печать—отраженіе нравственнаго роста человѣчества—неизбѣжно должна пойти туда, куда поведетъ ее человѣкъ, а человѣка неотразимая сила влечетъ изъ «глуши», изъ «деревни», изъ «Саратова» къ центрамъ, къ большимъ городамъ, и влечетъ съ поражающею быстротою. Ясно, что и печать вмѣстѣ съ человѣкомъ будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, а провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ.

Но что-же, наконецъ, остается этимъ бѣднымъ провинціямъ, мелкимъ городамъ, селамъ, озерамъ, мелкимъ рѣкамъ, когда все крупное уходитъ въ крупные центры, въ большіе города, въ моря, въ океаны и когда, по неизмѣннымъ законамъ роста и развитія, все живое, осужденное жить въ стаканѣ или въ рюмкѣ, въ «глуши», не только само не развивается, но губитъ и свое непосредственное поколѣніе, свой родъ, который мельчаетъ и съуживаеть свою дѣятельность, умаляетъ свои рабочіе и производительные органы, конечно интеллигентно, и, какъ неизбѣжное слѣдствіе всего этого, уменьшаетъ, можетъ быть, силу своихъ творческихъ способностей, съуживаетъ объемы мозга и предѣлы его отправленій? Вѣдь если допустить абсолютное примѣненіе этой безотрадной теоріи, теоріи большихъ городовъ, ко всему, то можно дойти до ужасающихъ выводовъ: все населеніе обоихъ полушарій, за исключеніемъ нѣсколькихъ счастливыхъ пунктовъ въ видѣ крупныхъ городовъ или городовъ-чудовищъ, должно быть обречено на вѣчную зависимость по отношенію къ этимъ счастливымъ точкамъ на земномъ шарѣ, на рабство экономическое и духовное и, наконецъ, на какую-то вѣчную

дюжинность, изъ среды которой все лучшее и выдающееся, все сильное умомъ и предпріимчивостью, все даровитое и честолюбивое будетъ высасываться этими исполинскими спрутами—центрами; даже выдающіяся аномаліи, рельефныя уродства въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, самые яркіе представители добра и зла, добродѣтели и порока,—все это будетъ отливать къ центрамъ, а весь остальной шаръ земной долженъ будетъ играть роль отсталаго провинціала съ его вѣчными, но безполезными порываніями къ децентрализаціи.

Но между тѣмъ, принимая съ крайней осторожностью эту, повидимому, парадоксальную теорію, которая, однакожь, надо сказать правду, въ сущности и не теорія, а живой фактъ, бьющій въ глаза, явленіе, замѣчаемое вездѣ, хотя, можетъ быть, явленіе случайное, какъ временное соціальное уродство, ничѣмъ неотличающееся отъ множества другихъ подобныхъ соціальныхъ уродствъ, навязанныхъ намъ прошедшею исторіею человѣчества и разросшихся до поразительныхъ размѣровъ благодаря такимъ уродствамъ нашего общественнаго строя, — принимая это явленіе какъ временно-неизбѣжное зло, мы найдемъ, что и при такомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ жизненныя задачи провинцій остаются все-таки благодарными, а будущее ихъ едва-ли можетъ быть такимъ безотраднымъ, какимъ его рисуетъ теорія большихъ городовъ.

Нельзя, конечно, отрицать, что центры всегда и вездѣ жили болѣе или менѣе заимствованною жизнью, хотя въ нихъ самихъ, повидимому, жизнь кипѣла ключомъ, что вездѣ и всегда центры не сами создавали свою силу, а при помощи того матеріяла и тѣхъ рабочихъ силъ, какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ смыслѣ, которыя къ нимъ приливали большею частью извнѣ, изъ «глуши», изъ «деревень», изъ «Саратова», что, наконецъ, вездѣ и всегда они питались жизненными, экономическими и духовными соками тѣхъ величинъ, средоточіе которыхъ они составляли. И полусказочный Вавилонъ съ его висячими садами, и такая-же почти сказочная Ниневія съ ея поражающею роскошью, и поэтическая Пальмира, и изящныя Афины съ чудесами классическаго искусства и поэзіи, и страшный Римъ съ его желѣзными легіонами и бе-

зумнымъ развратомъ, — всѣ эти города-чудовища тоже питались соками своихъ провинцій, и когда эти соки изсякли, изсякла и жизнь самихъ чудовищъ. На провинціяхъ, такимъ образомъ, лежитъ вѣчная забота — питать свои центры и, въ свою очередь, питаться отъ нихъ тѣмъ, что даетъ пріютившееся въ центрахъ совокупное творчество всѣхъ лучшихъ силъ страны, всѣхъ наиболѣе выдающихся дарованій, творчество ума, знаній и союзника ихъ, а иногда врага, тоже всегда избирающаго своимъ мѣстопребываніемъ центры — капитала. Вѣдь Лондонъ справедливо называютъ денежнымъ сундукомъ обоихъ полушарій и банкиромъ всего міра, и выбрасываемый ежедневно изъ лондонской типографіи огромный газетный листъ съ надписью «Times» едва-ли не приравниваютъ къ небывалой «шестой части свѣта», безоружныя арміи которой не менѣе сильны, какъ и вооруженныя арміи, вмѣстѣ взятыя, потому что эти безоружныя арміи вмѣстѣ съ другими союзными, безоружными-же войсками, разсѣянными на обоихъ полушаріяхъ, изъ своихъ казармъ-типографій руководятъ общественнымъ мнѣніемъ всего міра. Поэтому только при извѣстномъ равновѣсіи между центрами и провинціями возможна жизнь и тѣхъ, и другихъ, а развитіе или упадокъ послѣднихъ неизбѣжно должны отражаться самымъ роковымъ образомъ на первыхъ, и притомъ въ несравненно большей степени, чѣмъ упадокъ первыхъ: центры, непитаемые провинціями, неизбѣжно погибнутъ, несмотря на всѣ сокровища свои, несмотря на всѣ собранныя въ нихъ силы ума, таланта и творчества, тогда какъ провинціи, и не будучи питаемы духовною пищею и продуктами творчества центровъ, еще могутъ продолжать свое скромное существованіе, и продолжать его до безконечности, хотя-бы центры и погибли окончательно. И въ 1612, и въ 1812 годахъ Москва, считающаяся сердцемъ Россіи, значитъ болѣе еще, чѣмъ простымъ центромъ, была, повидимому, на смерть поражена, но Россія продолжала жить, несмотря на пораженіе центра. То-же было и съ Франціей, когда Парижъ поразили нѣмцы.

II.

Обращаясь, послѣ всего сказаннаго, непосредственно къ печати въ провинціи, мы считаемъ необходимымъ не только уяснить себѣ то положеніе, въ которомъ она находится у насъ въ настоящее время. опредѣлить по-возможности сумму, такъ сказать, невещественныхъ цѣнностей, которую провинціальная печать приложила и прилагаетъ къ суммѣ такихъ-же цѣнностей, принесенныхъ и приносимыхъ странѣ печатью центровъ, но и понять, если возможно, какія именно задачи должна бы по своему положенію взять на себя провинціальная печать и вполнѣ-ли она сознательно выполняетъ свою историческую миссію.

Едва-ли кто станетъ отрицать тотъ, повидимому, нѣсколько странный парадоксъ, что, при всемъ кажущемся богатствѣ историческаго и жизненнаго опыта, которымъ могли-бы похвалиться мы, русскіе, изучающіе и прошедшее, и настоящее нашего отечества, при всей массѣ, безспорно очень и очень почтенной, печатнаго статистическаго, этнографическаго, бытового, земскаго и всякаго иного матеріяла, при всей совокупной многолѣтней работѣ разныхъ ученыхъ обществъ, оффиціальныхъ и частныхъ изслѣдователей, путешественниковъ, нравоописателей и проч , и проч.,—мы все еще почти не знаемъ или очень мало знаемъ Россію. Одинъ изъ самыхъ видныхъ и самыхъ полезныхъ представителей нашей провинціальной печати, г, Гацискій, неутомимой и послѣдовательной дѣятельности котораго наше отечествовѣдѣніе обязано драгоцѣнными свѣдѣніями, преимущественно о нижегородскомъ Поволжьѣ, вотъ что, между прочимъ, говоритъ по поводу нашего отечествовѣдѣнія: «Интересуясь разнообразными условіями жизни нижегородскаго Поволжья, въ которомъ пришлось мнѣ жить самому, и, слѣдовательно, радоваться его радостями и печалиться его печалями, я, конечно, прежде всего обратился къ знакомству съ нимъ при помощи тѣхъ печатныхъ и рукописныхъ матеріяловъ для изученія, которые могъ добыть, и такимъ путемъ, казалось, пріобрѣлъ достаточный запасъ знаній о прошедшемъ и настоящемъ нижегородскаго Поволжья. Для пополненія, однако, своихъ свѣдѣній объ его настоящемъ, я

рѣшился повѣрить ихъ личнымъ наблюденіемъ; полагая свою кабинетную подготовку достаточно полною, я сталъ предпринимать, съ осени 1870 года, поѣздки въ различныя мѣстности нижегородскаго Поволжья, и—о, ужасъ!—пришелъ къ совершенно неожиданному заключенію, открылъ, что почти ничего о немъ не знаю, и, профанируя Фауста, убѣдился на опытѣ, что зачастую мы убѣждаемся,

Путемъ обиднаго сознанья,
Что мы не знаемъ ничего,
Что только стоило-бы знанья...»

Дѣйствительно, если такой дѣятель провинціальной печати, какъ г. Гацискій, много лѣтъ изучавшій одинъ только маленькій клочекъ Поволжья, и изучавшій его съ такою-же упрямою энергіею, какъ какой-нибудь нѣмецкій гелертеръ всю жизнь изучаетъ одну излюбленную имъ инфузорію, или, какъ нашъ знаменитый Миклухо-Маклай, для изученія «губки» убиваетъ свою молодую жизнь то въ ужасномъ климатѣ Аравіи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то еще въ болѣе ужасныхъ климатахъ Новой Гвинеи, подъ ежечаснымъ страхомъ смерти или отъ гнилой лихорадки, или отъ стрѣлъ враждебнаго, глупаго дикаря-папуаса,—если г. Гацискій добросовѣстно сознается, что онъ все еще не знаетъ своего поволжскаго клочка и упорно изучаетъ его, колеся и въ зной, и въ слякоть отъ Ветлуги и Керженца до Теши и отъ Красной Рамени до Выксы и Починокъ,—то ужь относительно всей Россіи, этого всероссійскаго клочка вселенной, можно смѣло сказать, что ея никто еще не знаетъ и что даже *всѣ* ея не знаютъ.

Знаніе—вотъ та силы, въ союзѣ съ которою, и единственно только съ нею, провинціи съ состояніи будутъ выдержать предстоящую имъ борьбу съ центрами, въ полномъ смыслѣ слова борьбу за существованіе. Знаніе, польза знанія—конечно, это азбучная истина, и говорить о ней—значило-бы повторять всѣ азбучныя истины, въ родѣ «познай самого себя», «не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь», «будь честенъ» и т. д. Но въ примѣненіи къ затронутому нами вопросу это будетъ далеко не азбучная истина, и вотъ въ силу какихъ историческихъ соображеній.

Всѣ народы, такъ-называемые «историческими» или «велики-

ми», или наконецъ, «безсмертными», не даромъ получаютъ эту приставку къ своему имени. Историческое безсмертіе и величіе древнихъ грековъ основано единственно лишь на томъ, что они сдѣлали, т. е., другими словами,—что они сами сказали о себѣ, о своей странѣ, о своихъ дѣяніяхъ, героическихъ и постыдныхъ. о своихъ великихъ и мелкихъ людяхъ, о своихъ хорошихъ и дурныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, о своемъ искусствѣ, о своей поэзіи, о своемъ величіи и, наконецъ, о своемъ паденіи. До настоящаго времени весь міръ наполненъ славою именъ древней Греціи, и имена эти передаются изъ рода въ родъ, и человѣчество знакомится съ этими именами почти съ колыбели, потому что имена эти стали какъ-бы родныя намъ, какъ имена людей намъ близкихъ, болѣе или менѣе дорогихъ намъ, которыхъ мы знаемъ лично. Весь этотъ классическій міръ становится для насъ безсмертнымъ, потому что мы *знаемъ* его. Рефлективное безсмертіе, въ силу *знанія*-же, отразилось и на погибшей Троѣ, о которой мы хотя и знаемъ только то, что о ней сказалъ безсмертный старикъ Гомеръ, а между тѣмъ эти Пріамы, Гекторы, Андромахи, Патроклы, весь этотъ «священный» Иліонъ и эта «затуманившаяся» Ида.—все это какъ-бы родныя намъ имена, наши дорогіе покойники, потому что мы ихъ также нѣсколько *знаемъ* потому, что нравственный обликъ героевъ и самая мѣстность погибшаго города неизгладимо нарисованы на нашей памяти, на нашемъ воображеніи. Но кромѣ роковой осады Трои и ея паденія, мы ничего не знаемъ объ этомъ полумифическомъ городѣ, потому что самъ онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ своего существованія, ничего не сказалъ о себѣ, на чемъ послѣдующія поколѣнія могли-бы основать свои знанія относительно судебъ Трои и ея обитателей, подобно тому, какъ весь образованный міръ знакомъ съ прошедшею жизнью Греціи, съ ея великими людьми, съ нравственнымъ обликомъ Солона, Дракона, Перикла, Аспазіи, Алкивіада, Демосфена, даже Терсита и ... массы другихъ дѣятелей древняго міра, съ обществен... этого безсмертнаго историческаго народа, съ его ... играми, съ произведеніями его искусства и т. ... ставляется намъ историческая жизнь Карф... щественнаго соперника еще болѣе могуще...

Карфагена—это какой то обрывокъ картины, лоскутъ полотна непощаженнаго временемъ, но съ яркими слѣдами картины, изображающей послѣдніе дни этого города. За то Римъ, какъ и Афины, знакомъ намъ по своей рельефной, героической и легендарной жизни едва-ли не болѣе, чѣмъ прошлое нашего собственнаго отечества, и опять-таки оттого, что Римъ много о себѣ сказалъ, и на основаніи этого сказаннаго имъ мы можемъ возсоздать его прошлую жизнь въ мельчайшихъ подробностяхъ, представить себѣ живыми лица, дѣйствовавшія за двѣ и болѣе тысячи лѣтъ до нашего времени, можемъ повторять ихъ безсмертныя изреченія, ставшія пословицами всего міра; а между тѣмъ мы едва-едва въ состояніи представить себѣ туманные образы нашихъ, какъ ихъ называетъ добрый Карамзинъ, «великановъ сумрака»—Святослава, «вѣщаго» Олега, Мономаха, Игоря, Ольги, хотя наши «великаны сумрака» жили сравнительно съ греческими и римскими великанами еще такъ недавно,—и все это потому, что мы о своемъ прошломъ, какъ и о своемъ настоящемъ, мало знаемъ,—о прошломъ потому, что благочестивые лѣтописцы слишкомъ скудно повѣдали намъ о томъ, что дѣлалось за стѣнами монастырскихъ келій, въ тогдашнихъ «провинціяхъ»; о настоящемъ-же потому, что наша центральная печать, печать большихъ городовъ, слишкомъ исключительно занятая, подобно древнимъ лѣтописцамъ, своими кельями и знаменіями, т. е. своими собственными, преимущественно центральными интересами, мало заглядываетъ въ далекія захолустья, въ какую-нибудь Красную Рамень, на холодную Печору, въ заволжскія степи, въ забываемую Украину.

Въ виду всего сказаннаго для насъ понятнымъ становится, какимъ образомъ совершалось, такъ-сказать, постепенное нравственное омертвѣніе цѣлой половины Россіи, той половины, которая когда-то жила усиленною жизнью, которая и много дѣлала въ борьбѣ за свое политическое и гражданское существованіе, и много сама о себѣ сказала, которой прошлое представляетъ поразительные образцы классическаго геройства, точно это дѣйствовали [illegible]имляне, которой дѣятели, какъ и герои [illegible] для насъ близкими и дорогими [illegible] смѣшались у насъ съ дѣтскими

родными воспоминаніями, —и все это потому, что у этой половины Россіи была своя эпопея съ глубоко-поэтическою рѣчью слѣпыхъ Гомеровъ въ лаптяхъ, своя разрушенная Троя, свой священный Иліонъ, Гекторъ и Андромаха, свой деревянный конь, погубившій неразумную Трою. Мы говоримъ о Малороссіи. Ея славное, хотя смутное прошедшее стало безсмертнымъ, ярко памятнымъ въ исторіи русскаго народа: ея дѣятели и ихъ дѣла перешли въ народную память, обезсмертились народнымъ творчествомъ современной поэзіи, и равно современною исторіею. Какой-нибудь днѣпровскій островокъ, на которомъ была Сѣчь, стоитъ въ памяти всякаго образованнаго русскаго рядомъ, на одной страницѣ исторической памяти, этого историческаго поминальника объ усопшихъ—рядомъ съ Троею, съ ея священнымъ Иліономъ, съ седьмихолмымъ Римомъ и Авентинскою горою; какія-нибудь утлыя лодченки, на которыхъ запорожцы побивали въ Черномъ морѣ турецкія галеры, стоятъ въ исторіи и въ нашей памяти рядомъ съ испанскою «непобѣдимою армадою»; какіе-нибудь горемыки-казаки, «братья-невольники», убѣгающіе изъ Азова, также близки намъ и еще ближе, чѣмъ «шильонскій узникъ», вздыхающій о своей тюрьмѣ, и дорогой намъ всѣмъ потому собственно, что мы *узнали* его по Байрону. Наливайко, Остраница, Пивтора-Кожуха, Перебійнось, Желѣзнякъ и Гонта все это знакомыя намъ лица и далеко не чужія намъ. А отчего? Оттого, что мы ихъ знаемъ, что судьбою ихъ мы интересовались, въ ихъ давно отжитую жизнь положили частицу своего сердца, своей мысли, своей жизни. И послѣ всего этого для такой дорогой всѣмъ намъ половины Россіи начинается постепенное омертвѣніе, нравственная летаргія, продолжающаяся, повидимому, и до настоящаго времени. А кто виноватъ въ этомъ? Никто или всѣ. Скорѣе всѣ, потому что всѣ обратились къ этому поэтическому, славному прошлому и забыли прозаическое настоящее: помнимъ только ту степь, по которой гарцовали казаки на вороныхъ коняхъ, на которыхъ «ревѣли гарматы», а не знаемъ той степи, на которой «жито зеленіє», какъ говоритъ Шевченко. То, что прошло, мы знаемъ, а то, что теперь, мы не знаемъ и знать, повидимому, не хотимъ. Вотъ гдѣ источникъ омертвѣнія—въ нашемъ незнаніи, въ нашемъ игнорированіи жизни, въ неслышаніи ея плачущаго голоса.

Мы не знаемъ. какъ Малороссія горшки лѣпитъ, ложки да миски дѣлаетъ; мы долго не хотѣли этого знать, потому что это такъ непривлекательно—гетманская булава и горшокъ, запорожская Сѣчь и ярмарка въ Борисполѣ, на которой распоряжаются евреи, какъ они не смѣли распоряжаться въ Сѣчи. Мы не хотимъ знать требованій жизни, потому что, подобно женѣ Лота, постоянно оборачиваемъ голову назадъ, на дорогое прошлое; а это оборачиванье головы назадъ извѣстно, что сдѣлало съ женою Лота. Требованія жизни имѣютъ свои великія права и ими пренебрегать нельзя, потому что въ извѣстное время лѣпка простого глинянаго горшка имѣетъ свою цѣну рядомъ съ возсозданіемъ нравственнаго образа историческаго героя, а умѣнье сшить чоботы, не прибѣгая къ москалю за шиломъ и дратвою, едва-ли не равносильно самостоятельности малорусскаго литературнаго языка и самостоятельности малорусской литературы, если даже не важнѣе жизненно. Когда для Гарибальди отошла пора освобожденія Италіи отъ иноземнаго владычества и объединенія ея въ одинъ народъ, онъ занялся,—чѣмъ-бы, можно было думать?—составленіемъ акціонерной компаніи для осушенія болотъ въ своей дорогой Италіи, въ той Италіи, которую не умѣли избавить отъ болотъ ни Гракхи ни Цезари, и приходится избавлять все тому-же Гарибальди, сплотившему во-едино разодранныя части «аппенинскаго сапога» и снявшему его съ ноги чужеземныхъ властителей.—Только недавно молодые дѣятели Малороссіи, повидимому, поняли жизненныя задачи своей родины и принялись за изученіе не одного археологическаго, архивнаго и могильнаго прошлаго, столь поэтическаго. столь возвышающаго духъ и сознаненіе лучшихъ представителей страны, но и живого настоящаго, правда, далеко по внѣшности не привлекательнаго, далеко не героическаго, и не поэтическаго. въ родѣ экономическаго худосочія и другихъ болячекъ на живомъ, хотя болѣзненномъ организмѣ прекрасной страны, въ родѣ отсутствія кустарнаго дѣла въ Украинѣ, въ родѣ вялаго промысловаго и торговаго движенія и многихъ другихъ злобъ дня, очень некрасивыхъ, однако требующихъ въ такой-же мѣрѣ къ себѣ вниманія и горячаго сочувствія, какъ и то далекое, красивое, но невозвратное прошлое, и ждущихъ отъ современныхъ дѣятелей такой-

же дружной, энергической работы, какъ и задуманное героемъ Гарибальди осушеніе болотъ Кампаньи.

III.

Въ чемъ-же, наконецъ, должны заключаться задачи провинціальной печати—въ чемъ она можетъ почерпать свою силу для утоленія помянутыхъ злобъ дня и для борьбы за свое собственное существованіе, за право *быть*, для борьбы, въ концѣ концовъ, съ тѣми страшными центрами, которые, по теоріи большихъ городовъ, грозятъ высосать изъ провинцій всѣ лучшія духовныя и экономическія силы и обречь ихъ на безцвѣтное существованіе въ качествѣ служебнаго и питательнаго матеріяла?

Посмотримъ прежде, какъ понимаетъ свои задачи сама провинціальная печать. Цѣльнѣе и опредѣлительнѣе всѣхъ объясняетъ задачи провинціальной печати и присущія ей внутреннія силы одинъ изъ наиболѣе достойныхъ ея представителей, о которомъ мы уже упоминали, именно г. Гацискій. Пусть-же его устами и говоритъ пока сама за себя провинція.

Г. Гацискій, сообразно своему взгляду на предметъ, дѣлитъ всю печать на два разряда—на печать центровъ и на печать ровинцій и вслѣдствіе этого отдѣляетъ дѣятельность и характеръ этой дѣятельности «писателей централистовъ», какъ онъ называетъ ихъ, отъ «писателей-децентралистовъ», представителей печати въ провинціи. Онъ находитъ, что задачи тѣхъ и другихъ—не однѣ и тѣ-же, хотя дѣло ихъ общее. По его словамъ, напримѣръ, «этнографъ-централистъ живетъ на широкую ногу: если ему извѣстны, положимъ, свадебные обычаи въ общихъ чертахъ, то его уже мало интересуетъ какая-нибудь мелкая мѣстная особенность; интересуясь крупными отличіями великорусской, малорусской жизни, онъ непрочь отъ изученія оттѣнковъ и въ каждой изъ нихъ, но во всякомъ случаѣ девизомъ его служитъ: «большому кораблю большое и плаванье». Это опять-таки вѣрно по теоріи большихъ городовъ—кораблямъ море, лодкамъ-душегубкамъ—озерца въ провинціи—

«Насъ-же (говоритъ г. Гацискій) интересуетъ мельчайшая этнографическая особенность и мы готовы печатать все, что народный обычай выработалъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ, хотя-бы это было извѣстно относительно быта костромичей или владимірцевъ. Насъ интересуетъ собственная физіономія нижегородскаго Поволжья; мы уже видимъ ее, но только еще не ясно. Для того, чтобы видѣть ее ясно, намъ нужно собрать всѣ черты, обрисовывающія мѣстность, а для этого намъ нужно знать, что у насъ свое, что костромское, что у насъ мордовское, что русское, что исконное русско-нижегородское, что внесено новгородцами, какъ костромское, мордовское или даже татарское переработалось у насъ въ свое или осѣло цѣликомъ... Мало того, намъ нужно знать не только то мѣсто, которое занимаетъ нижегородское Поволжье въ Поволжьѣ вообще и въ Россіи, намъ нужны мельчайшія черты въ самомъ нижегородскомъ Поволжьѣ; намъ нужно знать, чѣмъ отличается каждая отдѣльная мѣстность: чѣмъ закудемскій житель отличается отъ жителя по сю сторону Кудьмы и почему по сю сторону рѣки «*закудемскій*» считается даже браннымъ прозвищемъ; намъ нужно знать, почему за Волгой посидѣнки не обходятся безъ парней, а въ Горахъ—и чѣмъ глубже, тѣмъ строже—соблюдается обычай изгнанія парней съ посидѣнокъ до того, что присутствіе ихъ даже срамомъ считается, и т. д., и т. д. На этомъ пути мы никогда не сойдемся съ этнографомъ-централистомъ, не потому, конечно, чтобы мы были враждебными другъ другу сторонами, наоборотъ—мы тѣснѣйшіе союзники, но только задачи наши хотя и сходны, но не однѣ и тѣ-же; другими словами, мы идемъ къ одной и то же цѣли—отечествовѣдѣнію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,—но только различными путями: централистъ-этнографъ требуетъ печатанія однихъ новыхъ матеріяловъ, находя, что печатаніе уже извѣстныхъ только увеличиваетъ его собственный трудъ, заваливая его массой лишняго матеріяла... Мы-же съ готовностью издали-бы, если-бы кто намъ доставилъ, сборникъ, напр., всѣхъ пѣсенъ, извѣстныхъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ, хотя-бы $^{9}/_{10}$ изъ нихъ были давно изданы, такъ-какъ намъ важно то, что представляетъ именно нижегородское Поволжье, которое мы считаемъ себя призванными изучать. Въ такомъ сборникѣ мы много-много

что ограничились-бы одними ссылками только относительно пѣсенъ черезчуръ извѣстныхъ, да и то едвали какъ не помѣстить въ сборникѣ пѣсенъ нижегородскаго Поволжья пѣсню «Внизъ по матушкѣ, по Волгѣ», несмотря на ея общераспространенную извѣстность, доходящую даже до избитости,—извѣстность, прибавимъ между прочимъ, далеко не соразмѣрную съ достоинствами пѣсни, такъ-какъ есть много волжскихъ пѣсенъ несравненно выше ея какъ по содержанію, такъ и по напѣву, и въ особенности по характеристичности ихъ, напрям. «Не боюсь я Волги-матушки валовъ»... «(Нижег. сборн., т. V. 1875 г., XII—XIII».

Безспорно, такое отношеніе къ задачамъ провинціальной печати нельзя не признать правильнымъ. Мысль, развиваемая г. Гацискимъ, давно уже созрѣла, и если провинціальная печать не успѣла еще проявить вполнѣ своихъ силъ, то это потому, что силы ея разъединены, а между тѣмъ объединеніе ихъ встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе хотя-бы, напр., въ томъ, что провинціальная печать не обладаетъ издательскими средствами и притомъ, по спеціальности своихъ изданій, должна ограничиваться самымъ ничтожнымъ кругомъ читателей. Мысль г. Гацискаго можетъ уже опереться на опытъ прежнихъ лѣтъ. Такъ, малорусская печать, которая по отношенію къ общей русской печати можетъ быть названа провинціальною, доказала, что она въ состояніи вызвать къ жизни даже то, что уже исторически покончило свое существованіе: вся исторія и этнографія Малороссіи, всѣ эти цѣльные историческіе типы изъ прошлаго украинскаго народа, всѣ эти Наливайки, Дорошенки, эта богатая поэзія южно-русскаго народа, которая не безъизвѣстна и западной Европѣ,—все это болѣе или менѣе продуктъ провинціальной, малорусской печати. А между тѣмъ тутъ рядомъ съ запорожскими казаками, почти въ одно и то-же время жили и дѣйствовали донскіе казаки да и до настоящаго времени продолжаютъ свое историческое существованіе, какъ характеристическая особь въ государствѣ; при всемъ томъ и нравственный, и историческій, и этнографическій обликъ этой особи какъ всегда представлялся намъ въ туманѣ, такъ и теперь остается въ туманѣ. Подобно Украинѣ, Подонье, безспорно, могло-бы указать не на одну такую личность, которая прославлена или ярко освѣщена малорусскою

печатью, ея исторіею, ея народными думами. Донъ, также какъ и Днѣпръ имѣетъ свою исторію и свою историческую физіономію. Постоянный напоръ этого воинственнаго товарищества на югъ, борьба съ турками, внутреннія встряски этой безпокойной казацкой артели, оканчивавшіяся часто походами на Русь, на Волгу,—все это могло-бы дать много рельефнаго для исторіи Дона и онъ-бы съ большимъ правомъ перешолъ на страницы историческаго безсмертія. Но самъ Донъ ничего почти о себѣ не сказалъ. Его прошлое извѣстно на-столько, на-сколько оно могло быть доступно и интересно издали историку-централисту. Поэтому Донъ такъ и остался почти мертвою страницею въ исторіи. Никто не записалъ ни его историческихъ и бытовыхъ пѣсенъ, ни прошлаго, ни настоящаго строя его жизни; никто не обрисовалъ нравственной и общественной физіономіи его сыновъ и дщерей, говоря высокимъ слогомъ; никто не раскопалъ даже его архивовъ. Вообще Дону не посчастливилось. Занятый своимъ военнымъ ремесломъ до послѣдняго времени, онъ не могъ выдѣлить изъ своихъ сыновъ ни одного мѣстнаго писателя, представителя донской печати и донской интеллигенціи, подобно тому, какъ это сдѣлала Малороссія, которая, напротивъ, выставила цѣлый контингентъ писателей, и централистовъ, и децентралистовъ, начиная отъ историковъ, поэтовъ, этнографовъ и кончая послѣдними могилокопателями: и прошлое и настоящее Малороссіи, дѣйствительно, представляетъ почтенный контингентъ работниковъ въ пользу историческаго безсмертія малорусскаго народа. Маркевичъ, Бантышъ-Каменскій, Ригельманъ, Бодянскій, Срезневскій, князь Цертелевъ, Квитка-Основьяненко, Гулакъ-Артемовскій, Нарѣжный, Гоголь, Гребенка, Метлинскій, Костомаровъ, Кулишъ, Шевченко, Антоновичъ, Драгомановъ, Русовъ, а еще раньше—Конисскій, Величко, Марковичъ и т. д., и т. д.,—цѣлая масса дружно работающихъ силъ, которыя и вынесли на своихъ плечахъ и прошлое, и настоящее Малороссіи на Божій свѣтъ, не дали ему покрыться паутиной и пылью забвенія, какъ покрыто забвеніемъ прошлое Дона, а настоящее — невѣдѣніемъ. На то-же забвеніе осуждено было и прошлое Поволжья. Изрѣдка историки-централисты какъ, напр., С. М. Соловьевъ, касались Волги и ея историческаго прошлаго, когда уже совершенно нельзя было его обойти:

упоминали о дѣйствовавшемъ на Волгѣ Ермакѣ, покорителѣ Сибири, о Стенькѣ Разинѣ, о Заруцкомъ немного тогда какъ все остальное погружено было во мракъ. Но когда мѣстные работники печати разрыли уцѣлѣвшіе отъ огня и мышей архивы Поволжья и вывели на свѣтъ Божій забытыхъ атамановъ и добрыхъ молодцовъ понизовой вольницы, — то и прошлое Поволжья нѣсколько рельефнѣе выдвинулось изъ сумрака забытой старины, и оказалось, что связь прошедшаго съ настоящимъ должна была выработать именно это настоящее Поволжье, какое мы видимъ, а не другое.

Уясняя далѣе задачи провинціальной печати, г. Гациской говоритъ, что при такомъ взглядѣ на провинціальную печать, какой онъ высказалъ вообще, онъ «вполнѣ понимаетъ и цѣнитъ такіе чисто-научные пріемы, которые практикуются, напр., гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ въ изданномъ ими недавно первомъ томѣ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа». «Мы только находимъ (поясняетъ онъ), что рядомъ съ такими трудами, какъ сейчасъ названный, имѣютъ право на существованіе и такіе, за которые мы стоимъ... Централисту-этнографу извѣстенъ, напр., обычай «запоя» невѣсты, и если онъ истый централистъ, онъ доволенъ тѣмъ, что знаетъ о существованіи въ Россіи этого обычая; если онъ централистъ-Маниловъ, онъ сокрушается своимъ знаніемъ и при случаѣ скрываетъ или идеализируетъ его... Намъ важно знать, нѣтъ-ли какого различія или сходства въ этомъ обычаѣ въ глухой Лукояновщинѣ, тяготѣющей къ тамбовской губерніи, и въ понизовьяхъ Оки, въ оленинской волости. Централисту-этнографу извѣстна «самокрутка», обычай жениться «уводомъ» — намъ важно знать, переходитъ-ли онъ съ лѣваго берега Волги на правый и гдѣ проходятъ границы его распространенія на югъ, въ Горахъ. Централистъ-этнографъ, услыхавъ, напр., пословицу на Уралѣ и внеся ее въ свою записную книжку, не особенно настораживаетъ ухо, если услышитъ ее на Волгѣ. Намъ важно, что извѣстная пословица, а также и поговорка, или наговоръ, или повѣріе извѣстны въ селѣ Вередѣевѣ и неизвѣстны въ Семети; намъ важно знать, какіе изъ общихъ русскому народу пословицъ, поговорокъ, наговоровъ, повѣрій составляютъ полную собственность нижего-

родскаго Поволжья и всѣхъ его составныхъ частей, какія принадлежатъ ему исключительно, какія нижегородское Поволжье передѣлало на свой ладъ, —для того, чтобы смотрѣть на все это выраженіе народнаго міросозерцанія нижегородскаго Поволжья не какъ на простую забаву, а какъ на матеріялъ для сужденія о физіономіи мѣстности, о складѣ ума его населенія, вообще о складѣ, положимъ, его трудовой жизни; напр., извѣстная въ Горахъ поговорка, которую, какъ мы догадываемся, разнесли здѣсь, вѣроятно, заволжскіе (семеновскіе) шерстобиты—«наши за Волгой давно спятъ»—намекаетъ на существующій за Волгой обычай кончать работу и ложиться спать ранѣе, чѣмъ въ Горахъ»..

Развивая далѣе свою мысль, писатель-децентралистъ, писатель-провинціалъ продолжаетъ: «Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы мысль наша была ясна, т. е. чтобы было понятно, въ какомъ смыслѣ стремимся мы къ изученію физіономіи нашей мѣстности, такъ-какъ только для поверхностнаго наблюдателя кажется, что мужикъ—вездѣ мужикъ, потому что на немъ вездѣ заплатанный съ характеристическимъ запахомъ чапанъ, и вездѣ онъ безграмотенъ или полуграмотенъ, что одинъ городъ у насъ ухо-въ-ухо похожъ на другой, потому что въ каждомъ изъ нихъ есть по дворянской улицѣ, по клубу и полицмейстеру, и въ каждомъ не хватаетъ школъ, и въ нихъ одинаково жить скучно; но стоитъ только поближе подойти къ этому сѣрому мужику, стоитъ только поближе всмотрѣться въ народную, а не въ клубную жизнь этого будто-бы скучнаго города съ казеннымъ видомъ отъ присутственныхъ мѣстъ, чтобы увидать, что нижегородскій мужикъ вовсе не такъ похожъ на тамбовскаго, а ужь Нижній и вовсе не похожъ на Тамбовъ, не похожа даже Пенза на Калугу, несмотря на то, что безъ дворянской улицы они все-таки немыслимы».

Наконецъ провинціальный писатель старается уяснить тѣ отношенія, въ которыя провинціальная печать должна стать къ печати центральной. Онъ говоритъ, что для подробнаго изученія физіономіи мѣстности необходимы такіе матеріялы, какіе онъ предлагаетъ въ своемъ изданіи, на которые, конечно, нельзя смотрѣть какъ на цѣль, но только какъ на болѣе или менѣе пригодное средство Только собравши массу такихъ матеріяловъ, можно будетъ осно-

вательно судить о физіономіи *мѣстности*, и только собравши массу такихъ матеріяловъ о *всѣхъ* разнообразныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, можно будетъ судить о физіономіи *всего отечества* нашего. Кропотливое собираніе и печатаніе такихъ матеріяловъ должно быть главнѣйшей и почетнѣйшей обязанностью провинціальной литературы. Въ ясномъ сознаніи нуждъ и обязанностей провинціальной печати, пока еще не пришло время говорить о правахъ ея, должна заключаться вся ея *сила*. Только въ этомъ сознаніи, только въ добросовѣстной работѣ надъ своимъ дѣломъ и долженъ заключаться весь протестъ противъ централизаціи литературы въ немногихъ крупныхъ городахъ:—протестъ мирный, протестъ дружнаго сработника, имѣющаго только свою спеціальность рядомъ съ общими интересами;—протестъ, неимѣющій ничего общаго съ оппозиціоннымъ ворчаньемъ въ Москвѣ на Петербургъ особы оказавшейся «не у дѣлъ», и тѣмъ менѣе общаго имѣющій съ тѣми литературными протестантами въ провинціи, которые находятъ въ ней лишь одну тишь да гладь въ сравненіи съ якобы вавилонскимъ значеніемъ Петербурга, и потому представляютъ нѣкоторую, преимущественно жалкаго вида, пародію на московскихъ славянофиловъ прежняго пошиба, лаявшихъ на «гнилой» Западъ. «Мы, продолжаетъ этотъ упрямый провинціалъ,—мы, понятно, ни въ чемъ не упрекаемъ централистовъ-литераторовъ; мы только находимъ. что у нихъ свои задачи, у насъ—свои, кромѣ, конечно, тѣхъ общихъ задачъ, которыя одинаково принадлежатъ и имъ, и намъ; если-же мы не пользуемся и тѣми благами. которыми пользуются централисты-литераторы, то въ этомъ, конечно, всего менѣе виноваты послѣдніе; они, или, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ первые порадовались-бы большему простору въ дѣятельности провинціальной печати въ обширномъ смыслѣ слова, т. е той печати, которая, подобно «Нижегородскому сборнику», имѣетъ дѣло преимущественно съ сырьемъ, и той, которая въ будущемъ получитъ назначеніе обобщать и служить точной выразительницей провинціальнаго сознанія... А пока, повторяемъ чуть не въ десятый разъ, мы даже не особенно торопимся подводить итоги; пока мы даже зачастую намѣренно воздерживаемся отъ обобщеній, надѣясь, что они придутъ сами собою гораздо естественнѣе, такъ какъ они

иногда до сихъ поръ намъ являлись, незачѣмъ намъ стремиться къ нимъ во что-бы то ни стало... Кромѣ того, со временемъ эти обобщенія будутъ солиднѣе и потому, что настанутъ когда-нибудь болѣе лучшіе дни и для провинціальной печати, когда она не будетъ говорить то-и-дѣло оглядываясь по сторонамъ, какъ, бывало, говаривали «люди» въ «людской»...

Такъ говоритъ провинція о задачахъ *своей* печати. Такъ можетъ говорить только молодость, когда старость не вывела серебра изъ-подъ черепа на порѣдѣвшія кудри, оставивъ подъ черепомъ одно неокисляющееся золото и—испаряющійся фосфоръ. Посѣдѣлые центры такъ не скажутъ. Что сказали-бы центры съ серебромъ на головѣ—мы это узнаемъ впослѣдствіи.

IV.

Опредѣливъ по-возможности словами самой провинціи главнѣйшія задачи ея печати, мы не показали, однако, какими силами она располагаетъ для того, чтобы дѣло ея не умерло, чтобы не исполнилась страшная угроза, которая слышится въ теоріи большихъ городовъ,—угроза, обрекающая провинціи на какое-то духовное убожество и, можетъ быть, на смерть.

Сами провинціи того мнѣнія, что рабочія интеллигентныя силы ихъ огромны, но что имъ не даютъ будто-бы ходу. Онѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о рано погибшей «Камско-Волжской Газетѣ» и о другихъ такихъ-же попыткахъ, кончавшихъ несвоевременною смертью. Но едва-ли мы ошибемся, если преждевременную смерть этихъ органовъ провинціальной печати объяснимъ тѣмъ, что они не сдѣлавъ или, какъ говорится, не выдувъ себѣ зубковъ, стали питаться несвойственною младенческому желудку пищею, т. е., что они, не обладая тактомъ подобныхъ-же центральныхъ изданій, касались вопросовъ, съ которыми вообще печать должна обходиться осмотрительнѣе. Что можетъ вполнѣ прилично высказать болѣе или менѣе шлифованный языкъ публициста-централиста, то совершенно иначе выразитъ шероховатая, далеко не отпо-

лированная еще рѣчь писателя-провинціала: если у Тита Ливія «патавинскаго» (patavinus) полированные римляне находили въ языкѣ шероховатость «провинціализма», patavinitas, нѣчто отдающее, съ нашей точки зрѣнія, Поволжьемъ, поволжскимъ patois, то еще легче этотъ общественный патавинизмъ въ настоящее время подмѣчается въ пріемахъ рѣчи Поволжья или хотя-бы Малороссіи. Титъ Ливій, чтобы быть безсмертнымъ и полезнымъ своей странѣ, всей своей великой отчизнѣ, а не умереть скоро-забываемымъ провинціальнымъ писателемъ, долженъ былъ насильственно задавить въ себѣ свой родной патавинизмъ, негармонировавшій съ общимъ строемъ жизни вѣчнаго города. И онъ сдѣлалъ это такъ, какъ, по теоріи Дарвина, птица мѣняетъ цвѣтъ своего пера, а звѣрь—цвѣтъ шерсти, смотря по тому, гдѣ они должны жить — въ зеленыхъ и цвѣтущихъ лѣсахъ или между полярными льдами и снѣгами. Чтобы спасти свою жизнь отъ болѣе сильныхъ особей, птица доводитъ невѣдомо какими путями свое перо до цвѣта того лѣса и до яркости тѣхъ ліанъ, среди которыхъ ей приходится жить, какъ напр., райской птичкѣ или какаду, такъ что въ этомъ лѣсѣ и въ этихъ ліанахъ она дѣлается невидима издали, вполнѣ гармонируя съ окружающею ее природою и жизнью; у сѣраго и бураго медвѣдя, живущаго въ борахъ средней Россіи, между бурой сосной и сѣрой березой, шерсть вырождается въ бѣлую, въ шерсть полярнаго, бѣлаго медвѣдя, когда ему приходится жить между полярными льдами и бѣлыми снѣгами. Такъ у писателя-централиста всѣ литературные пріемы и языкъ по-необходимости гармонируютъ съ окружающею его жизнью, и всякій Титъ Ливій, попавъ изъ Патавіи въ Римъ, перестаетъ быть провинціаломъ-патавинцемъ или, говоря по-современному, поволжаниномъ или украинцемъ, а дѣлается римляниномъ, civis romanus, только съ маленькимъ напоминаніемъ въ языкѣ о томъ, что онъ изъ Патавіи, съ Волги, съ Днѣпра. Это даже не компромиссъ, сколько-нибудь неблаговидный, бросающій на человѣка тѣнь въ шаткости его нравственныхъ принциповъ или общественныхъ идеаловъ; это даже не уступка, не поддѣлыванье, а это—неотразимый процессъ жизни и воздѣйствіе этой жизни на всякій индивидуумъ, подобно тому, какъ бурый медвѣдь самъ не замѣчаетъ, какъ съ теченіемъ вре-

мени на сѣверѣ его бурая шерсть превращается въ бѣлую, а нашъ сѣренькій поволжскій ремезъ превращается въ золотистую райскую птичку. Слѣдовательно, «Камско Волжская Газета» и другіе подобные ей органы не могли быть долговѣчны въ провинціи, потому что райской птичкѣ не по климату жить въ Поволжьѣ, а болтливому какаду на Днѣпрѣ: ихъ мѣсто въ Новомъ Свѣтѣ или гдѣ-либо вообще въ дѣвственныхъ лѣсахъ.

Понятно, что въ провинціальной печати только такое дѣло можетъ быть долговѣчно и принести свою пользу, какое практикуется издательскою дѣятельностью г. Гацискаго на Волгѣ и нѣкоторыми изъ молодыхъ провинціяльныхъ дѣятелей на Днѣпрѣ. Оба эти дѣла идутъ дружно и хотя, повидимому, преслѣдуютъ нѣсколько различныя цѣли, но въ концѣ-концовъ результаты должны выйти изъ всего этого одни и тѣ-же, только, конечно, не тѣ, которыхъ такъ опасаются совершенно никому невѣдомый г. А. и нѣсколько болѣе вѣдомый г. Гогоцкій въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; ужь г. Гацискаго едвали можно заподозрить въ «поволжскомъ сепаратизмѣ» и въ «поволгофильствѣ», какъ приднѣпровскихъ дѣятелей провинціальной печати силятся заподозрить въ украинскомъ сепаратизмѣ или какомъ-то злостномъ украйнофильствѣ.

Относительно силъ, какими распологаетъ съ настоящее время провинція и какія при данномъ положеніи дѣлъ могутъ быть удобоприложимы къ дѣлу, мы тоже находимъ указаніе въ провинціальномъ изданіи, именно въ «Сборникѣ въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года», изданномъ въ 1875 г.

Въ предисловіи къ этому выпуску, составляющему какъ-бы продолженіе изданнаго въ 1872 году секретаремъ витебскаго статистическаго комитета г. Сементовскимъ такого-же «Сборника» въ память съѣзда, издатель, между прочимъ, говоритъ о тѣхъ сомнѣніяхъ вообще, какія возникали въ провинціи относительно возможности самостоятельнаго существованія провинціальной печати. «Намъ указывали, замѣчаетъ онъ, — на сомнительность успѣха изданія, въ виду малочисленности силъ, собранныхъ въ первомъ выпускѣ его... Мы твердо стояли на одной случайности въ этомъ отношеніи, на томъ, что, быть можетъ, г. Сементовскій слишкомъ

довѣрялся *обѣщаніямъ* и не особенно настойчиво напоминалъ объ ихъ исполненіи. Намъ затѣмъ указывали на *малочисленность*, и, что еще хуже, на *внутреннюю слабость провинціальныхъ литературныхъ силъ вообще* (а именно на провинціальныя мы и разсчитывали), какъ на неодолимое препятствіе, слѣдствіемъ котораго должна явиться безцвѣтность изданія... Мы ссылались на нѣкоторое свое знакомство съ наличнымъ контингентомъ провинціальныхъ литературныхъ силъ, который представляется намъ далеко не такимъ слабымъ, ни количественно, ни качественно, чтобы нельзя было на него разсчитывать.... Дѣло провинціальной печати стоитъ не за скудостью провинціальныхъ силъ, такъ обильно питающихъ и наши литературные центры, а за другими, неблагопріятными для проявленія ихъ, препятствіями, которыя, однако, рано или поздно неизбѣжно устранятся... Да и вообще мы въ подобныхъ случаяхъ припоминаемъ мудрую нѣмецкую пословицу: Ich will was ich kann, und ich kann was ich will... Намъ, наконецъ выставляли на видъ, что, при сомнительности успѣха изданія, лучше-бы и не приниматься за него, тѣмъ болѣе, что однимъ сборникомъ монографій по отечествовѣдѣнію (да еще неизвѣстно, какого достоинства) больше, однимъ—меньше, не все-ли равно?. На это мы отвѣчали, что дѣйствительно если-бы дѣло остановилось на настоящемъ выпускѣ, пожалуй и не стоило-бы хлопотать о немъ; но мы задумали продолженіе предпріятія г. Сементовскаго на неопредѣленное время, не ограничивая изданія извѣстнымъ, опредѣленнымъ числомъ выпусковъ... Главное-же возраженіе наше на этотъ пунктъ заключается въ томъ, что если вообще пристально и усердно задаваться вопросомъ: «стоитъ-ли?»—всего вѣрнѣе, что никогда ничего не сдѣлаешь, такъ-какъ, начиная какое-бы то ни было дѣло, всегда можно подыскать болѣе шансовъ неудачи, чѣмъ удачи. Усердно умозаключая на этой наклонной плоскости, немудрено дойти чуть не до факирской невозмутимости, такъ-какъ для того, чтобы быть Гамлетомъ, достаточно именно не обладать силой его: нужно только родиться въ щигровскомъ уѣздѣ».

Относительно того, что провинція нуждается не въ одномъ «легкомъ чтеніи», обильно разсылаемомъ центрами печати, издатель-редакторъ провинціальнаго сборника продолжаетъ: «Мы, по-

вторнемъ, надѣемся, что изданіе «Сборника въ память статистическаго съѣзда 1870 года», какъ сборника, посвященнаго печатанію всевозможныхъ матеріаловъ по отечествовѣдѣнію, не остановится на настоящемъ выпускѣ, такъ-какъ несомнѣнно «чувствуется потребность въ подобномъ провинціальномъ изданіи: столичный рынокъ сбыта матеріаловъ, подобныхъ предлагаемымъ въ настоящей книгѣ, далеко не удовлетворяетъ размѣрамъ предложенія и спроса на нихъ». Такъ-называемые «толстые» журналы, по характеру своему, часто не могутъ печатать статьи съ несомнѣнными достоинствами только потому, что совершенно основательно, съ своей точки зрѣнія, считаютъ ихъ черезчуръ мѣстными именно для своей публики, или мало удовлетворяющими цѣлямъ популяризаціи знаній вообще, или, наконецъ, недостаточно литературно изложенными. Всевозможные «Труды», «Записки», «Извѣстія» и т. п. нашихъ ученыхъ обществъ завалены матеріалами и преслѣдуютъ также или преимущественно общіе интересы, или, наоборотъ, исключительно спеціальные. Съ другой стороны, чисто-провинціальное изданіе, которое мы имѣемъ въ виду, крайне необходимо въ цѣляхъ соединенія разбросанныхъ по всей странѣ, разъединенныхъ, единичныхъ литературныхъ силъ... По временамъ приходится читать въ газетахъ, что умеръ въ Казани или Иркутскѣ такой-то провинціальный писатель, всю жизнь усердно и почти безвѣстно работавшій по изученію своего угла... Масса подобныхъ писателей даетъ пищу составителямъ руководствъ по географіи, всевозможнымъ компиляторамъ, часто даже не ссылающимся на источникъ, изъ котораго они черпаютъ свои компиляціи... Эти-то кропотливые труженики и составляютъ наши провинціальныя литературныя силы, далеко не такія слабыя, какъ обыкновенно о нихъ думаютъ. Подъ этими литературными силами мы, конечно, не разумѣемъ дышащихъ обыкновенно одною теплотою чувствъ фельетонистовъ и публицистовъ «Губернскихъ Вѣдомостей» и многихъ «Листковъ», отличающихся отъ «Вѣдомостей» только тѣмъ, что издаются они не губернскимъ правленіемъ».

Наконецъ, провинціальный издатель говоритъ, что не одни они, провинціалы, такъ думаютъ о назначеніи провинціальной печати, а потому «чувствуютъ за собой и извѣстную силу»; что вмѣстѣ съ

ныхъ познаній тутъ не нужно. Ну
и добросовѣстно записать ихъ
съумѣютъ найти имъ надлежащее
вѣческаго житья-бытья и объясни
гими фактами; *талантливые юсуд*
ими для блага народа. Не бойтесь
шуются въ общей картинѣ сами с
вѣдома, сдѣлаютъ свое дѣло. *Пол*
себя».—«Провинціальная печать, го
провинціалъ,—стремясь къ такому
должна, по нашему мнѣнію, тоже «

Итакъ, всѣ задачи провинціально
въ какомъ она возможна при данны
бучной, но тѣмъ не менѣе вѣчной и
самаго себя».

Эта-же скромная провинціальная
нами и наше собственное невѣжество
что надо-же намъ, наконецъ, «познат

Наши современные географы, по к
изучаетъ свое отечество, много говоря
памяти не только учащагося юношеств
остается до сихъ

ствовѣдѣніи бросить въ огонь, какъ Гоголь бросилъ туда своего несчастнаго «Ганса Кюхельгартена», а бросивъ въ печь негодные учебники, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ передѣлать и убѣжденія наши относительно многаго, что казалось такимъ яснымъ, пока мы не дошли до самопознанія хотя въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. «Взглянувъ, говоритъ этотъ писатель-провинціалъ,—на милліонные грузы, покрывающіе эту пресловутую «артерію», эту поэтическую «кормилицу» (Волгу-матушку), кормящую дѣйствительно весьма усердно главнымъ образомъ и безъ того сытые желудки; взглянувъ на длинный перечень всевозможныхъ промысловъ, существующихъ въ нижегородскомъ Поволжьѣ; прослышавъ о склонности нижегородскаго жителя къ торговлѣ, развитой до того, что въ селѣ Вескресенскомъ, на Ветлугѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, покупаютъ только для того, чтобы купить, продаютъ только для того, чтобы продать, не имѣя въ виду никакого барыша; прочитавъ въ какомъ-нибудь географическомъ учебникѣ, что нижегородская почва производитъ и рожь, и пшеницу, и дубъ, и сосну, и капусту, и чечевицу, и даже кукурузу; прочитавъ въ томъ-же учебникѣ, что изъ звѣрья водится здѣсь и лисица, и лось, и олень, и водился во время оно даже бобръ,—поверхностный наблюдатель можетъ даже придти въ нѣкоторый восторгъ и воскликнуть: «вотъ гдѣ молочныя-то рѣки текутъ съ кисельными берегами!»

Но это только *такъ* говорится: это—эпическій пріемъ. Это то-же, что вы слышите, входя въ самую бѣдную лачугу, какъ полунищенка мать, качая своего ребенка, завернутаго въ тряпки и положеннаго въ люльку изъ стараго рѣшета, поетъ заунывно:

У кота, кота, кота
Колыбелька золота,
А у Ванюшки мово
Еще лучше тово...

И вы очень хорошо знаете, что это—эпическій пріемъ, что это поется *такъ*, что у кота, и особенно у крестьянскаго, никогда не бываетъ золотой колыбельки, а равно и у Ванюши не бываетъ «лучше тово». Равнымъ образомъ и Ванюшка впослѣдствіи, когда выростетъ, вспоминая, какъ мать надъ его рѣшетомъ—колыбелью

пѣла—«будешь въ золотѣ ходить и онучушки носить все шелко выя», пойметъ очень хорошо, что это пѣлось только *такъ*, по любви материнской... Этотъ эпическій пріемъ сохранился и во многихъ отзывахъ нашихъ учебниковъ по отечествовѣдѣнію. «Стоитъ вглядѣться въ дѣло попристальнѣе, говоритъ писатель-провинціалъ,—чтобы увидѣть, что щедрая «кормилица» щедра только для крупнаго пароходовладѣнія»; что «разнообразные промыслы и земля порядочно кормятъ только всевозможныхъ промышленниковъ—«наборщиковъ», «скупщиковъ», «кулаковъ», «маклаковъ», «собиньщиковъ», «пушниковъ», «праховъ» и т. п., которые, въ свою очередь, служатъ очень вкусной пищей для торговыхъ тузовъ высшаго полета, засѣдающихъ въ Нижнемъ, въ Москвѣ, въ Рыбинскѣ, въ Петербургѣ; что «развитая мелкая торговля живетъ грошами»; что «лось съ оленемъ и лисицей доставляютъ пріятное времяпровожденіе членамъ нижегородскаго общества охоты»; что «бобры находятся въ потомственномъ, безспорномъ владѣніи нижегородскихъ историковъ».

И оказывается, что это только въ пѣснѣ поется о золотой колыбелькѣ у кота и о шелковыхъ онучкахъ у Ванюшки: это поетъ материнская любовь.

«Наши географы (говоритъ далѣе писатель-провинціалъ въ нижегородскомъ статистическомъ «Сборникѣ»), прослышавъ, что въ нижегородской губерніи есть село Лысково, съ значительнымъ подвозомъ къ нему хлѣба (кстати замѣчу—не изъ нижегородской губерніи по-преимуществу, а изъ казанской и симбирской), съ златоглавыми церквями, съ каменными домами, окрещиваютъ Лысково въ «богатое» село, тогда какъ если оно и было когда-нибудь богатымъ, что, однако, подлежитъ еще спору, то въ настоящее время оно бѣднѣетъ съ каждымъ годомъ, чуть не съ каждымъ днемъ. А соблазнившись Лысковымъ и подобными ему пунктами, переносятъ богатство на все нижегородское Поволжье»... «Богатство ветлужскихъ береговъ неистощимо», говорится, напр., въ одномъ изъ нашихъ лучшихъ и добросовѣстнѣйшихъ географическихъ источниковъ (Фроловскомъ «Магазинѣ»), питающемъ однако, слишкомъ много нашихъ современныхъ географовъ, путающихъ географію съ исторіей и имѣющихъ слабость подкрѣплять недостатокъ

собственныхъ знаній современности ссылками на современность, отошедшую уже въ область прошедшаго; но стоитъ поставить собственную ногу, напр., на берега этихъ «неистощимыхъ богатствъ», чтобы тотчасъ смекнуть, какъ они истощимы, истощимы до того, что во многихъ мѣстахъ по Ветлугѣ, за недостаткомъ матеріяла, совершенно прекратилось нѣсколько лѣсныхъ промысловъ. Огромную на бумагѣ цифру лѣсовъ въ нижегородской губерніи (слишкомъ 2 милліона десятинъ на 4 милліона десятинъ всего пространства губерніи) можно если не отожествить, то нѣсколько уподобить бывшему въ судебной практикѣ дѣлу объ одномъ лѣсничемъ, у котораго для ревизій существовалъ одинъ планъ лѣсныхъ дачъ, находящихся въ его завѣдываніи, а въ дѣйствительности—другой, конечно, вовсе не похожій на первый».

Слѣдовательно, и здѣсь эпичискій пріемъ народнаго творчества—у кота золотая колыбелька и у Ванюшки шелковыя онучки... Это опять поетъ материнская любовь—поетъ надъ колыбелью изъ рѣшета, а серебряныя слезы сквозь невидимое, но воображаемое золото капаютъ на дорогія, хотя дырявыя пеленки ребенка... За что-же винить добрую мать, за что Ванюшкѣ плакаться на нее? И онъ не плачется... «На нашихъ добросовѣстныхъ географовъ, впадающихъ въ ошибки помимо ихъ воли и добраго желанія, конечно, особенно плакаться нельзя (поясняетъ писатель-провинціалъ): не отъ нихъ зависитъ, что они въ большинствѣ случаевъ принуждены заниматься лишь переплетнымъ мастерствомъ, сшивая нитками тотъ разбросанный печатный матеріялъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющій значеніе хлама, который имъ подъ руку попадается; предпринимать личныя изслѣдованія всей Россіи они, само собою разумѣется, не въ состояніи, а серьезныя мѣстныя работы стали появляться недавно и ихъ, сравнительно, еще очень мало; но что сказать о тѣхъ изслѣдователяхъ, которые систематически и сознательно преслѣдуютъ принципъ «все обстоитъ благополучно» и даже нагло изволятъ гнѣваться, если встрѣчаютъ противорѣчіе и готовы при этомъ разбить зеркало, ни въ чемъ не виноватое?» (Нижегородскій сборникъ, изд нижегородск. губерн. статист. комитетомъ, подъ ред. А. С. Гацискаго, т. V, 1875 г., и Сборникъ въ память перваго рус. статистич. съѣзда 1860 года, тоже

изд. нижегор. стат. комитета и подъ тою-же редакціею, вып. II, 1875 г.).

V.

Что же сдѣлала провинціальная печать или, по крайней мѣрѣ, та ея самостоятельная фракція, которая громче другихъ заявляетъ о своемъ существованіи и довольно настойчиво преслѣдуетъ свои цѣли?

Повидимому, она сдѣлала немного. Плодомъ ея восьмилѣтняго (съ 1867 г.) существованія было изданіе пяти томовъ «Нижегородскаго сборника», «Сборника въ память перваго русскаго статистическаго съѣзда 1870 года» и «Нижегородки»—нѣчто въ родѣ нижегородскаго гида, приспособленнаго къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ. Всего шесть довольно объемистыхъ томовъ и одна карманная книжечка—это такихъ размѣровъ провинціальная печать, которая сама о себѣ можетъ сказать, подобно древнему мудрецу, на вопросъ: «гдѣ его имущество?», отвѣчавшему указаніемъ на свою лысую голову: «omnia mecum porto». Дѣйствительно, эта фракція провинціальной печати можетъ сказать о себѣ словами древняго философа, что она «все съ собою носитъ». Въ шести изданныхъ г. Гацискимъ томахъ заключается все, что могло до сихъ поръ сказать о себѣ дѣльнаго все нижегородское Поволжье и то, что оно само узнало о себѣ. А то, что оно узнало, разбиваетъ очень много иллюзій, которыми полны были всѣ прежнія свѣдѣнія русской центральной печати о нижегородскомъ Поволжьѣ. Подводить итоги всему, что сдѣлано для русскаго отечествовѣдѣнія нижегородскою провинціальною печатью, мы не станемъ, потому что, съ одной стороны, это выходило-бы изъ предѣловъ нашей задачи, а съ другой—едва-ли было-бы выполнимо по той массѣ матеріала, которая еще долго будетъ давать пищу и «людямъ науки», и «талантливымъ государственнымъ людямъ». Какъ-бы то ни было, эта фракція провинціальной печати съ честью исполняетъ свое дѣло и изъ добытыхъ ею матеріаловъ уже не мало черпали

драгоцѣнныхъ указаній и наши писатели-централисты, и «люди науки», и «талантливые государственные люди».

За *нижегородскою* фракціею можно поставить фракціею *сѣверную*, ту, представители которой въ послѣднее десятилѣтіе большею частью группировались въ Архангельскѣ, преимущественно около тамошняго статистическаго комитета, подобно тому, какъ нижегородско-поволжская фракція группируется около нижегородскаго статистическаго комитета и лично около г. Гацискаго, въ лицѣ слѣдующихъ болѣе или менѣе постоянныхъ сотрудниковъ: гг. Смирнова (нынѣ покойника), Русинова, Овсянникова, Пѣстова, Пѣвницкаго, Борисовскаго, Храмцовскаго, Коробкина, Тибрина, Журавскаго, Кудрявцева, Трушкова, Успенскаго, Тихонравова, Ермолова, Корвинъ-Круковскаго, Мельникова (Пав. Ив.), Саламыкова; *священниковъ:* Троицкаго, Доброзракова, Лебединскаго, Кроткова, Розова, Ястребцова, Крылова, Гуляева, Прогресова, Добротина, Покровскаго, Поспѣлова, Кордатова, Владимірскаго, Рославлева, Остроумова, и *госпожи* Бравиной, которой трудъ особенно рельефно выдается въ массѣ всѣхъ изданій нижегородской фракціи. Замѣчательно, что самый большой процентъ провинціальныхъ писателей въ нижегородско-поволжской фракціи составляютъ *священники,* и поэтому г. Гацискій приводитъ, какъ онъ выражается, «шуточное сравненіе» настоящаго положенія нижегородскаго Поволжья въ отношеніи его умственно-литературнаго значенія «съ тѣми эпохами развитія народовъ, когда представителями, двигателями литературно-умственной жизни являлось духовенство», и говоритъ: «мы на этотъ разъ, быть можетъ, уже кромѣ всякихъ шутокъ и ужь во всякомъ случаѣ когда намъ вовсе не до шутокъ, сравнимъ самихъ себя съ А. Е. Измайловымъ... Почему, въ самомъ дѣлѣ, откровенно не поговорить на манеръ редактора «Благонамѣреннаго», когда провинціальная печать, которой мы все-таки представляемъ частичку, стоитъ въ положеніи аналогичномъ тому, которое занимала русская печать временъ если не очаковскихъ, которыя въ этомъ отношеніи вовсе не были такъ унылы, то измайловскихъ?..»

Сѣверная факція, едва ли не по энергическому почину гг. Чубинскаго, Ефименко, кн. Гагарина и другихъ, если можно такъ

выразиться, пришлыхъ людей или, вѣрнѣе, пришлыхъ литературныхъ и интеллигентныхъ силъ, выставила также солидную массу самостоятельныхъ работъ по изслѣдованію сѣвернаго края, которыя явились отчасти какъ мѣстныя, провинціальныя изданія, отчасти-же перешли въ изданія центральныя, какъ труды г. Сидорова и т. п., въ Записки географическаго общества, какъ и изслѣдованія сѣверныхъ морей—труды кн. Крапоткина, Воейкова, Рыкачова, бар. Шиллинга, Шмидта и Яржинскаго. Но начало зарожденія сѣверной провинціальной печати все-таки принадлежитъ самой провинціи, хотя лица, положившія начало этому дѣлу, и не принадлежали исключительно сѣверу. Къ такимъ пришлымъ дѣятелямъ сѣверной фракціи провинціальной печати принадлежитъ и г. Немировичъ-Данченко, который однако, въ силу законовъ неотразимаго тяготѣнія къ центру, въ силу теоріи большихъ городовъ, перенесъ свою литературную дѣятельность въ центральные органы, какъ талантъ болѣе или менѣе выдающійся, какъ горькое для провинціи подтвержденіе того, что сила, талантъ и все или *почти* все, выходящее изъ ряда вонъ, рано или поздно поглощается центрами, этими прожорливыми чудовищами, большими городами—брюхомъ и головой провинцій. Въ этой фракціи мы можемъ указать на имена и другихъ рабочихъ, болѣе или менѣе помогавшихъ тасканью кирпича для будущаго зданія провинціальной печати,—это Истоминъ, Суворовъ, Бѣломорскій, Пилацкій, Кудрявинъ, Янишъ, Поромовъ, Соловцовъ и другіе.

Третьей фракціей провинціальной печати является фракція *сибирская*. Хотя по богатству и разнообразію силъ, которыми разновременно располагала и располагаетъ эта фракція, она и можетъ считаться одною изъ самыхъ крупныхъ фракцій провинціальной печати, однако, къ сожалѣнію, силы ея никогда не были сосредоточены, потому что не имѣли ни нравственнаго, ни топографическаго центра, около котораго, какъ силы поволжско-нижегородской и сѣверной фракцій, могли-бы группироваться и оставлять прочные, систематическіе слѣды этой коллективной работы. Всѣ литературныя силы этой фракціи разбросаны по разнымъ концамъ Сибири и Россіи, и болѣе выдающіяся изъ нихъ, также подъ давленіемъ безпощаднаго закона центростремительной силы, можно ска-

зать, почти всѣ поглощены большими городами, втянуты въ интеллигентные и литературные центры. Остальныя-же силы, не находя своего центра, невидимо почти для остальной Россіи пріютились то въ мѣстныхъ «Губернскихъ» и «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», то въ мѣстныхъ «Памятныхъ книжкахъ», и слѣды ихъ работы, по своей разбросанности, почти окончательно исчезаютъ; такъ что для того, чтобы знать, что сдѣлала сибирская фракція, необходимо предпринимать особое ученое изслѣдованіе, какъ бы вновь все изучать относящееся до Сибири по неизданнымъ источникамъ и при помощи личныхъ наблюденій и изысканій. Масса именъ сибирскихъ писателей или навсегда перестали считаться сибирскими дѣятелями, или перенесли окончательно свою дѣятельность въ другія мѣстности. Стоитъ только указать нѣсколько литературныхъ силъ, и крупныхъ, и рядовыхъ, чтобы видѣть, что сибирская фракція имѣла большой контингентъ рабочихъ и могла располагать большими литературными силами, если-бы имѣла свой центръ, а не чужой,—опять ужасная теорія центровъ, теорія всепоглощающихъ большихъ городовъ! Вотъ на выдержку эти имена, крупныя и рядовыя, которыя мы располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ, не имѣя права сортировать ихъ по относительной крупности и мелкости: Абрамовъ, Варлаковъ, лама Галсанъ Гомбоевъ, Головинъ, Грицько (псевдонимъ), Елисеевъ, Истоминъ, Колмогоровъ, кн. Костровъ, Кривошапкинъ, Кузнецовъ, Потанинъ, Ровинскій, Романовъ, Сулоцкій, Тихменевъ, Хайдаковъ, Шашковъ, Щаповъ, Щукинъ, Ядринцевъ, и множество другихъ. Изъ нихъ нѣкоторые уже умерли, другіе, какъ Грицько, Елисеевъ, Потанинъ, Шашковъ, Щаповъ, Ядринцевъ, кажется, окончательно поглощены печатью центровъ, литературою городовъ-чудовищъ, по пословицѣ, что «большимъ кораблямъ—большое и плаванье». Ровинскій-же—это сила бродячая, пришлая, которая столько-же принадлежитъ Сибири, сколько и Поволжью, и столько-же Малороссіи, сколько Тибету и Калифорніи. Гдѣ-же работа всей этой обширной сибирской семьи, которая никогда не имѣла ни прочной осѣдлости, ни своего, такъ-сказать, усадебнаго мѣста, ни даже своего тягла, а разбрелась по чужимъ дворамъ то въ видѣ древнихъ «подсусѣдниковъ», то въ видѣ «захребетниковъ», то въ видѣ, наконецъ,

простыхъ батраковъ, кабальныхъ людей и рабовъ обельныхъ? Она вся исчезла въ массѣ чужого добра, между чужимъ хозяйствомъ, и Сибирь приходится изучать снова, какъ если-бы все, что о ней написано, было уничтожено пожаромъ. А все оттого, что не было своего центра, не было того, что, по теоріи большихъ городовъ, грозитъ и заѣдать провинціи, и опустошать ихъ, и въ то-же время давать имъ силу отстаивать свое нравственное существованіе передъ болѣе крупными центрами. Между тѣмъ сибирская фракція работала для своего края много; въ массѣ матеріяловъ по отечествовѣдѣнію сибирскіе матеріялы, собранные въ одно цѣлое и приведенные въ систему, могли-бы составить цѣлый обширный отдѣлъ; сибирская фракція дала очень много талантливыхъ рабочихъ; но все это, за неимѣніемъ своего центра, потянулось къ чужимъ центрамъ, куда, въ силу законовъ городового тяготѣнія, вслѣдъ за талантомъ и геніемъ тянутся, по выраженію Триго, и «овца о двухъ головахъ, и баранъ о шести ногахъ». Въ настоящее только время нѣкоторые талантливые дѣятели этой фракціи начали группироваться около своего центра, около издающейся въ Иркутскѣ газеты «Сибирь». Замѣчательно, что этотъ далекій провинціальной центръ печати притягиваетъ къ себѣ нѣкоторыя провинціальныя литературныя силы даже изъ Поволжья — такъ велика потребность провинціальнымъ интеллигентныхъ силъ найти для себя исходъ, а между тѣмъ органы центральной прессы для нихъ недоступны.

За сибирскою фракціею слѣдуетъ *средне-азійская*. Въ этой фракціи воспитались, такъ-сказать, первые піонеры русскаго дѣла на Востокѣ, тѣ піонеры, которые не только ознакомили Россію съ странами и народами средней Азіи прежде ей невѣдомыми, первые пронесли въ русское общество имена Ташкента, Туркестана, Ходжента, Самарканда и многія другія имена, такъ часто теперь повторяющіяся и всѣмъ извѣстныя, а прежде никому, кромѣ этихъ піонеровъ, невѣдомыя, не только указали русскому народу возможность прямого пути къ баснословному золотому индійскому царству и къ библейскому Офиру, но и пронесли далеко въ глубь Азіи русское имя и молву о величіи русскаго народа. Между дѣятелями этой фракціи есть очень громкія въ ученомъ мірѣ имена,

которыя уже не принадлежатъ провинціальной фракціи, а стали достояніемъ русскихъ центровъ и всей русской земли, какъ имена Григорьева (Василія Васильевича), Ханыкова, Березина, Радде, Шварца, Шмидта, Глена, Сѣверцова, Пржевальскаго, Пашино, Федченко, столь рано погибшаго для науки, и многихъ другихъ. Въ числѣ литературныхъ силъ этой фракціи слѣдуетъ указать также и на даровитаго нравоописателя средне-азійской жизни, г. Каразина. Громадная историческая заслуга первыхъ дѣятелей средне-азійской фракціи, въ особенности гг. Григорьева и покойнаго Ханыкова, заключается въ томъ, что они, можно сказать, открыли передъ глазами русскаго народа Новый Свѣтъ—цѣлыя невѣдомыя царства застывшаго въ своей неподвижности Востока, и, совершивъ свою историческую миссію указаніемъ русскому народу его культурныхъ и цивилизаторскихъ задачъ среди восточныхъ народовъ, скромно отошли къ сторонѣ, къ русскимъ центрамъ, гдѣ каждаго изъ нихъ ждала своя дѣятельность. Русскому народу послѣ этого предстоялъ уже свободный выборъ—какое употребленіе сдѣлать изъ того богатаго открытія, которое представляли ему піонеры русскаго дѣла на Востокѣ, и какимъ путемъ повести свою цивилизаторскую миссію въ глубь Азіи.—И вотъ мы видимъ, что русскій народъ или, вѣрнѣе сказать, государственные его представители, пораженные перспективой того, что имъ открывалъ свободный путь въ среднюю Азію, откуда когда-то выходили и хищники русскаго народа, разные Тамерланы и Мамаи,—ведутъ этимъ указаннымъ піонерами путемъ русскій народъ къ библейскому Офиру черезъ земли Худояръ хановъ, Якубъ-бековъ, Адурахимъ-хановъ, Музафаръ-Эддиновъ, Ширъ-Алеевъ, и другихъ представителей неподвижнаго Востока. Что ждетъ русскую цивилизаторскую миссію на дальнемъ Востокѣ—скажетъ будущее. О средне-азійской фракціи можно сказать, что она еще менѣе, чѣмъ сибирская, представляетъ что-либо цѣлое, сгруппированное около даннаго центра: она положительно не имѣла ни своего органа печати, ни своего средоточія, которое скорѣе находилось въ Петербургѣ, въ залахъ географическаго общества, чѣмъ гдѣ-либо на русскомъ Востокѣ, такъ-что, напр., то, что не попадало въ Петербургъ, находило иногда пріютъ въ рѣдко кому извѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Правда, въ 1872 году сдѣлана была искусственная попытка создать самостоятельный русско-азіятской органъ печати. Мысль объ этомъ органѣ зародилась путемъ разныхъ комбинацій, а не вслѣдствіе сознанной и назрѣвшей, если можно такъ выразиться, потребности края, и притомъ зародилась въ центрѣ, въ Петербургѣ, чисто-механическимъ путемъ. Но несмотря на то, что г. Пашино сосредоточилъ около себя не мало выдающихся литературныхъ силъ, собственно силъ центральныхъ съ точки зрѣнія теоріи большихъ городовъ, изданіе его, названное «Азіатскимъ Вѣстникомъ», не пошло дальше одного или двухъ, кажется, выпусковъ; такъ-что 15 февраля 1873 года, въ № 7 «Указателя по дѣламъ печати» оффиціально было оглашено слѣдущее распоряженіе главнаго управленія печати: «4 февраля, въ виду истеченія годоваго срока со дня выпуска послѣдняго нумера журнала «Азіатскій Вѣстникъ», изданіе онаго, на точномъ основаніи ст. 10, гл. II, приложенія къ ст. 5 (примѣч. 4), уст. цензурн. по продолж. 1868 г.,—*признано прекратившимся*». Это—смерть отъ «младенческой», какъ говорится. Ясно, что «Азіатскій Вѣстникъ»—явленіе искусственное, подогрѣтое, вышедшее изъ литературно-дипломатической реторты, и притомъ оно не составляло принадлежности провинціальной печати. Но гибель его не доказываетъ еще, что на Востокѣ нѣтъ пока мѣста для печати: мѣсто это есть, и въ печати не можетъ не чувствоваться насущной потребности, но только не въ такой печати, какъ большой литературный журналъ, при сотрудничествѣ литературныхъ генераловъ, а въ совершенно другой,—въ *какой* именно, это должно подсказать мѣстнымъ литературнымъ силамъ если тамъ таковыя есть, ихъ литературное чутье и ихъ писательскій тактъ.

Затѣмъ самостоятельною до извѣстной степени фракціею является *кавказская*. Эта фракція гораздо счастливѣе другихъ тѣмъ, что можетъ имѣть свой центръ и обладаетъ всѣми необходимыми условіями для сконцентрированія своихъ литературныхъ силъ. У нея даже были и есть свои органы печати, какъ газета «Кавказъ». Есть и свой отдѣлъ географическаго общества, который, впрочемъ, имѣютъ и сибирская фракція, и средне-азійская въ такъ-называемомъ оренбургскомъ отдѣлѣ географическаго общества, изданія

коего, однакожь, выходили въ Казани, за неимѣніемъ вѣроятно, въ средней Азіи типографій, которыя до утвержденія тамъ русскаго дѣла въ той степени, въ какой оно поставлено въ нашихъ средне-азіатскихъ областяхъ теперь, конечно, и не могли имѣть ни мѣста, ни значенія. Первыми дѣятелями кавказской фракціи, хотя до извѣстной степени случайными и какъ-бы рефлективными, можно назвать самыхъ первыхъ представителей прошедшаго нашей литературы и самыхъ славныхъ ея корифеевъ—Пушкина, Лермонтова, Марлинскаго и др., которые талантливымъ изображеніемъ картинъ кавказской жизни и природы, поэтическимъ оживотвореніемъ всего, чѣмъ питается духъ человѣческій въ этомъ богатомъ поэзіею краѣ, и, наконецъ, своею личною связью съ этимъ краемъ сдѣлали его и дорогимъ для всякаго русскаго сердца, и болѣе какъ бы понятнымъ для русскаго ума. Конечно, ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Марлинскаго нельзя назвать дѣятелями провинціальной кавказской печати; но и отдѣлить ихъ отъ нея нельзя, какъ нельзя отдѣлить Григорьева, Ханыкова, Сѣверцова и Федченко отъ нашего азіатскаго Востока, Потанина и Щапова отъ сибирскаго края, Сидорова и Журавскаго отъ нашего сѣвера, Гацискаго отъ нижегородскаго Поволжья; какъ нельзя, наконецъ, отдѣлить отъ кавказской фракціи цѣлой массы писателей, и случайныхъ, и пришельцевъ, и осѣдлыхъ кавказцевъ, которые положили хоть по одному кирпичу въ то зданіе, о коемъ мы ведемъ рѣчь. Имена эти—имена ученыхъ и путешественниковъ, спеціально изучавшихъ Кавказъ, имена офицеровъ и генераловъ, участвовавшихъ въ пріобрѣтеніи Россіею этой страны, какъ говорится, et ferro, et penna, и имена собственно кавказскихъ дѣятелей печати. Достаточно будетъ только указать на самую малую часть этихъ именъ, чтобы видѣть, что изъ коллективной дѣятельности кавказской фракціи могло-бы создаться что-либо цѣльное и капитальное, если-бы дѣятельность эта была регулируема одною крупною руководящею литературною силою или же-бы строго преслѣдовала разъ сознанныя и достаточно взвѣшенныя цѣли и задачи. Вотъ на выдержку нѣсколько именъ, оставившихъ въ мѣстной кавказской и центральной печати слѣды своей дѣятельности въ пользу изученія кавказскаго края: Андріевичъ, Баркадзе, Бахтамовъ, Бекетовъ,

Волконскій, Головинскій, кн. Голицынъ, Горчаковъ, Девель, баронъ Дельвигъ, Димидовъ, Духовскій, Зиссерманъ, Костемеровскій, Лазаревъ, Макаровъ, Мельгуновъ, Окольничій, Пасербскій, Пичигинъ, Прокофьевъ, Радецкій, Романовскій, Слюсаренко, Стебницкій, Фадѣевъ (Ростиславъ), Ховенъ, Чистовичъ, Штанге и многіе, многіе другіе.

На южныхъ окраинахъ Россіи давно образовалась отдѣльная и весьма обширная фракція — *новороссійская*, которая имѣла свое средоточіе въ Одессѣ и располагала значительными силами; но вслѣдствіе разныхъ условій, всѣ эти силы почти исключительно были направлены на изученіе древностей новороссійскаго края, Крыма и всего южнаго поморья, а живыя силы страны долго оставались внѣ всякаго мѣстнаго изслѣдованія. Новороссійская печать сначала выражалась большею частью въ дѣятельности одесскаго общества исторіи и древностей, и только въ послѣднее время силы ея стали группироваться около «Одесскаго», «Николаевскаго» и «Азовскаго» вѣстниковъ и «Новороссійскаго Телеграфа». Изъ прежнихъ дѣятелей новороссійской фракціи мы можемъ указать на Беккера, Бруна, Бруткова, Вигеля, Грефе, Жиля, Закревскаго, Келера, Краснова, Лебединцева, Матерно, Мурзакевича, Негра, Рощаковскаго, Скальковскаго (отца), Сушкова, Тембу-де-Мариньи, Циммермана, и др. Къ изслѣдователямъ новѣйшаго времени слѣдуетъ отнести Гейнса, Чаславскаго и др., которые, впрочемъ, столько же принадлежатъ новороссійской фракціи, сколько Ливингстонъ африканской, а Вамбери—средне-азійской русской.

Наконецъ, есть еще двѣ фракціи — *сѣверозападная* и *югозападная*.

О первой изъ нихъ можно сказать только то, что всѣ силы ея почти исключительно направлены къ возстановленію въ сѣверозападномъ краѣ русскихъ началъ, нарушенныхъ тѣмъ, что историческія судьбы этого края шли далеко не однимъ путемъ со всею остальною русскою землей. Въ дѣятельности этой фракціи выражаются потребности, въ первой мѣрѣ, государственныя, а затѣмъ уже мѣстныя краевыя и народныя. Тамъ до сихъ поръ еще идетъ борьба изъ-за преобладанія русской рѣчи надъ тѣми прочными наслоеніями чужого языка, которыя, такъ-сказать, окрѣпли надъ

массою населенія втеченіи не одного вѣка оторванности этого края отъ ядра русской земли. Трудно указать поименно хотя-бы на главныхъ дѣятелей этой фракціи, потому что они болѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ окраинныхъ русскихъ фракціяхъ представляютъ собою силы временныя, пришлыя, постоянно мѣняющіяся: то тамъ дѣйствуютъ Говорскій, то Гильтебрандтъ, то Шейнъ, то де-Пуле, то галичанинъ Головацкій, то, наконецъ, Кояловичъ; раньше этихъ дѣйствовали другіе, которые смѣнились третьими; третьи смѣнились четвертыми и т. д. Хотя средоточіемъ этой фракціи является Вильна, гдѣ есть и мѣстные органы печати, однако главныя силы и руководящія направленія фракціи исходятъ изъ русскихъ центровъ, такъ что мѣстная печать является тамъ чѣмъ-то въ родѣ миссіонерской пропаганды. На-сколько печать помогаетъ въ этомъ краѣ водворенію русскаго дѣла на прочныхъ началахъ—трудно сказать; но, во всякомъ случаѣ, историческое колесо этого края все болѣе и болѣе направляется на тѣ историческіе рельсы, по коимъ двигается вся русская земля.

Затѣмъ остается послѣдняя и самая обширная фракція провинціальной печати—*югозападная* или кіевская. Объ ней мы скажемъ особо, такъ-какъ она представляетъ собою наиболѣе выдающееся явленіе въ исторіи не только русской провинціальной печати, но и русской литературы вообще.

VI.

Фракція югозападная или кіевская — въ сущности даже не фракція, а до нѣкоторой степени цѣлая страна съ самостоятельною литературою, которая и называется иногда «малорусскою литературою», хотя, съ другой стороны, у нея и оспаривается право на самостоятельное существованіе. Ни говорить объ историческомъ и литературномъ прошломъ этой фракціи, ни поднимать еще столь недавно занимавшіе русскую печать вопросы, затронутые этой фракціею,—мы не станемъ: это значило бы шевелить могильныя кости, которыя жизнью и смертью заслужили право на то, чтобъ

ихъ оставили въ покоѣ; это значило-бы начесывать ненужный зудъ въ такихъ сферахъ общественной мысли, которыя непремѣнно сведутся къ толкамъ объ «украйнофильствѣ», о «хохломаніи», о какомъ-то «сепартизмѣ»; это значило-бы, наконецъ, ставить добытыя наукою и историческою опытностью народовъ истины въ неловкое положеніе—быть непонятыми и непризнанными.

Какъ-бы то ни было, но малорусская фракція—самая богатая, послѣ центровъ, по отношенію къ тѣмъ результатамъ, которые добыты коллективною работою этихъ силъ. Стоитъ только упомянуть десятки именъ, съ которыми соединены болѣе или менѣе дорогія воспоминанія украинской интеллигенціи, чтобы видѣть, что для оцѣнки коллективной работы малорусской фракціи въ будущей исторіи русской литературы и русской цивилизаціи должна быть отведена широкая страница, и на ней рядомъ выставятся имена и славныхъ покойниковъ, дюжихъ ломовыхъ работниковъ, съ именами дѣла, которому они служили, и скромныя имена ихъ учениковъ, «кобзарскихъ міхоношъ», которыхъ если и не хватало для крупной работы, то хоть тѣмъ они заслужатъ добрую память исторіи, что за своими «дідами-старцями торбу носили старчачу», а въ той торбѣ было—мірское добро, по шматкамъ собранное и руками «міхоношъ» сбереженное. И здѣсь, какъ въ другихъ фракціяхъ, мы не отдѣляемъ крупное отъ мелкаго, ибо почти всегда бываетъ такъ, что крупное само не существовало бы безъ мелкаго, какъ гигантскіе стволы корабельнаго лѣса не растутъ въ полѣ, а выхоливаются въ чащѣ дубоваго лѣса, гдѣ есть и гиганты дубы. и мелкая подсѣдь. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ именъ, расположенныя по демократическимъ требованіямъ алфавита: Амвросій Могила, Антоновичъ. Бодянскій, Боровиковскій (Левко), Бѣлозерскій, Вовкъ (Волковъ), Галузенко, Гоголь, Гольдштейнъ, Гребенка Гулакъ-Артемовскій, Драгомановъ, Ицько Материнка, Іеремія Галка, Костомаровъ, Корсунъ, Котляревскій, Кулишъ, Кульжинскій, Лазаревскій, Левицкій, Лисенко, Максимовичъ, Марко Вовчокъ, Метлинскій, Нечуй, Нечуй-Вітеръ, Номисъ, Носъ, Опатовичъ, Падура. Подушка, Русовъ. Срезневскій, Старицкій. Стороженко, кн. Цертелевъ, Чубинскій, Чужбинскій, Шевченко, Шишацкій-Илличъ, Щоголевъ и много, очень много другихъ.

Но будущая исторія занесетъ на свою широкую страницу и одну общую, тоже можно сказать коллективную ошибку, которою малорусская фракція погрѣшила противъ самой себя: ошибка эта заключается въ томъ, что дѣятели кіевской фракціи долго не понимали сами своей задачи и, подобно женѣ Лота, силились оглянуться назадъ, хотя позади ихъ стоялъ не библейскій Содомъ съ Гоморою, а что-то очень симпатичное, и хотя очень хорошо знали, что всякое такое оглядыванье грозитъ превращеніемъ въ соляной столбъ. Впрочемъ, трудно было и не оглядываться, хотя нельзя не замѣтить, что этой слабости всегда поддаются люди, чувствующіе свое безсиліе въ настоящемъ и пережившіе свою силу, т. е. старцы-люди и старцы-народы.

Какъ-бы то ни было, но въ настоящее время нѣкоторые передовые представители украинской фракціи, повидимому, поняли ошибку своихъ предшественниковъ, и первымъ изъ такихъ понявшихъ, какъ намъ кажется, выступаетъ теперь съ новою вполнѣ трезвою рѣчью г. Драгомановъ. Въ недавно вышедшей, въ «Вѣст. Европы», статьѣ «Новокельтское и провансальское движеніе во Франціи» этотъ молодой ученый, которому нельзя отказать въ дарованіи, говоря объ оглядываньи назадъ бретонскаго поэта Бризё, жалующагося, что время и цивилизація заѣдаютъ прекрасный кельтскій языкъ, приводитъ одно изъ его стихотвореній, гдѣ, между прочимъ, поэтъ съ ужасомъ и омерзеніемъ говоритъ о проведеніи въ Бретань желѣзной дороги, о томъ что ненавистный локомотивъ, который онъ называетъ «желѣзнымъ, краснымъ дракономъ, чудовищемъ слѣпымъ и глухимъ», превратитъ мирныхъ бретонскихъ поселянъ въ «купцовъ» и «промышленниковъ», что «холодные строители дороги способны сдѣлать загороду изъ могилы Артура» и, наконецъ, восклицаетъ: «О, Боже! который насъ создалъ воинами или поэтами на берегахъ моря и пастухами въ поляхъ, не склоняй нашихъ головъ передъ гнусными барышами, не дѣлай изъ бретонцевъ народа купцовъ! Природа, добрая мать, удали отъ насъ и промышленность!...» По поводу этого г. Драгомановъ говоритъ, что «далеко не одно удаленіе въ прошлое можетъ сохранить человѣчность въ сельскихъ классахъ и спасти ихъ отъ буржуазнаго варварства, вооруженнаго всѣми матеріяльными орудіями цивилизаціи...» «Тутъ (замѣчаетъ

онъ) можетъ оказать помощь только проведеніе въ народъ именно передовыхъ идей городскихъ классовъ и широкая реформа общественная, которая объединила-бы интересы классовъ городскихъ и сельскихъ». Въ другомъ мѣстѣ, указывая на такое-же отношеніе назадъ бретонскаго поэта Бризе, г. Драгомановъ говоритъ, что «Бризе представляетъ ту степень развитія національнаго самосознанія, которое всего сильнѣе проявляется у народовъ, раздавленныхъ исторіей, но которое замѣчается и среди народовъ большихъ, если они на время отстаютъ отъ движенія другихъ народовъ и естественно подпадаютъ ихъ вліянію»; что у патріотовъ такихъ отсталыхъ народностей является вражда не только противъ того, кто ихъ обогналъ, но и «вражда противъ духа прогресса» въ принципѣ, противъ «вѣка» съ его нравственными и матеріальными пріобрѣтеніями». «Патріоты-націоналы съ перваго раза не соображаютъ (развиваетъ далѣе свою мысль г. Драгомановъ), что эти пріобрѣтенія, если при извѣстныхъ условіяхъ и составляютъ иногда орудіе для господствующаго элемента, для эксплуатаціи имъ побѣжденнаго народа, то только они могутъ послужить орудіемъ и для освобожденія этого народа отъ эксплуатаціи. Это послѣднее народъ,—помимо реалистъ,—самъ прекрасно чувствуетъ, и въ сущности дѣла больше дорожитъ такими вещами, какъ паръ, чѣмъ самыми прекрасными стихами патріотовъ, воспѣвающихъ о прошлой славѣ, о короляхъ Артурахъ и т. п.,—и ради того, чтобъ овладѣть этимъ реальнымъ знаніемъ правилъ (экономическихъ), отказывается и отъ признаковъ національности, языка, одежды, преданій...»

Дѣйствительно, это замѣчательная черта всѣхъ отсталыхъ народностей — плаканье о своемъ прошломъ и вражда противъ всего новаго, противъ великихъ и невеликихъ явленій прогресса, будь это чужой языкъ, не національный костюмъ, чужіе промыслы, или желѣзная дорога, паръ, машины, паровозъ, даже школа. Недавно, по поводу сообщеній другихъ газетъ, мы указывали на то, какъ потомки храбрыхъ запорожцевъ, въ своихъ утлыхъ лодочкахъ-чайкахъ громившихъ когда-то турецкія галеры, сдѣлавшись нынѣ азовскими и черноморскими морскими-работниками, плачутся, что ихъ бѣдные работники и ихъ «бѣлыхъ ре-

бедей» (парусныя суда) заѣдають «черные коршуны» (пароходы); когда-же имъ совѣтуютъ тоже завести артельные пароходы и поучиться плавать съ компасомъ, они отвѣчаютъ, что «компасъ имъ безъ надобности», т. е. не нуженъ вовсе; теперь намъ приходится указывать на ту-же черту у вымирающихъ потомковъ короля и богатыря Артура, жалующихся, что ихъ заѣдаетъ «желѣзный драконъ»—локомотивъ. Между тѣмъ ни «черныхъ коршуновъ», ни «желѣзныхъ драконовъ» не боится и не плачется на нихъ тотъ народъ, которому суждено историческое долговѣчіе,—а присуждаетъ себѣ историческое долговѣчіе всякій народъ самъ, если онъ пойметъ требованія жизни и законы міроваго движенія и работаетъ для нихъ, а не замыкается въ свою національную скорлупу, чтобъ тамъ плакать о своемъ прошломъ, о заѣданіи его языка другими языками и т. д. Въ то время, когда поэты вымирающей народности, Люзель и Бризе, потомки короля Артура, сочиняютъ на своемъ языкѣ прекрасные стихи противъ желѣзной дороги и промышленности, наши Карпы и Сидоры, потомки тѣхъ Карповъ и Сидоровъ, которыхъ когда-то драли какъ Сидорову козу татары, тоже сочиняютъ стихи, но только не противъ желѣзной дороги, а во славу ея, стихи въ высшей степени нелѣпые по отношенію къ художественности, но умнѣе все-таки тѣхъ, надъ которыми плачутъ вымирающіе слюнтяи, потомки короля Артура;—умнѣе потому, что Карпы и Сидоры очень хорошо знаютъ, гдѣ раки (т. е. цивилизація) зимуютъ, а потомки Артура не хотятъ этого знать, потому что имъ непремѣнно хочется писать стихи на своемъ patois. Вотъ какъ русскій мужичокъ воспѣваетъ «чугунку», которая даетъ ему возможность изъ своихъ захолустьевъ, изъ русской Бретани, добираться до центровъ и тамъ вмѣсто національныхъ, историческихъ лаптей зарабатывать себѣ космополитическіе сапоги:

Какъ на дворикъ тотъ взойдешь,
Тамъ еще болѣе найдешь:
На воротахъ двѣ доски—
Петербургски и московски,
Что за дивная лошадка,
Богатырская повадка.

Войдетъ, пройдетъ, за собой много ведетъ—
По двѣнадцати вагоновъ, и не дѣлаетъ прогоновъ.
Отъ вокзала до вокзала, и не дѣлаетъ привала.
Отдашь денежки на мѣстѣ,
Очутишься верстъ за двѣсти.
Что за дивный, славный конь!
Не ѣстъ сѣна, ни овса.
Только пьетъ воды помногу
Да и стонетъ всю дорогу.
Войдетъ, пройдетъ, за собой много ведетъ.
До чего народъ доходитъ—
Самоваръ въ пристяжкѣ ходитъ!

Пѣвца видимо поражаетъ, и поражаетъ пріятно, человѣческая изобрѣтательность, сила ума: «до чего народъ доходитъ—самоваръ въ пристяжкѣ ходитъ...» Это великолѣпное сравненіе—чисто-русскій юморъ, доказывающій, что лапоть ничего въ мірѣ не боится — ни «желѣзнаго дракона», ни «черныхъ коршуновъ», и очень хорошо понимаетъ ихъ силу, съ которою при первой возможности и вступаетъ въ союзъ. Въ другой современной пѣснѣ наши Карпы и Сидоры, возвращаясь на «чугункѣ» изъ Питера, съ заработковъ, къ себѣ въ деревню, поютъ:

Мы до Питера идемъ,
Сѣру корочку грыземъ,
А изъ Питера идемъ —
Сладки пряники жуемъ,
Со «машиной» рѣчь ведемъ:
Ахъ, машина, ты машина,
Расчудесная ѣзда!..

Вотъ эта-то самая черта въ великорусскомъ народѣ и радуетъ насъ. Къ сожалѣнію, черта эта не замѣчается у вымирающихъ народностей или у народностей, почему-либо времено заснувшихъ. Когда мы въ одной изъ своихъ экономическихъ статей указали на это и дали понять, что у малорусскаго народа и въ особенности у его интеллигентныхъ представителей, вслѣдствіе разныхъ историческихъ условій, появилась въ голосѣ плачущая, погребальная

нота—плачущая о старинѣ, о своихъ короляхъ Артурахъ, а между тѣмъ, повидимому, не находится достаточно энергіи, чтобы заставить «желѣзнаго дракона» работать на свой народъ, какъ онъ работаетъ уже на москаля, хотя порядкомъ и обираетъ его,—на насъ вскинулись, какъ на оскорбителя народной украинской чести. Но надѣемся, что это было простое недоразумѣніе, которое уже и выяснилось.

Въ виду разсматриваемаго нами вопроса о печати въ провинціи, мы не можемъ не обратить вниманія на одно мѣсто въ статьѣ г. Драгоманова, гдѣ онъ, хотя и не прямо, а какъ-бы нечаянно касается отчасти теоріи центровъ. Говоря о томъ, что патріоты-націоналы, замѣчая, какъ народъ, по своему практическому чутью, охотно подаетъ руку на союзъ съ «желѣзнымъ дракономъ», «сердятся пуще на свой народъ», проклиная его деморализацію и приписывая ее чужеземцамъ, г. Драгомановъ замѣчаетъ, что «не только процессъ деморализаціи, но и самаго обезнароживанья можно остановить только тогда, когда патріоты-націоналы перестанутъ воевать съ матеріяльнымъ и нравственнымъ прогрессомъ, съ духомъ вѣка, а, напротивъ, призовутъ его на службу самому дѣлу возрожденія народности». «Обратимъ, говоритъ онъ, — вниманіе хоть на такое орудіе прогреса, какъ локомотивъ, который встрѣтилъ такъ недружелюбно Бризе, предполагая, что онъ поможетъ стиранію особенностей Бретани. Часто и со стороны централистовъ слышится такая-же самая мысль, а именно, что областныя отличія живутъ только до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги, телеграфы и т. п. не соединили окраинъ съ нивелирующимъ центромъ. А между тѣмъ и эти надежды централистовъ и сѣтованія автономистовъ, какъ Бризе, основаны на ошибкѣ въ разсчетѣ. Дѣйствительно, ускореніе движенія отъ центра къ окраинѣ усиливаетъ вліяніе перваго, но и его подвергаетъ вліянію окраины, а главное — гораздо болѣе усиливаетъ движеніе и объединяетъ части самой окраины, т. е. увеличиваетъ ея силу сопротивленія дѣйствію центра. Благодаря «красному дракону», парижанинъ, точно, можетъ три раза въ годъ побывать въ Реннѣ, Ваннѣ и т. п., но житель Ренна можетъ за то десять разъ побывать въ Ваннѣ и т. д. Въ то-же время возможность бретонцу быстро и часто перено-

ситься за предѣлы его родины реактивно возбуждаетъ въ немъ сознаніе его индивидуальности. Прибавить нужно, что связь отсталой провинціи съ центромъ культуры дѣлаетъ первую болѣе чуткою къ идеямъ свободы, къ сознанію личнаго достоинства, которыя ведутъ за собою и сознаніе національности. Вотъ чѣмъ объясняется то обстоятельство, что именно наше время, время ускоренныхъ средствъ сообщенія, есть именно время возрожденія самыхъ заснувшихъ, повидимому, навѣки разновидностей человѣчества».

Но въ томъ-то и дѣло, что и то, что кажется г. Драгоманову, и то, что кажется централистамъ,—все это еще вопросы науки, и вопросы очень сложные, которые нельзя такъ легко разрѣшать, сказавъ, что желѣзныя дороги усиливаютъ движеніе къ центрамъ, или что желѣзныя дороги усиливаютъ движеніе къ окраинамъ, или что, наконецъ, желѣзныя дороги усиливаютъ перекрестное, взаимное движеніе между и внутри окраинъ, болѣе чѣмъ отъ окраинъ къ центрамъ. Дѣло-то въ томъ, что послѣднихъ явленій современная жизнь не представляетъ и мы ихъ нигдѣ не замѣчаемъ, а первыя-то совершаются на каждомъ шагу, особенно при ближайшемъ знакомствѣ съ процессомъ желѣзнодорожной циркуляціи: желѣзныя дороги, телеграфы, «красные драконы» и «черные коршуны» оказываются союзниками по-преимуществу центровъ, а не окраинъ, т. е. союзниками объединенія, а не разъединенія, союзниками силы, какъ пушка и капиталъ—союзники того, у кого они въ рукахъ, или какъ палка, которая хотя и о двухъ концахъ, но служитъ союзникомъ тому, кто ее держитъ за одинъ конецъ. До сихъ поръ замѣчается, что тамъ, гдѣ пролагались желѣзныя дороги и улучшались средства передвиженія, все отъ окраинъ стремилось къ центрамъ, начиная отъ всего выдающагося интеллигентно и кончая всѣмъ выдающимся физически, хотя-бы это была баба Анисья съ окладистой бородой, показывавшаяся въ Петербургѣ, или Остапъ Вересай, охотно пѣвшій свои думы въ центрѣ, потому что центръ хорошо его наградилъ за это и, можетъ быть, лучше оцѣнилъ, чѣмъ окраины, или, наконецъ, «овца о двухъ головахъ и баранъ о шести ногахъ», о которыхъ говоритъ Триго. Желѣзная дорога и паръ несутъ мужика изъ самыхъ невообразимыхъ захолустьевъ въ центры, а въ невообразимыя захолустья изъ цен-

тровъ рѣдко кого носятъ, кромѣ развѣ того-же мужика, который возвращается въ свое захолустье нерѣдко съ знаменіями цивилизаціи — въ космополитическомъ сапогѣ вмѣсто національнаго лаптя, съ женевскими часами и цѣпочкой польскаго серебра на брюхѣ вмѣсто вязниковскаго гребешка у пояса, въ нѣмецкомъ пальто вмѣсто русскаго зипуна, и, конечно, нерѣдко съ французской фистулой вмѣсто славянскаго носа—тоже своего рода печальное знаменіе цивилизаціи и стиранія національныхъ разновидностей. Эта-то цивилизація и дѣлаетъ то, что не столько пробуждаетъ уснувшія разновидности, сколько стираетъ ихъ вмѣстѣ съ языкомъ. Въ томъ-то и дѣло, что никогда еще не было такъ, чтобы сближеніе двухъ сосѣднихъ селъ укореняло въ каждомъ изъ нихъ еще болѣе привязанность къ тому, къ чему они привыкли, хотя-бы одно село привыкло къ шляпѣ гречушникомъ, а другое—къ шляпѣ приплюснутой; а, напротивъ, гречушники перейдутъ туда, гдѣ ихъ не было, а приплюснутыя вытѣснятъ, въ свою очередь, гречушники, а въ концѣ-концовъ появится космополитъ картузъ—цивилизація, и всѣ собою головы покроетъ. Въ томъ-то и бѣда, что паръ и казанскаго, а равно темниковскаго татарина, служащаго у Дюссо, отполировалъ такъ, что онъ уже забываетъ не только свою родную Казань, или Сенгилей, или Темниковъ, но и свой родной языкъ; мало того, онъ уже перекидывается французскими фразами. Бѣда въ томъ, что и чистокровнаго потомка запорожца теперь нерѣдко не отличишь отъ москаля и нѣмца не только по костюму, но и по языку, потому что паръ и легкость передвиженія отъ окраинъ къ центру вытѣснили изъ его памяти родную рѣчь и онъ уже затрудняется говорить по-кельтски. По мѣрѣ того какъ «красный драконъ» и цивилизація захватываютъ все большее и большее пространство на землѣ, вопросъ о національностяхъ становится отпѣтымъ вопросомъ, чистою этнографическою археологіею. На его мѣсто вступаетъ вопросъ жизни и смерти другого рода—вопросъ «быть или не быть» экономической свободѣ окраинъ при ужасающемъ развитіи центровъ во всѣхъ отношеніяхъ—центровъ интеллигенціи, центровъ капитала, центровъ науки, центровъ индивидуальнаго знанія, центровъ силы, центровъ геніальности и даровитости, центровъ монополіи и монополіи всѣхъ монополій. Дѣло-

то въ томъ, что паръ, облегчая возможность передвиженій, вызываетъ въ то-же время необходимость болѣе тѣснаго сближенія, а не разъединенія съ тѣми. съ кѣмъ при этихъ передвиженіяхъ приходится человѣку сталкиваться. А необходимость сближенія ведетъ за собою необходимость болѣе легкаго взаимнаго пониманія сближающихся, и сначала объясненіе между ними происходитъ мимически, такъ что, при желаніи получить отъ иноязычнаго сосѣда молока, приходится русскому солдатику становиться на карачки и quasi-доить себя; а когда такой наглядный и не совсѣмъ удобный способъ объясненія надоѣдаетъ, то солдатикъ своимъ практическимъ умомъ додумывается до необходимости созданія общаго языка цивилизаціи, и въ пользу этой идеи, въ пользу цивилизаціи жертвуетъ правильностью и красотою своей рѣчи, говоря французу, чтобы быть болѣе понятнымъ—«мой кочетъ, мусью, буль-буль», вмѣсто «я хочу водки». «Мой кочетъ, мусью, буль-буль»—это и есть тотъ будущій языкъ человѣчества, та, повидимому, варварская амальгама, которую, если разобрать строго-филологически, представляютъ всѣ индо-европейскіе языки, безсовѣстнѣйшимъ образомъ исковеркавшіе священную санскриту или божественный языкъ кави (kawi-sprache) въ тотъ именно несчастный періодъ міроваго сепаратизма, когда всѣ народы земного шара, какъ говоритъ преданіе, составлявшіе одну великую семью и понимавшіе другъ друга, повздоривъ между собою при построеніи вавилонской башни изъ-за того, что москалямъ больше нравились у «дѣвокъ глаза сѣрые съ поволокой», а хохламъ—«дівчачі карі очі», разбрелись по всему лицу земли и, при отсутствіи тогда желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, не имѣя возможности видѣться другъ съ другомъ, окончательно разучились понимать одинъ другого, понавыдумывавъ себѣ такихъ языковъ, нарѣчій, подрѣчій, говоровъ, начиная отъ «арго» и кончая «офенскимъ» языкомъ, что теперь ихъ и на счетахъ г. Езерскаго не сосчитаешь. И оказывается, что всѣ эти языки офеней и какихъ-то кельтовъ, языки нѣмцевъ и русскихъ и проч. и проч., стали страшнымъ зломъ въ дѣлѣ цивилизаціи и общечеловѣческаго объединенія, поставивъ между людьми перегородки, поддерживающія въ человѣчествѣ взаимную вражду, и все это только изъ-за привычки, изъ-за личнаго вкуса,

потому что русскому, привыкшему къ своему языку, языкъ нѣмца кажется «собачьимъ», а нѣмцу русскій языкъ кажется «ворчаньемъ медвѣдя». Все это, повторяемъ, дѣло вкуса и опять таки привычки. Стоитъ-ли-же послѣ этого радоваться, что возрождается какой-нибудь офенскій языкъ и стоитъ-ли поддерживать это возрожденіе? Мы не говоримъ—давить языкъ насильственными мѣрами; этого, конечно, не слѣдуетъ; но надо радоваться, когда въ человѣчествѣ будетъ языкомъ меньше—все-же одной перегородкой меньше для человѣческаго сближенія.

Пишущій это самъ выросъ не на русской рѣчи. Съ молокомъ матери, какъ говорится, онъ всосалъ украинскую рѣчь. Дѣтство свое онъ провелъ въ такомъ дѣвственномъ провинціальномъ захолустьѣ, какого Люзелю и не снилось, — въ захолустьѣ, куда не только не заглядывалъ «красный драконъ», но положительно не досягала даже русская рѣчь. Пишущій это самъ потомъ имѣлъ честь принадлежать къ числу украинскихъ писателей. До настоящаго времени прелесть родной рѣчи для него не сравнима ни съ какою иною человѣческою рѣчью. Никакая пѣсня въ мірѣ не выжметъ изъ его глазъ такой жгучей, уже старческой слезы, какъ родная украинская пѣсня... И онъ все-таки имѣетъ самостоятельность утверждать, что это — дѣло рефлекса, явленіе болѣе даже патологическое, чѣмъ физіологическое, какъ для Худояръ-хана его родная рѣчь цѣннѣе языковъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ вмѣстѣ взятыхъ, а для киргиза — кибитка цѣннѣе и удобнѣе всѣхъ домовъ въ мірѣ. Но вотъ рано или поздно кибитка должна уступить дому, а киргизъ рано или поздно будетъ слушать университетскій курсъ, и, всего вѣроятнѣе, не на киргизскомъ языкѣ.

Наконецъ, націоналисты не обратили, кажется, вниманія на одно очень знаменательное и предостерегательное явленіе въ исторіи человѣческихъ обществъ. Цивилизація — это въ нѣкоторомъ родѣ уравненіе человѣческихъ обществъ до извѣстной степени развитія, возможнаго въ данное время; уравненіе это выражается тѣмъ, что у всѣхъ цивилизованныхъ народомъ есть общія, напр., математическія, астрономическія и другія научныя истины, болѣе или менѣе общія нравственныя жизненныя правила, болѣе или менѣе общія пониманія чувства чести, красоты, поэзіи, искусства и т. д.

Всѣ цивилизованные народы понимаютъ, напр., одно и то-же подъ явленіемъ прохожденія Венеры чрезъ солнце, всѣ болѣе или менѣе умѣютъ цѣнить Шекспира, Байрона, Гейне и даже картины г. Верещагина. Кто не признаетъ того, что какъ-бы условились признавать всѣ цивилизованные народы, т. е. сама цивилизація, кто хочетъ выдѣляться изъ семьи цивилизованныхъ народовъ, пятится отъ исполненія общепринятыхъ правилъ, налагаемыхъ на всѣхъ условіями цивилизаціи, удаляется въ свою національную скорлупу, какъ дикарь,—тотъ погибаетъ. Это—месть цивилизаціи. Она мститъ за то, что ее не признаютъ. И кто упрямѣе не признаетъ ея правъ на человѣческія дѣла и на регулированіе ихъ, тому она мститъ жесточе, т. е. совершенно уничтожаетъ его. Такой народъ вымираетъ. Такъ вымираютъ дикіе индѣйцы, упрямо силящіеся удержаться въ своей дикой національной скорлупѣ и даже удержать въ рукахъ свой національный томагаукъ. И дѣйствительно, тѣ именно народы погибаютъ безслѣдно, которые упрямо держатся своихъ національныхъ традицій: такъ погибаютъ кельты, самый упрямый и безтолковый въ мірѣ народъ; такъ вымираютъ наиболѣе свирѣпые изъ островитянъ, а болѣе податливые изъ нихъ, понимающіе и принимающіе то, что имъ даетъ цивилизація,—тѣ живутъ и развиваются. Ближайшій примѣръ—наши кавказскія народности: грузины подаютъ надежду на широкое культурное развитіе, на полный цивилизованный ростъ, а упрямые горцы, незнающіе ничего и непризнающіе ничего лучше своихъ горъ, своихъ обычаевъ и своего языка, вымираютъ какъ мухи осенью, и, безъ сомнѣнія, погибнутъ всѣ местью цивилизаціи или даже, пожалуй, отъ давленія силы, но во всякомъ случаѣ погибнутъ, если не вступятъ въ союзъ съ цивилизаціею и съ ея *уравненіями*, съ ея неизбѣжной культурной нивелировкой. Это мститъ даже не цивилизація, а сама природа, потому что подобное предостерегательное явленіе замѣчается во всѣхъ царствахъ природы, въ животномъ и растительномъ. Болѣе умное животное способно къ прирученію, и оно не вымираетъ; болѣе глупыя, т. е. болѣе дикія и свирѣпыя животныя, какъ и гады, земноводныя, не приручаются и умираютъ въ неподходящей къ ихъ природнымъ требованіямъ жизненной обстановкѣ, какъ организмы менѣе развитые. Это—

низшіе виды животныхъ, хотя, можетъ быть, они и красивѣе высшихъ. Собака не вымираетъ потому, что она умнѣе волка и стала другомъ цивилизованнаго человѣка; а волкъ по своей глупости и упрямству, толкающему его непремѣнно на воровство овцы у цивилизованнаго человѣка, — волкъ, неумѣющій найти себѣ иной пищи, кромѣ ворованной, быть можетъ, скоро исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезли еще болѣе глупыя животныя болѣе ранняго періода земной жизни, какъ исчезаютъ вообще всѣ хищники, въ силу того закона, что цивилизація въ принципѣ отрицаетъ хищничество, а если по неизбѣжности и допускаетъ его въ цивилизованномъ обществѣ, и допускаетъ иногда въ очень широкихъ размѣрахъ, то не иначе, какъ «въ установленномъ порядкѣ», въ общепринятыхъ формахъ.—Пшеница, рожь, овесъ, однимъ словомъ, хлѣбныя растенія—эти растенія приноравливаются ко всѣмъ климатамъ и ко всѣмъ требованіямъ человѣческаго ухода; они—знаменіе цивилизаціи въ царствѣ растительномъ и они не погибнутъ; пальма-же, требующая непремѣнно тропическихъ жаровъ и другихъ почвенныхъ условій, непремѣнно исчезнетъ съ лица земли по мѣрѣ заселенія человѣкомъ тропическихъ странъ и измѣненія черезъ это климатическихъ и почвенныхъ условій

Итакъ, месть цивилизаціи—это прямое предостереженіе человѣку: если онъ не хочетъ или не умѣетъ ужиться съ требованіями цивилизаціи и со всѣми ея иногда очень непріятными аксессуарами, какъ большой городъ, капиталъ, чужой языкъ и проч., — онъ погибаетъ. Такъ погибаютъ и исключительныя національности. Парижанинъ останется жить вѣчно, а бретонецъ скоро исчезнетъ съ лица земли, какъ зубръ. Волъ, столь любимое украинцами животное, будетъ жить, потому что волъ уменъ; а буйволъ непремѣнно погибнетъ, потому что буйволъ—глупъ. Въ то время когда поэтическій цыганъ съ своею огненною пѣснью и исключительнымъ до мозга костей національнымъ скоро станетъ антропологической рѣдкостью, геніальный еврей, признающій всѣ національности и всѣ языки, успѣетъ овладѣть всѣмъ міромъ.

VII.

Въ непосредственной зависимости отъ общаго хода цивилизаціи должно стоять и развитіе провинціальной печати. Всѣ наши фракціи провинціальной прессы —и поволжская, и сѣверная, и сибирская, и средне-азійская, и кавказская, и новороссійская, и сѣверозападная и, наконецъ, украинская — всѣ онѣ должны ожидать той-же участи, какая ожидаетъ ихъ города, ихъ интеллигентные и экономическіе центры. Если будущій путь цивилизаціи лежитъ отъ центровъ къ окраинамъ; если и капиталъ, и даровитость, и знаніе, и вся та выдающаяся сила, начиная геніемъ и красотою и кончая безуміемъ и уродствомъ (потому что и физическое уродство, какъ и физическая красота, — сила, ибо все выдающееся—сила, какъ выдающійся изъ ряду вонъ голосъ Патти—своего рода необычное уродство въ природѣ, а между заурядными человѣческими голосами—сила; какъ и необычное обиліе волосъ на тѣлѣ Юліи Пастраны—тоже и уродство, и сила, привлекавшая къ себѣ вниманіе массъ),—если все то, что теперь неудержимо стремится къ крупнымъ центрамъ, какъ большая рыба ищетъ океана, приметъ обратное движеніе, децентрализующее, то можно надѣяться, что и развитіе печати приметъ децентрализующее направленіе. И это когда-нибудь будетъ. Въ человѣческой природѣ глубоко, неискоренимо насажена потребность поклоненія и безъ этой потребности человѣкъ не мыслимъ. Потребность поклонененія заставляетъ человѣка создавать себѣ предметы поклоненія: онъ преклоняется передъ общественнымъ мнѣніемъ, поклоняется генію, золоту, общепринятымъ формамъ жизни, даже просто золотому тельцу или модѣ. Человѣчество, стоящее, кажется, на самой высокой степени развитія, однимъ словомъ, человѣчество второй половины девятнадцатаго вѣка, т. е. лучшіе и самые развитые его представители, — все оно преклоняется или передъ временнымъ авторитетомъ науки, или передъ временно завладѣвшею общественнымъ вниманіемъ геніальностью, красотою, даже опять-таки и уродствомъ. Всѣмъ человѣчествомъ, и преимущественно цивили-

зованною его средою или среднимъ цивилизованнымъ человѣкомъ, временно владѣютъ то Оффенбахъ, то Патти, то процессъ Тичборна, то Бисмаркъ, то послѣдняя парижская, и непремѣнно парижская, мода. Такъ въ всемъ и всегда человѣкъ ищетъ поклоненія. Эта-то глубокая, неискоренимая въ человѣческой природѣ потребность поклононія создаетъ и ростъ капиталовъ, и ростъ большихъ городовъ: для поклоненія всему, чему люди въ извѣстное время покланяются, они непремѣнно будутъ стремиться въ самые большіе храмы, въ центры, въ большіе города. Въ большихъ городахъ, какъ въ храмахъ, ютится и поклоняется все; тутъ-же пріютилась и печать, потому что тутъ она нашла для своего развитія всѣ удобства, такія удобства, какихъ она никогда не найдетъ въ провинціи.

Если въ провинціи, какъ полагаютъ, не имѣютъ ходу и даже не печатаются и такія изданія, какъ дѣльные романы, повѣсти и стихотворенія молодыхъ и не молодыхъ провинціальныхъ талантовъ, которыхъ, конечно, не лишены захолустья и которые въ концѣ-концовъ, если они дѣйствительные таланты, переносятъ свою литературную дѣятельность въ центры, потому собственно, что провинціи не обладаютъ издательскими средствами, хотя это мнѣніе едва-ли справедливо, потому что въ провинціяхъ есть-же деньги и на роскошь, и на кутежи, и на лошадей, и на разныя финансовыя и акціонерныя аферы. Если, наконецъ, въ провинціи, какъ тоже полагаютъ, не могутъ появляться въ печати и такія изданія, какъ ученые трактаты и хорошіе учебники мѣстныхъ провинціальныхъ ученыхъ и педагоговъ, тоже будто-бы по неимѣнію издательскихъ средствъ, хотя опять-таки это несправедливо. Если, повторяемъ, все это не можетъ идти въ провинціи будто-бы по независящимъ отъ провинціальныхъ литературныхъ силъ обстоятельствамъ,—то отчего-же-бы провинціямъ не побѣдить своими литературными силами хотя-бы такихъ центральныхъ издателей, какъ Манухины и Леухины, въ книжные магазины коихъ централисты-литераторы Евстигнѣевы, Аршинниковы и даже просто мазурики пера и жулики печати поставляютъ ежемѣсячно по десяткамъ своихъ произведеній *для народа*, для массъ, для провинцій, потому что изданія эти расходятся десятками тысячъ экземпля-

ровъ и большею частью идутъ въ провинцію? Отчего-бы имъ, хотя въ своихъ губерніяхъ, не вырвать бѣдный народъ изъ недобросовѣстной эксплоатаціи мазуриковъ пера и жуликовъ печати, не парализировать вліяніе на провинцію господъ Манухиныхъ и Леухиныхъ, Евстигнѣевыхъ и Аршинниковыхъ и не дать любознательному мѣщанину и мужику что-нибудь получше этихъ московскихъ изданій изъ обжорнаго ряда? Вѣдь въ этомъ отношеніи, мы полагаемъ, не встрѣтилось-бы затрудненій ни цензурныхъ, ни издательскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, просматривая «Указатель по дѣламъ печати», это драгоцѣнное изданіе для измѣренія нашего литературнаго роста, мы постоянно находимъ, что изданія Манухина и другія, предназначенныя исключительно для малограмотнаго простонародья, занимаютъ всегда почти половину всѣхъ столбцовъ Указателя, а печатаются не по 200 экземпляровъ, какъ наши ученые трактаты, не по 1,200 экземпляровъ, не по 2,400, даже не по 3,000 экземпляровъ, какъ наиболѣе популярные наши писатели, какъ, наконецъ, большинство приличныхъ и болѣе или менѣе серьезныхъ, хотя общедоступныхъ изданій, даже легкихъ романовъ и повѣстей средняго полета, а въ количествѣ minimum 6,000 экземпляровъ, а то сплошь да рядомъ въ 12,000 экземпляровъ, 20,000 и т. д. А какія это изданія изъ обжорнаго ряда? Вотъ на выдержку заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ, по «Указателю»: «Волшебный замокъ, знаменитый Родригъ», «Сказка о крестьянской свадьбѣ, сельскомъ колдунѣ и зеленой птицѣ», «Чудеса въ колпакѣ: дыръ много, а вылѣзти не откуда», «Кольцо мертвой царевны», «Семь Симеоновъ, родныхъ братьевъ», «Полные анекдоты о Балакиревѣ», «Сказка о славномъ и сильномъ витязѣ Еруслапѣ Лазаревичѣ, о его храбрости и невообразимой красотѣ царевны Анастасіи Вахрамѣевны», «Говорящая ворона и ея слушатели», «Фомушка въ Питерѣ», «Любовь атамана Прокла-Медвѣжьей-Лапы или волжскіе разбойники», «Заколдованный и чародѣйственный замокъ, съ приключеніями знаменитаго рыцаря Гарвеса», «Исторія о храбромъ рыцарѣ Францилѣ-Венеціянѣ и о прекрасной королевѣ Ренцивенѣ», «Пантюшка, Сидорка и Филатка въ Москвѣ», «Гуакъ или непреоборимая вѣрность» и такъ далѣе, и такъ далѣе безъ конца, и вѣдь все это по 12,000 экземпляровъ и нерѣдко

10-мъ и болѣе изданіемъ! Какой-нибудь «Гуакъ» питаетъ народную любознательность цѣлое полстолѣтіе, и провинціи не побѣдятъ этого «Гуака»! Провинціи не умѣютъ дать *своимъ* читателямъ что-нибудь получше этого... Намъ скажутъ, отчего-же провинціи, а не столицы не дадутъ лучшаго? Это другой вопросъ: столицы даютъ и лучшее, и опять-таки все это идетъ изъ центра; но отчего именно провинціи вмѣсто «Гуака» не дадутъ что-либо болѣе разумное, когда на это не должно-бы быть препятствій ни со стороны цензуры, ни со стороны матеріяльныхъ средствъ? Такъ нѣтъ, все ожидается изъ центровъ и все идетъ отъ центровъ, какъ и идетъ все *къ* центрамъ.

Слѣдовательно, есть что-то другое, мѣшающее развитію печати въ провинціи, а не цензура, на которую привыкли все сваливать: она въ «Гуакѣ» непричемъ.

Такъ кто-же тутъ виноватъ или что виновато? Виноваты все тѣ-же неизмѣнные законы, по которымъ совершается ростъ человѣчества, которые направляютъ и ходъ цивилизаціи по извѣстному пути: законы эти—законъ центральной силы, законъ роста центровъ, законъ роста большихъ городовъ, отъ котораго, повидимому, ничѣмъ не отмахаться современному человѣчеству, какъ не отмахаться отъ него и націоналистамъ. Манухины, Леухины, Евстигнѣевы и Аршинниковы — это своего рода центральная сила, которая, какъ и центральный геній, какъ и центральное уродство, какъ и центральный капиталъ, ведетъ провинціи на своей центральной уздечкѣ, и какъ провинціи преклоняются передъ геніемъ, передъ капиталомъ, такъ онѣ по-необходимости преклоняются и передъ центральнымъ уродствомъ, передъ изданіями Манухина и сочиненіями Евстигнѣева и Аршинникова едва-ли не наравнѣ съ изданіями Черкесова и Вольфа и съ сочиненіями Гоголя и Тургенева. Какъ въ этомъ отношеніи ни сильна, сравнительно съ другими провинціальными фракціями, фракція украинская, у которой есть для народа изданныя на украинскомъ языкѣ очень приличныя книжечки, называемые «метеликами» (бабочками), продающіяся не дороже пятачка за книжечку, но и она безсильна противъ Манухина, Евсигнѣева и Аршинникова, которыми запружены украинскія ярмарки. «Метелика» добрый украи

нецъ можетъ купить только въ книжной лавкѣ, и купить немного, потому что и самыхъ «метеликовъ» издано-то очень мало, а между тѣмъ московская саранча, въ видѣ «Гуаковъ», «Фомушекъ въ Питерѣ» и «Пантюшекъ въ Москвѣ», налетаетъ и на Украину, и на всю Россію, по обыкновенію, тучами. Московскіе централисты-издатели дѣлаютъ это такъ: издадутъ «Гуака» въ 12,000 экземпляровъ и раздаютъ его вмѣстѣ съ ленточками, пуговочками, крестиками, запонками и бусами вязниковскимъ и другимъ коробейникамъ въ кредитъ; коробейники, бродя по всей Россіи, продавая и великороссіянамъ, и малороссіянамъ крестики и пуговки, всучиваютъ имъ и «Гуака», такъ что этотъ «Гуакъ» и держитъ въ рукахъ все наше народное образованіе посредствомъ печати изъ обжорнаго ряда. Такова сила центра, большого города; такова-то сила и центральныхъ людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и центральной печати передъ провинціальною.

— Отчего вы не издаете что-либо болѣе приличное для народа? спрашиваете вы этихъ издателей-централистовъ изъ обжорнаго ряда.

— Помилуйте.-съ! кто себѣ врагъ? отвѣчаютъ централисты-издатели.

— А почему-же? съ недоумѣніемъ спрашиваете вы.

— А потому самому единственно, что на приличное-то, какъ вы изволите говорить, изданіе покупатель нейдетъ, возражаютъ издатели-централисты.

— А на такія идетъ?

— Клюетъ-съ помаленьку, нечего Бога гнѣвить.

— А общества грамотности?

— Не беретъ-съ.

И они правы: читатель «идетъ» на ихъ изданія, «клюетъ», «беретъ», словно рыба «беретъ» мертваго червяка на удочкѣ. А «метелики» лежатъ въ книжныхъ лавкахъ, покрываясь уже историческою пылью.

«Habent sua fata libelli!»

VIII.

Итакъ мы познакомились отчасти и съ силами провинціальной печати, и съ ея направленіемъ. О силахъ провинціальной печати приходится сказать, что ихъ мало въ обращеніи, хотя, быть можетъ, не мало въ наличности, въ мертвомъ капиталѣ; на нихъ можетъ быть есть и спросъ, но ни предложенія, ни сбыта мы не видимъ. Слѣдовательно, сила провинціальной печати равна безсилію. Направленіе ея до сихъ поръ было, въ большинствѣ случаевъ, археологическое, могильное, гробокопательное; только въ немногихъ дѣятеляхъ разныхъ фракцій пересиливало обращеніе къ жизненнымъ вопросамъ времени и мѣста.

Что-же впереди должно ждать провинціальную печать при нарушеніи равновѣсія ея силъ силами центровъ, большихъ городовъ, и какія ея задачи?

Историческій тактъ и жизненное чутье подсказываютъ даровитымъ народностямъ,—народностямъ, которымъ присуждено или которыя сами себѣ присуждаютъ историческое безсмертіе,—народностямъ, которыя носятъ въ себѣ зерно живучести, а не смерти, не вырожденія,—этимъ народностямъ историческій тактъ и жизненное чутье подсказываютъ, что дѣлать.

Гарибальди, потомокъ Гракховъ и Брутовъ, объединивъ Италію, осушаетъ болота этой объединенной Италіи: при болотахъ объединеніе оказалось неполнымъ, и смерть гнѣздилась-бы въ этой странѣ, которой суждено не только историческое безсмертіе, но и величіе. Герой Италіи дѣлается ея ратаемъ, какъ тотъ предокъ его, который отъ плуга взятъ былъ въ диктаторы и диктатуру снова промѣнялъ на плугъ. Бретонцы Бризе и Люзель, потомки баснословнаго Артура, только и знавшаго, что драться, видятъ въ лакомотивѣ, въ этомъ «красномъ драконѣ», знаменіе скораго конца свѣта, и конецъ ихъ, дѣйствительно, близокъ, потому что они умоляютъ Бога и природу избавить ихъ, пастуховъ козъ, отъ необходимости быть «купцами» и «промышленниками». Они боятся, что желѣзная дорога, проводимая въ Бретань, святотатственно

сдѣлаетъ «загороду изъ могилы Артура». Казакъ-запорожецъ, такой-же норманнъ, какъ и Бризе и Люзель, говоритъ:

У мене имъя не одно, а есть іхъ до ката,
Якъ улучишъ на якого свата:
Якъ хочъ мене называй, на всю позволяю,
Тільки *крамаремъ* не назови, бо за те полаю.

Онъ тоже боится быть «купцомъ», онъ еще не выросъ изъ норманнской рубашки. Но Шевченко, этотъ тоже историческій потомокъ Байды, Наливайка, Дорошенка и Галайды—этотъ уже другого покроя человѣкъ: у него есть историческое чутье. Правда, и онъ съ горькой иронiей говоритъ, что на островѣ Хортицѣ, гдѣ когда-то была запорожская Сѣчь, гдѣ гремѣли «гарматы» и слава казацкая гремѣла,—теперь «мудрый німець картопельку сіе»; но это только иронія — тутъ плачетъ сердце, а не умъ плачетъ и смѣется разомъ. За то въ послѣсловіи своей знаменитой поэмы—«Гайдамаки», изданной еще въ 41 году, онъ уже говоритъ: «Весело подивитьця на сліпого кобзаря, якъ вінъ собі сидить зъ хлопцемъ, сліпий, підъ тиномъ, и весело послухать его, якъ вінъ заспівае думу про те, що давно діялось: якъ боролися ляхи зъ козаками—весело... а все-жь-таки скажешь: слава Богу, що минуло; а надто якъ згадаешь, що ми одноі матері діти, що всі ми славяне—серце болить, а разказувать треба, — нехай бачать сини й внуки, що батьки ихъ помилялись, — нехай братаютьця знову зъ своіми ворогами. *Нехай житомъ* и *пшеницею, якъ золотомъ покрита*—не розміжованною останетьця на віки одъ моря и до моря славяньская земля!..» Тутъ уже глубокое пониманіе законовъ историческаго развитія, тутъ «жито и пшениця» вмѣсто «гарматъ»; тутъ «осушеніе болотъ» послѣ объединенія. Мало того, въ своемъ глубоко-поэтическомъ посланіи къ Квиткѣ-Основьяненку потомокъ Наливайка и Галайды, сожалѣя о прошлой славѣ Украины, вспоминая казаковъ, когда-то гулявшихъ по степи и бившихся съ ляхами и татарами, не говоритъ, что прежде было лучше, а теперь хуже, какъ обыкновенно говорятъ вымирающіе люди и вымирающіе таланты, а, напротивъ, какъ-бы зоветъ этихъ лежащихъ въ своихъ могилахъ предковъ къ этой новой, лучшей жизни, говоря: «Воро-

титесь, посмотрите—*рожь колосится* тамъ, гдѣ паслись ваши кони, гдѣ шумѣла одна степная трава, гдѣ кровь поляка и татарина лилась моремъ... Воротитесь!» Онъ хочетъ, чтобъ и они, отжившіе, участвовали въ этой лучшей жизни, на которую цивилизація кладетъ уже свои лучшія краски. Наконецъ, грусть проглядываетъ въ немъ при воспоминаніи о прошломъ Украины, но опять-таки чувство исторической необходимости говоритъ въ поэтѣ сильнѣе грусти о минувшемъ. Сказавъ о послѣднемъ проявленіи историческаго, если можно такъ выразиться, темперамента украинскаго народа въ коліивщину, Шевченко такъ заключаетъ свои сѣтованья о прошедшемъ: «Все прошло, остались одни днѣпровскіе пороги— и ревутъ эти пороги, плачутъ о прошломъ...

Ревуть собі и ревтимуть,
Ихъ люде минули,
А Україна навіки.
Навіки заснула...
Не чуть плачу, ні гармати,
Тілько вітеръ віе,
Нагинае верби въ гаі,
А тирсу на полі.
Все замовкло. Нехай мовчить;
Така Божа воля...

«Жито зеленіе» - вотъ любимое указаніе поэта на то, что дѣлается въ современной Украинѣ, и что должно дѣлаться. «Жито зеленіе»—это какъ-бы господствующій припѣвъ его музы, припѣвъ, къ которому онъ постоянно возвращается. А къ молодому поколѣнію въ одномъ изъ своихъ самыхъ задушевныхъ стихотвореній онъ обращается съ такими словами: «Учитесь, діти! Може зъ васъ коли що буде...»

Итакъ, вотъ что подсказываетъ наиболѣе выдающимся народнымъ умамъ ихъ историческій геній. Онъ-же подсказываетъ и современному поколѣнію русскаго народа его цѣли и задачи. Мы видѣли, какъ понимаютъ представители провинціальной печати свои задачи въ великорусской половинѣ нашего отечества. Практическими выразителями этого пониманія до извѣстной степени явля-

ются г. Гацискій (въ Нижнемъ), г. Чубинскій (прежде бывшій въ Архангельскѣ), г. Сементовскій (въ Витебскѣ) и др. То-же самое мы видимъ съ недавняго времени и въ провинціальной печати малорусской половины. «Кіевскій Телеграфъ» въ своей программѣ ставитъ главною задачею своей дѣятельности—«обращать особенное вниманіе на нужды и проявленія жизни народной массы, составляющей главную силу южнаго края какъ по численности, такъ и по экономической производительности, тѣмъ болѣе, что недостатокъ образованія въ ней требуетъ особенной внимательности со стороны интеллигентныхъ классовъ». Недаромъ Шевченко сказалъ, что «Украина *заснула*», но она не «на вѣки заснула», а временно засыпала. Дѣйствительно, въ то время, когда она спала, «жито», которое при жизни поэта еще «зеленѣло», и «пшеница», которою, какъ золотомъ, покрывалась отъ моря и до моря неразмежованная русская земля, успѣли созрѣть, но зерно не попало въ закромы спавшей Украины, а было растащено хищниками, о которыхъ «Кіевскій Телеграфъ» и «Одесскій вѣстникъ» говорятъ слѣдующее: «Весь огромный механизмъ торговли сырьемъ предоставленъ у насъ на волю стихій. Онъ составляетъ громадное царство обмана, мошенничества и всевозможной эксплоатаціи одного другимъ, вдогонку, кто какъ можетъ. Ни одна отрасль торговли не знаменита такими утонченными, разнообразными, коварными, баснословно-возмутительными пріемами мошенничества, какъ пшеничная»... Это та «золотая пшеница», о которой говоритъ поэтъ, пшеница, столь хорошо растущая на украинской землѣ, потому что земля эта такъ обильно, такъ жирно удобрена всякою кровью—и казацкою, и польскою, и татарскою, и еврейскою, и даже когда-то печенѣжскою и половецкою... Нѣтъ историческаго худа безъ историческаго добра... «Торговлю эту (продолжаютъ названные органы провинціальной печати) спекулянты считаютъ за игру и ведутъ какъ игру. Спекуляція, хищничество, запусканье руки въ чужой карманъ, безсовѣстная эксплоатація, обрушивающаяся на производителей и темныхъ землепашцевъ, составляютъ всю ея суть, плоть и душу всѣхъ ея пріемовъ. Плутовство въ этой торговлѣ до того установившійся фактъ, что существуетъ даже нѣсколько спеціальныхъ его видовъ. Явились спекулянты съ *тяжелою рукою* и *легкою ру-*

кою для насыпки хлѣба; одни насыпщики употребляются для ссыпки въ магазины, другіе для ссыпки и нагрузки на суда; одна рука выгодна покупщику при покупкѣ зерна, другая — при продажѣ. Насыпка въ обрѣзъ и насыпка съ процентомъ, безконечные споры и передряги земледѣльцевъ и возничихъ у магазиновъ, громадная потеря времени однѣми сторонами, вѣчныя прижимки на пробѣ, на сухости и сырости зерна, на цвѣтѣ, вѣсѣ и т. д.,—все это извѣстно въ Одессѣ и на югѣ всѣмъ еле только касавшимся пшеничнаго міра... И вся эта потеря времени, обмѣры, недовѣсы, перемѣриванья — все это оплачивается трудомъ земледѣльца, налогомъ на производителя, на того, о трудномъ положеніи котораго теперь всѣ говорятъ, всѣ желаютъ заботиться...» (Кіев. Телегр. 1875 г., № 38).

Вотъ до чего дошли дѣла, пока Украина спала.

И вотъ украинская печать, между прочимъ, ставитъ теперь себѣ задачею: разбудить населеніе для разумной экономической борьбы за обладаніе тѣмъ добромъ, которое одно осталось Украинѣ отъ ея славнаго историческаго прошлаго—за обладаніе «житомъ и пшеницею». Печать настаиваетъ на устройствѣ общественныхъ хлѣбныхъ складовъ, при продажѣ изъ которыхъ своего хлѣба производители могли-бы выдерживать конкуренцію съ монополіею, съ центрами. Тѣ-же задачи преслѣдуетъ провинціальная печать другихъ великорусскихъ фракцій, по указанію и по иниціативѣ коей открываются общественные склады кустарнаго производства ножевщиковъ, гвоздевщиковъ, сыроваровъ и т. д.—и опять-таки въ видахъ возможной конкуренціи съ центрами.

Вотъ тѣ скромныя задачи провинціальной печати, о которыхъ мы говорили, — задачи, чуждыя всякихъ политическихъ и иныхъ тенденцій: изучать жизненныя нужды страны, доводить о нихъ до всеобщаго свѣдѣнія, стараться поставить населеніе въ возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцію съ центрами, съ большими городами,—вотъ все, что пока нужно; остальное-же само придетъ съ экономическимъ развитіемъ населенія, которому будетъ и *на что* учиться и *для чего* учиться. Мысль эту прекрасно и наглядно выражаетъ тотъ-же провинціальный писатель, о которомъ мы такъ часто упоминали, г. Гацинскій, въ «Очеркѣ

статистическихъ съѣздовъ въ Россіи». Высказывая сожалѣніе о томъ, что въ Поволжьѣ слишкомъ вяло шли статистическія работы, что тамъ «лишь собирались да толковали, затянувши, по стародавней волжской привычкѣ, свой любимый матерой припѣвъ, безъ крику, монотонно крича: «суйся, ребятушки, суйся», по-бурлацки заводили про свою «дубинушку» — «сама пойдетъ! сама пойдетъ!» и дубинушка сама не шла, хотя все-таки ее полегоньку двигали впередъ», — онъ въ концѣ концовъ высказываетъ увѣренность, что «хотя въ провинціи (на Волгѣ) и долго собираются, хотя, взявшись за «дубинушку», сначала будто только и надѣются на то, что она «сама пойдетъ», но разъ «дубинушка» сдвинется съ мѣста—напоръ пріобрѣтетъ извѣстную силу и полной грудью зазвучитъ тогда окончаніе пѣсни: «сама пошла, сама пошла!»

1875.

Еще о провинціальной печати.

Съ окончаніемъ настоящаго лѣта *) наша провинціальная печать, какъ извѣстно, значительно усиливаетъ свой «подвижной составъ». Разрѣшено изданіе въ провинціи еще нѣсколькихъ новыхъ газетъ. Явленіе очень отрадное. Такъ, въ Саратовѣ, къ существовавшему уже тамъ ветерану мѣстной гласности, «Справочному Листку,» прибавляются вновь три газеты. Въ Харьковѣ, долго мечтавшемъ о мѣстной газетѣ, разрѣшено изданіе газеты «Харьковъ». Все это не можетъ не радовать и столичную печать. Надо думать послѣ этого, что, говоря самымъ современнымъ жаргономъ биржи и желѣзной дороги, съ увеличеніемъ мѣстной «движущей силы», развитіе провинціальной печати должно уже совершаться если не наравнѣ съ поѣздами «большой скорости,» то во всякомъ случаѣ быстрѣе, чѣмъ оно совершалось доселѣ. Но при этомъ, конечно, возникаетъ много вопросовъ, а собственно главныхъ—два, на которые сама провинціальная печать, если и не можетъ теперь отвѣчать, потому что для нея самой они являются вопросами жизни и смерти, то, надо полагать, ближайшая практика дастъ отвѣты самымъ категорическимъ образомъ. Первый вопросъ: насколько, при данномъ положеніи дѣлъ и при данной степени общественной пытливости, вообще можетъ быть обезпечено существованіе въ провинціи порядочной, хотя до нѣкоторой степени независимой газеты, которая бы сколько-нибудь не такъ объективно относилась къ тому, что общественно, даже полицейски-субъективно, и не такъ субъективно

*) 1877.

къ явленіямъ объективнаго свойства, какъ относятся почти всѣ (за малымъ исключеніемъ) провинціальныя изданія въ родѣ разныхъ «Листковъ» и другихъ подобныхъ типографскихъ макулатуръ съ ихъ исключительно оберточнымъ направленіемъ и околоточнымъ міровоззрѣніемъ; то есть: будетъ-ли такая газета имѣть достаточное число подписчиковъ, чтобы существовать, по меньшей мѣрѣ, не въ убытокъ себѣ? Затѣмъ второй вопросъ: насколько будутъ ей благопріятствовать «независящія условія?»

Передъ нами одна изъ такихъ новорожденныхъ газетъ, которая не намѣрена, кажется, ограничиться одпѣми оберточными и околоточными задачами, это—«Волга», которая стала издаваться въ Саратовѣ съ 1 сентября подъ редакціею г. Юренева. Газета эта—ежедневная (только безъ послѣпраздничныхъ выходовъ), въ листъ обыкновеннаго газетнаго размѣра, почти ничѣмъ не уступающій листу «Сѣвернаго Вѣстника», «Голоса», «Новаго Времени» и другихъ большихъ газетъ, хотя съ нѣсколько меньшей, что-называется, начинкой, т. е. листъ менѣе компактенъ и съ менѣе сплошнымъ наборомъ. Цѣна—8 р. въ Саратовѣ и 9 р —во всѣхъ остальныхъ мѣстамъ имперіи. Хотя объ относительныхъ достоинствахъ или недостаткахъ новой газеты нельзя еще судить по первымъ 9—10 выпускамъ, которые мы успѣли получить, однако, понятіе объ изданіи до нѣкоторой степени составить можно. Во главѣ газеты стоятъ, какъ и вездѣ, «правительственныя распоряженія», и въ особенности имѣющія хотя какое-нибудь мѣстное значеніе, затѣмъ «послѣднія политическія извѣстія», т. е. телеграммы, потомъ самостоятельная рубрика, нѣсколько уже обособляющая газету—«Кѣтопись Поволжья»; дальше—«административныя извѣстія», «внутреннія извѣстія»; послѣ этого—«съ театра войны» за этимъ—«иностранныя извѣстія», «разныя извѣстія», «судебная хроника», «экономическій отдѣлъ», «справочный листокъ» и объявленія. Есть также и «фельетонъ» и еще одна рубрика, которая невольно бросается въ глаза, какъ признакъ обособленія; это—«столичная печать».

Изъ всѣхъ перечисленныхъ здѣсь отдѣловъ, рубрикъ (по которымъ можно судить вообще о разнообразіи и относительной полнотѣ содержанія газеты) двѣ невольно обращаютъ на себя вни-

маніе: «Лѣтопись Поволжья» естественно обнаруживаетъ основныя, безспорно обособляющія тенденціи, изданія—быть до нѣкоторой степени органомъ Поволжья—тенденціи, лучше которыхъ желать нельзя для областного изданія, которое считаетъ себя призваннымъ блюсти интересы края, слѣдить за развитіемъ краевой жизни подмѣчать краевыя потребности и обособленія, вводить въ мѣстное общество сознаніе своей индивидуальности и помогать по возможности развитію лучшихъ сторонъ того и другого. Задача прекрасная, и нельзя не пожелать самаго счастливаго ея рѣшенія, не только въ интересахъ областной печати и областной жизни, но и въ интересахъ жизни всей русской земли. Насколько будетъ плодотворна эта задача, можно отчасти судить по одному наглядному примѣру, который мы находимъ въ самой же «Волгѣ». Въ 9-омъ № ея помѣщено письмо изъ Казани о бывшемъ тамъ археологическомъ съѣздѣ. Все письмо пересыпано ѣдкой солью, и именно солью обособленія, ревниво оберегающаго «мѣстную честь и мѣстную славу». Авторъ письма заявляетъ, и—надо отдать ему справедливость—заявляетъ очень ловко, очень остроумно, но въ тоже время и очень сердито, объ обидѣ, нанесенной «мѣстнымъ» ученымъ силамъ «пріѣзжими», и преимущественно «столичными» учеными силами, которыя, по словамъ автора письма, такъ объясняли пользу для «мѣстной» жизни съѣзда. «Онъ внесъ въ нашъ отдаленный край свѣтъ новой для насъ науки—археологіи, возбудилъ интересъ и любовь въ изученію мѣстныхъ древностей, влилъ новыя силы въ представителей науки въ нашей области, подвинулъ ихъ на новые ученые труды, научилъ ихъ наглядными примѣрами, какъ трудиться на археологическомъ поприщѣ, выяснилъ какъ обширно это поприще, какую не тронутую почву оно представляетъ для мѣстныхъ ученыхъ силъ» и т. д. и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ же это не обидно для провинціи? Точно въ провинціи ничего никто не знаетъ и не слыхали даже объ археологіи. Но это еще не все. Особенно была обидна для мѣстныхъ ученыхъ силъ рѣчь предсѣдателя съѣзда, графа Уварова. «По смыслу рѣчи достоуважаемаго предсѣдателя выходило такъ (говоритъ корреспондентъ), что «мѣстныя ученыя силы», только благодаря энергіи г. попечителя и только подъ вліяніемъ внѣшнихъ

логическимъ увлеченіемъ, которое заставило «мѣстныхъ любителей археологіи явиться на развалины Болгаръ съ грудными младенцами!» Но провинція не дастъ себя въ обиду: это доказываетъ настоящее казанское письмо, которое—какъ я догадываюсь по горячему слогу (ex ungue...) —принадлежитъ одному поволжскому дѣятелю, имя котораго я всегда произношу съ непокрытою головою, а теперь не смѣю произнести по особымъ, уважительнымъ причинамъ ..

Таковы признаки провинціальнаго обособленія въ рубрикѣ новой поволжской газеты—«Лѣтопись Поволжья». Другая рубрика, которая также обличаетъ областную обособленность—это: «Столичная печать». Провинціальная печать даетъ этимъ понять, что она выдѣляетъ себя изъ столичной, и хотя большая часть свѣдѣній перепечатывается «Волгою» изъ столичныхъ газетъ (кромѣ, разумѣется, мѣстныхъ корреспонденцій и самостоятельныхъ статей въ фельетонѣ, какъ напр., «Хозяйство новоузенскаго уѣзда», «Окрики за Волгой» и «У передѣла земли»), однако это не заносится въ рубрику «Столичная печать», а въ эту рубрику повидимому попадаютъ выдержки изъ такихъ статей столичной печати, которыя по чему-либо характеризуютъ столичную печать какъ не провинціальную.

Вообще о новой провинціальной газетѣ ничего нельзя сказать кромѣ хорошаго, и если она будетъ оцѣнена мѣстною публикою и будетъ, слѣдовательно, ею поддержана и если мѣстныя условія окажутся для нея благопріятными, то она, безъ сомнѣнія, принесетъ не малую услугу мѣстной жизни. А жизнь эта во многомъ нуждается, въ чемъ я могъ лично убѣдиться нынѣшнимъ лѣтомъ, побывавъ въ двухъ едва ли не въ самыхъ крупныхъ и живыхъ провинціальныхъ центрахъ—въ Саратовѣ и въ Кіевѣ. Первый я хорошо зналъ прежде, потому что, проживъ въ немъ болѣе 20 лѣтъ, я видѣлъ, какъ онъ на моихъ глазахъ выросталъ изъ своихъ старыхъ, дырявыхъ пеленокъ—пеленокъ и топографическихъ, и интеллигентныхъ, и общественныхъ, и полицейскихъ, постепенно облекаясь въ костюмы подростающаго человѣка и постоянно выростая изъ «оныхъ». Кіевъ же я видѣлъ въ первый разъ, и былъ пораженъ его прелестной, глубоко-симпатичной внѣшностью, и въ

особенности замѣчательною красотою мѣстности, на которой свили свое старое гнѣздо наши предки-дикари, хотя и кланявшіеся Перунищу-идолищу поганому, но видимому въ такой же мѣрѣ обладавшіе художественнымъ чутьемъ и отзывчивостью ко всему прекрасному, въ какой обладаютъ этими качествами ихъ потомки-украинцы, едва-ли не самыя даровитыя, хотя и не самыя удачливыя дѣтки престарѣлой матушки Славы.

Не смотря на то, что исторически Кіевъ—самый старый русскій городъ, онъ поражаетъ какою-то, если можно выразиться, внѣшнею моложавостью. Широкія, хотя не вездѣ хорошо вымощенныя и не особенно чистыя улицы, прекрасныя, новенькія какъ съ иголочки зданія, выигрывающія еще отъ того, что они расположены необыкновенно свободно и прихотливо по горамъ, спускамъ, надъ обрывами, множество церквей, опять-таки много выигрывающихъ вслѣдствіе того, что онѣ лѣпятся по самымъ причудливымъ изломамъ надгорьевъ, предгорьевъ и полугорьевъ Днѣпра, масса зелени, изъ-за которой, такъ и кажется, выглядываютъ милѣйшіе поляне и древляне, собравшіеся жертву творити старику Перунищу, а потомъ—плясать «у воды» и «умыкать дѣвицъ»—все это, вмѣстѣ съ поэтическою амальгамою самыхъ разнородныхъ историческихъ воспоминаній и о Почайнѣ, въ которой крестилась Русь, и о рѣчкѣ Лыбеди, въ которой теперь воробью по колѣна, и объ Аскольдѣ, могила котораго не менѣе живописна, какъ и могила Тараса Шевченка, и о Владимірѣ-красномъ солнышкѣ съ его богатырями, и о Батыѣ, который ахнулъ при взглядѣ на красоту кіевскую и о св. Өеодосіѣ, зарывшемся въ пещерахъ самаго живописнаго въ мірѣ уголка, и о Нестрѣ-лѣтописцѣ, позорующемъ на урода, вытащеннаго изъ воды, и затѣмъ — о казакахъ, атаманахъ и гетманахъ, начиная отъ Наливайка и кончая Паліемъ и Богданомъ (бодай его!)—все это, повторяю, не смотря на осязательно выступающій передъ вами призракъ древней Руси, какъ бы окаменѣвшей въсуровыхъ образахъ пещерныхъ подвижниковъ, производитъ и потрясающее, и умиляющее впечатлѣніе въ этомъ маститo-моложавомъ «батькѣ-Кіевѣ».

Но не объ этихъ впечатлѣніяхъ провинціальной жизни, поразившихъ меня хорошо, а о впечатлѣніяхъ, поразившихъ дурно, я

хотѣлъ сказать по поводу провинціальной печати; но этихъ послѣднихъ впечатлѣній такъ много, что ихъ нельзя перечислить-какъ хорошія. И въ Кіевѣ, и въ Саратовѣ вы натыкаетесь на такія непростительныя безобразія (я говорю только о безобразіяхъ внѣшнихъ), которыя очень легко устранимы при содѣйствіи сколько нибудь самостоятельной гласности, какая, напримѣръ, возможна въ столицахъ. Саратовъ, этотъ одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ-собственниковъ, скорѣе землевладѣльцевъ, съ которымъ по богатству земли не можетъ сравниться ни одинъ городъ въ Европѣ, этотъ первый узелъ, экономически связывающій Поволжье со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ—Саратовъ по всему внѣшнему неблагоустройству положительно смотритъ чѣмъ-то довременнымъ и можетъ заслуженно нести эпитетъ не «благо» а «злоустроеннаго» города: немощеныя улицы и площади, невылазная грязь, классическая нечистота—все это дѣлаетъ городъ положительно не возможнымъ для жизни, и хотя онъ лишенъ такихъ чудныхъ историческихъ воспоминаній и чарующей картинности — также во многомъ напоминаетъ собою всѣми покинутаго прелестнаго ребенка.— «Да почему же — спрашиваете вы интеллигентныхъ обывателей этихъ городовъ—пальцемъ не тычете вы на эти безобразія, кому вѣдать надлежитъ?»—«А гдѣ вы станете тыкать (отвѣчаютъ обыватели), когда нашъ тыкательный органъ находится въ рукахъ NN, и онъ смотритъ на него какъ на свою дойную козу? Не на заборахъ же развиваться провинціальной прессѣ...» И я долженъ былъ согласиться съ этимъ, тѣмъ болѣе что самъ замѣтилъ въ провинціи особенно широкое развитіе заборной литературы, чего въ Европѣ вы не замѣтите.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать появленіе въ провинціи такихъ органовъ гласности, которые обѣщаютъ быть сколько-нибудь независимыми и какимъ я хотѣлъ бы считать въ Саратовѣ «Волгу». Правда, въ Саратовѣ есть другая, уже стяжавшая себѣ извѣстность, частная газета—«Справочный Листокъ». Она имѣетъ и свои достоинства и значительный кругъ читателей—а это не малая заслуга въ странѣ, гдѣ чтеніе еще не вошло въ бюджетъ жизни и считается роскошью, облагаемою высокими пошлинами-а газеты замѣняются городскими сплетнями и анонимными ругатель,

ствами. Наконецъ «Листокъ» имѣетъ свое прошлое, свой послужной списокъ: онъ, буквально можно сказать, былъ политическимъ и гражданскимъ учителемъ цѣлаго контингента мѣстныхъ обывателей, учившихся по немъ читать, изъ «Листка» въ первый разъ въ жизни узнавшихъ, что есть люди, которые что-то дѣлаютъ, что на свѣтѣ творится то-то и то-то, и что есть гдѣ-то такія-то страны и такіе-то въ нихъ порядки. Я знаю старушекъ, которыя до 70 лѣтъ не знали что такое газета, а теперь безъ «Листка» не могутъ напиться утренняго чаю. А это что-нибудь да значитъ. Но при всемъ томъ нельзя не привѣтствовать появленія «Волги» рядомъ съ «Листкомъ,» какъ мы также отъ души привѣтствовали-бы хоть «Украинца» рядомъ съ «Кіевляниномъ:»

Дай Богъ побольше журналовъ.
Плодятъ читателей они,

сказалъ когда-то князь Вяземскій.

Нельзя, однако, скрыть одного опасенія: выдержитъ-ли «Волга» конкуренцію съ «Листкомъ» и другими саратовскими же повременными изданіями, и не подорвутъ-ли эти, разомъ какъ изъ земли выросшія, три газеты одна другую и четвертую—старѣйшую?

Въ видахъ предовращенія провинціальныхъ изданій отъ подобныхъ несчастій и собственнаго безсилія, одинъ опытный, заслуженный литераторъ, по поводу появленія въ свѣтъ «Волги», высказалъ мысль, что провинціальнымъ изданіямъ, для того, чтобы прочно стать на ноги и окрѣпнуть, не мѣшало бы запастись свободными сотрудническими силами и изъ столицъ, гдѣ литературная практика вырабатываетъ хорошихъ дѣльцовъ писательскаго дѣла. Насколько эта мысль можетъ быть примѣнима тамъ, на мѣстѣ, и насколько она можетъ отвѣчать задачамъ провинціальной печати это предоставляется рѣшать интеллигентнымъ силамъ самой провинціи. Можетъ быть, подобное объединеніе столичныхъ литературныхъ силъ съ провинціальными не вполнѣ будетъ отвѣчать цѣлямъ обособленія послѣднихъ, какъ это и сказалось отчасти при случайномъ, чисто-механическомъ объединеніи «столичныхъ ученыхъ силъ» съ «мѣстными» на казанскомъ археологическомъ съѣздѣ. Но, по нашему крайнему разумѣнію, печать ничего не

потеряетъ ни въ случаѣ объединенія литературныхъ силъ, ни въ случаѣ ихъ обособленія: за первой комбинаціей стоятъ тѣ преимущества, что, по увѣренію болтуновъ-римлянъ, concordia parvæ res crescunt, какъ выросла объединенная Бисмарковія изъ мелкихъ королевскихъ и великокняжескихъ усадьбъ Германіи, и что наши объединенныя литературныя силы могли бы, можетъ быть, побѣдить нашего Наполеона III—нашу гражданскую маловозрастность; вторая-же комбинація выставляетъ тѣ преимущества, что литературная дискордія, не разрушая никакихъ иныхъ вещей, кромѣ незаслуженныхъ авторитетностей, возбуждаетъ литературное соревнованіе, умственныя стачки рабочихъ пера, желаніе стать выше и сильнѣе противника—столичнаго литературнаго фабриканта.

Пусть-же лучше провинціальная печать, съ помощью литературнаго обособленія, старается побѣдить своего противника—столичнаго фабриканта печати: русская печать будетъ не въ убыткѣ, а читатели получатъ болѣе дешевый и хорошаго качества товаръ, какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго производства.

1877.

Провинціальная лаоточка.

(«Вятская незабудка». Памятная книжка Вятской губерніи на 1877 годъ. Изданіе (второе) Эттингера. Спб. 1877).

Годъ или полтора тому назадъ, вопросъ о провинціальной или областной печати, неожиданно выступивъ на смѣну другихъ общественныхъ и литературныхъ вопросовъ, нѣкоторое время занималъ въ нашей текущей письменности очень видное, чуть-ли не генеральское мѣсто: всѣ органы печати поочередно отдали ему должную дань вниманія, а иные, какъ это всегда бываетъ, отнеслись къ нему съ такимъ увлеченіемъ, что вопросъ о провинціальной печати, выражаясь терапевтически, окончательно было обострился и, вѣроятно, надолго овладѣлъ бы господствующею, такъ сказать, боевою позиціею въ литературѣ и общественномъ мнѣніи, если-бы тоже неожиданно, словно тѣнь отца Гамлета, не всталъ передъ изумленною Европою вопросъ славянскій и не увлекъ за собой общественные порывы въ этомъ новомъ направленіи,—что очень естественно по логикѣ исторіи.

Извѣстно, что жизнь человѣческихъ обществъ въ поступательномъ процессѣ своемъ представляетъ такую безконечную алгебраическую формулу, въ которой извѣстныя и неизвѣстныя величины, цѣлыя части и дроби, не рѣдко періодическія и непрерывныя, соединенныя между собою плюсами и минусами, выраженныя при томъ въ разныхъ степеняхъ, въ квадратахъ, кубахъ и т. д., состоятъ въ неизбѣжномъ подчиненіи одному нравственному коэффиціенту. Послѣдній (подобно тому какъ кислота, окрашивая лакмусовую бумажку, этимъ самымъ обнаруживаетъ свое присутствіе)

окрашиваетъ, если можно такъ выразиться, тотъ неизмѣримый лакмусовый листъ, на коемъ Хроносъ, этотъ вѣчный историкъ, пожирающій своихъ собственныхъ дѣтей, пишетъ свой безначальный и безконечный хронографъ—величавую исторію человѣчества. Коэффиціентъ этотъ — человѣческіе порывы и увлеченія. Вездѣ, во всѣ времена, на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческія общества жили предпочтительнѣе насчетъ рефлексовъ сердца, чѣмъ мозга, руководились порывами, болѣе или менѣе напряженными или слабыми, болѣе или менѣе продолжительными или скоропреходящими, но непремѣнно, до извѣстной степени, табунными, стадными, массовыми, стихійными—назовите, какъ хотите. Завоевательно-хищническіе порывы древняго міра смѣнялись порывами христіанскаго, тоже до извѣстной степени завоевательнаго миссіонерства (средневѣковый крестъ съ клинкомъ меча); крестовосныя увлеченія шли бокъ-о-бокъ съ рыцарско-хищническими; морскія открытія Колумба вызвали новыя увлеченія—повальную навтоманію, практическими результатами которой пользуется нынѣ весь образованный міръ. Затѣмъ человѣчество переживало много перемежавшихся порывовъ, о которыхъ мы не считаемъ умѣстнымъ говорить; переживаетъ оно подобные порывы и нынѣ, хотя не называетъ ихъ собственными именами, но, размѣнивая такъ сказать на ходячую монету, на мелочь, спеціализируя, съуживая сообразно условіямъ и требованіямъ жизни, называетъ ихъ уже не порывами, а просто—«вопросами»: «вопросъ восточный», «вопросъ славянскій», «вопросъ рабочій», «вопросъ аграрный», «вопросъ женскій» и т. д. до безконечности. И вотъ каждый изъ этихъ-то вопросовъ, поочередно, а иногда и совмѣстно съ другими, обостряясь до порыва, до увлеченья, овладѣваетъ до извѣстной степени всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, которое въ разрѣшеніи занимающихъ и волнующихъ его вопросовъ идетъ тѣмъ порывистѣе, тѣмъ табуннѣе, чѣмъ болѣе обстоятельства обостряютъ ихъ положеніе. Такъ въ настоящее время обострился одинъ изъ міровыхъ вопросовъ—вопросъ восточный или славянскій; такъ обостряются, смотря по обстоятельствамъ, и болѣе мелкіе, даже мельчайшіе вопросы. Въ послѣднее пятнадцатилѣтіе значительно обострились вопросы національные, которые, размѣниваясь на мелочь, дробясь сообразно условіямъ жизни и потребно-

стныхъ человѣческихъ группъ и индивидуальностей, превращаются въ вопросы областные, провинціальные и т д. Къ числу сравнительно мелкихъ, а съ другой стороны быть можетъ очень крупныхъ вопросовъ принадлежитъ у насъ, въ Россіи, особенно въ настоящее время, вопросъ о провинціальной или областной печати.

Читатели вѣроятно не забыли, какую горячую полемику вызвали въ прошломъ году, преимущественно со стороны провинціальной печати, статьи наши, явившіяся въ «Дѣлѣ», подъ заглавіемъ «Печать въ провинціи», такъ что если бы собрать все, что написано было по этому поводу въ провинціальныхъ и столичныхъ изданіяхъ отчасти въ видѣ прямыхъ возраженій на наши статьи, частью-же въ видѣ развитія и разъясненія нѣкоторыхъ бѣгло затронутыхъ нами сторонъ даннаго вопроса, то это составило бы нѣсколько весьма солиднаго объема томовъ. Хотя, при внимательномъ и безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу, нельзя не убѣдиться, что большая часть направленныхъ противъ насъ ожесточенныхъ филиппикъ нисколько не вызывалась нашими статьями, что провинціальные Демосѳены и Эсхины громили какого-то Филиппа, положительно созданнаго ихъ собственнымъ воображеніемъ, и громили при томъ, какъ и тѣ греческіе ораторы, едва ли главнымъ образомъ не «pro corona» и что авторъ статей «Печать въ провинціи» не подалъ ни малѣйшаго повода заподозрить его въ какихъ-либо враждебныхъ отношеніяхъ къ провинціальной печати (absurdum absurdissimum!), а напротивъ, первый указалъ на нее какъ на башмачокъ Сандрильоны, по которому можно было бы найди, какое прелестное существо кроется подъ лохмотьями провинціальной замарашки,— однако даже это самое, этотъ дружный крикъ провинцій, которымъ показалось, что имъ съ умысломъ хотятъ наступить на мозоль, эта самонадѣянная, свойственная здоровой молодежи увѣренность въ своихъ силахъ и вѣра въ величіе своего призванія, однимъ словомъ—весь этотъ взрывъ провинціальнаго негодованія, въ сущности надо сказать правду, ничѣмъ невызваннаго и объясняемаго развѣ только тѣмъ, что гдѣ-то въ Петербургѣ осмѣлились выразить (чего вовсе и не было!) сомнѣніе въ умѣ, дарованіяхъ и титаническихъ силахъ молодости (вѣдь провинція — это *молодость* по отношенію къ столицѣ),—все это ясно обнаружило, что у нашей

молодости дѣйствительно есть и силы, и дарованія, и умъ, и что молодость эта могла-бы потягаться со *старостью*, если-бы до того времени сама не должна была состарѣться...

Сводя въ общій итогъ все сказанное провинціальной печатью по поводу нашихъ о ней отзывовъ, мы находимъ, что пишущая провинція хотѣла сказать какъ намъ, невольному виновнику ея молодого возбужденія, такъ и всей читающей Россіи: «Мы себя покажемъ; мы на дѣлѣ доставимъ читающей Россіи возможность убѣдиться, что мы — сила и что намъ суждено *рости*, вамъ—*малитися*».

И дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе этого явился надняхъ въ печати одинъ провинціальный сборникъ, который по отношенію къ данному вопросу составляетъ нѣчто въ родѣ «знаменія времени». Это — «Вятская Незабудка» Замѣчательно, что книга (вѣрнѣе—*жка*), вся составленная изъ мѣстныхъ статей, большею частью корреспонденцій или напечатанныхъ въ теченіе года въ различныхъ столичныхъ изданіяхъ, или почему-либо не попавшихъ въ печать,—издана не въ провинціи, не на мѣстѣ ея духовнаго зачатія, не въ Вяткѣ, а здѣсь, въ Петербургѣ, на Казанской улицѣ, въ родовспомогательной типографіи г. Эттингеръ.

Что же выражаетъ собою «Вятская Незабудка»? Похожа-ли она сколько-нибудь на прежнія, уже извѣстныя читателямъ, провинціальныя изданія, какъ напр., «Пермскіе» и «Нижегородскіе Сборники», «Сибирь», разныя «памятныя книжки», статистическіе и иные компендіумы съ мѣстною начинкою «ad usum Delphini»? Или, наконецъ, не представляетъ ли она собою того перваго богатырскаго посвиста, которымъ казанскій «Первый шагъ» грозилъ проучить Бабу-Ягу—столичную печать? Ни то, ни другое. «Вятская незабудка»—это скромное литературное предпріятіе мѣстно-публицистическаго характера. Оно дѣйствительно предпринято, если можно такъ выразиться, исключительно «ad usum Delphini provincialis» и соотвѣтствуетъ своему, съ перваго взгляда нѣсколько странному заглавію—«Незабудка». Оказывается, что для многихъ вятскихъ господъ это—дѣйствительно, «незабудка», вещь неудобозабываемая, или дѣйствительно— «памятная книжка» о совершенныхъ разными мѣстными господами гражданскихъ подвигахъ. Въ

«Незабудку» попало все (мы говоримъ относительно), что накопилось на душѣ у честныхъ людей при видѣ мѣстныхъ, не частныхъ, а общественныхъ безобразій, ошибокъ, злоупотребленій, не настолько крупныхъ или рельефныхъ, чтобы попасть такъ сказать во всероссійскую огласку черезъ столичную печать, но все-таки настолько возмутительныхъ, что отъ нихъ мѣстная жизнь превращается во что-то грязное, удушливое, смрадное, невыносимое. Недоступность для провинціальнаго писателя столичной печати и побудила вятчанъ рѣшиться на пробу—издавать мѣстный ежегодникъ, чтобы этимъ дать хотя какой-нибудь внѣшній толчекъ корреспонденческой дѣятельности въ губерніи. «Одна изъ главныхъ причинъ ея слабаго развитія въ нашемъ краѣ—поясняютъ издатели—заключается, безъ сомнѣнія, въ отсутствіи какихъ-либо мѣстныхъ неоффиціальныхъ органовъ и, вслѣдствіе того, *необходимости ѣздить*, напримѣръ, *изъ Слободскаго* въ Вятку *черезъ Петербургъ*. Неудивительно, если на этомъ длинномъ пути нигдѣ не застрахованнаго багажа утрачивается и пропадаетъ совершенно безслѣдно для тѣхъ, кому онъ былъ адресованъ «съ доставкой на домъ» (немножко неграмотно, но это ничего—понятно). Столичныя газеты, заваленныя письмами изъ провинцій и преслѣдующія свои собственные разсчеты, выбираютъ изъ получаемыхъ ими извѣстій только то, что можетъ быть интересно для *большинства* ихъ читателей; все-же частное, мѣстное отсѣкается и въ огнь вметается, между тѣмъ въ провинціи *мѣстное-то* и было бы всего *умѣстнѣе*. Такимъ образомъ, изъ 4-хъ посылаемыхъ корреспонденцій помѣщается лишь одна, да и та частенько урѣзывается, а иногда такъ *обработывается*, что напоминаетъ собой протоколы совѣщаній щедринскаго Молчалина съ редакторомъ «Что изволите?» Какъ дѣйствуютъ на корреспондентовъ такія обрѣзанія и перепашки—понять не трудно. Сначала человѣкъ работаетъ ретиво, не щадя, что называется, своего живота—запасается источниками, отовсюду собираетъ матеріалы, провѣряетъ ихъ перекрестными допросами различныхъ лицъ, входя для этого съ ними въ дѣятельную переписку, сообщаетъ въ газету объ одномъ, объ другомъ, объ третьемъ. Но вотъ проходитъ три-четыре недѣли (;) онъ получаетъ № и читаетъ въ немъ: «намъ пишутъ, что такое-то земское собраніе постановило открыть въ уѣздѣ вос-

кресныя школы и ходатайствовать передъ министерствомъ народнаго просвѣщанія, о томъ-то и томъ-то». Черезъ недѣли двѣ опять: «намъ сообщаютъ, что въ мѣстной городской управѣ открыта значительная растрата денегъ», и затѣмъ безконечное переливаніе изъ пустого въ порожнее, по части якобы «политики», начиная съ того, сколько съѣли и выпили «венгерскіе софты» въ Константинополѣ и кончая катаньемъ на ослахъ дѣтей Салисбюри съ поясненіями. что Мидхатъ сказалъ при этомъ—«э!»., а Эллiотъ—«о!»—Посмотритъ, посмотритъ ретивый корреспондентъ на такія «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», да и махнетъ, наконецъ, рукой: пусть, молъ, вамъ сообщаютъ и пишутъ тѣ, у кого есть охота къ «отмѣткамъ» и лишнія марки, а я уже лучше подожду, когда Гацискій выиграетъ 200 тысячъ и примется за изданіе своего провинціальнаго органа. Безъ шутокъ (продолжаютъ издатели-вятчане), мы знаемъ одну даровитую госпожу, которая, побившись такимъ образомъ мѣсяцевъ шесть съ различными «намъ пишутъ» и «намъ сообщаютъ», предпочла корреспондированію тяжелый физическій трудъ съ 30-копѣечнымъ дневнымъ заработкомъ» *).

Дѣйствительно—положеніе незавидное. «Конечно (соглашаются вятчане), требовать, чтобъ столичныя газеты наполняли свои столбцы мѣстными извѣстіями, было бы не совсѣмъ основательно, хотя многимъ изъ нихъ можно пожелать большаго вниманія къ отдѣлу «внутреннихъ извѣстій»; но и ждать въ настоящее время

*) Считаемъ необходимымъ замѣтить, что провинціальные литераторы непремѣнно хотятъ быть публицистами, обличителями, сатириками и еслибъ какая нибудь газета взяла на себя трудъ печатать цѣликомъ корреспонденціи, то она должна была бы выходить ежедневно въ форматѣ «Times» и прекратиться непремѣнно, потому что русская публика не даетъ такихъ средствъ, какія даетъ англійская. Что касается дешевыхъ остротъ издателей «Незабудки» на счетъ «э», сказаннаго Салисбюри и на счетъ «о», сказаннаго Мидхатомъ, то почему больше значатъ широковѣщательныя рѣчи разныхъ земскихъ дѣятелей и водянистыя размышленія провинціальныхъ литераторовъ о погодѣ, о прогрессѣ и проч.—неизвѣстно. Важенъ фактъ, но для провинціальнаго литератора важны его размышленія по поводу этого факта; а такъ какъ эти размышленія по большей части азбучны, то естественно, что столичныя газеты выбираютъ факты и обращаютъ корреспонденціи въ «намъ пишутъ».

Прим. ред. «Нов. Вр.».

основанія большихъ провинціальныхъ органовъ, по мысли Гацискаго, также почти напрасно: не даромъ самъ авторъ ея обусловилъ возможность осуществленія своего проекта лотерейной случайностью. По нашему мнѣнію, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что ежегодники, въ родѣ «Вятской незабудки»... безспорно должны приносить свою долю пользы и способствовать глухимъ уѣздамъ къ пріобрѣтенію *надлежащихъ* письменныхъ видовъ. Такіе сборники, съ теченіемъ времени, сами собой превратились бы въ кадры будущихъ провинціальныхъ газетъ» (VI—IX).

Такова цѣль изданія. И цѣль эта, если судить по предисловію ко 2-му изданію «Незабудки», уже отчасти достигнута. Маленькая книжка, сначала явившаяся въ голубенькой рубашонкѣ, какъ и подобаетъ «Незабудкѣ», явившаяся въ числѣ 800 экземпляровъ и раскупленная вся въ нѣсколько, можно сказать, часовъ, а потомъ вторично вышедшая изъ нѣдръ типографіи въ зелененькой рубашечкѣ, вызвала взрывъ негодованія со стороны вятскихъ, сарапульскихъ, яранскихъ, малмыжскихъ и другихъ проконсуловъ и ликторовъ; съ другой стороны, мѣстная интеллигенція или вѣрнѣе псевдоинтеллигенція, которой теперь такъ много расплодилось на Руси (къ псевдоинтеллигенціи мы относимъ всѣхъ *просвѣщенныхъ* дѣльцовъ, начиная отъ правовѣдовъ и лицеистовъ чиновниковъ, присяжныхъ, педагоговъ, техниковъ, врачей и кончая жрецами и звонарями храма Ѳемиды)—также не особенно дружески отнеслась къ бойкому лепету перваго ребенка мѣстной прессы, видя въ немъ «тайный плодъ любви *печатной*» (ибо всякое обличеніе считается у насъ незаконнорожденнымъ дѣтищемъ печати—«тайнымъ плодомъ любви печатной»). И только тѣ, которые не принадлежатъ ни къ проконсульству, ни къ ликторству, ни къ псевдоинтеллигенціи, только,—говоритъ предисловіе,—«скромные, незамѣтные наши работники—учителя, крестьяне, служащіе по выборамъ, читающіе купцы, приказчики, мелкіе чиновники» взглянули на свободный лепетъ «Незабудки» какъ на дѣтскія игры Геркулеса, который уже въ пеленкахъ задавилъ ужаснаго змія, чуть ли не лернейскую гидру, и хотя вятскіе проконсулы и сарапульскіе ликторы не похожи на гидру, однако послѣдній разрядъ читателей «Незабудки»

почти такого о нихъ мнѣнія. «Слава Богу,—говорятъ эти читатели,—что стали появляться такія книги: авось иной прыткій человѣкъ и остережется» (стр. XIV). А этихъ «иныхъ прыткихъ человѣковъ» ухъ какъ много на святой Руси.

Вся «Незабудка» состоитъ изъ мелкихъ статей преимущественно обличительнаго содержанія. Въ немъ, т. е. въ обличеніи, какъ извѣстно, очень нуждаются провинціи, и тотъ, кто самъ не жилъ въ нашихъ захолустныхъ палестинахъ, не можетъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ неудержимомъ обличительскомъ зудѣ, который является у мѣстныхъ мыслящихъ людей, какъ слѣдствіе зараженія мѣстной атмосферы разными общественными міазмами. Въ столицахъ этого зуда быть не можетъ, потому что печать, уже ставшая тутъ твердою ногою на гражданскую почву, достаточно дезинфектируетъ общественную гниль и всякое общественное разложеніе.

Насколько разнообразно содержаніе «Незабудки», можно судить уже потому, что на 330 страничкахъ вятскаго цвѣтка въ 16-ю долю листа помѣщено 58 отдѣльныхъ статей, изъ которыхъ однѣ довольно объемисты для такого карманнаго изданія, другія же представляютъ нѣчто въ родѣ газетныхъ мелочей. Большинство статей носитъ такіе пикантные заголовки, которые неизбѣжно должны возбуждать провинціальное любопытство, какъ извѣстно, до болѣзненности развиваемое господствующею въ провинціи скукою: такъ, вы найдете въ «Незабудкѣ» такого рода пикули— «Веселенькій пейзажикъ», «Кусающіяся овцы», «Оспа, возносимая земствомъ на лоно Авраама», «Общая скука въ переводѣ на вятскій языкъ», «Сверхштатный приставъ Weg-von-hier», «Деньги, деньги и деньги», «Драма на сѣренькой подкладкѣ», «Наши земцы и нѣмцы», «Навозный гоноръ», «Два слова о недобровольцахъ», «Яранскіе баши-бузуки», «Зарвавшійся плутократъ», «Сборы пожертвованій при помощи полиціи», «Слободская лепта на *всемірную свѣчку*», «Земцы-ростовщики», «Живописное обозрѣніе», «Инвалидная эпидемія», «Педагогъ-сыщикъ», «Не позволимъ!», «По шишу за рубль», «Путешествіе къ центру земли» и т. п.

Мы не говоримъ о литературныхъ достоинствахъ и недостаткахъ «Незабудки»: она преслѣдуетъ цѣли исключительно практи-

ческія и не ставитъ художественность своею задачею. При всемъ томъ, нѣкоторыя статьи обличаютъ въ авторахъ достаточную литературную наметанность и написаны не безъ таланта, а талантъ не послѣднее оружіе въ дѣлѣ публицистики, какъ и вездѣ впрочемъ. Во всякомъ случаѣ, «Вятская Незабудка» составляетъ выдающееся явленіе въ провинціальной печати, тѣмъ болѣе выдающееся, что оно освѣщаетъ собою то громадное пятно на фонѣ интеллигентной жизни провинцій, которое образуется отъ недостатка провинціальной независимой публицистики, ибо ее не замѣнятъ никакіе губернскіе «Листки», танцующіе, большею частію, подъ чужія дудки. Изданія статистическихъ комитетовъ, преслѣдующія научныя и другія цѣли, также не исчерпываютъ всего содержанія провинціальной жизни. Все же прочее, выходящее въ провинціяхъ, имѣетъ такое же отношеніе къ мѣстной жизни и ея тугому росту, какъ филиповскія сайки къ тяжелымъ потугамъ, сопровождающимъ разрѣшеніе славянскаго вопроса. Слѣдя за жизнью провинціальной прессы, мы находимъ, напр., что въ теченіе какаго-нибудь періода времени на 100 столичныхъ изданій въ провинціи является 10, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ никакого отношенія къ мѣстной жизни и ея задачамъ: тутъ вы найдете, что г. Аристовъ издаетъ въ *Кіевѣ* «географію», г. Бучинскій въ *Одессѣ*—«геометрію», г. Быковъ въ *Калугѣ*—«о питейной торговлѣ», г. Бѣлый въ *Кіевѣ*—«русскую азбуку», прот. Поповъ въ *Костромѣ*—«православно-нравственное богословіе» и, наконецъ, г. Ященко въ *Ростовѣ-на-Дону* издаетъ маленькое, на 79 страничкахъ въ 12-ю долю листа разсужденіе объ «общей музыкѣ», и издаетъ его въ Ростовѣ потому, что въ столичной печати, сколько намъ лично извѣстно, оно не могло найти для себя мѣста въ виду крайне развившейся въ столицахъ монополизаціи литературнаго дѣла. Послѣднее—очень крупное зло, грозящее лишить литературу притока свѣжихъ силъ и талантовъ. Съ какимъ иногда неимовѣрнымъ трудомъ удается начинающему писателю пріютить свое скромное, неизвѣстное еще въ печати, имя на вельможныхъ страницахъ большого журнала, или на длинныхъ столбцахъ такъ называемой «большой прессы»—объ этомъ только и знаютъ начинающіе писатели да ихъ, какъ говорится, подоплека. А сколько

талантовъ погибло потому только, что столичная литературная монополизація не хотѣла пріютить начинающее дарованіе и не дала себѣ даже труда выслушать иной робкій лепетъ можетъ быть крупнѣйшаго дарованія, которому нужна только аудиторія, нужна арена для развитія его писательскаго генія, какъ Петру I нужно было море, а Колумбу—корабль для открытія Америки.

Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе на нивѣ провинціальной прессы такого цвѣтка, какъ «Вятская Незабудка», и желали бы, чтобъ онъ оказался въ то же время и литературною ласточкою, предвѣщающею весну для провинціальной печати. Если, по пословицѣ, «одна ласточка не дѣлаетъ весны», то и милліоны ласточекъ ея не сдѣлаютъ; но, какъ бы то ни было, и одна ласточка предвѣщаетъ весну. А какъ ласточки, такъ и люди, дѣйствуютъ табунно, то и есть основаніе полагать, что вятская ласточка—это табунно-вожатая птичка, предвозвѣщающая литературную весну для провинцій.

1877.

Пререканія столичной печати съ провинціальною.

Говоря недавно, по поводу «Вятской Незабудки», о нѣкоторыхъ неудобствахъ, мѣшающихъ естественному росту нашей провинціальной печати и, до извѣстной степени, уничтожающихъ даже ея молодые всходы, мы мимоходомъ указали на одинъ изъ такихъ волчцовъ, заглушающихъ и безъ того далеко не ядреныя словесныя озими провинцій—на монополизацію литературнаго дѣла столичной печатью. Съ другой стороны, въ виду заявленныхъ въ «Незабудкѣ» отъ лица провинціальныхъ литераторовъ, преимущественно корреспондентовъ, жалобъ на стѣсненія, дѣлаемыя имъ столичными газетами, или скорѣе на недостаточное вниманіе этихъ послѣднихъ къ глухимъ отзвукамъ провинціальной жизни, доносящимся оттуда въ видѣ мѣстныхъ корреспонденцій, редакція «Новаго Времени» на такое заявленіе жалобщиковъ положила резолюцію, хотя и оправдываемую общимъ состояніемъ печатнаго дѣла въ Россіи, однако не настолько успокоительную для провинціальной печати, чтобы остановить ее отъ дальнѣйшаго аппелированія на рѣшеніе печати столичной.

Въ обоихъ случаяхъ, слѣдовательно, предъявляются жалобы или петиціи къ общественному мнѣнію, такъ какъ ни столичная печать не должна бы быть судьею провинціальной, потому что она сама является истцомъ въ своемъ дѣлѣ, ни провинціальная, по тѣмъ-же причинамъ, не должна бы произносить вердиктъ надъ столичной; но въ томъ и другомъ случаѣ къ столичной печати предъявляется болѣе крупный искъ, чѣмъ къ провинціальной, ибо первая обвиняется, съ одной стороны, въ монополизаціи литератур-

наго дѣла, съ другой—въ умышленномъ игнорированіи жизни провинцій и ихъ законныхъ требованій. Ясно, что судьей въ этомъ дѣлѣ не должна быть печать, какъ о томъ предусмотрѣно въ уложеніи «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича: «А будетъ-де который судья истцу будетъ не другъ, а отвѣтчику другъ, и тѣхъ истца и отвѣтчика тому судьѣ не судить».

Вслѣдствіе этого пишущій сіе принимаетъ на себя смѣлость—доложить общественному мнѣнію, благосклонному читателю тожъ, краткое извлеченіе изъ заслушаннаго въ кассаціонномъ литературномъ судилищѣ *дѣла по взаимнымъ пререканіямъ между столичною и провинціальною печатью* о предѣлахъ власти и вѣдомства каждой изъ нихъ, съ надлежащимъ по дѣлу заключеніемъ и съ подведеніемъ подлежащихъ статей свода законовъ литературныхъ и приложеній къ оному.

Благосклонному читателю извѣстно, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ и особенно два послѣдніе года нашей печати почему-то вздумалось надѣть на себя вретище убогой вдовицы и, посыпая свое почтенное литературное темя пепломъ, смѣшаннымъ съ аттической солью, плакаться на свою бѣдность и безсодержательность, на отсутствіе крупныхъ талантовъ или яркихъ, свѣжихъ выдающихся, скорѣе—высовывающихся изъ-за лѣса посредственности молодыхъ дарованій; что все это время убогая вдовица, обращая слезящіеся глаза назадъ, къ сороковымъ годамъ, съ укоромъ всему молодому современному поколѣнію не перестаетъ повторять, якобы всѣ, доселѣ уцѣлѣвшіе и осѣняющіе насъ своими зелеными вѣтвями литературные дубы кряжевики, по рожденію или духовному воспитанію, принадлежатъ къ сороковымъ годамъ и много-много къ началу пятидесятыхъ; что съ шестидесятыхъ годовъ ни изъ одного россійскаго желудя не выросло ни одного надежнаго литературнаго дубка, ни изъ одного куринаго яйца не вылупилось орленка и что, наконецъ, въ послѣдніе годы мифическое вымя козы Амальтеи, питавшей своими сосцами нашихъ литературныхъ юпитеровъ-сороковиковъ, вѣроятно до того оскудѣло, что совсѣмъ перестало питать современныхъ литераторовъ творческимъ молокомъ, словно-бы безсмертная коза Юпитера превратилась въ жалкую, хотя тоже безсмертную Сидорову козу.

Признаемся, этотъ литературный сорокоустъ по усопшимъ сороковымъ годамъ долженъ бы всѣмъ прискучить—и онъ, кажется, прискучилъ. Онъ надоѣлъ бы даже и въ томъ случаѣ, еслибъ въ немъ была хоть маленькая доля исторической правды; но въ немъ этой правды нѣтъ—нѣтъ хотя бы настолько, насколько аѳиняне временъ старѣвшаго уже Геродота могли видѣть правду въ сожалѣніяхъ почтенной герусіи о бездарности современной ей аѳинской молодежи, когда маленькій Ѳукидидикъ, будущій соперникъ и побѣдитель старика Геродота, слушая публичныя чтенія этого талантливаго старца, горько плакалъ отъ умиленія и инстинкта соревнованія, уткнувшись даровитой головкой въ колѣни своего отца. Въ то время, когда наши отживающіе Геродоты отъ времени до времени продолжаютъ унижать нашу почетную герусію своими какъ-бы загробными произведеніями и когда наши Ѳукидидики уже достаточно выплакались въ порывѣ молодого соревнованія и достаточно успѣли заявить себя, какъ даровитые преемники безсмертныхъ отцовъ-Геродотовъ,—наша почтенная герусія-вдовица, между тѣмъ, все еще плачется, посыпая главу свою пепломъ и солью и жалуясь на господствующую кругомъ безсодержательность и безталантливость.

Въ чемъ же дѣло и гдѣ правда? Дѣло въ томъ, что сѣтованія нашей печати на свою безталантливость представляютъ такой же неизбѣжный аксесуаръ исторіи, въ самомъ широкомъ, обобщенномъ и въ самомъ узкомъ, спеціализированномъ смыслѣ, какъ рефлективныя сѣтованія людей стараго поколѣнія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, сѣтованія чисто-субъективныя о томъ, что въ ихъ молодое время, въ старину было все лучше—люди были лучше, сильнѣе, умнѣе, красивѣе и долговѣчнѣе, и солнце было жарче и ярче, и небо голубѣе, и зелень зеленѣе, и вино пьянѣе, и дружба крѣпче; что и земля родила лучше, и писатели были даровитѣе, и сапоги шились крѣпче, и женщины любили постояннѣе, и т. д. и т. д., и т. д. Какъ ни безосновательны эти вычитанія, простыя ариѳметическія вычитанія изъ современныхъ качествъ и явленій жизни качествъ и явленій прошлаго, окрашеннаго молодыми воспоминаніями старости, и какъ ни очевидна пристрастность этихъ вычитаній, а слѣдовательно и уменьшенія валовыхъ итоговъ со-

временной жизни, люди такъ приглядѣлись къ нимъ, что никому, повидимому, не мозолятъ глаза эти противорѣчія, которыя, будучи доведены логически до конца, поразили бы своею колоссальною абсурдностью. Такъ по этой логикѣ субъективныхъ рефлексовъ вышло бы, что при Рюрикѣ все было хуже, чѣмъ при Гостомыслѣ, при Ярославѣ хуже, чѣмъ при Рюрикѣ, при Александрѣ Невскомъ еще хуже, чѣмъ при Ярославѣ, при татарахъ хуже, чѣмъ при Невскомъ (можетъ быть), послѣ татаръ несравненно хуже, чѣмъ при татарахъ, при Петрѣ положительно хуже, чѣмъ при Алексѣѣ и т. д. Что же при насъ-то останется въ такомъ разѣ? Хорошо (при Гостомыслѣ)—*минусъ* худо—*минусъ* хуже—*минусъ* еще хуже—*минусъ* еще, еще и еще хуже—равно ужасу! Но этотъ «ужасъ» не выражаетъ исторической правды, не свидѣтельствуетъ о человѣческомъ прогрессѣ, когда даже животныя прогрессируютъ; онъ выражаетъ только пристрастное или старчески субъективное отрицаніе прогресса, поступательнаго хода земли по эклиптикѣ. Такое воззрѣніе на прогрессъ мы называемъ возрастной субъективностью.

Въ жизни нашей письменности и литературы эта возрастная субъективность воззрѣній на явленія печати давала иные результаты: въ то время когда возрастная субъективность прилагала свою оцѣнку къ явленіямъ одновозрастнымъ съ нею, тогда эти явленія окрашивались, при помощи субъективнаго опять-таки призматическаго спектра, всѣми радужными цвѣтами, и оттого когда-то въ россійскихъ умахъ гнѣздилось радужное убѣжденіе, что можетъ не только великихъ—

Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать,

(а можетъ быть и наоборотъ, но что-то въ этомъ родѣ), но что у насъ были и свои россійскіе Омиры, и Виргиліи, и Гораціи и т. д.

Это явленіе, намъ кажется, объясняется младенческимъ состоянiемъ общества, которое, будучи изумлено тѣмъ, что у него, какъ и у другихъ цивилизованныхъ народовъ, вдругъ оказались и свои исто-

рики, и свои стихотворцы и ораторы, до того поражается этою неслыханною новостью, что забываетъ всякое чувство мѣры и вѣса. Оттого Ломоносовъ въ свое время былъ у насъ полубогомъ, Державинъ полубогомъ, Карамзинъ полубогомъ. Но это было давно. Въ Малороссіи же, напротивъ, еще недавно Шевченко (безспорно крупнѣйшій талантъ) казался чуть ли не болѣе геніальнымъ, чѣмъ Шекспиръ. Марко-Вовчокъ выше Жоржъ-Занда, Нечуй—едва ли не колоссальнѣе Теккерея. Великорусское общество раньше пережило эту младенческую пору возрастности субъективныхъ воззрѣній, чѣмъ малорусское, и когда русская молодежь, ударившись въ крайность, по закону лишь волнообразности или чредоперемѣнности человѣческаго прогресса (въ природѣ все волнообразно и чредоперемѣнно—волнообразность колебанія свѣта, звука, чередованіе приливовъ и отливовъ, увлеченій и разочарованій, порывовъ и апатіи, чередованіе временъ года, дней и ночей и т. д.)—когда молодежь рѣшила вмѣстѣ съ даровитымъ, но рано погибшимъ и не высказавшимся вполнѣ Писаревымъ, что сапожникъ — выше Шекспира, — то съ этого момента и началось то недовѣріе къ Шекспиру, т. е. къ своимъ наличнымъ литературнымъ силамъ вообще и то посыпанье литературнаго темени золою и элтонскою солью, которое и вызвало неизбѣжное повтореніе «сорокоуста» съ обидною клеветою на современную якобы бездарность.

Повторяемъ — это ни болѣе, ни менѣе какъ явленіе волнообразности, и то, что при одномъ положеніи волны возвышается, при другомъ—понижается и унижается, и что было «первымъ»—становится «послѣднимъ», а «послѣднее» нынѣ—завтра занимаетъ мѣсто «перваго». Придетъ время (да оно уже и пришло), когда волнообразность и чредоперемѣнность общественныхъ отношеній къ явленіямъ жизни заставятъ слѣдующія поколѣнія подрубить подъ самый корень тѣ литературные дубы-кряжевики, которые выросли на почвѣ сороковыхъ годовъ, а у иныхъ — только обрубить засохшія вѣтви, — и это время не далеко; оно уже пришло, ибо топоръ лежитъ у корня этихъ немногихъ, уцѣлѣвшихъ въ нашей молодой рощѣ отъ стараго бора, дубовъ. Вѣдь мы видѣли, какъ въ свое время съ трескомъ падали обрубленныя безжалостнымъ топоромъ современной критики многія могучія вѣтви та-

кихъ неоспоримо безсмертныхъ дубовъ какъ Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ и даже Гоголь (въ послѣднемъ случаѣ искуснымъ дровосѣкомъ явился г. Пыпинъ). Мы не говоримъ, что эти дубы будутъ вырваны съ корнями: нѣтъ, они все-таки останутся безсмертными, словно мамврійскій дубъ въ старѣйшей изъ книгъ человѣческихъ; но стволы ихъ очистятся отъ многаго, неподлежаще навѣшаннаго на ихъ вѣтви условіями среды, въ которой выростали дубы, плохими дровосѣками и т. под. Въ свою очередь придетъ время, когда современная намъ молодежь, воспитавшаяся иначе, чѣмъ мы, будетъ съ грустью оглядываться на многія имена современныхъ дѣятелей, когда они уже отойдутъ вглубь прошлаго, и не въ состояніи будетъ замѣчать многихъ молодыхъ дарованій, которыя выростутъ на ихъ глазахъ и будутъ имѣть воспитательное значеніе для будущихъ поколѣній.

Всѣмъ этимъ мы хотимъ сказать, что напрасно нынѣшняя печать изображаетъ изъ себя убогую вдовицу сарептскую. Она не убога. У нея есть дѣти, богатыя дарованіемъ, но только капризная старушка не хочетъ видѣть въ нихъ этихъ качествъ и, по обычаю всѣхъ матерей, смотритъ на нихъ какъ на молокососовъ, потому только, что они когда то сосали ея грудь, хоть иныя и выросли на рукахъ чужой кормилицы.

Сказанное нами доселѣ равнымъ образомъ относится и къ столичной и къ провинціальной печати, по крайней мѣрѣ къ тому періоду существованія послѣдней, когда эта дѣвочка-провинціалка почувствовала, что она уже женщина, а не ребенокъ. Когда же наступилъ для печати-провинціалки этотъ интересный въ жизни женщины люстръ? Онъ наступилъ не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Собственно и ранѣе этого времени провинціальная печать конечно существовала у насъ въ видѣ «Губернскихъ» и «Епархіальныхъ Вѣдомостей», разныхъ «Листковъ» и «Памятныхъ книжекъ»; но она не отдѣляла себя отъ столичной печати вообще, подобно тому какъ ребенокъ-дѣвочка не отдѣляетъ своихъ игръ отъ игръ мальчиковъ, пока не почувствуетъ въ себѣ присутствія женщины и требованій пола. Провинціальная печать почувствовала себя женщиной и ощутила въ себѣ литературныя влеченія какъ-бы по инстинкту, подобно тому опять таки какъ чувствуетъ это всякое жи-

вое существо, вступая, по непреложнымъ законамъ развитія, въ творческій люстръ, и когда это событіе совершилось, провинціальная печать тотчасъ же дала почувствовать это печати столичной. Она взглянула на эту, послѣднюю какъ на гувернантку или, пожалуй, какъ на посторонняго мужчину, съ которымъ могли быть у дѣвочки общія игры только тогда, когда на ней оставалось коротенькое платьице; но разъ молодое существо облеклось въ длинный костюмъ, оно тотчасъ заявило, что не потерпитъ надъ собой ни опеки со стороны гувернантки, ни фамильярныхъ отношеній со стороны посторонняго мужчины. Это и было въ 1866 году, весною, 29 мая, въ одинъ изъ тѣхъ роскошныхъ весеннихъ дней, располагающихъ къ любви, когда любимѣйшій въ Россіи, нынѣ страдающій на одрѣ болѣзни поэтъ невольно воскликнулъ:

Пропаду отъ тоски я и лѣни!
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноетъ, трясутся колѣни...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени
Распѣвая вползаетъ пчела...

Именно въ одинъ изъ такихъ дней провинціальная печать, почувствовавъ себя женщиной, воскликнула:

Пропаду отъ тоски я и лѣни!
Безъ печати мнѣ жизнь не мила,
Руки чешутся и т. д.

Дѣйствительно, 29 мая 1866 г., въ тогдашней «Недѣлѣ» (№ 12), принадлежавшей еще г. Мунту, почувствовавшая себя возмужалою провинція помѣстила воззваніе въ видѣ передовой статьи, подъ заглавіемъ: «Потребность въ органахъ провинціальной гласности», гдѣ, между прочимъ, заявляла, что «провинціи или не хотятъ высказаться (въ столичныхъ органахъ), или не могутъ этого сдѣлать за неимѣніемъ мѣстныхъ органовъ гласности», и что «посылать свои отголоски въ столичныя изданія провинціи находятъ или неудобнымъ или не всегда возможнымъ». Далѣе молодая печать-провинціалка упрекала столичную свою гувернантку въ томъ, что ея свѣдѣнія о провинціяхъ слишкомъ поверхностны, а «сужденія отзываются иногда положительной стереотипностью»; что «приговоры

печати о провинціи, хотя и имѣютъ два разные тотѣнка», но что «и въ томъ и другомъ оттѣнкѣ видится общее, слышатся общія мѣста, которыя сводятся къ одному знаменателю», именно къ тому, что «Россія мало знакома русскому обществу»; что «съ одной стороны слышится довольно мѣткій укоръ въ общественной провинціальной неподвижности, въ равнодушіи къ собственнымъ интересамъ, въ апатіи, въ непробудной спячкѣ, въ болотной стоячести и инерціи»; что это общее мѣсто повторяютъ «люди наиболѣе косные»; что «такое-же риторическое locus topicus сквозитъ и въ оттѣнкѣ другого цвѣта отзывовъ о провинціяхъ»—что яко бы «послѣ долгаго историческаго сна мы пробудились и быстро зашагали впередъ семиверстными шагами», и что люди, повторяющіе это второе топическое мѣсто «и воображающіе, что обогнали Европу, менѣе другихъ двигаются, прикованные къ своему стулу»; что во всемъ этомъ нѣтъ «истины», и что на вопросъ—«что есть истина»—на вопросъ, на который не могъ получить отвѣта Пилатъ, можетъ отвѣтить впослѣдствіи одна только провинціальная печать.

Такъ возглашала провинція въ лицѣ одного изъ присяжныхъ своихъ литераторовъ. Этотъ присяжный литераторъ провинціи былъ — каюсь нынѣ публично — азъ, пушущій сіе и оглашенный теперь (совершенно впрочемъ несправедливо) со стороны провинціальной печати, какъ самый отчаянный и самый отъявленный столичный литераторъ-централистъ и врагъ провинціальной печати (неправда! неправда!). — Я то врагъ, я, первый возвѣстившій о совершеннолѣтіи дѣвочки и требовавшій предоставленія ей полныхъ гражданскихъ правъ! О, черная неблагодарность!

Какъ-бы то ни было, но послѣ нашего почина (мы не приписываемъ себѣ этой чести, какъ никто, даже родная мать не можетъ приписать себѣ чести совершеннолѣтія своей дочери—«знать приспѣло, дитятко, времячко любить»)—послѣ этого почина провинціальная печать стала все чаще и чаще заявлять, и притомъ фактически, о своемъ существованіи. Что̀ успѣла выразить она своимъ десятилѣтнимъ правоспособнымъ существованіемъ — мы говорить не станемъ, ибо считаемъ этотъ предметъ достаточно выясненнымъ въ спеціальныхъ по этому вопросу статьяхъ нашихъ, печатавшихся въ 1875 г. въ «Дѣлѣ», подъ кличкою «Печать въ провинціи».

Вотъ послѣ этихъ-то статей и возникло *дѣло по взаимнымъ пререканіямъ между столичною и провинціальною печатью о предѣлахъ власти и вѣдомства каждой изъ оныхъ.*

Кто-же правъ въ этихъ пререканіяхъ—столичная печать или провинціальная? Я боюсь, что на одной чашкѣ вѣсовъ, которыми будущая исторія станетъ взвѣшивать факты, выражающіе постепенный процессъ развитія печатнаго дѣла въ Россіи, окажутся болѣе вѣскія гири въ пользу нравственной правоты, въ данномъ разѣ, провинціальной печати, чѣмъ тѣ гирьки, которыя лягутъ на другую чашку вѣсовъ, на столичную. Отрицать тотъ фактъ, что столичная печать монополизировалась—едва-ли возьмется самый ловкій казуистъ, самъ классическій софистъ Кораксъ. Почему она монополизировалась, чѣмъ обусловливалось это сконцентрированіе наиболѣе крупныхъ литературныхъ силъ въ извѣстныя журнальная и газетныя группы — мы объяснять не станемъ, тѣмъ болѣе, что это едва ли не то-же явленіе естественнаго подбора болѣе или менѣе однородныхъ по направленію, хотя разнокачественныхъ по таланту и внутреннему характеру литературныхъ силъ, какое замѣчается во всѣхъ сферахъ жизни; но что фактъ существуетъ—это неоспоримо. Возьмите наши большіе журналы и ихъ постоянный рабочій составъ: окажется, что это—нѣчто въ родѣ редакторскихъ и сотрудническихъ артелей, гдѣ ядро, кадръ артели составляютъ большею частью сложная, болѣе или менѣе многочисленная редакція и соединенные, если позволено такъ выразиться, съ ея духовною пуповиною и дышащіе и питающіеся черезъ нее постоянные сотрудники. И это очень понятно: всякое предпріятіе, какъ и журнальное, тоже и газетное, требуетъ, чтобы успѣхъ его былъ обезпеченъ заранѣе опредѣленными и высчитанными, болѣе или менѣе надежными рабочими силами; пріемъ въ артельную работу и къ артельному котлу вольноприходящихъ тоже не воспрещается на извѣстныхъ условіяхъ. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно напр., что въ «Отечественныхъ Запискахъ» главный и постоянный рабочій и административный кадръ или осѣдлую журнальную артель составляютъ гг. Некрасовъ, Салтыковъ, Елисѣевъ, Плещеевъ Михайловскій, Скабичевскій и др.; болѣе или менѣе постоянными рабочими при артели состоятъ въ качествѣ сотрудниковъ (такъ

по крайней мѣрѣ можно судить на основаніи печатаемыхъ въ этомъ журналѣ статей): гг. Глѣбъ Успенскій, Иванъ Непомнящій, Темкинъ, Головачовъ, Д. С...о-М...ъ и другіе. Въ «Вѣстникѣ Европы» редакторскій и рабочій кадръ—это гг. Стасюлевичъ, Пыпинъ, Л. Полонскій, Костомаровъ, Эмиль Зола — какъ болѣе или менѣе частые или постоянные сотрудники. Въ «Дѣлѣ»—почти неизмѣнные г. А. Михайловъ, г. Шашковъ, г. П. Никитинъ. г. Н. Ш., г. Языковъ, г. Мордовцевъ, г. Мизантроповъ, г. Триго и т. д. Другія извѣстныя литературныя имена появляются въ этихъ журналахъ какъ бы случайно, болѣе или менѣе часто, болѣе или менѣе, рѣдко—все это опять-таки болѣе или менѣе зависитъ отъ «независящихъ обстоятельствъ», на которыя у насъ большой урожай.

И вотъ въ эти-то журнальныя артели всего труднѣе пробиться молодому, начинающему писателю, въ особенности-же провинціальному. Да оно и быть не можетъ иначе. Каждая редакція болѣе или менѣе обезпечена уже необходимымъ запасомъ рабочихъ силъ, и притомъ такихъ, которыя составили себѣ достаточную извѣстность и достаточный кругъ потребителей своего словеснаго товара, товара такой-то фирмы (какъ вина разливки Елисѣевыхъ, сапоги Королева, сайки Филиппова), пріобрѣли для себя извѣстный, болѣе или менѣе, значительный кругъ читателей, именно ими интересующихся, за ихъ произведеніями слѣдящихъ, ихъ имена отыскивающихъ въ каждой новой книжкѣ журнала, какъ вы, напримѣръ благосклонный читатель, привыкнувъ курить табакъ Шапшалъ, а не Лафермъ, ищете непремѣнно Шапшалу, а не Пампулова. Этими рабочими силами, каждою по своей спеціальности, уже проведены въ печати тѣ или другія идеи, поставлены тѣ или другіе литературные и общественные тезисы; этими рабочими силами уже охарактеризовалось болѣе или менѣе направленіе журнала, его устойчивость, если онъ не принадлежитъ къ безпозвоночнымъ, его задачи; силами этими дана журналу (конечно, не всегда) извѣстная окраска, которая, впрочемъ, можетъ мѣняться и линять, но только вслѣдствіе важныхъ, органическихъ причинъ. Понятно, что когда является въ этомъ журналѣ новая рабочая сила, иногда очень крупная, свѣжая, оригинальная, съ большими задатками еще большаго развитія и съ несомнѣннымъ тавромъ таланта (пусть не оби-

жаются писатели словомъ «тавро»—оно на ихъ Пегасѣ),—то случается, что сила эта, какъ она сама по себѣ ни могуча и ни симпатична, покажетъ себя или несолидарною съ установившимся уже направленіемъ журнала, или не гармонирующею съ нимъ по своей, можетъ быть совершенно независимой, общественно-литературной окраскѣ. И вотъ сила эта не находитъ себѣ мѣста за общимъ столомъ данной журнальной артели и за ея котломъ. Но это-бы еще ничего: нельзя-же пускать въ артель такого посторонняго рабочаго, который будетъ заводить шумства и драки со старыми артельщиками потому только, что у него свой литературный нравъ. А то просто и совсѣмъ подходящую рабочую силу журнальная артель не можетъ посадить за свой столъ потому, что за этимъ столомъ всѣ мѣста давно заняты—не выгонять-же стараго заслуженнаго, любимаго публикою литературнаго рабочаго. Впрочемъ, крупное дарованіе, откуда-бы оно ни явилось, хотя-бы изъ Пошехонья или Чухломы, всегда найдетъ себѣ мѣсто за артельнымъ столомъ и пролѣзетъ въ самую сердцевину журнальнаго ядра, какъ Гоголевскій городничій въ туго набитую народомъ церковь. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, нравственная правота лежитъ на чашкѣ вѣсовъ столичной печати. Но намъ кажется, что она не права не только по отношенію къ провинціальной печати, но и по отношенію къ русской печати и литературѣ вообще въ слѣдующемъ, доселѣ терпимомъ анахронизмѣ. Кто не знаетъ, какая масса помѣщается во всѣхъ нашихъ журналахъ и большихъ газетахъ произведеній, переводимыхъ съ иностранныхъ языковъ и преимущественно переводовъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и иныхъ романовъ — эти Флоберы, Зола, Гонкуры, Элліоты, Дженкинсы, Риды и т. д.? По нашему мнѣнію, допущеніе на страницы солидныхъ литературныхъ и ученыхъ русскихъ журналовъ переводныхъ романовъ — это оскорбленіе русской печати, русскаго творчества. Намъ возразятъ, что эти романы — образцы геніальнѣйшихъ произведеній самыхъ даровитыхъ беллетристовъ міра, литературныхъ свѣтилъ обоихъ полушарій и что романы эти во всякомъ случаѣ приличнѣе помѣщать въ русскихъ журналахъ, чѣмъ плохія оригинальныя измышленія русскихъ романистовъ. На это мы отвѣтимъ рѣшительнымъ возраженіемъ: романы могутъ

быть геніальны, но все-же помѣщать ихъ въ солидныхъ русскихъ журналахъ неприлично; такіе переводы имѣли мѣсто въ русской журналистикѣ давно когда-то, когда Карамзинъ переводилъ повѣсти Мармонтеля, когда Сумароковъ перетаскивалъ на россійскій языкъ «Гамлета датскаго принца», а россійскіе академики (sit terra levis!) въ своихъ академическихъ изданіяхъ помѣщали плохенькіе переводы какихъ-нибудь нѣмецкихъ или французскихъ орезоновъ «о пользѣ науки», «о прекрасномъ въ природѣ» и т. д.; когда въ Россіи порядочный «авторъ» былъ такъ-же рѣдокъ, какъ бѣлый воробей; когда, наконецъ, безсмертный Василій Кириловичъ печаталъ въ этихъ журналахъ свои геніальныя рекламы о *своихъ переводахъ*:

Томъ надцатый въ свѣтъ вышелъ седмь Роллена,
Ахъ! и у насъ какая перемѣна!
Домъ, крыша зелена, въ двѣнадцатой линѣи:
Стекайтесь, благодѣи!
Кто дастъ рубль полъ и гривны три—
Тотъ и бери *)

Но теперь для переводныхъ романовъ у насъ существуютъ особыя изданія, разныя издательскія артели, въ родѣ «собраній» и пр.; другія же капитальныя произведенія западныхъ литературъ легко находятъ и переводчиковъ въ Россіи, и издателей, и читателей. Слѣдовательно любители иностранныхъ романовъ никогда не будутъ обижены; но русское самостоятельное творчество подобнымъ къ нему пренебреженіемъ русскихъ солидныхъ журналовъ дѣйствительно обижается.

Всѣмъ извѣстна азбучная экономическая истина, что не предложеніе вызываетъ спросъ, а спросъ родитъ предложеніе. Откуда же можетъ прійдти предложеніе русскаго товара, когда извѣстно, что бумажный рынокъ заваленъ иностраннымъ литературнымъ хлопкомъ? Кто повезетъ на рынокъ пшеницу, когда знаютъ, что картофель вытѣснилъ ее со всѣхъ позицій? А потому—что за охота

*) Переводъ 17 тома Роллени продавался, значитъ, по рублю 80 к. (полъ и гривны три) въ 12 линіи Васильев. острова, въ домѣ—«крыша зелена».

имся даже, что она останется въ дѣвкахъ, да и теперь своею раздражительностью обнаруживаетъ уже добрыя качества старой дѣвы. Какъ старой дѣвѣ, ей остается одна благодарная и почтенная роль—перестать мечтать о женихахъ, о соперничествѣ съ столичною печатью и о невозможныхъ побѣдахъ надъ нею, а обратить весь запасъ своей неистраченной любви и энергіи на воспитаніе молодого провинціальнаго поколѣнія, смотрѣть, чтобы оно было вымыто и причесано, обшито, обуто и одѣто, чтобы его свиньи не ѣли, когда оно еще ходить не умѣетъ, а ползаетъ, чтобы его не обижали злые и глупые взрослые, чтобы рубашечки и чулочки его были заштопаны, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглядѣть за всѣмъ провинціальнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Это — самая благодарная и высоко почтенная роль провинціальной печати, у нея на глазахъ ростутъ дѣти—провинціальныя земства, городское самоуправленіе, провинціальный судъ, провинціальная медицина, провинціальная педагогика. За всѣмъ этимъ долженъ присмотрѣть зоркій глазъ печати—чтобы и въ земскихъ учрежденіяхъ не допускались безобразія, чтобы и судъ не уклонялся въ сторону отъ святости своего призванія, чтобы и медицина не оставляла народъ безпомощнымъ, а педагогика—безграмотнымъ и т. д., и т. д. Пусть провинціальная печать заглядываетъ подъ каждую крышу, въ темныя нутры каждой избы, въ земскія собранія, въ судъ, въ школу—и все, что найдетъ тамъ достойное позорнаго столба, оглашаетъ во всеуслышаніе. Если оглашенія эти не попадутъ въ столичную печать, то пусть собираются въ отдѣльные огласительные резервы и отъ времени до времени являются на свѣтъ божій хотя бы въ видѣ «Вятской Незабудки» или иными періодическими серіями подъ заглавіемъ «Оглашенные», или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Если каждая губернія будетъ давать каждый годъ по одной такой серіи «Оглашенныхъ», то это составитъ богатую провинціальную литературу—и цѣль печати (мѣстной) будетъ достигнута: воспитанное печатью провинціальное общество само скажетъ своимъ «Оглашеннымъ»: «оглашенные, изыдите»—и они должны будутъ «изыти» изъ общества честныхъ людей. А разъ что правительство убѣдится въ существованіи самобытной литературной жизни въ провинціи, разъ, что провинціальный литературный нервъ обнару-

жить явственно свое біенье, не случайнымъ явленіемъ, не спорадически, а правильнымъ проявленіемъ литературной жизненности провинцій,—правительство, безъ сомнѣнія, не замедлитъ примѣнить и къ провинціямъ тѣ правила о печати, которыми управляется печать столичная.

Тогда и пререканія между «Римомъ» и «Патавіей» не будутъ имѣть мѣста, а провинціальнымъ Титамъ Ливіямъ нечего будетъ подчинять свой оригинальный «патавинизмъ» романскому стилю сердитаго старика Тацита.

1877.

Земство и печать.

Если въ современномъ обществѣ и въ печати слышатся иногда жалобы на то, что русская печать недостаточно внушаетъ къ себѣ уваженіе читателей и положительно не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, то вина въ этомъ всецѣло лежитъ на печати, а не на томъ, что русской общественной челюсти не достаетъ еще будто-бы умнаго зуба. Печать сама не рѣдко унижаетъ себя въ глазахъ общества, становясь въ положеніе Тредьяковскаго, заушаемаго Волынскимъ, съ тою только разницею, что и роль ланиты, получающей пощечину, и роль пятерни, дающей пощечину, играетъ сама же печать.

Кто не помнитъ съ какимъ неудобосопоставляемымъ двуязычіемъ относилась эта печать ко всѣмъ болѣе или менѣе крупнымъ—на русскій аршинъ—явленіямъ общественной жизни? Рядомъ съ отношеніемъ серьезнымъ, искреннимъ, честнымъ вылетало на сцену писательское гаерство, балаганность, ухорство, съ раздачею направо и налѣво «вселенской смази»; за факты хватались не чистыми руками и. сваливая все въ кучу, безъ критики, безъ должной оцѣнки сырого, годнаго и негоднаго матеріала; безъ всякой научной подготовки, порицали огуломъ все.

Подобную политическую невоспитанность проявила печать (я не говорю вся) и въ своихъ отношеніяхъ къ земскому дѣлу—какъ къ самому процессу земскаго самоуправленія, такъ и къ тѣмъ его, если можно такъ выразиться, первичнымъ результатикамъ, которые уже положены на чашку историческихъ вѣсовъ Руси пореформенной, земской,—въ противовѣсъ чашкѣ дореформенной Руси. Въ

печати оказались такіе политическіе археологи, которымъ дореформенная Русь кажется чуть-ли не привлекательнѣе земской И это не вслѣдствіе того, чтобы эти археологи, путемъ серьезнаго изслѣдованія земскаго дѣла, путемъ критической оцѣнки данныхъ, относящихся какъ къ дореформенной Руси, такъ и къ земской, путемъ, наконецъ, сопоставленія платежныхъ тяжестей мужика дореформенной Руси и мужика земской, пришли къ такому убѣжденію; нѣтъ, къ такому убѣжденію не можетъ прійти человѣкъ, добросовѣстно относящійся къ явленіямъ жизни. Добросовѣстное, научное отношеніе къ земскому вопросу, и именно къ вопросу платежному, приводитъ къ тому выводу, что, какъ ни тяжки земскіе поборы, но несомнѣнно то, что съ платежной спины мужика земство сняло хотя нѣсколько золотниковъ всероссійской тяги и разложило эти золотники на другія сословія. А вѣдь это уже заслуга земства. Напротивъ, къ выводамъ въ пользу дореформенной Руси наши археологи-публицисты пришли совершенно обратнымъ путемъ—путемъ, такъ сказать, преднамѣренности: задастся человѣкъ непремѣннымъ желаніемъ во что бы то ни стало обругать какое-нибудь явленіе, не видавъ его въ глаза—и ругаетъ принципіально.

Такимъ археологомъ-публицистомъ выступилъ въ пользу дореформенной Руси («Дѣло», кн. 9. въ статьѣ «Земскіе прогрессы») г. Шашковъ, по поводу моей книги «Десятилѣтіе русскаго земства». Г. Шашковъ, надо отдать ему справедливость, усердно изучилъ мою книгу. Къ этому изученію онъ добавилъ и частицу личнаго труда, прочитавъ нѣсколько корреспонденцій «Новаго Времени», «Недѣли», «Голоса» и «Современныхъ Извѣстій». И съ помощью этого-то научнаго аппарата онъ берется дѣлать оцѣнку такого сложнаго общественнвго явленія, какъ земское дѣло и его итоги. Статью свою г. Шашковъ начинаетъ такъ: «Если въ Россіи и существуютъ безусловные поклонники земства, то г. Мордовцевъ, конечно, не принадлежитъ къ нимъ; онъ видитъ и слабыя стороны земства, о чемъ и говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ: «Мы увидимъ и не въ однихъ захолустьяхъ, но и на бойкихъ мѣстахъ, какъ одна земская фракція силится эксплуатировать и держать въ черномъ тѣлѣ другую; какъ на счетъ мужичковъ проводятся желѣзныя дороги и мужички же должны гарантировать

сомнительную доходность этихъ дорогъ; какъ дѣятели иныхъ фракцій рыцарски высказываются противъ народнаго образованія, другіе—хотѣли-бы поворотить историческое колесо въ дорефор менное пространство и вообще дать машинѣ заднiй ходъ; какъ нѣкоторыя земства, повидимому, махнули рукой на свои земскія задачи и спятъ глубокимъ послѣобѣденнымъ сномъ; какъ немногія крупныя единицы хотятъ поглотить множество земскихъ мелкихъ единицъ и дробей, подобно тому какъ китъ глотаетъ мелкія особи въ своемъ водяномъ земскомъ районѣ; какъ эти крупные киты, проглатывая мелкихъ рыбокъ, не чувствуютъ, что вводятъ въ свой желудокъ лишній пріемъ ипекакуаны, послѣдствія которой будутъ очень плачевны; какъ богатые землевладѣльцы не хотятъ платить земскихъ сборовъ или требуютъ, чтобы ихъ богатыя земли оцѣнивались дешевле чахлыхъ мужичьихъ земель на томъ именно основаніи, что... да это старая европейская пѣсня, занесенная недавно и въ Россію нѣкоторыми земскими запѣвалами; какъ нѣкоторые представители земства открыто высказываютъ въ земскихъ собраніяхъ опасенія, что если въ дѣлѣ народнаго образованія обратить преимущественное вниманіе, въ виду нѣкоторыхъ весьма разумныхъ комбинацій, на образованіе крестьянской женщины, женщины будутъ образованнѣе мужчинъ, что это дѣло не безопасное и щекотливое; какъ легковѣрные земскіе представители растрачиваютъ земскія суммы и, подобно тому греческому герою, котораго греки заложили въ храмѣ каменьями, когда онъ хотѣлъ туда спрятаться отъ классическаго прокурорскаго надзора, ищутъ такого храма въ всесословной волости; какъ и другіе земскіе дѣятели не хотятъ давать отчета въ растраченныхъ земскихъ суммахъ передъ гласными мужиками», и т. д.

И послѣ всего этого, сказаннаго мною, въ виду цѣлыхъ фалангъ подкрѣпляющихъ фактовъ, г. Шашковъ, попадергавъ изъ моей книги, какъ изъ стога сѣна, еще около 22 страницъ всякихъ выписокъ, уснаствивъ всю статью фактическими подтвержденіями своихъ будто-бы мнѣній, взятыхъ у меня-же въ книгѣ, мнѣній, гдѣ я доказываю сотнями фактовъ нѣкоторыя недостаточно чистыя дѣянія земскихъ дѣятелей, г. Шашковъ мнѣ-же приписываетъ восхваленіе земства всецѣло, въ прямое противорѣчіе тому, что самъ

же говоритъ въ началѣ статьи. Даже эпиграфъ къ статьѣ—одно мѣсто изъ Щедрина—онъ беретъ изъ моей книги, и послѣ этого моими-же мнѣніями, словами, выписками, цитатами, да передо мной же и похваляется (моимъ-же порохомъ да въ меня). Въ сущности вся статья г. Шашкова дѣлаетъ мнѣ большую честь: она рекомендуетъ мои мнѣнія, мои выводы, весь мой трудъ. Но она сдѣлала-бы мнѣ еще болѣе чести, если-бы г. Шашковъ откровенно высказался передъ читателемъ и передо мной слѣдующими словами поэта:

Я плачу твоими слезами,
Твоею тоскую тоской,
Смотрю я твоими глазами
И мыслю твоей головой (не совсемъ впрочемъ)..

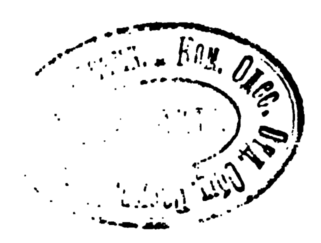
Г. Шашковъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «доставать мѣстные земскіе отчеты чрезвычайно трудно и обременительно»; что «книга Мордовцева, напр., хотя и не отличается полнотою, но и ему, по всей вѣроятности, пришлось просмотрѣть сотни томовъ». Совершенно справедливо: мнѣ пришлось просмотрѣть эти сотни томовъ, и на основаніи ихъ я имѣлъ право дѣлать нѣкоторыя осторожныя заключенія о дѣятельности земства, предоставляя будущему историку дать этому дѣлу болѣе обстоятельную оцѣнку. Г. Шашкову не пришлось трудиться надъ сотнями томовъ: онъ потрудился только надъ моею книгой и надъ нѣсколькими газетными корреспонденціями, и беретъ на себя роль историческаго судьи. Это, по мѣньшей мѣрѣ, смѣло.

Для печати очень важенъ вопросъ: основѣ земскаго дѣла положены-ли добрыя начала, или нѣтъ, и насколько первыя изъ нихъ могутъ проявлять творческую силу? На этотъ вопросъ я первый попытался отвѣтить путемъ изученія земскаго дѣла въ его, до чрезвычайности разнообразныхъ, проявленіяхъ, какъ отрадныхъ, такъ и безотрадныхъ. Я не щадилъ красокъ на изображеніе послѣднихъ; эти краски мнѣ давали сами земскіе отчеты. Но и въ изображеніи первыхъ я былъ также послѣдователенъ: я съ радостью проводилъ на темной, безотрадно-унылой картинѣ ночи свѣтлыя полоски занимающагося утра; тѣмъ съ большею радостью я чер-

тилъ эти полоски, чѣмъ рѣже попадались мнѣ эти свѣтлые лучи и чѣмъ кромѣшнѣе зіяла кругомъ меня ночь. А г. Шашкову это не нравится—и не въ силу того, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ больше любилъ дореформенную Русь, чѣмъ земскую, а просто вслѣдствіе того, что ему надо же было сказать что-нибудь хлесткое по поводу моей книги, и это хлесткое онъ думалъ найти въ скептическомъ отношеніи къ фактамъ, которыхъ онъ самъ даже не изслѣдовалъ. Я не даромъ сказалъ въ моей книгѣ, что «скептицизмъ—старчество мозга и фантазіи». Это старчество я замѣчаю въ г. Шашковѣ, что̀ не годится для писателя. «Eine vornehmthuende Zweifelsucht, welche Thatsachen verwirft, ohne sie zu ergründen, ist fast noch verderblicher, als unkritische Leichtgläubigkeit», сказалъ еще старикъ Гумбольдтъ (Александръ). Эти-то «татзахенъ», эти факты, я и совѣтовалъ бы прежде г. Шашкову выкопать—ergründen—какъ я ихъ выкопалъ въ сотняхъ томовъ, изслѣдовать ихъ, взвѣсить и процѣдить сквозь самое частое сито критики, да тогда уже и писать оцѣнку такого широкаго (опять-таки на русскій аршинъ) и сложнаго явленія, какъ земское дѣло въ Россіи. Такъ должна поступать сама себя уважающая печать, чтобы не очутиться въ унизительномъ положеніи Тредьяковскаго передъ Волынскимъ и—наоборотъ, vice versa. Изъ того, что есть дурные—и даже очень—земскіе дѣятели, еще нельзя заключать, что все земство ни къ чему не годится, какъ изъ того, что есть неумные рецензенты, плохіе критики и бездарные публицисты, нельзя... и такъ далѣе.

Во всякомъ случаѣ намъ бы казалось, что роль печати по отношенію къ земству должна-бы быть не прокурорскою, а ролью присяжныхъ: вѣдь земство—это мы, мы всѣ, это все та же историческая Русь, отъ которой и г. Шашковъ не можетъ отдѣлиться, даже въ роли прокурора.

1877.

Александръ Первый.

Завтра Россія празднуетъ столѣтіе дня рожденія императора Александра I. Позади насъ — цѣлый вѣкъ, можно сказать наполненный именемъ этого человѣка. Съ самаго момента его рожденія, съ того момента, когда вмѣстѣ съ манифестомъ всю Россію облетѣлъ державинскій стихъ о «порфирородномъ отрокѣ», до настоящаго дня онъ былъ положительно предметомъ мірового вниманія, ибо послѣ 12-го года поставленъ былъ въ фокусѣ міровыхъ событій, отъ которыхъ могло зависѣть новое разверстаніе всего земного шара. Въ тысячахъ, десяткахъ тысячахъ томовъ разныхъ изслѣдованій, монографій, мемуаровъ, записокъ рисовалась, выяснялась, оцѣнивалась эта личность; но и до сей поры историческая ея оцѣнка не можетъ быть названа полною, нравственный и политическій обликъ ея не вполнѣ выясненъ, историческій портретъ не готовъ, хотя и рисуется въ воображеніи каждаго глубоко-симпатичнымъ.

Бываютъ историческія положенія—и въ эти положенія неизбѣжно становятся наиболѣе крупныя царственныя личности, личности, которыя уже однимъ рожденіемъ своимъ создаютъ около себя самыя сложныя, самыя несовмѣстимыя общественныя или групповыя и политическія комбинаціи, чаянія, опасенія, ожиданія, надежды и сомнѣнія, которыя однимъ появленіемъ въ свѣтъ захватываютъ обширнѣйшій кругъ самыхъ разнообразныхъ сцѣпленій и противоположныхъ вліяній, — бываютъ, повторяемъ, историческія положенія, полное освѣщеніе которыхъ и оцѣнка представляются особенно трудными по ихъ необыкновенной сложности. Такую же непобѣдимую трудность представляетъ и независимая оцѣнка исто-

рическихъ личностей, поставленныхъ въ названное нами п(
ніе. Если такую личность исторія станетъ освѣщать исключительно какъ «человѣка», то освѣщеніе это будетъ далеко не полное, ибо царственная особа не можетъ быть выдѣляема изъ своего такъ сказать оснащеннаго безконечною цѣпью условій положенія и созидаемыхъ этимъ положеніемъ самыхъ сложныхъ нравственныхъ обязательствъ. Равнымъ образомъ не должно подлежать сомнѣнію, что субъективныя, исключительно человѣчныя качества такой личности не могутъ въ свою очередь не влiять на нее и въ сферѣ ея царственной и политической дѣятельности, въ проявленіи тѣхъ ... ловѣка.

... кихъ дѣятелей на-
х ... сандра Павловичъ,
и ... ъ его, какъ онъ ни
п ... ленiяхъ, почти не-
ул ... ороднаго отрока»,
де ... ной мѣрѣ владѣв-
ш ... е состязалось съ
та ... ера, Руссо и Да-
ла ... го въ простое одѣ-
ял ... впослѣдствіи «пор-
фи ... нъ; эта же дер-
жа ... й, и симпатіями
сво ... матери на свою
пол ... по природѣ глу-
бок ... амосознаніе, онъ
уже ... онъ долженъ раз-
вива ... державная какъ
по ... и по отношенію
къ ... іе на все окру-
жаю ... , повинующійся
самъ ... ложнымъ нрав-
стве ... о не могло не
тягот ... дцемъ нѣжнаго
ребе ... аться въ свой
внутр ... увства и мысли.

Александръ Первый.

Завтра Россія празднуетъ столѣтіе дня рожденія императо
Александра I. Позади насъ — цѣлый вѣкъ, можно сказать напс
ненный именемъ этого человѣка. Съ самаго момента его рожден
съ того момента, когда вмѣстѣ съ манифестомъ всю Россію об
тѣлъ державинскій стихъ о «порфирородномъ отрокѣ», до настс
щаго дня онъ былъ положительно предметомъ міроваго вниман
ибо послѣ 12-го года поставленъ былъ въ фокусѣ міровыхъ событі
отъ которыхъ могло зависѣть новое разверстаніе всего земно
шара. Въ тысячахъ, десяткахъ тысячахъ томовъ разныхъ изсл
дованій, монографій, мемуаровъ, записокъ рисовалась, выяснялас
оцѣнивалась эта личность; но и до сей поры историческая ея оцѣн
не можетъ быть названа полною, нравственный и политическ
обликъ ея не вполнѣ выясненъ, историческій портретъ не готовъ
хотя и рисуется въ воображеніи каждаго глубоко-симпатичным

Бываютъ историческія положенія—и въ эти положенія неі
бѣжно становятся наиболѣе крупныя царственныя личности, ли
ности, которыя уже однимъ рожденіемъ своимъ создаютъ око
себя самыя сложныя, самыя несовмѣстимыя общественныя или гру
повыя и политическія комбинаціи, чаянія, опасенія, ожиданія, н
дежды и сомнѣнія, которыя однимъ появленіемъ въ свѣтъ захв
тываютъ обширнѣйшій кругъ самыхъ разнообразныхъ сцѣпленій
противоположныхъ вліяній, — бываютъ, повторяемъ, историческ
положенія, полное освѣщеніе которыхъ и оцѣнка представляют
особенно трудными по ихъ необыкновенной сложности. Такую
непобѣдимую трудность представляетъ и независимая оцѣнка ист

рическихъ личностей, поставленныхъ въ названное нами положеніе. Если такую личность исторія станетъ освѣщать исключительно какъ «человѣка», то освѣщеніе это будетъ далеко не полное, ибо царственная особа не можетъ быть выдѣляема изъ своего такъ сказать оснащеннаго безконечною цѣпью условій положенія и созидаемыхъ этимъ положеніемъ самыхъ сложныхъ нравственныхъ обязательствъ. Равнымъ образомъ не должно подлежать сомнѣнію, что субъективныя, исключительно человѣчныя качества такой личности не могутъ въ свою очередь не вліять на нее и въ сферѣ ея царственной и политической дѣятельности, въ проявленіи тѣхъ или другихъ качествъ царя и человѣка.

Болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ историческихъ дѣятелей находился въ этомъ положеніи императоръ Александра Павловичъ, и отъ того нравственный и политическій образъ его, какъ онъ ни представляется яснымъ въ нѣкототорыхъ отношеніяхъ, почти неуловимъ. Въ самый моментъ рожденія «порфророднаго отрока», державная рука его царственной бабки, въ равной мѣрѣ владѣвшая и скипетромъ и перомъ литератора, которое состязалось съ такими перьями, какъ перо Фридриха II, Вольтера, Руссо и Даламбера,—эта рука завертываетъ новорожденнаго въ простое одѣяльце и укладываетъ въ корзину, изъ которой впослѣдствіи «порфирородное отроча» должно было перейти на тронъ; эта же державная рука всецѣло желаетъ управлять и волей, и симпатіями своего внучка, котораго императрица беретъ отъ матери на свою половину и сама воспитываетъ. Едва мальчикъ, по природѣ глубоко-впечатлительный, начинаетъ пріобрѣтать самосознаніе, онъ уже видитъ, какъ сложны условія, въ которыхъ онъ долженъ развиваться: съ одной стороны—царственная, самодержавная какъ по отношенію къ порфирородному отроку, такъ и по отношенію къ его родителямъ бабка и ея неотразимое вліяніе на все окружающее его; съ другой—цѣлый придворный міръ, повинующійся самъ разнороднымъ и нерѣдко взаимно противоположнымъ нравственнымъ и общественнымъ тяготѣніямъ. Все это не могло не тяготѣть до извѣстной степени надъ волею и сердцемъ нѣжнаго ребенка; все это рано научило его глубоко замыкаться въ свой внутренній міръ и таить въ немъ свои личныя чувства и мысли,

рическихъ личностей, поставленныхъ въ названное нами положеніе. Если такую личность исторія станетъ освѣщать исключительно какъ «человѣка», то освѣщеніе это будетъ далеко не полное, ибо царственная особа не можетъ быть выдѣляема изъ своего такъ сказать оснащеннаго безконечною цѣпью условій положенія и созидаемыхъ этимъ положеніемъ самыхъ сложныхъ нравственныхъ обязательствъ. Равнымъ образомъ не должно подлежать сомнѣнію, что субъективныя, исключительно человѣчныя качества такой личности но могутъ въ свою очередь не вліять на нее и въ сферѣ ея царственной и политической дѣятельности, въ проявленіи тѣхъ или другихъ качествъ царя и человѣка.

Болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ историческихъ дѣятелей находился въ этомъ положеніи императоръ Александра Павловичъ, и отъ того нравственный и политическій образъ его, какъ онъ ни представляется яснымъ въ нѣкототорыхъ отношеніяхъ, почти неуловимъ. Въ самый моментъ рожденія «порфиророднаго отрока», державная рука его царственной бабки, въ равной мѣрѣ владѣвшая и скипетромъ и перомъ литератора, которое состязалось съ такими перьями, какъ перо Фридриха II, Вольтера, Руссо и Даламбера,—эта рука завертываетъ новорожденнаго въ простое одѣяльце и укладываетъ въ корзину, изъ которой впослѣдствіи «порфирородное отроча» должно было перейти на тронъ; эта же державная рука всецѣло желаетъ управлять и волей, и симпатіями своего внучка, котораго императрица беретъ отъ матери на свою половину и сама воспитываетъ. Едва мальчикъ, по природѣ глубоко-впечатлительный, начинаетъ пріобрѣтать самосознаніе, онъ уже видитъ, какъ сложны условія, въ которыхъ онъ долженъ развиваться: съ одной стороны—царственная, самодержавная какъ по отношенію къ порфирородному отроку, такъ и по отношенію къ его родителямъ бабка и ея неотразимое вліяніе на все окружающее его; съ другой—цѣлый придворный міръ, повинующійся всѣмъ разнороднымъ и нерѣдко взаимно противоположнымъ нравственнымъ и общественнымъ тяготѣніямъ. Все это не могло не тяготѣть до извѣстной степени надъ волею и сердцемъ нѣжнаго ребенка; все это рано научило его глубоко замыкаться въ свой внутренній міръ и таить въ немъ свои личныя чувства и мысли,

таить до того, что для самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ онъ казался неразгаданнымъ сфинксомъ. Эти качества сфинкса онъ пронесъ черезъ всю свою жизнь, черезъ все свое царствованіе, съ годами замыкаясь все болѣе и болѣе въ свой внутренній міръ, превратившійся впослѣдствіи для него самого во что-то таинственное, мистическое, неизмѣнно-роковое.

На одиннадцатомъ году глазамъ царственнаго отрока открылся новый міръ—міръ правильнаго, научнаго развитія подъ руководствомъ такой симпатичной и высоко гуманной личности, какимъ былъ Лагарпъ. Нравственные принципы, посѣянные въ впечатлительную душу царственнаго юноши, глубоко запали въ нее и на всю жизнь оставались господствовавшими въ жизненныхъ, обыденныхъ правилахъ Александра, не смотря на то, что послѣдующія вліянія, налагавшія на него свою печать не менѣе неизгладимо, должны были до извѣстной степени парализовать доброе вліяніе Лагарпа. Только постояннымъ и упорнымъ воздѣйствіемъ на мягкую волю Александра можно объяснить совмѣщеніе въ симпатіяхъ Александра Павловича такихъ личностей, какъ Лагарпъ рядомъ съ Аракчеевымъ, хотя вліяніе перваго въ этомъ случаѣ пересиливало вліяніе послѣдняго. «Лагарпу—говорилъ впослѣдствіи Александръ Павловичъ—я обязанъ всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго, и всѣмъ, что я знаю».

Но эта чистая атмосфера нравственнаго и научнаго развитія окружала Александра Павловича только до женитьбы, которая послѣдовала слишкомъ рано, когда великому князю не было еще полныхъ 16 лѣтъ.

Послѣ тяжкой разлуки съ Лагарпомъ и со смертью нѣжно любившей его царственной бабки, податливая воля Александра испытываетъ новое, суровое на нее давленіе. Почти въ теченіи пяти лѣтъ, до самаго вступленія своего на престолъ, онъ проходитъ новую школу жизни—школу суровой выправки подъ личнымъ руководствомъ родителя, самаго строгаго, самаго взыскательнаго. Масса обязанностей, возложенныхъ на великаго князя, начиная отъ должности петербургскаго генералъ-губернатора и шефа лейбъ-гвардіи семеновскаго полка и кончая другими военными должностями, требовавшими неустанной работы, постоянный страхъ пе-

редъ суровымъ родителемъ, утомительные до изнеможенія разводы, смотры, маневры, ученья, вахтъ-парады—все это входило въ мягкую душу Александра разъѣдающимъ, растравляющимъ добрые инстинкты началомъ и послужило зерномъ того необычайнаго явленія въ его нравственныхъ качествахъ, которое дѣлаетъ непонятною для современниковъ и потомства дружбу, наложившую тѣнь на всю вторую половину царствованія Александра Павловича и отнявшую у императора, у побѣдителя Наполеона—этого апокалипсическаго звѣря, у царя съ эпитетомъ «Благословеннаго», долю популярности среди народа, который запечатлѣлъ имя Аракчеева недоброй исторической памятью.

Вступленіе Александра на престолъ ясно показало, что русская корона осѣнила голову, исполненную самыхъ благихъ намѣреній, что корона эта—на головѣ воспитанника Лагарпа, разлуку съ которымъ такъ горько оплакивалъ царственний ученикъ. Запрещеніе преслѣдованія свободы мыслей, ослабленіе цензуры, дозволеніе привоза въ Россію иностранныхъ книгъ и открытіе частныхъ типографій, запечатанныхъ при Павлѣ, отмѣна «тайной экспедиціи», уничтоженіе пытокъ, учрежденіе университетовъ, развитіе гласности—все это составляетъ лучшую, свѣтлую сторону первой половины царствованія Александра Павловича. Онъ еще не переживалъ тяжелаго столкновенія съ Наполеономъ. Онъ находился еще подъ обаяніемъ этого желѣзнаго человѣка, называлъ его «великимъ», какъ это и выразилъ при свиданіи съ Бонапартомъ въ Эрфуртѣ, когда въ театрѣ, при представленіи «Эдипа», Александръ Павловичъ всталъ и, пожимая руку Наполеону, отнесъ къ нему извѣстную тираду изъ «Эдипа»: «дружба великаго человѣка есть благодѣяніе боговъ». Онъ все еще оставался такъ сказать въ атмосферѣ добраго вліянія—вліянія дружбы того «тріумвирата», которымъ онъ самъ наименовалъ наиболѣе приближенныхъ къ нему совѣтниковъ—Новосильцева, графа Строганова и князя Адама Чарторыжскаго. Чарторыжскій говорилъ впослѣдствіи о своемъ царственномъ другѣ: «Когда Александръ, въ 19 лѣтъ, говорилъ со мной, въ величайшей тайнѣ, съ откровенностью, его облегчавшей, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и имѣлъ по-

требность кому-нибудь ихъ довѣрить. Какой другой мотивъ онъ могъ тогда имѣть? Кого онъ могъ бы хотѣть обманывать? Онъ, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ влеченію своего сердца»...

Но вотъ надъ Россіей проносится страшная буря—нашествіе двунадесяти языкъ. Буря эта выноситъ Александра на недосягаемую высоту. Но это же самое событіе полагаетъ рѣзкую грань между первой половиной жизни Александра Павловича и послѣдней: въ первой нравственное вліяніе на душу и на политическіе принципы императора раздѣляли между собой такія личности, какъ Лагарпъ, Строгановъ, Сперанскій; въ послѣдней—это вліяніе принадлежало Аракчееву въ дѣлахъ внутренняго управленія, въ сферѣ нравственныхъ и политическихъ воззрѣній; вліяніе это оказалось на сторонѣ такихъ мистическихъ личностей, какъ баронесса Криднеръ, собственною рукою написавшая на черновомъ проектѣ императора Александра относительно извѣстной политической коалиціи,—слова «священный союзъ» и давшая такимъ образомъ самое имя этой, слишкомъ памятной для Европы коалиціи. Глубокая вѣра въ добрые человѣческіе инстинкты превратилась въ такое же глубокое недовѣріе къ людямъ, и въ особенности къ приближеннымъ. За то тѣмъ съ бо̀льшею вѣрой императоръ обращалъ свои взоры къ народу, на которомъ покоилось величіе его царства. «О, мои бородачи! они гораздо лучше насъ», говорилъ онъ съ умиленіемъ.—Престолъ—не мое призваніе (продолжалъ онъ): если-бы я могъ съ честью измѣнить мое состояніе, я-бы охотно на это согласился. Мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе размозжить себѣ голову объ стѣну».

Война, истощивъ организмъ государства, жаждавшаго, вслѣдствіе этого, возстановленія своихъ экономическихъ и финансовыхъ силъ, была причиною того, что Александръ Павловичъ дозволилъ стать во главѣ государственныхъ преобразованій такому некомпетентному въ этомъ отношеніи лицу, какъ Аракчеевъ. Основаніемъ военныхъ поселеній думали укрѣпить ослабленный организмъ государства—уменьшить издержки на содержаніе постоянной арміи. Эта-то неудачная мысль, вышедшая изъ головы Аракчеева далеко не во всеоружіи Минервы, и свела всѣ государствен-

ныя реформы, и экономическія и финансовыя, всѣ широкіе планы первыхъ годовъ царствованія—на самую непопулярную, самую тяжкую для народа принудительную милитаризацію страны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на сцену выступаютъ темныя личности, которыя пользуясь болѣзненнымъ настроеніемъ воли императора, вносятъ начала нетерпимости и обскурантизма въ самыя свѣтлыя стороны общественной жизни. То, что прежде радовало государя, теперь поселяетъ въ немъ мрачныя опасенія, и ему кажется, по его собственнымъ словамъ, что «духъ зла паритъ надъ Европой и накопляетъ злодѣянія и пагубныя событія». Сообразно этому направляется дѣятельность Александра и внѣ предѣловъ Россіи. Какъ глава «священнаго союза», онъ на всѣхъ конгрессахъ—въ Ахенѣ, Троппау, Лайбахѣ и Веронѣ — настаиваетъ на принятіи разныхъ строгихъ мѣръ въ виду даже самыхъ ничтожныхъ либеральныхъ движеній въ Европѣ, считая ихъ пагубными для политическаго и государственнаго спокойствія. Самое возстаніе грековъ противъ турецкихъ жестокостей признается, рѣшеніемъ веронскаго конгресса, какъ бунтъ, долженствующій быть подавленнымъ силою оружія. Ясность духа окончательно покидаетъ того, кто, какъ гласитъ надпись на памятникѣ его въ селѣ Грузинѣ, «возвеличилъ Россію, спасъ Европу».

Какъ бы въ подтвержденіе мрачныхъ предчувствій императора, до него стали доходить слухи о томъ, что въ разныхъ концахъ Россіи, особенно же въ войскѣ и ближайшихъ начальникахъ его, затѣвается что-то недоброе. Вся эта масса подавляющихъ впечатлѣній и опасеній была причиною того, что государь сталъ думать объ отреченіи отъ престола, объ уединенной жизни гдѣнибудь въ Крыму, вдали отъ волненій и заботъ государственнаго управленія. Во время своей поѣздки, изъ Таганрога, по Крыму онъ видимо желалъ смерти—и нашелъ ее въ тяжкой простудѣ, которая и свела его въ могилу. «Неблагодарныя чудовища! лишь ихъ счастья желалъ я», стоналъ онъ въ болѣзненномъ, предсмертномъ припадкѣ. И слова эти подтвердились тѣмъ, что найдено было въ бумагахъ скончавшагося императора, а потомъ—декабрьскими событіями 1825 года.

Пройдетъ еще много лѣтъ, много невѣдомыхъ доселѣ истори-

ческихъ документовъ появится на свѣтъ божій изъ архивовъ и другихъ древнехранилищъ, много тайнъ разоблачитъ неутомимая рука неумирающей, какъ самое время, исторической критики— и личность Александра «Благословеннаго», эта, по своему положенію, необыкновенно крупная историческая величина въ массѣ другихъ, еще болѣе крупныхъ и посредственныхъ величинъ, безспорно выяснится со всею желательною полнотою и рельефностью. Но что бы ни было въ будущемъ, какія бы открытія ни сдѣлала историческая наука, она едва ли въ состояніи будетъ создать иной образъ Александра Благословеннаго, чѣмъ тотъ, который носится передъ глазами ближайшаго его потомства. Скорѣе сотрутся на ливанскихъ горахъ надписи, свидѣтельствующія о побѣдахъ фараона Рамзеса Великаго надъ народами западной Азіи, чѣмъ сотрется съ страницъ русской исторіи брошенный Наполеономъ русскому императору укоръ въ «излишнемъ человѣколюбіи», воспитанномъ въ немъ Лагарпомъ. Никакія историческія открытія не прибавятъ и не убавятъ красоты историческаго портрета Александра I, который говоритъ своему министру юстиціи, чтобъ онъ никогда не докладывалъ ему никакихъ дѣлъ по оскорбленію величества и не произносилъ бы даже именъ оскорбителей. И если въ слѣдующемъ столѣтіи, послѣ 1925 года, въ виду соисканія знаменитой аракчеевской преміи и явится самая обстоятельная исторія императора Александра I, то съ достовѣрностью можно сказать, что образъ воспитанника Лагарпа предстанетъ предъ нашимъ потомствомъ еще въ большей чистотѣ и ясности, а тѣни, рефлективно падавшія на него доселѣ, займутъ свои мѣста на страницахъ этой исторіи и на страницахъ Аракчеева въ особенности.

Если души умершихъ, по глубокому вѣрованію народа, посѣщаютъ изъ своего загробнаго міра мѣста имъ дорогія на землѣ, то тѣнь «человѣколюбиваго» Александра I здѣсь, между нами, должна испытывать глубочайшее нравственное утѣшеніе при видѣ величайшаго, небывалаго еще въ исторіи акта «человѣколюбія», совершеніе котораго провидѣнію угодно было возложить на царственнаго племянника его, императора Александра II.

1877.

Къ исторіи трактатовъ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ, профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ IV. Часть I. Трактаты съ Австріею. 1815—1849. С.-Петербургъ. 1878. in 8° Т. XVIII—602.

Предпринятый профессоромъ Мартенсомъ, по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, капитальный учено-редакціонный трудъ съ каждымъ новымъ выпускомъ становится все болѣе и болѣе интереснымъ.

Послѣдній, лежащій передъ нами объемистый томъ, полонъ глубочайшаго историческаго значенія. Особенно драгоцѣнны предпосылаемыя г. Мартенсомъ такъ называемыя «историческія введенія» къ каждому публикуемому имъ документу; и если, какъ говоритъ почтенный ученый, нѣкоторые рецензенты, по поводу прежнихъ выпусковъ изданія г. Мартенса, дѣлали упрекъ ему въ томъ, что введенія эти будто бы «слишкомъ подробны и отодвигаютъ самые акты на второй планъ», а другіе, напротивъ, замѣчали, что, «въ этихъ историческихъ комментаріяхъ заключается наибольшій интересъ и особенная заслуга всего этого изданія»,—то мы рѣшительно присоединяемся къ мнѣнію послѣднихъ. Отрывки документовъ, приводимые въ этихъ введеніяхъ, глубоко убѣждаютъ каждаго, въ какомъ натянутомъ, ревниво-напряженномъ состояніи постоянно и неизмѣнно находилась Австрія по отношенію къ Россіи. Эта напряженность имѣетъ глубокое историческое и весьма поучительное значеніе, потому что вызывается тѣмъ гамлетовскимъ вопро-

свое правительство насчетъ дѣйствительныхъ политическихъ видовъ австрійскаго министра» (34). Вообще мнѣніе Штакельберга относительно политики Меттерниха по отношенію къ Россіи было таково, что «какъ-бы мелочна и ненавистна ни была политика Меттерниха, все-таки русское правительство обязано за нею слѣдить съ полнѣйшимъ вниманіемъ»; что лично самъ Штакельбергъ «никогда не будетъ въ состояніи преклоняться предъ Меттернихомъ— *этимъ вѣнскимъ Далай-Ламою,*—никогда онъ не измѣнитъ своихъ убѣжденій насчетъ неискренности австрійской политики по отношенію къ Россіи»; что, «не будучи въ состояніи измѣнить на старости лѣтъ своего характера и убѣжденій, онъ не можетъ оставаться въ Вѣнѣ»; что, наконецъ, «можетъ быть болѣе въ интересѣ Россіи, чтобы представитель ея въ Вѣнѣ носилъ фамилію, оканчивающуюся на «овъ» или «скій» и т. д.

Въ высшей степени знаменательны приводимые г. Мартенсомъ отзывы Штакельберга относительно упорно преслѣдуемаго австрійскимъ правительствомъ принципа *онѣмеченія* своей мозаической имперіи. Въ 1816 году Штакельбергъ находился въ Италіи, въ свитѣ австрійскаго императора, предпринявшаго объѣздъ своихъ новыхъ провинцій, и тотчасъ же замѣтилъ, что «итальянцамъ весьма приходятся не по душѣ нѣмецкіе бюрократическіе порядки»; что подобное онѣмеченіе изъ-подъ палки «едва ли удастся когда-либо»; что поэтому ассимилируемые нѣмцами подданные «относились крайне холодно къ своему монарху и оваціи должны были быть приготовлены самими властями» (!!); что при всемъ томъ австрійскіе чиновники «поставили себѣ задачею ввести *повсюду* нѣмецкій языкъ и австрійскіе порядки., чтобъ нанести вредъ Россіи». Но еще болѣе поучительны и имѣютъ огромную цѣну даже въ наше время, и особенно у насъ, слѣдующіе отзывы о насильственномъ онѣмеченіи, въ устахъ *нѣмца* же, котораго мы цитируемъ; Штакельбергъ говоритъ, что австрійскіе подданные не изъ нѣмцевъ «находятъ крайне неудобнымъ провести всю свою жизнь *между перомъ писаря и палкою австрійскаго капрала*», что этимъ бѣднымъ подданнымъ, вслѣдствіе программы онѣмеченья, «*недостаточно жить по-нѣмецки, но и умереть необходимо по-нѣнѣмецки же и отъ нѣмецкихъ рукъ!*» (Собр. трак. 40).

Настоящій выпускъ даетъ не мало драгоцѣнныхъ документовъ какъ по исторіи славянскаго вопроса, такъ и по исторіи вопроса восточнаго. Такъ, напримѣръ, когда въ 1840 году турецкія дѣла заставляли опасаться, что Турція сама разрушится, императоръ Николай Павловичъ высказывалъ мысль, что «на мѣстѣ нынѣшней Турціи слѣдуетъ устроить новый порядокъ», и только — по общему соглашенію всѣхъ европейскихъ державъ; что «Константинополь долженъ принадлежать *всѣмъ*, т. е. *никому*»; что «охраненіе Босфора могло бы быть предоставлено Россіи, а Дарданеллы—Англіи и Австріи», и что, наконецъ, «разрушеніе Турціи не только не составляетъ его желанія, но, напротивъ—въ этомъ событіи видѣлъ бы онъ огромное несчастіе для всей Европы» (Собр. трак. 497).

Австрія же, съ своей стороны, давала Турціи такой совѣтъ: «Положите въ основу вашего правительства уваженіе къ вашимъ религіознымъ учрежденіямъ, составляющимъ фундаментъ вашего существованія, какъ державы, и служащимъ главною связью между султаномъ и его подданными мохамеданской вѣры. Идите впередъ со временемъ и слѣдите за его потребностями. Приводите въ порядокъ вашу администрацію, преобразуйте ее, но не пытайтесь ее низвергнуть для замѣщенія ея порядками, которые къ вамъ не примѣнимы. Не заимствуйте у европейской цивилизаціи порядковъ, которые не соотвѣтствуютъ вашимъ учрежденіямъ... *Оставайтесь турками!*» (499—500).

Въ 1848 году у южныхъ славянъ проявилось-было сильное панславистическое движеніе. Пропаганда шла быстро. Вездѣ звучалъ панславистическій стихъ:

Гдје је славска домовина?
Је ли руска царевина?
Ка̏ орјашко своје тјело
У три свјета упре смјело?
Ни је она са̏мо, ни је—
Слава јо́ште другде бдије и т. д.

То-есть: высказывалась мысль, что ни Россія не составляетъ общее отечество славянъ, ни Сербія, ни Чехія, ни Болгарія; а

отечество это—общее: оно вездѣ, гдѣ звучитъ славянская рѣчь.— Такъ этимъ-то движеніемъ австрійское правительство было очень озабочено и искало помощи у Россіи. Императоръ Николай, въ видахъ поддержанія «монархическаго принципа», строго отнесся къ славянской идеѣ и приказалъ графу Нессельроде успокоить на этотъ счетъ Австрію (депеша 12-го декабря 1848 г.). Вѣнскій кабинетъ изъявилъ искреннюю свою признательность за эту депешу гр. Нессельроде, будучи убѣжденъ, что никогда панславистская пропаганда не найдетъ поддержки со стороны русскаго правительства» и т. д. (502).

Богатство данныхъ, разсѣянныхъ въ книгѣ г. Мартенса, дастъ возможность, мы надѣемся, русскимъ и иностраннымъ публицистамъ черпать изъ нея полными горстями историческія и иныя доказательства для своихъ публицистическихъ комбинацій; мы же сочли нужнымъ только указать на появленіе труда г. Мартенса, не перечисляя даже главныхъ капитальностей этого изданія: исчерпать богатство одного этого выпуска въ газетномъ отзывѣ,—невозможно.

1878.

О славянофильствѣ императрицы Екатерины II и короля Хильперика I.

(Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XXIII. Спб. 1878).

На-дняхъ вышелъ XXIII-й томъ «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества».

Положительно можно сказать, что это — юнѣйшее изъ всѣхъ русскихъ ученыхъ обществъ результатами своей энергической дѣятельности далеко оставило за собою всѣ другія, гораздо старѣйшія русскія ученыя общества. Менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ своего существованія оно успѣваетъ дать болѣе 20-ти объемистыхъ томовъ богатѣйшихъ матеріаловъ для русской исторіи, такихъ матеріаловъ притомъ, цѣнность которыхъ можетъ быть взвѣшена только при томъ поясненіи, что, при другомъ составѣ общесва, матеріалы эти, можетъ быть, и всего вѣроятнѣе, никогда не появились-бы на свѣтъ божій и не сдѣлались-бы достояніемъ, по своей недоступности, не только читающаго общества, но и архивныхъ тружениковъ.

Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ исключительно переписку императрицы Екатерины II съ Фридрихомъ Мельхіоромъ Гриммомъ, французскимъ критикомъ-энциклопедистомъ, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ д'Алаберомъ, Жанъ-Жакомъ Руссо, Дидро, Гольбахомъ и другими свѣтилами конца XVIII вѣка. Екатерина II, какъ извѣстно, переписывалась почти со всѣми этими знаменитостями. Переписка съ Вольтеромъ особенно была обширна и содержаніе ея давно сдѣлалось извѣстнымъ всей читающей Европѣ

и Россіи въ особенности. Но ни съ кѣмъ Екатерина не вела такой многолѣтней, обширной, непрерывной и непринужденной переписки, какъ съ Гриммомъ и Циммерманомъ: на это русская императрица имѣла свои причины и побужденія—побужденія личныя, вызывавшіяся симпатичностью корреспондента, а главное—побужденія политическія. Гриммъ и Циммерманъ—это были «трубы гремящія»; и эти трубы гремѣли славу Екатерины. Никто изъ государей Европы прошлаго и нынѣшняго вѣка не былъ въ такомъ тѣсномъ, дружественномъ союзѣ съ печатью, какъ два умнѣйшіе вѣнценосца XVIII вѣка—Фридрихъ II прусскій и Екатерина II. Звеномъ, дружески соединявшимъ Екатерину съ печатью, служили Гриммъ и Циммерманъ. Каждый политическій шагъ свой, каждое намѣреніе, каждое мѣропріятіе она довѣряла своимъ союзникамъ, съ тѣмъ, чтобъ они вызвали всестороннее обсужденіе ея дѣяній и намѣреній со стороны печати. Она понимала силу общественнаго мнѣнія и знала очень хорошо, что она сама можетъ быть сильна только въ союзѣ съ этою силою—съ общественнымъ мнѣніемъ. Гриммъ и Циммерманъ являлись проводниками ея мнѣній, ея такъ сказать докладчиками передъ обществомъ, передъ Европою и передъ государями Запада. Обращеніе къ общественному мнѣнію—это была замѣчательная черта въ Екатеринѣ: она бывало не только выслушаетъ доклады и отдѣльныя мнѣнія по занимающимъ ее вопросамъ отъ своихъ министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ, но она прямо или косвенно выпытаетъ мнѣніе и у Храповицкаго при какомъ-нибудь намекѣ ему на то, чтобы онъ «купался, дабы не потѣлъ», и у камердинера своего «Захара» и у «Левушки» Нарышкина, который былъ большой мастеръ собирать всѣ общественныя сплетни, въ кои всегда превращается общественное мнѣніе, когда нѣтъ для него органа высказыванья.

Вотъ эту-то интимную, а чаще интимную «себѣ на умѣ» переписку Екатерины II съ Гриммомъ и заключаетъ въ себѣ XXIII томъ «Сборника». Насколько интимность Екатерины была «себѣ на умѣ», можно заключить изъ того, что она сама не разъ проговаривалась объ этомъ въ кругу близкихъ ей людей. Такъ въ «Запискахъ» Храповицкаго, подъ 6-мъ числомъ февраля 1791 года, значится между прочимъ: «Послано письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ,

щій томъ, стоитъ и имя Наполеона, и при этомъ пояснено: «предсказаніе о немъ», на стр. 503, 553 и 592. На указанныхъ страницахъ собственно нѣтъ имени Наполеона, потому что при Екатеринѣ это имя еще не существовало въ той извѣстности, какую оно пріобрѣло послѣ. А между тѣмъ на указанныхъ страницахъ значится, что Екатерина предсказывала, что кто-то долженъ явиться во Франціи, чтобы вывести ее (это было въ 1791—1792 годахъ) изъ того положенія, въ какое поставила ее революція. Екатерина говоритъ, что положеніе это — положеніе «Галіи во время Цезаря»,—и тутъ-же прибавляетъ: «Mais César les (brigands) reduisit! Quand viendra ce César? Oh! il viendra, gardez-vous d'en douter. Il s'en présentera. Si j'était moi M. d'Artois, M. de Condé, je»... и т. д., т. е. она высказываетъ увѣренность, что она спасла-бы Францію, разумѣя спасеніе по своему. — Это-то мѣсто почтенный академикъ и называетъ «предсказаніемъ Екатерины о Наполеонѣ».

Въ другомъ мѣстѣ Екатерина говоритъ дѣйствительно пророчески: «Если французская революція охватитъ Европу, то придетъ другой Чингисъ-Ханъ или Тамерланъ, чтобы заставить ее опомниться: вотъ какая участь ждетъ ее, будьте увѣрены; но это совершится не въ мое время, ни, надѣюсь, во время Александра». Въ этомъ случаѣ Екатерина только немножко ошибалась въ своемъ пророчествѣ: Тамерланъ дѣйствительно явился, но только изъ самихъ-же французовъ — Наполеонъ, и явился именно во время Александра.

Въ третьемъ мѣстѣ пророчество ея выражается въ слѣдующихъ словахъ: «Если Франція выйдетъ изъ настоящей опасности», то «elle aura plus de rigueur que jamais; elle sera obéissante et douce comme un agneau; mais il lui faut un homme supérieur, habile, courageux, au-dessus de ses contemporains et peut-être du siècle-meme; est-il né, ne l'est-il pas, viendra-t-il? Tout depend de cela; s'il s'en trouve, il mettra le pied devant la chute ultérieure et elle s'arrêtera là où il se trouvera: en France ou ailleurs» (592).

Конечно, по ходу тогдашнихъ дѣлъ можно было это предсказать; а Екатерина слишкомъ напряженно слѣдила за тѣмъ, что дѣлалось во Франціи и въ остальной Европѣ, чтобы не предугадать

того, что изъ этого должно было выйдти. Вѣдь и нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, особенно одна—каждый день, во время послѣдней войны, что-нибудь предсказывала, и всегда сбывалось — конечно такъ, какъ сбылось пророчество Екатерины о приходѣ во Францію и въ Европу новаго Чингисъ-Хана.

Еще одна замѣточка—и главная—о славянофильствѣ Екатерины. Будучи сама природной нѣмкой, она чувствовала нѣкоторыя, и весьма, однакожъ, горячія славянофильскія влеченія. Это, впрочемъ, историческая участь русскаго славянофильства, да и не одного русскаго, а всего славянскаго: очень видные изъ славянофиловъ носили и носятъ не всегда славянскія фамиліи, какъ-то: Прейсъ, Гильфердингъ, Орестъ Миллеръ, а недавно появился Де-Волланъ—это въ Россіи; въ Чехіи-же—Браунеръ, Ригеръ, Грегръ, Первольфъ и другіе съ неславянскими фамиліями.

Славянофильское влеченіе мы находимъ въ письмѣ Екатерины къ Гримму отъ 18-го сентября 1784 года. Говоря объ «Исторіи астрономіи» Бэльи, въ которой упоминается о Сибири, императрица замѣчаетъ, что европейскимъ ученымъ было-бы очень не безполезно поближе познакомиться съ Россіей, — что этимъ знакомствомъ они разрѣшили-бы не мало научныхъ вопросовъ. Она даже проситъ Гримма убѣдить ихъ отнестись къ Россіи съ разными вопросами науки. И при этомъ лично Гримму сообщаетъ слѣдующія свои славянскія комбинаціи, которыя, впрочемъ, какъ она сама признается, требуютъ критики: она говоритъ, что «салійцы», а равно «законъ салическій» (lex salica), и король Хильперикъ I, и Кловисъ и всѣ Меровинги—были славяне! Екатерина серьезно говоритъ, что славянское ихъ происхожденіе обличаютъ самыя имена и названія, выше приведенныя. Поэтому, говоритъ, «не удивляйтесь, что короли Франціи, при своемъ коронованіи въ Реймсѣ, присягали на славянскомъ евангеліи». Подъ этимъ евангеліемъ императрица разумѣетъ знаменитое «реймское евангеліе» или «сазаво-эмаусское святое благовѣствованіе», которое первоначально было открыто въ Прагѣ, въ Сазаво-эмаусскомъ монастырѣ и хранилось въ Реймсѣ до самой французской революціи. Евангеліе это въ царствованіе императора Николая Павловича было издано въ Парижѣ на счетъ русскаго правительства, а подлинникъ его отданъ

на храненіе въ чешскій музей. Изданіе этого евангелія было причиною возбужденія горячей ученой полемики между славистами, особенно между знаменитымъ доселѣ славистомъ и академикомъ И. И. Срезневскимъ и г. Билярскимъ, который въ своихъ страстныхъ, не всегда сдержанныхъ нападкахъ на г. Срезневскаго въ первый разъ, въ сороковыхъ годахъ, употребилъ въ печати слово нигилизмъ, за то что И. И. Срезневскій не рѣшался и не смѣлъ точно опредѣлить время написанія сазаво-эмаусскаго евангелія: г. Билярскій обвинилъ его въ обсолютномъ нигилизмѣ (слѣдовательно употребленіе въ первый разъ въ печати этого пагубнаго слова принадлежитъ не г. Тургеневу, а покойному Билярскому).

Далѣе, Екатерина говоритъ въ своемъ письмѣ, что король Хильперикъ былъ также немножко славянофилъ, и за свое славянофильство, собственно за славянскія буквы червь, херъ и пси, былъ низвергнутъ съ престола. Вотъ подлинныя слова императрицы: «Chilpéric I fut chassé du trone par ce qu'il voulut que les goulois, qui avaient reçu des romains l'A-B-C latin, y ajoutassent trois lettres greco-slavonnes, nommément Th ou Ч, X, qui se prononce cher (понѣмецки), et Ѱ, pui se prononce psi» (стр. 321). Бѣдный Хильперикъ! Вотъ что значитъ быть славянофиломъ: вѣроятно и тогда во Франціи были Вадингтоны и Гамбетты, а въ Германіи, у разныхъ лонгобардовъ и готѳовъ, былъ свой «честный маклеръ», и даже у бриттовъ и скоттовъ—свой лордъ Биконсфильдъ...

Такова судьба славянства во всѣ вѣка... прошедшіе... А въ будущіе?

Вообще послѣдній томъ «Сборника историческаго общества» долженъ занять почетное мѣсто въ русской, доселѣ бѣдной, исторической литературѣ. Весь томъ переписки Екатерины II съ Гриммомъ изданъ на французскомъ, частью на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода на русскій; во всѣхъ-же остальныхъ томахъ «Сборника» къ иностранному тексту документовъ всегда прилагался русскій переводъ, что въ настоящее время не сдѣлано *). Впрочемъ и

---

*) Переводъ большинства писемъ появился въ 9 и 10 №№ «Русскаго Архива».

безъ того томъ этотъ заключаетъ въ себѣ 734+VIII страницъ. Слава и честь молодому историческому обществу! Какъ же не сказать, молодость—сила?..

1878.

Женщина въ украинской сказкѣ.

Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ. — Юго-западный отдѣлъ.—Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д.-чл. П. П. Чубинскимъ, т. II, изд. подъ наблюденіемъ д.-чл. П. А. Гильдебранта. Спб. 1878 года (стр. 688).

Много лѣтъ тому назадъ, знаменитые европейскіе филологи братья Гриммы издали небольшое собраніе нѣмецкихъ народныхъ, сказокъ. Явленіе это надѣлало много шуму во всѣхъ европейскихъ литературахъ, гдѣ, какъ извѣстно, уцѣлѣвшіе памятники народнаго творчества становятся такъ-же рѣдки, какъ останки допотопныхъ животныхъ или людей каменнаго вѣка. Маленькая изящная книжка братьевъ Гриммовъ, въ приспособленномъ для публики, а не для однихъ ученыхъ изданіи, «Kinder und Hausmärchen» обошла и ученые кабинеты, и школьныя комнаты всей Европы, и даже въ русскихъ семействахъ, стремившихся дать своимъ дѣтямъ нѣсколько европейское образованіе, была принята какъ руководящая книжка—ad usum Delphini—для дѣтскаго чтенія. Пишущій это помнитъ, какъ и въ его семействѣ, въ 50-хъ годахъ, дѣти декламировали оригинальныя сказочныя приказки на плятъ- и гохдейчѣ:

Mantje, mantje timpe te,
Butje, butje in de see и т. д.

Десятки лѣтъ изданіе Гриммовъ стояло на высотѣ популярности и до настоящаго времени служитъ источникомъ для цитатъ

торое въ Европѣ уже исчезло, таетъ с
современною культурой, какъ снѣгъ отъ л
зокъ, особенно миѳическихъ, доисторически
богатырскаго эпоса, уже и въ Россіи стан
въ Россіи во-время (да и то намъ кажется
хотя многое изъ народнаго творчества уже
Россіи, наученной горькимъ опытомъ Запада
номъ вопросѣ, но и во многихъ другихъ, в
во-время спохватились, что надо поторопиться
что вымираетъ: и результатами этого бла
оказались богатыя собранія русскихъ сказокъ
рыхъ объясняетъ наука многое такое, чему
лась было дать объясненіе. Россія въ этомъ
помощь европейской наукѣ: это первый слу
насъ хоть чему-нибудь учится, да и то не у
если не считать «свѣчу» Яблочкова и Лодыг
сухари» князя Урусова, которые, впрочемъ, е
Европу.

Но малорусскій народъ, еще болѣе, каж
творчеству, доселѣ въ этомъ отношеніи былъ
русская дума, малорусская пѣсня и малорус
нашли своихъ почитателей и собирател

ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ экспедицій, снаряженныхъ географическимъ обществомъ, экспедиція, исполненная г. Чубинскимъ,—самая удачная и производительная по богатству достигнутыхъ ею результатовъ. Нѣкоторыя же другія экспедиціи, какъ извѣстно, были совершенно безплодны и ничего не дали новаго наукѣ вообще и родиновѣдѣнію въ частности. Напротивъ, результаты экспедиціи г. Чубинскаго удивляютъ массою добытаго новаго матеріала, и добытаго въ такой ничтожный періодъ времени. Семь объемистыхъ томовъ свидѣтельствуютъ какъ о богатствѣ источника, изъ котораго черпались сокровища народнаго творчества и всевозможныя явленія народной жизни, такъ и объ искусствѣ рудокопа-родиновѣда, умѣвшаго открыть золотыя розсыпи, изъ которыхъ такъ мало до сихъ поръ черпалось золотого песку и крупныхъ, невиданныхъ самородковъ. Въ этихъ семи томахъ насчитывается до 300 печатныхъ листовъ. Эти семь томовъ всегда будутъ составлять, особенно въ далекомъ сравнительно будущемъ, такой несокрушимый памятникъ народной жизни, какихъ Европа, къ сожалѣнію, не успѣла въ свое время поставить надъ гробомъ своего окультуреннаго и офабриченнаго народа, да уже и не можетъ поставить. Если о какихъ памятникахъ можно сказать словами римскаго поэта-хвастунишки:

Exegi monumentum aere perennius,—

такъ это о памятникахъ народной жизни, народнаго міровоззрѣнія и народнаго творчества.

Въ матеріалахъ, собранныхъ г. Чубинскимъ, отразилась вся современная Малороссія. Жаль только, что въ нихъ бѣденъ экономическій бытъ народа—эта сторона отсутствуетъ въ трудахъ г. Чубинскаго. Какъ-бы то ни было, но почти на однихъ трудахъ г. Чубинскаго съ пополненіемъ недостающаго изъ другихъ источниковъ, можно представить полную, всестороннюю картину современной Малороссіи, которую русское общество, надо сказать правду, едва ли не менѣе знаетъ чѣмъ Сѣверную Америку. И я, пишущій это, осмѣлился взять на себя этотъ трудъ — воспроизвести, насколько это возможно, современную картину Малороссіи, прошедшее которой такъ поэтически-ярко и рельефно, а настоящее—

Чубинскаго заключаетъ въ себѣ
миѳическія, такъ и бытовыя, а равн

«При богатствѣ этнографиче
въ Южной Руси (говоритъ г. Чу(
ному тому),—собственно сказокъ с
появленія изданія Рудченки, мало
считывалось едва нѣсколько десят
напечатано въ сборникѣ сказокъ
Южной Руси» Кулиша и, еще въ
скомъ литературномъ сборникѣ» М
Шейковскаго, въ «Русской Стари
лодикѣ».

Дѣйствительно, для пятнадцати-
народъ весь пропитанъ творческою
мало. Г. Рудченко значительно
г. Чубинскій далъ то, чего не могл
предшественники. Въ настоящее вр
сказокъ миѳическихъ и 146—бытов
подраздѣлены издателемъ на семь
скія, въ которыхъ дѣйствуютъ ол
предметы и миѳическія существа;
эпосъ—дѣйствуютъ змѣи и богаты

номъ отношеніи, выражая народное міровоззрѣніе и демонологію младенческаго общества, но для опредѣленія характера современнаго украинца, его отношеній къ жизни, его практической философіи—для насъ дороже сказки бытовыя. Въ нихъ современный украинецъ высказывается весь съ его лучшими и дурными сторонами.

О женщинѣ, какъ на нее смотритъ народъ, говорено было не мало. Женщина (преимущественно великорусская) изъ народа служила предметомъ и для научныхъ изслѣдованій, и для созданія художественныхъ образовъ, не всегда привлекательныхъ. Слово «баба» во всѣхъ устахъ рѣдко звучитъ безъ представленія чего-то нѣсколько несимпатичнаго, о «бабѣ» вообще говорится или свысока, или покровительственно.

Хотя и въ воззрѣніяхъ великорусскаго народа на «бабу» и въ воззрѣніяхъ украинскаго на «жинку» есть что-то общее, но есть и разница. «Баба» болтлива, сварлива и коварна; «баба» часто оказывается хитрѣе мужика и умнѣе его: тѣмъ же почти является и «жинка». Но въ общемъ украинецъ относится къ «жинкѣ» деликатнѣе великорусса и въ народныхъ представленіяхъ она часто является положительно умнѣе, находчивѣе и дѣятельнѣе «чоловика», т. е. мужика.

Любопытные примѣры отношеній украинца къ «жинкѣ» даютъ намъ сказки г. Чубинскаго.

Вотъ хотя бы примѣръ непосильной тяжести женскаго труда, который мужику оказывается не по плечу. Сказка такъ и называется: «Чья работа труднѣе» («Кому труднишь правитись»). Вотъ ея содержаніе. Мужикъ и жена часто спорили—чья работа труднѣе. Мужъ говоритъ, что ему труднѣе въ полѣ, а жена—что ей труднѣе дома. Вотъ однажды лѣтомъ они и помѣнялись работами: жена поѣхала пахать, а мужъ остался дома. Жена и говоритъ ему: «смотри же—не проспи стада, выгони коровъ, овецъ и телятъ; да смотри не запропасти цыплятъ съ насѣдкою, накорми ихъ; да чтобъ обѣдъ у тебя поспѣлъ, какъ пріѣду, и буханцовъ напеки, да масла спахтай, да столки пшена на кашу». Заказала все и поѣхала въ поле. Мужикъ пока собрался гнать скотину, а стадо и прогнали—насилу успѣлъ бѣгомъ догнать. Воротился домой,

...вдругъ на дворѣ насѣдка...
пищать—онъ отъ ступы да на...
да зацѣпился за бревно, повал...
таной. Глядь—а огромный кор...
вмѣстѣ съ насѣдкою и потащил...
куда изчезъ коршунъ, въ избу з...
съ тѣстомъ, и ну его глотать, ...
уплетаетъ. Глядь—и печь погас...
до обѣда. Воротилась жена съ ...
жицкою работою. А дома нашла ...
цыплятъ... Мужикъ понялъ, что ...
528—530).

Баба и умнѣе мужика.—Пріѣз...
лакея сказать женѣ приказчика, ...
«каву».—«Что тамъ за кава—я ...
мы люди бѣдные, получаемъ отъ ...
гдѣ-жъ намъ знать, что такое «ка...
такъ поразилъ пана, что онъ удв...
добре знали, що то за кава, и пи...
трималися пословици: Не все пок...
придбаешь», заключаетъ сказка ...
(стр. 650—651).

въ аду объявилъ нѣчто въ родѣ оккупаціи — солдатскій постой: черти и разбѣжались отъ такого сожительства. — А «жинка» и «москаля» ловко провела (стр. 527—528).

Наконецъ «дивчина» окончательно является премудрымъ Соломономъ. Давно уже извѣстенъ разсказъ о «диткѣ-семилиткѣ»—это премудрое дитя, о которомъ въ свое время было достаточно писано. Въ сказкахъ г. Чубинскаго «дивчина» также изображается съ качествами классическаго Эдипа, напр. въ сказкахъ 84-й и 85-й. Вотъ вкратцѣ содержаніе первой. Панъ ищетъ бѣдной невѣсты для своего сына, и посылаетъ за мужикомъ, у котораго есть хорошенькая дочка. Является мужикъ. Панъ загадываетъ ему загадку: что въ свѣтѣ всего жирнѣе, всего быстрѣе и всего мягше?—Мужику кажется, что всего жирнѣе—панскіе кони и свиньи, всего быстрѣе панскія собаки, всего мягше—панскія перины. Но дочка мужика говоритъ совсѣмъ не то: всего жирнѣе — земля, которая всѣхъ кормитъ, всѣхъ поитъ и сама всѣхъ пожираетъ; быстрѣе всего — мысль человѣческая; мягше всего— кулакъ. — «Какъ кулакъ! — Когда кулакомъ заѣдешь по уху, то это дѣло совсѣмъ не мягкое».—Нѣтъ, говоритъ дѣвушка: когда человѣкъ спитъ, то кладетъ голову на мягкую подушку, а всетаки подъ щеку подкладываетъ кулакъ.—Панъ нашелъ, что «дивчина» дѣйствительно умна, и велѣлъ напечь для нея коробъ яицъ, съ тѣмъ, чтобы она вывела изъ печеныхъ яицъ цыплятъ и выкормила ихъ къ свадьбѣ. Юный Эдипъ оказывается мудрѣе пана. «Дивчина» варитъ кашу, отсылаетъ эту кашу къ пану, велитъ посѣять ее—чтобы къ вечеру же просо было готово для ея цыплятъ. Панъ полупобѣжденъ. Онъ велитъ звать къ себѣ «дивчину» на совѣтъ; но чтобы она пришла—ни пѣшею, ни конною, ни шла, ни ѣхала; ни гола, ни одѣта, ни съ гостинцемъ, ни безъ гостинца. Украинскій Соломонъ въ плахтѣ и тутъ нашелся: вмѣсто платья она прикрылась бреднемъ, сѣла на собаку и взяла съ собой кота. Увидалъ панъ хитрую «дивчину» и пустилъ на нее собакъ; та бросила имъ кота—собаки за котомъ, а хитрая «дивчина» явилась къ пану въ бреднѣ.—Панъ былъ побѣжденъ (стр. 611—616).

Богатство содержанія изданныхъ нынѣ сказокъ таково, что его нельзя исчерпать въ бѣглой замѣткѣ, и потому интересую-

«Забыли что̀ прошли».

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Соловьева. Томъ двадцать-осьмой. Москва. 1878.

Вотъ уже болѣе четверти столѣтія, изъ года въ годъ, маститый историкъ Россіи С. М. Соловьевъ, томъ за томомъ, кладетъ въ основу будущаго зданія исторіи русской земли свой капитальный трудъ—«Исторію съ древнѣйшихъ временъ», и въ настоящее время издалъ уже XXVIII-й томъ, заканчивающійся политическими событіями 1772 года.

Настоящій томъ, какъ и предъидущіе, очень богатъ новыми, нигдѣ доселѣ не обнародованными историческими документами, изъ которыхъ большая часть составляютъ истинное пріобрѣтеніе исторической науки и проливаютъ на политическую жизнь Россіи съ конца 1768 по конецъ 1772 года иногда совершенно новый свѣтъ.

Чтобы видѣть, насколько почтенный историкъ могъ придать своему труду интересъ новизны (а придать интересъ новизны событіямъ, о которыхъ написаны сотни томовъ историческихъ и политическихъ изслѣдованій и изданы груды архивныхъ дѣлъ во всей Европѣ—конечно и очень не легко)—достаточно, намъ кажется, указать, что изъ 256 главнѣйшихъ цитатъ, которыми подкрѣпляются тѣ или другіе, приводимые историкомъ въ послѣднемъ томѣ, факты,—112 цитатъ, если мы не ошибаемся, составляютъ то, что можно было бы назвать новыми научными завоеваніями въ области русской исторіи: это—цѣнныя извлеченія изъ дѣлъ архивовъ—мо-

...збужденія крымскихъ та
разсудили (извѣщаетъ она граф
ющаго второю арміею, въ реск
лать испытаніе, не можно ли б
роды поколебать въ вѣрности к
къ составленію у себя независим
форма письма отъ вашего име
Крымъ удобнѣе всего отправить
Ежели крымскіе начальники къ
случаѣ остается возбудить сообщ
разсѣяніе копій съ письма по ра
мѣрѣ развратъ въ татарахъ отъ
(стр. 33).

Кромѣ того, для подобнаго же
тану христіанскихъ народностей Е
рина отправила въ Турцію тайных
море—флотъ. Но и тогда русскій
жалобы по этому поводу императр
менныя плаканья на недостатки и
того, когда дѣло дошло до бит
пушки не стрѣляютъ, а русскіе м
торые жительство близь Москвы

100.000,000 руб.—и за то, что имѣемъ? Буде ничего, то очень мало. Если бы все соотвѣтствовало мудрому и щедрому монархини нашей при отправленіи сей эскадры попеченію, что-бы оная сдѣлать не могла? Но съ прискорбностію, стыдомъ, горестью и досадою сказать должно, что въ исполнителяхъ не совсѣмъ то видно, а все, кажется, такъ должно было, какъ при отправленіи Степ. Ѳед. Апраксина въ армію въ 1756 году, чтобъ только съ рукъ сжить» (стр. 36—37).

А о пушкахъ россійскаго изготовленія сама императрица была не очень высокаго мнѣнія. «Обѣщайте мнѣ—пишетъ она графу Чернышеву—пріискать мною желаемаго литейщика чугунныхъ пушекъ, за что, баринъ, тебѣ спасибо, а хотя бы онъ нѣсколько и дорогъ былъ,—что же дѣлать? Лишь бы онъ безошибочнѣе лилъ пушки, нежели наши, кои льютъ сто, а годятся много что десять. Баринъ, баринъ, много мнѣ пушекъ надобно: я турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ; не знаю, загорится ли и сгоритъ ли (и теперь еще не сгорѣла, благодаря пожарной командѣ лорда Биконсфильда): но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противу ихъ толикихъ хлопотъ и заботъ.... Много мы каши заварили—кому-то вкусно будетъ? У меня армія на Кубани, армія дѣйствующая противъ турокъ, армія противъ безмозглыхъ поляковъ (ну, это не любезно и исторически не совсѣмъ вѣрно), со Швеціею готова драться, да еще три суматохи in petto, коихъ показывать не смѣю» (стр. 35).

Разсматриваемая нами книга полна подобныхъ, въ высшей степени важныхъ, политическихъ разоблаченій, и ее было бы не безполезно съ особымъ вниманіемъ прочитать современнымъ дипломатамъ всѣхъ лагерей, на берлинскомъ конгрессѣ блистательно доказавшимъ, что они вообще мало читали, за исключеніемъ развѣ одного лорда Биконсфильда, повидимому много читавшаго и явившагося на конгрессъ во всеоружіи знанія, какъ своей, такъ и общеевропейской исторіи. Да и вообще не мѣшало бы принять за правило для предстоящихъ европейскихъ конгрессовъ — приглашать, въ помощь дипломатамъ, экспертовъ науки, совѣты и указанія которыхъ, можетъ быть, предотвратили бы государственыхъ людей отъ неизбѣжныхъ ошибокъ и увлеченій, а человѣчество—

Въ историкѣ—это и достоинств
Но въ данномъ разѣ почтенный
судъ надъ событіями 1772 года:
раго обыкновенно Европа начина
ческомъ каннибализмѣ. Права ил
курора—мы не станемъ разбират
вопросъ не можетъ быть предмет
замѣтки. Но какъ рѣшенъ этотъ
историческимъ судьею—это другое
Польши».

«Екатерина, говоритъ почтенны
ваться пріобрѣтенію Бѣлоруссіи; о
здѣсь сдѣлалось русское дѣло; что
Россіи—заслуга, которая вводила е
мую суть этой исторіи; давала ей
собирателей русской земли; и нельз
это было очень важно къ сроку с
радость не могла быть полною; дѣ
было блестящее завоеваніе, собира
стороны, а съ другой—раздѣлъ!»

И рускій историкъ снимаетъ съ
чинѣ раздѣла Польши...

основательно; Пруссія, безспорно, не расширялась только, а усиливалась, пріобрѣтала еще бо́льшее значеніе: французскій министръ съ насмѣшкою указывалъ на это Россіи, и насмѣшку эту надобно было стерпѣть безотвѣтно. Но кромѣ невыгоды политической, кромѣ неравенства долей, кромѣ усиленія Пруссіи, изъ-за котораго Россія не имѣла побужденій хлопотать, кромѣ того, что нарушилось равновѣсіе, во имя котораго произведенъ былъ раздѣлъ, была невыгода другого рода. Противъ присоединенія Бѣлоруссіи по праву войны не могло быть никакого нравственнаго возраженія; но вмѣсто этого явился раздѣлъ: Пруссія и Австрія захватили владѣнія Польши безо всякаго права, т. е. по праву сильнаго, и Россія, вошедши съ ними въ договоры по этому предмету, тѣмъ самымъ являлась какъ будто равною въ немъ участницею и принимала отвѣтственность за него; ея безспорное право было затемнено ихъ безправіемъ, сглаживалось, изчезало въ немъ. Фридрихъ проговорился о правѣ Россіи и о своемъ и австрійскомъ безправіи; но эта проговорка надолго погреблась въ архивахъ, а между тѣмъ люди, чувствовавшіе слабое мѣсто, всѣми неправдами старались, да и теперь еще стараются укрѣпить его, выгородить Фридриха и приписать починъ дѣла Екатеринѣ...» (стр. 418).

Да—это очень похоже на наше время: точь въ точь занятіе Босніи Австріею послѣ русскихъ побѣдъ...

А слѣдующія слова почтеннаго профессора развѣ не вполнѣ примѣнимы къ нашимъ послѣднимъ побѣдамъ за Дунаемъ и къ нашему пораженію въ Берлинѣ? «Оскорбительно было для Екатерины видѣть, какъ результаты тяжкой войны, результаты Ларги, Кагула (Горный Дубнякъ, Плевна—это теперь!), завоеванія Крыма, побѣдъ Суворова въ Польшѣ ослаблены равнодушіемъ и даже явнымъ противодѣйствіемъ союзника, который заботился только о собственныхъ интересахъ, воспользовался русскими побѣдами, русскою кровью, для выгоднаго округленія своего государства» (ст. 419).

Да—въ 1878 году мы повторили зады 1772 года, потому что все забыли, что прошли... А зады повторились буквально: Ларга—и Горный Дубнякъ, Кагулъ—и Плевна и, наконецъ, Фридрихъ II—и «честный маклеръ...»

гихъ, когда долженъ сердиться
это идетъ къ намъ и теперь!

1878.

«Исторія не ждетъ».

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ второй. Изданіе Д. Самарина. М. 1878.

«Съ самаго начала восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи, гораздо менѣе, чѣмъ наше внутреннее неустройство.

«Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его, какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки.

«Мы слишкомъ долго, слишкомъ исключительно жили для Европы, для внѣшней славы и внѣшняго блеска, и за свое пренебреженіе къ Россіи мы поплатились утратою именно того, чему мы поклонялись,—утратою нашего политическаго и военнаго равенства.

«Теперь, когда Европа привѣтствуетъ миръ, какъ давно желанный отдыхъ, намъ предстоитъ воротить упущенное. Съ прекращеніемъ военныхъ подвиговъ, передъ нами открывается обширное поприще для трудовъ мирныхъ, но требующихъ не менѣе мужества, настойчивости и самоотверженія. Мы должны обратиться на себя самихъ, изслѣдовать коренныя причины нашей слабости, выслушать правдивое выраженіе нашихъ внутреннихъ потребностей и посвятить все наше вниманіе и всѣ средства ихъ удовлетворенію.

...щеніемъ правительства ст
порабощеніемъ одного изъ ни
отнимая возможность у пра
властными ему средствами и,
страха къ подъему народной
общій ходъ военныхъ и полит

«Эта истина, подъ тяжким
никаетъ въ общественное созн
настоящей, охотнѣе, чѣмъ вт
горькая правда, совѣсть обще
отзываются старые, запущенны
мѣрѣ должна возрастать рѣшим
ного исцѣленія».

Прочитавъ это, читатель м
нами сплошная выписка есть не
редовой статьи одной изъ соврем
послѣ неудачнаго исхода берлин
обратиться къ нашимъ внутре
внутренніе недуги, отвѣтить на
тренней общественной жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, такъ порази
слова на общій говоръ печати и

примѣнимо къ намъ, къ настоящему дню, къ настоящему часу, какъ примѣнимы только великія истины?—Это сказалъ Самаринъ послѣ пораженія нашего въ Крыму, въ 1856 г. Мы узнаемъ это изъ вышедшаго надняхъ и только-что полученнаго здѣсь, въ Петербургѣ, второго тома сочиненій Ю. Ѳ. Самарина, одного изъ краеугольныхъ камней, на которыхъ возведено великое зданіе осв о божденія крестьянъ съ землею. Приведенное нами мѣсто читатель найдетъ на 17—19 стр. этого тома, въ запискѣ: «О крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ».

Удивительное дѣло. Говорятъ, что «исторія не повторяется» Есть даже смѣльчаки, которые утверждаютъ, что «исторія намъ не указъ». А между тѣмъ какою угрожающею истиною гремятъ въ наши уши свидѣтельства прошедшаго, неотразимо убѣждающія, что изъ суммы, разности и произведенія подобныхъ историческихъ величинъ вытекаютъ и подобныя историческія послѣдствія, хотя бы время вѣками отгородило сопоставляемыя историческія эпохи одну отъ другой. Крымская война или говоря общѣе—первая восточная война—начата была нами при поголовной увѣренности, что мы не только Турцію, но и всю Европу и цѣлый міръ «шапками закидаемъ». Стоитъ только вспомнить этотъ дождь, цѣлый ливень самохвальныхъ патріотическихъ стихотвореній, въ родѣ, напримѣръ:

Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновясь его отвагой,
И французъ за нимъ туда-жъ,—
Машетъ дядюшкиной шпагой
И кричитъ: «allons, courage!»

Или хоть бы подобное же стихотвореніе съ самоувѣренными бравадами послѣ каждаго куплета:

Не помните? Такъ мы напомнимъ вамъ!

Стóитъ, повторяемъ, вспомнить хоть частицу того, что писалось, говорилось и распѣвалось въ 1853—54 годахъ, чтобы—покраснѣть за Россію во всю щеку. Мы сказали, что увѣренность въ

. . . многаго недостаетъ
всѣми: сознаніе это носилось ка
зывалось въ печати. Первые изъ
лей, которые осмѣлились прикрѣ
сознаніе къ бумагѣ (конечно п
Самаринъ, Кавелинъ, кн. Черкасс

Упомянутая нами выше записк
замѣтки, взята приведенная нами
опытъ прикрѣпленія, письменно, в
духѣ сознанія въ нашихъ обществ
опытъ указанія на средства къ по
скихъ недуговъ. Самаринъ предла
лекарства. — Намъ извѣстно, что р
нымъ, Кавелинымъ и др., были одо
на лицо. Историческія заслуги Самар
лей ихъ Россія не забудетъ не то
русскомъ разговорномъ и юридическ
«крестьянинъ», но и тогда, когда с
росту лексикальнаго и гражданскаго
замѣнится общимъ видовымъ словомъ

Возвращаясь къ приведеннымъ выш
рія не повторяется», «исторія—не у

Сегодня, 2-го декабря 1878 года, было бы совсѣмъ не неумѣстно и совсѣмъ не несвоевременно, еслибы всѣ русскія газеты и всѣ русскіе люди глубоко прониклись безсмертными словами Самарина и «повторяли» бы настойчиво «указъ» исторіи, что «не въ Вѣнѣ, не въ Парижѣ и не въ Лондонѣ, а только внутри Россіи завоюемъ мы (только не «снова», какъ говоритъ Самаринъ, а «въ первый разъ» въ исторіи) принадлежащее намъ мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ» (не «принадлежащее» еще—мы его должны заслужить); что «внѣшняя сила и политическое значеніе государства зависитъ не отъ родственныхъ связей съ царствующими династіями, не отъ ловкости дипломатовъ, не отъ количества серебра и золота, хранящагося подъ замкомъ въ государственной казнѣ, даже не отъ численности арміи, но»... и т. д.

Да, на нашихъ глазахъ исторія «повторилась» роковымъ образомъ. Что «исторія повторяется»—этому примѣръ Самаринъ приводитъ изъ прошлаго нашей сосѣдки Пруссіи—и примѣръ дотого наглядно-поучительный, словно бы онъ взятъ изъ школьнаго учебника Фребеля. Самаринъ напоминаетъ, что Пруссія, послѣ пораженія подъ Іеною, разбитая, раздавленная, разнесенная по клочкамъ и глубоко униженная Наполеономъ I, тотчасъ же приступила къ внутреннему обновленію, не смотря на то, что французскіе гарнизоны занимали ея крѣпости, а государственные доходы и послѣдній крестьянскій, потомъ и кровью заработанный, пфеннигъ поглощались военными контрибуціями. Въ нѣсколько лѣтъ энергическіе пруссаки перестроили свою несчастную страну во всѣхъ частяхъ, гдѣ оказалась государственная течь, гниль, разшатанность: они упразднили барщину, крѣпостной трудъ, отвели крестьянамъ землю, упразднили сословныя привиллегіи, завели народныя училища. И униженная Пруссія, развившаяся и обновленная на началахъ свободы и правды, быстро поднялась на ноги и не только воротила утраченное, но унизила (это было ужь напрасно) и унизившаго ее когда-то Наполеона, только уже не I, а III, и самую Францію.

Нѣтъ сомнѣнія, Россія не находится нынѣ въ положеніи Пруссіи послѣ Іены, но до нѣкоторой степени она находится въ положеніи Россіи-же—послѣ Севастополя. Въ ней остались серьезные недуги, завѣщанные ей въ наслѣдство несчастною матерью—без-

слѣдующее, глубоко-истинное сл
потребности цѣлыхъ сословій, в
ски-законно изъ даннаго полож
ленію правительствъ только до
знать, обдумать и проложить пу
также противупоставить имъ уп
Въ первомъ случаѣ, преобразова
сознаніи прежде чѣмъ на практи
докъ вещей, раздвигаясь постепе
новымъ явленіямъ; во второмъ, с
на всѣхъ точкахъ систематическій
но это обманъ: онѣ только уходя
проявленія, удаленныя отъ свѣта,
мракѣ и тамъ перерождаются въ те
стихійныя силы, и такъ-же неодол
общаго бѣдствія, голода, пожаров
слуха или сумасбродной выходки с
ваются неожиданно, достигнувъ д
витія, когда уже никакая человѣч
жать, ни направить ихъ стремлені
съ ними борьба, потрясающая на
ковъ-бы ни былъ ея ...

великою истиною, что «исторія не ждетъ», она поспѣшитъ на встрѣчу трудныхъ, многосложныхъ, но спасительныхъ работъ внутренняго обновленія и перерожденія. А спѣшить надо, раздумываться и медлить не время. Если берлинскій конгрессъ до горькой, обидной очевидности доказалъ намъ, что Европа не принимаетъ насъ въ свою семью, не довѣряетъ ни нашимъ внутреннимъ силамъ, ни внутренней чистотѣ, ни нашей цивилизаторской миссіи среди славянства и на Востокѣ; если на общеевропейскомъ конгрессѣ, на этомъ семейномъ судѣ цивилизованныхъ народовъ, мы не только не признаны за равныхъ съ ними односемьянъ, но даже не приравнены, повидимому, и къ туркамъ, какъ по крайней мѣрѣ гласитъ общеевропейская печать вмѣстѣ съ дипломатіею; если, наконецъ, несомнѣнно то, что Европа, не принявъ насъ въ свою семью, продолжаетъ одна свое прогрессивное и побѣдное шествіе къ большему еще развитію и возвышенію надъ нами, — то мы должны удесятерить нашу внутреннюю энергію и стремленіе къ дѣйствительному, а не фиктивному преуспѣянію, непрестанно памятуя, что Европа насъ не ждетъ, что она дѣлаетъ десять шаговъ впередъ, когда мы дѣлаемъ одинъ нерѣшительный шагъ.

Повторяемъ навѣянную намъ лежащею передъ нами капитальною книгою Самарина великую истину: «Исторія не ждетъ».

1878.
2 декабря.

Нарѣжны

Робертъ Гринъ. Его жизнь и
Николая Стороженка. М. 1878.

Въ цѣломъ мірѣ, во всѣ в
было-бы столько написано, как
сказать, что только литература
ственномъ отношеніи, литератур
имѣло бо̀льшее число читателей

Лежащая передъ нами книга
Шекспира, хотя въ титулѣ ея ст
недѣлѣ, 6-го декабря, книга эта
или «защиты», какъ принято вы
тетѣ, и «защита» эта имѣла резул
ромъ всеобщей литературы.

Робертъ Гринъ былъ предшес
ской сценѣ и въ англійской литер
бы совсѣмъ забытъ исторіею или со
если-бы не ...

шую авторомъ въ его кропотливомъ, добросовѣстномъ трудѣ. Г. Стороженко, чтобы не оставить всѣми забытаго Грина, такъ сказать, въ долгу у великаго Шекспира за то, что отъ послѣдняго рефлективно палъ лучъ безсмертія на скромную память перваго, лучъ какъ-бы заимствованный, — г. Стороженко задался мыслью доказать, что и великій Шекспиръ кое-что заимствовалъ у маленькаго Грина, и что такимъ образомъ и первый находится въ долгу у послѣдняго. «Не намъ, конечно, судить, насколько мы достигли своей цѣли (скромно заключаетъ свой достойный трудъ г. Стороженко); но мы сочтемъ себя счастливыми, если читатели этой книги вынесутъ твердое убѣжденіе, что для Шекспира не прошла совершенно безплодно дѣятельность его забытаго предшественника» (стр. 205).

Грустный эпизодъ въ исторіи англійской литературы представляетъ судьба Грина, которому не задалась жизнь. Онъ умеръ, можно сказать, проклиная Шекспира и свою собственную горькую долю. Умеръ Гринъ еще очень молодымъ—на 32-мъ или на 33-мъ году своей жизни. Г. Стороженко превосходно рисуетъ нравственный обликъ Грина, его неудержимо бурный темпераментъ, доводившій его до буйнаго разгула, а потомъ возвращавшій къ жгучему, мучительному раскаянію и самобичеванію, его безхарактерность и безвольность, и въ то-же время идеальную чистоту, западавшую надолго въ самой глубинѣ его души, проявлявшуюся только по временамъ въ страстномъ негодованіи на свои собственныя низости, или-же—въ созданіи идеально-чистыхъ женскихъ типовъ, какъ Анжелика въ «Орландо» и Доротея въ «Іаковѣ IV». Но величайшій трагизмъ его жизни составляютъ отношенія несчастнаго поэта къ своему товарищу по оружію — къ Шекспиру: Гринъ не угадалъ Шекспира, не угадалъ въ немъ величайшую геніальность между людьми всѣхъ вѣковъ и народовъ. Онъ подозрѣвалъ въ немъ только соперника—и соперника притомъ бездарнаго, нечестнаго, загребающаго жаръ чужими руками. Дѣло въ томъ, что Шекспиръ, какъ актеръ, игралъ на сценѣ пьесы Грина и, какъ актеръ-художникъ, передѣлывалъ для игры не всегда удачныя произведенія этого самолюбиваго писателя; бездарныя вещи изъ рукъ мастера выходили блестящими, ибо и тогда уже у Шекс-

пира, какъ замѣчаетъ проф. Доуденсъ, «ни одно дѣло не валилось изъ рукъ». Понятное дѣло, что успѣхи Шекспира мучили самолюбіе Грина, считавшаго себя царемъ драматургіи, а если лавры на головѣ Геродота не давали спать малюткѣ Фукидиду, то понятно, что лавры на головѣ провинціальнаго актера—якобы поддѣлывателя чужихъ пьесъ—просто сводили съ ума того, который считалъ себя царемъ англійской сцены. Вотъ почему впослѣдствіи къ своему автобіографическому памфлету Groatsworth of wit, Гринъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ по профессіи, Марло, Нашу и Пилю, убѣждаетъ ихъ собственнымъ горькимъ примѣромъ перестать работать для театра и неблагодарныхъ актеровъ и посвятить свои силы другой, болѣе полезной дѣятельности, и при этомъ такъ выражается, между прочимъ, о Шекспирѣ: «Вы всѣ трое будете низкими людьми, если мои бѣдствія не послужатъ вамъ предостереженіемъ, потому что ни къ кому изъ васъ не присталъ такъ этотъ репейникъ, какъ ко мнѣ; подъ репейникомъ я разумѣю этихъ куколъ, говорящихъ съ нашихъ словъ, этихъ шутовъ, щеголяющихъ въ нашихъ одеждахъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что я, которому они всѣ обязаны, теперь оставленъ ими; равнымъ образомъ не будетъ удивительно, если вы, которымъ они также обязаны, будете въ свою очередь брошены ими, лишь только очутитесь въ подобномъ-же положеніи. Да, не довѣряйте имъ, потому что между ними завелась выскочка ворона, украшенная нашими перьями, съ сердцемъ тигра подъ кожей актера. Этотъ выскочка воображаетъ, что онъ можетъ смастерить бѣлый стихъ не хуже любого изъ васъ и, будучи настоящимъ Johannes Factotum, считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ въ Англіи, способнымъ потрясать нашей сценой». (The onely Shake-sceneіn a country). Shake-sceneіn — это и есть злостный намекъ на фамилію Shakespear (Стороженко 183—184).

Да, не зналъ бѣдный Гринъ, что эта «выскочка ворона» дѣйствительно будетъ «потрясать сценой», но не одной Англіи, а цѣлаго міра, и притомъ въ теченіи столѣтій. Насъ интересуетъ въ этомъ случаѣ одинъ общій фактъ — это повторяемость историческихъ явленій: первые проблески таланта, въ какихъ-бы ни было сферахъ человѣческой дѣятельности, съ одной стороны вызываютъ удивленіе и восторгъ, съ другой—зависть и негодованіе, и вездѣ

талантливая личность окрещивается когноменомъ «выскочки». И дѣйствительно, талантъ — всегда бываетъ какимъ-то выскочкой среди общаго людского уровня: талантъ—это своего рода уродство природы, только уродство гармоническое, какъ голосъ Патти является уродствомъ между обыкновенными человѣческими голосами. Для Грина геніальное уродство Шекспира было невыносимо.

Вся ученая аргументація почтеннаго профессора направлена къ тому, чтобы доказать, что Шекспиръ былъ не чуждъ вліянія своего предшественника—Грина. Это вліяніе г. Стороженко замѣчаетъ въ слѣдующемъ: идеальные женскіе типы Грина были какъ-бы прототипами для Имоджены Шекспира: характеръ Богэна въ прологѣ къ Іакову IV Грина отразился въ характерѣ Тимона Аѳинскаго Шекспира; Пандосто Грина толкуется какъ источникъ для «Зимней Сказки» Шекспира и, наконецъ, гриновскій «Мальтійскій жидъ» является прототипомъ для шекспировскаго «Венеціанскаго купца». Аргументація г. Стороженка очень увѣсиста; доводы его очень солидны; цитаты, которыми уснащена книга, — достаточно тяжелая артиллерія для того, чтобы разбить нѣкоторыя прежнія построенія ученыхъ относительно непричастности Грина въ самобытномъ творчествѣ Шекспира; самыя усилія почтеннаго доктора, блистательныя ученыя потуги оторвать хоть нѣсколько лепестковъ отъ лавровъ Шекспира въ пользу бѣднаго Грина заслуживаютъ полнаго уваженія и сочувствія; но все-таки ничто это не возвышаетъ значенія послѣдняго и не умаляетъ величія перваго. И у насъ, въ Россіи, былъ свой Гринъ и свой Шекспиръ, только оба въ иномъ родѣ. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ у насъ, въ читающемъ обществѣ, и даже съ каѳедры раздавались голоса, что Гоголь выросъ въ Нарѣжномъ, что «Бурсаки» послѣдняго были прототипами для геніальныхъ бурсаковъ перваго — для философа Хомы Брута и ритора Тиберія Горобця; «Бурсаками» Нарѣжнаго силились даже умалить творческія качества Гоголя; но—въ концѣ концовъ—каждый изъ этихъ писателей остался при своемъ: память одного все болѣе и болѣе покрывается забвеніемъ; память другого остается безсмертною и самый образъ Гоголя возростаетъ до величія, потому что Гоголь буквально мѣшаетъ намъ жить, и хорошо, полезно мѣшаетъ: Гоголя, съ его типами, съ ихъ манерами, съ ихъ

...повсемѣстно пропадаютъ
диспутахъ отсутствіе стенографо
отъ университетской старины, и
лена жизнью. Ужъ если красно
такъ цѣнится современнымъ л
рѣдко благодаря лишь разнымъ п
ческой скабрезности, то пропуск
пренія—это несовременно.

Въ заключеніе нельзя не ск
объему (205 страницъ разгониста
г. Стороженка издана нѣсколько
брежно. Мы не говоримъ о массѣ
cum est... и т. д.); но попадаются
жены въ типографіи г. Индриха. Т
добное умозаключеніе — какъ оно
нибудь смыслъ, если-бы мы знали
тавтологія?—«Знали» перескочило ч
вивъ послѣ себя даже запятой. пом
слѣдняго), когда Шекспиръ прибыл
типографія г. Индриха — и та прот
Шекспира».

1878.

Новѣйшій политическій принципъ—принципъ научности.

Исторія славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изд. 2-е, т. I. Спб. 1879.

«Славянскіе народы занимаютъ больше мѣста на землѣ, чѣмъ въ исторіи», приводитъ г. Пыпинъ, во введеніи къ своему послѣднему труду, это характерное изреченіе Гердера, одного изъ первыхъ европейскихъ мыслителей, начавшихъ защищать историческое право славянскаго племени.

Изреченіе это было вѣрно въ свое время. Оно было вѣрно едва-ли не вплоть до послѣднихъ событій на юго-востокѣ Европы, когда совершилось, нежданно-негаданно для Европы, нѣчто такое, что самою силою вещей неизбѣжно должно вынудить Европу и уже вынудило—въ будущей кассовой книгѣ исторіи открыть и славянскій текущій счетъ, па который имѣютъ записываться гешихтсъ-бухгалтеромъ и славянскія акціи, облигаціи, талоны къ болгарскимъ, боснійскимъ и инымъ ассигновкамъ, а равно и историческія чековыя книжки на Чехію, Черногорію, Герцеговину и т. д. Мало того, въ послѣдніе два года славяне сами исписали— и своею и не своею кровью, и своими и европейскими мильярдами, и своимъ и чужимъ порохомъ—исписали столько страницъ въ исторіи, не въ своей только, скромной по объему, но и въ европейской, объемистой и поучительной,—что вышеприведенное изреченіе Гердера остается вѣрнымъ относительно славянъ заднимъ числомъ. Въ послѣдніе два года славяне занимали Европу едва-ли не больше, чѣмъ сама Европа, и хотя это европейское вниманіе столь-же лестно для славянъ, какъ для астраханцевъ и епо-

сколько измѣнилось: оказалось, ч
Европѣ въ мильярды; а къ мильз
Азія, и даже Африка очень чувст
вянскій вопросъ сталъ европейски
надо полагать, славяне должны бу
же мѣста, сколько они занимаютъ

Съ другой стороны, важно въ з
два года и славянскому міру откр
перь знаетъ, чего ему оттуда ждат
что не разсчитывать. Еще недавно,
выхъ двухъ лѣтъ, въ жизни Европ
принципъ національностей, какъ пр
свой modus vivendi по принципу н
ципъ равновѣсія, какъ извѣстно, ца
или вплоть до парижскаго трактата
родилъ, какъ Хроносъ-Сатурнъ Юп
ка, какимъ былъ Юпитеръ для Сату
ципъ національностей. На основані
нена была отъ Италіи къ Франціи
пріобрѣтенія Ниццы собственно и п
національностей. Но, какъ извѣстно
своего творца. Наполеонъ III

Наполеона. Сталъ владычествовать надъ міромъ Юпитеръ-Бисмаркъ. Пришла пора и славянамъ объявить принципъ національностей. Но, какъ извѣстно, славяне всегда опаздывали въ исторіи и продолжаютъ опаздывать понынѣ: они поздно схватились за принципъ національностей; не успѣли они, въ силу этого принципа, освободить свою національность отъ чужихъ національностей, какъ лордъ Биконсфильдъ уже совсѣмъ упразднилъ въ политикѣ Европы принципъ національностей и вмѣсто него водрузилъ принципъ научности. Съ этой поры вся міровая политика должна подчиниться принципу научности, завоеванія должны называться научными исправленіями границъ, войны—учеными экспедиціями, и т. д. Однимъ словомъ, во всемъ теперь долженъ господствовать принципъ научности.

Исходя изъ этого принципа, нельзя не привѣтствовать только-что вышедшую въ свѣтъ, вторымъ, вновь переработаннымъ и дополненнымъ изданіемъ «Исторію славянскихъ литературъ», г. Пыпина, которая, мы полагаемъ, не останется не замѣченною и въ Европѣ, а что касается до славянскаго міра—то это несомнѣнно, ибо, въ виду провозглашенія новаго руководящаго принципа въ политикѣ—принципа научности, и славянамъ и Европѣ необходимо, рано-ли, поздно-ли, разобраться въ своихъ научныхъ счетахъ. Прекрасный, въ высшей степени добросовѣстный и невозмутимо нейтральный, какъ по отношенію къ Европѣ, такъ равно и къ славянамъ, трудъ нашего почтеннаго ученаго публициста долженъ послужить и той и другой сторонѣ спасительнымъ научнымъ фонаремъ во мракѣ взаимныхъ историческихъ недоразумѣній и пререканій славянъ между собою и съ Европою.

Во введеніи къ своему труду г. Пыпинъ сразу старается поставить читателя въ тотъ кругъ, строго дипломатическій по отношенію къ избранной имъ задачѣ, изъ котораго онъ самъ не выходитъ ни на одинъ шагъ. Г. Пыпинъ осторожно предупреждаетъ читателя, что предметъ, о которомъ онъ намѣренъ бесѣдовать, и бесѣдовать обстоятельно, съ книгами и фактами въ обѣихъ рукахъ, съ точки зрѣнія всеобщей исторіи цивилизаціи, не имѣетъ такого важнаго значенія, какое принадлежитъ главнѣйшимъ литературамъ западной Европы; что сами славяне «еще до недавняго

ми началами, которая должна
цію» и т. д., и т. д. Но, какъ н
кромѣ языка дипломатіи, всегда
бочки, не прибѣгаетъ такъ част
къ тому подобнымъ обуздыванія
рикъ славянскихъ литературъ, с
ходимости долженъ играть съ св
мышки. Придавивъ эту послѣдн
скими теоретиками», авторъ тутъ
ровость и поясняетъ: «Но, хотя
другихъ народовъ участвовали въ
общечеловѣческой науки, обществ
связаны съ европейской семьей: о
ніемъ, основными чертами племени
идеалами будущаго. Какъ своей м
ностью славянскіе народы имѣли
въ исторію Европы и внесли свою
скую судьбу, такъ и въ исторіи и
ты, гдѣ славянскія силы участвова
идей, или даже факты вполнѣ само
щіе глубокое значеніе въ исторіи
достаточно указать—

лавянской литературѣ важную долю въ исторіи общечеловѣческой цивилизаціи; что «этотъ примѣръ энергической мысли—въ эпоху, когда Европа была подъ гнетущимъ авторитетомъ папства—указываетъ достаточно, что въ славянскомъ племени мы имѣемъ дѣло съ племенемъ дѣйствительно культурнымъ, слѣдовательно, исторически интереснымъ» и т. д.

Эта суровая дипломатическая нитка продернута почтеннымъ авторомъ черезъ все его объемистое, полное глубокаго интереса сочиненіе и возвышаетъ цѣну той невозмутимой нейтральности, съ которою г. Пыпинъ водитъ своего читателя, какъ Виргилій Данта, въ лабиринтѣ наизапутаннѣйшей черезполосности взаимныхъ литературныхъ и политическихъ отношеній сербо-хорватовъ и хорутанъ, штирійскихъ словенцевъ и резьянъ, южно-руссовъ и западно-руссовъ, малороссіянъ и великороссіянъ, кирило-меѳодіевцевъ и украинофиловъ, галицкихъ «русскихъ» и «русиновъ», «старо-руссовъ» и «святоюрцевъ», «кулишовцевъ» и «максимовичевцевъ»; «козаколюбовъ» и «москофиловъ», «народовцевъ» и «перевертней» съ «перекинчиками» и т. д., и т. д.

Въ настоящее-же время когда принципу научности желаютъ предоставить въ политикѣ рѣшающій голосъ, труды, подобные труду г. Пыпина, должны пріобрѣтать и рѣшающее значеніе какъ въ теоріи, такъ и въ жизни. Въ научномъ отношеніи трудъ этотъ представляетъ капитальныя достоинства; эрудиція автора, можно сказать, богаче самаго предмета изученія въ томъ отношеніи, что она уснащена источниками и обставлена батареями указаній не только на литературу самой литературы и ея исторіи, но и на литературу географіи, статистики, этнографіи, на литературу непосредственно исторіи и на литературу языка каждой данной славянской этнографической и литературной группы или особи. Въ политическомъ отношеніи трудъ г. Пыпина представляетъ богатые, достаточно и систематически обработанные матеріалы для научно-политическихъ комбинацій, хотя-бы въ смыслѣ научнаго исправленія границъ въ славянскомъ мірѣ, подобно такому-же научному исправленію границъ между Индіею и Авфганистаномъ съ помощью пушекъ.

Конечно, въ силу принципа научности, который теперь хотятъ

г. Пыпина-историка, даетъ та
мы говорили о болгарской лит
мы указывали въ церковномъ
болгарскаго народа въ освобод
ожиданіе, что для него станет
освобожденія. Теперь наступил
таты войны, когда мы пишемъ
народа совершается великое ис
гарскій народъ долженъ основа
по отношенію къ болгарамъ. А
«Теперь русскій народъ принесъ
племенниковъ, защищая ихъ бы
бытій не одинъ разъ обнаружило
часто не доставало пониманія то
приносились жертвы войны. Поже
ше этого пониманія, и чтобы возн
да нашла въ нашей средѣ больше
ной опоры, чѣмъ было до сихъ по
ключительныя слова этого послѣс
вещи преимущественно съ «націон
ственное сближеніе съ болгарским
особенно живой интерес

Послѣднее замѣчаніе столько-же просто, сколько и глубокоистинно, и русскимъ особенно не мѣшаетъ его помнить. Что, кажется, можетъ быть естественнѣе и ближе племенныхъ связей; но и эти связи могутъ не только ослабѣть, но и превратиться въ непримиримую вражду. Полагаемъ, что за примѣрами послѣдняго рода намъ нечего ходить далеко—они сами ходятъ вокругъ насъ. Но исторія представляетъ также поразительные примѣры и совершенно противоположныхъ явленій. Примѣры эти мы найдемъ и въ книгѣ г. Пыпина, хотя-бы въ обозрѣніи литературы Дубровника XV—XVI вѣка. Славянскіе патріоты Дубровника, жившаго въ то время одною политическою жизнью съ Италіею, въ одно и то же время являются горячими патріотами и Италіи, въ которой они, какъ замѣчаетъ г. Пыпинъ, «видѣли родину своего образованія». Такъ, рагузанскій поэтъ Ветраничъ, въ посланіи своемъ къ Италіи, выражаетъ пламенное желаніе, чтобы Италія воротила свою прежнюю славу и свободу отъ «поганыхъ» (турокъ) и чтобы не боялась клюва ни французскаго «орла», ни австрійскаго «пѣтуха»:

Oruzni taj zvokot neka se ne cuje,
J orao i kokot neka te ne kljuje *).

Во всякомъ случаѣ, если ужь принципу научности суждено выступить въ роли политическаго двигателя, то пожелаемъ, чтобы примѣненіе его къ дѣлу не ограничивалось одною фикціею. Научность обусловливаетъ по малой мѣрѣ знакомство съ предметомъ или съ субъектомъ, насчетъ котораго предпринимаются тѣ или другія комбинаціи. Всѣмъ извѣстно,—хотя не всѣ охотно сознаются въ этомъ,—что то, что совершилось въ послѣдніе два года, могло-бы совершиться иначе и даже лучше, если-бъ дѣятелямъ съ обѣихъ сторонъ было болѣе вѣдомо то, что имъ вѣдать надлежало. Однимъ словомъ—со всѣхъ сторонъ не доставало больше чѣмъ научности: недоставало знанія и взаимнаго пониманія. «Достаточно—говоритъ въ одномъ мѣстѣ г. Пыпинъ — сличить положеніе, общественное развитіе и стремленія болгарина, босняка, черногорца, чеха, поляка, русскаго, чтобы видѣть, какъ много нужно времени и труда, чтобы, во-пер-

*) Orao—орелъ, kokot—пѣтухъ.

...скаго интереса» (стр. 34).

Вотъ именно въ интересахъ э... дущихъ «научныхъ исправленій» ...ской научности, существующихъ ... рѣ—мы и привѣтствуемъ такія ... г. Пыпинымъ въ данномъ разѣ. М... научности и будущихъ «научныхъ ... положеній, разнаго modus vivendi ... но, чтобы трудъ г. Пыпина былъ ... ныхъ» языковъ Европы.

1879.

Объ изданiяхъ археографической коммисiи.

Акты, относящiеся къ исторiи Южной и Западной Россiи, собранные археографическою коммисiею. Томъ восьмой. 1668—1669, 1648—1657. Спб. 1875.

Русская Историческая Библiотека, издаваемая археографическою коммисiею. Томъ второй. Спб. 1875.

I.

Едва-ли есть какая-либо другая область человѣческихъ знанiй, которая представляла-бы столько не изслѣдованнаго, не доказаннаго, не освѣщеннаго критикой и даже просто неизвѣстнаго и не предполагаемаго, сколько представляетъ недознаннаго прошедшее исторической жизни человѣчества. Каждый болѣе или менѣе удачный поискъ въ забытыхъ или неразобранныхъ доселѣ архивахъ, какой-нибудь случайно открытый лоскутокъ бумаги, пощаженной временемъ, могильная плита съ надписью, разрытый курганъ,—все это въ большей или меньшей мѣрѣ освѣщаетъ тѣни прошлаго, которыя непроницаемою полосою лежатъ на всемъ, что не выдается изъ этого мрака особымъ рельефомъ; и всякiй разъ когда полоса свѣта падаетъ на это туманное прошлое и освѣщаетъ то, что прежде было невидимо, если можно такъ выразиться, историческому глазу—всякiй разъ исторической наукѣ приходится какъ-бы поступаться своими прежними вѣрованiями въ истину тѣхъ или другихъ фактовъ и событiй и на мѣсто ихъ ставить новыя такъ-сказать историческiя величины съ инымъ освѣ-

...редко занимаютъ н
одного снимается незаслужен
незаслуженная историческая
потомства.

Вотъ почему изданіе такъ
является дѣломъ очень трудн
матеріаловъ, находящихся въ р
выборъ между болѣе важными
нѣе важными, между болѣе ну
стороны, издатель или издател
болѣе важными документы, кас
дарственной и политической жи
предпочтительнѣе предъ докуме
ской жизни; съ другой стороны,
чиняться уже установившимся и
которыя эпохи и событія, и въ
ненія могутъ обходить то, что не
на предметъ. И въ концѣ концов
новится наименѣе важнымъ, а ну
нужнаго и пропадаетъ въ архив
нему остаются неразсѣянными име
исторической картинѣ наиболѣе т

лосою лежавшія на тѣхъ именно явленіяхъ исторической жизн- Россіи, которыя не выдавались особыми рельефами, но въ которыхъ, можно сказать, заключается вся сущность исторіи, ея смыслъ и сила. Оба изданія представляютъ массу драгоцѣнныхъ, дѣйствительно новыхъ въ изъясненномъ нами выше смыслѣ историческихъ документовъ.

Изданные нынѣ акты Южной и Западной Россіи обнимаютъ время отъ 20 ноября 1668 до половины іюля 1669 года, а въ приложеніи къ этому помѣщены акты, не вошедшіе въ предшествовавшіе томы и касающіеся разныхъ событій исторіи Малороссіи за періодъ времени отъ 18 августа 1648 г. по 22 января 1657 г. Содержаніе актовъ, главнымъ образомъ, относится: къ обстоятельствамъ войнъ Хмельницкаго съ поляками; къ положенію тогдашнихъ дѣлъ въ Турціи по отношенію къ Россіи и Малороссіи; къ Андрусовскому договору; къ измѣнѣ Брюховецкаго; къ пребыванію въ Гадячѣ Ѳеофила Бобровича и его сношеніямъ съ Дорошенкомъ; къ личности самого Дорошенка, къ его политическимъ дѣйствіямъ и намѣреніямъ относительно Малороссіи обѣихъ сторонъ Днѣпра, къ сношеніямъ его съ московскимъ правительствомъ, съ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ, съ запорожцами и ихъ кошевымъ атаманомъ Суховіенкомъ, наконецъ, съ татарами и турками; къ сношеніямъ Многогрѣшнаго съ московскимъ правительствомъ, съ московскими воеводами и къ политическимъ пререканіямъ съ Дорошенкомъ; къ сношеніямъ съ московскимъ правительствомъ духовныхъ лицъ Малороссіи, митрополита Іосифа Тукальскаго, архіепископа Лазаря Барановича, архимандрита Иннокентія Гизеля, нѣжинскаго протопопа Адамовича и др.; къ правамъ и вольностямъ малороссійскаго казачества; къ обстоятельствамъ возвращенія отнятыхъ, во время междоусобій въ Малороссіи, московскими ратными людьми у малороссіянъ пушекъ, церковной утвари, колоколовъ и оружія; къ Глуховской радѣ и къ происшествіямъ, съ нею связаннымъ; къ радѣ въ Корсунѣ; къ положенію и продовольствію московскихъ ратныхъ людей, находившихся въ Малороссіи; къ предполагавшемуся, вслѣдствіе договора съ Польшею, занятію Кіева поляками и т. д.

Трудно было-бы въ краткомъ библіографическомъ очеркѣ исчер-

...временными историками, сосре
ностяхъ, на выдающихся ре.
обликѣ исторіи предпочтител
исторической жизни и патоло

Въ этомъ отношеніи особе
политическая, нѣсколько двой
тельно прикрытая, которую т
Малороссіи въ періодъ полити
различными нравственными тя
прикрывала собою наиболѣе
которыя изъ монастырскихъ ке
страною и ея симпатіями при
нія, какъ не всегда могли расп
ники народа, облеченные власт
уступала монашенскимъ четкам
Что особенно помогало малорос
судьбами страны — это его обр
деніи политической интриги, въ
напрактиковался путемъ историч
въ теченіе не одного столѣтія,
изъ-за главенства въ дѣлѣ религ
политической интригѣ бойцами—

теръ и куда направленъ трезубецъ Нептуна и т. д. Все это были ловкіе дипломаты въ черныхъ рясахъ. Можетъ быть, благодаря имъ Малороссія добровольно передала свою державную булаву въ руки московскаго царя, тишайшаго изъ царей, а не въ руки турецкаго султана, и быть можетъ, благодаря только чернымъ рясамъ, умѣвшимъ сдерживать такія горячія головы, какъ Дорошенко и Суховіенко, Малороссія не испытываетъ теперь, въ качествѣ турецкаго пашалыка, того, что приходится испытывать турецкимъ славянамъ.

Все это ясно обнаруживаютъ изданные теперь археографическою коммисіею акты.

Въ августѣ 1668 года, Дорошенко, чувствуя, что подъ ногами его политическая почва не тверда, заключаетъ съ турецкимъ султаномъ договоръ, въ которомъ, между прочимъ, обязуется за себя и за всю Малороссію въ слѣдующемъ: «готови есмы воевати со всякимъ непріятелемъ повелительства твоего... во утвержденіе же сего объемлю азъ, гетманъ, и все войско казацкое военое знамя, яко же булаву, и знамя, еже отъ турковъ именуется туй»... И хотя тутъ-же оговаривается: «егда-же изволитъ сицевыми знамены насъ почтити и пожаловати салтанъ оттомайскій, не хощемъ, да того ради возмнися, яко подданные быти и весма порабощенные, ниже данниками и коимъ либо податемъ повинни, но отъ всѣхъ податей свободни и отъ тяжкихъ бременъ жестоты чужды быти желаемъ»; но это — только «желаніе», которое, конечно, съ теченіемъ времени султаномъ было-бы вычеркнуто изъ списка малороссійскихъ вольностей. И вотъ въ это время, когда Малороссія, руководимая честолюбивымъ гетманомъ, сама не вѣдая что творитъ, зажмуря глаза, протягивала шею въ турецкое ярмо, подъ «турскій туй»,—какая-то невѣдомая личность, въ черной рясѣ, въ ноябрѣ того-же года разсылаетъ по Малороссіи, въ видѣ универсала, письмо, подъ названіемъ «листъ ревнителей православія, къ любезнымъ своимъ другомъ посланный», въ которомъ, между прочимъ, говоритъ, что Малороссія, угнетаемая римскою вѣрою, давно ищетъ спасенія въ союзѣ съ Москвою: «яко елень на источники, такъ желала отъ многихъ лѣтъ пріити въ державу истиннаго православнаго монарха»; что когда при Хмельницкомъ

глаголемъ: нѣсть намъ и церкв
ни князя, ни ревнующаго прор

Но эта-то самая прокламаці
сіи были «вожди» и въ особенн
сдѣлали то, что Украина не пре

Въ числѣ этихъ «ревнующих
заря Барановича, и Иннокентія
подсказываетъ, что только въ ед
не сдѣлается турецкою провинціе
жихъ владыкъ въ украинскихъ го
въ лицѣ московскихъ бояръ, како
Ордынъ-Нащокины и др., чѣмъ
какъ Гиреи, Османы, Хуссейны и
и пр. Политическій тактъ указыва
дойти до этого объединенія, и с
ныя: средства эти—слово, письмо
Россія не могла побѣдить упряму
могла побѣдить ее силою духовно
даетъ Москву на цѣлое столѣтіе,
ученицей, даетъ ей печать, типог
печатниковъ; но потомъ сама тер
и свое временное главенство

Алексѣя Михайловича и на сына его, преобразователя русской земли, а равно на всѣхъ вліятельнѣйшихъ бояръ было почти неотразимо. Припомнимъ значеніе въ правительственныхъ сферахъ московскаго царства Димитрія Ростовскаго, Симеона Полоцкаго, Стефана Яворскаго, Феофана Прокоповича и другихъ украинцевъ, значеніе, послѣдовательно и непрерывно продолжавшееся болѣе столѣтія и утраченное украинцами только тогда, когда московскіе бояре перестали быть ихъ учениками... и сдѣлались учениками европейскихъ цивилизаторовъ.

Иннокентій Гизель издаетъ книгу подъ заглавіемъ «Миръ съ Богомъ человѣку», и посылаетъ ее въ даръ «тишайшему царю». Лазарь Барановичъ, покровительствуя Гизелю, пишетъ при этомъ Алексѣю Михайловичу вычурную, но по тому времени очень ловкую политическую петицію: «Егда Богъ миръ даде и покояніемъ своимъ Демьянъ Игнатьевичъ, гетманъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества войска запорожскаго, обретѣ благодать у вашего царскаго пресвѣтлаго величества, тогда и богомолецъ истинный вашего царскаго пресвѣтлаго величества, Иннокентій Гизель, пречестный архимандрита святыя великія чудотворныя лавры печерокіевскія, книгу нареченную «Миръ съ Богомъ человѣку» или покаяніе святое, премиряющее Богови человѣка, подъ знаменіемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества типомъ изобрази и чрезъ честнаго отца Кирила Печерскаго, искусного старца, и посылаетъ, юже ваше царское пресвѣтлое величество книгу душеполезную, отъ письма и святыхъ учителей собранную, аки миротворецъ съ милостію пріяти изволь, Кіевъ со обители святыми орла своего крилами покрывай»... и т. д. (Ак. 136). Съ своей стороны и авторъ книги пишетъ царю витіеватое посланіе, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «аще мы худѣйшіе и во великихъ чрезъ лѣтъ 20 до нынѣ скорбѣхъ, скудостяхъ, военныхъ метежахъ, обидахъ пребываемъ, но божіимъ поспѣшеніемъ и предстательства пресвятой Богородицы и молитвами преподобныхъ отецъ нашихъ печерскихъ, вашего царскаго пресвѣтлаго величества помощію, на се дѣло ко спасенію всѣхъ человѣкъ понудихомся, отъ божественныхъ писаній и отъ учителей церковныхъ сложити сію книгу о святомъ покаяніи, глаголемую «Миръ съ Богомъ человѣку», юже

пріяти и во своемъ преславном
невозбранно объявляти повели
же касается политическаго по.
отъ враговъ и т. д.

Это было въ февралѣ 1669 і
извѣстно, скончалась царица Ма
новичъ является утѣшителемъ
сочиненіе подъ заглавіемъ «Труб
Алексѣю Михайловичу, прося, чт
его въ московской типографіи по.
сійскаго ученаго, іеромонаха Сим
Въ этомъ интересномъ посланіи
«Аще мнѣ богомольцу вашего пре
смерти пресвѣтлыя царицы чрезъ
обаче еже слезами написахъ утѣш
скому величеству по смерти пресв
сіе чрезъ честнаго отца Іеремія І
саковскаго, съ дьякономъ моимъ .
свѣтлый царю, ухо свое, а сіимъ
Далѣе онъ выражаетъ такую прос
дарь царь и великій князь Алексѣ
и Малыя и Бѣлыя Россі-

печатномъ дворѣ и своею государскою казною. Азъ ничего-же за сіе божіе требую, точію небеснаго Бога слова его, а труба послѣдняя вострубитъ воздаянія, развѣ токмо благоволитъ твое милосердіе на монастыри пожаловать, на разсужденіе православныя нашея церкви. Вручаю, молю, да повелитъ ваше пресвѣтлое царское величество симъ причитати, иже суть искуснѣйшіе божевеннаго писанія, между ими непщую быти довольно чеснаго отца іеромонаха Симеона Ситіановича: онъ да посмотритъ въ семъ дѣлѣ даже до совершеннаго печатанія, о семъ смиренно прошу—царь, государь, смилуйся, пожалуй». И между тѣмъ, тутъ-же не забываетъ просить царя о Кіевѣ, который онъ называетъ гнѣздомъ православія; напоминаетъ о присылкѣ ратныхъ людей для защиты малороссійскихъ городовъ и т. д. (Ак 205—206).

Понятно, что Алексѣю Михайловичу были пріятны такія посылки отъ малороссійскихъ людей, и онъ милостиво благодаритъ обоихъ авторовъ. «И мы, великій государь, наше царское величество (говоритъ царь въ своей грамотѣ къ Гизелю), книги ваши о святомъ покаяніи приняли въ даръ любительно, и за тѣ твои труды тебя, архимандрита Иннокентія Гизеля, жалуемъ, милостиво похволяемъ». При этомъ царь посылаетъ Гизелю съ братіею 200 рублей да хлѣбныхъ запасовъ двѣсти четьи ржи, обѣщаетъ Малороссіи свою защиту и покровительство и т. д. Лазарю Барановичу также царь пишетъ: «И мы, великій государь, наше царское величество, тое книгу твою приняли и за то тебя, богомольца нашего, жалуемъ, милостиво похволяемъ, и послали къ тебѣ наше царское валичество жалованье на сто рублевъ да два сорока соболей»... и. т. д.

Предѣлы настоящей библіографической замѣтки не позволяютъ намъ указать на другія драгоцѣнныя достоинства изданныхъ нынѣ актовъ, обнаруживающихъ всю силу нравственнаго вліянія на обѣ половины Россіи украинскаго духовенства, которое положительно было главнымъ рычагомъ политическаго сплоченія въ одно тѣло двухъ разрозненныхъ половинъ русской земли: всѣ ихъ гетманы, полковники, есаулы, всѣ эти храбрые, но не особенно развитые люди были, повидимому, слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ искусныхъ ревнителей русскаго дѣла, доказавшихъ на самомъ дѣлѣ, что ихъ чотки и перья дѣйствительно сильнѣе пушекъ и сабель.

... о сохѣ и плугѣ
гой—жажда покоя и надежда
и успокоится и отъ голоду с
шаяся московскими сухарями –
не московскія рати. Каковы б
говорятъ сами московскіе бояр
ныхъ, жалостливыхъ донесенія
постоянныхъ бѣгахъ, въ «нѣтѣх
тому что были «наги и боси»,
обезножили», или, наконецъ, «го
порядительности тогдашнихъ пр
кимъ головамъ Михайлѣ Полянс
вымъ съ ихъ приказами велѣно б
приказовъ бѣжало 1,075 стрѣльц
своихъ, откуды кто взятъ, а ины
вутъ», доноситъ воевода царю. Д
(ратные люди), будучи на твоей ве
годы, до конца оскудали и отъ мн
не всѣ увѣчны».

13 мая 1669 г. воевода князь
«ко мнѣ, холопу твоему, приходят
плачемъ безпрестанно, что они б...
службѣ ...

конецъ, и нынѣ, государь, твои великаго государя ратные люди приходятъ къ намъ, холопемъ твоимъ, съ великимъ шумомъ безпрестанно, что они наги и боси и нужны въ конецъ и многіе обезножали, итти не могутъ, потому что идутъ боси (каково войско!), а что дано имъ въ Кіевѣ хлѣба не по большому, и они, идучи дорогою, прiѣли, а намъ, холопемъ твоимъ, дать имъ нечего, твоей великаго государя денежной казны нѣтъ, а еслибъ, государь, у насъ, холопей твоихъ, были свои денжонка. и мы-бъ, холопи твои, не жалѣя себя, твоимъ великаго государя ратнымъ людямъ, видя ихъ такіе нужи, хотя по не болшому роздали; и у насъ, холопей твоихъ, денжонокъ нѣтъ, и сами въ конецъ нужны; и будетъ, государь, твоимъ великаго государя ратнымъ людемъ, твоего великаго государя жалованья въ дорогу хотя не по болшому на проходъ прислано не будетъ, и твои великаго государя ратные люди, идучи дорогою, отъ нужъ великихъ конечно многіе останутца и распропадутъ и помрутъ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, въ томъ отъ тебя великаго государя въ опалѣ не быть» (Ак. 206 — 207).

20-же мая князь Козловскій пишетъ, что всѣ переяславскіе, рейтарскіе и солдатскіе полки, подполковники и стрѣлецкіе головы, и рейтары и драгуны, и солдаты и стрѣльцы, и казаки — все это воетъ отъ голоду — «оскудали де въ конецъ и одолжали, пить — ѣсть нечего, помираютъ голодною смертью... переяславская де служба имъ не въ мочь, отъ голоду и отъ всякихъ скудостей и отъ нужъ изъ Переяславля пойдутъ врознь»... (Ак. 209).

Мало того, около этихъ-же чиселъ Шереметевъ доноситъ царю: пришли они съ войскомъ въ Сѣвскъ, гдѣ ожидали найти запасы; но запасовъ оказалось мало. «И мы (пишетъ Шереметевъ), холопи твои, видя конечную нужу пѣхотныхъ людей, что идутъ боси и отъ того многіе безножаютъ, не хотя людей розметать, занявъ, въ Сѣвску, давъ на себя кабалы, дали по гривнѣ человѣку, а не давъ было, государь, никакими мѣрами нельзя, многіе бъ отъ нужъ розпропали и померли». (Ак. 226).

Понятно, что при такомъ положеніи ратные люди ищутъ спасенья въ бѣгахъ — и бѣгутъ не одни солдаты, а съ ними и офицеры: такъ, напр., изъ полка фонъ-Гольстена и изъ полка Гамолтона, изъ Кіева, бѣжали «маеоръ» Колычевъ, «капитоны» Хво-

малороссійскихъ городахъ, можно
обстоятельства. Во время такъ-н
та», московскіе ратные люди, усм
рали у нихъ какъ военные снаря
ковную утварь съ колоколами. З
велѣло возвратить покорнымъ жи
бывшій въ Острѣ воевода Рагозин
ной утвари и образовъ. Когда отъ
вавшій ему отдать образа, Рагозин
чудотворецъ запретилъ это. Вотъ ч
курьезной отпискѣ: «а что онѣ (че
били челомъ тебѣ, великому госуда
сали, будто я, холопъ твой, побрал
изъ церкви вынесены были въ пож
около городка, покладена была на п
и я, холопъ твой, имъ говорилъ, чт
и великій чюдотворецъ Николае яв
иконъ въ мѣсто, и велѣлъ взять в
родкѣ и молитца имъ; и по явленію
каго государя ратные люди иконы
построили, и въ той часовнѣ пѣніе е
великаго государя многолѣтномъ зд

обнаруживаютъ, что уже и при Алексѣѣ Михайловичѣ вся русская армія, собственно рейтарскіе, драгунскіе и солдатскіе полки, и отчасти стрѣльцы, находились въ рукахъ нѣмецкихъ командировъ— генераловъ, полковниковъ, подполковниковъ и т. д. Такъ въ настоящихъ актахъ постоянно попадаются имена нѣмецкихъ командировъ: генералъ Бовмонъ (Больманъ), полковники: Альбрехтъ, Шневенцъ, фонъ-Заленъ, фонъ-Гольстенъ, Бильсъ, Гамильтонъ (Гамолтовъ), Балкъ, Бимъ, Дирихъ графъ, Эренстръ (Эрнстъ), Готфрисъ, Казрытъ Готфрисъ, Рей, Рикортъ, Страсбархъ, капитанъ Лоренцъ, прапорщикъ Гренсонъ и т. д., и т. д. Въ отпискахъ воеводъ мы постоянно читаемъ: рейтары, драгуны, ротмистры, «маеоры», «капитоны» (капитаны), квартирмейстеры и даже «отьятанты» (адъютанты)—и все это въ московскомъ войскѣ временъ Алексѣя Михайловича...

Наконецъ, считаемъ не лишнимъ указать на нѣкоторыя черты изъ экономической жизни тогдашней Малороссіи.

Какъ извѣстно, для больныхъ ратныхъ людей въ то время при полкахъ имѣлся сбитень и уксусъ. По царскому указу велѣно было послать изъ Путивля въ Кіевъ и въ Нѣжинъ по одному мастеру уксуснаго дѣла, такъ какъ въ Малороссіи такихъ мастеровъ не было. Но оказалось, что и въ Путивлѣ на запросъ воеводы князя Волконскаго, «путивльцы, и всякихъ чиновъ грацкіе лучшіе люди сказали, по святой Христовѣ непорочной евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей: въ Путивлѣ-де уксусныхъ мастеровъ прежъ сего не бывало и нынѣ нѣтъ»... (Ак. 240). А когда велѣно было устроить правильное почтовое сообщеніе въ Малороссіи, то князь Козловскій писалъ царю: «а ямовъ, государь, для гоньбы въ Кіевѣ и нигдѣ въ малороссійскихъ городахъ не устроено, и гонцы, которыхъ мы, холопи твои, къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ посылаемъ съ отписки, въ малороссійскихъ городѣхъ ходятъ пѣши»... (Ак. 253).

...ающіеся событій, со в...
XVII, преимущественно-же
эпохи, особенно знаменат...
жаніемъ.

Слѣдуя системѣ, принят...
по ихъ содержанію, укажем...
щійся къ 1623 — 1624 г. и
рѣчи полоняниковъ, русских
плѣна. Показанія ихъ, по зам...
свѣтъ на многія историческія...
отъ этого, представляютъ с...
стяхъ, въ личныхъ показаніях
напр., Лукьянъ Романовъ пок...
ской земли въ городѣ Бухур...
мать были христіане, въ крещ...
помазуютъ ли или не помазую...
что взяли его крымскіе татар...
въ Крыму былъ съ годъ, и п...
и былъ въ Нагаѣхъ съ годъ
сомъ, жилъ въ черкасѣхъ дев...
Терекъ, тому деветнадцать лѣ...
Крыму и въ Нагаѣхъ и ...

и продалъ ее арменину, и арменской де попъ исповѣдывалъ и причастья ей давалъ, и вѣру арменскую держала, и арменинъ продалъ турчанину и турчанинъ де ее велѣлъ палецъ поднимать, и она де поневолѣ палецъ поднимала; и у турчанина де выкупилъ мужъ ее, Микита Юшковъ, и женился на ней, вѣнчалъ въ Голатѣ греческой попъ въ церквѣ у Софѣи Премудрости Божіи; и съ Микитою де она прижила двое робятъ, сынъ Ѳоонасій по шестому году, крещонъ, а въ крещенье обливанъ, мvромъ и масломъ помазыванъ, и сынъ Фролъ у грудей, крещонъ въ Керчѣ на дорогѣ, крестилъ русской попъ, которой ѣздилъ съ Иваномъ въ Царьгородъ» (Рус. Ист. Биб., 623, 649, 650).

Вообще о «смутномъ времени» этотъ томъ представляетъ массу драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Тутъ мы находимъ челобитныя, которыя русскіе люди подавали Яну Сапѣгѣ, королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. Мало того, есть одна челобитная, изъ которой видно, что русскіе люди, окончательно сбитые съ толку разными самозванцами, видя полную безгосподарность земли, не знали, кого просить, кто-же, наконецъ, правитъ русскою землею. Такъ нѣкій Ѳедоръ Климовъ, боясь правежа, обращается съ своею челобитною ко всей землѣ. Вотъ эта замѣчательная челобитная: «Московскаго государства бояромъ и всей земли бьетъ челомъ холопъ вашъ Ѳедко Ивановъ сынъ Климовъ. Какъ, государи, по грѣху нашему, учинили осадъ Смоленска, и крестьяне мои въ осадѣ всякую государеву службу служили, да всѣ померли и людишко померли, а приписано помистейца отца моего къ Василью Чихочова и правятъ на мнѣ людей въ слухи, а мнѣ дать некого, и наймовать нечѣмъ, людей и крестьянъ нѣтъ. Смилуйтесь, государи, велите указъ свой государевъ учинить, велите дать на милость, чтобъ я, холопъ вашъ, государевъ, безъ отца въ нынѣшней осадѣ на правежѣ изъ дѣловца въ слухи не умеръ. Государи, смилуйтеся, пожалуйте» (Рус. Ис. Б. 705). А дворяне Валуевы съ такою челобитною обращаются къ чужимъ королямъ, за неимѣніемъ своего царя: «Наяснѣйшему великому государю Жигимонту, королю полскому и великому князю литовскому, и государю нашему королевичю Владиславу Жигимонтовичю, бьютъ челомъ вѣрные подданные ваши, Григорей Левонтьевъ сынъ Валуевъ да Степанъ

Ужъ не тотъ-ли это Гри
извѣстіе, что когда разъяре
митрія и спрашивали цариц
ны выскочилъ боярскій сынъ
ковать съ еретикомъ! Вотъ я
однимъ выстрѣломъ добилъ е

Въ актѣ подъ № 93 заклю
жинскаго къ московскимъ боя
митрію («Тушинскому вору»)
царевича тѣмъ, что «которые
Тулѣ царевичами, бывалъ-ли к
товской хоти одинъ человѣкъ с
бу къ царевичу вся польская и

Лучшимъ историческимъ осв
ся отчеты о расходованіи царск
поляками въ 1611—1612 г. Отч
щеніемъ денежной казны, прихо
скимъ, нѣмецкимъ и московским
утварью, сосудами, потирами, лж
ризъ, епитрахилей, съ поруча

нороговы роги», изъ коихъ одинъ, цѣльный, оцѣненъ въ 140,000 рублей (465,333 польскихъ злотыхъ), другой, не цѣльный—въ 63,000 рублей (209,000 пол. зл.). Адамъ Жолкевскій, при которомъ производилась эта оцѣнка, говорилъ: «что таковъ единорожецъ, какъ другой початой, видалъ-де я въ другихъ государствахъ, а цѣнили-де его купцы при мнѣ 200,000 злотыхъ угорскихъ, а такова, каковъ цѣлый, якъ живу, не видалъ ни въ которомъ государствѣ».

Личностью царя Василія Ивановича Шуйскаго русскіе историки занимались, кажется, достаточно. Личность эта повидимому вполнѣ выяснена: этотъ человѣкъ умѣлъ доказать свою находчивость въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ своей жизни и жизни всей русской земли—онъ умѣлъ извернуться и при Годуновѣ, и въ дѣлѣ царевича Димитрія, и при первомъ самозванцѣ; даже смерть народнаго героя Скопина-Шуйскаго, полагаютъ, совершилась благодаря находчивости царя Василія Ивановича. И между тѣмъ посмотрите, чѣмъ занятъ этотъ царь въ самыя роковыя минуты своего царства? Онъ ищетъ въ Сибири какой-то волшебный камень, отъ котораго будто-бы бываетъ морозъ и вода! Вотъ что пишутъ ему изъ Сибири воеводы по поводу этого камня: «Государю царю и великому князю Василію Ивановичю всеа Русіи, холопи твои Васка Волынской, Михалко Новосилцовъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 118 году, августа въ 17 день, прислана къ намъ холопемъ твоимъ твоя государева грамота, и въ твоей государевѣ грамотѣ къ намъ холопемъ твоимъ писано, что вѣсно тебѣ государю, что въ Томскомъ городѣ, въ земляномъ погребѣ закопанъ камень, а взятъ у шайтанщика года тому съ четыре, а живетъ-де тотъ шайтанщикъ на томскомъ устьѣ; а тотъ-де камень, какъ ево поевить наружу, и отъ того-де бываетъ морозъ и вода, и велѣно, государь, намъ холопемъ твоимъ того шайтанщика сыскавъ, роспросити подлинно: для чего онъ у себя тотъ камень держалъ, и какъ онъ словетъ, и гдѣ его взялъ, и есть-ли отъ него морозъ и вода, или нѣтъ? А живетъ будетъ отъ того камени морозъ и вода съ ихъ волшебства, да тотъ камень запечатавъ своими печатми и роспросные рѣчи прислати велѣно къ тебѣ государю къ Москвѣ съ нарочнымъ гонцомъ. И мы, государь, холопи твои, по твоему государеву указу, сыскали тотъ камень въ

... него при Гаври...
того не вѣдаетъ, какой ка...
подлѣ рѣки на яру плем...
даю, бываетъ-ли отъ него...
волшебствомъ бываетъ во...
твои, племянника его Куг...
мень нашолъ? и онъ, госу...
просѣ сказалъ, что тотъ к...
знаю-де я, какой тотъ каме...
отъ него вода и морозъ; а...
де онъ тотъ камень нашол...
кіе и снѣгъ, и тотъ-де каме...
отъ камени того есть вода...
не унелась вода. И мы, госу...
слали къ тебѣ государю къ...
скимъ стрѣльцомъ Завьялком...
лопа твоего Васьки, глава че...
твоего Михалко, орелъ съ змі...

Но, занимаясь такими, съ...
сударственными дѣлами, какъ...
морозъ и воду, Шуйскій задава...
вопросами: ему хотѣлось найти...

сударь, твоихъ государевыхъ служивыхъ людей довести къ Алтыну царю къ мугалскому да въ китайское государство киргизскіе князья Номча да Кочебай; а сказали, государь, онѣ намъ холопемъ твоимъ, что онѣ бывали у Алтына царя, а Алтынова-де люди сходятся съ китайскими людьми. И мы, государь, холопи твои, роспрашивали Номчи да Кочебая про Алтына царя и про китайское государство; и онѣ, государь, въ роспросѣ сказали, что Алтынъ царь мугалской, ходу до него отъ киргизъ мѣсяцъ; и его есашные люди живутъ матцы отъ киргисъ два дни, а отъ матъ живутъ до него все его люди; а царь кочевной, кочюетъ на лошадяхъ и на верблюдахъ; людей-де у него тысячъ за двѣсти; а бой у нихъ лушной. А до китайскаго-де государства отъ Алтына царя ходу три мѣсяца. А живетъ-де китайскій государь, и у него де, государь, городъ каменной, а дворы-де въ городѣ съ руского обычья, палаты на дворахъ каменные, а людми-де сильнѣя Алтына царя и богатствомъ полные. А на дворѣ-де у китайскаго государя полаты каменные. А въ городѣ-де стоятъ храмы и звонъ-де великой у тѣхъ храмовъ, а крестовъ на храмахъ нѣтъ, тогоде у нихъ не вѣдаютъ, какая вѣра, а живутъ съ русского обычья. И бой-де у него огняной; и приходятъ-де изъ многихъ земель съ торгомъ къ нему. А платье-де онѣ носятъ все золотное, а привозятъ-де къ нему всякіе узорочья изъ многихъ земель»... и т. д. Но эта попытка пробраться въ Китай не удалась по случаю возгорѣвшейся у Алатына-царя войны съ чорными калмыками (Р. И. Б., стр. 188—190).

Полагаемъ, что указаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, какъ богаты и разнообразны содержаніемъ новыя прекрасныя изданія археографической коммисіи. Всѣ занимающіеся русскою исторіею могутъ черпать изъ этихъ изданій новыя свѣдѣнія, что называется, полною горстью.

Редакція послѣднихъ выпусковъ принадлежитъ членамъ археографической коммисіи, Н. И. Костомарову и А. И. Тимоѳееву.

Воспоминан

Въ издающемся въ Львовѣ
но-полiтичне, рочникъ IX, 18
минанія о Тарасѣ Григорьеви
кимъ къ покойному поэту лицо
котораго была въ замужествѣ
горьевичемъ.

Такъ какъ воспоминанія з
дѣнія изъ жизни поэта и въ о
нія, доселѣ нигдѣ не напечата
ристическія черты, живо обрис
таго украинца, то мы считаемъ
нашихъ читателей въ русскомъ
малорусски).

Въ 1828 г. мнѣ было семь л
въ школу въ Кириловкѣ (Звениг
нія). Школа помѣщалась въ боль
щади. Эта изба была ободрана

изъ нихъ были свои ученики: я попалъ къ Петру и нашелъ только четырехъ учениковъ, тогда какъ у Андрея ихъ было 18. Въ школѣ, во всю ея ширину, стоялъ длинный столъ, за которымъ и учились вмѣстѣ всѣ школьники и Боюрскаго и Зинвелича. Кому не доставало мѣста за столомъ, тотъ сидѣлъ просто на полу. Наставники наши не очень заботились о нашемъ ученьи; бывало по два, а то и по три дня они не заглядывали въ школу. Умолчу о томъ, гдѣ проводили они эти дни; прибавлю лишь, что когда они навѣдывались въ школу, то мы дрожали отъ страха, какъ листья на осинѣ; трепетали мы, ожидая своихъ наставниковъ и не зная, въ какомъ расположеніи духа явятся они въ школу. Мы держались крѣпко одного:—не высматривать учителей, ибо всѣ мы вѣрили, что въ такомъ случаѣ учитель непремѣнно будетъ сердитъ и тогда—горе учащимся!..

Каждый школьникъ былъ обязанъ въ сосѣднэмъ саду Грицка Пьянаго нарѣзать (извѣстно—тайкомъ, чтобъ не увидѣлъ хозяинъ) вишневыхъ розогъ и принести ихъ въ школу, дожидаясь пока будетъ этими розгами высѣченъ. Сѣкли же насъ и часто и сильно! Несѣченнымъ оставался лишь тотъ, до котораго не дойдетъ очередь, потому что учитель, утомясь сѣченьемъ, ляжетъ бывало отдыхать. Когда же, бывало, учитель явится въ школу въ добромъ духѣ, то выстроитъ насъ всѣхъ въ рядъ и спрашиваетъ: «А что, мальчуганы! страшенъ я вамъ? Боитесь вы меня?» По его приказанію мы должны были всѣ въ одинъ голосъ гаркнуть: «нѣтъ, не боимся!»—«И я васъ тоже не боюсь», шутилъ учитель, распуская насъ по домамъ и ложась спать.

Мало ли что можно поразсказать объ этой незабвенной для меня школѣ, да врядъ ли это кого интересуетъ, кромѣ меня и моихъ товарищей, изъ которыхъ едва-ли насчитаешь два-три человѣка, что выучились въ школѣ читать. Всѣ они возвращались къ сохѣ и боронѣ съ такою же грамотностію, съ какой въ первый разъ входили въ школу. Моя рѣчь не о ней; я вспомнилъ ее только потому, что тамъ я впервые услышалъ про Тараса Шевченка.

Какъ-то разъ учитель былъ крѣпко сердитъ и пересѣкъ большую половину учениковъ. Положили старшаго изъ всѣхъ (давно уже умершаго) Василія Крицкаго. Вставши изъ-подъ розогъ и

... Крицкій разсказал
учился школьникъ Тарасъ
ченка); разъ учитель приш
и высѣкъ розгами, а самъ
дворѣ у барина. Крицкій п
совать и что рисунки его есть
чаренка. Вскорѣ я зашелъ к
Тараса Грушевскаго, налѣпл
и кони и солдаты, нарисован

Послѣ того я, кажется,
Т. Г., до тѣхъ поръ пока бра
мнѣ, просилъ написать отъ
узналъ, что онъ живетъ въ П
я писалъ это письмо—не знак
и отъ себя приписать ему пок
Никита опять пришелъ просить
полученное имъ отъ Тараса. (
Это было наше первое заочное

Всѣ письма къ Никитѣ Тар
подумалъ, что онъ дѣлаетъ это
ками, не понимающими русскаго
объ этомъ никому не сказалъ ...

раса. Вотъ и пишетъ онъ черезъ меня Никитѣ такое письмо: «скажи этому поганому маляру: если онъ не броситъ пить да бить сестру, такъ ей-богу угодитъ въ солдаты». Помню еще, что въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Тарасъ прибавилъ: «скажи брату Никитѣ, когда будетъ ко мнѣ писать, такъ пусть пишетъ по-нашему, потому что иначе и читать не стану; мнѣ и безъ того вся эта московщина огадила». Тогда я понялъ, что ему хочется хоть изрѣдка помѣняться роднымъ словомъ: съ тѣхъ поръ я всякій разъ писалъ уже ему по-нашему.

Навѣрно не припомню, когда именно мы познакомились съ Тарасомъ лично; кажется, онъ два раза пріѣзжалъ въ Кириловку, но меня, точно на зло, оба раза тамъ не было,—я ѣздилъ въ Одессу: хорошо помню, что, напечатавъ въ первый разъ своихъ «Гайдамаковъ», онъ мнѣ прислалъ ихъ съ надписью: «Братові Варѳоломею Шевченку на завичну знамість» *). Прочитавъ эту книжку, я мало въ ней понялъ, ибо совсѣмъ не зналъ исторіи Украины; я только плакалъ, читая о тѣхъ народныхъ страданіяхъ украинцевъ и притѣсненіяхъ со стороны жидовъ и поляковъ, которыя вызвали гайдамачину. Болѣе всего мнѣ понравилось введеніе: «Все йде, все минае и краю не мае».

Я далъ «Гайдамаковъ» прочитать моему хорошему пріятелю (теперь уже покойнику) Якову Чоповскому, жившему тогда въ Звенигородкѣ. Тотъ, возвращая книгу, объяснилъ мнѣ, о чемъ въ ней идетъ рѣчь, какъ и что... Я написалъ Тарасу, совѣтуя ему не выступать съ такими произведеніями; это письмо мое онъ отдалъ Виктору Забѣлѣ... Такъ я полагаю, потому что Забѣла, пріѣхавъ въ Каневъ, когда мы хоронили Тараса, показывалъ мнѣ это письмо. Помнится, въ 1844 г. Тарасъ опять пріѣхалъ въ Кириловку и прямо ко мнѣ; меня не было дома; разузнавъ, гдѣ я, Тарасъ пришелъ ко мнѣ въ главную контору имѣній Энгельгардта. Взошедъ въ избу, гдѣ я сидѣлъ, Тарасъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: «вотъ тебѣ родня». Въ то время мы и въ самомъ дѣлѣ породнились, потому что его братъ Осипъ женился на моей сестрѣ.

Тарасъ звалъ меня къ себѣ, въ избу своего брата Никиты; но

*) Эту книжку у меня добрые люди зачитали.

пригласилъ насъ къ себѣ
ктитора было много народу
потягивали медъ (объ этом
своихъ письмахъ). У ктитора
Тарасъ сейчасъ къ нему:
зналъ, Тарасъ сталъ просит
гивалъ. Потомъ гусляръ заиг
бабъ и дѣвокъ — и пошла пля

Разъ ходили мы съ Тарас
ровать: «за горами горы хмар
дыханіе, волосы у меня подн
ему, чтобъ онъ не слишкомъ
сталъ показывать мнѣ какіе-то
его пріятели, что всѣ они сго
просвѣщенія. Эта работа должн
дый изъ нихъ, сообразно съ сво
какую онъ можетъ внести въ об
ляетъ выборная администрація,
такъ и процентами, а какъ возр
изъ нея выдавать бѣднымъ людям
назическій, не въ состояніи пост
бралъ это

прещаетъ. а завести ихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ—надо склонить помѣщиковъ. Тарасъ прибавилъ, что мысль—какъ-бы по всей Украинѣ завести хорошія школы, родилась у него еще тогда, когда онъ былъ въ Кириловской.

Дума о необразованности нашего народа и о необходимости просвѣтить его давно сидѣла и у меня въ головѣ; слова Тараса меня очень обрадовали, но мнѣ показалось, что, заботясь о народномъ просвѣщеніи, не слѣдовало бы создавать такія вещи, какъ «за горами горы». Тарасъ задумался, долго ходилъ онъ по саду, опустивъ голову, и до самаго вечера я не добился отъ него, кромѣ «ні» или «а вже пакъ такъ». Пришедши вечеромъ въ избу, онъ сѣлъ къ столу и склонился на свою толстую палку (которую кто-то прислалъ ему съ Кавказа). Долго сидѣлъ онъ такъ молча, да ужъ жена моя спросила.

— «Что вы это такой скучный, Тарасъ Григорьевичъ? Или вамъ что-нибудь непріятно?»

— «Нѣтъ, сестра, отвѣтилъ онъ: такъ... Не одно у меня въ головѣ»...

Здѣсь надо прибавить, что Тарасъ имѣлъ необыкновенный даръ слова: начнетъ, бывало, что разсказывать, всѣ его слушаютъ молча, точно какого проповѣдника.

Изъ Кириловки онъ поѣхалъ въ Кіевъ. Братья проводили его до кабака и затащили его выпить на прощанье.

Выпили больше чѣмъ требовалось, и вышло вотъ что: жидъ-шинкарь началъ бранить какого-то крестьянина, Тарасъ не вытерпѣлъ: «Чего глядите, ребята! Растяните жида да и вздуйте». Эти слова, какъ огонь, разожгли парней. Не успѣлъ жидъ глазомъ моргнуть, какъ его разложили, въ одинъ мигъ явились розги, и сѣкли жида до тѣхъ поръ, пока Тарасъ сказалъ: «будетъ». Нечего говорить, что изъ этого жида сдѣлали цѣлый «бунтъ». Пошли доносы, что Шевченко проповѣдуетъ Коліевщину, и для начала, набравъ сто человѣкъ поселянъ, хотѣлъ вырѣзать всѣхъ жидовъ въ Кириловкѣ!... Полиція стала на дыбы, однако кончилось тѣмъ, что Тарасовы братья откупились и заслонили собой тѣхъ, которые принимали участіе въ жидовской поркѣ.

Тарасъ не любилъ разсказывать про свое прошедшее и я, замѣ-

... это Тарасъ: «п
сторожами, а потомъ съ м.
да скокомъ, пробрался въ
сдалъ экзаменъ, такъ натв
вспомнить! Да!.. сдалъ я экз
мятовался только тогда, ко
Прочухавшись, лежу я себѣ
дѣлать? Какъ глядь! хозяйка
горьевичъ! мнѣ больше нечѣмъ
два мѣсяца за квартиру, сто
либо ужь не знаю, что съ вами и
дождать, а самъ задумался, что и
ка—приходятъ приказчики, одив
ми: «пожалуйте, говорятъ, по счет
«счетцы» и говорю: «ладно! оставь
деньги», а себѣ на умѣ: когда-то
Только я это думаю, вдругъ при
ритъ, что думаетъ издать «12 русс
я ему ихъ портреты нарисовалъ.
люди говорятъ—«голенькій охъ! а
лись мы съ Полевымъ, далъ мнѣ о
гами я и выбрался изъ бѣды! да с
рокъ—всякій разъ хозяйкѣ платить
отлично знаю, что у мен...

слухи; одинъ сказывалъ другому, каждый свое, каждый потихоньку; но, надо сказать правду, никто вѣрнаго ничего не зналъ.

Сижу я разъ за работаю въ кириловской конторѣ, слышу звонокъ; смотрю—почтовыя лошади и телѣжка; съ нея слѣзъ какой-то не молодой офицеръ, гусаръ, и пошелъ къ главноуправляющему. Немного погодя, и гусаръ и главноуправляющій пошли въ садъ, а черезъ садъ прямо ко мнѣ во дворъ... тамъ произвели обыскъ... Чего они искали—и до сихъ поръ не знаю, а потомъ уже главноуправляющій сказывалъ, что тотъ гусаръ его сосѣдъ по имѣнію въ Бѣлоруссіи и что отъ него онъ узналъ навѣрное, что Тараса вправду сослали за то, что хотѣлъ сдѣлаться гетманомъ Малороссіи... Надо замѣтить, что и гусаръ и главноуправляющій были оба поляки.

Такъ шло время. Ни я ни Тарасова родня ничего про него не знали; не знали даже, гдѣ-бы намъ о немъ справиться? гдѣ бы адресъ его достать!.. Напрасно! Сойдемся, бывало, покручинимся, скажемъ другъ другу, что ничего не знаемъ, и только. Правда, въ Кіевъ и другіе большіе города я не ѣздилъ, а въ селахъ что и отъ кого узнаешь? Заѣзжала къ намъ «буркова» шляхта и молола всякую всячину, но все что ни говорилось, сводилось на то, что Тарасъ хотѣлъ быть гетманомъ и за то его сослали въ Азію. Были и такіе шляхтичи, что говорили: «еслибъ Шевченкѣ удалось стать гетманомъ, то навѣрно тогда воскресла бы и Польша!»... Такъ-то они знали Шевченка и его мысли и взглядъ на шляхетную Польшу...

Въ 1858 г. я поселился въ Корсуни и мнѣ случалось ѣздить въ Полтавскую губернію; тутъ-то, отъ кое-какихъ господъ, я въ первый разъ узналъ, что Тараса помиловали и вернули изъ ссылки. Господи, какъ я обрадовался!... Но радовался я недолго. Еслибъ это была правда, думалъ я, то навѣрное Тарасъ написалъ бы ко мнѣ. Повидался съ Никитой; передалъ ему, что самъ слышалъ; оба мы и вѣрили, и не вѣрили, и не знали, что дѣлать... какъ вотъ, въ іюнѣ 1859 г., сижу я въ своей избѣ—вижу—проѣхала простая паро-конная телѣга; на телѣгѣ кто-то сидитъ съ большими сѣдыми усами, въ парусинномъ сѣромъ пальто и въ лѣтней шляпѣ; вижу—прошелъ онъ мимо двери моей избы съ улицы—пря-

... опрометью кину...
Мы молчали, да только рыд...
моя жена—и та въ слезы... и...
ли: словъ не было, только сл...
такъ на одномъ мѣстѣ, и ры...
шелъ Тарасовъ извощикъ и ...
Тарасъ остановился у ме...
быть на Украинѣ.
«Да, да, брате», говорилъ ...
потому что на всей святой Укр...
детъ такъ тепло, какъ у тебя...
меня мѣсяца съ два, а можетъ ...
послѣднія гостины и у меня, п...
больше свидѣться живыми... не ...
Живучи у меня, Тарасъ ис...
бенно одиннадцатилѣтняго моег...
идетъ-ли куда—Тарасъ всегда воз...
ему наши пѣсни, которыми Тарас...
вался», и разсказывалъ мальчику, ...
Лѣтней порой, особенно во вре...
дѣть было некогда, надо было от...
работъ, потому съ Тарасомъ ...
тогда ...

суетъ его на бумагу. Кажется, ни однаго уголка въ саду не оставилъ онъ, чтобъ не срисовать въ свой альбомъ. Но поэтическая душа нашего мученика-гусляра любила больше тѣ уголки сада, въ которыхъ человѣческое искусство не замѣняло матери-природы. Ему больше нравились глухіе, густые уголки сада.

Ѣздя со мною по работамъ, Тарасъ всегда старался обратить мое вниманіе на то, чтобъ какъ можно больше заводить машинъ, чтобъ какъ можно меньше дѣлали людскія руки, а больше паръ. При такихъ поѣздкахъ Тарасъ иногда разскажетъ, бывало, кое-что изъ своего тяжкаго житья въ ссылкѣ; но какъ разскажетъ: начнетъ бывало, скажетъ нѣсколько словъ краткихъ, точно рваныхъ. Да и такіе разсказы случались рѣдко: Тарасъ не любилъ трогать свое старое горе! Изъ того, что я отъ него слышалъ, мнѣ извѣстно, что вскорѣ послѣ того, какъ онъ вернулся въ Кіевъ, бывши послѣдній разъ до ссылки у меня, его арестовали, отвезли въ Петербургъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость; тамъ просидѣлъ онъ мѣсяца четыре *) и оттуда его прямо послали за Аралъ солдатомъ. Сидя въ крѣпости, Тарасъ отпустилъ бороду, не брился и съ бородою явился за Аралъ. Разъ ходилъ онъ около Арала и вдругъ встрѣчаетъ казачьяго офицера изъ уральскихъ казаковъ; офицеръ подошелъ къ нему и сталъ просить благословенія, принявъ его за раскольничьяго попа; Тарасъ отказывался, увѣрялъ, что онъ не попъ, но офицеръ сталъ божиться и присягать, что про благословеніе его никто на свѣтѣ не узнаетъ; потомъ вынулъ изъ кошелка 25-рублевую бумажку и суетъ ее въ руку Тарасу, прося принять на молитвы. Тарасъ не взялъ деньги и не далъ благословенія. Однако офицеръ этимъ не удовлетворился и не повѣрилъ, что Тарасъ не попъ, сосланный за Аралъ правительствомъ. Это происшествіе заставило Тараса поскорѣе сбрить свою бороду.

Черезъ нѣкоторое время прибыла туда экспедиція, снаряженная правительствомъ для описанія Аральскаго моря. Начальникъ экспедиціи, капитанъ Бутаковъ, выпросилъ у Тарасова начальства, чтобъ его отпустили съ нимъ. Начальство долго не разрѣшало, а потомъ отпустило. Тарасъ вспоминалъ всегда Бутакова, какъ человѣка об-

---

*) Это невѣрно. Шевченко былъ сосланъ тотчасъ послѣ производства надъ нимъ слѣдствія. *Д. М.*

... казалъ мнѣ одинъ та
встрѣчаю офицера, надо п
снялъ шапку не той рук
меня, раба божьяго, подъ

Я не знаю человѣка,
больше Тараса. Вотъ, быв
съ работы домой, Тарасъ
давай пѣть. А пѣвцы мы бы
чувствомъ: каждое слово пѣсн
нимъ, чистымъ чувствомъ, чт
зилъ бы лучше Тараса. Люби
зійди, зоренька вечірня»... Ок
чиналъ другую: «зійшла зоря
милый изъ похода, я й не над

Записывая эти воспоминані
слышу, какъ Тарасъ, при лунѣ,
голосѣ его звучитъ чувство, к
вижу, какъ иногда, подъ конец
на длиные усы катятся слезы.

Ссылка и солдатство за Арал
нѣжнаго, добраго, мягкаго, любя
жить семьяниномъ и, глядя на мое
добитъ ли меня Господь завести
дѣтишекъ?» Част...

нашли такое мѣсто и—право чудно!—надъ самымъ Днѣпромъ, съ маленькимъ лѣсомъ. Эта земелька, десятины въ двѣ, принадлежала къ владѣніямъ пана Парчевскаго.

Стали мы ладиться съ этимъ помѣщикомъ; онъ ни то, ни се: радъ бы и продать, и видно, что что-то мѣшаетъ или просто хочетъ поводить. Въ ту пору Тарасъ простился съ Украиною и поѣхалъ въ Петербургъ, поручивши мнѣ купить землю у Парчевскаго или гдѣ въ другомъ мѣстѣ и построить ему избу. Съ тѣхъ поръ и началась наша переписка. Всѣ письма Тараса я переслалъ вамъ; онѣ напечатаны и не многое нужно къ нимъ прибавить.

Въ послѣдній разъ, снаряжая Тараса въ Петербургъ, я проводилъ его до Межирѣчья, а онъ всю дорогу твердилъ: «не медли-жъ, братъ, съ землей; кончай скорѣй съ Парчевскимъ, да строй избу такъ, чтобъ намъ вмѣстѣ поселиться доживать вѣкъ». Въ Межирѣчьи Тарасъ не миновалъ-таки бѣды. Польскіе панки устроили полеванье и зазвали къ себѣ Тараса. Это было лѣтомъ 1859 года. Погода стояла чудная. Тарасъ хоть и не любилъ охоты, но любилъ повеселиться въ обществѣ. Въ веселой компаніи пошла и рѣчь веселая. Стали говорить про монаховъ; Тарасъ не любилъ врать, говорилъ, что думалъ, и высказалъ свой взглядъ на нихъ. Въ то время, будто нечаянно, былъ въ Межирѣчьи жандармскій офицеръ: поляки тотчасъ подослали къ нему жида съ доносомъ, что Шевченко богохульствуетъ. Позвали его къ жандарму.

— «Про васъ тутъ говорятъ, что вы богохульствуете», сказалъ онъ.

— «Можетъ, говорятъ, — отвѣчалъ Тарасъ — про меня можно плести всякія небылицы, потому что я уже патентованный; вотъ про васъ такъ навѣрно ничего не скажутъ».

И опять повезли Тараса, сперва въ Черкасы, а потомъ въ Кіевъ. Въ Кіевѣ губернаторомъ былъ въ ту пору князь Васильчиковъ; онъ разспросилъ у Тараса всѣ подробности «богохульства», посовѣтовалъ ему скорѣе ѣхать въ Петербургъ, «гдѣ люди развитые и не придираются къ мелочамъ изъ желанія выслужиться на счетъ своего ближняго».

Мысль о женитьбѣ и поселеніи на Украинѣ глубоко засѣла въ голову Тарасу. «Жени меня, братикъ», писалъ онъ ко мнѣ: «по-

..., купить ничего не прив...
нымъ препятствіемъ было:
Такъ все и спрашивали до
пришлось добыть землю... п...
Не пришлось ему и жени...
Получая отъ него письм...
я сначала заподозрилъ, не ...
семьѣ гувернантка Н. Ш., к...
риту!! Эту Хариту жена моя
питала ее. Во время пріѣзда
рита была какъ разъ въ само...
была хороша; но въ ней было
теръ, нѣжное и доброе сердце
были ея красотою. «Узнай, бра...
рита полотенцевъ?» писалъ мнѣ
ною и исполнилъ его волю: сп...
за Тараса?—«Что это вы приду...
саго...» отвѣчала мнѣ Харита.
чтобы не огорчить Тараса, напи...
потому что она необразованная; ...
воспитаетъ и чѣмъ—духовно, кро...
съ мужемъ? Тарасъ ...

тилась? За Араломъ, въ степяхъ, на строевомъ ученьи, подъ солдатскимъ ружьемъ! Напомнить мученику его муки, его ссылку, поднять въ душѣ его тѣ тяжкія думы, которыя и безъ того не давали ему покоя!... Нѣтъ! у меня духу не хватило на это... Уговорить Хариту—значило морально приневолить ее. Конечно, и я, и жена могли бы это сдѣлать, и выдать ее «за такого стараго, лысаго, съ сѣдыми усами»; но чтожъ бы изъ этого вышло? Не сдѣлали-ли-бы мы ее несчастною? Не плакалась-ли-бы она потомъ на насъ?...

Очутившись въ такомъ неловкомъ положеніи, находясь между «двухъ огней», я долго боролся, не зная, что дѣлать. «Наложить ли руку» на сердце Хариты и уговорить ее, или солгать Тарасу? Я выбралъ послѣднее и написалъ Тарасу, что Харита стала груба, упряма и зла. А между тѣмъ и сама судьба шла ему наперекоръ: къ Харитѣ присватался молодой, красивый и хорошій парень; Харита, давно его любившая, тотчасъ подала рушники; я написалъ объ этомъ Тарасу и думалъ, что онъ успокоится. Но вскорѣ онъ выкопалъ себѣ еще какую-то Лукерью, завезенную кѣмъ-то изъ Украины въ Петербургъ, чуть ли, помнится, не Маркомъ Вовчкомъ. Почему же онъ не повѣнчался съ этой Лукерьей, я ужъ не знаю: Тарасъ подробностей не писалъ. Все же мысль о землѣ и хатѣ его не оставляла и я надѣялся, что къ веснѣ 1861 года Тарасъ пріѣдетъ въ Украину, въ свою усадебку... И вправду пріѣхалъ онъ, пріѣхалъ къ веснѣ, но какъ пріѣхалъ—въ гробу!... а онъ...

«Такъ мало, не багато
Благавъ у Бога! тільки хату,
Одну хатиночку въ гаю,
Та дві тополі біля неі»...

Что же мнѣ еще о немъ вспомнить? О томъ, какъ мы встрѣчали его въ Кіевѣ, какъ хоронили, какіе случаи были при похоронахъ, при покупкѣ земли на могилу и послѣ похоронъ—про все это припомню въ другой разъ. А вспомнить надо, хоть тяжко вспоминать!... Теперь же вспомню вотъ что: разъ, при поѣздкѣ въ Кириловку, Тараса пригласилъ къ себѣ старый священникъ, который зналъ его еще, когда онъ былъ ученикомъ кириловской

— Да, видалъ, отвѣчал
бабушка, какъ онъ глупъ!
— Что это вы, батюшка
лялась старуха.
— Святая истина! я на
чтобъ Шевченкѣ было весел
ковать, а онъ себѣ съ стары
про оборванцевъ—вотъ про
ныхъ (Смалько былъ товарище
ковнымъ сторожемъ). Да еще
Смалька и какъ тотъ пришел
— Чудно что-то вы говор
съ нами Тарасъ никогда не м
говорить съ вами...
Попъ закусилъ губы и умол
Изъ родныхъ своихъ братье
любилъ сестру (теперь уже пок
самъ онъ мнѣ сказывалъ.
Бывши еще мальчикомъ лѣт
«гдѣ конецъ свѣту, гдѣ небо ...

Подиновку, онъ взялъ влѣво, перешелъ черезъ лѣсокъ и вышелъ на чумацкую дорогу. Тутъ ему захотѣлось и ѣсть и пить; и усталъ онъ ужъ очень сильно, а «конецъ свѣту» все-таки былъ еще далеко. Отдохнувъ немного, пошелъ онъ дальше; вдругъ на встрѣчу ему ѣдетъ обозъ чумаковъ. Чумаки, видя, что такой порой (солнце уже заходило) маленькій ребенокъ бродитъ подъ лѣсомъ, остановили Тараса и спросили:

— Ты чей, мальчуганъ?

— Тятькинъ и мамкинъ.

— Отколѣ идешь?

Тарасъ показалъ рукою на одну сторону.

— Куда же ты идешь?

Онъ показалъ на другую сторону, сказавъ: туда.

— Зачѣмъ же ты туда идешь?

— Хочу посмотрѣть, гдѣ конецъ свѣту, отвѣчалъ Тарасъ и попросилъ у чумаковъ воды напиться. Чумаки дали ему воды и хлѣба и боясь, чтобъ ночью не напалъ на ребенка какой звѣрь, взяли его, посадили на возъ, дали ему въ руки кнутъ и повезли. На счастье, они ѣхали черезъ Кириловку.

Въѣхавъ туда, Тарасъ узналъ свое село и сказалъ:

— Нну!! такъ я опять воротился назадъ!... Эва! такъ и недошелъ до конца свѣта!

Воротясь домой, Тарасъ засталъ, что братья и сестры (матери уже не было) пороли горячку, ища его. Старшій братъ хотѣлъ его за это побить; но сестра Арина вступилась за него, не дала бить и посадила ужинать галушками. Не успѣлъ онъ съѣсть и одной галушки, какъ сонъ одолѣлъ его и онъ свалился; сестра взяла его на руки, положила на постель, перекрестила и промолвила, цѣлуя его: «спи, бродяга». Этотъ случай Тарасъ завсегда вспоминалъ съ любовью.

Въ заключеніе скажу, что Тарасъ родился не въ Кириловкѣ, какъ доселѣ думали и какъ думалъ онъ самъ, а въ селѣ Маринцахъ, верстъ восемь отъ Кириловки; тамъ и въ метрики записанъ; въ Кириловку же семейство его было переселено тогда, когда ему шелъ еще 3-й годъ; поэтому, можетъ быть, онъ и полагалъ, что родился въ Кириловкѣ.

1875.

Объ историческомъ значеніи
стова. Воронежъ. 1875.

Къ числу драгоцѣннѣйши
русская историческая наука
ка на Западѣ, безспорно при
народъ самъ становится истор
sine ira et studio, завѣщая п
ный приговоръ надъ добрыми
ческихъ предковъ и распоряди
и всенародную оцѣнку свѣтль
исторической жизни: и если эт
выводами прагматической исто
это все-таки нисколько не умен
ріи, въ сопоставленіи съ ист
созданная имъ, по малой мѣрѣ,
родомъ, сколько бы она ни п
Карамзинымъ, Соловьевымъ, К
нымъ, Иловайскимъ и другими.
передъ этою ...

Г. Аристовъ задался счастливою мыслью—ввести въ исторію богатый элементъ народнаго историческаго міровоззрѣнія, хотя и ограничиваетъ свою попытку разсмотрѣніемъ историческаго значенія русской разбойничьей пѣсни, на томъ основаніи, что пѣсня, преимущественно предъ другими произведеніями народнаго творчества, держится исторической почвы, и если въ содержаніе пѣсни входитъ элементъ идеальнаго, то во всякомъ случаѣ реальная основа въ ней прочнѣе фантастической. Пѣсня — справедливо замѣчаетъ авторъ—строго держится бытовой жизни и творческая фантазія народа не заносится слишкомъ далеко въ идеальныя сферы, чтобы забывать о земной обстановкѣ воспѣваемыхъ героевъ, тогда какъ преданія народа, хотя бы о тѣхъ-же разбойникахъ, заключаютъ въ себѣ значительно меньше историческаго элемента. Такъ, по преданіямъ, Разинъ или Пугачовъ живутъ доселѣ, живутъ въ пещерахъ и считаютъ грудами золото. Кудеяръ разгуливаетъ въ подземномъ саду около несмѣтныхъ кладовъ. Разбойничьи атаманы—вмѣсто лодки разстилаютъ на поверхности Волги кошму и плаваютъ по водамъ; пули отъ нихъ отскакиваютъ; кони ихъ летаютъ, какъ птицы крылатыя. Въ пѣснѣ—почти нѣтъ этого волшебства, нѣтъ миѳа, а по преимуществу прагматическій матеріалъ для исторіи. Оттого самъ народъ говоритъ: «сказка—складка, пѣсня—быль», или—«изъ пѣсни слова не выкинешь».

Нельзя, однако, не замѣтить, что исполненіе задачи, которою задался авторъ, не вполнѣ отвѣчаетъ ея ширинѣ и важности: можно сказать, что своимъ изслѣдованіемъ г. Аристовъ поставилъ только, если можно такъ выразиться, геодезическія вѣхи для изслѣдованія исторической области, столь богатой и столь мало извѣстной. Но и это—уже историческая заслуга автора: если обстоятельное знакомство съ современною Россіею немыслимо безъ знанія основъ народнаго быта, нравственнаго и экономическаго развитія народа и, такъ сказать, всей суммы проявленія его бытія и дѣятельности во всѣхъ сферахъ жизни, то еще менѣе мыслима русская исторія безъ народа, исторія, игнорирующая этотъ народъ и его коллективную историческую эпопею. Съ этой стороны нельзя не отнестись сочувственно къ попыткамъ нѣкоторыхъ русскихъ историковъ освѣтить остовъ прагматической исторіи свѣтомъ на-

...щенъ историческом
родные герои, а Карлъ XII.
которыхъ поютъ народныя с

Трудъ г. Аристова разбив
дѣлѣ заключается краткое р
творчества изъ разбойничьяго
второй половины XVII вѣка. I
щему циклу вплоть до конца
творчествѣ эпическая форма пр
вращается въ современное ос
посвященъ разсмотрѣнію быто
бойничьей пѣсни, какъ матеріа
и всего строя разбойничьей жиз

Вотъ фактическій остовъ пер
о разбояхъ на Руси (при Влади
Нестора; разбои областные, особе
дей на Балтійскомъ морѣ; разбои
родскіе «сбойчатые люди» и «ушк
бойника—Васька Буслаевъ; борьба
никами; появленіе казаковъ, собств
дружиной и завоеваніе Сибири; а
разбой во время лихолѣтья; разбо
Гришка М...

бойниковъ; Пугачевъ; воръ Гаврюшка; измельчаніе «понизовой вольницы» и ея представителей.

Третій отдѣлъ труда г. Аристова, представляющій, сравнительно, большій интересъ по полнотѣ и систематичности изложенія, разсматриваетъ историческія бытовыя черты разбойничьей пѣсни, мѣстности, гдѣ особенно благопріятна была почва для разбойничьихъ подвиговъ—украинскія степи, «шуровскій шляхъ», Воронежъ, степи саратовскія, Донъ, Азовское море, Волга съ ея притоками — Сурой и Камышинкой, Жигулевскія горы, Бузанъ, Хвалынское море и балтійское поморье; причины побужденія—тягости народной жизни, давленіе слабыхъ сильными, семейныя и общественныя невзгоды, солдатчина, крѣпостничество, непомѣрная тягость бурлачества, бѣдность, воспитанная самою исторіею безшабашность и историческая деморализація всѣхъ слоевъ общества: личности, преслѣдуемыя разбойниками—помѣщики, воеводы, губернаторы, управляющіе помѣстьями и бурмистры, приказные, судьи, сборщики податей, крестьяне — міроѣды, купцы и торговые люди; обстановку разбойничьей жизни — крайности и треволненія быта разбойниковъ, жилье и пища, кровати и постели, столы и скамьи, оружіе, игры, платье и наряды, ѣзда сухопутная, лодки и корабли, кабакъ и пьянство; внутренній складъ разбойничьихъ шаекъ—артельное начало, выборы атамана, «дуванъ» или дѣлежъ добычи, распоряженія атамана; свойства и характеръ—отвага, чародѣйство и заговоры, внѣшняя религіозность, женщины въ разбойничьихъ шайкахъ, ихъ роль и значеніе, жестокости разбойниковъ, отношенія къ острогу и къ начальству; наконецъ, послѣдніе дни воровской жизни — чорныя думы и зловѣщіе сны, самосудная расправа народа съ ворами, преслѣдованіе разбойниковъ командами, «высылками», взятіе подъ стражу, пѣсни острожныя, тюремное житье, воспоминанія о волѣ, надежда на свободу, наказанія и казни, ссылка въ Сибирь и побѣги, смерть разбойника и завѣщаніе.

Главнымъ мотивомъ разбойничества, помимо естественнаго смѣшенія понятій войны и разбоя, мотивомъ, проходящимъ черезъ всю русскую исторію, можно признать тотъ, который слышится въ укорѣ одного изъ древнихъ проповѣдниковъ, обращенномъ къ лицу боярина: «Аще ли ни кормите, ни обуваете, а холопа твоего

или робу убьютъ у татьбы, то за кровь его тебѣ отвѣщати». Смѣшеніе же понятій войны и разбоя слышится въ словахъ Владиміра Мономаха о взятіи Минска: «изъѣхахомъ городъ и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины»—все помели не хуже понизовой вольницы. И ни воровство, ни разбой, повидимому, не считались предосудительными, потому что даже о такомъ степенномъ богатырѣ, какъ Добрыня Никитичъ, народная былина говоритъ, что онъ—

Три года приторговывалъ,
Три года приворовывалъ.

Съ XV вѣка, когда Москва стала налагать свою тяжелую руку на областную индивидуальность и на свободу окраинъ, на этихъ окраинахъ начинаетъ выдѣляться самостоятельный типъ разбойника—казака, который, какъ не взнузданная лошадь, бродитъ по степямъ и питается добычею, пока нужда не загонитъ его въ тѣсную и душную конюшню. Украйные казаки, которымъ часто придавали эпитетъ «воровскихъ», грабили друга и недруга. Такимъ «удалымъ молодцемъ» былъ и Ермакъ, который съсвоими товарищами покорилъ Сибирь и отдалъ ее во владѣніе московскому царству, «доколѣ міръ стоитъ».

Но самая страшная пора настала для Руси въ то время, когда русскій народъ почувствовалъ нестерпимое давленіе бояръ и вотчинниковъ, когда у него отнята была даже свобода передвиженія. Боярскіе холопы массами повалили въ привольныя степи и въ лѣса, часто соединялись съ казаками и оттуда дѣлали походы противъ своихъ притѣснителей, мучили ихъ, убивали, грабили пожитки, а чего не могли захватить съ собою, то жгли огнемъ—«пускали краснаго пѣтуха», распѣвая про жестокаго боярина:

У него казна не трудовая,
У него казна праховая,
У него казна слезовая,
У него ли съ кроволитья нажитая.

Желаніе вырваться на свободу, неразлучно связанное съ борьбою противъ притѣснителей и съ открытымъ разбоемъ, охватило въ XVII вѣкѣ всю русскую землю: «вольница» стала синонимомъ

разбойника. Въ ряды вольницы шли не только казаки, бродячіе люди и бѣглые холопы, но и бѣдные дѣти боярскіе, приказные люди и черноризцы, какъ повѣствуетъ пѣсня молодецкая:

При старцѣ Макарьѣ Захарьевичѣ
Было беззаконство великое:
Старицы по кельямъ—родильницы,
Старцы—по дорогамъ разбойницы...

Ясно, что не распущенность нравовъ, не деморализація народная, а тяжелый гнетъ, подъ которымъ люди и физически и нравственно задыхались, выгонялъ русскій народъ въ «поле незнаемое», на «широкое раздолье». Не даромъ у русскаго народа явилось такое безотрадное произведеніе, какъ «Горе-злосчастіе», которое всѣмъ и каждому напѣвало въ уши:

Тебѣ отъ горя не уйтить будетъ,
Горя горькаго вѣчно не смыкати!

Оно же, это безжалостное горе, издѣвалось надъ русскимъ человѣкомъ, надъ босымъ, голымъ, голоднымъ, показывая ему неизбѣжный конецъ босоты и наготы: «нагому-босому шумитъ разбой!» Вообще, скверно жилось, и жизнь дѣйствительно цѣнилась въ копѣйку.

«Противъ этой-то незавидной доли—справедливо говоритъ г. Аристовъ — бушевали смѣлые люди, хотѣли побороть ее, во имя свободныхъ правъ. Казаки, разсѣявшись по всѣмъ областямъ Россіи, дѣйствовали зажигательно этимъ именемъ свободы, такъ что послѣ междуцарствія бѣжала въ ихъ ряды отъ рабства едва-ли не третья часть крѣпостныхъ. Кровавые протесты народа не давали покоя правительству, забравшему въ свои руки страшную силу и власть, заставляли дѣятелей государственныхъ извертываться на всѣ лады, для усмиренія безпокойной вольницы, жестоко заявлявшей свои желанія и вынуждавшей къ уступкамъ. Тутъ бояре не могли спать спокойно и образовать изъ себя аристократію или шляхетство, къ чему они стремились въ XVII столѣтіи; а глава правительства не въ силахъ былъ оставаться одностороннимъ рабомъ барства и помыкать народомъ, какъ польскими хлопами, меж-

ду которыми не было никакого движенія противъ угнетателей болѣе 500 лѣтъ. Живучая сила народа русскаго давала себя знать при всякомъ удобномъ случаѣ и не довела его до позорнаго холопства; говоря короче—одна крайность крутой неподатливой власти вызывала другую крайность со стороны сдавленной народной силы, стремившейся къ лучшему устройству своего житья-бытья. Тоже казачество, которое содѣйствовало разложенію Рѣчи Посполитой, принесло громадную пользу русскому государству, какъ болѣе терпимому къ народнымъ массамъ и болѣе близкому по воззрѣніямъ и быту къ украинскимъ вольнымъ людямъ. Здѣсь-то кроется причина, почему русскій народъ, не смотря на разоренія отъ разбойниковъ и казаковъ, съ такимъ одушевленіемъ и сочувствіемъ воспѣваетъ доселѣ заслуги этихъ передовыхъ бойцовъ за свободныя права низкихъ и темныхъ людей». (Объ истор. знач. русск. разб. пѣс., 37—38).

Этимъ строемъ общественной жизни вызвано было появленіе Разина и Пугачова. Циклъ Разинскихъ пѣсенъ особенно богатъ. О Пугачовѣ-же въ народѣ ходитъ очень мало пѣсенъ, можетъ быть потому, что имя Пугачова слишкомъ долго было именемъ запретнымъ и даже оффиціальныя бумаги старались замѣнять страшное имя разными перифразами, въ родѣ «оный злодѣй», «чудовище»' «извергъ» и т. п. За то Пугачовщина создала цѣлый циклъ разсказовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ богатый историческій матеріалъ. Къ числу пѣсенъ о Пугачовѣ причисляютъ (въ томъ числѣ и г. Аристовъ) извѣстную украинско-запорожскую пѣсню:

Ой, сивъ пугачъ на могили,
Та й крикнувъ вінъ—«пугу!»
Чи не дасть Бигъ козаченькамъ
Хочъ теперъ потугу?

Но едва-ли это справедливо. Слово «пугачъ» употребляется здѣсь, вѣроятно, въ прямомъ смыслѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ духу украинскихъ пѣсенъ: «Ой, летила зозуленька» и т. п. При томъ-же «пугачъ»-птица играла очень важную роль въ жизни запорожца: крикъ «пугача»—«пугу! пугу!» былъ запорожскимъ лозунгомъ. Обыкновенно запорожцы, встрѣчаясь въ лѣсу, въ степи, и желая

удостовѣриться, не съ врагомъ-ли встрѣчаются, подражали крику филина («пугача»): «пугу! пугу!» Если на этотъ крикъ получалось въ отвѣтъ—«козакъ зъ лугу»—то это означало, то пришедшій былъ свой человѣкъ.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что г. Аристовъ едва ли имѣлъ право, говоря объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ, обойти молчаніемъ всю богатую область украинской народной поэзіи. Хотя въ Малороссіи историческія условія жизни сложились не совершенно такъ, какъ въ Великой Россіи, и тамъ нѣтъ собственно разбойничьихъ пѣсенъ въ великорусскомъ значеніи этого слова,—однако, привлечь къ сравненію гайдамацкія и нѣкоторыя казацкія пѣсни непремѣнно слѣдовало бы для большаго освѣщенія избраннаго авторомъ предмета.

Вообще, во всякомъ изслѣдованіи, сравнительный методъ—дѣло не лишнее; а забыть, въ данномъ случаѣ, всю украинскую поэзію—это ужъ совершенно непростительно. Даже отсутствіе у малоросса поэтическаго представленія объ «удаломъ добромъ молодцѣ» и замѣна его «казакомъ» или «гайдамакомъ» говорятъ о весьма глубокихъ историческихъ причинахъ, превратившихъ «москаля» въ понизоваго удалого добраго молодца, преслѣдуемаго правительствомъ, а украинца—въ запорожца, который самъ былъ правительство, или самъ создавалъ себѣ таковое. Дѣйствительно, историческія условія жизни въ странахъ, лежавшихъ внѣ московскаго боярскаго вліянія, сложились такъ своеобразно, что, напр., въ австрійской Буковинѣ, составляющей территоріальное и этнографическое продолженіе Малороссіи, совсѣмъ нѣтъ того, что мы называемъ «разбойничьими» пѣснями. Такъ, въ обширномъ и обстоятельномъ сборникѣ буковинскихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Купчанко, мы находимъ только два упоминанія о ворахъ и разбойникахъ. Въ одномъ мѣстѣ пастухи (овчары) жалуются на воровъ и грозятъ имъ висѣлицей («шибеница», «шебениця»):

—Гей, вівчарю, золотарю!
Покинь вівці пасти.
—Не покину, хоть загину,—
Навчи мене красти:

Въ другомъ мѣстѣ му
«лихого пана», что служба
спасеніе—бѣжать и идти в
Великой Россіи):

Ой тужу я, т
Бо в лихого п
Та шче буду
Бо шче мало р
Посилає під ліс
На могилу, на
Сидить павун н
Спустив пірье п
Я то пірье позбі
Дай ми, Боже, ш
Я га·аю мандрув
Жаль ми роду пої
Не так роду, як м
Гудувала з дитино
Гудувала, леліяла,
Потіхи се надіяла.

— «Чужа праця — не водиця,
Проливати не годится» *).

Здѣсь и характеръ пѣсни совсѣмъ не тотъ, что въ Великой Россіи, и взглядъ на разбой—совершенно своеобразный. Нашъ удалой добрый молодецъ никогда-бы не сказалъ, подобно буковинцу: «чужая работа—не вода: проливать ее не годится».

Въ заключеніе позволяемъ себѣ сдѣлать два замѣчанія г. Аристову. Говоря о воровскимъ пѣсняхъ самаго послѣдняго цикла (второй половины XVIII вѣка), авторъ оспариваетъ одно наше предположеніе относительно пѣсни о ворѣ Гаврюшкѣ. «Вотъ въ саратовской пѣснѣ играетъ роль воръ Гаврюшка; трудно даже предположить, что̀ онъ за личность. Г. Мордовцевъ думаетъ, что это атаманъ волжскихъ разбойниковъ Гаврила Буковъ, который зимовалъ на Медвѣдицѣ въ 1775 году и въ январѣ слѣдующаго года бѣжалъ изъ Ново-Хоперской крѣпости (Понизовая вольница, II, 150). Но съ такимъ же правомъ эту пѣсню можно отнести и къ бѣглому солдату Гаврилѣ Кремневу, который выдавалъ себя за Петра III въ 1766 году въ воронежской губерніи» (стр. 89). Едва-ли это такъ. Ближайшее знакомство съ исторіею русскихъ самозванцевъ убѣждаетъ, что народъ въ своемъ представленіи никогда не смѣшивалъ ихъ съ разбойниками—да оно и понятно, всѣ самозванцы, которыхъ мы знаемъ, дѣйствительно старались разыгрывать роль царей, хотя и не совсѣмъ удачно, но никогда—роль разбойниковъ. А между тѣмъ, воръ Гаврюшка въ пѣснѣ является чистѣйшимъ типомъ атамана добрыхъ молодцовъ. Вотъ что говоритъ объ немъ пѣсня:

Ты, долина моя, долинушка, раздолье широкое,
Ничего на тебѣ, моя долинушка, не уродилось;
Уродился на тебѣ, долина, только садикъ зеленъ;
Мимо садика, мимо зелена лежала дороженька,
Никто по той дороженькѣ нейдетъ, не проѣдетъ,
Проѣзжаетъ же по той дороженькѣ одинъ воръ Гаврюшка,
Онъ на трехъ на своихъ троичкахъ разношерстныхъ:

*) Пѣсни буковинскаго народа, собр. Гр. И. Купчанко. (Зап. юго-запад. отд. рус. геогр. общ., т. II, Кіевъ, 1875, стр. 547, 555).

воръ Гаврюш
Онъ атласу и бархату зак
Никто то вора Гаврюшу н
Что за купчика Гаврюшен
Случилось идти вору Гаврю
Признавала вора Гаврюшку
«Ужъ ты, батюшка Гаврюш
Ужъ ты выпусти насъ всѣх
На ту же на волюшку—на
— Ужъ вы, братцы мои тов
За мной гонятъ же Гаврюшен
Первой-то я погонюшки не бо
Второй-то я погонюшкѣ не по
Третьей-то я погонюшкѣ—по

Развѣ это похоже на самозванца?

Второе замѣчаніе мы позволяемъ сору вслѣдствіе того, что онъ, повиди мами современнаго народнаго творчес описаніи въ пѣсняхъ казней разбойнико что въ новѣйшее время

основаніе для доказательства, что она вовсе не сочинена Гусевымъ, а составлена изъ трехъ пѣсенъ» и т. д. (стр. 160). Во-первыхъ, пѣсню, о которой говоритъ г. Аристовъ, не мы выдаемъ за сочиненіе Гусева, а сами острожники, которыми она и записана въ острогѣ подъ именемъ гусевской. Во-вторыхъ, мѣстныя подробности, приводимыя въ пѣснѣ, убѣждаютъ г. Аристова, что «начало ея, дѣйствительно, можно считать сочиненіемъ Гусева». Въ-третьихъ, г. Аристову, кажется, неизвѣстно, что тамъ, гдѣ народное творчество еще не изсякло, какъ напр. у южныхъ славянъ, народные пѣвцы, наигрывая «уз гусле», сочиняютъ новыя пѣсни, тотчасъ послѣ какого-либо событія, и обыкновенно берутъ, въ началѣ пѣсни, за образецъ старинные мотивы и стихи, и къ нимъ уже прилаживаютъ дальнѣйшее содержаніе вновь сочиняемой пѣсни. Такъ, сербскіе гусляры, сочиняя новую пѣсню, очень часто прибѣгаютъ къ общеизвѣстной пѣсенной прелюдіи:

Мили Боже, чуда големога!
Или грми, ил' се земља тресе?
Ил' удара море у брегове?
Нити' грми, нит' се земља тресе,
Нит' удара море у брегове и т. д.

А потомъ уже идетъ разсказъ о самомъ событіи. Это не доказываетъ, что гуслярь «составляетъ» свою пѣсню изъ другихъ пѣсенъ, «искажаетъ» ихъ и «комкаетъ въ одну пѣсню» (Аристовъ, 160). Нѣтъ, онъ создаетъ свою пѣсню на основаніи неизмѣнныхъ эпическихъ пріемовъ народнаго творчества. Вѣроятно, это обстоятельство неизвѣстно г. профессору. Требованія эпическаго творчества таковы, что если теперь сербскіе гусляры захотятъ (и безъ сомнѣнія, это будетъ) прославить подвиги нашего Черняева въ борьбѣ за свободу славянства, то очень можетъ быть, что они будутъ начинать свои пѣсни такъ, какъ начинали пѣть о Маркѣ Кралевичѣ, или-же запоютъ:

Мили Боже, чуда големога!
Или грми, ил' се земља тресе?..

Это не будетъ значить, однако, что сербскіе гусляры «исказили»

Памяти императора Александра Перваго.

1777—1877. Черты и анекдоты изъ жизни императора Александра Перваго. Спб. 1877.

Титулъ настоящей книги выражаетъ и задачу ея, и содержаніе. Въ ней собрано по возможности все, что могло бы способствовать обновленію исторической «памяти» о государѣ, въ теченіе четверти столѣтія управлявшаго судьбами Россіи и руководствовавшагося въ исполненіи этого труднаго и многоотвѣтственнаго дѣла принципами, въ силу которыхъ историческій синодикъ съ именемъ этого государя долженъ соединить «память—добрую» по преимуществу.

Анекдотическая основа, на которой главнымъ образомъ построено все настоящее изданіе, и которой прагматическая исторія отводитъ второстепенное мѣсто въ пакгаузѣ, такъ-сказать, историческаго имущества, какъ историческому аксессуару, — въ данномъ случаѣ имѣетъ за собою рѣшающій голосъ, да и вообще положительная сила историческаго анекдота, въ его приложеніи, оказывается осязательною болѣе, чѣмъ это признается за нею. Сила историческаго анекдота имѣетъ воспитательное значеніе, а по своей рельефности, осязаемости и неудобостираемости, анекдотъ нерѣдко становится, конечно до извѣстной степени, яркимъ историческимъ лучомъ, освѣщающимъ цѣлую историческую картину. Изумительная живучесть, можно сказать, въ міровой памяти историческихъ именъ Греціи и Рима главнымъ образомъ можетъ быть объясняема анекдотическимъ цементомъ, залитымъ въ фунда-

Аристидъ справедливый, Титъ милост
вый повѣса, косноязычный Демосѳенъ,
опрятный Діогенъ съ фонаремъ, плѣш
вѣнкомъ на лысинѣ, казнокрадъ Верр
міровомъ воспоминаніи въ силу, главн
сти анекдотической обстановки, съ кот
память объ этихъ именахъ.

Въ разсматриваемой нами книгѣ мы
останавливаться на анекдотической ея
кимъ образомъ пришлось-бы исчерпать
жемъ только на нѣкоторыя черты хара
сандра I, освѣщающія его, какъ человѣ
теля, самымъ симпатичнымъ свѣтомъ.

Таковы отношенія его къ своему в
этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего анек
здѣсь свидѣтелемъ исторической правды
ляется неопровержимый историческій
Александра къ Лагарпу. Одно изъ них
еще почти юношей, въ моментъ разлуки
потому обнаруживаетъ всю горячность ч
отъ котораго отрываютъ дорогое сущест
другъ! (пишетъ онъ). Чего мнѣ стоитъ

всѣхъ вашихъ о ней попеченій. Еще разъ, мой дорогой, мой другъ, мой благодѣтель!» Не всякому учителю выпадаетъ на долю внушить такую любовь къ себѣ въ своемъ ученикѣ. Если это говоритъ въ пользу учителя, то не менѣе того и въ пользу той почвы, въ которую онъ бросалъ доброе сѣмя. На камнѣ или не согрѣтое тепломъ оно бы и не взошло. Письмо это принадлежитъ къ тому времени (1794 г.), когда Александръ былъ еще великимъ княземъ.

Но вотъ онъ уже и императоръ, самодержавный властелинъ величайшей въ мірѣ страны. А между тѣмъ вотъ онъ что пишетъ, по полученіи отъ Лагарпа поздравленія съ восшествіемъ на престолъ: «Первою минутою истиннаго для меня удовольствія, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ во главѣ несчастной моей страны, была та, когда я получилъ письмо ваше, любезный и истинный другъ. Не могу выразить вамъ всего, что я чувствовалъ, особенно видя, что вы сохраняете ко мнѣ тѣ-же чувства, столь дорогія моему сердцу, и которыхъ ни отсутствіе, ни перерывъ сношеній не могли измѣнить. Вѣрьте, любезный другъ, что ничто въ мірѣ не могло поколебать моей неизмѣнной привязанности къ вамъ и всей моей признательности за ваши заботы обо мнѣ, за позназнія, которыми я вамъ обязанъ, за тѣ принципы, которые вы мнѣ внушили и въ истинѣ которыхъ я имѣлъ столь часто случай убѣдиться. Не въ моей власти оцѣнить все, что вы для меня сдѣлали, и никогда я не буду въ состояніи заплатить за этотъ священный долгъ». Далѣе высказывается еще большая горячность признательности къ честному руководителю: «Буду стараться сдѣлаться достойнымъ имени вашего воспитанника и всю жизнь буду этимъ гордиться. Я не переставалъ думать о васъ и о проведенныхъ съ вами минутахъ. Мнѣ было-бы отрадно надѣяться, что онѣ могутъ придти вновь, и я былъ-бы весьма счастливъ, еслибъ это исполнилось. Въ этомъ отношеніи я совершенно полагаюсь на васъ и на домашнія ваши обстоятельства, потому что нѣтъ никакихъ другихъ, которыя могли-бы этому препятствовать. Объ одной милости прошу васъ—писать ко мнѣ отъ времени до времени и давать мнѣ ваши совѣты, которые будутъ мнѣ столь полезны на такомъ постѣ, какъ мой, и который я рѣшился принять только въ надеждѣ

ходишь изъ заблужденія, но, можетъ,
но. Вотъ, любезный другъ, почему пр
знаніи людей другъ есть величайшее с
позволяютъ мнѣ писать вамъ больше.
болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и
интересы и ненависти и заставить други
ственной цѣли—общей пользѣ. Проща
дружба ваша будетъ служить мнѣ утѣш
Не слѣдуетъ забывать, что императору в
30 лѣтъ.

Равнымъ образомъ отношенія импер
его знаменитому историческому труду п
перваго не менѣе цѣнное приложеніе.

Но какъ на рѣдчайшее въ исторіи яв
императора на недосягаемую, въ сферѣ
явленій, высоту, должно указать на слѣду
тера даже, потому что это больше чѣмъ
если можно такъ выразиться, сознательно
даже болѣе—завоеванной, человѣчности.
сящихся къ категоріи «оскорбленія величе
не исходило другой резолюціи, кромѣ «пр
крестьянина М

что онъ такихъ дѣлъ совсѣмъ не желаетъ слушать, а еще менѣе знать имена виновныхъ. «Простить—и кончено», заключилъ онъ.

Указаніемъ на такое рѣдкое историческое явленіе заключимъ и мы отзывъ о книгѣ неизвѣстнаго издателя.

Исторія въ романѣ и преданіи.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877. — **Память о Запорожьѣ и о послѣднихъ дняхъ Запорожской Сѣчи. Г. П. Надхина. М. 1877.**

I.

Казалось-бы, что общаго имѣетъ исторія съ четырьмя томами сочиненій г. Данилевскаго, въ которыхъ помѣщены романы «Бѣглые въ Новороссіи», «Воля» (Бѣглые воротились), «Новыя мѣста» и «Девятый валъ», и разсказы «Семейная старина» (Прабабушка, Тѣнь прадѣда, Бабушкинъ рай), «Бѣглый Лаврушка за границей», «Старосвѣтскій малярь», «Село Сорокопановка», «Феничка», «Екатерина Великая на Днѣпрѣ», а также разсказы изъ преданій семнадцатаго вѣка: «Первый выпускъ сокола» и «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича» и тому подобное, и умѣстно-ли давать отзывъ объ этихъ романахъ и разсказахъ въ «историческомъ» сборникѣ? Правда, если смотрѣть на исторію съ патріархальной, Кайдановской точки зрѣнія, то на нѣкоторое, такъ-сказать, побочное или сводное родство сочиненій г. Данилевскаго съ исторіею указываютъ его разсказы изъ преданій семнадцатаго вѣка, т. е. «Первый выпускъ сокола» и «Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя Михайловича», а также «Екатерина Великая на Днѣпрѣ»; все-же остальное принадлежитъ къ совершенно другимъ родамъ письменности, къ обширной и плодущей семьѣ «беллетристики», которая никогда не смѣла претендовать на такое высокое, аристократическое родство. Но съ другой, не съ Кайдановской (очень почтенной, конечно) точки зрѣнія, есть основаніе думать, что «беллетристика» не можетъ

не надѣяться, чтобы когда-нибудь не породниться съ «исторіею». Настоящій вѣкъ — вѣкъ всеобщей демократизаціи. Демократизируется и отвлеченная наука, демократизируются всякія знанія, начиная отъ химіи и кончая... да тутъ и конца нѣтъ; демократизируется и «исторія», т. е. наука перестаетъ быть достояніемъ замкнутаго цеха ученыхъ, отъ міра отведенныхъ мужей; она перестаетъ быть тою египетскою наукою, которая знакома была только жрецамъ, замуровавшимся на кладбищѣ, въ «городѣ мертвецовъ», въ Некрополисѣ. Теперь высшее призваніе науки—это ея демократизація, популяризація, общедоступность. Наука съ высоты своего величія снисходитъ къ «меньшей братіи» и не стыдится подать ей руку, породниться съ нею, хотя все еще есть у нѣкоторыхъ жрецовъ науки, по старой рутинной привычкѣ, желаніе замкнуться, отвести себя отъ міра, писать для науки такъ, чтобы никого не заинтересовать своими писаніями, чтобы никто ихъ не читалъ, никто не понималъ, и чтобъ гнили они въ книгохранилищахъ до страшнаго суда надъ такими учеными. Съ своей стороны «исторія», демократизуясь понемногу, начинаетъ уже переставать заниматься исключительно одними королями, полководцами, генералами, diminuendo до IV класса включительно, и войнами. Она начинаетъ снисходить и къ мужику, къ уясненію себѣ его положенія въ историческомъ мѣшкѣ, къ уясненію потребностей и проявленій его, тоже вѣдь «исторической», жизненности, къ внесенію на историческія страницы и мужичьихъ дѣяній, такъ что въ этомъ случаѣ ловчій царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ, въ «Первомъ выпускѣ сокола», до нѣкоторой степени роднится съ «Бѣглымъ Лаврушкой за границей», а массовыя движенія и дѣянія этихъ Лаврушекъ, «Степекъ» и «Емелекъ» поневолѣ приравниваются къ историческимъ или «политическимъ движеніямъ» генераловъ, какъ-бы генералы и ихъ историки ни сердились на это.

Нѣтъ сомнѣнія, что рано-ли, поздно-ли сила демократизаціи заставитъ «исторію» окончательно породниться съ «беллетристикой» на такомъ основаніи, на какомъ въ настоящее время роднится мужикъ съ бариномъ, не только въ видѣ нецензурнаго «слія-нія съ народомъ», но и цензурнаго—въ формѣ слиянія въ залѣ

земскаго собранія, въ камерѣ присяжныхъ засѣдателей, гдѣ иногда случается, что крестьянинъ судитъ своего бывшаго барина. Да въ сущности «исторія», какою она должна быть, и немыслима безъ внесенія въ нее того, что въ каждую данную эпоху даетъ «беллетристика»: такъ, вѣкъ Екатерины немыслимъ,—когда мы смотримъ на исторію не по Кайдановски,—безъ Скотининыхъ, хотя Скотинины не «историческія» личности, а сочиненныя. «Историческая» Москва временъ Грибоѣдова немыслима безъ Чацкихъ, Репетиловыхъ, Молчалиныхъ, Тугоуховскихъ и проч. «Беллетристика», изображающая живое общество, живыхъ дѣятелей извѣстной эпохи, рисующая типы этой эпохи, разоблачающая общественныя язвы, уродливости, отклоненія, увлеченія—этотъ богатѣйшій источникъ для «исторіи» можетъ быть богаче въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣхъ государственныхъ архивовъ, въ которыхъ такъ самоотвержено роются историки и нерѣдко теряютъ свое зрѣніе и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ. Никакія архивныя богатства не помогутъ историку изобразить съ такою «историческою» правдою извѣстныя эпохи нашей новѣйшей исторіи, какъ напр. «Мертвыя души» Гоголя и «Отцы и дѣти» Тургенева, и т. п.

Исходя изъ этой точки зрѣнія и полагая, что такая повидимому смѣлая постановка вопроса о демократизаціи исторіи опирается на данныя, рѣшающія вопросъ въ пользу высказанаго нами мнѣнія, которое можетъ быть инымъ покажется очень рѣзкимъ, парадоксальнымъ, даже страннымъ (многое изъ того, чѣмъ теперь движется и заправляется человѣческая жизнь, тоже казалось вновѣ страннымъ, рѣзкимъ, даже сумасброднымъ),—мы позволяемъ себѣ не отдѣлять въ нашемъ отзывѣ о сочиненіяхъ г. Данилевскаго его «историческіе» разсказы отъ неисторическихъ, беллетристическихъ, каковы «Бѣглые въ Новороссіи», «Воля», «Новыя мѣста» и даже «Девятый валъ». Отзывъ этотъ будетъ кратокъ.

Историческіе разсказы представляютъ легкія, довольно жидко скомпанованныя и не совсѣмъ правильно отцвѣченныя картинки, сотканныя на исторической канвѣ. «Первый выпускъ сокола» представляетъ молодого царя Алексѣя Михайловича на соколиной охотѣ. Извѣстно, съ какою страстью—если только «тишайшему» до-

ступны были страсти—любилъ онъ это развлеченіе, которому въ древней Руси предавались съ такимъ увлеченіемъ и такъ культировали эту простую затѣю, что выработали даже богатую соколиную терминологію и технику, опоэтизировали эту охоту настолько, насколько доступна была поэзія и литературное ея выраженіе древне-рускому практическому уму. Фабула разсказа — это встрѣча Алексѣя Михайловича съ хорошенькою дочкою извѣстнаго Рафа Всеволожскаго, на которой онъ и хотѣлъ было жениться, но несчастная дѣвочка была опутана придворною интригою Морозова и вмѣсто трона очутилась въ ссылкѣ за то только, что при одѣваніи къ вѣнцу, отъ волненія-ли, или отъ намѣренной неловкости одѣвавшихъ ее боярышень, стянувшихъ ей косу до головокруженія, несчастная царская невѣста упала въ обморокъ и была объявлена испорченною.

Другой разсказъ беретъ темой вечернее время-провожденіе «тишайшаго», окруженнаго иностранными послами и своими дѣтьми, между которыми особенно выдѣлялся своею бойкостью быстроглазый четырехлѣтній «непосѣда», будущій царь Петръ I, котораго страстно интересовало, какъ заѣзжій нѣмчинъ заводилъ заморскій органъ. Вечеръ главнымъ образомъ оживляется захожимъ «сказочникомъ», въ родѣ «сказителя» Рябинина, который повѣдаетъ царю и его гостямъ былину о князѣ Владимірѣ-стольно-кіевскомъ и объ Янѣ-Усмошвецѣ. Заканчивается вечеръ тѣмъ, что «тишайшій», когда иноземцы были отпущены, разбираетъ ящикъ съ челобитными (какой въ настоящее время вывѣшивается у дома градоначальника) и творитъ судъ и расправу по всѣмъ челобитьямъ.

«Екатерина Великая на Днѣпрѣ»—это эпизодъ изъ извѣстнаго путешествія Екатерины въ Новороссію и свиданія ея съ императоромъ Іосифомъ II, а къ этому уже приложенъ разсказъ о томъ, какъ Екатерина случайно освобождаетъ одного казака-маляра отъ солдатства, и изъ этого маляра выходитъ знаменитость—извѣстный живописецъ Боровиковскій.

Разсказы эти читаются легко, не смотря на нѣкоторую сантиментальную слащавость отношенія автора къ описываемымъ лицамъ и ихъ дѣяніямъ: рисуется не дѣйствительная историческая эпоха, какою представляетъ ее намъ безпристрастная критика

исторіи, отдѣляющая шелуху отъ зерна, а какая-то идиллія добраго стараго времени. Въ этомъ отношеніи художническій талантъ, знаніе духа времени, языка и людей, а также большая трезвость отношенія къ событіямъ и лицамъ ставятъ историческіе разсказы Печерскаго-Мельникова неизмѣримо выше. Екатерина, напр., у Данилевскаго является совершенно такою рисованною, какою изображаетъ ее льстивая, неумѣренно мокаемая въ придворную чернильницу калямa графа Сегюра или канцелярски робкое перо постоянно «потѣющаго» отъ придворнаго благоговѣнія Храповицкаго.

Что-же касается собственно романовъ и разсказовъ г. Данилевскаго изъ современной жизни, а въ особенности изъ недавняго прошлаго Новороссіи, то, не смотря на явную вымышленность многаго, введеннаго въ эти романы, не смотря на видимую сочиненность нѣкоторыхъ характеровъ,—въ описаніи преобладаетъ, можно сказать, бытовая правда: «Бѣглые», «Воля» и «Новыя мѣста»—это дѣйствительная картина жизни захолустныхъ, новыхъ мѣстъ нашего степного «новаго свѣта» съ его мошенниками и всякаго рода «художниками», когда этотъ русскій «новый свѣтъ» изъ пустыни превращался въ то, что мы теперь въ немъ видимъ. Въ этихъ произведеніяхъ страдаетъ только художественность, въ которой авторъ не всегда, вѣрнѣе — не вездѣ, силенъ. Талантъ г. Данилевскаго не глубокъ, а иногда ему не достаетъ и знанія. Оттого самый народъ—эти Феськи, Илюшки и пр.—съ которыми имѣетъ дѣло его писательское перо, до нѣкоторой степени выходятъ у него ненатуральными, дѣланными и неподлежаще одѣтыми; но, повторяемъ, есть много бытовой и исторической правды, которая не должна пропасть для будущаго историка-демократизатора. Эта сторона составляетъ цѣнную заслугу автора и не должна быть забыта.

II.

Имя г. Надхина рѣдко встрѣчается въ печати. Судя по сочиненію, о которомъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, можно

было-бы подумать, что авторъ его—новичокъ въ писательской семьѣ, что и горячимъ перомъ его, которымъ написана «Память о Запорожьѣ», водила молодая, нетерпѣливая рука, кроившая историческія заключенія и выводы сгоряча, безъ «семи примѣриваній» осторожнаго историка-неновичка. Но въ виду дѣлаемаго самимъ авторомъ признанія (въ статьѣ «Е. Бернетъ», въ 6 нумерѣ «Древн. и Нов. Россіи» за 1877 годъ) о близкомъ знакомствѣ и до нѣкоторой степени литературномъ сожительствѣ или побратимствѣ съ покойнымъ Бернетомъ-Жуковскимъ, оказывается, что г. Надхинъ уже не новичокъ въ писательскомъ дѣлѣ, хотя, быть можетъ, и новичокъ въ томъ дѣлѣ, которому онъ хотѣлъ послужить своимъ послѣднимъ сочиненіемъ о Запорожьѣ, написаннымъ имъ по случаю столѣтняго юбилея (увы! для однихъ это юбилей, для другихъ—«истеченіе ста лѣтъ отъ паденія Запорожскаго коша») со дня исчезновенія съ лица земли ненавистныхъ г. Кулишу запорожскихъ казаковъ-коммунистовъ.

Г. Надхинъ является пламеннымъ защитникомъ запорожской славы и задушевнымъ мартирологистомъ этого, по истинѣ блестящаго и рельефнаго явленія въ исторической жизни украинскаго народа, рельефнаго не въ томъ однако смыслѣ, въ какомъ, къ сожалѣнію, взглянулъ на него въ послѣднеее время разсердившійся за что-то на всю прошлую и настоящую Малороссію вообще и на казаковъ въ особенности ихъ прежній поклонникъ и пѣвецъ ихъ славы г. Кулишъ, по непостижимому малороссійскому упрямству силящійся затоптать ногами свое собственное прошлое и не желающій «возсоединенія» на берегахъ Ахерона съ пьяною музою тоскующаго о своихъ земныхъ изступленіяхъ Шевченка (Истор. возсоед. Руси, т. II).

«Запорожская Сѣча (говоритъ г. Надхинъ) была уничтожена при Екатеринѣ II. Причиной ея уничтоженія представлено было то, что Запорожье сдѣлалось неумѣстнымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ, хотя еще и накануиѣ своего уничтоженія, въ турецкую войну, которая кончалась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. Запорожскій кошъ послужилъ и своей кровью, и головою не ко вреду, не безъ пользы для всего Русскаго царства». Доказывая рѣзкость приговора, осудившаго на смерть запорожскую общину,

онъ поясняетъ: «Если въ чемъ и былъ справедливъ приговоръ Запорожью на уничтоженье, такъ это въ томъ, что оно, волей-неволей, подъ конецъ своего существованія сдѣлалось тутъ дѣйствительно не у мѣста: въ то время Крымъ отдался уже намъ въ покровительство и подготовлялся постепенно къ полному присоединенію къ Россіи, послѣ чего его земли изъ-за земель Запорожья могли быть черезполоснымъ владѣніемъ имперіи. Такимъ образомъ, не касаясь даже исключительнаго устройства Сѣчи, не гармонирующаго съ общимъ составомъ имперіи, не говоря о сглаженіи всякой отдѣльной разновидности и разнохарактерности, къ которому, въ своей сплоченности, стремится внутри себя каждое государство,—уже одна эта черезполосность дѣлалась немалымъ поводомъ къ уничтоженію Сѣчи въ ту пору всеобщаго политическаго стремленія къ округленіямъ и исправленіямъ границъ (такъ называемой аквизиціи), а главное—чтобъ открыть себѣ давно желанный, свободный, независимый путь къ Черному морю».

Никто не отрицаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что уничтоженіе Запорожья было дѣломъ государственной необходимости. Рано или поздно, но оно должно было совершиться. Также едва-ли кто можетъ отрицать, что это государственное дѣло совершено было слишкомъ «по-московски», а его можно было-бы сдѣлать и иначе: можно было сдѣлать, какъ выражались современные защитники Сѣчи, тожъ-бы, да не такъ-бы. Г. Надхинъ перечисляетъ отчасти, что было сдѣлано не такъ. Въ Сѣчь былъ посаженъ комендантъ, посаженъ «хитростью», на время, и остался навсегда. Казаки поняли, что это такое. «Сѣла намъ московская болячка въ самую печенку», говорили они. У Запорожья отняты были огромныя пространства земель, главные мосты, переправы черезъ рѣки, соляныя озера. Мало того, у нихъ отобраны были подлинныя грамоты польскихъ и русскихъ государей на ихъ права и вольности, а взамѣнъ подлинныхъ выданы копіи. Когда запорожцы, опираясь потомъ на эти копіи, стали доказывать свои права на земли, имъ отвѣчали, что это—не подлинные акты. Запорожцы стали просить, чтобъ имъ возвратили подлинные, просили не разъ, не два—и получали одинъ отвѣтъ: таковыхъ въ архивахъ нѣтъ.

Г. Надхинъ приводитъ свидѣтельство, что уничтоженіе Запо-

рожья совершилось съ помощью такихъ крутыхъ мѣръ (словно-бы эти мѣры примѣнялись къ покоренному, самому зловредному народу) не исключительно въ видахъ государственной необходимости, а вслѣдствіе личной мстительности Потемкина. Извѣстно, что онъ самъ пожелалъ быть принятымъ въ число запорожскихъ товарищей, и дѣйствительно былъ принятъ подъ самымъ скромнымъ прозвищемъ: «сиромаха Грицько-Нечоса». Извѣстно также, что дѣлалъ Потемкинъ для Новороссійскаго края и какія тратилъ громадныя суммы, сколько употреблялъ народнаго труда для того только, чтобы, въ проѣздъ императрицы въ Крымъ, показать новопріобрѣтенный край въ самомъ блестящемъ видѣ. По всему пути, для одного только ночлега, воздвигались цѣлые дворцы. Цѣлые лѣса уничтожены и сожжены были для того, чтобы освѣщать по ночамъ дорогу, по которой слѣдовалъ царственный поѣздъ на шестистахъ лошадяхъ! По бокамъ дороги горѣли не только лѣса, но и смоляныя бочки. Жалкія деревеньки совсѣмъ сносились съ лица земли, если попадались на пути слѣдованія поѣзда, а вмѣсто нихъ выстраивались новыя съ «веселыми перспективами» и «романическими перистилями». Воздвигались тріумфальныя арки съ амурами и всякими классическими болванами. Пустынныя поля были усѣяны огромными стадами овецъ и табунами лошадей—хотя и овецъ, и лошадей приходилось сгонять къ дорогѣ за сотни верстъ. «Пастухи» и «пастушки» одѣты были по всѣмъ правиламъ буколики и играли на свирѣляхъ. Тамъ, гдѣ не было вовсе человѣческаго жилья, гдѣ нельзя было набрать ни «пастуховъ», ни «пастушекъ»—тамъ по сторонамъ дороги, въ приличномъ отдаленіи, ставились «нарисованныя» деревни съ церквами, барскими усадьбами, садами и бесѣдками съ амурами. Случалось такъ, что пока поѣздъ стоитъ на ночлегѣ, нарисованныя деревни переносятъ далѣе—и опять прелестный видъ! Какъ было не плѣниться такой картиной новопріобрѣтеннаго края? А чего это стоило краю, цѣлому государству? Неудивительно, что задолго до этого путешествія, когда Потемкинъ только началъ хозяйничать въ новопріобрѣтенномъ краѣ и все ломать по своему, не жалѣя ни народнаго труда, ни государственной казны,—старые запорожцы, глядя на своего Грицька-Нечосу, иногда говорили между собою неосто-

рожно: «И дурень каши наварить, абы було пшено та сало». Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Грицька-Нечосы нѣкоторыми изъ его прислужниковъ—и участь Запорожья была рѣшена. «Разсказъ этотъ (замѣчаетъ г. Надхинъ) имѣетъ нѣкоторую вѣроятность, судя по той жестокости, съ какою, безъ особо важной вины, было поступлено съ главными сѣчевыми старшинами, и по той быстрой и крутой перемѣнѣ, какая послѣдовала въ Потемкинѣ въ отношеніи кошевого Калнышевскаго, не дальше какъ за годъ до атакованія Сѣчи. Потемкинъ, выхваляя славу Калнышевскаго, военные таланты и стройное управленіе имъ Запорожскою республикою, прислалъ ему, «въ знакъ всегдашней своей любви», часы, бархату на платье, увѣрялъ (нужнымъ считаю оговориться, что это «чистосердечно»), что ни одного случая не оставитъ сдѣлать для него какую-либо выгоду, выхвалялся ходатайствовать о пользѣ его у престола монархини, обѣщалъ разобрать поружебныя претензіи и споры, а черезъ годъ—Сѣчь была уничтожена, а черезъ другой—тотъ-же Потемкинъ, въ качествѣ вице-президента военной коллегіи, возводилъ на Калнышевскаго и его товарищей такія преступленія, какія, по его мнѣнію, заслуживали смертной казни, и упряталъ ихъ въ вѣчную ссылку. Послѣ понятно стало, изъ какого источника шли подарки Потемкина и похвальныя письма. Они были преддверіемъ намѣреній его къ покушенію на запорожскія земли. Потемкинъ думалъ, что, закупивъ, какъ это водилось въ европейскихъ дипломатическихъ кружкахъ, голову, онъ станетъ распоряжаться тѣломъ по своему произволу; однакожъ честный запорожецъ не пошелъ на эту удочку: онъ, съ своей стороны, отдарилъ Потемкина прекрасными турецкими лошадьми, въ шитыхъ золотомъ чепракахъ, съ серебряными стременами, но не поступился ни одной выгодой насчетъ своего братства».

Эти положенія, какъ шнуръ въ шнуровой книгѣ, пропущены чрезъ всѣ страницы брошюры г. Надхина. Такая прекрасная, симпатичная жизнь, какою представляется все историческое житье Запорожья, такія славныя, симпатичныя, героическія имена, героическія въ своей дѣтской простотѣ и чистотѣ, столько рельефнаго, поэтическаго и высокаго до величія, до безсмертія—и между тѣмъ смерть подкашиваетъ эту жизнь, и на страницахъ исторіи остаются

только какія-то свѣтлыя пятна среди сплошного, безпросвѣтнаго мрака и хаоса, носившагося въ то время надъ историческою жизнью всей Европы. Дѣйствительно, правъ кобзарь, когда, вспоминая раззореніе Сѣчи, съ дѣтскимъ плачемъ утверждаетъ:

Летила бомба одъ Черного моря,
Да середъ Сичи упала:
Хочъ пропали запорозци,
Та не пропала ихъ слава.

Намъ кажется, что и историкъ, какъ кобзарь, невольно иногда долженъ плакать, воспроизводя картину разрушенія и смерти такихъ явленій человѣческой жизни, которымъ не слѣдовало-бы умирать, и, переживая извѣстные историческіе люстры, возрождаться вновь въ соотвѣтственныхъ времени формахъ. Если безпристрастный Шлоссеръ часто сердился, рисуя мерзость извѣстныхъ историческихъ положеній, то надъ нѣкоторыми положеніями онъ неизбѣжно долженъ былъ плакать.

Историческая жизнь Малороссіи и ея историческая метаморфоза представляетъ одно изъ такихъ именно положеній. Можетъ быть, источникъ всего этого лежитъ въ той эффектности и рельефности, которыми такъ богата исторія Малороссіи. Въ такомъ случаѣ это и есть историческая заслуга народа, такъ поучительно исполнившаго свою историческую миссію и оставившаго послѣ себя столько славныхъ именъ. Вѣдь если у насъ, да и у всей интеллигенціи Стараго и Новаго Свѣта такъ крѣпко сидитъ въ головѣ древне-греческій и римскій міръ съ его казаками и атаманами—Леонидами, Өемистоклами, Алкивіадами, Муціями-Сцеволами, Гораціями Коклесами, Брутами и иными—то единственно лишь благодаря эффектности и рельефности этого міра, благодаря тѣмъ историческимъ пикулямъ, которыми приправлена вся классическая исторія, доселѣ держащая все человѣчество въ своихъ классическихъ рукавицахъ. А это для исторіи не послѣднее дѣло: вся цѣль исторіи (практическая цѣль), чтобы люди помнили то, что было прежде, и иногда съ опаской оглядывались-бы назадъ, чтобъ не дѣлать того, изъ чего ничего хорошаго не выходило.

Вообще брошюра г. Надхина представляетъ не самостоятельное историческое изслѣдованіе, а просто—историческое воспоминаніе, чему и соотвѣтствуетъ самое заглавіе книжки: «Память о Запорожьѣ».

Очерки по исторіи Саратова и Саратовской губерніи.

Н. Ф. Хованскаго. Выпускъ первый. Съ портретомъ А. Н. Радищева и видомъ части г. Саратова. Саратовъ. 1884.

Вышедшая недавно, съ такимъ заглавіемъ, въ Саратовѣ книга представляетъ весьма отрадное явленіе въ нашей провинціальной печати.

Содержаніе этой небольшой книжки (235 стр. in 16°) распредѣлено авторомъ на шесть отдѣловъ: I. Кой-что вообще о г. Саратовѣ *) и Саратовской губерніи. II. Библіографія сочиненій, касающихся саратовскаго края. III. Библіографическій указатель мѣстныхъ изданій. IV. Наши писатели, ученые, воины и государственные люди. V. Географическій очеркъ губерніи съ указателемъ двойныхъ названій селъ. VI. Начало исторія саратовскаго края. Изъ всѣхъ этихъ отдѣловъ наиболѣе важную—какъ въ мѣстной, такъ и въ печати вообще—новость составляютъ три средніе отдѣла, особенно-же четвертый: попытка ввести въ исторію русской литературы и жизни отдѣльныя группы провинціальныхъ дѣятелей данныхъ мѣстностей или извѣстнаго областного района съ присоединеніемъ къ нимъ лицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ этому району или краю—по своему-ли рожденію, или

*) Намъ кажется, что лучше было-бы писать о Саратовѣ, чѣмъ о г. Саратовѣ (какъ-будто-бы о господинѣ Саратовѣ); или-же писать полностію о городѣ Саратовѣ.

по воспитанію, или-же по дѣятельности — такая попытка заслуживаетъ полнаго уваженія. Удачно выполненная, она многое освѣтитъ въ исторіи нашей литературы и жизни, въ исторіи духовнаго роста провинцій и въ исторіи областного прогресса. На первый разъ, въ этотъ пробный, такъ сказать, выпускъ вошли біографіи, частью довольно обстоятельныя, частью-же отрывочныя, бѣдныя фактами—А. Н. Радищева, І. Х. Гамеля, А. М. Княжевича, А. Ф. Леопольдова, С. П. Шевырева, А. В. Попова, А. К. Жуковскаго (поэтъ Бернетъ). И. И. Введенскаго, Д. И. Губера, А. У. Порѣцкаго, А. И. Артемьева, Я. П. Буткова, Г. Е. Благосвѣтлова, А. Н. Пыпина, И. А. Салова, А. И. Соколова и П. Н. Яблочкова. Я указалъ только на біографіи лицъ, имена которыхъ болѣе или менѣе извѣстны всей читающей Россіи. Но въ книгѣ г. Хованскаго имѣются коротенькія біографіи или бѣглыя упоминанія лицъ другихъ категорій—или мѣстныхъ писателей, какъ напр. П. Г. Воронина, А. А. Лунина, Г. Д. Коровина, В. И. Дурасова, С. С. Гусева, А. А. Кулакова, П. М. Волохова, или наконецъ дѣятелей другихъ сферъ, имѣющихъ къ данному краю отношенія или по своему рожденію, воспитанію, или по общественной дѣятельности, какъ напр. г. Скопинъ, Г. И. Чернышевскій (отецъ Н. Г. Чернышевскаго), протоіер. Росницкій, генералъ Слѣпцовъ и нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ саратовской семинаріи, получившихъ впослѣдствіи или большіе чины (дѣйствительныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ), или епископскія митры (Петръ, еписк. томскій, Несторъ—аксайскій, Гурій—архіеп. таврическій).

По отношенію къ этому отдѣлу, г-ну Хованскому можно было-бы сдѣлать одинъ упрекъ:—отдѣлъ этотъ далеко не исчерпываетъ своего предмета. Но авторъ «Очерковъ» предвидѣлъ этотъ упрекъ и предупредилъ его. «Работа наша — говоритъ г. Хованскій — представляетъ первый опытъ группировки въ одно цѣлое лучшихъ умственныхъ силъ нашего края и мы полагаемъ, что при всемъ несовершенствѣ этого опыта, онъ даетъ немаловажный матеріалъ для сужденія о краѣ съ историко-этнографической точки зрѣнія», и поясняетъ: «въ настоящемъ собраніи біографій читатель не встрѣтитъ многихъ знакомыхъ ему именъ, но пусть за то не винитъ насъ, ибо мы поставлены были въ невозможность

получить свѣдѣнія о многихъ дѣятеляхъ какъ покойныхъ, такъ и живыхъ, и чтобы не отлагать на долгое время изданіе нашей книги, вынуждены были составленіе другихъ біографій оставить до слѣдующаго выпуска» (стр. 38).

Конечно, съ этимъ нельзя не согласиться, хотя жаль, что въ первомъ выпускѣ, въ этомъ пробномъ провинціальномъ дебютѣ, читатель не встрѣтитъ такихъ именъ, къ которымъ вполнѣ можно было-бы примѣнить слова Пушкина, въ видѣ дружескаго упрека обращенныя къ Бестужеву, который въ статьѣ «О старой и новой словесности въ Россіи» забылъ Радищева... «Кого-же будемъ помнить? Это молчаніе непростительно ни тебѣ, ни Гречу, и отъ тебя я его не ожидалъ». Впрочемъ, мы приводимъ эти слова совсѣмъ не въ видѣ упрека г-ну Хованскому, а только въ видѣ сожалѣнія.

Равнымъ образомъ и нѣкоторыя, уже напечатанныя біографіи, страдаютъ крайнею неполнотою, а нѣкоторыя свѣдѣнія изъ новѣйшей, современной почти исторіи Саратова не вполнѣ точны, хотя-бы напр. о возбужденіи въ Саратовѣ вопроса объ университетѣ. Гораздо раньше г. Блюммера и ранѣе 60-хъ годовъ, а именно во второй половинѣ 50-хъ—о необходимости открытія въ Саратовѣ университета много писалось проживавшими тогда въ этомъ городѣ Н. И. Костомаровымъ, И. А. Ганомъ и пишущимъ сіи строки, и при томъ проводилась мысль объ открытіи университета общественнаго, на средства общества, которое въ этомъ дѣлѣ было-бы заинтересовано; указывались даже средства, какъ реализировать этотъ проектъ.

Изъ біографическихъ очерковъ наиболѣе обстоятельными являются въ трудѣ г-на Хованскаго: о Радищевѣ, Леопольдовѣ, Губерѣ, Шевыревѣ, Введенскомъ и Пыпинѣ.

По поводу біографическихъ свѣдѣній о Введенскомъ я считаю необходимымъ разъяснить нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся меня лично. Въ біографіи Введенскаго г. Хованскій приводитъ выдержку изъ моихъ отзывовъ о переводчикѣ Диккенса, но изъ какой моей статьи взята эта выдержка, г. Хованскій не говоритъ. Мнѣ почему-то помнится, что приводимое г-мъ Хованскимъ мѣсто изъ моихъ отзывовъ о Введенскомъ находится

въ «Письмахъ мистера Плюмпуддинга», которыя я печаталъ когда-то въ «Новомъ Времени»; но такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою этихъ писемъ, то я не могу утверждать, что этотъ отзывъ взятъ именно оттуда. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ. Для характеристики Введенскаго авторъ «Очерковъ» приводитъ слѣдующее: «О Введенскомъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ вспоминаетъ Д. Л. Мордовцевъ: «Въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ въ саратовской семинаріи учился молоденькій бусарчекъ, котораго товарищи звали Иринархушкой. Это былъ извѣстный впослѣдствіи даровитѣйшій изъ всѣхъ англійскихъ переводчиковъ— переводчикъ Диккенса и Теккерея—Ир. Введенскій. Какъ теперь вижу передъ собою этого живаго, симпатичнаго юношу, часто съ задумчивыми и кроткими, какъ у дѣвочки, глазами... Память у мальчика была необыкновенная. Смотрѣли на него—и семинарское начальство и товарищи, какъ на явленіе феноменальное. Онъ жадно читалъ все, что могъ выскребсти въ саратовской умственной тундрѣ 30-хъ годовъ. Мало того, при совершенномъ отсутствіи преподаванія иностранныхъ языковъ, Введенскій какимъ-то чудомъ успѣлъ прекрасно усвоить французскій и впослѣдствіи англійскій языкъ» (Очерки, 99—100).

Во-первыхъ—въ концѣ 20-хъ годовъ я еще не родился, и потому не могъ «видѣть живого, симпатичнаго юношу»... Видѣлъ его, конечно, мистеръ Плюмпуддингъ, о чемъ онъ и оповѣстилъ въ своихъ письмахъ, которыя мною и были напечатаны. Я же въ первый разъ увидѣлъ Введенскаго въ 1852 году, уже самъ будучи студентомъ, когда Введенскій и М. И. Сухомлиновъ читали у насъ въ университетѣ (Петербургскомъ) пробныя лекціи.

Во-вторыхъ, въ «дополненіи» къ «Очеркамъ» г. Хованскаго, въ замѣткѣ—«Кой-что объ И. И. Введенскомъ и нѣкоторыхъ другихъ воспитанникахъ саратовской духовной семинаріи»—неизвѣстный авторъ говоритъ: «Мнѣ, какъ близко знакомому съ Ир. Ив. Введенскимъ, странными кажутся нѣкоторыя сообщенія о немъ, появившіяся въ печати. Такъ напр., Мордовцевъ сообщилъ, что будто Введенскій въ бытность его (чью?—мою?—но я въ семинаріи никогда не учился) въ семинаріи бывалъ приглашаемъ мѣстнымъ архіереемъ для совмѣстнаго чтенія французскихъ и

[redacted]

англійскихъ авторовъ,—это не правда; никогда и никто въ саратовской семинаріи ничего подобнаго не говорилъ и не слышно было отъ другихъ постороннихъ лицъ» (Очерки, стр. 177—178).

Но опять-таки, во-первыхъ, мистеръ Плюмпуддингъ не говорилъ вовсе, что Введенскій усвоилъ себѣ англійскій языкъ (но не французскій) въ семинаріи; онъ сказалъ—«впослѣдствіи».

Во-вторыхъ, относительно чтенія французскихъ авторовъ совмѣстно съ архіереемъ, мнѣ сообщилъ, въ 70-хъ годахъ, священникъ саратовско-воскресенской церкви, почтеннѣйшій Матвѣй Михайловичъ Розановъ, который зналъ Введенскаго въ семинаріи и можетъ лично подтвердить то, что сообщалъ мнѣ.

Впрочемъ, замѣчанія эти сдѣланы только кстати, для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній; въ общемъ-же, трудъ г. Хованскаго заслуживаетъ полнаго одобренія. Желательно только, чтобъ пробнымъ выпускомъ и не кончилось задуманное дѣло.

1884.

Адамъ Кисель, воевода кіевскій.

1580—1653 г. Историко-біографическій очеркъ съ портретомъ Киселя. И. П. Новицкаго. Изданіе редакціи «Кіевской Старины». Кіевъ. 1885.

Въ области ученыхъ изслѣдованій, какъ и въ сферѣ свободнаго художественнаго творчества, критика нерѣдко становится на почву отрицанія возможности «новаго слова» тамъ, гдѣ, повидимому, все изслѣдовано и о чемъ будто-бы сказано «послѣднее слово науки», или въ такой сферѣ художественнаго творчества, къ которому раньше приложены были творческія силы величайшихъ, геніальныхъ художниковъ. Но едва-ли достаточно твердою будетъ эта почва отрицанія въ той и въ другой области.

Со стороны здравой критики едва-ли основательно слышать такіе вопросы: что новаго можно сказать объ Адамѣ Киселѣ послѣ того, какъ участіе его въ историческихъ судьбахъ Малороссіи и Польши обстоятельно выяснено прежними историками и сказано послѣднее слово науки такимъ солиднымъ и даровитымъ историкомъ, какъ покойный Н. И. Костомаровъ?—Или какъ можно отважиться прилагать художественное творчество къ событіямъ «двѣнадцатаго года» послѣ того, какъ у насъ есть геніальное созданіе изъ этой эпохи графа Л. Н. Толстаго—«Война и міръ»?

И въ томъ и въ другомъ случаѣ критика поступила-бы опрометчиво. Европа имѣетъ геніальныя скульптурныя воспроизведенія миѳа о Психеѣ, о Геркулесѣ и т. п.; но это не налагаетъ запрета на творческіе рѣзцы современныхъ и будущихъ мастеровъ рѣзца и мрамора.

Замѣчаніе это примѣнимо и къ историческому изслѣдованію, заглавіе котораго приведено выше.

Монографическая работа г. Новицкаго объ извѣстномъ всѣмъ Адамѣ Киселѣ—вполнѣ самостоятельный трудъ, представляющій немало новаго и оригинальнаго въ характеристикѣ историческаго дѣятеля, котораго всѣ, казалось, одинаково понимали. Г. Новицкій даетъ намъ нѣсколько иного Адама Киселя. Кіевскій ученый, выступившій въ свѣтъ съ своимъ изслѣдованіемъ, является не продолжателемъ прежнихъ историковъ Малороссіи и совсѣмъ даже не ученикомъ, казалось-бы, своего учителя и признаннаго въ данной научной области авторитета — Костомарова. Нѣтъ, г. Новицкій идетъ своею дорогою. Правда, онъ часто обращается къ знаменитому трӱду—«Богданъ Хмельницкій», нерѣдко цитируетъ его (счетомъ 19 разъ), но чаще—по вопросамъ спорнымъ, гдѣ поправляетъ и весьма доказательно оспариваетъ почтеннаго историка.

Чрезвычайно любопытна и, какъ намъ кажется, необыкновенно вѣрна общая характеристика Киселя, къ которой приходитъ г. Новицкій въ концѣ своего изслѣдованія.

Онъ разсматриваетъ кіевскаго воеводу съ точки зрѣнія государственности. «Девизомъ всей его общественной дѣятельности,— говоритъ онъ,—слѣдуетъ признать: «salus reipublicae—suprema lex», и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлою головою выше не только Пушкаря, но и Вишневецкаго со всею рукоплескавшею ему шляхтою».

Не понимая этой стороны польско-русскаго дѣятеля, прежніе историки, можно сказать, клеветали на Киселя, особенно-же по поводу якобы его національныхъ противорѣчій и якобы двуличности. «Вотъ въ этомъ именно пунктѣ,—говоритъ г. Новицкій,—въ отношеніи вопроса національнаго, и является наибольше путаницы во взглядахъ на Киселя его современниковъ, а равно и нашихъ. Первые находили, что симпатіи Киселя, защитника православія и открыто причисляющаго себя къ Руси, должны всецѣло лежать на сторонѣ схизматическаго плебса, въ пользу котораго онъ измѣняетъ Польскому государству; мы же, перенося современныя намъ понятія въ XVII вѣкъ, затрудняемся понять, какимъ образомъ православный русскій могъ очутиться въ минуту борьбы въ польскомъ лагерѣ, и готовы признать его измѣнникомъ своему

народному дѣлу. Но, взглянувъ нѣсколько шире и всестороннѣе, приходится только признать, что у Киселя народность, въ смыслѣ этнографическомъ, не совпадала съ національностью, въ значеніи государственномъ. Патріотически защищая первую, сознательно обособлявшуюся въ то время только въ сферѣ церковной, Кисель тѣмъ менѣе склоненъ былъ поступиться второю. Съ этой послѣдней точки зрѣнія онъ былъ не только русскимъ патріотомъ, но еще болѣе патріотомъ Рѣчи Посполитой, внѣ которой онъ не могъ даже помыслить ни самого себя, ни своего русскаго патріотизма. Разрывъ съ нею, съ желаніемъ основать особое самостоятельное государство, а тѣмъ болѣе съ цѣлью подчиниться другому, въ глазахъ Киселя былъ ни чѣмъ другимъ, какъ позорнымъ актомъ государственной измѣны. Чернь и представитель ея Пушкарь не мудрствовали, а прямо переходили подъ московскую державу. Хмельницкій рѣшился на этотъ шагъ только послѣ долгихъ колебаній. Кисель не сдѣлалъ-бы его никогда» (стр. 83—84).

Г. Новицкій очень остроумною посылкою подтверждаетъ послѣдніе свои доводы:

«Чтобы лучше пояснить,—говоритъ онъ,—указанное нами различіе въ Киселѣ патріотизма народнаго отъ національнаго (столь часто и столь-же неосновательно смѣшиваемыхъ, замѣтимъ, и въ современной мѣстной жизни), попробуемъ показать соотвѣтственную параллель, взявъ за основаніе окружающія насъ обстоятельства. Допустимъ такое предположеніе. Намѣстникомъ Галиціи состоитъ мѣстный русинъ уніатъ, а въ Подольской или Волынской губерніи—губернаторъ католикъ польской народности, хотя изъ русскихъ подданныхъ. Допускаемъ далѣе, что, въ случаѣ войны между Россіей и Австріей, среди народа восточной Галиціи возникаетъ движеніе въ пользу перваго государства, среди помѣщиковъ Подолья или Волыни въ пользу второго! Всякому станетъ ясно, что предположенные нами намѣстникъ и губернаторъ могли-бы отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, оставаясь при этомъ вѣрными подданными своего правительства и работая въ его пользу тѣмъ, что каждый изъ нихъ старался-бы мирными средствами успокоить и удержать ту часть мѣстнаго населенія, которая готова принять

сторону непріятеля. Поступая иначе, повторствуя такому движенію и даже присоединяясь къ нему, каждый изъ нихъ становился-бы государственнымъ измѣнникомъ.

«Положеніе Адама Григорьевича во время возстанія Хмельницкаго,—продолжаетъ г. Новицкій,—было совершенно аналогично съ только-что изображеннымъ нами. И за то именно, что онъ не захотѣлъ стать измѣнникомъ ни своей народности, ни своему государству, заклеймили его таковымъ обѣ стороны, да продолжаютъ клеймить историки и доселѣ. Пора же послѣднимъ понять, что для Киселя Русь вовсе не отождествлялась и не должна была отождествляться ни съ проблематическимъ казацко-русскимъ княженіемъ, ни съ Москвою. Въ послѣдней онъ могъ только видѣть государство единовѣрное и единоплеменное, но, во всякомъ случаѣ, иностранное; политически она представлялась столь же чуждою его русско-патріотическимъ стремленіямъ, какъ чужда Вѣна для живущаго въ Украинѣ поляка, какъ чуждъ Петербургъ для русина, положимъ, изъ Тарнополя или Коломыи.

«Только съ такой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать общественную дѣятельность Киселя, только она можетъ представить надлежащее основаніе для нравственной оцѣнки этой дѣятельности. Изслѣдованіе фактовъ показало намъ всю шаткость возводившихся на Киселя со всѣхъ сторонъ обвиненій, такъ какъ онъ высказывалъ и проводилъ свои идеи прямо, всегда оставаясь вѣрнымъ себѣ, что не исключаетъ, однако, въ его дѣятельности тѣхъ неизбѣжныхъ противорѣчій, которыя вытекали не изъ его личнаго характера, а изъ фальшивости самаго положенія, изъ роковой коллизіи между его стремленіями русско-патріотическими и польско-государственными».

Нельзя не согласиться съ этой искусной и научно-философской аргументаціей молодого ученаго.

Заключительныя слова характеристики оклеветаннаго политическаго дѣятеля особенно подкупаютъ своею симпатичностью. Вотъ они: «Что касается политической стороны дѣла, то въ этомъ отношеніи за Киселемъ слѣдуетъ признать глубокое пониманіе потребностей и интересовъ своего государства въ данную эпоху, какимъ обладали развѣ очень немногіе изъ его современниковъ. Видя вещи

несравненно яснѣе своихъ сотоварищей по сенату, Кисель имѣлъ полное право плакаться на свою проницательность, которая позволяла ему предвидѣть и заставляла заранѣе предвкушать грядущія бѣдствія отчизны. Но его замѣчательный умъ не принесъ должной пользы, всѣ усилія его и труды не оставили практическихъ послѣдствій. Не станемъ вдаваться въ подробныя объясненія этого факта, а только, приведемъ нѣсколько строкъ польскаго писателя (T. T. Z. Jez), въ которыхъ сжато и мѣтко выраженъ общій взглядъ на этотъ предметъ, раздѣляемый и нами въ значительной степени. «Люди, говоритъ онъ, которые не могли сдѣлаться великими въ Польшѣ, были-бы таковыми во всякомъ иномъ государствѣ. Представьте себѣ, напримѣръ, Яна Собѣскаго въ роли турецкаго султана, германскаго императора, или на мѣстѣ Людовика XIV: какимъ онъ показался-бы намъ великаномъ! Каждый изъ нашихъ государственныхъ людей вездѣ былъ-бы на своемъ мѣстѣ, но только не въ Польшѣ. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что въ Польшѣ неправильна была обработка самой почвы, на которой выростали ея политическіе дѣятели.

«Вотъ эта-то неподготовленность почвы и была причиною, что Адамъ Григорьевичъ Кисель, безспорно представлявшій всѣ задатки стать замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вмѣсто того осужденъ былъ обстоятельствами на горькую участь забытаго еще при жизни политическаго неудачника, а на могилѣ его не растетъ до сихъ поръ никакихъ цвѣтовъ, кромѣ плевелъ злословія»...

Вотъ то «новое», что нашлось сказать объ Адамѣ Киселѣ.

Монографія г. Новицкаго составляетъ такимъ образомъ новый цѣнный вкладъ въ область историческихъ изслѣдованій протекшихъ судебъ Малороссіи и Польши въ эпоху ихъ политическаго разрыва и паденія.

1886.

Холуй.

Эпизодъ изъ историческо-бытовой русской жизни первой половины XVIII столѣтія, Н. И. Костомарова. Спб. 1885.

Въ литерарурѣ и въ обществѣ давно сложилось убѣжденіе, что на сколько талантливъ былъ покойный Н. И. Костомаровъ какъ историкъ, на столько-же онъ недостаточно талантливымъ выступалъ въ качествѣ беллетриста.

Но намъ кажется, что убѣжденіе это—плодъ поверхностнаго отношенія къ тому, что разумѣютъ и литература, и общество подъ беллетристическими произведеніями признаннаго всѣми художника-автора «Стеньки Разина», «Богдана Хмельницкаго», «Мазепы» и цѣлаго ряда безсмертныхъ трудовъ покойнаго историка.

Надѣемся, мы лучше будемъ поняты, если установимъ на Костомарова ту точку зрѣнія, что какъ въ историческихъ своихъ работахъ, такъ и въ беллетристическихъ, онъ всегда и неизмѣнно оставался историкомъ—вѣрнымъ служителемъ фактовъ, документальности, исторической правды. Въ пользу этой, священной для него, исторической правды, въ пользу исторической и бытовой точности—точности духа и колорита времени, онъ невольно жертвовалъ художественнымъ творчествомъ, вымысломъ романиста. А что-же за романъ, что за художественность безъ свободнаго вымысла, какъ понималъ это и одинъ изъ самыхъ крупныхъ нашихъ художниковъ, покойный Тургеневъ. Всѣ беллетрическія произведенія Костомарова—«Сынъ», «Кудеяръ», «Черниговка» и стоящее въ заголовкѣ этой замѣтки—«Холуй», въ

которыхъ критика видитъ недостатокъ художественности,—на сколько они выше своею историческою правдою, знаніемъ духа эпохи и ея языка и вѣрностью бытовыхъ чертъ,—на сколько они выше многихъ считаемыхъ художественными и талантливыми псевдо-историческихъ романовъ! Мы не говоримъ уже о какихъ-нибудь прежнихъ романистахъ съ ихъ слащавою рѣчью—рѣчью XIX вѣка, влагаемою въ уста героевъ XVII, съ ихъ фальшивыми описаніями, съ ихъ невѣжественнымъ отношеніемъ къ исторической правдѣ; мы не говоримъ о какихъ-нибудь жалкихъ «Стрѣльцахъ» Мосальскаго и иныхъ имъ подобныхъ; но сколько-же, подобно Мосальскому, грѣшатъ противъ исторической и бытовой правды и колоритности и современные якобы талантливые историческіе романисты.

Повторяемъ, Костомаровъ и историческимъ романомъ хотѣлъ учить читателя и давать ему въ пищу только полезныя и точныя историческія знанія. Онъ и въ этихъ работахъ слѣдовалъ требованіямъ самой добросовѣстной точности, которая была его девизомъ, иной разъ даже до крайностей. Когда онъ слышалъ, напримѣръ, выраженіе: «какъ много интереснаго видѣла эта комната», онъ сейчасъ возражалъ: «Комната не можетъ видѣть!—у нея нѣтъ глазъ». Когда онъ бывало затруднялся передать въ исторической повѣсти какой либо фактъ, котораго онъ не находилъ въ документахъ, и сожалѣлъ, что не увѣренъ въ этомъ фактѣ, ему говорили: «Вы теперь не историкъ, а романистъ, а романистъ долженъ все знать». Но онъ, все-таки, не рѣшался признать фактъ, котораго не находилъ въ исторіи. Оттого его беллетрическія произведенія и страдаютъ отсутствіемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, свободнаго художественнаго творчества.

«Холуй»—чрезвычайно характерная и поучительная страничка изъ историческо-бытовой русской жизни временъ самовластія того, кого Пушкинъ охарактеризовалъ словами:

«И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ».

Въ это время, какъ извѣстно, особенно усердно практиковались системы застѣнка и пытокъ, передъ которыми всѣ были равны—и вельможный князь, и «холуй».

[redacted]

«Холуй» написанъ Костомаровымъ въ 1877 году и около этого-же времени напечатанъ былъ въ фельетонахъ «Новаго Времени», но только, по желанію редакціи, подъ названіемъ «Холопъ». Теперь онъ вышелъ особымъ изданіемъ и подъ кличкою, какую далъ ему авторъ, имѣя на то основательныя причины.

Герой повѣсти Васька былъ «холуемъ» у вельможной княгини Анны Петровны Долгорукой, и его злоключенія, доведшія и его до застѣнка, и его вельможную госпожу, которую хозяинъ застѣнка, князь Иванъ Өедоровичъ Ромодановскій, не постѣснился «посѣчь» въ своемъ кабинетѣ,—составляютъ канву повѣсти. Злоключенія и застѣнокъ привели бѣднаго Ваську къ безвременной кончинѣ, а для «сѣченной» госпожи его были источникомъ благополучія: за то, что ее высѣкли, Меньшиковъ пожаловалъ ей 30,000 р., чтобъ уплатить долги кутилы-сынка.

Кромѣ достоинствъ, представляемыхъ бытовыми сторонами повѣсти, въ ней прекрасно очерчены нѣкоторыя историческія личности, какъ, напримѣръ, бывшій любимецъ Петра—Макаровъ, довольно загадочная личность.

1886.

Одинъ изъ Лже-Константиновъ.

I.

Историческое прошлое русскаго народа вообще не богато свѣтлыми воспоминаніями. Вслѣдствіе-ли того, что все историческое коллективное существованіе народа, обставленное вообще непривѣтливою обстановкою, въ теченіи тысячи лѣтъ не представляло для него ничего рельефно выдающагося или поражало взоръ одними лишь темными рельефами, вслѣдствіе-ли того, что свѣтлыя стороны исторической жизни этого народа, которыхъ у него вообще, сравнительно, было не въ мѣру мало, всегда менѣе глубоко врѣзываются въ народную память чѣмъ стороны темныя, — только у народа осталось свое дѣленіе исторіи на періоды, несогласные съ дѣленіемъ историковъ, именно дѣленіе «по бѣдамъ». Періодъ отъ періода своей исторіи онъ помѣчаетъ поясненіями вродѣ того, что такая-то бѣда случилась до голоднаго или послѣ голоднаго года, что какое-то горестное событіе совершилось до или послѣ моровой язвы. Оттого народъ занесъ на страницы своей неписаной исторіи преимущественно такія эпохи, какъ «злая татарщина», «юрьевъ день», пугачевщина, черная немочь, кровавыя войны послѣдняго времени, первая и вторая холера, голодные года, поголовное бѣгство на Яикъ и на Дарью-рѣку для исканія воли и льготъ, потомъ бѣгство въ Анапу и за Кавказъ — тоже для спасенія отъ лиха.

Такіе исключительные факты изъ своей исторической жизни онъ вносилъ въ свою скудную фактами исторію, подобно тому, какъ

древніе лѣтописцы заносили въ свои хроники преимущественно печальныя свѣдѣнія о войнахъ, о моровыхъ повѣтріяхъ, о повсемѣстныхъ пожарахъ, о набѣгахъ половцевъ, о явленіи на небѣ «хвостатыхъ» звѣздъ или звѣздъ «копейнымъ образомъ», объ истеченіи крови и слезъ изъ глазъ иконъ, о явленіи на небѣ огненныхъ шаровъ, кровавыхъ солнцевъ, о засухахъ и неурожаяхъ, о разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, затѣмъ, что всѣми этими знаменіями по преимуществу предвѣщались народныя бѣдствія.

У народа, такимъ образомъ, составилась своя собственная исторія, весьма̀ однообразная и бѣдная содержаніемъ, часто до утомительности монотонная, заключенная въ узкія рамки собственно народнаго неширокаго міровоззрѣнія. Оттого, какъ есть у народа свое дѣленіе исторіи на періоды «по бѣдамъ», такъ есть у него свои любимцы, свои герои, свои историческіе дѣятели, оцѣнка которыхъ самимъ народомъ нерѣдко положительно расходится съ оцѣнкою ихъ исторіею писаною. У народа есть свои громкія имена, свои великіе люди, и въ силу того, что у него есть свои историческіе дѣятели, народъ, повидимому, не знаетъ и знать не хочетъ великихъ людей нашей писаной исторіи, можетъ быть потому, что наши великіе люди для него лично, непосредственно ничего не сдѣлали, а если и сдѣлали что-либо хорошее, то это хорошее, вслѣдствіе сцѣпленія разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, еще не дошло до народа.

До настоящаго времени наши знанія народной исторіи были обратно пропорціональны нашимъ познаніямъ въ исторіи политическихъ интригъ другихъ государствъ, въ лѣтописяхъ династическихъ перемѣнъ, нескончаемыхъ кровавыхъ войнъ между королями и безкровныхъ войнъ между дипломатами, стоившихъ тоже крови, въ лѣтописяхъ успѣховъ и неудачъ разныхъ полководцевъ, однимъ словомъ—всего, что дѣлается вообще помимо народа, хотя не безъ тяжкаго давленія на народъ.

У русскаго народа есть, кромѣ того, любимые пріемы коллективныхъ дѣйствій, выработанные въ немъ историческими условіями, а также извѣстные любимые пріемы въ его коллективныхъ движеніяхъ, когда онъ желаетъ выразить этими движеніями свой

протестъ или существующему порядку, или ходу исторической жизни, для него невыносимому.

Къ такимъ пріемамъ, которые составляютъ какъ-бы историческую черту въ русскомъ народѣ, принадлежитъ самозванство, къ коему русскій народъ прибѣгалъ во всѣ смутныя или тяжелыя эпохи своего историческаго существованія. Явленіе это, рѣдко замѣчаемое у другихъ народовъ, объясняется особымъ складомъ нашей государственной жизни, при которомъ протестъ существующему порядку или нестерпимому злу могъ исходить изъ народа не отъ имени этого самаго народа, какъ-бы отрицавшаго въ себѣ историческое право протеста, но отъ имени другой силы, признававшей за собою право протеста. Оттого всякій разъ, когда народъ протестовалъ, онъ какъ-бы не имѣлъ *своего* знамени, а шелъ за знаменемъ силы, въ идеѣ солидной и тождественной съ тою силой, противъ которой онъ протестовалъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ онъ шелъ за знаменемъ убитаго царевича и его именемъ требовалъ признанія своихъ правъ, равно какъ въ XVIII-мъ вѣкѣ шелъ онъ за знаменемъ умершаго императора и отъ его имени требовалъ облегченія своей участи.

Были у народа и избранныя имена царскія, и только къ этимъ избраннымъ именамъ пріурочивалось самозванство, тогда какъ другихъ царскихъ именъ самозванцы не принимали. Цѣлый рядъ самозванцевъ носилъ имя царевича Димитрія. Другой рядъ самозванцевъ—Степанъ Малый, черногорскій царь, Богомоловъ, Кремневъ, Пугачовъ, Ханинъ и еще нѣкоторые—принимали на себя имя императора Петра III, тогда какъ другихъ царскихъ именъ они не принимали. И на это были у народа свои причины: онъ принималъ, черезъ своихъ самозванцевъ, царское имя только такой особы, кончина которой почему-либо казалась для него или сомнительною, или покрытою чѣмъ-либо таинственнымъ.

Въ нынѣшнемъ вѣкѣ такимъ именемъ въ исторіи русскаго народа является имя великаго князя Константина Павловича. Связанныя съ именемъ этого великаго князя декабрскія происшествія 1825-го года, сомнѣнія, возбужденныя декабристами относительно правъ вступленія на престолъ великихъ князей Константина или Николая Павловича и другія связанныя съ этими событіями обстоя-

тельства, извѣстія о коихъ проникали въ народъ въ извращенномъ видѣ, были, безъ сомнѣнія, причиною того, что имя великаго князя Константина Павловича явилось тѣмъ знаменемъ, подъ которое обыкновенно становился народъ въ сомнительныхъ случаяхъ своей исторической жизни и особенно въ то время, когда обстоятельства вынуждали его къ тому или другому протесту.

Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, русскіе самозванцы стали принимать имя великаго князя Константина Павловича, какъ въ XVIII-мъ или въ XVII-мъ вѣкѣ они принимали имена или императора Петра III или царевича Димитрія.

Въ августовской книжкѣ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ помѣщена статья г. Середы, въ которой, на основаніи одного архивнаго дѣла и народныхъ преданій, разсказывается о появленіи въ Оренбургской губерніи, въ 1845-мъ году, Лже-Константина. Крестьянскія волненія въ этомъ краѣ, усмиренныя жестокимъ наказаніемъ виновныхъ, породили въ народѣ убѣжденіе, что для разслѣдованія правоты крестьянъ непремѣнно долженъ пріѣхать «царевъ сродникъ», и дѣйствительно въ скоромъ времени появилась тамъ таинственная личность, въ простой солдатской шинели, которая и выдавала себя за великаго князя Константина Павловича. Хотя принятыя мѣстнымъ начальствомъ мѣры и остановили волненіе въ самомъ началѣ и хотя Лже-Константинъ скрылся, однако въ народѣ осталась увѣренность, что Константинъ живъ и рано-ли, поздно-ли приметъ дѣятельное участіе въ судьбѣ бѣдныхъ крестьянъ.

Такая увѣренность крестьянъ не была мѣстнымъ явленіемъ и не составляла принадлежности крестьянъ одной Оренбургской губерніи. Напротивъ, убѣжденіе въ томъ, что Константинъ-князь живъ и придетъ на спасеніе угнетенныхъ, такъ глубоко засѣло въ умѣ народа, что онъ лелѣялъ его до самой крестьянской реформы, именно до 19 февраля 1861-го года, такъ что передъ самымъ своимъ освобожденіемъ сталъ уже смѣшивать въ своемъ понятіи два одинаковыхъ имени—великаго князя Константина Павловича и великаго князя Константина Николаевича.

Дѣйствительно, передъ самой крестьянской реформой въ Саратовской губерніи взята была мѣстною полиціею неизвѣстная лич-

ность, которая называла себя великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Это былъ молодой парень, который ходилъ по деревнямъ и сообщалъ крестьянамъ за тайну, что онъ посланъ отъ «брата» своего приготовить народъ къ свободѣ, что «братъ» давно порѣшилъ «ослобонить въ чистую своихъ любезныхъ мужичковъ», но дабы «глупые мужички напрасно не обижали господъ», которые для его «брата» такіе-же «дѣти какъ и мужички», онъ приказалъ своему меньшому брату подъ рукою вразумить народъ и подготовить его къ мирному освобожденію отъ помѣщичьей власти. Эта странная личность взята была за безписьменность, какъ бродяга, потому что всѣ внѣшніе признаки говорили въ пользу того, что разгласитель вѣстей о свободѣ былъ изъ разряда тѣхъ горемыкъ, которые бродятъ по міру невѣдомыми путями, кормятся невѣдомыми средствами, и когда попадаются въ руки властей, то называютъ себя непомнящими родства. Взятый въ Саратовской губерніи самозванецъ далеко не былъ настолько искусенъ, чтобы поставить себя въ такія отношенія къ крестьянамъ, въ какія сталъ оренбургскій самозванецъ, свѣдѣнія о которомъ сообщаетъ г. Середа: по донесенію мѣстной полиціи, саратовскій самозванецъ ходилъ въ нагольномъ тулупѣ, въ лаптяхъ и имѣлъ другія принадлежности костюма самыя бѣдныя, чѣмъ, повидимому, и возбуждалъ во всѣхъ еще бо́льшія подозрѣнія.

Но, оставляя въ сторонѣ этого новѣйшаго самозванца, о которомъ мы упомянули лишь для того, чтобы показать, что самозванство, которое составляетъ какъ-бы историческую черту въ русскомъ народѣ, перешло черезъ всю его исторію и едва-ли заключило свой историческій циклъ съ великимъ актомъ освобожденія крестьянъ, мы обратимся къ другому самозванцу, который является предшественникомъ оренбургскаго и свѣдѣнія о которомъ мы почерпнули изъ архива города Петровска.

Въ 1826-мъ году, во время рождественскихъ святокъ, въ селѣ Ошметовкѣ появилась неизвѣстная личность, съ которою находились два солдата. По селу стали ходить слухи, что личность эта называетъ себя «непозволительнымъ именемъ» и что находящіеся при ней солдаты «всѣхъ въ томъ увѣряютъ». Таинственная личность также одѣта была въ солдатское платье, но находящіеся при

ней солдаты видимо оказывали ей «великое почтеніе, какое подобаетъ высокому лицу». Въ селѣ стали говорить, наконецъ, что таинственный человѣкъ, одѣтый въ солдатское платье, былъ «самъ царевичъ» и что другіе солдаты были переодѣтые генералы. Пріѣхали они изъ сосѣдняго села на тройкѣ, и привезшій ихъ ямщикъ, на вопросы крестьянъ, кого онъ привезъ, отвѣчалъ: «я привезъ вамъ благодать: ежели съумѣете заслужить, то вамъ великое добро будетъ». Крестьяне изъ любопытства стали толпиться около той избы, въ которой остановились пріѣзжіе, и все село встревожилось странными слухами, ходившими насчетъ пріѣзжихъ. Сельскія власти, недоумѣвая, какъ имъ дѣйствовать и въ то-же время боясь отвѣтственности, въ случаѣ какого-либо недосмотра, на другой день отправились къ пріѣзжимъ. Тѣ сидѣли въ это время въ избѣ и пили чай. Когда староста вошелъ въ избу, его пригласили сѣсть и угостили чаемъ. Староста долго не смѣлъ приступить къ разспросамъ. Наконецъ, онъ рѣшился коснуться этого щекотливаго дѣла стороной, боясь навлечь подозрѣніе или «какимъ своимъ неумысліемъ» обидѣть пріѣзжихъ, въ случаѣ если они «точно знатныя лица, какъ объ этомъ сказывали».

— Кто вы такіе будете? спросилъ староста.

— Кто мы будемъ, про то Богъ вѣдаетъ, а кто мы были— объ томъ знаютъ въ Петербургѣ, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ, но только не тотъ, который «отъ нихъ за кого-либо *иного* почитаемъ былъ».

Этотъ «иной» сидѣлъ молча и читалъ какую-то книгу. Послѣ оказалось по слѣдствію, что это были «святцы церковной печати».

Староста между тѣмъ далъ понять таинственнымъ гостямъ, что съ него начальство очень строго взыщетъ, если онъ по своей «крестьянской темнотѣ» сдѣлаетъ что-либо не такъ, какъ законъ велитъ.

— Я вамъ дамъ другіе законы—легкіе, сказалъ тотъ, который читалъ книгу, а потомъ спросилъ: «кто у васъ губернаторъ?»

Староста назвалъ фамилію губернатора.

— Вашего губернатора я знаю, сказалъ читавшій книгу проѣзжій:—онъ у меня бывалъ во дворцѣ, въ Петербургѣ.

Такъ показывали на слѣдствіи, при допросахъ, сельскія власти

названнаго села. Десятскій же Архиповъ показалъ, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ. Когда староста спросилъ пріѣзжихъ: «кто вы такіе?»—тѣ отвѣчали:

— Не вамъ насъ спрашивать и не намъ вамъ отвѣчать.

Когда же староста настаивалъ на томъ, чтобъ они сказали о себѣ правду, а иначе онъ будетъ отвѣчать передъ начальствомъ и губернаторомъ, тотъ, котораго считали главнымъ между пріѣзжими, сказалъ:

— Я вашего губернатора въ бараній рогъ согну.

Въ другой разъ на какое-то замѣчаніе десятскаго о губернаторѣ, онъ высказалъ «съ сердцемъ»:

— У меня въ Петербургѣ такіе какъ вашъ губернаторъ у порога стоятъ и, стоя на одной половицѣ, руки по швамъ держутъ.

Понятно, что все это ставило сельскія власти въ большое недоумѣніе, и «отъ робости» они не знали, что имъ дѣлать, какъ потомъ показывали на допросахъ. Хотя они не вполнѣ вѣрили словамъ проѣзжихъ, однако не могли, да и не смѣли уличать ихъ въ обманѣ, во-первыхъ, потому что не знали, какъ это сдѣлать, а во-вторыхъ, потому что по своей «крестьянской темнотѣ», могли предполагать въ проѣзжихъ, дѣйствительно, что-либо важное. Они боялись настойчиво требовать отъ нихъ доказательства того, кто они такіе, и въ то же время соображали, что если эти люди пріѣхали свободно изъ сосѣдняго села и если въ томъ селѣ не только ихъ не остановили, но привезшій ихъ ямщикъ говорилъ даже, что «привезъ благодать», то, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ тутъ кроется какая-нибудь «благодать». Самовольнымъ же задержаніемъ или арестованіемъ неизвѣстныхъ людей они, какъ имъ казалось, могли навлечь на себя великую бѣду, когда проѣзжіе не стѣсняясь говорили, какъ власть имѣющіе, что имъ ничего не стоитъ согнуть въ бараній рогъ губернатора и что губернаторы у нихъ въ Петербургѣ дальше порога ступить не смѣютъ.

Какъ бы то ни было, сельскія власти села Ошметова не приняли никакихъ мѣръ къ задержанію подозрительныхъ людей и вообще, какъ видно, не обратили на это обстоятельство особеннаго вниманія. Однако, какъ оказалось впослѣдствіи, крестьяне довольно горячо приняли извѣстіе о томъ, что къ нимъ въ село пріѣ-

ѣзжалъ царевичъ, хотя тѣмъ не мѣнѣе понимали, что это важное для нихъ событіе слѣдуетъ до поры до времени хранить въ тайнѣ, какъ это имъ и приказано было отъ мнимаго царевича. Когда на дворъ начали приходить любопытствующіе крестьяне, мнимые генералы объявили имъ, что о проѣздѣ «великой особы» они не должны разглашать, чтобъ о томъ не дошло до начальства и въ особенности до губернатора, такъ какъ «великая особа» разъѣзжаетъ теперь тайно, съ цѣлью—лично узнать на мѣстѣ, какимъ обидамъ отъ начальниковъ подвергается простой народъ, чтобы потомъ всѣхъ «неправыхъ» начальниковъ, а также и губернатора, смѣнить и наказать. Когда же, вслѣдствіе этого, нѣкоторые изъ крестьянъ, по своей «простотѣ и глупости», какъ сами потомъ признавались слѣдственному чиновнику, стали заявлять мнимымъ генераламъ свои жалобы «на бѣдность», послѣдніе отвѣчали имъ, что находящаяся съ ними великая особа пришлетъ къ нимъ «вѣрныхъ чиновниковъ, которые и разберутъ все по-божески».

Къ вечеру того-же дня мнимый царевичъ вмѣстѣ съ своими двумя смутниками выѣхалъ изъ Ошметова. Хозяину, у котораго онъ останавливался, подарилъ онъ полтинникъ, и когда тотъ отказывался отъ денегъ, мнимый царевичъ сказалъ, что за его хлѣбъ-соль онъ наградитъ хозяина милостиво, когда придетъ время ему «открыться передъ всѣми», но что пока оставляетъ гостепріимному хозяину этотъ полтинникъ съ тѣмъ, чтобы мужикъ его помнилъ и молился о его здравіи. Выѣхалъ самозванецъ изъ Ошметовки на обывательскихъ лошадяхъ, и съ тѣхъ поръ ни его самаго, ни его спутниковъ никто въ Ошметовкѣ не видѣлъ.

II.

Такъ прошло болѣе полугода, и слухи о царевичѣ замолкли. Знали-ли мѣстныя губернскія власти о появленіи и исчезновеніи самозванца, принимали-ли какія-либо мѣры къ отысканію его—изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній не видно. Можно только полагать съ

достовѣрностью, что изъ Ошметовки ни до одного города, ни до губернскаго, ни до уѣзднаго, не дошли оффиціальнымъ путемъ вѣсти о событіи, которое, повидимому, и крестьяне стали мало-помалу забывать.

Между тѣмъ лѣтомъ слѣдующаго года взбунтовалось одно большое село Балашовскаго уѣзда, населенное малороссіянами, именно Романовка. Село это всегда отличалось неповиновеніемъ властямъ. Сначала бунтъ имѣлъ совершенно пассивный характеръ: крестьяне уклонялись и отъ работъ въ пользу помѣщика, и отъ всякаго оброка. Между тѣмъ они имѣли постоянныя сходки и таинственныя совѣщанія, на которыя не допускались сельскія власти. Такъ какъ за прежнее время на нихъ накопилась значительная недоимка, то они добивались разными уловками, чтобъ эта недоимка была съ нихъ сложена. Для этого они тайно требовали отъ экономическаго конторщика, чтобъ онъ отдалъ имъ экономическія конторскія книги или уничтожилъ-бы ихъ; но когда онъ этого не сдѣлалъ, нѣкоторые изъ крестьянъ ночью забрались въ контору и, связавъ конторщика, требовали отъ него выдачи книгъ. Конторщикъ и въ этомъ случаѣ остался непреклоннымъ и не сказалъ крестьянамъ, гдѣ у него спрятаны книги.

Тогда одинъ изъ бунтовщиковъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Зачѣмъ мы его связали? Пускай онъ подавится своими книгами, а мы денегъ платить не станемъ.

Другой изъ бунтовщиковъ говорилъ при этомъ:

— Намъ старыхъ книгъ не надо: у насъ скоро будутъ новыя книги, бѣлыя.

Когда же конторщикъ сказалъ, что за неповиновеніе и ночной грабежъ бунтовщиковъ сошлютъ въ Сибирь, то первый изъ упомянутыхъ крестьянъ отвѣчалъ:

— Мы вашей Сибири не боимся: теперь отъ насъ государь ближе, чѣмъ отъ васъ губернаторъ.

— Какой государь? спросилъ конторщикъ, котораго удивили послѣднія слова крестьянина: — государь императоръ въ Петербургѣ, и вашего дѣла не знаетъ.

— Былъ государь въ Петербургѣ, а теперь въ Романовкѣ, отвѣчалъ крестьянинъ.

Конторщикъ впослѣдствіи показывалъ, что онъ не обратилъ вниманія на послѣднія слова крестьянина, полагая, что они сказаны имъ «спьяну и съ глупости».

При всемъ томъ о неповиновеніи крестьянъ и о нападеніи на конторщика доведено было до свѣдѣнія мѣстной полицейской власти. Но пока исправникъ прибылъ въ Романовку, крестьяне еще болѣе ожесточились и бунтъ изъ пассивнаго сопротивленія перешелъ къ угрозѣ, а сходки начали происходить открыто. Одни изъ крестьянъ настаивали на томъ, чтобы выбрать изъ своей среды ходаковъ и послать въ Петербургъ; другіе утверждали, что въ Петербургъ посылать не за чѣмъ, что «законъ самъ къ нимъ придетъ»; третьи, наконецъ, требовали отправленія гонца къ губернатору, чтобъ увѣдомить его о томъ, что если онъ не приметъ сторону крестьянъ, то ему «на мѣстѣ не усидѣть». Однако, ни ходаковъ, ни гонцовъ никуда не отправили, а продолжали шумѣть дома и, повидимому, не рѣшались ни на какія мѣры. Впрочемъ, никого изъ сельскихъ экономическихъ начальниковъ не обижали, можетъ быть собственно потому, что и начальники ихъ не трогали.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ исправникъ. Крестьяне встрѣтили его мирно, и когда оповѣстили сходку, на сходку явилось почти все село. Хотя собраніе было шумно, но безпорядковъ и буйствъ никто не затѣвалъ, только при появленіи исправника крестьяне видимо не хотѣли снимать шапокъ.

Исправникъ спросилъ стоявшихъ впереди стариковъ:

— Вы чѣмъ недовольны?

— Мы всѣмъ довольны, отвѣчали старики.

— По какому-же поводу вы не повинуетесь начальникамъ?

— Начальниковъ мы слушаемъ, а что они не по закону приказываютъ, того исполнять не хотимъ, говорили крестьяне.

— Что-же они не по закону вамъ приказываютъ? спросилъ исправникъ.

— Они дѣлаютъ неправильные начеты, говорили одни.

— У нихъ фальшивыя книги, кричали другіе.

Въ толпѣ слышны были крики: «они воруютъ у насъ дни!.. Они утаиваютъ нашъ оброкъ!»

Исправникъ обѣщалъ разобрать дѣло и обнаружить злоупо-

требленія, если они дѣйствительно существовали... Но недовольные, прикрываясь въ толпѣ другъ другомъ, начали «свистать и уськать на г. исправника, какъ на собаку», по выраженію полицейскаго правленія, а нѣкоторые кричали:

— Поздно разбирать дѣло! Мы его сами давно разобрали.

Старики, которые стояли впереди круга, составлявшаго крестьянскую сходку, обращались назадъ къ недовольнымъ крикунамъ и просили ихъ не шумѣть. Но крикуны облаяли самихъ стариковъ, выговаривая имъ укоризненно: «Ѣсть-бы вамъ лучше кашу, а въ громадское дѣло не мѣшаться».

Обиженные этими возгласами старики приняли сторону исправника. Къ нимъ присоединились и другіе крестьяне, менѣе раздраженные, и такимъ образомъ вся громада раздѣлилась на двѣ партіи. Исправникъ, который началъ было терять присутствіе духа и не зналъ, какъ ему благополучно выбраться изъ громадскаго круга, ободрился разноголосицей громады и требовалъ, чтобы недовольные выступили впередъ для объясненія своихъ претензій. Этимъ способомъ онъ намѣревался узнать имена коноводовъ движенія, чтобы, записавъ ихъ, поступить съ бунтовщиками по закону. Но крестьяне поняли уловку исправника и не выдавали своихъ зачинщиковъ и совѣтниковъ.

— Кто изъ васъ хочетъ говорить со мною? спрашивалъ исправникъ:—выходи впередъ!

— Никто не хочетъ съ тобою говорить, слышались голоса изъ толпы:—мы знаемъ съ *кимъ* говорить.

Тогда исправникъ приказалъ согласной съ нимъ партіи силою ввести въ кругъ зачинщиковъ. Но крестьяне не рѣшались выдавать своихъ товарищей, и когда исправникъ, взявъ съ собой двухъ полицейскихъ служителей и одного крестьянина, который долженъ былъ указать въ толпѣ на зачинщиковъ смуты и на крикуновъ, крестьяне смыкались въ густые ряды и исправникъ не могъ выйти изъ громадскаго круга. Однако и въ этомъ случаѣ крестьяне дѣйствовали осторожно, съ полнымъ сознаніемъ того, что бунтовать не слѣдуетъ, т. е. опять-таки бунтовали такъ-сказать пассивно, какъ это почти всегда дѣлается во время крестьянскихъ смутъ, когда бунтовщики еще не выведены изъ своей спокойной самоу-

вѣренности какою-либо слишкомъ рѣзкою мѣрою или ошибкою начальства, вродѣ превышенія власти, забывчивости въ пылу спора и т. п. Когда полицейскіе служители силились протискаться въ толпу, чтобы взять тамъ крикуна, котораго движеніе или задирчивый голосъ они заприметили, крестьяне стояли какъ вкопаные въ землю и ни одинъ изъ нихъ даже не оттолкнулъ отъ себя полицейскаго. Только когда полиціанты хватали намѣченную ими личность за руки и старались притащить къ исправнику, прочіе крестьяне держали эту жертву сзади, не позволяя ей двинуться съ мѣста, или разступались, давая ей возможность укрыться за своими спинами, и такимъ образомъ всякій разъ полицейскіе встрѣчали въ толпѣ пассивное сопротивленіе, но на буйство и насиліе не могли пожаловаться.

При всемъ томъ, хотя со стороны крестьянъ не было ни буйства, ни насилія, однако, положеніе исправника становилось въ высшей степени щекотливымъ. Отъ крестьянъ онъ не могъ ничего добиться, и такимъ образомъ, пріѣздъ его долженъ былъ казаться ему самому или неумѣстнымъ, или по малой мѣрѣ безполезнымъ. Крестьяне повидимому и не бунтовали, но въ то-же время не хотѣли и говорить съ нимъ о томъ дѣлѣ, по которому собственно и пріѣхалъ къ нимъ представитель уѣздной власти. Крестьяне не хотѣли даже, чтобъ исправникъ вмѣшивался въ ихъ дѣло, говоря: «поздно разбирать дѣло: мы его сами давно разобрали». Но какъ бы то ни было, представитель мѣстной власти, по своей прямой обязанности, долженъ былъ непремѣнно разобрать дѣло на мѣстѣ и повозможности уладить эти серьезныя столкновенія крестьянъ съ ихъ экономическимъ начальствомъ, тѣмъ болѣе, что отъ неповиновенія крестьянъ страдала владѣльческая экономія, а между тѣмъ, ходили смутные слухи, что въ этомъ начинающемся бунтѣ виновато чье-то тайное подстрекательство, что даже не крикуны были дѣйствительными зачинщиками смуты, а кто-то другой, о которомъ крестьяне умалчивали, хотя два-три голоса не осторожно выкрикнули на сходкѣ, что, не желая говорить съ исправникомъ, они «знаютъ *съ кѣмъ* говорить». Съ кѣмъ-же? Исправникъ слышалъ эти возгласы, но почему-то не спросилъ крестьянъ, *кого* именно разумѣютъ они подъ тѣмъ, *съ кѣмъ* намѣрены говорить о

своемъ дѣлѣ: или онъ не нашелся что сказать или считалъ не безопаснымъ заговаривать съ раздраженными крестьянами о такомъ предметѣ, который, какъ вѣроятно и онъ самъ догадался, можетъ быть затронутъ только тогда, когда мѣстная власть будетъ чувствовать себя болѣе сильною. Конечно, напуганный исправникъ не могъ не догадаться, что крестьяне, державшіе себя до сихъ поръ довольно тихо, могли разразиться взрывомъ, и тогда для исправника не было никакого спасенья.

Такъ, по крайней мѣрѣ, мы должны понимать его дѣйствія въ этой смутѣ, не имѣя другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній. Въ бумагахъ же, относящихся къ этой смутѣ, мы нашли только голые факты и краткія, иногда разнорѣчивыя показанія той и другой стороны. Впрочемъ, изъ бумагъ видно, что до сихъ поръ никѣмъ еще не было упомянуто имени самозванца, кромѣ развѣ того, что во время поздняго нападенія на квартиру конторщика, крестьяне, связавшіе этого послѣдняго и старавшіеся вынудить его отдать имъ конторскія книги, проговорились, что «государь теперь въ Романовкѣ». Но конторщикъ сдѣлалъ это показаніе уже гораздо позже, а можетъ быть и самъ выдумалъ его, когда всѣ заговорили о самозванцѣ.

Но, какъ ни было опасно положеніе исправника, тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ такъ или иначе дѣйствовать, чтобъ не дать крестьянамъ замѣтить униженія, въ которое онъ былъ поставленъ. Обращаясь къ старикамъ, онъ сказалъ, что разсмотритъ конторскія книги и отберетъ показанія какъ отъ крестьянъ, такъ и отъ экономической конторы. Но крестьяне не дали ему договорить и «съ азартомъ» закричали:

— Вы заодно съ конторой плутуете!

— Тебѣ контора кума: ты съ нею всѣхъ нашихъ гусей и индюшекъ перевелъ *).

— Поѣзжай съ Богомъ домой, пока цѣлъ, шумѣли прочіе крестьяне.

*) Во время слѣдствія нѣкоторые показали, что это обвиненіе (будто исправникъ вмѣстѣ съ экономическою конторою поѣли всѣхъ крестьянскихъ гусей и индѣекъ) сказано было отставнымъ солдатомъ Грищенкомъ, а не крестьянами.

Такимъ образомъ, первая поѣздка полицейскихъ властей въ Романовку не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Власти могли только донести по начальству, что крестьяне упорствуютъ въ своемъ неповиновеніи, что исправника почти силой вынудили уѣхать изъ села и что даже самая жизнь его подвергалась опасности, если-бы старики не остановили бунтовщиковъ.

Но о самозванцѣ и теперь еще ничего не было сказано въ бумагахъ, хотя все это было его дѣло, какъ окажется впослѣдствіи.

Всѣ эти обстоятельства вынуждали мѣстное начальство принять энергическія мѣры для подавленія крестьянскаго волненія въ Романовкѣ, такъ какъ оно непремѣнно должно было отразиться подобными-же волненіями и въ прочихъ мѣстахъ, какъ только распространился-бы въ сельскомъ населеніи слухъ о романовскихъ смутахъ. Крестьянскія волненія вообще заразительны, и какъ-бы изъ подражанія цѣлыя мѣстности начинаютъ волноваться потому только, что изъ какого-нибудь села выйдетъ слухъ, будто крестьянъ зарываютъ живыми въ землю за то, что они не хотятъ сѣять картофель *) или что какой-нибудь льготный указъ припрятали становые по единомыслію съ господами и не объявляютъ о немъ крестьянамъ. Эти явленія весьма обыкновенны въ исторіи народныхъ движеній какъ прошлаго, такъ и нынѣшняго вѣка.

Военная команда прибыла въ Романовку въ самое рабочее время. Крестьяне большею частью находились на поляхъ, и потому солдаты свободно расположились квартирами въ селеніи и, по обыкновенію того добраго стараго времени, стали истреблять не только крестьянскихъ гусей и индѣекъ, но куръ и барановъ. Крестьяне, повидимому, были сильно смущены появленіемъ въ ихъ селѣ военной силы, тѣмъ болѣе, что всѣ они чувствовали себя виновными передъ мѣстными властями. Тотчасъ-же оповѣщено было, чтобы всѣ крестьяне собирались на сходку. Испуганные крестьяне медлили сборомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, остававшіеся въ селѣ во время вступленія въ него команды «съ барабаннымъ боемъ», до того упали духомъ, что побросали свое хозяйство, домà, дѣтей, и бѣ-

*) Такъ называемымъ крестьянскимъ *«картофельнымъ бунтамъ»* мы намѣрены посвятить особое изслѣдованіе.

жали изъ села, думая скрываться до тѣхъ поръ, пока не кончится дѣло, принявшее такой крутой оборотъ, и пока солдаты со всѣми прочими властями не оставятъ Романовки. Другіе же, возвращаясь съ полей и находя у себя на дворѣ солдатъ, тихонько опять возвращались въ поля. Третьи, наконецъ, хотя и не прятались, но на сходку неохотно собирались. Тогда оповѣщено было, что всѣхъ неявившихся на сходку запишутъ по домамъ, и тогда поступлено будетъ съ ними какъ съ прямыми ослушниками указовъ и бунтовщиками.

Въ виду такихъ угрозъ, крестьяне должны были повиноваться. Но, какъ и слѣдовало ожидать, на сходку явились только тѣ, которые считали себя или вовсе невиновными или—сравнительно—мало виновными; тѣ-же, которые сами понимали, что на нихъ обрушится вся тяжесть обвиненія, или тѣ, которые болѣе всего кричали во время послѣдней сходки въ присутствіи исправника, уклонились отъ сходки, иные изъ нихъ долго скрывались въ окрестностяхъ, третьи пустились въ бѣга, а были и такіе, которые пропали безъ вѣсти, по крайней мѣрѣ, этихъ пропавшихъ долго разыскивали и не могли отыскать.

Когда сходка собралась и исправникъ вмѣстѣ съ начальникомъ военной команды, чиновникомъ, присланнымъ отъ губернатора и нѣсколькими солдатами съ барабанщикомъ, вступили въ громадскій кругъ, крестьяне сняли шапки и нѣкоторые изъ нихъ перекрестились. Исправникъ требовалъ, чтобъ крестьяне указали на зачинщиковъ смуты. Крестьяне говорили, что они не виноваты.

— Выдавайте зачинщиковъ, повторилъ губернаторскій чиновникъ.

— У насъ нѣтъ зачинщиковъ, отвѣчали крестьяне.

— Выдавайте, настаивалъ чиновникъ:—въ противномъ-же случаѣ васъ всѣхъ пересѣкутъ.

— Сѣките—ваша воля; а мы не виноваты.

Когда чиновникъ распорядился, чтобы подвезли розги, которыми наполнена была телѣга, стоявшая на конторскомъ дворѣ, нѣкоторые изъ крестьянъ бросились бѣжать.

— Стойте, кричалъ начальникъ команды:—законъ повелѣваетъ стрѣлять въ ослушниковъ, и я прикажу стрѣлять въ васъ.

Испуганные старики просили громаду остановиться, потому что бѣгствомъ они всѣхъ погубятъ. Но крестьяне продолжали быстро расходиться, и начальникъ команды приказалъ барабанщику бить сборъ.

Едва раздался бой барабана, какъ крестьяне, прежде столь робкіе, но теперь увлекаемые чувствомъ самосохраненія, бросились къ ближайшимъ плетнямъ и въ мгновенье разобрали ихъ, выдергивая колья и вооружаясь ими. Иные кричали: «у насъ у самихъ есть ружья—и мы тоже будемъ стрѣлять». Быстро двигались къ мѣсту собранія солдаты и, по командѣ офицера, старались оцѣпить крестьянъ. Въ то время на колокольнѣ раздался набатный колоколъ, въ который ударили бѣжавшіе съ сходки крестьяне, вѣроятно желая набатомъ вызвать въ село всѣхъ, кто былъ въ полѣ или скрывался. Начальникъ команды приказывалъ крестьянамъ, чтобъ они побросали колья. Тѣ не слушались. Онъ грозилъ, что сейчасъ скомандуетъ къ ружью. Крестьяне продолжали держать колья.

Тогда начальникъ скомандовалъ — и солдаты подняли ружья. Онъ скомандовалъ къ прицѣлу. Минута была рѣшительная. Нѣкоторые изъ крестьянъ побросали колья. Другіе кричали: «стрѣляй, душегубъ!» Видно было, что нѣкоторые изъ ожесточенныхъ крестьянъ готовы были броситься или на солдатъ, или на начальниковъ («съ своей стороны вознамѣрились атаковать ихъ», какъ говорится въ бумагахъ). Оставалось только сказать послѣднее слово командѣ или махнуть платкомъ.

Старики упали на колѣни и просили пощады и за себя и за другихъ провинившихся. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались женщины и дѣти съ плачемъ. Солдаты продолжали стоять съ поднятыми ружьями, цѣлясь въ крестьянъ, и ожидая команды. Но команды, къ счастью, не послѣдовало; а напротивъ, по условному знаку, данному командиромъ, солдаты опустили ружья. Крестьяне, съ своей стороны, начали бросать колья и подвигаться къ полукругу, образованному стариками и другими крестьянами около начальства.

Первый пылъ прошелъ и настала болѣе спокойная разборка дѣла. Крестьяне говорили, что они не виноваты ни въ чемъ; но когда начальники опять стали требовать или выдачи, или указанія

зачинщиковъ и подстрекателей, крестьяне увѣряли ихъ, что съ ними нѣтъ ни зачинщиковъ, ни подстрекателей, что если они и были, то теперь они никого изъ нихъ не видятъ на сходкѣ, что они вѣроятно скрылись. Крестьяне доказывали свою невинность тѣмъ, что они не прятались, а сами пришли въ громаду, а что, въ противномъ случаѣ, еслибъ они дѣйствительно были бунтовщики, то вышли-бы на сходку вооруженные кто чѣмъ могъ и встрѣтили-бы солдатъ тоже съ ружьями, «коихъ въ селѣ у крестьянъ, производящихъ охоту на звѣрей и птицъ, имѣется значительное количество».

Какъ-бы то ни было, по указанію конторы, взяты были нѣкоторые изъ крестьянъ, и на сходкѣ, при всемъ народѣ, высѣчены. Но и при этомъ они продолжали выражать жалобы, что начальство экономическое (помѣщичьи приказчики и конторщики) притѣсняетъ ихъ и вообще обременяетъ излишними работами и незаконными поборами, что отдача въ рекруты изъ ихъ села производится неправильно, что брѣютъ бѣдныхъ и одиночекъ, а богатыхъ оставляютъ дома и освобождаютъ отъ солдатства помимо всякой очереди, что не позволяютъ пахать для посѣва удобную землю, а отдаютъ крестьянамъ неудобную, тайно отъ владѣльца уступая постороннимъ арендаторамъ и другимъ съемщикамъ тѣ земли, которыя, по праву, должны-бы быть запаханы романовскими крестьянами, и что, наконецъ, оброчныя конторскія книги ведутся неправильно, къ явному притѣсненію крестьянъ. Для удовлетворенія крестьянскихъ претензій приняты были надлежащія мѣры, но привели-ли эти мѣры къ искомому крестьянами результату, ни откуда этого не видно, а всего скорѣе надо полагать, что ни къ чему не привели, такъ какъ и по настоящее время въ Романовкѣ крестьянскія смуты не прекращаются, не смотря на энергическія мѣры мѣстныхъ губернскихъ властей къ успокоенію умовъ обитателей этого безпокойнаго села *).

*) Такъ, еще недавно, именно въ 1868-мъ году, по случаю недоразумѣнія между крестьянами этого села и владѣльческою экономіею относительно земельнаго надѣла, для усмиренія Романовки посылались военныя команды. Замѣчательно, что когда началось волненіе въ Романовкѣ, крестьяне, до прибытія туда губернатора, обвиняли одного изъ служителей владѣльческой экономіи

Самый бунтъ, однако, былъ усмиренъ и волненіе не имѣло серьезныхъ послѣдствій. Это легкое, безъ пролитія крови, усмиреніе бунта, который могъ кончиться весьма печальнымъ образомъ, зависѣло отъ тайныхъ, однимъ крестьянамъ извѣстныхъ причинъ, которыя мы намѣрены выяснить по возможности съ доступной намъ полностью.

III.

Мы сказали выше, что когда три неизвѣстныя личности, изъ которыхъ одну называли «царевичемъ», скрылись изъ села Ошметовки, никто не могъ сказать, куда онѣ дѣвались. Ошметовскій ямщикъ, съ которымъ они выѣхали изъ этого села, показывалъ, что они оставили его въ селѣ Сердобѣ среди базара. По собраннымъ-же потомъ справкамъ, въ Сердобѣ ихъ никто не видѣлъ, а можетъ быть и многіе видѣли, но во время слѣдствія признаваться въ томъ боялись.

Такимъ образомъ слѣды самозванцевъ были на время потеряны.

Но въ концѣ великаго поста 1827-го года, на самой страстной недѣлѣ, въ Романовкѣ появились три солдата, которые, по всѣмъ видимостямъ, были тѣ-же самые, что своимъ появленіемъ надѣлали шуму въ Ошметовкѣ и встревожили мѣстныя сельскія власти. За кого выдавали они себя и какъ вошли въ довѣріе къ крестьянамъ — неизвѣстно; но слѣдуетъ предполагать, что въ Романовкѣ они дѣйствовали гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ Ошметовкѣ и тѣмъ отвлекли отъ себя преждевременныя подозрѣнія. Въ Рома-

---

въ томъ, будто онъ утаилъ какую-то важную бумагу и когда онъ запирался, его заставляли ѣсть землю и лошадиный калъ, въ доказательство того, что онъ невиненъ. Этотъ народный судъ напоминаетъ древнія ордаліи или судъ божій, когда обвиняемаго заставляли брать голою рукою раскаленное желѣзо, вынимать голою рукою изъ кипятка какую-нибудь вещь, или со связанными руками и ногами бросали въ воду, и если обвиняемый не погружался въ воду, то считался виновнымъ (по «Русской Правдѣ» — это судъ «желѣзомъ» и «водою»). Этотъ судъ былъ у всѣхъ младенствующихъ народовъ, въ томъ числѣ у славянъ и русскихъ.

новкѣ они, какъ видно, не тотчасъ-же разгласили, что между ними находится «высокая особа», что самъ «царевичъ» разъѣзжаетъ тайно по Россіи, чтобъ секретно ознакомиться съ нуждами, съ тяготами своего народа для избавленія этого народа отъ нужды и для защиты отъ притѣсненія сильныхъ, богатыхъ и начальствующихъ людей. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по тому, что романовскія власти ничего не знали о пребываніи въ ихъ селѣ мнимаго царевича и такихъ важныхъ гостей, какъ его самозванные генералы, тогда какъ въ Ошметовкѣ, въ первый-же день пріѣзда ихъ, народъ уже толковалъ, что къ нимъ въ село наѣхала «благодать» и толпился около двора, гдѣ остановились бродяги.

Со времени прибытія самозванца въ Романовку, сначала не замѣтно было никакого волненія между крестьянами; но въ маѣ мѣсяцѣ уже начались безпокойства, и съ тѣхъ поръ дерзость крестьянъ возрастала съ каждымъ днемъ. Тутъ-же начались и таинственныя крестьянскія сходки, но не на улицѣ, не около конторы, а по домамъ, безъ вѣдома экономическихъ властей. Оказалось, что крестьянъ мутили прибывшіе въ село три солдата, проживавшіе тамъ тайно отъ властей. Они сначала говорили стороной, что находящаяся съ ними особа имѣетъ власть всѣхъ миловать и казнить, и что они, видя притѣсненія, дѣлаемыя крестьянамъ, намѣрены «подумать съ ними» о ихъ дѣлѣ, узнать всю правду и потомъ рѣшить это дѣло такъ, чтобы «праваго не обидѣть». Но когда крестьяне спрашивали ихъ, кто они такіе, они отвѣчали, что имъ «заказано говорить» это отъ того третьяго лица, которое находится вмѣстѣ съ ними, пока изъ Петербурга не дадутъ ему знать, что «насталъ часъ открыться всей Россіи, кто онъ есть и для чего онъ теперь не на своемъ мѣстѣ». Самозванецъ-же въ это время нигдѣ не показывался и почти не выходилъ изъ пустой хибарки отставного солдата Дениса Руденкова, гдѣ онъ проживалъ, проводя большую часть времени въ чтеніи священныхъ книгъ. Затѣмъ мнимые генералы открыли Руденкову подъ глубочайшею тайной, что у него проживаетъ самъ великій князь Константинъ Павловичъ, который, будто-бы, по случаю бывшаго въ Петербургѣ бунта, долженъ на короткое время скрываться, такъ какъ враги его намѣрены были погубить великато князя и для этого подучили поля-

ковъ, что великій князь, проживавшій до того времени въ Польшѣ, уѣхалъ оттуда тайно и намѣренъ воротиться въ Петербургъ, когда можно будетъ «открыться всей Россіи».

Руденковъ пожелалъ видѣть самозванца, и былъ введенъ къ нему въ хибарку.

— Ты гдѣ служилъ, любезный? спросилъ его самозванецъ.

— Въ Петербургѣ, въ павловскомъ полку, отвѣчалъ Руденковъ.

— Такъ ты нашу царскую фамилію часто видѣлъ?

— Когда на караулѣ стоялъ, то сподобился видѣть.

— Такъ ты меня признаешь? спросилъ самозванецъ.

Руденковъ молчалъ.

— Я великій князь Константинъ Павловичъ. Призналъ ты меня?

— Теперь признаю, ваше высочество, отвѣчалъ Руденковъ, который «отъ робости не зналъ что говорить» *).

Самозванецъ объявлялъ о себѣ тоже, что говорили и его мнимые генералы и запрещалъ доносить по начальству. Между тѣмъ нѣкоторые изъ крестьянъ провѣдали, можетъ быть отъ самихъ-же спутниковъ самозванца или отъ Руденкова, что въ ихъ селѣ находится великій князь, и съ тѣхъ поръ въ Романовкѣ начались безпокойства, о которыхъ мы говорили выше. Нѣкоторые изъ крестьянъ были допущены къ самозванцу, говорили съ нимъ, и отъ него самого слышали, что «скоро онъ всѣхъ ихъ отберетъ отъ помѣщиковъ», что съ государемъ они «давно обдумали» это дѣло, но приведутъ его въ исполненіе такъ, чтобъ помѣщики не могли «помѣшать» имъ въ этомъ.

Вслѣдствіе этого крестьяне, полные надеждъ, начали смѣлѣе относиться къ своимъ сельскимъ начальникамъ, отказывались исполнять ихъ требованія, не выходили на работы, когда того требовалъ нарядъ, пріостановили взносъ оброковъ и наконецъ дошли до явнаго бунта, когда на сходкѣ укоризненно относились къ исправнику и ругали его въ глаза.

---

*) Когда слѣдственный чиновникъ спрашивалъ впослѣдствіи Руденкова, почему онъ въ свое время не объявилъ о самозванцѣ по начальству, тотъ отвѣчалъ, что «сдѣлалъ то отъ великой робости, ибо великаго князя въ лицо не помнитъ, а потому опасался донести ошибочно, притомъ-же названный человѣкъ (самозванецъ) ему настрого запретилъ объявлять о себѣ».

Въ то время, когда исправникъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ Романовку, самозванецъ, какъ оказывается, былъ еще въ этомъ селѣ. Его присутствіе, безъ сомнѣнія, и побуждало крестьянъ дѣйствовать дерзко и грозить своимъ властямъ. Оттого они говорили, что отъ нихъ «государь ближе, чѣмъ губернаторъ», что они «знаютъ *съ кьмъ* говорить» имъ о своемъ дѣлѣ. Но пріѣздъ исправника вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ важныя послѣдствія. Когда самозванецъ увидѣлъ, что положеніе его становится не безопаснымъ, что когда крестьяне, ободренные обѣщаніями самозванца, обошлись такъ дерзко съ исправникомъ, что тотъ чуть не бѣжалъ со сходки, онъ не могъ не сообразить, что на этомъ дѣло не остановится, что вслѣдъ за исправникомъ можетъ явиться для усмиренія Романовки губернаторъ, что могутъ нагрянуть и военныя силы для подавленія мятежа, и тогда, рано-ли, поздно-ли, присутствіе самозванца въ этомъ селѣ по необходимости откроется. Онъ не могъ не видѣть, что роль его кончается и долѣе оставаться на мѣстѣ было бы слишкомъ рисковано. Вслѣдствіе этихъ соображеній, ему, во что бы то ни стало, слѣдовало выбраться изъ Романовки, и если можно,—подъ благовиднымъ предлогомъ. И онъ, какъ оказывается, выбрался оттуда не только подъ благовиднымъ предлогомъ и вполнѣ благополучно, но даже съ большими выгодами для себя.

Для этого самозванецъ прибѣгъ къ уловкамъ, свойственнымъ подобнаго рода искателямъ приключеній, и обманулъ не только правительственныя власти, ускользнулъ изъ рукъ правосудія, но обманулъ и крестьянъ, которые ему вѣрили и на него полагались. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы можемъ объяснять его дѣйствія по отрывочнымъ фактамъ, найденнымъ нами въ бумагахъ.

Мнимые генералы его, послѣ отъѣзда изъ Романовки исправника, освистаннаго на сходкѣ, видя, что нѣкоторые изъ крестьянъ начали опасаться дурныхъ послѣдствій за свои буйства передъ исправникомъ, а можетъ быть и обнаруживали уже сомнѣніе насчетъ самозванца и его подозрительныхъ спутниковъ, стали успокоивать крестьянъ, что имъ бояться нечего, что великій князь не дастъ ихъ никому въ обиду. Для этого, говорили они, онъ намѣренъ увѣдомить государя о стѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ крестьянамъ, и тогда государь немедленно защитить ихъ отъ обиды, выславъ

къ великому князю свой указъ съ «фельдъ егеремъ». Они прибавляли, что великій князь могъ бы защитить крестьянъ своимъ именемъ, но пока онъ не долженъ никому открывать своего настоящаго званія, до тѣхъ поръ и не можетъ дѣйствовать самовластно. Они объявили, что великій князь намѣренъ послать одного изъ нихъ съ письмомъ къ государю и потому для этой поѣздки необходимы деньги, которыхъ у великаго князя было немного, такъ какъ, разъѣзжая по Россіи тайно, въ одеждѣ простого солдата, онъ не могъ возить съ собою значительной суммы, а бралъ, что ему нужно было, въ любомъ казначействѣ по предъявленіи «бумаги отъ министра финансовъ».

Крестьяне, на которыхъ, какъ видно изъ исторіи всѣхъ самозванствъ, въ подобныхъ случаяхъ нападаетъ какое-то потемнѣніе, повѣрили нелѣпымъ выдумкамъ мнимыхъ генераловъ, подобно тому, какъ они, напримѣръ, вѣрили Пугачову, когда тотъ, показывая имъ у себя на груди золотушные шрамы, говорилъ, что это «царскіе знаки», или какъ, во время гайдамачины, вѣрили они, будто императрица Екатерина II прислала имъ ножи, которыми они должны, окропивъ эти ножи святою водой, рѣзать поляковъ. Романовскіе крестьяне тотчасъ же собрали довольно значительную сумму («а сколько именно сотъ рублей, того ни въ какихъ документахъ, а тѣмъ паче въ роспискахъ не значится»), и вручили ее солдатамъ.

Но въ слѣдующую затѣмъ ночь, мнимый великій князь и мнимые его генералы исчезли изъ Романовки. О побѣгѣ ихъ не зналъ даже Руденковъ, у котораго въ хибаркѣ жилъ самозванецъ. Крестьяне узнали о своемъ несчастіи только на слѣдующій день и только тогда въ умѣ ихъ родилось подозрѣніе, что они обмануты *).

Вотъ почему они такъ упали духомъ, когда, вскорѣ послѣ того, прибыла къ нимъ для усмиренія волненья военная команда, и вотъ почему бунтъ, котораго не могли не опасаться мѣстныя власти, былъ потушенъ такъ легко и безъ всякаго кровопролитія.

Что пріѣзжавшіе въ Ошметовку три неизвѣстные солдата были

*) Въ хибаркѣ, въ которой жилъ самозванецъ, послѣ его побѣга нашли только оставленныя имъ святцы.

тожественны съ тѣми лицами, которыя находились потомъ въ Романовкѣ, это подтверждается показаніями крестьянъ, видѣвшихъ ихъ въ томъ и другомъ селѣ, и одинаковыми примѣтами. Всѣ они имѣли, поверхъ полушубковъ, солдатскія шинели. Тотъ, котораго называли царевичемъ, былъ высокаго роста, гораздо выше обоихъ своихъ товарищей, имѣлъ сѣрые глаза, на головѣ русые волосы съ небольшою лысиною отъ лба, и во время разговора заикался. Одинъ изъ его спутниковъ былъ рябой («лице шадроватое»), а у другого на щекѣ большая родинка («родимое пятно, величиною въ крупную горошину»). Самозванецъ имѣлъ при себѣ книгу, которую часто читалъ и которую оставилъ потомъ въ Романовкѣ. Въ Ошметовѣ крестьяне видѣли эту книгу. Впрочемъ, на слѣдствіи, никто изъ романовскихъ крестьянъ не сознавался ни въ томъ, что между ними жилъ самозванецъ, ни въ томъ, что они для него собирали деньги. Они говорили, что деньги начали было собирать для того, чтобы послать ходаковъ въ Саратовъ къ губернатору, а если губернаторъ для нихъ ничего не сдѣлаетъ, то намѣревались послать въ Петербургъ стариковъ съ просьбою, чтобы они «дошли до государя императора». Когда же Руденковъ сознался, что у него дѣйствительно проживалъ неизвѣстный солдатъ, котораго онъ принялъ къ себѣ «по христіанству, какъ самъ будучи солдатомъ», то крестьяне говорили, что они ничего не знаютъ, и называлъ-ли себя тотъ солдатъ «недозволеннымъ именемъ», они тоже о томъ не слыхали, тѣмъ болѣе, что у нихъ въ селѣ, столь многолюдномъ, всегда прохожаго и проѣзжаго народу много. Когда же имъ поставили на видъ показаніе конторщика о томъ, что, когда на него ночью напали трое изъ бунтовщиковъ, двое изъ нихъ — Омельченко и Сорока—похвалялись, что теперь «до государя ближе, чѣмъ до губернатора» и что государь теперь въ Романовкѣ, крестьяне отвѣчали, что были ли ночью «наглымъ образомъ» въ конторѣ Омельченко и Сорока—они не знаютъ, а равно похвалялись ли тѣмъ, что имъ «до государя ближе, чѣмъ до губернатора» и что самъ государь теперь въ Романовкѣ — имъ тоже неизвѣстно, самихъ же Омельченка и Сороки давно въ Романовкѣ нѣтъ и куда они отлучились, о томъ должна ближе всего знать экономическая контора.

Омельченко и Сорока были, какъ видно, коноводами возмуще-

нія, и потому скрылись изъ Романовки раньше всѣхъ, чувствовавшихъ себя виновными. По крайней мѣрѣ въ то время, когда въ село явилась военная команда для экзекуціи, ихъ уже никто не видѣлъ въ Романовкѣ. Вообще присутствіе самозванца въ Романовкѣ подтверждалъ одинъ только Руденковъ, другіе же крестьяне, бывавшіе у него и у самозванца въ хибаркѣ, говорили, даже на очныхъ ставкахъ, что бывали у Руденкова «по сосѣдству» и видывали у него неизвѣстнаго имъ солдата, въ разговорѣ съ коимъ у нихъ «никакого касательства о предметахъ неподлежащихъ не было» и объ «августѣйшей фамиліи ими не говорено ничего пустого, а говорили о государѣ императорѣ и августѣйшей фамиліи, какъ подобаетъ вѣрноподданнымъ, съ должнымъ благочиніемъ, и за его императорскаго величества здравіе каждодневно и въ церкви и дома молятся».

Руденковъ съ своей стороны показывалъ, что онъ потому раньше не донесъ о самозванцѣ и бывшихъ съ нимъ неизвѣстныхъ солдатахъ, что всѣ они ничего «неприличнаго или ко вреду его императорскаго величества клонящагося» не говорили, а между тѣмъ Руденковъ, который не могъ быть положительно увѣренъ, похожа ли личность, выдававшая себя за великаго князя, на того, за кого себя выдавала, чистосердечно сознавался въ своей «ошибкѣ» и со слезами *) говорилъ, что онъ не донесъ о самозванцѣ единственно изъ боязни, такъ какъ его не покидало сомнѣніе, что, быть можетъ, таинственная личность и въ самомъ дѣлѣ никто иной, какъ великій князь, который объявлять о себѣ настрого запретилъ **).

IV.

Только послѣ всего этого мѣстныя власти узнали, что волненіе въ Романовкѣ происходило не вслѣдствіе обыкновеннаго недоволь-

*) Во все время слѣдствія «плакалъ и громко Богу молился».

**) Впрочемъ, чистосердечно ли было сознаніе Руденкова—это еще сомнительно, такъ какъ солдатъ, служившій въ гвардіи и долго жившій въ Петербургѣ, едва ли могъ быть до такой степени простъ, какимъ онъ старался показаться.

ства крестьянъ своимъ положеніемъ, а потому, что ихъ подстрекалъ къ бунту самозванецъ и его соумышленники, хотя крестьяне не сознавались въ этомъ. Во всякомъ случаѣ, мѣстныя власти не могли не быть убѣждены, что смута произошла не безъ внушеній со стороны неизвѣстныхъ бродягъ. Надо было принимать мѣры къ розыску неизвѣстныхъ возмутителей, примѣты которыхъ были болѣе или менѣе извѣстны. Но отыскивать бродягъ вообще не легко, а такихъ, у которыхъ въ карманѣ довольно значительная сумма, еще труднѣе, потому что бродяги могли выбраться въ другую губернію или въ землю донского войска, и тогда розыскъ былъ положительно невозможенъ и во всякомъ случаѣ безполезенъ. Въ то время средства уѣздныхъ полицій были слишкомъ скудны, чтобы успѣвать слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось въ губерніи, особенно въ глухихъ и степныхъ уѣздахъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, цѣлыя разбойничьи шайки, правильно организованныя и вооруженныя, съ атаманами и есаулами, пропадали безслѣдно, несмотря на то, что для ловли ихъ учреждены были особыя «разъѣздныя» или «сыскныя команды».

Такимъ образомъ тогдашняя администрація, особенно уѣздная, могла розыскивать самозванца только съ помощью своихъ десятскихъ, сотскихъ и сельскихъ начальниковъ. Неизвѣстно даже, были ли разосланы куда слѣдуетъ сыскныя повѣстки о самозванцѣ, какъ это дѣлается въ настоящее время, при болѣе правильной и широкой организаціи сыскной полицейской части, и было ли о бродягахъ доведено до свѣдѣнія губернскаго начальства, такъ какъ губернаторскій чиновникъ, бывшій при усмиреніи Романовки, успѣлъ, кажется, тотчасъ же уѣхать изъ этого села; и изъ дѣла не видно, чтобы о самозванцѣ особо писано было въ Саратовъ. Можетъ быть, уѣздныя власти взглянули на это дѣло, какъ на простой розыскъ бродягъ и подозрительныхъ людей, и ограничились только мѣстными мѣрами.

Но когда о розыскѣ самозванца оповѣщено было по сосѣднимъ уѣздамъ и вѣсть о томъ дошла до села Ошметова, оттуда дано было знать въ станъ, что въ прошломъ году въ Ошметово дѣйствительно пріѣзжали неизвѣстные подозрительные люди, которые говорили о себѣ «разныя нелѣпыя рѣчи», но, «за принятыми ста-

ростою мѣрами, неизвѣстно куда скрылись» *). Примѣты ихъ подходили къ тѣмъ, которыя имѣли и романовскіе самозванцы.

По этому извѣстію уѣздныя полицейскія власти тотчасъ явились въ село Ошметово. Начались допросы. Къ допросамъ призваны были и сельскія власти, и крестьянинъ Савельевъ, у котораго останавливался самозванецъ, и ямщикъ, который отвезъ его съ двумя другими солдатами въ Сердобу, и нѣкоторые изъ крестьянъ Ошметова. Всѣ эти привлеченныя къ слѣдствію лица показали то, что мы уже знаемъ. Ямщикъ добавилъ только, что дорогой, когда онъ ихъ везъ, они между собой разговаривали о томъ, какъ въ Петербургѣ, при восшествіи на престолъ государя Николая Павловича, нѣкоторые полки взбунтовались, потому что не хотѣли «обижать наслѣдника цесаревича, коему на вѣрность присягнули ихъ командиры», и при этомъ, по показанію ямщика, оба спутника самозванца относились къ нему, какъ къ «настоящему цесаревичу», говоря, что они ему еще разъ будутъ присягать «передъ міромъ». Когда же ямщикъ осмѣлился спросить ихъ, куда они намѣрены ѣхать, одинъ изъ спутниковъ самозванца сказалъ:

— Навѣдаемся въ Саратовъ къ вашему губернатору, каковъ онъ человѣкъ, а оттоль поѣдемъ куда Богъ приведетъ.

Другой изъ нихъ говорилъ:

— Что-то теперь дѣлается въ Петербургѣ—ждутъ-ли насъ?

Самозванецъ же, между прочимъ, замѣтилъ дорогой:

— Донскіе казаки очень удивятся, когда я къ нимъ пріѣду Они всегда меня любили.

— Васъ всѣ любятъ, ваше высочество, сказалъ ему на это одинъ изъ спутниковъ.

Между прочимъ, самозванецъ спросилъ ямщика:

— Каковъ человѣкъ вашъ губернаторъ и довольны-ли вы начальниками?

— Мы всѣми довольны, и за губернатора, а равно и за своихъ начальниковъ, Бога благодаримъ.

— Вы должны ихъ слушаться и ничего худого не дѣлать, прибавилъ самозванецъ.

---

*) Мы выше видѣли, *какія* ошметовскимъ старостою «приняты были мѣры».

— Мы слушаемся ихъ: они наши отцы, говорилъ ямщикъ.

Послѣдняго разговора у ямщика, можетъ быть, и не было съ самозванцемъ, но онъ счелъ необходимымъ самъ присочинить его, для того, чтобы угодить становому, котораго и называлъ будто бы «отцомъ и благодѣтелемъ». А можетъ быть, самозванецъ продолжалъ и дорогой играть роль, принятую имъ на себя, а потому говорилъ съ своими спутниками о декабрьскихъ происшествіяхъ въ Петербургѣ, о любви нѣкоторыхъ полковъ къ цесаревичу и о томъ, что онъ ѣдетъ къ донскимъ казакамъ. Естественно было, поддерживая свою роль, заговорить съ ямщикомъ о губернаторѣ и о прочихъ мѣстныхъ начальникахъ, чтобы еще болѣе отуманить простого мужика.

Когда старосту, десятскаго и ямщика спрашивали, почему они въ свое время не объявили о бывшихъ у нихъ подозрительныхъ людяхъ и о «неприличныхъ разговорахъ» ихъ, тѣ оправдывали себя тѣмъ, что не вѣрили тѣмъ неприличнымъ рѣчамъ, полагая, что они «болтаютъ по пустому»; но что если они не поступили съ ними, какъ съ бродягами и не допросили ихъ, то потому, что не видѣли въ нихъ бродягъ, а безъ всякаго повода и безъ дозволенія начальства арестовать ихъ не осмѣлились, не смѣли даже настаивать на томъ, чтобъ проѣзжіе показали свои виды, потому что боялись по ошибкѣ сдѣлать что-либо противозаконное.

Между тѣмъ, когда шли допросы въ Ошметовѣ и Романовкѣ, розыски самозванца продолжались, но безуспѣшно. Наконецъ, только въ половинѣ октября напали на слѣды бродягъ, которые, какъ оказывается, не выѣзжали изъ Саратовской губерніи. Дерзость ихъ дошла до того, что они явились даже въ Петровскѣ, гдѣ ихъ присутствіе и было открыто на основаніи примѣтъ, которыя извѣстны были мѣстной полиціи. Полицейскій служитель увидѣлъ ихъ на базарѣ; но пока успѣлъ позвать людей, чтобы задержать бродягъ, двое изъ нихъ успѣли скрыться, и такимъ образомъ схваченъ былъ одинъ только солдатъ. Самозванецъ и его спутники были уже въ крестьянскомъ платьѣ. Несмотря на самые тщательные поиски по городу, захватить ихъ никоимъ образомъ не могли, потому что они, безъ сомнѣнія, тотчасъ же успѣли скрыться изъ города.

Изъ допросовъ схваченнаго солдата объяснилась вся предъиду-

щая исторія самозванца, имѣющая, впрочемъ, много темныхъ сторонъ и много не доказаннаго, какъ и исторія прочихъ самозванцевъ, дѣйствовавшихъ, какъ въ прошломъ, такъ отчасти и въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

Схваченный солдатъ былъ—безсрочно-отпускной рядовой московскаго полка Корнѣевъ. Въ декабрѣ 1825 года, во время извѣстнаго «петербургскаго бунта», когда гвардейцы не хотѣли присягать государю императору Николаю Павловичу, по той причинѣ, что раньше присягали наслѣднику цесаревичу Константину Павловичу», Корнѣевъ не «бунтовалъ», и когда многіе изъ его полка, «по приказу командировъ», стрѣляли въ «несогласныхъ съ ними», онъ, Корнѣевъ, «не стрѣлялъ и другихъ отъ того бунта удерживалъ». На вѣрность государю императору присягалъ вмѣстѣ съ прочими. Въ штрафахъ не бывалъ и вообще никакимъ наказаніямъ не подвергался. Въ 1826 году, уволенъ въ безсрочный отпускъ по билету, который имъ, Корнѣевымъ, неизвѣстно гдѣ потерянъ. Дорогой, во время похода черезъ Москву, встрѣтился онъ съ сослуживцемъ своимъ, московскаго же полка рядовымъ Карповымъ, и уговорились съ нимъ вмѣстѣ идти «на побывку» вплоть до Рязани. Передъ отходомъ изъ Москвы Карповъ «по секрету» открылъ ему, что состоитъ въ довѣріи у важной особы, и если Корнѣевъ согласенъ быть съ нимъ заодно, то онъ и ему «предоставитъ великое благополучіе», прибавивъ къ тому, что «худова въ ихъ дѣлѣ ничего не будетъ», что онъ «зоветъ его не на разбой и не на воровство, а на службу царскую». Когда Корнѣевъ согласился дѣйствовать съ нимъ заодно (можетъ быть по тому больше, что Карповъ далъ ему денегъ и обѣщалъ «большую денежную награду», Карповъ привелъ его на какое-то монастырское подворье *), гдѣ и нашелъ онъ, въ «монастырской горенкѣ» ту неизвѣстную личность, которая выдавала себя за великаго князя Константина Павловича.

— Хочешь служить брату государеву? спросилъ этотъ неизвѣстный.

---

*)... «а какъ то подворье называется и на какой улицѣ, онъ, Корнѣевъ, не знаетъ и указать не можетъ».

— Ежели по присягѣ, то я долженъ, а противъ присяги я не пойду, отвѣчалъ Корнѣевъ.

Тогда этотъ неизвѣстный сталъ говорить Корнѣеву, что онъ поступитъ хорошо, соблюдая присягу, и что такого-то именно «вѣрнаго» человѣка и нужно.

— Я старшій братъ государя, говорилъ онъ,—и измѣнниковъ не люблю. Карповъ говорилъ мнѣ, что на тебя положиться можно. Я тебя беру съ собой, и за то ты ни передъ государемъ, ни передо мной въ убыткѣ не останешься, твоя служба за нами не пропадетъ. Только держи въ великой тайнѣ, кто я.

Корнѣевъ на допросахъ утвердилъ, что онъ не сразу повѣрилъ словамъ самозванца, сомнѣваясь, «точно ли онъ истинный государевъ братъ Константинъ Павловичъ», такъ какъ великому князю, по его мнѣнію, не отъ кого было скрываться, «если онъ не намѣренъ дѣлать худова» *).

— Не сомнѣвайся, мой другъ, говорилъ ему на это самозванецъ:—послѣ ты узнаешь.

Корнѣевъ, какъ показывалъ на допросѣ (можетъ быть и ложно, стараясь по возможности смягчить свою вину), все еще продолжалъ сомнѣваться, «помня присягу». Тогда самозванецъ спросилъ его.

— Ты гвардеецъ?

— Гвардеецъ, отвѣчалъ Корнѣевъ.

— Былъ ли ты въ Петербургѣ, когда гвардія бунтовала?

Корнѣевъ отвѣчалъ, что былъ и товарищей своихъ отъ бунта отговаривалъ.

— Гвардейцы хотѣли, чтобы я былъ государемъ, продолжалъ самозванецъ:—я же отъ престола отказался для брата, поелику видѣлъ, что братъ мой способнѣе меня, и тѣмъ нажилъ много враговъ и себѣ и брату своему благополучно нынѣ царствующему государю и императору. Сіе и заставляетъ меня укрываться отъ враговъ моихъ, дабы оные не провѣдали гдѣ я **).

*) ...и онъ Корнѣевъ, показываетъ, будто онъ тому, называющему себя великимъ княземъ, говорилъ, что если онъ ничего худова дѣлать не намѣренъ, то по какой причинѣ о своемъ званіи запрещаетъ сказывать.

**) Въ подлинныхъ показанія Корнѣева записаны съ значительными

Въ такихъ ли дѣйствительно выраженіяхъ говорилъ самозванецъ съ Корнѣевымъ и такъ ли именно, какъ записаны отвѣты Корнѣева, говорилъ этотъ послѣдній, или редакція его выраженій принадлежитъ допрашивавшему его чиновнику—объ этомъ судить трудно. Можетъ быть даже, весь этотъ разговоръ выдуманъ самими подсудимыми, чтобъ выгородить себя въ глазахъ правосудія тѣмъ, будто только увѣренность въ томъ, что самозванецъ дѣйствительно великій князь, заставила его поддаться обману неизвѣстнаго ему человѣка. При томъ, подсудимый долго, какъ видно, не открывалъ ни своего званія, ни своей солидарности съ самозванцемъ, и только вслѣдствіе очныхъ ставокъ съ ошметовскими сельскими властями и съ солдатомъ Руденковымъ онъ пересталъ называть себя не помнящимъ родства.

Что онъ утаилъ большую часть своихъ похожденій—видно изъ той краткости, съ которою онъ дѣлалъ дальнѣйшія показанія. Равнымъ образомъ онъ бо́льшею частью отзывался незнаніемъ мѣстъ, въ которыхъ они съ самозванцемъ появлялись завѣдомо, какъ въ Ошметовѣ, или укрывались, какъ въ Романовкѣ, Петровкѣ и даже въ Саратовѣ. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ фраза была: «а какъ-то село» или «тотъ городъ называется, онъ, Корнѣевъ, не знаетъ», или «не помнитъ», или «отозвался незнаніемъ».

Въ Москвѣ они пробыли не долго, оставаясь на вышеупомянутомъ «монастырскомъ подворьѣ», гдѣ самозванецъ видѣлся съ какими-то «старцами», и о чемъ говорилъ съ ними, онъ, Корнѣевъ, не слыхалъ. Только когда они уѣзжали изъ Москвы, то бывшіе на подворьи старцы говорили ему и Карпову, что имъ «на Киргизахъ *) будутъ ради». Выѣхавъ изъ Москвы, они нигдѣ надолго не останавливались, а если и проживали въ какомъ-либо селѣ, то не болѣе дня или двухъ дней. Ни воровства, ни раз-

помарками. Иногда записывавшій его показанія чиновникъ, какъ видно, писалъ о Корнѣевѣ въ третьемъ лицѣ, иногда видимо сбивался съ этого порядка и писалъ въ первомъ лицѣ. Нѣкоторыя показанія перечеркнуты, какъ это бываетъ во всѣхъ черновыхъ допросахъ. Мы выбрали изъ нихъ только оставленныя неперечеркнутыми.

*) ... Вѣроятно «на Иргизахъ», гдѣ находились въ то время знаменитые раскольничьи скиты, уничтоженные въ сороковыхъ годахъ.

боя нигдѣ не дѣлали, потому что самозванецъ, какъ видно, имѣлъ свои деньги, а откуда онъ ихъ получилъ, этого Корнѣевъ не могъ объяснить. Въ Рязани были только проѣздомъ и останавливались тамъ для закупки провизіи. Въ одномъ городѣ, ниже Рязани, гдѣ они останавливались на ночь и гдѣ хозяинъ постоялаго двора спросилъ у нихъ виды, они показывали ему свои виды, а въ томъ числѣ показывалъ свой видъ и самозванецъ, который, какъ видно, разъѣзжалъ подъ паспортомъ какого-то унтеръ-офицера, а подъ какой фамиліей—Корнѣевъ не знаетъ, потому что самаго паспорта не видалъ и самозванца объ этомъ не спрашивалъ. Въ одномъ селѣ, въ Тамбовской губерніи, гдѣ самозванецъ говорилъ о себѣ крестьянамъ, что онъ великій князь и что «скоро пришлетъ имъ съ курьеромъ волю», его было хотѣли задержать, но онъ успѣлъ съ своими спутниками скрыться, откуда они и дошли пѣшкомъ до города Кирсанова. Въ Кирсановѣ останавливались въ гостинницѣ недалеко отъ базару, но никакихъ «нелѣпыхъ толковъ не разглашали», а только ходили на базаръ, гдѣ самозванецъ купилъ себѣ мѣдный образокъ, «складной». Въ Тамбовской-же губерніи, въ какомъ-то большомъ селѣ они заходили въ церковь, «весьма старую», когда тамъ шла обѣдня: но обѣдни не достояли. Когда вышли изъ церкви, самозванецъ спросилъ своихъ спутниковъ:

— Слыхали, какъ августѣйшую фамилію за обѣдней поминали?

— Слыхали, отвѣчали солдаты, и молились притомъ о здравіи государя императора и всего царствующаго дома.

— А за меня молились? спросилъ онъ.

Солдаты отвѣчали, что молились и за великаго князя. При этомъ самозванецъ добавилъ:

— А въ церкви ни кто же не зналъ, что я самъ тутъ былъ.

Корнѣевъ показывалъ, что самозванецъ былъ человѣкъ «набожный» и даже иногда заставлялъ его съ товарищемъ молиться*). Относительно своего пребыванія въ Саратовской губерніи, особенно же въ селѣ Ошметовѣ и Романовкѣ, онъ показалъ то, что намъ уже извѣстно, хоть и увѣрялъ, что романовскихъ крестьянъ

*) Впрочемъ, подсудимый говорилъ, что самъ у исповѣди и св. причастія бывалъ каждый годъ.

никто изъ нихъ къ бунту не подстрекалъ, но что имъ крестьяне сами жаловались на то, что ихъ начальники «скоро по міру пустятъ». Впрочемъ, добавилъ онъ, бунтовалъ ли Романовку самозванецъ и какъ разглашалъ толки о своей особѣ, онъ достовѣрно не знаетъ, потому что онъ нерѣдко самъ говорилъ съ крестьянами, безъ нихъ. А что въ Романовкѣ, будто бы по ихъ наущенію, крестьяне дѣлали сборъ, чтобъ отправить кого-либо курьеромъ въ Петербургъ, то отъ этого Корнѣевъ отпирался, говоря, что денегъ отъ крестьянъ они никакихъ не получали, и когда романовцы начали бунтовать, то, опасаясь въ томъ отвѣта, ушли изъ Романовки тайно «по приказанію называющаго себя великимъ княземъ.»

Что заставляло самозванца оставаться въ Саратовской губерніи въ продолженіи десяти мѣсяцевъ и затѣмъ онъ появился въ Петровскѣ, гдѣ его примѣты были извѣстны полиціи, изъ отвѣтовъ Корнѣева не видно.

Какъ бы то ни было, самозванца все-таки не могли поймать, и Корнѣевъ не могъ даже предположительно указать, куда онъ долженъ уйти изъ Петровска.

Но пока шли допросы и тянулась канцелярская переписка, Корнѣевъ опасно занемогъ. Уже совсѣмъ слабый онъ попросилъ позволенія исповѣдываться и, увѣщеваемый священникомъ, подтвердилъ только то, что показывалъ на допросахъ, но ни въ чемъ больше не сознался.

Въ концѣ ноября Корнѣевъ умеръ, и съ его смертью окончательно потеряна была надежда на открытіе слѣдовъ и званія самозванца.

V.

Кто былъ настоящій самозванецъ, какія цѣли онъ имѣлъ, принимая на себя такую опасную роль, самъ ли онъ былъ творцомъ этой роли или его подготовили другія руки—все это остается необъяснимымъ. Но какъ изъ исторіи всѣхъ извѣстныхъ намъ самозванцевъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, такъ и изъ дѣйствій это-

го послѣдняго видно, что всѣ они выдвигались на сцену извѣстными обстоятельствами данной исторической минуты и какъ бы старались выразить въ себѣ то, чего хотѣлъ бы для себя народъ въ данный историческій моментъ. Всѣ самозванцы болѣе или менѣе поддѣлываются подъ народныя желанія, и, затрогивая слабыя струны въ этомъ народѣ, пользуются его довѣрчивостью для извѣстныхъ цѣлей. Такъ дѣйствовалъ Пугачовъ и всѣ его предшественники и послѣдователи — Богомоловъ, Кремневъ, Ханинъ, они пользовались настроеніемъ народа, враждебнымъ тогдашнимъ владѣльческимъ классамъ, и, благодаря этому настроенію, поднимали народъ. Но чтобы поставить себя въ возможность дѣйствовать на народъ, они должны были брать на себя имя, имѣющее право располагать судьбами народа и такимъ именемъ, конечно, было имя царское. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ извѣстные намъ самозванцы принимали на себя имя великаго князя Константина Павловича, и являлись тогда именно, когда можно было взволновать народъ какими-либо обѣщаніями.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ, часто положительно нелѣпымъ, потому что онъ желалъ исполненія извѣстныхъ своихъ чаяній и вѣрилъ мало-мальски подходящимъ къ его чаяніямъ обѣщаніямъ, принимая ихъ на вѣру, безъ критики. Гдѣ народомъ руководило сильное желаніе, переходившее въ страсть, тамъ критика его была обыкновенно очень слаба. Неудивительно, что народъ вѣрилъ страннымъ обѣщаніямъ самозванцевъ въ прошломъ вѣкѣ и въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка: еще такъ недавно онъ вѣрилъ бо́льшимъ даже несообразностямъ, чѣмъ тѣ, которыя разглашали самозванцы Пугачовъ, Богомоловъ, Ханинъ и ихъ сторонники, тогда какъ горькій историческій опытъ могъ бы, кажется, уже научить этотъ довѣрчивый народъ принимать къ сердцу всякія льстивыя обѣщанія осмотрительнѣе. Еще въ 1859 году, когда въ Россіи распространились толки о томъ, что въ разныхъ мѣстахъ устроились общества трезвости, народъ серьезно вѣрилъ, что «велѣно разбивать кабаки», и дѣйствительно началъ разбивать ихъ въ нѣкоторыхъ селахъ, тогда какъ въ другихъ селахъ онъ, съ духовенствомъ во главѣ, и не только въ селахъ, но и въ городахъ, какъ

напримѣръ въ Балашовѣ, выходилъ на площади, поднималъ изъ церкви иконы и хоругви, и благословляемый духовенствомъ, зарекался пить водку. Этимъ настроеніемъ народа воспользовались такія личности, какія въ другое время были бы самозванцами, и дѣйствительно явились самозванцы, которые, какъ власть имѣющіе, говорили народу, что надо разбивать кабаки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ самозванцы начали принимать на себя или имя великаго князя Константина Николаевича, или неизвѣстныхъ флигель-адъютантовъ. Такъ, по одной изъ юговосточныхъ губерній разъѣзжалъ мнимый великій князь въ какомъ-то странномъ костюмѣ, съ нитяными эполетами и съ орломъ на груди (кажется сдѣланнымъ изъ посеребреннаго клейма на сахарныхъ головахъ завода Берта). Въ другомъ мѣстѣ разъѣзжалъ мнимый флигель-адъютантъ и по своему толковалъ народу предстоящее освобожденіе отъ крѣпостного права. Конечно, всѣ эти возмутители не могли причинить много зла, какъ они могли это сдѣлать прежде, однако народъ волновался и волненіе это могло повести къ серьезнымъ результатамъ, если бы у самозванцевъ не отнималась возможность дѣйствовать.

Самозванство такимъ образомъ перешло черезъ всю исторію русскаго народа. Кромѣ того неизвѣстнаго бродяги, который выдавалъ себя за великаго князя Константина Николаевича и потомъ бѣжалъ изъ-подъ ареста въ Аткарскѣ *), еще въ прошломъ году, въ одной изъ юговосточныхъ губерній явилась личность, которая говорила о себѣ, что «когда онъ проходилъ должности губернаторовъ и министровъ», то онъ дѣйствовалъ такъ-то и что такого-то *„губернатора онъ раздавитъ какъ муху“*. Хотя этому господину мало вѣрили, однако онъ разсчитывалъ на довѣріе народа, исторически доказавшаго свою довѣрчивость, и продолжалъ ораторствовать, пока его не арестовали. Оказалось, что этотъ господинъ, «проходившій должности губернаторовъ и министровъ» и имѣвшій власть «давить губернаторовъ какъ мухъ», подговари-

*) Въ бумагѣ, по которой этотъ самозванецъ розыскивался, онъ былъ, сколько намъ помнится, одѣтъ въ нагольный тулупъ и притомъ вывороченный шерстью наружу. Въ такомъ видѣ онъ былъ взятъ.

вался, нѣтъ ли гдѣ малярной работы при церквахъ и оказался чуть-ли не маляромъ.

Какъ ни пусты, повидимому, эти случаи, но они имѣютъ историческое значеніе. Самозванство не разъ колебало Россію. Исторія доказываетъ, что самозванцы не одинъ разъ играли важную роль въ судьбѣ народовъ: были Лже-Смердисы, Ивоніи (въ Молдавіи), Лже-Дмитріи—и владѣли цѣлыми государствами. Явленіе самозванцевъ доказываетъ, что историческія причины для появленія ихъ еще не миновали и что историческая почва, на которой вырастаютъ личности самозванцевъ, имѣетъ еще въ себѣ такіе элементы, которые въ состояніи производить эти явленія.

Для того, чтобы принять на себя извѣстное имя, самозванцы обыкновенно пользовались какой-либо народной молвой, ходившей объ этомъ имени. Такой молвой воспользовались и самозванцы, выдававшіе себя за великаго князя Константина Павловича. Уже спустя много лѣтъ послѣ смерти великаго князя, въ народѣ ходила молва, ч о онъ живъ. Вслѣдствіе чего составилось это странное убѣжденіе, повидимому ни на чемъ логическомъ неоснованное, трудно объяснить,—однако, убѣжденіе это было такъ упорно, что въ народныхъ разсказахъ личность этого великаго князя стала какъ-бы легендарною, миѳическою. Конечно, народъ имѣлъ свои основанія вѣрить такъ, какъ онъ вѣрилъ, хотя основанія эти шли положительно въ разрѣзъ съ исторической правдой. Такъ были у народа свои основанія для вѣры въ то, что царевичъ Димитрій живъ, когда его тѣло давно стояло въ храмѣ, гдѣ похороненъ былъ убитый царевичъ, и долго эта вѣра не могла поколебаться. Были также свои основанія у народа для вѣры въ то, что живъ императоръ Петръ Третій, тогда какъ прошло уже много лѣтъ послѣ его кончины,—и опять эту вѣру не могли поколебать никакіе ни логическіе, ни фактическіе доводы. Такая-же вѣра долго жила въ народѣ и относительно того, что живъ великій князь Константинъ Павловичъ, въ то время, когда онъ уже скончался, и что, рано ли, поздно-ли великій князь «придетъ».

Въ большинствѣ случаевъ самозванцы принимали имя извѣстнаго царственнаго лица уже послѣ его кончины. Даже черногорскій самозванецъ Степанъ Малый, правившій нѣсколько лѣтъ Чер-

ногоріею подъ именемъ императора Петра Третьяго, принялъ это имя послѣ смерти Петра Ѳеодоровича. Но чѣмъ руководствовался самозванецъ, съ которымъ мы теперь познакомились, когда принималъ на себя имя великаго князя Константина Павловича, на что онъ разсчитывалъ или на что разсчитывали тѣ, которые его выдвинули, зная, что самозванецъ будетъ немедленно изобличенъ самимъ великимъ княземъ, который былъ живъ и о которомъ очень хорошо знала вся Россія—это остается необъяснимымъ.

Во всѣхъ случаяхъ, когда какое-либо царственное имя дѣлалось такъ-сказать предметомъ похищенія, причины появленія самозванцевъ этого имени всегда заключались въ томъ, что у народа рождалось почему-либо сомнѣніе въ дѣйствительности тѣхъ фактовъ, которые ему, такъ-сказать, объявлялись оффиціально. Загадочная смерть царевича Димитрія, о которой ничего положительнаго не знали самыя даже высшія лица въ государствѣ, какъ Годуновъ, естественно должна была родить въ нуждѣ сомнѣніе: дѣйствительно-ли онъ умеръ и не подмѣненъ-ли кѣмъ-либо другимъ для цѣлей, смутно сознаваемымъ народомъ? И вотъ, явилась вѣра въ то, что царевичъ живъ; а эта вѣра и вызвала самозванцевъ. Скоропостижная смерть императора Петра III, послѣдовавшая, какъ объявлялъ высочайшій манифестъ, «отъ геммороидальныхъ коликъ», и другія обстоятельства, смутные слухи о которыхъ доходили до народа не рѣдко въ извращенномъ видѣ, также породили въ народѣ сомнѣніе въ дѣйствительности этой смерти. Этого было достаточно, чтобы явились похитители имени покойнаго императора. Добровольное отреченіе великаго князя Константина Павловича отъ престола въ пользу своего младшаго брата и послѣдовавшія, отчасти вслѣдствіе этого отреченія, отчасти-же вслѣдствіе заговора декабристовъ, декабрьскія событія въ Петербургѣ—также вызвали въ народѣ сомнѣніе относительно дѣйствительности совершившихся фактовъ, о которыхъ ему объявляли оффиціально Сомнѣніе это вызвало, въ свою очередь, толки, которые были тѣмъ нелѣпѣе, чѣмъ менѣе предавались гласности какъ эти самые толки, такъ и опровергающія ихъ извѣстія, и вслѣдствіе этого имя великаго князя Константина Павловича стало предметомъ похищенія еще при жизни великаго князя, а послѣ смерти стало чѣмъ-то мвои-

*

ческимъ, не переставая быть въ то-же время и предметомъ похищенія. Между самозванцемъ, назвавшимъ себя именемъ великаго князя въ 1826-мъ году, и между другимъ самозванцемъ (оренбургскимъ), явившимся въ 1845-мъ году, уже послѣ смерти великаго князя, лежитъ почти двадцать лѣтъ, и въ продолженіи этихъ двадцати лѣтъ народъ не отказался отъ своихъ нелѣпыхъ вѣрованій, родившихся въ немъ вслѣдствіе декабрьскихъ происшествій и продолжавшихъ жить даже тогда, когда великаго князя давно уже не было на свѣтѣ.

Вообще народное вѣрованіе о томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ «придетъ», продолжало упорно жить въ народѣ болѣе тридцати лѣтъ и едва-ли и теперь не представляется онъ чѣмъ-то почти безсмертнымъ. Это упорное народное вѣрованіе почему-то связывало съ именемъ великаго князя то величайшее событіе въ исторіи русскаго народа, которое послѣдовало 19-го февраля 1861 года. Народная молва постоянно гласила, что великій князь, какъ-то почти невидимо ни для кого, ходитъ по землѣ, но что время его еще не настало, и оттого онъ является людямъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, но что когда настанетъ это время, онъ явится какъ освободитель народа отъ всего, что только есть тяжелаго въ его жизни. Народъ разсказываетъ, что нѣкоторые видѣли эту странствующую по землѣ таинственную личность, и что она говорила съ ними и обнадеживала ихъ. Такихъ разсказовъ весьма много ходило въ народѣ вплоть до самаго освобожденія крестьянъ,—и особенно разсказы эти, сколько намъ извѣстно, распространены были на юговостокѣ Россіи.

Укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, чтобы видѣть, какія тайныя народныя чаянія ласкало вѣрованіе въ появленіе великаго князя и почему появленіе самозванцевъ его имени имѣло успѣхъ въ народѣ до великаго акта освобожденія крестьянъ.

Въ одинъ лѣтній жаркій день работали въ полѣ крестьяне на барскихъ нивахъ. Тяжела была работа подъ знойнымъ солнцемъ, и крестьяне жаловались, что мало даютъ имъ отдыха, все гоняютъ па барскія нивы, тогда какъ на ихъ крестьянскихъ нивахъ зрѣлая рожь, не убранная, отъ солнца высыпается. Въ это время ѣдетъ по дорогѣ тяжелый берлинъ и останавливается около ра-

ботающихъ. Оттуда выходитъ человѣкъ, одѣтый «по-простому», но «съ золотымъ перомъ за ухомъ», и говоритъ крестьянамъ:

— Здравствуйте, добрые люди. Помоги вамъ Богъ работать.

— Спасибо тебѣ, добрый баринъ.

— Вы на кого работаете? спрашиваетъ незнакомецъ съ золотымъ перомъ за ухомъ.

— На господъ, отвѣчали крестьяне.

— А тяжело работать на другихъ? спрашиваетъ онъ.

— Тяжело, отвѣчаютъ они: такъ тяжело, какъ на себя могилу копать.

— А свой хлѣбъ еще не убирали? спрашиваетъ.

— Не убирали, отвѣчаютъ:—рожь давно на нивахъ высыпается.

— Не долго-же вамъ работать на другихъ, говоритъ онъ:—я давно прошу за васъ государя, и уже *на-половину* упросилъ, — скоро выйдетъ вамъ воля.

Сказалъ это, сѣлъ въ берлинъ и уѣхалъ. Это и былъ самъ великій князь Константинъ Павловичъ, «такой худой, да не бритый».

Другой слышанный нами разсказъ имѣетъ слѣдующее содержаніе.

Однажды шли богомольцы въ Воронежъ, и въ степи, у дороги, сѣли отдохнуть. По той-же дорогѣ, на встрѣчу имъ, шли два странника, и, поздоровавшись съ богомольцами, сѣли около ихъ группы. Разговоръ коснулся крестьянскихъ нуждъ, тяжестей крѣпостного права, рекрутчины и воли.

— Я видѣлъ волю, сказалъ одинъ изъ странниковъ: она по свѣту ходитъ.

— А какая она? спросилъ богомолецъ,

— Со мною лицомъ схожа, отвѣчалъ странникъ.

— А кто видитъ эту волю? спрашивали богомольцы.

— Теперь вы видите, а скоро и всѣ ее увидятъ, снова отвѣчалъ странникъ.

Когда богомольцы силились уразумѣть таинственный смыслъ словъ странника, онъ сказалъ имъ:

— Я та самая воля, что вы ждете. Я [illegible]

Много лѣтъ хожу я по землѣ и смотр[illegible]

добрые люди. Пока не исхожу всей земли и не увижу, какъ люди живутъ и какъ маются — не видать вамъ воли. Много я исходилъ— теперь уже меньше осталось.

Странники, послѣ этихъ словъ, встали и пошли своей дорогой.

Въ обоихъ этихъ разсказахъ видны эпическіе пріемы народнаго творчества, которое окружило почему-то особенно любимое народомъ царственное имя всѣми атрибутами фабулезности. Въ другихъ разсказахъ великій князь является во главѣ многочисленнаго войска и сражается съ врагами русскаго народа *).

Для болѣе яснаго пониманія исторіи русскаго народа необходимо обстоятельное изслѣдованіе этихъ явленій. Увлеченіе, въ извѣстныя эпохи, извѣстными историческими именами было не безъ важныхъ причинъ, собственно съ точки зрѣнія народа. Отрѣшенный обстоятельствами отъ знакомства съ дѣйствительными историческими фактами изъ нашего историческаго прошедшаго, такъ-же мало знакомый съ важнѣйшими событіями современности, народъ создавалъ свою политическую исторію Россіи на основаніи тѣхъ смутныхъ, часто извращенныхъ слуховъ, которые доходили до него кривыми путями, и такимъ образомъ умъ его обращался въ сферѣ чисто легендарной, но тѣмъ не менѣе на легендахъ этихъ онъ основывалъ свои ожиданія и сообразно своимъ ожиданіямъ дѣйствовалъ, когда выходилъ изъ своей обычной жизни.

Вотъ почему для уразумѣнія *исторіи русскаго народа* историкъ, кромѣ оффиціальныхъ, писаныхъ источниковъ, долженъ пользоваться *источниками*, такъ сказать, *чисто-народными*, а безъ знанія этихъ источниковъ невозможно будетъ объяснить то или другое историческое явленіе въ жизни русскаго народа. Такими чисто-народными историческими источниками могутъ быть названы не только матеріалы, свидѣтельствующіе о томъ, какъ народъ

*) До чего распространено было въ народѣ убѣжденіе, что великій князь тайно ходитъ по Россіи, видно и изъ такихъ случаевъ, какой былъ съ однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ собирателей памятниковъ устнаго народнаго творчества. Въ одномъ селѣ, въ Малороссіи, когда онъ разспрашивалъ народъ о разныхъ историческихъ воспоминаніяхъ, къ нему подходитъ одинъ старичекъ и таинственно спрашиваетъ: «А скажите, будьте ласковы, чи вы не царевичъ?»

активно проявлялся въ исторіи, какъ дѣйствовали на историческомъ поприщѣ личности, выходившія изъ среды народа, но и устное свидѣтельство народа какъ о своемъ прошломъ и важнѣйшихъ событіяхъ этого прошлаго, такъ и воззрѣніе народа на свою собственную историческую жизнь. Историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ о прошлой судьбѣ народовъ древняго классическаго міра Геродотомъ и Ѳукидидомъ, слишкомъ недостаточно было-бы для уразумѣнія этой исторіи. Если картина классической жизни выступаетъ передъ нами рельефно, если мы вполнѣ уразумѣли и прагматическую, и героическую, и миѳическую сторону жизни древнихъ народовъ, то лишь благодаря тому, что знакомились съ нею не по однимъ оффиціальнымъ, такъ сказать, источникамъ, не по Геродоту и Ѳукидиду только, но воспользовались всею суммою свѣдѣній о *народной* жизни древняго міра, о *народномъ* міровоззрѣніи и *народными* разсказами объ историческихъ событіяхъ древняго классическаго міра и о лицахъ, по послѣднему воззрѣнію, руководившихъ этими событіями. Передъ нами рельефно выступаетъ персидскій царь, врагъ грековъ, не на основаніи только тѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, которыя могли сообщить источники древняго міра о персидскихъ войнахъ, а болѣе на основаніи народныхъ историческихъ сказаній, изъ коихъ мы видимъ, какъ персидскій царь, въ безумствѣ царской самоувѣренности, сѣчетъ кнутомъ непослушное море и прорываетъ каменныя горы для прохода своихъ кораблей. Отъ этого исторія классическаго міра, столь очаровавшая умы всего человѣчества и продолжающая чаровать, больше народная, чѣмъ исторія новѣйшая, почерпающая свои свѣдѣнія преимущественно изъ оффиціальныхъ источниковъ, хотя изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было сожалѣть о томъ, что новѣйшая исторія имѣетъ болѣе шансовъ говорить оффиціальныя истины, чѣмъ могла ихъ говорить исторія древняя. Притомъ не всѣ оффиціальныя истины свободны отъ исторической лжи; часто бываетъ, что въ оффиціальной рѣчи какого-нибудь двигателя европейскихъ политическихъ дѣлъ болѣе лжи [illegible] ической правды, чѣмъ въ народномъ разсказѣ [illegible] человѣка «съ золотымъ перомъ за ухо [illegible] ль оффиціально говоритъ, что дастъ [illegible] оно-

пролитую войну. Народный-же разсказъ говоритъ, что неизвѣст странникъ ходитъ по свѣту, чтобы посмотрѣть, какъ тяжко ж людямъ, и потомъ обѣщаетъ, что воля придетъ—и воля дѣйст тельно приходитъ.

Во всякомъ случаѣ, для достиженія полноты и правдиво своихъ историческихъ изысканій, историкъ долженъ одинак пользоваться и оффиціальной ложью, и народными заблужденія въ основаніи которыхъ всегда лежитъ хоть малѣйшая част исторической правды.

VI.

Историческое явленіе, которому мы посвятили настоящій очер выражаетъ, такимъ образомъ, собою извѣстную сторону народн стремленій данной эпохи. Вся исторія русскаго народа пока ваетъ, что когда въ народѣ начинаютъ бродить еще неопредѣл ные слухи о возможности появленія такихъ личностей, какія являлись въ началѣ XVII-го вѣка, во второй половинѣ XVIII и со второй четверти нынѣшняго столѣтія, если, наконецъ, родные слухи оправдываются и ожидаемыя личности являются, это вѣрный признакъ, что народъ ищетъ выхода изъ гнетущ его обстоятельствъ и возлагаетъ всѣ свои надежды на лицо, зданное и вызванное къ исторической дѣятельности имъ сами его собственными, долго сдерживаемыми стремленіями и его с ственнымъ творчествомъ. Такъ, еще до появленія Лже-Димит народъ уже создалъ его въ своемъ воображеніи, потому что обст тельства того времени и вся обстановка жизни были такъ тяж что народу нужно было успокоеніе и онъ сначала искалъ его созданіи своей фантазіи, а когда созданный имъ призракъ по лялся въ-очію, онъ шелъ за его знаменемъ почти не разсуж Равнымъ образомъ еще до появленія Пугачова народъ уже здавалъ его, и Пугачовъ являлся въ разныхъ видахъ, въ лицѣ гомолова и Кремнева, пока, наконецъ, народныя стремленія выразились въ одномъ лицѣ, за которымъ и пошли народ

массы, потому что обстоятельства того времени были столь невыносимы для народа, что онъ не могъ болѣе оставаться въ томъ страдательномъ положенiи, въ какое его поставилъ тяжелый для него ходъ государственной жизни.

Точно также народъ создалъ и Лже-Константиновъ по той-же исторической необходимости.

Уже въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя крѣпостное право изживало свои послѣднiе моменты, хотя, вслѣдствiе искусственныхъ причинъ, еще повидимому прочно держалось на юридической почвѣ. Но народъ смотрѣлъ на дѣло не съ юридической, а съ нравственной точки зрѣнiя, и исторической фактъ, юридически лежавшiй въ основѣ государственнаго строя, казался ему вопiющей несправедливостью. Народъ искалъ выхода изъ своего положенiя, и не находя этого выхода реальнымъ путемъ, впалъ какъ-бы въ историческiй мистицизмъ, создавая въ своемъ воображенiи такiя личности, которыя должны были вывести его изъ тяжкаго положенiя.

Но и для созданiя извѣстной личности необходимъ матерiалъ, необходимы какiя-нибудь историческiя основанiя, и эти основанiя народъ находитъ въ тѣхъ, доходящихъ до него, часто въ искаженномъ видѣ, современныхъ государственныхъ событiяхъ, которыя онъ, на основанiи разнаго рода случаевъ, истолковывалъ въ свою пользу. Такъ народъ на основанiи доступныхъ ему данныхъ выработалъ себѣ не убѣжденiе, а вѣрованiе, что великiй князь Константинъ Павловичъ доженъ былъ непремѣнно дѣйствовать исключительно въ интересахъ народа, какъ, по его мнѣнiю, въ XVIII вѣкѣ долженъ былъ дѣйствовать императоръ Петръ III. Въ силу этого убѣжденiя создана была личность, которая должна была явиться—и личность дѣйствительно *явилась*. Вслѣдствiе этого, когда появлялась подобная личность, народъ употряблялъ даже для этого извѣстное подходящее выраженiе, что вотъ-де «проявился» такой-то, и личности эти онъ называлъ «явленными», какъ онъ привыкъ выражаться о явленiи чудотворныхъ иконъ или мощей угодниковъ.

Такимъ образомъ, по народному выраж[illegible] Константины должны были непременно являться—[illegible]но являлись.

Лже-Константинъ, которому мы посвятили настоящую замѣтку, былъ однимъ изъ первыхъ этого имени самозванцевъ; явленіе его было не случайное, а какъ продуктъ исторической необходимости. Народныя чаянія объ облегченіи участи массъ, о скоромъ уничтоженіи крѣпостного права должны были выразиться въ извѣстномъ стремленіи, и стремленіе это должно было имѣть точку опоры: все это и разрѣшалось, такимъ образомъ, явленіемъ самозванцевъ.

Изъ разсматриваемаго нами дѣла о первомъ извѣстномъ намъ Лже-Константинѣ видно, что онъ, подобно прочимъ, разглашалъ въ народѣ облегченіе его участи; но какимъ образомъ—ни самозванецъ этого не высказывалъ ясно и опредѣленно, ни народъ не могъ себѣ выяснить, въ какой формѣ послѣдуетъ это облегченіе. Самозванецъ, называя себя братомъ царствовавшаго тогда государя, не выражалъ (на что необходимо обратить особенное вниманіе) враждебныхъ повидимому отношеній къ высочайшей власти, а только заявлялъ вражду противъ лицъ начальствующихъ. Какъ видно, въ самомъ началѣ его похожденій мы встрѣчаемся съ нимъ въ Москвѣ, на какомъ-то монастырскомъ «подворьи», гдѣ онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, скрывался и гдѣ въ его судьбѣ, какъ оказывается, принимали участіе какіе-то «старцы». Есть основанія думать, что «старцы» играли тутъ не послѣднюю, хоть очень тайную роль. Неизвѣстные «старцы», надо полагать, поддерживали, а можетъ быть и вывели на свѣтъ Божій эту личность. «Старцы» давали ему средства дѣйствовать, и эти-же «старцы» почему-то направляли самозванца на Иргизы, какъ мы видимъ это изъ показаній Корнѣева. Иргизы въ прошломъ вѣкѣ играли не послѣднюю роль въ судьбѣ другого самозванца, болѣе крупнаго, чѣмъ описываемый нами: именно, на Иргизахъ созрѣли первые начатки интриги, которая разразилась пугачовщиной. Иргизскіе монастыри съ ихъ раскольниками-отшельниками принимали тайное участіе во всемъ, что какимъ-либо образомъ становилось въ антагонизмъ съ правительствомъ и подлежащими властями. Монастыри эти давали пріютъ бѣглымъ, а нерѣдко и разбойникамъ. Все Поволжье нравственно тянуло къ Иргизамъ, и Иргизы въ состояніи были привести въ движеніе народныя массы. И преступникъ, и самозванецъ, и другой народный агитаторъ могли свободно укрыться или въ кель-

яхъ самихъ монастырей, или въ ихъ уединенныхъ скитахъ, или въ густыхъ лѣсахъ, принадлежавшихъ Иргизамъ и росшихъ по берегамъ рѣкъ этого имени. Равнымъ образомъ и слѣды другихъ преступленій легко могли быть скрываемы въ Иргизахъ. Когда въ сороковыхъ годахъ уничтожались эти монастыри (надо прибавить—не безъ жестокости и варварства, потому что непослушныхъ обливали изъ пожарныхъ трубъ водой на трескучемъ морозѣ), изъ озеръ, лежащихъ около этихъ скитовъ, неводомъ вытаскивали человѣческіе трупы, брошенные когда-то въ воду, и человѣческія кости.

Въ эти-то монастыри, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ и для какихъ цѣлей, какъ видно изъ разсматриваемыхъ нами матеріаловъ, направлялся и Лже-Константинъ 26-го года, руководимый «старцами». Изъ этого обстоятельства само собою вытекаетъ предположеніе, что расколъ не чуждъ былъ появленію самозванца съ именемъ великаго князя Константина Павловича, какъ онъ не чуждъ былъ появленію Пугачова, которому раскольники дали мысль назваться именемъ умершаго императора и котораго раскольники-же поддерживали и совѣтами и денежными средствами какъ въ началѣ его похожденій, такъ и во все время пугачовщины. Но какую ближайшую мысль имѣли раскольники, пуская въ народъ Лже-Константина, какъ они пустили Лже-Петра, на это нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ указаній въ нашихъ матеріалахъ. Давая народу Лже-Петра, раскольники положительно высказались, что желаютъ этимъ облегчить свое положеніе въ Россіи, такъ какъ, по ихъ словамъ, на людей старой вѣры воздвигнуто было «великое гоненіе». Но когда появился самозванецъ, народъ присталъ къ нему, имѣя свои ближайшія цѣли, хоть въ основаніи сходныя съ цѣлями раскольниковъ: онъ такъ-же искалъ въ самозванцѣ облегченія своей участи. Безъ сомнѣнія ту-же цѣль преслѣдовали раскольники, выдвигая на сцену и Лже-Константина: они продолжали быть недовольными своимъ положеніемъ, потому что оно, дѣйствительно, было положеніемъ волка на травлѣ.

Для насъ незнакомы только причины, почему самозванецъ не прямо отправился на Иргизы, а такъ долго коптѣлъ по Саратовской губерніи. Это мы можемъ объяснить только тѣмъ, что на пути

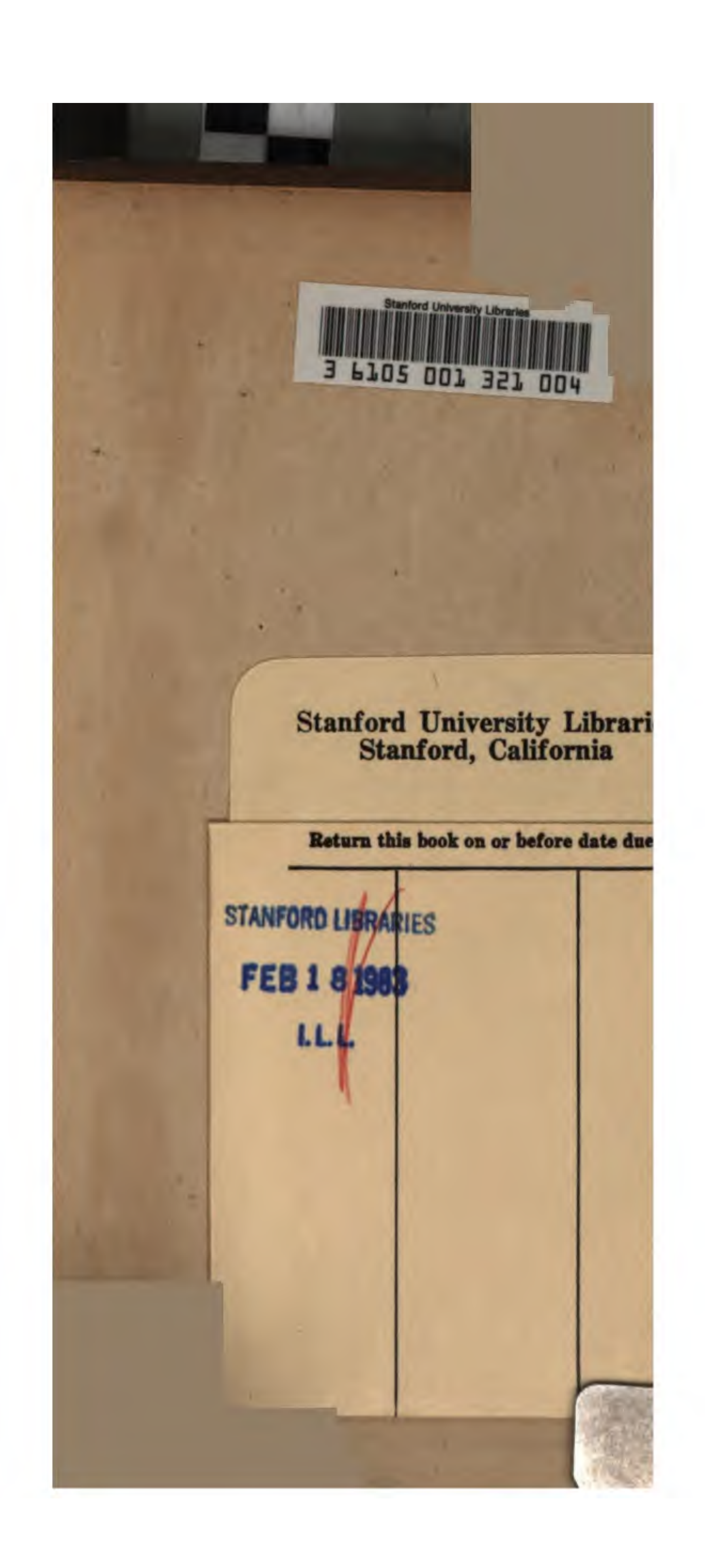
онъ воспользовался остановками для того, чтобы пропагандировать въ народѣ свое появленіе и подготовлять его умы къ открытому принятію самозванца. Однако, явился-ли онъ открыто, или въ какой-либо другой мѣстности былъ схваченъ, объ этомъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Знаемъ только, что въ 1848 году въ Оренбургской губерніи явился Лже-Константинъ, замѣтки о которомъ помѣщены г. Середою въ «Вѣстникѣ Европы» за прошлый годъ. Но какъ саратовскому, такъ и оренбургскому Лже-Константину не удалось развернуться въ своихъ дѣйствіяхъ. Видно, что пора самозванцевъ уже прошла въ исторіи русскаго народа, а съ уничтоженіемъ крѣпостного права едва-ли даже и мыслимы какія-либо серьезныя волненія въ народѣ, который мало-по-малу выходитъ изъ своего полудикаго состоянія и для котораго теперь возможность развитія, при сравнительно лучшихъ экономическихъ условіяхъ, становится хотя сколько-нибудь мыслимою.

1870.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

[redacted]

Stanford University Libraries
3 6105 001 321 004
Stanford University Librari
Stanford, California
Return this book on or before date due
STANFORD LIBRARIES
FEB 1 8 1983
I.L.L.